

5₂₁ 909

А 009

ЗАПИСКИ
РУССКАГО
НАУЧНАГО ИНСТИТУТА
ВЪ БЪЛГРАДѢ.

ВЫПУСКЪ 9.

Бѣлградъ.
1933.

10 - 105985036

ЗАПИСКИ
РУССКАГО
НАУЧНАГО ИНСТИТУТА
ВЪ БЪЛГРАДЪ.

ВЫПУСКЪ 9.

БЪЛГРАДЪ.
1933.

УНИВЕРЗИТЕТСКА БИБЛИОТЕКА
„СВЕТОЗАР МАРКОВИЋ“ - БЕОГРАД
БМ И. Бр. 918.4

УНИВЕРЗИТЕТ
БЕОГРАД
НАУЧНО-ИСТРАЖИВАЧКИ
ОДДЕЉАК

Типографија „Светлост“.
Београд. Бранкова бр. 20

СО Д Е Р Ж А Н І Е .

	Стр.
1. Е. МАКСИМОВИЧЪ. Церковно-земскій соборъ 1549-го года	1
2. С. Г. ПУШКАРЕВЪ. Цѣловальники въ судѣ и управленіи Московской Руси	17
3. П. А. ОСТРОУХОВЪ. Торговля чаемъ на Нижегородской ярмаркѣ въ XIX столѣтіи до эпохи великихъ реформъ	55
4. А. А. ОЛЕСНИЦКІЙ. Первые боевыя встрѣчи въ XV вѣкѣ турокъ-османовъ съ Русью	89
5. А. Л. ПОГОДИНЪ. „Иванъ Выжигинъ“, романъ Фаддея Булгарина	141
6. Л. ТАУБЕРЪ. Лига Націй и юридическій статутъ русскихъ бѣженцевъ	183
7. А. В. МАКЛЕЦОВЪ. Мѣры защиты въ югославянскомъ уголовномъ правѣ	215
8. В. В. РОЗЕНБЕРГЪ. Научная собственность	247
9. Н. ЛОССКІЙ. Гегель какъ интуитивистъ	275
10. В. В. ЗѢНЬКОВСКІЙ. Русская педагогика въ XX вѣкѣ	291

Е. Максимовичъ.

ЦЕРКОВНО-ЗЕМСКІЙ СОБОРЪ 1549-го ГОДА.

Спорный вопросъ о первомъ земскомъ соборѣ Московскаго государства имѣетъ уже болѣе чѣмъ столѣтнюю давность. Еще Карамзинъ извлекъ изъ такъ называемаго Хрущовскаго списка Степенной книги извѣстіе о томъ, что царь Иванъ Васильевичъ „егда бысть въ возрастѣ 20 году, виде государство свое въ велицей тузѣ и печали отъ насилныхъ и отъ неправдъ, умысли смирити всѣхъ въ любовь; і совѣтовавъ со отцомъ своимъ Макариемъ митрополитомъ, како бо уставити крамолы і неправды разорити і вражду утолити, повелѣ собрати свое государство изъ городовъ всякаго чину“ (Карамзинъ „Исторія Государства Россійскаго“, т. VIII, прим. 182; ср. С. Г. Г. и Д., т. II, № 37). Къ выборнымъ отъ всѣхъ городовъ царь Иванъ и обратился съ Лобнаго мѣста съ знаменитою рѣчью, столь излюбленною дѣписателями царствованія Грознаго, текстъ которой также приводилъ Хрущовскій списокъ. До сравнительно недавняго времени фактъ созыва этого собора стоялъ внѣ сомнѣній. Усилія изслѣдователей (К. Аксаковъ, Бѣляевъ, Соловьевъ, Чичеринъ, Щаповъ, Сергѣевичъ, Загоскинъ, Владимірскій-Будановъ, Ждановъ, Дитятинъ, Латкинъ, Ключевскій и др.) были направлены преимущественно на уясненіе причинъ, вызвавшихъ къ жизни земскій соборъ въ этотъ именно историческій моментъ. Предметомъ ученыхъ разногласій было и точное хронологическое приуроченіе перваго земскаго собора: созывъ его разные изслѣдователи относили ко времени отъ 1547-го по 1550 ый годъ. *Terminus post quem* — большіе московскіе пожары весны и лѣта 1547-го года, *terminus ante quem* — Стоглавый соборъ (февраль 1551-го года). Большинство изслѣдователей, руководясь прямымъ указаніемъ Хрущовскаго списка („егда бысть въ возрастѣ 20 году“), относило соборъ къ осени 1549 го года или же къ 1550-му году.

Существенное изменение в постановку вопроса о первом земском соборѣ внесла появившаяся в 1900 мѣ году (Ж. М. Н. П., мартъ) небольшая замѣтка С. Ф. Платонова: „Рѣчи Грознаго на земскомъ соборѣ 1550 года“. Платоновъ, обратившись непосредственно къ Хрущовскому списку Степенной книги, убѣдился, что списокъ этотъ едва ли старѣе половины XVII го вѣка, а извѣстіе о созывѣ перваго земскаго собора представляетъ много позднѣйшую интерполяцію, совершенную не ранѣе, какъ во 2-ой половинѣ или даже въ послѣднихъ десятилѣтіяхъ XVII в. Наблюденія Платонова были проверены, подтверждены и дополнены другимъ изслѣдователемъ — П. Г. Васенко въ специальной работѣ „Хрущовскій списокъ Степенной книги и извѣстіе о земскомъ соборѣ 1550 г.“, опубликованной в 1903-мѣ году (Ж. М. Н. П., апрѣль). Послѣ работъ Платонова и Васенко оказалось не возможнымъ основывать сужденія о первомъ земскомъ соборѣ на показаніяхъ Хрущовскаго списка. Это означало, что изъ научнаго оборота выпалъ, если не единственный, то безспорно важнѣйшій источникъ нашихъ свѣдѣній о земскомъ соборѣ 1549—1550 года. Дополнительными источниками служили вводныя главы къ дѣяніямъ Стоглаваго собора и одно мѣсто изъ перваго посланія царя Ивана къ князю А. М. Курбскому. Оба эти памятника нашей письменности XVI-го вѣка еще никѣмъ не были опорочены какъ историческій источникъ. Но указанія ихъ относительно интересующаго насъ земскаго собора пріобрѣтаютъ полный вѣсъ и значеніе только въ качествѣ дополненія къ извѣстію Хрущовскаго списка, сами же по себѣ они слишкомъ отрывочны и не вполне ясны. На основаніи ихъ нѣтъ возможности даже удостовѣрить самый фактъ собора. Поэтому Платоновъ имѣлъ основанія высказать предположеніе, что „въ 1550 г. (или 1549 г.) не было никакого особаго собора по дѣлу примиренія бояръ съ землей“. Дѣйствительно, въ распоряженіи изслѣдователей не имѣлось ни одного прямого и яснаго извѣстія объ этомъ загадочномъ соборѣ.

Такое извѣстіе, однако, въ концѣ концовъ нашлось. Опубликовано оно было уже свѣше 20-ти лѣтъ тому назадъ, но осталось какъ-то почти не замѣченнымъ и не использованнымъ русскою историческою наукою. Въ 1911-мѣ году редакторъ XXII-го тома Полнаго собранія русскихъ лѣтописей С. П. Розановъ опубликовалъ въ качествѣ приложенія къ основному тексту русскаго хронографа въ редакціи 1512-го года (1-ая часть XXII-го тома П. С. Р. Л.) подъ тусклымъ заголовкомъ: „Отрывокъ русской лѣтописи“ лѣтописный текстъ, который въ одномъ изъ списковъ хронографа продолжаетъ его текстъ на протяженіи цѣлаго столѣтія, съ половины XV-го вѣка до половины XVI-го. Для времени Ивана

Грознаго, точнѣе для первыхъ 17-ти лѣтъ его государствованія, „отрывокъ русской лѣтописи“ сообщаетъ цѣлый рядъ новыхъ, часто весьма важныхъ и интересныхъ извѣстій, отсутствующихъ въ другихъ лѣтописныхъ текстахъ этой эпохи. Одна изъ записей „отрывка“ непосредственно относится къ интересующей насъ темѣ. Подъ 7057-мъ годомъ, вслѣдъ за рассказомъ о подтвержденіи перемирія съ Литвою и объ отпускѣ изъ Москвы литовскихъ пословъ, „отрывокъ“ сообщаетъ: „Того же мѣсяца ѳевраля въ 27 день царь и велики князь Иванъ Васильевичъ всея Русіи въ своихъ царскихъ полатахъ передъ отцемъ своимъ Макариемъ митрополитомъ и предъ всѣмъ освященнымъ соборомъ говорилъ боярамъ своимъ, князю Дмитрею Ѳедоровичу Бѣлскому, князю Юрью Михайловичу Булгакову, князю Петру Михайловичу Щенятеву, князю Дмитрею Ѳедоровичу Палецкому, Василью Дмитрѣевичу Шеину, князю Данилу Дмитриевичу Пронскому, князю Александру Борисовичу Горбатову¹ [и] инымъ своимъ боярамъ, и околничимъ и дворецкимъ и казначеемъ, что до ево царскаго возрасту отъ нихъ и отъ ихъ людей дѣтемъ боярскимъ и крестьянамъ чинилися силы и продажи и обиды великия в земляхъ и в холопѣхъ и вы иныхъ обидныхъ дѣлѣхъ, и онѣ бы впередъ такъ не чинили, дѣтемъ бы боярскимъ и крестьянамъ отъ нихъ и отъ ихъ людей силы и продажи і обиды во всякихъ дѣлѣхъ не было никоторыя, а хто впередъ кому учинить силу или продажу или обиду какую, и тѣмъ отъ меня, царя и великаго князя, быти во опалѣ и в казни. И боярѣ всѣ били челомъ государю царю и великому князю, чтобы государь ихъ пожаловалъ, сердца на нихъ не держалъ и опалы имъ не учинилъ никоторыя, а онѣ хотятъ служить ему, государю царю и великому князю, и добра хотѣти ему и его людемъ во всемъ вправду, безо всякия хитрости, по тому жъ, какъ служили и добра хотѣли государю своему, отцу своему великому князю Василью Ивановичу всея Русіи, и дѣду своему великому князю Ивану Васильевичу всея Русіи, а которыя будутъ дѣти боярския и крестьянѣ, на нихъ или на ихъ людей учнутъ бити челомъ о какихъ дѣлѣхъ ни буди. И государь ихъ по-

¹) Этотъ списокъ боярѣ, присутствовавшихъ на собраніи 27. II. 1549 г., служить кос. еннымъ доказательствомъ достовѣрности интересующаго насъ извѣстія и своевременности его записи. Всѣ упомянутыя въ немъ лица въ 1549 году, дѣйствительно, состояли въ Думѣ Боярской въ званіи боярѣ. Съ другой стороны, въ списокъ не включены нѣкоторые видные бояре, которые, какъ мы знаемъ изъ другихъ источниковъ, въ это время своими служебными обязанностями были отвлечены изъ Москвы. Такъ, второй по своему положенію въ Думѣ бояринъ князь И. М. Шуйскій-Плетень былъ въ 1549 году намѣстникомъ въ Новгородѣ Великомъ, а бояринъ И. И. Хабаровъ намѣстничалъ въ Смоленскѣ (см. „Древнѣйшая разрядная книга официальной редакціи“, изд. П. Н. Милюковымъ. М. 1901. стр. 129, 134, 140).

жаловалъ, давалъ имъ ихъ людемъ с тѣми дѣтми боярскими и со крестьяны судъ. И царь и велики князь Иванъ Васильевичъ всея Русіи передъ отцемъ своимъ Макариемъ митрополитомъ и передо всѣмъ освященнымъ соборомъ бояръ своихъ всѣхъ пожаловалъ, с великимъ благочестиемъ и со усердиемъ наказалъ ихъ, умилнѣ говорилъ имъ: „по се время сердца на васъ в тѣхъ дѣлѣхъ не держу и опалы на васъ ни на кого не положу, а вы бѣ впредь такъ не чинили“. Да и [во]еводамъ и [к]няжатамъ и боярскимъ дѣтемъ и дворянамъ болшимъ тоже говорилъ и пожаловалъ ихъ, наказалъ со всѣмъ благочестиемъ умилнѣ. Того же мѣсяца еевраля въ 28 день царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Русіи со отцемъ своимъ Макариемъ митрополитомъ и з бояры уложилъ, что во всѣхъ городѣхъ Московские земли намѣстникамъ дѣтѣй боярскихъ не судити ни в чемъ, опричь душегубства и татбы и разбоя с полнымъ, да и грамоты свои жаловалныя послалъ во всѣ города дѣтемъ боярскимъ“ (П. С. Р. Л., т. XXII, ч. 1-ая, 528—529).

Это извѣстіе первостепенной важности впервые ставитъ вопросъ о такъ называемомъ „соборѣ примиренія“ на твердую почву фактовъ и сразу же позволяетъ устранить крайнія мнѣнія, высказывавшіяся въ спеціальной литературѣ. Съ одной стороны, приходится окончательно вычеркнуть изъ научнаго оборота соблазнявшую многихъ историковъ своею эффектностью картину патетическаго обращенія юнаго царя къ народу съ Лобнаго мѣста. Съ другой стороны, опровергается и мнѣніе Платонова о томъ, что „не было никакого особаго собора по дѣлу примиренія бояръ съ землею“. Нѣтъ, такой соборъ былъ, но протекалъ онъ въ иныхъ условіяхъ и имѣлъ иной характеръ, чѣмъ обычно усвояемый ему на основаніи прежнихъ нашихъ свѣдѣній объ этомъ соборѣ, частью совершенно фантастическихъ, частью же слишкомъ отрывочныхъ и неясныхъ. Показанія дѣяній Стоглаваго собора и посланія царя Ивана ко кн. Курбскому только теперь въ связи съ цитированнымъ лѣтописнымъ текстомъ пріобрѣтаютъ полный вѣсъ и важное значеніе, въ свою очередь подтверждая доброкачественность сообщенія „отрывка русской лѣтописи“.

Несмотря на высокій научный интересъ приведеннаго мною лѣтописнаго текста ему въ нашей исторической литературѣ не посчастливилось. Использованный только Платоновымъ въ его научно-популярной работѣ объ Иванѣ Грозномъ („Иванъ Грозный“, изд. „Обелискъ“ 1924 г. стр. 50—52), онъ еще никѣмъ не былъ подвергнутъ научному анализу. Настоящій этюдъ имѣетъ цѣлью восполнить до извѣстной степени отмѣченный пробѣлъ.

Прежде всего обратимъ вниманіе на хронологическое

пріуроченіе „собора примиренія“. Это — 27 и 28 февраля 1549-го года. Эта дата даетъ, какъ мнѣ кажется, полное подтвержденіе догадкѣ академика Дьяконова о тождествѣ „собора примиренія“ со вторымъ церковнымъ соборомъ о новыхъ чудотворцахъ („Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси“. Изд. 1924 г., Прага, стр. 351). Первый соборъ по поводу канонизаціи „великихъ свѣтильниковъ, новыхъ чудотворцевъ“ происходилъ, какъ извѣстно, въ февралѣ 1547-го года. Второй, на которомъ разсматривались каноны, житія и чудеса новыхъ чудотворцевъ, намѣченныхъ къ канонизаціи, но еще не канонизованныхъ соборомъ 1547-го года, былъ созванъ въ 1549 омъ году, но точная дата его оставалась неизвѣстной. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что этотъ соборъ происходилъ какъ разъ въ февралѣ 1549-го года, ровно черезъ 2 года послѣ перваго канонизаціоннаго собора. Повидимому, жизненная практика этой эпохи облюбовала февраль мѣсяць какъ наиболѣе удобный моментъ въ году для созыва церковныхъ соборовъ. Въ февралѣ 1547-го года происходилъ первый соборъ о новыхъ чудотворцахъ (А. А. Э., т. I, № 213), въ февралѣ 1551-го года собрался знаменитый Стоглавый соборъ. Можно еще указать на близкіе къ этому времени февральскіе соборы 1539-го года—по случаю избранія на митрополию Іоасафа Скрипицына (А. А. Э., т. I, № 184) и 1564-го года — соборъ о бѣломъ клобукѣ московскихъ митрополитовъ (А. И., т. I, № 173). Очевидно, въ февралѣ же 1549-го года состоялся въ Москвѣ 2-ой соборъ по вопросу о канонизаціи новыхъ чудотворцевъ, который долженъ былъ завершить дѣло собора 1547 го года. Къ этому-то собору царь и пріурочилъ торжественную церемонію примиренія своего съ боярствомъ и примиренія боярства съ землею, чѣмъ былъ открытъ рядъ важныхъ преобразовательныхъ мѣропріятій правительства царя Ивана.

Важнѣйшимъ въ организаціонномъ отношеніи составнымъ элементомъ собора 1549-го года былъ, безъ сомнѣнія, соборъ духовенства, „освященный соборъ“. Собрался онъ для разрѣшенія своихъ чисто церковныхъ дѣлъ согласно плану, выработанному 2 года тому назадъ, царь же использовалъ случай и осложнилъ программу привычнаго и высоко авторитетнаго собранія вопросами земскаго строенія, словомъ, придавъ собору характеръ не только церковнаго, но и земскаго. Соборъ 1549-го года подтверждаетъ, какъ мнѣ думается, въ полной мѣрѣ концепцію академика Жданова, полагавшаго, что земскій соборъ въ Московскомъ государствѣ выросъ на одномъ стволу съ соборомъ церковнымъ („Церковно-Земскій соборъ 1551 года“ въ „Сочиненіяхъ И. Н. Жданова“, т. I. Спб. 1904). Чисто земскому собору 1566 го года предшествовали соборы церковно-земскіе. Таковымъ

былъ, какъ наглядно показалъ тотъ же Ждановъ, Стоглавый соборъ 1551-го года, таковымъ же былъ и интересующій насъ соборъ 1549-го года.

Въ извѣстной мѣрѣ о немъ можно говорить какъ о первомъ извѣстномъ намъ земскомъ соборѣ. Въ самомъ дѣлѣ: сравнимъ составъ „собора примиренія“ и собора 1566 года, „перваго достовѣрнаго земскаго собора“, согласно преждемунѣнію Платонова. Въ 1549-мъ году ядро собора образуетъ „освященный соборъ“, во главѣ съ митрополитомъ Макаріемъ, и боярская дума весьма полнаго состава: бояре, окольничіе, дворецкіе и казначеи. Какъ извѣстно, и освященный соборъ и боярская дума были постояннымъ составнымъ элементомъ всѣхъ земскихъ соборовъ. Но помимо духовенства и бояръ въ собраніи 27-го февраля мы видимъ и другихъ участниковъ — воеводъ и княжатъ, дѣтей боярскихъ и дворянъ большихъ. Это — тѣ самыя общественныя группы, которыя были такъ хорошо представлены на земскомъ соборѣ 1566-го года подъ наименованіемъ дворянъ и дѣтей боярскихъ 1-ой и 2-ой статей. Единственно существенное различіе между составомъ соборовъ 1549-го и 1566-го годовъ заключается въ присутствіи на послѣднемъ нѣкотораго количества лицъ торгово-промышленнаго класса: гостей, купцовъ и смолнянъ, которыхъ въ составѣ собора 1549-го года мы не усматриваемъ, если только насъ не вводитъ въ заблужденіе въ этомъ случаѣ нашъ источникъ, представляющій собою все же не официальный актъ съ точнымъ перечисленіемъ участниковъ собора, а лишь вольный лѣтописный пересказъ его. Однако, и по самой сути дѣла легко понять, что соборъ 1549-го года, какъ одинъ изъ первыхъ опытовъ новой формы общенія власти съ населеніемъ, долженъ былъ отличаться болѣе простымъ, менѣе расчлененнымъ составомъ, чѣмъ послѣдующіе соборы. Вѣдь и въ позднѣйшихъ земскихъ соборахъ мы видимъ лишь постепенное нарастаніе сложности состава, охватывавшаго все новыя соціальныя группы. Соборъ 1598 го года сложнѣе по составу собора 1566 го года, соборы XVII-го вѣка много сложнѣе соборовъ XVI го. Въ отношеніи состава нѣтъ возможности установить принципиальное отличіе собора 1549-го года отъ собора 1566-го года и послѣдующихъ соборовъ. По значительности разсмотрѣнныхъ на немъ вопросовъ и важности вынесенныхъ рѣшеній соборъ 1549-го года также можетъ достойно занять мѣсто въ ряду земскихъ соборовъ Московскаго государства. Поэтому нѣтъ основаній отказывать „собору примиренія“ въ признаніи его первымъ извѣстнымъ намъ земскимъ соборомъ въ его начальныхъ, еще довольно элементарныхъ формахъ.

Но въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ ли включить и знаменитый Стоглавый соборъ 1551-го года въ число земскихъ

соборовъ, что при изученіи послѣднихъ еще, кажется, никогда не допускалось? Я думаю, что теоретически на этотъ въпросъ слѣдуетъ отвѣтить положительно. Нѣтъ принципиальной разницы между соборомъ 1549-го года, постановившимъ изданіе новаго Судебника, и соборомъ 1551-го года, этотъ Судебникъ утвердившимъ. Но включеніе Стоглаваго собора въ списокъ земскихъ соборовъ, подлежащихъ научному изученію, практически дать ничего не можетъ, какъ вслѣдствіе чрезмѣрной скудости нашихъ свѣдѣній о составѣ этого собора въ его свѣтской части („князья, бояре и воины“), такъ и по причинѣ почти полного отсутствія данныхъ объ его земской дѣятельности. Послѣднее обстоятельство объясняется методомъ работы составителя Стоглава, который ставилъ своею задачею собрать не всѣ постановленія собора 1551-го года, а только церковныя („Матеріалы для исторіи Стоглаваго собора“ въ „Сочиненіяхъ И. Н. Жданова“, т. I. Спб. 1904). По отношенію къ собору 1549-го года мы находимся въ болѣе счастливомъ положеніи. Помимо церковной стороны его работы, мы знаемъ о слѣдующихъ „великихъ земскихъ дѣлахъ“, вошедшихъ въ кругъ занятій собора:

- 1) на немъ состоялось примиреніе царя съ боярствомъ и были приняты мѣры для примиренія боярства съ землею;
- 2) состоялось рѣшеніе о повсемѣстномъ изъятіи дѣтей боярскихъ изъ судебной компетенціи намѣстниковъ;
- 3) было постановлено подвергнуть переработкѣ великокняжескій Судебникъ.

Остановимся нѣсколько подробнѣе на перечисленныхъ мною пунктахъ дѣятельности собора 1549-го года, вѣрнѣе на первыхъ двухъ пунктахъ, такъ какъ о пересмотрѣ Судебника нашъ лѣтописный источникъ не только не сообщаетъ никакихъ новыхъ данныхъ, но даже вовсе не упоминаетъ. Впрочемъ, установленіе точной даты „собора примиренія“ позволяетъ опредѣлить длительность работы по пересмотру Судебника, которая была начата, надо думать, въ мартѣ 1549 го года, а закончена, какъ извѣстно, къ іюню 1550-го года, т. е. продолжалась приблизительно 15 мѣсяцевъ Ждановъ, относившій „соборъ примиренія“ къ осени 1549-го года, могъ отвести работѣ надъ царскимъ Судебникомъ срокъ немногимъ болѣе полугода; другіе изслѣдователи должны были этотъ срокъ сокращать еще болѣе.

Соборъ 1549 го года для самого Грознаго былъ прежде всего „соборомъ примиренія“, въ первую очередь — примиренія царя съ боярствомъ. Въ 1551-мъ году на Стоглавомъ соборѣ царь вспоминалъ, какъ, по благословенію митрополита Макарія и всего освященнаго собора, „бояръ своихъ въ прежнихъ винахъ во всѣхъ пожаловалъ и простилъ“

(„Стоглавъ“, изд. Кожанчикова. Спб. 1863, стр. 38). Въ 1564-мъ году, отвѣчая на первое посланіе кн. А. М. Курбскаго, Грозный подробнѣе и съ чувствомъ несомнѣннаго внутренняго удовлетворенія останавливается на этомъ моментѣ: „собрахомъ вся архіепископы и весь священническій соборъ Русскія митрополіи, и еже убо въ юности нашей еже намъ содѣянная, на васъ, бояръ нашихъ, наши опалы, та же и отъ васъ, бояръ нашихъ, еже намъ сопротивное и проступки, сами убо предъ отцемъ своимъ и богомольцемъ, предъ Макаріемъ, митрополитомъ всея Русіи, во всемъ томъ соборнѣ простихомся; васъ же, бояръ нашихъ, и всѣхъ людей своихъ въ проступкахъ пожаловалъ и впредь того не воспоминати“ („Сказанія князя Курбскаго“. Изд. 3. Спб. 1868. стр. 163).

Нѣтъ сомнѣнія, что для Грознаго церемонія торжественнаго примиренія съ боярствомъ на соборѣ 1549-го года не только была ловко разыгранною сценою, рассчитанною на внѣшній эффектъ, не только удовлетворяла его эстетическому чувству, но имѣла и болѣе глубокой внутренней смыслъ. Будемъ ли объяснять это переломомъ въ душѣ молодого царя, происшедшимъ подъ вліяніемъ бурныхъ событій лѣта 1547-го года, переломомъ, о которомъ самъ Грозный повѣдалъ впоследствии Стоглавому собору: „вниде страхъ въ душу мою и трепеть въ кости моя. и смирися духъ мой. и умилихся. и познахъ своя согрѣшенія. и прибѣгохъ ко святѣй соборнѣй и апостольской церкви“ (Стоглавъ, стр. 31); будемъ ли мы приписывать это благотворному вліянію избранной рады, руководимой строгимъ моралистомъ Сильвестромъ и соревновавшимъ ангеламъ чистотою своей жизни Алексѣемъ Адашевымъ (такъ его характеризуетъ кн. А. М. Курбскій), — но не подлежитъ оспариванію тотъ фактъ, что Грозный обнаруживаетъ въ эти годы стремленіе согласовать по возможности повседневную правительственную дѣятельность, а въ особенности рѣшенія первостепенной государственной важности съ возвышенными началами христіанской морали. Въ этомъ отношеніи особенно любопытны, конечно, не тѣ торжественныя деклараціи, съ какими краснорѣчивый Московскій государь выступалъ въ парадныхъ случаяхъ дворцоваго обихода, но его замѣчанія и сентенціи, въ маломъ количествѣ и, къ сожалѣнію, чисто случайно сохранившіяся до нашего времени въ памятникахъ приказнаго дѣлопроизводства, въ частности въ дѣлахъ Посольскаго приказа. Обычно въ Посольскомъ приказѣ регистрировались только рѣшенія по тому или другому вопросу, принятыя государемъ совмѣстно съ Думою боярскою. Но за время дѣячества знаменитаго московскаго приказнаго дѣльца этой эпохи Ивана Михайловича Висковатаго сохранилось нѣсколько болѣе подробныхъ записей обсужденія въ Думѣ боярской

вопросовъ внѣшней политики. Сохранилось изложеніе нѣсколькихъ рѣчей или замѣчаній Грознаго, высказанныхъ имъ въ обстановкѣ чисто дѣловаго обсужденія текущихъ вопросовъ и явно не рассчитанныхъ на огласку. Въ особенности примѣчательны двѣ записи, сдѣланныя, очевидно, самимъ Висковатымъ и относящіяся къ переговорамъ 1549-го года съ литовскими послами о заключеніи вѣчнаго мира или, по крайней мѣрѣ, о продленіи перемирія на новое трехлѣтіе. Во время этихъ переговоровъ царь Иванъ, между прочимъ, „говорилъ съ бояры“ о томъ, что вѣчнаго мира съ королемъ заключать нельзя, такъ какъ „вотчина наша извѣчная Кіевъ и Волынская земля и Полтескъ и Витебскъ и иные города русскіе многіе за королемъ“ и „толко нынѣ сдѣлати миръ вѣчный, и впередъ уже черезъ крестное цѣлованіе своихъ вотчинъ искать нелзѣ, занже крестнаго цѣлованія никакъ нигдѣ порушити не хочю“ („Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“, т. 59, стр. 278). Любопытное свидѣтельство о политическомъ идеализмѣ молодого Грознаго, о добросовѣстности его отношенія къ принимаемымъ имъ на себя международнымъ обязательствамъ! Въ другой разъ во время тѣхъ же переговоровъ царь Иванъ усвоилъ аргументацію бояръ, не желавшихъ доводить дѣло до войны съ Литвою изъ за отказа послѣдней признать новый царскій титулъ московскаго государя, ибо, если „крови христіанскіе прольютца за одно имя, а не за землю, ино отъ Бога о грѣсѣ сумнетелно“ (ibid., стр. 297).

Учитывая такое настроеніе юнаго царя, нетрудно понять, что примиреніе его съ боярствомъ было не только эффектнымъ жестомъ, не только красивою позою, до которыхъ царь Иванъ былъ немалый охотникъ. Нѣтъ, эту церемонію онъ согрѣлъ настоящею душевною взволнованностью и вложилъ въ нее подлинный внутренній паѳосъ и самыя свѣтлыя надежды на будущую гармонію своихъ взаимоотношеній съ правительственной средой. Отказавшись въ этотъ самый моментъ заключить „докончаніе“ съ Литвою въ предвидѣніи неисполнимости его условій и ограничиваясь перемиріемъ съ внѣшнимъ врагомъ, Грозный пошелъ на своего рода „вѣчный миръ“ со своимъ боярствомъ на условіяхъ взаимной амнистіи за прошлыя обиды и искреннихъ и доброжелательныхъ взаимоотношеній въ будущемъ.

Мы знаемъ, что этотъ земскій миръ былъ непродолжителенъ. Грозный искренне считалъ, что нарушеніе мира произошло не по его винѣ, а это, казалось бы, освобождало его отъ всякихъ стѣсненій и угрызений совѣсти въ борьбѣ съ крамольнымъ боярствомъ. Однако, воспоминаніе о торжественной церемоніи собора примиренія, повидимому, какъ-то связывало его. Миръ съ боярствомъ былъ заключенъ фор

мально, формально же необходимо было и расторгнуть его, чтобы получить полную свободу дѣйствій. Въ сценѣ 27 февраля 1549-го года не находить ли разгадки другая сцена, отдѣленная отъ первой 16-лѣтнимъ промежуткомъ: 3 января 1565-го года Грозный столь же торжественно, какъ нѣкогда мирился съ боярствомъ, положилъ гнѣвъ свой „на бояръ своихъ и на дворецкого и на конюшого и на околничихъ и на казначѣевъ и на дьяковъ и на дѣтей боярскихъ и на всѣхъ приказныхъ людей оплу свою положилъ“ („Полное собраніе русскихъ лѣтописей“, т. XIII, ч. 2-ая, стр. 394). Миръ былъ расторгнутъ, объявлена война.

Примиреніе царя съ боярствомъ было лишь одною стороною задачи успокоенія государства, разстроеннаго боярскимъ правленіемъ въ малолѣтство Грознаго; другою стороною являлось примиреніе боярства съ землею. Прежніе наши источники сообщали, что на соборѣ примиренія царь заповѣдалъ боярамъ „со всѣми христіяны царствія своего и въ преднихъ всякихъ дѣлѣхъ помирится на срокъ“, и во исполненіе этой заповѣди „боляре... и вси приказные люди и кормленщики со всѣми землями помирились во всякихъ дѣлѣхъ“ („Стоглавъ“, стр. 38). Новый нашъ лѣтописный источникъ, какъ разъ въ этомъ пунктѣ дошедшій до насъ въ неисправномъ видѣ (въ лѣтописномъ текстѣ тутъ очевидный пропускъ, а вслѣдствіе того нѣкоторая неясность), не разъясняетъ, къ сожалѣнію, какъ было организовано это примиреніе бояръ и кормленщиковъ „со всѣми землями“. Тѣмъ большую цѣнность представляетъ лѣтописное извѣстіе объ уложеніи 28. II. 1549 г., несомнѣнно входившемъ органическою составною частью въ программу примиренія боярства съ землею и тѣсно связанномъ съ работою собора. Въ силу этого уложенія дѣти боярскіе во всѣхъ городахъ Московской земли освобождались отъ подсудности намѣстникамъ по всѣмъ дѣламъ за исключеніемъ душегубства, разбоя и татѣбы съ поличнымъ.

Извѣстіе это проливаетъ новый свѣтъ на рядъ существенныхъ вопросовъ соціальной исторіи Московскаго государства. Изслѣдователи, изучавшіе жалованныя грамоты Московской эпохи, давно уже обратили вниманіе на то обстоятельство, что жалованныя несудимыя грамоты свѣтскимъ землевладѣльцамъ перестаютъ выдаваться приблизительно съ половины XVI-го вѣка. Фактъ былъ подмѣченъ, нужно было его объяснить. Въ прежнее время Неволинъ, а вслѣдъ за нимъ и Сергѣевичъ считали прекращеніе выдачи несудимыхъ грамотъ результатомъ отмѣны судебныхъ привилегій служилыхъ землевладѣльцевъ. Послѣднимъ по времени и самымъ обстоятельнымъ изслѣдованіемъ о жалованныхъ грамотахъ, какъ тарханскихъ, такъ и несудимыхъ, явилась работа С. Б.

Веселовскаго: „Къ вопросу о происхожденіи вотчиннаго режима“ (М. 1926). Веселовскій подвергъ детальнѣйшему разсмотрѣнію жалованныя грамоты служилымъ людямъ и пришелъ къ заключенію, что къ половинѣ XVI-го вѣка выдача несудимыхъ грамотъ была прекращена, такъ какъ судебный иммунитетъ, составлявшій нѣкогда привилегію отдѣльныхъ служилыхъ землевладѣльцевъ, къ этому времени превратился въ общее правило. Такимъ образомъ, точка зрѣнія Веселовскаго діаметрально противоположна взглядамъ Неволіна — Сергѣевича. Теперь, имѣя прочную опору въ нашемъ лѣтописномъ текстѣ, мы можемъ критически отнестись къ этимъ разногласіямъ. Мнѣніе Неволіна и Сергѣевича приходится признать совершенно ошибочнымъ, въ корнѣ расходящимся съ дѣйствительностью: привилегіи не только не были отмѣнены, но, напротивъ, онѣ превратились въ общее правило. Въ этомъ отношеніи С. Б. Веселовскій обнаружилъ гораздо больше чутья дѣйствительности. Онъ правильно опредѣлилъ результатъ процесса, но ошибся въ начертаніи его хода. Судебный иммунитетъ сталъ достояніемъ всего служилаго землевладѣнія, но не вслѣдствіе постепеннаго превращенія рѣдкой первоначально привилегіи въ бытовое явленіе, а благодаря прямому вмѣшательству правительственной власти. Веселовскій несомнѣнно преувеличилъ степень распространенности судебныхъ привилегій въ средѣ служилыхъ землевладѣльцевъ. Если бы судебный иммунитетъ былъ столь широко распространенъ, какъ думаетъ Веселовскій, то какое значеніе имѣло бы уложеніе 28 II 1549 г. какъ мѣра примиренія боярства съ землею? Въ чемъ заключалось бы реальное облегченіе положенія дѣтей боярскихъ, фактически уже освобожденныхъ отъ подсудности намѣстникамъ? Соборъ 1549-го года стремился, конечно, пресѣчь зло, еще достаточно широко распространенное, послужившее источникомъ безчисленныхъ злоупотребленій въ смутную эпоху боярскаго правленія, когда намѣстники „дѣтемъ боярскимъ и крестьянамъ чинили силы и продажи и обиды великия въ земляхъ и въ холопѣхъ и въ иныхъ обидныхъ дѣлѣхъ“, когда, по характеристикѣ провинціального лѣтописца, „быша намѣстники... свирѣпы аки лвоуе и люди ихъ аки звѣріе дивіи“ (П. С. Р. Л., т. IV, стр. 304).

Уложеніе 28 II 1549 г. стремилось предотвратить въ будущемъ тѣ злоупотребленія, источникъ которыхъ коренился въ несовершенствѣ намѣстничьей администраціи. Это уложеніе служитъ великолѣпнымъ комментариемъ къ 64-ой статьѣ Царскаго судебника, толкованіе которой чрезвычайно затрудняло до сихъ поръ историковъ русскаго права. Напомню текстъ этой статьи: „А дѣтей боярскихъ судити намѣстникомъ по всѣмъ городомъ по нынѣшнимъ царевымъ

государевымъ жалованнымъ по ихъ вопчимъ грамотамъ“. Такъ какъ въ прежнее время, до выхода въ свѣтъ XII-го тома П. С. Р. Л., неизвѣстно было, о какихъ это „нынѣшнихъ государевыхъ жалованныхъ вопчихъ грамотахъ“ говоритъ эта статья Судебника, толкованіе ея, дѣйствительно, представляло немалыя трудности. Исслѣдователи готовы были даже обойти эти трудности, допустивъ неисправность текста Судебника въ дошедшихъ до насъ его редакціяхъ или же неудачную формулировку 64-й его статьи. Такъ, С. Б. Веселовскій предлагаетъ слово „нынѣшнимъ“ замѣнить словомъ „нашимъ“, каковое чтеніе даютъ нѣкоторые, немногіе, списки Судебника. Но въ этой замѣнѣ нѣтъ никакой надобности. Теперь для насъ смыслъ выраженія „нынѣшній“ совершенно понятенъ: „нынѣшними“ Судебникъ 1550 го года называетъ грамоты, разосланныя „по всѣмъ городамъ дѣтямъ боярскимъ“ въ силу государева уложенія 28 II 1549 г.

Съ полнымъ недоумѣніемъ остановился Веселовскій также передъ выраженіемъ „вопчія грамоты“. Онъ полагаетъ, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ объ обычныхъ жалованныхъ несудимыхъ грамотахъ отдѣльнымъ свѣтскимъ землевладѣльцамъ, и самъ задаетъ себѣ вопросъ: почему редакторы Судебника воспользовались такимъ необычнымъ терминомъ? Свое недоумѣніе Веселовскій успокаиваетъ такимъ объясненіемъ: Судебникъ называетъ жалованныя грамоты „вопчими“ по одной (3-й) ихъ клаузулѣ о смѣстномъ или вопчемъ судѣ. Къ этому допущенію Веселовскій присоединяетъ въ высшей степени искусственное и очень ограниченное толкованіе 64 ой статьи Судебника, содержаніе которой онъ сводитъ только къ установленію обязательной подсудности дѣтей боярскихъ намѣстникамъ въ вопчихъ или смѣстныхъ дѣлахъ („Къ вопросу о происхожденіи вотчиннаго режима“, стр. 103—105). Все это сложное и громоздкое построеніе Веселовскаго начисто упраздняется вполне яснымъ и опредѣленнымъ свидѣтельствомъ приведеннаго мною лѣтописнаго текста. „Нынѣшнія вопчія грамоты“, очевидно, не старыя именныя, а новыя, адресованныя служилымъ землевладѣльцамъ цѣлаго уѣзда¹⁾.

Не для одного Веселовскаго толкованіе 64-ой статьи Царскаго судебника послужило камнемъ преткновенія. Укажу для примѣра на Владимірскаго-Буданова, который предположилъ, что эта статья „прочнѣе водворяетъ дѣтей боярскихъ въ областяхъ, подчиняя суду намѣстниковъ („Христо-

¹⁾ Построеніе С. Б. Веселовскаго было уже исправлено А. Е. Прѣняковымъ въ статьѣ: „Вотчинный режимъ и крестьянская крѣпость“ (Лѣтопись занятій постоянной историко-археографической комиссіи“, вып. 34).

матія по исторіи русскаго права“, вып. 2-й, изд. 2-ое, стр. 151). Какъ разъ наоборотъ! — не подчиняетъ, а освобождаетъ отъ суда намѣстниковъ за строго опредѣленными исключеніями. Извѣстіе „отрывка русской лѣтописи“ устраняетъ всѣ эти произвольныя толкованія и дѣлаетъ 64-ю статью Судебника насквозь прозрачною для изслѣдовательской мысли.

Надо признать однако, что комментируемый нами лѣтописный текстъ, устраняя для изслѣдователя однѣ трудности, создаетъ другія. Въ самомъ дѣлѣ, если уложеніе 28 II 1549 г. оставляло дѣтей боярскихъ въ юрисдикціи намѣстниковъ только по тремъ группамъ самыхъ тяжкихъ преступленій, то кому они были подсудны по остальнымъ видамъ преступленій? Очевидно, органамъ центральнаго управленія, то-есть, боярамъ введеннымъ. Получается парадоксъ: тяжкія преступленія подсудны низшей судебной инстанціи, болѣе легкія — высшей! Однако, какъ ни чуждъ современному сознанію такой порядокъ, онъ все же былъ, повидимому, извѣстенъ московской судебной практикѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ рядъ жалованныхъ несудимыхъ грамотъ типа грамоты 1505-го года Борису Захарьевичу Бороздину и сыну его Феодору: „намѣстници мои Новоторжскіе и ихъ тіуни Бориса да сына его Феодора и тѣхъ ихъ людей не судятъ ни въ чемъ, опричь душегубства и разбоя съ поличнымъ“... („Акты Археографической экспедиціи, т. I, № 141). С. Б. Веселовскій, учитывая грамоты этого типа, признаетъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ грамотчикъ былъ подсуденъ намѣстникамъ въ дѣлахъ о душегубствѣ (иногда, сверхъ того, въ дѣлахъ о разбоѣ и татѣбѣ съ поличнымъ) и что послѣднюю клаузулу („а кому будетъ чего искати на Борисѣ да на его сынѣ Феодорѣ, или на ихъ приказчикѣ, ино ихъ сужу язъ князь велики или мой бояринъ введенной“, *ibid.*) жалованныхъ грамотъ этого типа слѣдуетъ понимать ограничительно, т. е., что грамотчикъ и его приказчикъ подсудны князю во всѣхъ дѣлахъ за исключеніемъ тѣхъ, которыми была ограничена ихъ несудимость въ первой клаузулѣ. Веселовскій сдѣлалъ также наблюденіе, что грамоты этого типа давались преимущественно въ XV-мъ вѣкѣ, въ XVI-омъ же вѣкѣ общимъ правиломъ стала исключительная подсудность грамотчиковъ и ихъ приказчиковъ самому князю и боярамъ введеннымъ (Веселовскій, *op. cit.*, стр. 51). Такимъ образомъ уложеніе 28 II 1549 г., несмотря на общую свою тенденцію благопріятствованія интересамъ служилаго землевладѣнія, изъ двухъ извѣстныхъ московской судебной практикѣ вариантовъ избрало менѣе выгодный для грамотчиковъ и притомъ уже исчезнувшій какъ будто изъ жизненнаго обихода. Какъ объяснить это несоотвѣтствіе? Напрашивается предположеніе, что правительство Грознаго стремилось компенсиро-

ровать количественное расширение судебных привилегий служилаго землевладѣнія ихъ качественнымъ ослабленіемъ. Свобода отъ подсудности намѣстникамъ, составлявшая ранѣе привилегію однихъ только грамотчиковъ, теперь становилась правомъ всѣхъ служилыхъ землевладѣльцевъ. Зато объемъ этого права (несудимость намѣстниками за исключеніемъ трехъ категорій наиболѣе тяжкихъ преступленій) урѣзывался по сравненію со старыми привилегіями грамотчиковъ (полная несудимость). Конечно, это только гипотеза, но состояніе нашихъ источниковъ дѣлаетъ врядъ ли возможнымъ отысканіе въ данномъ вопросѣ безусловно убѣдительнаго рѣшенія. Нѣкоторая неточность въ лѣтописномъ пересказѣ уложенія 23 II 1549 г. способна существенно извратить наше пониманіе этого уложенія.

Весьма возможно, что земская дѣятельность собора 1549-го года не исчерпывалась разобранными мною пунктами, но и то, что мы уже знаемъ о „соборѣ примиренія“, заставляетъ признать за нимъ чрезвычайно важное значеніе какъ за исходнымъ пунктомъ кипучей преобразовательной дѣятельности московскаго правительства эпохи „избранной рады“.

* * *

Подведемъ итоги. Опубликованный въ XXII-мъ томѣ П. С. Р. Л. лѣтописный текстъ въ связи съ прежними скудными свѣдѣніями нашимъ о такъ называемомъ первомъ земскомъ соборѣ позволяетъ настаивать на слѣдующихъ положеніяхъ:

1) „Соборъ примиренія“ и второй Макарьевскій канонизаціонный соборъ 1549 го года — тождественны.

2) „Соборъ примиренія“ былъ соборомъ церковно-земскимъ: въ старую, привычную, слегка осложненную новыми свѣтскими элементами структуру церковнаго собора было влито новое содержаніе: „великія земскія дѣла“ и „земскія нестроенія“; соборъ 1549 го года черезъ посредство Стоглаваго собора включается въ одинъ рядъ съ соборомъ 1566-го года и позднѣйшими земскими соборами.

3) „Соборъ примиренія“ протекалъ въ рамкахъ обычнаго московскаго соборнаго ритуала, въ царскихъ палатахъ, а не въ театральной обстановкѣ Красной площади и Лобнаго мѣста; рѣчи государя были обращены къ верхамъ служилаго сословія, а не къ „простому всенародству“.

4) Важнѣйшими извѣстными намъ моментами земской дѣятельности собора 1549-го года были —

а) церемонія примиренія царя съ боярствомъ и со всѣмъ вообще московскимъ правящимъ слоємъ;

б) выработка уложения 28. II. 1549 г.;

с) рѣшеніе о пересмотрѣ судебника 1497-го года.

5) Примиреніе царя съ боярствомъ имѣло не только декларативное, но и вполнѣ реальное значеніе; отзвуки его въ московской правительственной практикѣ чувствовались до эпохи опричнины.

6) Уложение 28. II. 1549 г., какъ одна изъ мѣръ примиренія боярства съ землею, стремилось достигъ этой цѣли путемъ умаленія судебной компетенціи намѣстниковъ; это Уложение опредѣлило собою 64-ую статью Царскаго судебника.

С. Г. Пушкаревъ.

ЦѢЛОВАЛЬНИКИ ВЪ СУДѢ И УПРАВЛЕНІИ МОСКОВСКОЙ РУСИ.

Вступительныя замѣчанія.

Цѣловальниками въ памятникахъ XVI—XVII вв. называются лица, исполняющія извѣстную должность или извѣстное порученіе „за крестнымъ цѣлованіемъ“, т. е. подъ присягою. Но это общее опредѣленіе требуетъ дальнѣйшаго уточненія и ограниченія. Государевы служилые люди — воеводы, и дьяки, и всякіе приказные люди — также служилч Государю „за крестнымъ цѣлованіемъ“, но они никогда не назывались цѣловальниками. Цѣловальниками назывались лишь должностныя лица изъ среды „земскихъ“ людей, т. е. изъ общественной среды Московскаго государства. И еще одно ограниченіе: цѣловальники брались изъ рядовъ общественной середины, т. е. изъ тяглыхъ посадскихъ людей и болѣе или менѣе состоятельныхъ слоевъ крестьянства. Высшія должностныя лица, хотя бы и изъ общественной среды, не носили званія цѣловальниковъ; такъ, во главѣ „губного“ (т. е. уголовно полицейскаго) дѣла на мѣстахъ стояли губные старосты выбиравшіеся изъ дворянъ или дѣтей боярскихъ; „голова“ на Архангельской ярмаркѣ былъ изъ „гостей“, т. е. изъ среды малочисленныхъ верховъ московскаго купечества. Съ другой стороны, не только изъ массы холоповъ, что само собой разумѣется, но и вообще изъ общественныхъ низовъ, изъ среды нищихъ, бездомныхъ, чернорабочихъ, „захребетниковъ“, „подсусѣдниковъ“ и т. д., вообще лицъ, не являвшихся главою собственнаго „тяглаго“ хозяйства, — никогда не брались цѣловальники, которые должны были быть, какъ правило, людьми „добрыми и п(р)ожиточными“. Такимъ образомъ, цѣловальниками въ Московскомъ государствѣ XVI—

XVII вв. были лица, избранныя населеніемъ (или взятыя правительствомъ) изъ среднихъ общественныхъ слоевъ для исполненія, подъ присягою, извѣстной должности въ государственномъ или общественномъ управленіи, судѣ или хозяйствѣ. — Разсмотрѣніе вопроса о цѣловальникахъ имѣетъ значеніе не только для разъясненія тѣхъ или другихъ частныхъ въ организациі управленія, суда и государственнаго хозяйства Московскаго государства, но и для освѣщенія общаго вопроса, такъ сказать, „соціологическаго“ характера, именно: въ какой мѣрѣ и въ какихъ областяхъ государственной и общественной жизни московскому правительству было желательно и необходимо содѣйствіе общественной среды? — Нужно оговориться, что институтъ цѣловальниковъ получилъ широкое развитіе и въ сферѣ вотчиннаго управленія — въ имѣніяхъ монастырскихъ, церковныхъ и частновладѣльческихъ, но эту область мы оставляемъ здѣсь безъ разсмотрѣнія. — Должно замѣтить далѣе, что матеріалъ о цѣловальникахъ въ Московской Руси столь необъятно великъ, что никоимъ образомъ не можетъ быть использованъ сколько-нибудь исчерпывающе въ предѣлахъ одного очерка. Для болѣе или менѣе полнаго изложенія этого матеріала понадобилось бы написать большую книгу.

Пока авторомъ обработаны двѣ темы: 1) о роли цѣловальниковъ въ судѣ и управленіи (не финансовомъ) и 2) о роли ихъ въ государственномъ хозяйствѣ. Первой темѣ посвященъ предлагаемый очеркъ.

Въ задуманной нами подробной работѣ должны быть подвергнуты критическому разсмотрѣнію и относящіеся къ нашей темѣ взгляды прежнихъ изслѣдователей мѣстнаго управленія въ Московской Руси (Б. Н. Чичерина, Э. М. Дмитріева, А. Д. Градовскаго и другихъ), отъ чего въ предѣлахъ написанныхъ нами двухъ очерковъ мы воздержались.

Для настоящей работы авторомъ были использованы слѣдующіе памятники и собранія актовъ (въ скобкахъ указаны сокращенія при ссылкахъ):

Судебникъ великаго князя Іоанна Васильевича 1497 г. (Суд. I).

Судебникъ царя и великаго князя Іоанна Васильевича 1550 г. (Суд. II).

Уложение царя Алексѣя Михайловича 1649 г. (Улож.).

Г. Котошихинъ. О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Изд. 4, Археографической Коммиссіи, С.-П.-б. 1906 (Котош.).

Полное собраніе русскихъ лѣтописей, изд. Археографич. Коммиссіей, т. IV, С.-П.-б. 1848, с. 304—305 (Псковская 1-я лѣтопись); т. IV, ч. I, вып. III, Ленинград, 1929, с. 540 (Новгородская 4-я лѣтопись); т. VI, С.-П.-б. 1853, с. 280—281 (прибавл. ко 2-й Софійск. лѣтописи); т. XIII, ч. 2-я, С.-П.-б. 1904, с. 267—268 („Никоновская“ лѣтопись) (П. С. Р. Л.).

Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи, тт. I—III (П. С. З.)

Акты юридическіе, или собраніе формъ стариннаго дѣлопроизводства. Изд. Археографич. Ком. С.-П.-б. 1838 (А. Ю.).

Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи. Изд. Археографич. Ком. подъ ред. Н. Калачова. С.-П.-б. Т. I, 1857; т. II, 1864; т. III, 1884 (А. Ю. Б.).

Акты, собранные въ библиотекахъ и архивахъ Россійской Имперіи Археографическою экспедиціею Импер. Академіи Наукъ. Тт. I—IV. С.-П.-б. 1836 (А. Э.).

Акты Историческіе, изд. Археографич. Ком. Тт. I—V. С.-П.-б. 1841—1842 (А. И.)

Дополненія къ Актамъ Историческимъ, изд. Археографич. Ком., изъ коихъ для настоящей работы мною и пользованы лишь первые 5 томовъ — тт. I—V, С.-П.-б. 1846—1863 (Д. А. И.).

Акты Московскаго Государства, изд. Импер. Академіей Наукъ подъ ред. Н. А. Попова. С.-П.-б. Т. I. 1890; т. II, 1894; т. III, 1901 (А. М. Г.).

Русская Историческая Библиотека, изд. Археографич. Ком., преимущ. т. XII-й, С.-П.-б. 1890 (Акты Холмогорской и Устюжской епархій) и т. XXXV-й, Петроградъ, 1917 (Архивъ П. М. Строева, т. II). (Р. И. Б.).

Акты, относящіеся до гражданской расправы древней Россіи. Собр. и изд. А. Ѳедотовъ-Чеховскій. Кіевъ. Т. I, 1860; т. II, 1863 (Акты Ѳ.-Ч.).

М. М. Богословскій. Земское самоуправленіе на русскомъ сѣверѣ въ XVII в. Т. I (Чтенія въ Импер. Общ. ист. и древ. Росс. при Моск. ун-тѣ, 1910 г., кн. 1-я). Прилож. V. Акты, относящіеся до земскихъ выборовъ (Акты Богосл.).

А) Цѣловальники судные¹⁾.

Цѣловальники, какъ постоянныя должностныя лица, прежде всего являются въ сферѣ суда. Ихъ предшественниками здѣсь являются тѣ „добрые люди“ или „мужи“ („лучшіе люди“, „судные мужи“), которые искони „на судѣ были“, или „въ судѣ сидѣли“, или „при томъ были“, — какъ представители мѣстнаго населенія, знатоки мѣстныхъ юридическихъ обычаевъ, свидѣтели—„послухи“ того, что происходило на судѣ, къ которымъ, какъ къ живому „протоколу“, обращалась высшая инстанція въ случаѣ возникновенія какихъ-либо сомнѣній или жалобъ. Это исконное, въ силу обычая, участіе представителей населенія въ судѣ въ концѣ XV вѣка закрѣпляется закономъ, впервые, повидимому, въ уставной Бѣлозерской грамотѣ 1488 г. („а намѣстникомъ нашимъ и ихъ тиуномъ безъ соцковъ и безъ добрыхъ людей не судити судъ“²⁾), а затѣмъ — въ общемъ постановленіи 1-го Судебника, ст. 38: „А бояромъ или дѣтемъ боярскимъ, за которыми кормленія съ судомъ съ боярскимъ, и имъ судити, а на судѣ у нихъ быти дворьскому, и старостѣ, и лутчимъ людемъ; а безъ дворского и безъ старосты и безъ лутчихъ людей суда намѣстникомъ и волостелемъ не судити“...³⁾

¹⁾ Термины, встрѣчающіеся въ актахъ: „судные цѣловальники“ (А. Ю. № 359, II, 1585 г.; А. Ю. Б. I, № 80, I, 1600 г.; А. Ю. № 27, I, 1613 г.); „судетскіе цѣловальники“ (А. Ю. Б. II, №№ 190-II, 190-III, 190-V, 190-VI, 1605—1606 гг.); „судейской цѣловальникъ“ (Акты Богосл. № 1, 1642 г.); „цѣловальники къ суду“ (А. Ю. Б. I, № 46, 1615 г.); — „къ суднымъ дѣламъ“ (А. Ю. Б. I, № 55-IV, 1621 г.).

²⁾ А. Э. I, № 123.

³⁾ Въ томъ же 1-мъ Судебникѣ мы встрѣчаемся и съ терминомъ „цѣловальники“ (ст. 12), но здѣсь терминъ цѣловальники означаетъ лишь сви-

Превращеніе судныхъ мужей или добрыхъ людей, присутствовавшихъ только на данномъ дѣлѣ въ качествѣ, главнымъ образомъ, свидѣтелей судебного разбирательства, въ постоянныхъ присяжныхъ засѣдателей¹⁾, или ассистентовъ въ судѣ произошло въ теченіе первой половины XVI в. Впервые цѣловальники, какъ постоянные участники въ судѣ, являются, по видимому, въ Великомъ Новгородѣ въ 1518 году; въ отрывкѣ Русской (Новгородской) лѣтописи, напечатанномъ въ VI т. П. С. Р. Л. (с. 280—281) (въ прибавленіяхъ ко 2 й Софійск. лѣтописи) приводится слѣдующая запись: „Въ лѣто 7027 мѣсяца сентября въ 6 день, пожаловалъ государь князь великій Василей Ивановичъ всеа Русіи въ своей отчинѣ въ Великомъ Новгородѣ: слыша, что намѣстники судятъ силно, а тиуны ихъ судятъ на мздѣ, и велѣлъ своему дворецкому Ивану Костянтиновичу Сабурову и діяку Алексѣю Щекину, да дворцовымъ діакомъ... избрати изъ улицъ лутчихъ людей четьредесять восемь человекъ и къ цѣлованью привести; и оттолѣ по государеву слову великаго князя Василья Ивановича, уставили судити съ намѣстники старосту купецкого..., а съ тиуны судити цѣловальникомъ по 4 человекъ на всякій мѣсяць“²⁾. — Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что цѣловальники въ судѣ являются уже при великомъ князѣ Василіи Ивановичѣ, о чемъ свидѣлствуютъ, въ частности, относящіяся къ 1530—32 гг. „правыя грамоты“ (т. е. судебные приговоры), напечатанныя въ А. Ю.: ... „А на судѣ были цѣловальники“... „А на судѣ были мужи цѣловальники“...³⁾

Почему, какъ и для чего вводятся цѣловальники въ мѣстный судъ намѣстниковъ или приказныхъ людей, объ этомъ даетъ очень яркое свидѣтельство грамота вел. кн. Ивана Васильевича, данная 20 февр. 1542 г. жителямъ 2-хъ сѣверныхъ

дѣтелей, подтверждающихъ свое показаніе присягой, „крестнымъ цѣлованіемъ“.

¹⁾ Конечно, слова „присяжные засѣдатели“ здѣсь имѣютъ иной смыслъ, чѣмъ въ судебныхъ уставахъ 1864 г.

²⁾ Этому весьма важному для нашей темы извѣстію въ нашей исторической литературѣ не посчастливилось съ датировкой. О. М. Дмитріевъ („Исторія судебныхъ инстанцій и гражданскаго апелляціоннаго судопроизводства отъ Судебника до учрежденія о губерніяхъ“, М. 1859, ст. 42) относитъ учрежденіе 48 цѣловальниковъ въ Новгородѣ Великомъ къ 1533 году. — С. М. Соловьевъ („Исторія Россіи съ древнѣйш. временъ“, т. V, ч. 2, гл. 3, — по изд. „Обществ. пользы“, кн. 1-я, стр. 1711) относитъ извѣстіе объ учрежденіи 46 (sic) цѣловальниковъ въ Вел. Новгородѣ къ 1508 году. — Не имѣя здѣсь возможности входить въ подробности и приводить доказательства, скажу лишь, что мнѣ обѣ приведенныя даты представляются ошибочными; дата же цитированнаго лѣтописнаго текста (1518 г.) — наиболее вѣроятной. Соответственный текстъ (подъ тѣмъ же годомъ) находимъ въ новѣйшемъ (1929 г.) изданіи 4-й Новгородской лѣтописи (П. С. Р. Л., т. IV, ч. I, вып. III, стр. 540).

³⁾ А. Ю. № 18, 1530 г.; № 19, 1532 г.; см. далѣе А. Ю. № 21 (1541 г.), № 22 (1547 г.).

слободъ — „Керетчанамъ и Ковдянамъ“¹⁾: „Се язъ князь великій Иванъ Васильевичъ всеа Русіи пожаловалъ есми... Керетчанъ и Ковдянь, что ми били челомъ, а сказываютъ о томъ, что наши данщики и слободчики земскихъ людей Керетчанъ и Ковдянь судятъ не по суду. а земскимъ людемъ лутчимъ и середнимъ на судѣ данщики и слободчикъ быти у себя не велятъ, да въ томъ Керетчаномъ и Ковдяномъ земскимъ людемъ чинятъ продажи великія; а выбрали деи они въ цѣловальники, всею волостью... (перечислено 6 чело-вѣкъ выборныхъ): и мнѣ бѣ ихъ пожаловати у Керетцкихъ и у Ковденскихъ данщиковъ и у слободчика тѣмъ цѣловалникомъ велѣти быти на всякомъ судѣ, а безъ цѣловалниковъ бы данщикомъ и слободчикомъ суда не судити,... да тѣмъ же бы цѣловалникомъ у нихъ и у разбойничьихъ дѣлъ сидѣти и разбойничьи дѣла дѣлати по губной грамотѣ. — И язъ князь великій Керетчанъ и Ковдянь земскихъ людей пожаловалъ: велѣлъ есми быти въ цѣловалникѣхъ..., которые въ сей грамотѣ писаны имяны, и тѣмъ цѣловалникомъ быти у Керетцкихъ данщиковъ и у слободчика на судѣ, пере-мѣняся по трое по мѣсецомъ, да которые изъ тѣхъ цѣловалниковъ грамотѣ умѣютъ. и тѣмъ цѣловалникомъ у данщиковъ и у слободчика къ суднымъ спискамъ руки свои при-кладывати; а безъ цѣловалниковъ данщикамъ и слободчику суда не судити никакого; да и у разбойничьихъ дѣлъ, по губной грамотѣ, велѣлъ есми быти тѣмъ же цѣловалникомъ... и дѣла дѣлати по губной грамотѣ вправду, по крестному цѣлованью; а тѣхъ всѣхъ цѣловалниковъ велѣлъ есми ихъ привести къ цѣлованью на томъ, что имъ у данщиковъ и у слободчика на судѣ всякого дѣла беречи вправду, по крестному цѣлованью, безо всякія хитрости“...

Такимъ образомъ выборные цѣловальники входятъ въ судъ приказныхъ людей по желанію (и по иниціативѣ) мѣстнаго населенія, санкціонированному верховною властью, и являются въ этомъ судѣ представителями и защитниками правовыхъ интересовъ населенія. — Въ данномъ случаѣ выбранные населеніемъ и утвержденные верховною властью цѣловальники сидятъ какъ въ общемъ судѣ, такъ и у разбойныхъ или „губныхъ“ дѣлъ. И впоследствии „губное дѣло“ то сливается съ общимъ судомъ, то — чаще — существуетъ отдѣльно отъ него и параллельно съ нимъ (о губныхъ цѣловальникахъ см. ниже). Въ общемъ судѣ иногда засѣдаютъ особо для этого выбранные цѣловальники, иногда же въ немъ сидятъ земскіе цѣловальники, исполняющіе, помимо судебныхъ функцій, цѣлый рядъ обязанностей въ органахъ мѣстнаго самоуправления (см. ниже).

¹⁾ А. Э. I, № 196-II

Царскимъ судебникомъ 1550 г. участіе цѣловальниковъ въ судѣ признано обязательнымъ и повсемѣстнымъ: „А боярамъ и дѣтемъ боярскимъ судити...; а на судѣ у нихъ и у ихъ тиуновъ быти, гдѣ дворской, дворскому, да старостѣ и лутчимъ людемъ, цѣловальникомъ... А безъ старосты и безъ цѣловальниковъ суда не судити“... (ст. 62). Институтъ цѣловальничества долженъ былъ получить теперь общее распространіе: „а въ которыхъ волостѣхъ напередъ сего старость и цѣловальниковъ не было, и нынѣ въ тѣхъ во всѣхъ волостехъ быти старостамъ и цѣловальникомъ“ (ст. 68); при этомъ надо отмѣтить, что 2-й Судебникъ говоритъ и спеціально о цѣловальникахъ „которые у намѣстниковъ и у волостелей и у ихъ тиуновъ въ судѣ сидятъ“ (ст. 70).

Эти коллегіи судныхъ цѣловальниковъ должны были получить вскорѣ еще болѣе важное и самостоятельное значеніе въ связи съ реформой мѣстнаго управленія въ Московскомъ государствѣ въ 1550—1560 гг. — отмѣной кормленій и передачей судебно административной власти „излюбленнымъ головамъ“, „земскимъ судьямъ“ и старостамъ — „съ товарищи“, т. е. съ тѣми же цѣловальниками. Отмѣна намѣстничьяго управленія и суда не была, впрочемъ, проведена повсемѣстно, однако въ тѣхъ областяхъ, гдѣ такая замѣна суда кормленщиковъ выборнымъ общественнымъ судомъ была произведена на основаніи особыхъ царскихъ уставныхъ грамотъ, тамъ цѣловальники стали „судными товарищами“ (какъ называетъ ихъ т. наз. Судебникъ царя Θεодора Іоанновича, ст. 135), которые вмѣстѣ съ „головами“, „судьями“ или „старостами“ судили и выносили приговоръ.

Развитіе приказнаго управленія въ XVII в. значительно сузило территоріальное распространіе института судныхъ цѣловальниковъ, но не упразднило его вовсе. Прекрасное изслѣдованіе М. М. Богословскаго о земскомъ самоуправленіи на русскомъ сѣверѣ въ XVII вѣкѣ съ несомнѣнностью установило, что въ сѣверныхъ областяхъ Московскаго государства органы общественнаго самоуправленія и суда — въ томъ числѣ и судные цѣловальники — дѣйствуютъ до самаго конца XVII-го столѣтія¹⁾ (вопреки мнѣнію Б. Н. Чичерина — Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ. М. 1856, стр. 505).

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію функцій судныхъ цѣловальниковъ. Изъ ряда документовъ XVI—XVII вв. явствуетъ, что цѣловальники не были только свидѣтелями суднаго производства (какъ ихъ предшественники „судные мужи“ или „добрые люди“), но составляли коллегію судей

¹⁾ О функціяхъ „судецкихъ цѣловальниковъ“ на сѣверѣ Россіи въ XVII в. см. М. Богословскій, Земск. самоуправл., т. II, стр. 230—231 (Чтенія въ Имп. Общ. Исторіи и Древн. при Моск. ун-тѣ 1912 г. кн. 2-я).

вмѣстѣ съ главнымъ судьей или предсѣдателемъ суда (назначеннымъ верховною властью или выборнымъ отъ населенія). — Уставная грамота Переяславскаго уѣзда царскихъ подклѣтныхъ сель крестьянамъ, 1556 г.¹⁾, передаетъ судъ надъ крестьянами этихъ сель излюбленнымъ судьямъ и цѣловальникамъ — „а судити имъ по сей нашей грамотѣ“ — по дѣламъ гражданскимъ и части уголовныхъ, а дѣла о болѣе тяжелыхъ преступленіяхъ (разбой, убійство, поджогъ) предписываетъ имъ разбирать совмѣстно съ губными старостами. — Въ правой грамотѣ Николаевскому Корѣльскому монастырю на владѣніе деревней и полудворомъ (1571 г.) читаемъ, что этотъ поземельный споръ рѣшили „Двинскіе выборные судьи... съ товарищи“ и находимъ на судномъ спискѣ подписи 12 цѣловальниковъ²⁾. — Правая грамота Архангельскому монастырю на владѣніе въ Нижней Кехтѣ оброчными пашнями (отъ 1 іюня 1612 г.)³⁾ гласитъ: „...столникъ и воевода князь Иванъ Григорьевичъ Долгорукого да діакъ Путило Григорьевъ, да съ нимъ цѣловальники Ортемей Ивановъ съ товарищи, слушавъ сего судного списка и приговорили: исцовъ Архангилскаго монастыря старцовъ... отправить и впередъ имъ тѣми своими оброчными землями... владѣти по прежнему...; а отвѣтчиковъ... въ томъ земляномъ дѣлѣ... обвинить“ ... — Въ царской грамотѣ, данной Шуйскимъ посадскимъ людямъ 20 авг. 1615 г.⁴⁾, въ отвѣтъ на ихъ соотвѣтственное челобитье, читаемъ: „...И мы васъ Шуянъ посадцкихъ людей пожаловали, воеводамъ васъ судити не велѣли, а велѣли вамъ межъ собя судитца самимъ, выбирая по годомъ цѣловальниковъ. — ...и вы бѣ межъ себя къ суду выбирали въ цѣловальники посадцкихъ лутчихъ людей человекъ дву или трехъ; а выбравъ приводили ихъ къ крестному цѣлованью на томъ, что имъ васъ судить въ правду по нашему крестному цѣлованью; а пошлины собирая привозити къ намъ къ Москвѣ...; а судные дѣла вершити во всемъ по прежней уставной грамотѣ, а которыхъ дѣлъ вершити не мочно, и тѣ дѣла къ докладу присылати къ намъ къ Москвѣ, а на Москвѣ велѣли отдавать въ Галицкой Чети діаку нашему Семену Головину“. — Царская грамота Шуянамъ отъ 14 апр. 1621 г.⁵⁾ приказывала имъ слушать губного старосты „и подъ судъ къ нему ходить“, однако не устранила представителей мѣстнаго населенія отъ участія въ судѣ: „...а къ суднымъ дѣламъ выбрали бѣ есте межъ себя старость и цѣловальниковъ трехъ или двухъ человекъ добрыхъ и душею

1) А. И. I, № 165.

2) А. Ю. № 23.

3) А. Ю. № 26.

4) А. Ю. Б. I, № 46.

5) А. Ю. Б. I, № 55-IV.

прямыхъ и прожиточныхъ, и велѣли имъ сидѣть въ судѣ съ Филатомъ Сѣченымъ (губнымъ старостою) вмѣстѣ“... — Приведемъ еще приговоръ Ужгинской волости земскаго судейки съ товарищами, постановленный 26 окт. 1635 г.¹⁾ по разсмотрѣніи земельного спора: „...по государеву цареву... указу и по государевѣ по жаловалной грамотѣ, Ужгинскіе волости Земской судейка Поспѣлъ Васильевъ да съ цѣловальники съ Поспѣломъ Десятовымъ да съ Осипомъ Сидоровымъ, да съ мужи приговорными съ людьми добрыми, съ Игнатѣемъ Ѳоминымъ да съ Еремѣемъ Григорьевымъ, и оговоря сіе судное дѣло, и по сему судному списку, по государеву крестному цѣлованью и по приговору, ищю... оправили и по купчей ему съ братьею велѣли владѣти пожнею въ вѣковые, а... (отвѣтчиковъ) въ ихъ самосилствѣ повинили“... — Изъ приведеннаго документа видимъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ составъ судебного присутствія, кромѣ судей и цѣловальниковъ, и въ XVI—XVII вв. входятъ еще „добрые люди“ или „приговорные мужи“, повидимому, — лица, специально приглашенныя въ данное судебное присутствіе или для суда по данному дѣлу, въ отличіе отъ цѣловальниковъ — постоянныхъ присяжныхъ членовъ мѣстныхъ судебныхъ установленій²⁾.

Избирательные акты крестьянъ сѣверныхъ волостей предписываютъ избраннымъ (на годъ) цѣловальникамъ „съ судьями у судовъ сидѣти и у приговору быти“³⁾ или „цѣловальнику въ судѣ съ судьею сѣдять у всякихъ дѣлѣхъ и рѣчи велѣти писать вправду“⁴⁾. — „Выборъ“ крестьянъ Соденской волости, 10 янв. 1652 г.⁵⁾ предписываетъ земскому судѣ, цѣловальнику и сотскому: „А судити имъ насъ всѣхъ крестьянъ Соденскіе волости по государеву цареву — крестному цѣлованью вправду по уложенной книгѣ и по уставной грамотѣ, и по челобитнымъ, и по кабаламъ, и по записямъ, и въ татиныхъ и въ разбойныхъ дѣлѣхъ по статейному списку вправду, другу не дружить, а недругу не мститъ“⁶⁾ (здѣсь, слѣд., находимъ опять одинъ судъ по общимъ и по „губнымъ“ дѣламъ).

Помимо „сидѣнія“ въ судѣ (въ качествѣ ли только „ассистентовъ“ или въ качествѣ полноправныхъ судей) весьма

1) А. Ю. Б. III, N 277.

2) Въ такъ-назыв. Судебникѣ царя Ѳеодора Іоанновича (ст. 123) также различаются „целовальник и судные мужи“.

3) Акты Богосл. № 10, 1634 г.; № 11, 1637 г.; № 13, 1644 г.

4) Акты Богосл. № 4, 1642 г.

5) Акты Богосл. № 9.

6) Должно оговориться, что „выборы“ цѣловальниковъ въ сѣверныхъ волостяхъ въ XVII в. относятся не только къ специальнымъ „судецкимъ“, но и къ общимъ — „земскимъ“ цѣловальникамъ, исполняющимъ, кромѣ прочихъ, и судебную функцію.

существенной функцией судных цѣловальниковъ было ихъ участіе въ производствѣ судебного слѣдствія. Цѣловальники присутствовали при допросахъ обвиняемыхъ или потерпѣвшихъ (или сами производили эти допросы), посылались судомъ (или приглашались сторонами) для производства мѣстныхъ осмотровъ и т. д. Уставныя земскія грамоты 1550—1560 г.г., данныя жителямъ различныхъ областей, предписываютъ имъ, кромѣ судей, головъ или старостъ, выбрать „цѣловальниковъ, кому у нихъ въ судѣ сидѣти и на розсылкѣ быти“¹⁾... — Въ слѣдственномъ дѣлѣ 1613 г.²⁾ о колодникѣ Бѣлозерской тюрьмы, нанесшимъ себѣ ножевую рану, читаемъ, что бѣлозерскій воевода да дьякъ, узнавъ о происшествіи, послали къ тюрьмѣ стрѣлецкаго сотника „да Бѣлозерскаго посадскаго выборного судного цѣловальника Степана Чепыжникова“, велѣвъ имъ, при понятыхъ людяхъ „досмотрѣть раны“ и произвести допросъ колодника, покушавшагося на самоубійство. — Въ августѣ 1635 г. крестьянинъ Ужгинской волости „Первушка“ Мартыновъ подалъ жалобу земскому судейкѣ на двухъ человекъ, которые „самосильствомъ“ выкосили у него часть пожни, — „и судейка Поспѣлъ спросилъ ищею Первушку: чѣмъ ты его уличаешь? Ищея Первушка: уличаю де, что водилъ есмь цѣловальника Осипа Сидорова на пожню и являлъ ему на нихъ въ ихъ самосилствѣ“³⁾. — Въ авг. 1641 г. поселщикъ да ключникъ Троицкаго Гледенскаго монастыря били челомъ земскому судейкѣ Яхренской волости „и прошалъ съ собою итти судецкаго цѣловальника Леонтія Аѳонасьева, да пристава Стафійка, да земского дьячка на обидящее мѣсто въ деревню на Истокъ; а въ челобитѣ сказали на складника на своего... на нашемъ покосѣ землю зоравъ и пшеницы насѣялъ... Земской судья... велѣлъ итти судецкому цѣловальнику.., да приставу... и земскому дьячку на обидящее мѣсто... И пришедъ цѣловальникъ Леонтей съ товарищи и взявъ съ собою понятыхъ“, произвелъ мѣстный осмотръ и допросъ спорящихъ сторонъ, — „досмотрели и записали“⁴⁾. Произведенное цѣловальниками слѣдствіе ложилось затѣмъ въ основу судебного рѣшенія.

Напомнимъ затѣмъ, что по Судебнику 1550 года исполнительнымъ судебнo-полицейскимъ органамъ намѣстничьяго управленія („намѣстничимъ и волостелинымъ людямъ“) запрещалось „ковать“ и арестовывать у себя обвиняемыхъ

¹⁾ А. Э. I, № 242, 1555 г.; № 243, 1555 г., повтор. въ жалов. грамотѣ царя Михаила Ѳедоровича Устьянскимъ волостямъ отъ 8 сент. 1622 г. (А. Э. III, № 126).

²⁾ А. Ю. № 27-1.

³⁾ А. Ю. Б. III, № 277.

⁴⁾ Р. И. Б. XII, отд. Б. № XLIV.

(или должниковъ), не „явя“ ихъ старостамъ и цѣловальникамъ (Суд. II, ст. 70). — Уставная Двинская грамота 1556 г.¹⁾ предписываетъ выборнымъ судьямъ и цѣловальникамъ смотрѣть, чтобы посадскимъ людямъ и волостнымъ крестьянамъ ни отъ кого не было обидъ. — Вообще, цѣловальники, вмѣстѣ съ судьями и старостами, были охранителями правовыхъ интересовъ мѣстнаго населенія.

Численный составъ цѣловальниковъ въ мѣстныхъ судахъ колебался отъ 1-го до 12-ти (см. вышеприведенные отрывки изъ актовъ).

Отдѣльные цѣловальники или цѣлыя коллегии ихъ избирались мѣстнымъ населеніемъ къ суднымъ дѣламъ обычно на годовой срокъ. — Будучи по происхожденію властью выборною, они, какъ и всѣ органы мѣстнаго суда и управленія, подчинялись центральному правительству и были отвѣтственны передъ нимъ. За злоупотребленія по должности правительство угрожало имъ строгими карами, до смертной казни включительно²⁾. Затѣмъ, къ органамъ правительственной власти мѣстные выборные судьи обращались, какъ къ высшей инстанціи, въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ было „не мочно“ рѣшить то или другое поступившее на ихъ разсмотрѣніе дѣло³⁾.

Въ серединѣ и особенно во второй половинѣ XVII вѣка въ центральныхъ и южныхъ областяхъ Московскаго государства торжествуетъ приказно-бюрократическая система управленія и на мѣсто суда избранныхъ населеніемъ судей, головъ и старостъ съ цѣловальниками становится судъ воеводъ, дьяковъ „и всякихъ приказныхъ людей“. Однако и здѣсь и теперь приказные судьи не могутъ обойтись безъ содѣйствія общественнаго элемента. Вмѣсто судныхъ цѣловальниковъ мы находимъ теперь цѣловальниковъ съѣзжей избы, которымъ иногда даются порученія хозяйственно-фи-

¹⁾ А. Э. I, № 250.

²⁾ Такъ, уставная грамота Переяславскимъ рыболовамъ отъ 15 авг. 1555 г. (А. Э. I, № 242) заканчивается грознымъ предостереженіемъ: „А учнутъ тѣ выборные старосты и цѣловальники судити непрямо, и другу въ судѣ учнутъ норовити, а недругу мстити, и посулы и поминки имати... и тѣхъ судей и цѣловальниковъ казнити смертною казнію безъ отпросу“. — Тѣ же угрозы содержитъ уставная грамота Устюжскаго уѣзда Усецкихъ и Заецкихъ волостей крестьянамъ отъ 15 окт. 1555 г. (А. Э. I, № 243). — То же — въ царской жалованной грамотѣ Устьянскимъ волостямъ, отъ 8 сент. 1622 г.: „А учнутъ тѣ выборные люди,.. судить непрямо... и тѣхъ судей велить государь казнити смертною казнью“ (А. Э. III, № 126).

³⁾ См., напр., относительно губныхъ судей — губной наказъ 1549 г. въ А. Э. I, № 224; относительно „излюбленныхъ головъ“ см. уставную Важскую грамоту 1552 г.: „А которыхъ дѣлъ излюбленнымъ головамъ безъ нашего вѣдома кончатъ не мочно, и излюбленные головы... въ тѣхъ дѣлѣхъ суда своего списки и обыски во всякихъ дѣлѣхъ присылають въ Москву къ казначеямъ нашимъ..., и казначей наши да дѣякъ нашъ о тѣхъ дѣлѣхъ

нансоваго характера¹⁾, въ частности, имъ поручается иногда сборъ судебныхъ пошлинь, но чаще они получаютъ разныя порученія полицейскаго или судебно-слѣдственнаго характера; часто принимаютъ они участіе въ мѣстныхъ осмотрахъ и дознаніяхъ, въ размежеваніи спорныхъ земель, въ исполненіи судебныхъ приговоровъ и т. д.²⁾

Въ актахъ 2-й половины XVII в. мы встрѣчаемся еще съ терминомъ „подсудные цѣловальники“, но эти цѣловальники уже весьма существенно отличаются отъ „судныхъ“ или „судецкихъ“. Въ февр. 1662 г. жители Костромскаго пригорода Нерехты выбрали „ко государеву цареву... дѣлу, къ его великаго государя пошлиннымъ и ко всякимъ денежнымъ сборамъ въ подсудные цѣловальники“ 2-хъ Нерехчанъ, посадскихъ людей, которымъ поручено — „и быть имъ у судныхъ сборовъ... въ съѣзжей избѣ... безпрестанно“³⁾. Здѣсь „подсудные цѣловальники“ оказываются только денежными сборщиками.

Такимъ образомъ судные цѣловальники изъ членовъ суда или присяжныхъ засѣдателей превращаются въ XVII в. съ одной стороны — въ сборщиковъ судебныхъ пошлинь, съ другой — въ судебныхъ приставовъ, и въ лучшемъ случаѣ лишь сохраняютъ свою прежнюю функцію — участіе въ производствѣ предварительнаго слѣдствія.

Б) Цѣловальники губные.

Около 1540 г. въ системѣ мѣстнаго управленія Московскаго государства возникаютъ особыя, т.-наз. „губныя“ учрежденія; первоначально это — выборная уголовно-полицейская власть для преслѣдованія и наказанія „лихихъ людей“, прежде всего — разбойниковъ, отъ которыхъ такъ страдала древняя Русь (однимъ изъ важнѣйшихъ приказовъ въ системѣ центральныхъ учреждений Московскаго государства былъ, какъ извѣстно, Разбойный приказъ). Къ разбойникамъ присоединяются тати и душегубцы, а затѣмъ компетенція „губного“ вѣдомства все болѣе расширяется и усложняется. Первоначально губныя учрежденія давались населенію, по его просьбѣ, какъ льгота, чтобы облегчить ему дѣло борьбы съ преступниками и избавить его отъ „накладныхъ расхо-

докладываютъ меня царя и великаго князя, и язъ велю тому указъ учинити“ А. Э. I, № 234 — А. Ю. Б. I, № 46, 1615 г.

¹⁾ А. Ю. Б. III, № 278-I, 1651 г.

²⁾ Не имѣя возможности приводить здѣсь свидѣтельства актовъ о дѣятельности цѣловальниковъ съѣзжей избы, ограничимся лишь нѣкот рыми ссылками: см. напр., А. Ю. Б. I, № 65-I, 1642 г.; Акты Θ-Ч. II, № 126, стр. 280, 1659 г.; № 131, с. 303—304, 1665 г.; № 132, 1668 г.; № 141, 1678 г.

³⁾ А. Ю. Б. I, № 2.

довъ“, которыхъ стоила ему эта борьба, когда она производилась органами намѣстничьяго или приказнаго управленія, И населеніе вначалѣ встрѣтило выборныя губныя учрежденія съ восторгомъ, который такъ ярко проявился въ записи 1-й Псковской лѣтописи подъ 1541-мъ годомъ:¹⁾ „Тая же зимы бысть жалованіе государя нашего великого князя Ивана Васильевича всеа Русіи до всей своей Руской земли, млада возрастомъ 11 лѣтъ и старѣйша умомъ: до своей отчины милосердова, показа милость свою и нача жаловати, грамоты давати по всѣмъ градомъ болшимъ и по пригородомъ и по волостемъ, лихихъ людей обыскивати самимъ крестьяномъ межъ собя по крестному цѣлованію, и ихъ казнити смертною казнію, а не вода къ намѣстникомъ и къ ихъ тивуномъ лихихъ людей разбойниковъ и татей; и бысть намѣстникомъ по городомъ нелюбка велика на христіянъ; а Псковичи такову грамоту взяша, и начаша псковскіе цѣловалники и соцкіе судити лихихъ людей на княжи дворѣ въ судници надъ Великою рѣкою, и смертною казнью ихъ казнити; и бысть крестьяномъ радость и лгота велика отъ лихихъ людей и отъ поклепцовъ, и отъ намѣстниковъ, и отъ ихъ недѣльщиковъ и отъ ѣздоковъ, кои по волостемъ ѣздятъ, и начаша Псковичи за государя Бога молити . . . о его жалованьи до своей отчины, что показа милость до сиротъ своихъ“.

Въ губной Бѣлозерской грамотѣ отъ 23 окт. 1539 г.²⁾ великій князь (точнѣе, правительство, дѣйствовавшее отъ имени малолѣтняго великаго князя), констатируя разореніе населенія отъ разбойниковъ и „убытки великіе“, которые оно терпитъ отъ обыщиковъ и недѣльщиковъ, посылаемыхъ для поимки разбойниковъ, даетъ разрѣшеніе Бѣлозерскимъ служилымъ людямъ и крестьянамъ избрать для борьбы съ разбойниками особыхъ должностныхъ лицъ: „И вы бы межъ собя свѣстясь всѣ заодинъ учинили собѣ, въ тѣхъ своихъ волостяхъ, въ головахъ дѣтей боярскихъ, въ волости челоувѣкы три или четыре, которые бы грамотѣ умѣли и которые пригожи, да съ ними старость и десятичыхъ и лутчихъ людей крестіанъ челоувѣкъ пять или шесть, да промежъ бы есте собя, въ станѣхъ и въ волостяхъ, лихихъ людей разбойниковъ сами обыскивали, по нашему крестному цѣлованью, вправду безъ хитрости: . . . и допытався у нихъ, что они разбиваютъ, да тѣхъ бы естя разбойниковъ бивъ кнутемъ да казнили смертью; то еси положилъ на душахъ вашихъ“³⁾.

1) П. С. Р. Л. IV, стр. 304—5.

2) А. Э. I, № 187.

3) См. еще губную Солигалицкую грамоту отъ 31 авг. 1540 г.—А. Э. I, № 192, и губныя грамоты, данныя селамъ и деревнямъ Троице - Сергіева монастыря въ 1541 г. — А. Э. I, №№ 194i и 194ii.

Въ губномъ наказѣ селамъ Кириллова монастыря въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, данномъ 27 сент. 1549 г.¹⁾ въ отвѣтъ на соотвѣтственное челобитье населенія этихъ сель, царь „велѣлъ есми у нихъ быти въ розбойныхъ дѣлѣхъ въ губныхъ старостахъ, въ выборныхъ головахъ“ 2-мъ дѣтямъ боярскимъ „да съ ними цѣловалникомъ тѣхъ же сель крестьяномъ“ — названы 6 человекъ „съ товарищами“, которымъ предписывается „свѣстися всѣмъ заодинъ“, „обыскивати пролихихъ людей, про розбойниковъ и про татей, ... и допытався розбойниковъ, что они розбиваютъ, и вы бѣ тѣхъ розбойниковъ бивъ кнутемъ казнили смертною казною“. Татей предписывается судить губнымъ старостамъ съ волостелями или ихъ тиунами. — „А въ чемъ будетъ вамъ, въ которомъ дѣлѣ, невозможно управы учинити, и вы бѣ о томъ отписывали къ нашимъ боярамъ, которымъ приказаны розбойные дѣла, и бояре наши о тѣхъ дѣлѣхъ докладываютъ меня царя и великого князя да вамъ въ тѣхъ дѣлѣхъ указъ учинятъ. А въ намѣстничъ бы есте судъ, у намѣстниковъ и у волостелей и у ихъ тиуновъ, въ бои и въ грабежы и въ поличные не вступалися, опричь вѣдомыхъ татей и розбойниковъ; а намѣстники бы и волостели и ихъ тиуны въ вашъ судъ не вступалися“. Въ этомъ интересномъ наказѣ устанавливается т. обр. первоначальная компетенція губныхъ учреждений — преимущественно розбойныя дѣла, производится отграниченіе этихъ учреждений отъ органовъ общаго суда и управленія, указывается высшая инстанція — „бояре, которымъ приказаны розбойные дѣла“ (т. е. Розбойный приказъ) и устанавливается, въ основномъ, организація самихъ губныхъ учреждений: во главѣ — губные старосты изъ дѣтей боярскихъ (впослѣдствіи губныхъ старость предписывалось выбирать преимущественно изъ „дворянъ добрыхъ“), при нихъ — цѣловальники изъ крестьянскаго населенія. Эт организациія губныхъ учреждений, въ основномъ, сохранилась и въ дальнѣйшемъ, только ихъ компетенція постепенно расширялась, охватывая не только большинство уголовныхъ дѣлъ, но иногда выходя и за предѣлы этой области.

Прежде чѣмъ разсматривать въ подробностяхъ организацію и компетенцію губныхъ учреждений, и въ частности, роль цѣловальниковъ въ этихъ учрежденияхъ, замѣтимъ, что и общій характеръ губныхъ учреждений и роль цѣловальниковъ въ нихъ измѣнялись въ своемъ развитіи въ сторону — неблагопріятную для населенія. Губныя учреждения первоначально входили въ жизнь какъ льгота, данная правительствомъ населенію, согласно его желанію, и избраніе губныхъ старость и цѣловальниковъ представляло собою первоначальную

¹⁾ А. Э. I, № 224.

начально право, а не обязанность населенія. Однако, уже къ началу XVII в. губныя учрежденія теряютъ характеръ привилегіи или льготы и превращаются въ государственное приказное учрежденіе, для котораго населеніе обязано поставлять служебныя силы, какъ оно было обязано поставлять „даточныхъ людей“ для военной службы; прежнее право стало теперь для населенія тяжелой повинностью... Существенно измѣнилась и роль губныхъ цѣловальниковъ: первоначально они были товарищами губныхъ старостъ, были судьями и слѣдователями по уголовнымъ дѣламъ; въ XVII в. они превращаются въ подчиненныхъ губнымъ старостамъ низшихъ служащихъ — въ судебныхъ приставовъ, полицейскихъ служителей, разсылныхъ и, наконецъ, — въ лицъ „губныхъ цѣловальниковъ къ тюрьмамъ“ или просто „тюремныхъ цѣловальниковъ“ — въ тюремныхъ надзирателей и сторожей.

Кто избиралъ губныхъ цѣловальниковъ? Отдѣльныя распоряженія правительства, а затѣмъ — Уставная книга Разбойнаго приказа¹⁾ и Уложеніе 1649 г. (гл. XXI, ст. 4) установили, что губнымъ цѣловальникамъ должно быть у дѣль „по выборамъ сошныхъ людей“, т.-е. тяглыхъ крестьянскихъ и посадскихъ общинъ. Изъ царской окружной грамоты отъ 7 ноября 1601 г.²⁾ мы узнаемъ, что въ концѣ XVI в. царскимъ распоряженіемъ велѣно было, „имати въ (губные) цѣловальники крестьянъ съ сохъ, съ патриаршихъ, и съ митрополичихъ, и со архіепископлихъ, и съ епископлихъ, съ боярскихъ, съ окольныхъ, съ дворянскихъ, съ дьячьихъ, съ дѣтей боярскихъ, съ монастырскихъ, съ тарханщиковъ, со всѣхъ земель, опричь посадовъ и нашихъ дворцовыхъ сель; а первое велѣно имати съ большихъ помѣстей и вотчинъ, а послѣ того съ середнихъ, а затѣмъ имати съ меньшихъ“ ...

Въ XVII в. посадскія общины, такъ же какъ и сельскія, привлекаются къ поставкѣ губныхъ цѣловальниковъ; иногда, впрочемъ, эта личная повинность переводится на денежную: посадскія общины вносятъ деньги на „подмогу“ губнымъ цѣловальникамъ³⁾, а лично отбываютъ эту повинность преимущественно крестьянскія общины; и изъ этихъ послѣднихъ „преимущество“ въ поставкѣ цѣловальниковъ отдавалось крупнымъ общинамъ крестьянъ государевыхъ и крупнымъ помѣстьямъ и вотчинамъ частныхъ владѣльцевъ, мел-

¹⁾ А. И. III, № 167; М. Владимірскій-Будановъ, Христоматія по исторіи русск. права, вып. III, стр. 61 (ст. 53).

²⁾ А. Э. II, № 19.

³⁾ Не забудемъ, что на посадскихъ общинахъ въ XVII в. лежало и безъ того тяжелое бремя поставки цѣловальниковъ къ финансовымъ и хозяйственнымъ службамъ, о которыхъ см. ниже.

кія же обычно, вмѣсто личной службы, облагались извѣстными денежными взносами на губное дѣло. — Царская грамота отъ 15 апр. 1625 г. въ Муромѣ¹⁾ татиныхъ дѣлъ сыщику и губнымъ старостамъ предписываетъ съ посаду и съ монастырей брать и губныхъ цѣловалниковъ и деньги на подмогу имъ; „а съ Муромского уѣзду, съ боярскихъ и съ дворянскихъ и съ дѣтей боярскихъ съ помѣстей и съ вотчинъ, и съ грамотчиковъ, и съ тарханщиковъ, имали бѣ естя губныхъ цѣловалниковъ по сошному розводу съ болшихъ костей, а съ середнихъ и малыхъ костей имали тѣмъ цѣловалникомъ подмогу“. Повинность губной службы признается т. обр. всеобщей, и владѣльцы, прежде получившіе льготы и освобожденія отъ различныхъ податей и повинностей („грамотчики“ и „тарханщики“) отъ этой повинности не освобождаются. Это опредѣленно и настойчиво подтверждаетъ царская грамота отъ 15 сент. 1637 г. Муромскому губному старостѣ²⁾: „Указали есмя во всѣхъ городѣхъ... губныхъ цѣловалниковъ, и губныхъ дьячковъ, и тюремныхъ сторожей и палачей, и имъ подмогу... имать съ посадовъ и съ уѣздовъ, и съ нашихъ дворцовыхъ волостей, и съ патріаршихъ и съ митрополичихъ, и съ архіепискуплихъ, и съ монастырскихъ, и съ помѣстныхъ и съ вотчинныхъ со всякихъ земель, и съ тарханщиковъ, со всѣхъ, по сошному писму, съ живущего, съ чети пашни, поровну; а у которыхъ наши тарханныя грамоты естя, и тѣмъ тарханщикомъ указали въ томъ отказать“³⁾. — Уложеніе царя Алексѣя Михайловича (гл. XXI, ст. 98) предписываетъ „имати цѣловалниковѣ къ губнымъ дѣламъ съ болшихъ помѣстей и вотчинъ“ (въ которыхъ насчитывается больше 20 крестьянъ).

Въ губные цѣловальники предписывалось избирать „съ посаду и съ уѣзду съ сохъ, людей добрыхъ и прожиточныхъ, которые бѣ были душою прямы и животами прожиточны, и которые бѣ къ нашему (т. е. государеву) губному дѣлу пригодились“⁴⁾. Избравъ цѣловальниковъ, „сошные люди“ должны были „дать“ на нихъ „выборъ“, т. е. составить актъ объ избраніи за надлежащими подписями („за руками“). Царскія грамоты предписывали губнымъ старостамъ „тѣхъ нововыборныхъ губныхъ цѣловальниковъ привести къ нашему крестному цѣлованью и на нихъ выборы, за выборныхъ людей и за отцовъ ихъ духовныхъ и за своею (губного старосты) рукою“ „присылать къ намъ, къ Москвѣ,

1) А. Э. III, № 163.

2) А. Э. III, № 271.

3) См. еще А. Ю. № 352, 1663 г.

4) А. Э. III, № 210, 1632 г.

въ Розбойный приказъ по вся годы“¹⁾. — Какъ справедливо подчеркнулъ проф. А. А. Кизеветтеръ при обсужденіи доклада о цѣловальникахъ въ Русскомъ Историческомъ Обществѣ въ Прагѣ, „выборъ“ въ Московской Руси имѣлъ значеніе не столько общественнаго полномочія для избраннаго, сколько общественнаго поручительства избирателей за своего избранника передъ правительственною властью (особенно это относится къ цѣловальникамъ финансовымъ и хозяйственнымъ — см. ниже).

По приведеніи къ присягѣ („къ государеву крестному цѣлованію“) новоизбранные цѣловальники поступали въ распоряженіе губныхъ старостъ, съ которыми вмѣстѣ они должны были быть „у розбойныхъ и у татиныхъ дѣлъ“ (Улож. XXI, 4).

Нормальный срокъ службы губныхъ цѣловальниковъ былъ годовой „съ Семеня дня да до Семеня дни“ — съ 1-го сентября (начало года въ XVII в.) до 1-го сентября. Уже въ царской грамотѣ отъ 7 ноября 1601 г. находимъ предписаніе: „и быти имъ (губнымъ цѣловальникамъ) у тѣхъ дѣлъ перемѣняся по годамъ“²⁾. Практика иногда значительно отклонялась отъ этого правила, но эти отклоненія именно такъ и рассматривались, какъ нарушеніе нормальнаго порядка. Царская грамота Муромскому губному старостѣ отъ 26 сент 1632 г.³⁾, констатируя, что, вопреки прежнимъ предписаніямъ, „въ Муромѣ у нашихъ губныхъ дѣлъ и посямѣста прежніе многіе цѣловальники лѣтъ по пяти, и по шти, и по десяти, и болши, безперемѣнно“, приказываетъ ихъ „перемѣнить тотчасъ всѣхъ до одного человѣка“...; „да и впредь бы еси губныхъ цѣловальниковъ перемѣнялъ по тому жъ ежегодно, всѣхъ до одного человѣка, а на ихъ мѣсто новыхъ губныхъ цѣловальниковъ выбиралъ...; а велѣлъ бы еси тѣмъ новымъ выборнымъ губнымъ цѣловальникомъ у нашего губного дѣла быть по годомъ, съ Семеня дни сентября съ 1 числа да сентября по 1 жъ число, а болши года губнымъ цѣловальникомъ у нашего губного дѣла быть не велѣтъ“.

Неся государеву службу и будучи оторваны отъ своихъ обычныхъ занятій, губные цѣловальники получали отъ мѣстныхъ обществъ денежную „подмогу“. Уже въ царской грамотѣ отъ 1565 г. находимъ указъ о подмогѣ нововыборному губному цѣловальнику: „По вашему выбору велѣлъ еси у васъ быти, въ Рузскомъ уѣздѣ, въ Вышковскомъ стану Ульянку Михайлову сыну въ прежнего губного цѣловальника мѣсто“; подмоги ему велѣно давать „на сесь годъ

¹⁾ А. Э. III, № 210, 1632 г.; см. также А. М. Г. II, № 3, 1635 г.; А. Ю № 352, 1663 г.

²⁾ А. Э. II, № 19.

³⁾ А. Э. III, № 210.

съ сохи по полтинѣ“¹⁾. Также въ царской грамотѣ 1601 г. находимъ указаніе: „а подмогу имъ цѣловальникомъ велѣно давати съ сохъ же денгами по нынѣшнему нашему указу“²⁾.

О порядкѣ отвѣтственности губныхъ цѣловальниковъ за должностныя преступленія находимъ въ Уложеніи (гл. XXI, ст. 84) слѣдующее постановленіе: „А которой губной цѣловальникъ разбойника или татя отпуститъ, или животы разбойничьи или татиные покрадчи сбѣжитъ: и того цѣловальника животы отдать въ истцовъ искъ въ выти, чего искалъ въ полы иску; а чего животовъ его въ полы истцова иску не дойдетъ, и тотъ достальной искъ взяти на тѣхъ людѣхъ, кто того цѣловальника въ губные цѣловальники выбиралъ; да тѣхъ же людей, кто того цѣловальника выбиралъ, давати на поруки въ томъ, что имъ того губного цѣловальника, который покрадчи побѣжитъ, сыскавъ, поставити. А какъ того цѣловальника тѣ люди, кто его выбралъ, сыщутъ: и того губного цѣловальника бити кнутемъ, а бивъ кнутемъ изъ цѣловальниковъ выкинути“.

Что касается функцій губныхъ цѣловальниковъ, то первоначальной и основной ихъ функціей было — вмѣстѣ съ губными старостами (головами, приказчиками) и подъ ихъ руководствомъ преслѣдованіе лихихъ людей (преимущественно разбойниковъ) и судъ надъ ними. Губная грамота 1586 г. Троице-Сергіеву монастырю³⁾ съ дозволеніемъ учредить въ его вотчинахъ губныхъ приказчиковъ, старостъ и цѣловальниковъ, предписываетъ „тѣмъ приказщикамъ и цѣловальникомъ въ своихъ монастырскихъ селѣхъ и въ деревняхъ лихихъ людей, татей и разбойниковъ, сыскивати и имати и съ истцы судити, да истцемъ въ ихъ искѣхъ управу, а татемъ и розбойникомъ и оговорнымъ людямъ указъ учинити, по наказу“; лихихъ людей — разбойниковъ „обыскавъ казнити смертью“ (за неправосудіе царская грамота грозитъ выборнымъ губнымъ судьямъ — прикащикамъ, старостамъ и губнымъ цѣловальникамъ — смертною казнью). — На сѣверѣ, въ тѣхъ областяхъ гдѣ сохранились выборныя судебно-административныя учрежденія, находимъ и въ XVII в. сходное опредѣленіе роли губныхъ цѣловальниковъ; избирательный актъ крестьянъ Устьянской волости Введенскаго стану отъ 11 янв. 1634 г.⁴⁾ поручаетъ нововыборнымъ земскому судейкѣ, губному старостѣ, губному цѣловальнику и губному сотскому „насъ крестьянъ по челобитнымъ судомъ судить...

¹⁾ А. И. I, № 175.

²⁾ А. Э. II, № 19; о подмогѣ губнымъ цѣловальникамъ см. также А. Э. III, № 163, 1625; № 271, 1637 г. № 276, 1637 г. — А. М. Г. II, № 695, 1655 г. — А. Ю. № 352, 1663 г.

³⁾ А. Э. I, № 330.

⁴⁾ Акты Богосл. № 10.

и губа держати по государеву указу, по судебнику и по уставной грамотѣ... и всякія дѣла татинья и розбойныя и душегубныя сыскивать и управа межъ нами крестьяны чинить безволочитно по государеву цареву — крестному цѣлованію вправду. А въ судѣ и во всякомъ дѣлѣ другу не дружить, а недругу не мстити и посуловъ и поминковъ не имать ни у кого ни отъ чего некоторыми дѣлы. А цѣловальникомъ и сотскимъ съ судьей и старостою у судовъ сѣдяти, у приговору быти и всякія дѣла татинья и розбойныя сыскивать“.

Помимо участія въ судѣ надъ разбойниками, татями и душегубцами, губные цѣловальники принимаютъ участіе въ обыскахъ, арестахъ и допросахъ подозрительныхъ („оговорныхъ“) людей, отвозятъ по порученію губныхъ старостъ разныя грамоты по дѣламъ своего вѣдомства и т. д. — „Наказная память“ 1573 г.¹⁾ предписываетъ служилому человѣку „... тѣхъ оговорныхъ людей по обыску, взявъ съ собою губныхъ цѣловальниковъ и понятыхъ, ... ѣхавъ поимати, а дворы ихъ и животы... переписавъ, запечатати“. Въ „доѣздѣ“ 1688 г.²⁾ читаемъ, что по указу великихъ государей и по наказной памяти воеводы, площадной подьячій (Переяславля Рязанскаго) да губные цѣловальники... (двое) ѣздили въ Рязанской уѣздѣ въ вотчину боярина... Шереметева въ село Борки съ понятыми; а пріѣхавъ, при понятыхъ велѣно намъ поимать въ томъ селѣ Боркахъ оговорныхъ крестьянъ... а дворы ихъ... переписать на роспись и запечатать“. — Губная грамота Троице-Сергіеву монастырю 1586 г.³⁾ предписываетъ: „А которыхъ цѣловальниковъ съ грамотами губной староста... въ иные губы къ старостамъ о оговорныхъ людехъ пошлетъ, и цѣловальникомъ велѣти съ собою имати стороннихъ людей человѣкъ трехъ или четырехъ, да при тѣхъ людехъ старостамъ отдавати грамоты“.

Но помимо исполненія своихъ прямыхъ обязанностей губные цѣловальники оказываются удобною вспомогательною силою при всякаго рода судебныхъ и административныхъ дѣйствіяхъ мѣстныхъ властей. Такъ губныхъ цѣловальниковъ мы встрѣчаемъ „съ тиуны на судѣ и у спроски“⁴⁾, ихъ посылаютъ къ разслѣдованію въ денежныхъ искахъ⁵⁾, при нихъ производятся земельные осмотры и допросы сторонъ и свидѣтелей по спорнымъ земельнымъ дѣламъ⁶⁾, они присутствуютъ „на мѣрѣ и на отдѣлѣ и на розѣздѣ и на

1) А. Ю. Б. II, № 230-III; см. *ibid.* № 230-II, 1573 г.

2) А. Ю. Б. I, № 80-XI.

3) А. Э. I, № 330-II.

4) А. Ю. № 58, 1611 г.

5) А. Ю. Б. II, № 130, 1675 г.

6) Р. И. Б. т. XXXV, № 36, 1604 г.

розмежеванъ“ земельныхъ владѣній¹⁾; при нихъ „отказываютъ“ землю новымъ владѣльцамъ²⁾. Иногда передъ губными цѣловальниками „бьютъ челомъ въ службу“ вступающіе въ кабальное холопство³⁾. Иногда губнымъ цѣловальникамъ дается даже порученіе „денежные всякіе (государевы) доходы съ сохъ сбирати“⁴⁾. Наконецъ, даже раньше возникновенія особыхъ тюремныхъ цѣловальниковъ, губнымъ цѣловальникамъ иногда приходилось обращаться въ тюремныхъ надзирателей или сторожей⁵⁾.

Понятно, что теперь обязанность поставки цѣловальниковъ превращается для населенія въ тяжелую повинность и отъ восторговъ псковскаго лѣтописца по поводу введенія губныхъ цѣловальниковъ въ 1541 г. не остается и слѣда! Наоборотъ, населеніе всячески старается избавиться отъ этой повинности и три группы главныхъ „поставщиковъ“ губныхъ цѣловальниковъ — служилые люди (какъ владѣльцы помѣстій и вотчинъ), монастыри и посады спорятъ и препираются между собой, желая свалить часть этой тяготы одни на другихъ. Въ 1625 г. дворяне и дѣти боярскіе Муромскаго уѣзда жалуются царю, что губныхъ цѣловальниковъ „выбрали съ нихъ, съ середнихъ и съ малыхъ костей съ уѣзду, а монастыри де цѣловальниковъ своихъ свели“, и посадскіе люди также не помогаютъ въ несеніи губной повинности; царской грамотой было велѣно брать съ посаду и съ монастырей губныхъ цѣловальниковъ и имъ „подмогу“ (А. Э. III, №163), — уклоняющихся теперь притягиваютъ къ выполненію губной повинности. — Весьма яркій документъ для характеристики губной повинности и отношенія къ ней мѣстнаго населенія представляетъ собою царская грамота Суздальскимъ губнымъ старостамъ отъ 13 дек. 1647 г.⁶⁾ Въ отвѣтъ на донесеніе объ отказѣ игуменья Суздальскаго Покровскаго дѣвичья монастыря и одного изъ землевладѣльцевъ Суздальскаго уѣзда дать требуемыхъ отъ нихъ губныхъ цѣловальниковъ царь приказываетъ: „И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бѣ велѣли сошнымъ людямъ цѣловальниковъ выбрать съ болшихъ костей..., а на ослушникахъ доправили, а приставовъ на ослушниковъ имали въ Суздали у воеводы; а Покровскаго дѣвича монастыря слугу, которой за дѣлы ходитъ, поймавъ посадили въ тюрьму до тѣхъ мѣстъ, какъ цѣловальника выберутъ; а Сергѣева крестьянина Горяинова Микитку, которой выбранъ въ цѣло-

1) А. Ю. № 151, 1555 г.; № 152, 1567 г.

2) А. Ю. Б. II, № 136-I, 1637 г.

3) А. Ю. Б. II, № 131-III, 1600 г.

4) А. Э. II, № 19; 1601 г.; Акты Богосл. № 10, 1634 г.

5) А. Э. III, № 163, 1625 г.

6) А. Э. IV, № 22.

валники, за порукою, и на него выборы прислали къ намъ къ Москвѣ; а будетъ учнетъ избѣгать, и вы бѣ въ его мѣсто поймали Сергѣева жъ правого крестьянина и велѣли посадить въ тюрьму до тѣхъ мѣстъ, какъ того выборного цѣловальника сыскавъ поставятъ“, послѣ чего онъ долженъ быть присланъ въ Москву, въ Разбойный Приказъ, для принятія присяги. — Мы видимъ, какую огромную и прискорбную эволюцію продѣлалъ институтъ губныхъ цѣловальниковъ за одно столѣтіе (съ 1541 до 1647 г.): изъ „излюбленныхъ“, т.-е. свободно выбранныхъ населеніемъ судей, избавившихъ населеніе отъ намѣстничьихъ притѣсненій и обидъ, цѣловальники стали — мелкими подневольными служителями, которыхъ правительственные органы тянутъ на службу съ помощью пристава, которые при случаѣ пытаются „избѣгать“, и тогда вмѣсто нихъ хватаютъ и сажаютъ въ тюрьму „праваго крестьянина“ до тѣхъ поръ, пока несчастнаго „избранника“ „сыскавъ поставятъ“. Здѣсь вся терминологія такова, точно рѣчь идетъ уже не объ органахъ власти и охранителяхъ общественнаго порядка, а о... преступникахъ, съ которыми губныя власти должны были бороться...

Понятно, что такого рода судебно-полицейскія „власти“ не могли стоять на большой высотѣ, и во 2-ой половинѣ XVII вѣка Московское правительство значительно „охлаждаетъ“ къ системѣ губныхъ учрежденій вообще и къ губнымъ цѣловальникамъ въ частности. Въ новоуказныхъ статьяхъ о татевныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлахъ, изданныхъ въ 1669 г.¹⁾ вѣдать этого рода дѣла поручено губнымъ старостамъ и особо назначаемымъ сыщикамъ, при которыхъ должны состоять губные дьячки; о губныхъ же цѣловальникахъ въ этихъ „новоуказныхъ статьяхъ“ не упоминается вовсе. Однако неправильно было бы изъ этого выводить заключеніе²⁾, что въ 1669 г. губные цѣловальники были уничтожены и послѣ того не были возстановлены, а сохранились лишь цѣловальники тюремные. Изъ Актовъ, относ. до юридич. быта, мы узнаемъ, что и въ концѣ XVII в. губные цѣловальники производятъ допросы по поводу исковъ (А. Ю. Б. II, № 130, 1675 г.), посылаются въ уѣздъ для ареста „оговорныхъ“ людей (ibid. I, № 80-XI, 1688 г.), слѣдовательно, исполняютъ свои обычныя обязанности.

Въ 1679 г. Московское правительство дѣлаетъ попытку уничтожить всю систему губныхъ учрежденій, какъ и цѣлаго ряда иныхъ должностей въ мѣстномъ управленіи. Царскій указъ отъ 27 ноября 1679 г.³⁾ (съ боярскимъ приго-

¹⁾ П. С. З. I, № 441.

²⁾ какъ это сдѣлалъ Б. Н. Ч черинъ, Областн. учрежд. Россіи въ XVII в. М., 1856, стр. 466.

³⁾ П. С. З. II, № 779; см. также А. Э. IV, № 237 (1679 г.)

воромъ) приказываетъ: „Въ городѣхъ быть однимъ воеводамъ, а горододѣльцомъ и сыщикомъ и губнымъ старостамъ... не быть; а городовое строеніе... и губныя дѣла... и всякое дѣло вѣдать воеводамъ однимъ, чтобъ впредь градскимъ и уѣзднымъ людямъ въ кормѣхъ лишнихъ тягостей не было, и губныя избы во всѣхъ городѣхъ сломать; а губнымъ подьячимъ быть у дѣль съ воеводы въ сѣзжихъ избахъ съ прежними подьячими вмѣстѣ; а у тюремъ цѣловальникамъ быть по прежнему, съ уѣздныхъ людей съ переменною погодно безъ денежныя подмоги“. — Однако этотъ энергичный указъ трудно было исполнить, ибо воеводы одни не могли же вѣдать буквально „всякое дѣло“. Въ 1683—84 гг. возстанавливаются сыщики и губныя старосты, которые окончательно упраздняются только въ 1702 году¹⁾.

Мы только что видѣли, что указъ 1679 года, упраздняющій губныя учрежденія и предписывающій даже „губныя избы сломать“, сохраняетъ институтъ „у тюремъ цѣловальниковъ“. Объ этихъ тюремныхъ цѣловальникахъ намъ и надлежало бы сказать теперь нѣсколько словъ, но въ видахъ экономіи мѣста, а также въ виду того, что въ институтѣ тюремныхъ цѣловальниковъ совершенно ясны какъ функціи этихъ должностныхъ лицъ, такъ и общій характеръ этого института — характеръ тяжелой служебной повинности, отбываемой населеніемъ по требованію правительственной власти, мы выпускаемъ въ нашемъ изложеніи отдѣль, говорящій о тюремныхъ цѣловальникахъ и сохраняемъ лишь нѣкоторыя ссылки на источники²⁾.

В. Цѣловальники земскіе.

Мы уже упоминали выше объ общемъ постановленіи Царскаго Судебника 1550 г.: „А въ которыхъ волостѣхъ напередъ сего старость и цѣловальниковъ не было, и нынѣ въ тѣхъ во всѣхъ волостѣхъ быти старостамъ и цѣловальникомъ“ (ст. 68).

Институтъ земскихъ цѣловальниковъ, возникающій въ первой половинѣ XVI в., получаетъ такимъ образомъ въ срединѣ этого столѣтія законодательную санкцію и поддержку. О земскихъ старостахъ и цѣловальникахъ говоритъ окружной царскій наказъ, данный въ декабрѣ 1551 г. вслѣдствіе постановленій Стоглаваго собора; онъ говоритъ о выборахъ земскихъ старостъ и цѣловальниковъ „въ городѣ на

¹⁾ П. С. З. IV, № 1900

²⁾ См. Улож. XXI, 95, 97, 101. — А. Ю. № 280, 1641 г. № 223-VI, 1655 г. — А. Ю. Б. II, № 262-III, 1669 г.; ib. I, № 3, 1671 г.; ib. II, № 262-VII, 1688 г. — А. М. Г. I, № 459, 1632 г.; ib. II, № 667, 1655 г. — Акты Богосл № 13, 1644 г.; № 5, 1652 г.

посадѣ“, „и по волостемъ и по селомъ и во всемъ... уѣздѣ“¹⁾. Уложение о святительскомъ (церковномъ) судѣ 1551 г. говоритъ объ участіи въ этомъ судѣ „грацкихъ старость и цѣловальниковъ“ и „земскихъ старость и цѣловальниковъ“²⁾.

Въ XVI в. институтъ земскихъ цѣловальниковъ широко распространился по всей Руси: „старосты и цѣловальники“ сдѣлались всеобщимъ и необходимымъ органомъ, возглавлявшимъ и представлявшимъ мѣстныя общества. „Въ городахъ на посадахъ“ мы находимъ старость и цѣловальниковъ (земскихъ) посадскихъ, которые иногда называются также городскими или „градцкими“; имъ противопоставляются (земскіе) старосты и цѣловальники уѣздные или волостные. Во 2-й половинѣ XVII в. въ немногихъ сѣверныхъ областяхъ, образовавшихъ „всеуѣздное“ представительство, находимъ старость и цѣловальниковъ „всеуѣздныхъ“³⁾. Въ уѣздахъ находимъ старость и цѣловальниковъ не только въ волостяхъ, но и въ станахъ, погостахъ, слободахъ, селахъ, словомъ, во всѣхъ округахъ или значительныхъ поселеніяхъ; старость и цѣловальниковъ находимъ въ государевыхъ дворцовыхъ волостяхъ, селахъ и деревняхъ; находимъ ихъ также въ монастырскихъ и церковныхъ вотчинахъ, а затѣмъ во всѣхъ вообще сколько-нибудь значительныхъ вотчинахъ и помѣстьяхъ „всякаго чина людей“. — И должно замѣтить, что эти выборные органы, на которые, какъ увидимъ дальше, возлагалось правительствомъ множество обязанностей судебного, административнаго и финансоваго характера, не были, однако, органами нужными лишь правительству, они были нужны и мѣстнымъ обществамъ, они оставались и по своему происхожденію и по своему характеру выборными мѣстными мірскими властями. Коллеги волостныхъ и посадскихъ управителей и представителей — „старость и цѣловальниковъ“ — образуются въ періодъ консолидаціи и оформленія земскихъ міровъ Московской Руси и доживаютъ до временъ Россійской имперіи. Ихъ сила и жизненность особенно ярко проявляется въ началѣ XVII в., въ эпоху смутнаго времени, когда зашаталась и затѣмъ рухнула верховная государственная власть; если бы эти выборные органы имѣли только казенно-служебное значеніе, они должны были бы разсыпаться вмѣстѣ съ распаденіемъ государственныхъ скрѣпъ, въ дѣйствительности же произошло явленіе совсѣмъ обратное: именно въ годы безсильнаго правительства царя Василія Ивановича Шуйскаго и въ послѣдующіе за ними годы между-

1) А. Э. I, № 231, с. 227.

2) А. И. I, № 155.

3) Такъ въ челобитной 1687 г., напечатанной въ Р. И. Б. т. XII, отд. Б., № CLXXXI, упоминаются трое „всеуѣздныхъ выборныхъ цѣловальниковъ“ Соли-Вычегоцкой.

царствія мѣстные земскіе міры, со своими неизмѣнными старостами и цѣловальниками во главѣ, проявляютъ особенно энергичную и напряженную дѣятельность и не только поддерживаютъ общественный порядокъ въ своей средѣ, но, въ концѣ концовъ, играютъ рѣшающую роль и въ восстановленіи порядка государственнаго ¹⁾.

Выборы земскихъ старостъ и цѣловальниковъ производились мѣстнымъ населеніемъ, но иногда правительственная власть давала своимъ агентамъ порученія — слѣдить за правильностью выборовъ, требовать соотвѣтствія личныхъ качествъ избранниковъ ихъ должности и брать у населенія „выборы за руками“, какъ ручательство избирателей за своихъ избранниковъ. — Наказъ о судѣ и расправѣ въ Заонѣжскихъ погостахъ, относящійся къ царствованію Бориса Годунова (1598—1605 гг. ²⁾) предписываетъ служилому человѣку, посланному для управленія этими погостами, взять у волостныхъ людей и прислать въ Великій Новгородъ выборные и излюбленные списки на избранныхъ ими старостъ и цѣловальниковъ, „а тѣхъ старостъ и цѣловальниковъ Кондратью приводити къ крестному цѣлованью, коего жъ старосту и цѣловальниковъ въ своемъ погостѣ, передо всѣми волостными людьми. А того Кондратью беречи накрѣпко, чтобъ въ тѣхъ погостѣхъ старосты и цѣловальники годы по два и по три не были и заговоромъ старосты и цѣловальники не ставились, а выбирали бѣ старостъ и цѣловальниковъ всѣ крестьяне не воровъ и не ябедниковъ“...

Наказъ, данный „Новгородскаго государства боярами и воеводами“ 22 ноября 1612 приказчику Нехорошему Ермоличю Вельяшеву объ управленіи Оштинскимъ станомъ Обонѣжской пятины ³⁾, предписываетъ ему: „А старостъ и цѣловальниковъ въ Оштинскомъ стану велѣти избирати крестьяномъ всѣмъ, лутчимъ и середнимъ и молодчимъ людямъ, по годома, въ болшомъ погостѣ по два человѣка старостъ да по четыре человѣка цѣловальниковъ, а въ меншомъ погостѣ по старостѣ да по два человѣка цѣловальниковъ, изъ лутчихъ людей, которые бѣ были душами прямы и животы прожиточны и прежь сего въ старостахъ и въ

¹⁾ Множество актовъ, относящихся къ дѣятельности мѣстныхъ обществъ, со старостами и цѣловальниками во главѣ, въ эпоху смутнаго времени (точнѣе, въ 1606—1612 гг.) и къ ихъ сношеніямъ между собою, напечатано въ А. Э. т. II и въ А. И. т. II.

²⁾ А. Э. № 30. ³⁾ Д. А. И., I, № 167. Наказъ этотъ относится ко времени шведской оккупации Новгорода и данъ отъ имени „Новгородскаго государства бояръ и воеводъ Якова Пунтосовича Делегарда, волного господина въ Экхолмѣ и въ Колкѣ и Рунсіѣ, да князя Ивана Никитича болшого Одоевскаго“: но разумѣется, гостановленія этого (въ высшей степени интереснаго) наказа заключаютъ въ себѣ изложеніе старыхъ русскихъ правовыхъ обычаевъ, а не нововведенія шведскаго „вольнаго господина“.

цѣловалникѣхъ бывали; а кого выберутъ, и Нехорошему на тѣхъ людей имати выборные и излюбленные списки, за поповскими и за волостныхъ людей руками, чтобъ впередъ въ томъ у лутчихъ людей съ молодчими спору не было, да тѣ выборные и излюбленные списки присылати въ Великій Новгородъ, а тѣхъ старость и цѣловалниковъ приводити къ крестному цѣлованью, коего жъ старосту и цѣловалниковъ въ своемъ погостѣ, передъ всѣми волостными людьми; а того Нехорошему беречи накрѣпко, чтобъ въ тѣхъ погостѣхъ старосты и цѣловалники годы по два и по три не были, и заговоромъ старосты и цѣловалники не ставились, а выбрали бѣ старость и цѣловалниковъ всѣ крестьяне не воровъ и не ябедниковъ“ ...

Царская уставная грамота, данная жителямъ Устюжны Желѣзопольской 5 іюня 1614 г.¹⁾ и подтверждающая, по просьбѣ Устюжанъ, жалованную грамоту царя Ивана Васильевича, разрѣшаетъ „Устюжны Желѣзопольскіе посадскимъ людемъ выбирать себѣ, всею землею, лутчихъ людей цѣловалниковъ и впередъ выбирать себѣ на Устюжнѣ на посадѣ иныхъ цѣловалниковъ, и сотского и дьячковъ, самимъ, и приводити тѣхъ всѣхъ людей къ крестному цѣлованью“ ...

Подобнаго рода предписанія находимъ и въ актахъ, относящихся къ концу XVII в. Царская грамота (царя Θεодора Алексѣевича) Чердынскому воеводѣ отъ 17 мая 1677 г.²⁾ (подтверждающая прежнія грамоты царей Михаила Θεодоровича и Алексѣя Михайловича) гласитъ: „...а въ цѣловалники къ нашему великого государя дѣлу (и) къ ихъ мирскимъ сборомъ, выбирать велѣлъ имъ Чердынцомъ самимъ людей добрыхъ, которые бѣ были душею прямы и животомъ прожиточны, а кого именемъ они Чердынцы выберутъ, и тебѣ бѣ и впредъ будущимъ воеводамъ и подъячимъ, по тѣхъ цѣловалникахъ имать у нихъ Чердынцовъ выборы, за руками выборныхъ людей и отцовъ ихъ духовныхъ“ ...

Подводя итогъ постановленіямъ процитированныхъ документовъ о выборахъ земскихъ цѣловальниковъ, скажемъ, что въ выборахъ, какъ правило, должны были принимать участіе всѣ крестьяне или посадскіе люди, включая и „молотчихъ людей“. Агенты правительственной власти слѣдили за тѣмъ, чтобы въ старосты и въ цѣловальники не ставились „заговоромъ“, т. е. не проскочили бы кандидаты какой-нибудь сговорившейся или стакнувшейся за спиной общества кучки лицъ. Избирать же на должности старость и цѣловальниковъ предписывалось лучшихъ людей, или добрыхъ людей, которые были бы „душею прямы и животомъ про-

¹⁾ А. Э. III, № 37.

²⁾ А. И. V, № 16; см. еще *ibid* № 133 (1685–87 г.).

житочны“, „не воровъ и не ябедниковъ“, — обычное въ Московскомъ государствѣ соединеніе нравственнаго и имущественнаго ценза для общественныхъ избранниковъ. Нормальнымъ срокомъ службы старость и цѣловальниковъ былъ годовой срокъ, но потомъ, послѣ нѣкотораго перерыва, служба прежнихъ старость и цѣловальниковъ могла, конечно, повторяться.

Относительно вознагражденія земскихъ старость и цѣловальниковъ за ихъ службу можно думать, что постоянное жалованіе или хотя бы регулярная „подмога“ имъ не были общимъ правиломъ, тѣмъ болѣе, что эти должностныя лица обычно избирались изъ „лутчихъ“, т. е. изъ болѣе состоятельныхъ членовъ общества. Однако, имѣются и нѣкоторыя указанія на существованіе такого вознагражденія¹⁾.

Переходя теперь къ компетенціи земскихъ цѣловальниковъ, замѣтимъ прежде всего, что здѣсь намъ придется говорить почти всегда объ общей компетенціи старость и цѣловальниковъ, ибо они составляли одну коллегію, въ которой цѣловальники всегда были для старость только товарищами, но не подчиненными въ собственномъ смыслѣ этого слова (какъ были, напр., губные цѣловальники въ отношеніи къ губнымъ старостамъ).

Начнемъ наше разсмотрѣніе съ области духовно-религіозныхъ интересовъ общины. Цѣловальники со старостами, во главѣ своихъ избирателей, заботятся о выборѣ священниковъ къ своимъ церквамъ²⁾, выбираютъ церковныхъ старость³⁾, требуютъ у нихъ и провѣряютъ ихъ отчетность⁴⁾, бьютъ челомъ епархіальному архіерею по поводу разныхъ дѣлъ своей церкви и своего прихода⁵⁾ и т. д.

Въ области хозяйственныхъ интересовъ земскихъ міровъ старосты и цѣловальники играютъ важную, руководящую роль. Они должны заботиться, прежде всего, о томъ, чтобы всѣ, по возможности, тяглые участки данной общины имѣли своихъ хозяевъ (ибо за участки заброшенные соотвѣтственная доля казеннаго тягла падала на остающихся членовъ общины); слѣдовательно, они вели учетъ наличнаго числа членовъ тяглою общины, вѣдали приѣмомъ въ общину новыхъ тяглецовъ, раздавали имъ пустовавшіе участки и заключали съ ними соотвѣтственные договоры. — Въ цитированномъ уже новгородскомъ наказѣ 1612 г.⁶⁾ посланному

¹⁾ См. у М. М. Богословскаго, Зем. к. самоуправл. на русск. сѣв., т. I. стр. 313; Акты Богосл. № 14, 1627 г.; А. Ю. Б. II № 187 iv, 1672 г.

²⁾ См. М. Богословскій, Земск. самоуправл., т. II, стр. 25—30. — Р. И. Б. т. XII, отд. Б., № CLXXXI, 1687 г. ³⁾ Р. И. Б. XII, отд. Б., № CLXXXIII, 1686 г.

⁴⁾ Ibid. № LV, 1649 г. („... прошлыхъ годовъ ружныхъ старость ... по приходнымъ и расходнымъ книгамъ счесть“ ...). ⁵⁾ Ibid. № CCLV, 1696 г.

⁶⁾ Д. А. И. I, № 167.

въ Обонѣжскую пятину приказчику дается порученіе: „Да Нехорошему, и старостамъ, и цѣловальникомъ, на Олонцѣ и въ Заонѣжскихъ погостѣхъ, давати на оброкъ крестьяномъ пустые выти на пашню и на сѣнокосъ, пашня пахати и сѣно косить...“; „а которые пустые выти, въ прошлыхъ годѣхъ, въ Новѣгородѣ и въ волости у цѣловальниковъ имали крестьяне на оброкъ, на урочные лѣта и до жилцовъ, и Нехорошему, сыскавъ, съ тѣхъ пахотниковъ оброшныя денги присылати въ Великій Новгородъ“ ... „А того Нехорошему, и старостамъ, и цѣловальникомъ беречи накрѣпко, чтобъ во всѣхъ погостѣхъ крестьяне, не рознявъ государевыхъ пустыхъ пашенъ и сѣнныхъ покосовъ, мимо своихъ погостовъ на сторонахъ пустыхъ вытей не пахали и не косили“. „А старыхъ крестьянъ изъ тѣхъ погостовъ никуды не выпускаати“... — „... и надъ старосты и надъ цѣловальники того всего смотрѣти и беречи накрѣпко, чтобъ они живущихъ вытей въ пусто не писали и прибавочныхъ пашенъ за собою не таили“ (стр. 295—296). — Въ 1651 г. старостамъ и цѣловальникамъ Заонѣжскихъ погостовъ и волостей предписывается переписать деревенскіе участки государевыхъ сошлыхъ крестьянъ¹⁾. Въ томъ же году въ Заонѣжскихъ погостахъ старосты и цѣловальники берутъ поручныя записи по возвращенныхъ изъ бѣговъ крестьянахъ²⁾. Если временные владѣльцы участковъ волостной земли имѣютъ право легально отъ этихъ участковъ отказаться, то, отказываясь, они возвращаютъ ихъ въ распоряженіе тѣхъ же старостъ и цѣловальниковъ, какъ читаемъ въ отступной 1583 г.³⁾: „... что была за мною... деревня..., и язъ Никита отдалъ и отказалъ въ волость, въ слободку Давыдову, старостамъ и цѣловальникомъ и всѣмъ крестьяномъ“. — Старосты и цѣловальники („и всѣ крестьяне“) мѣняются своими волостными землями съ иными владѣльцами. Такъ въ А. Ю. № 151 (1555 г.) читаемъ, что „промѣнили Масленскіе волости староста и цѣловальники и всѣ крестьяне“ старцамъ Кириллова монастыря 4 пустыхъ деревни на иныя земли... — Кромѣ тяглыхъ пахотныхъ участковъ, во владѣніи мѣстныхъ общинъ находились общія угодія, какъ пастбища, лѣса, рыбныя ловли и т. д., а иногда въ ихъ владѣніи оказывались даже промышленныя предпріятія (мельницы или соляныя варницы). Этими общими владѣніями, отъ имени „всѣхъ крестьянъ“, завѣдывали, конечно, старосты и цѣловальники (промышленныя предпріятія и часть угодій сдавались ими обычно на „оброкъ“)⁴⁾.

¹⁾ А. И. IV, № 51. ²⁾ Д. А. И. III, № 82-1. ³⁾ А. Ю. № 137.

⁴⁾ О мельницахъ, принадлежащихъ общинѣ, см. въ Чтеніяхъ Общ. Исторіи и Древн Росс. при Московск. ун-тѣ, 1910 г., кн. 3. Матеріалы историческіе. Смутное время Московск. государства. Вып. 7. Нижегородскія платежныя (стр. 75 и 76). — А. М. Г. I, № 274, 1630 г.

Весьма важной функцией земских старостъ и цѣловальниковъ было, далѣе, ихъ участіе въ судѣ — какъ у намѣстниковъ или приказныхъ судей, такъ и въ судѣ выборныхъ „земскихъ судеекъ“. Въ первой части нашей статьи мы показали, что для участія въ судѣ въ рядѣ мѣсть выбирались особые судные или „судецкіе“ (судейскіе) цѣловальники. Однако это не было общимъ правиломъ. Зачастую въ судѣ „сидятъ“ и земскіе цѣловальники, иногда вмѣстѣ со старостами. Судебникъ царя Ивана Васильевича, требуя обязательнаго участія въ судѣ старостъ и цѣловальниковъ („а безъ дворского и безъ старосты и безъ цѣловальниковъ намѣстникомъ и ихъ тиуномъ суда не судити“ (Суд. II, 62), не устанавливаетъ однако обязанности особаго рода цѣловальниковъ — судныхъ, предоставляя, очевидно, самому населенію поручать представительство своихъ интересовъ въ судѣ либо спеціальнымъ — суднымъ, либо общимъ — земскимъ цѣловальникамъ. — Уложеніе о святительскомъ судѣ 1551 г.¹⁾ предписываетъ въ судѣ у святительскихъ бояръ „сидѣти старостамъ поповскимъ, да градцкимъ старостамъ и цѣловальникомъ“... а у десятильниковъ „быти въ судѣ... старостамъ земскимъ и цѣловальникомъ“... — Наказъ о судѣ и расправѣ въ Заонѣжскихъ погостахъ 1598 — 1605 гг.²⁾ предписываетъ посланному для управленія ими служилому человѣку „въ судѣ велѣти съ собою быти тѣхъ погостовъ старостамъ и цѣловальникамъ и волостнымъ лутчимъ людемъ, человѣкомъ пятмя или шестмя“. Точно такое же предписаніе находимъ и въ Новгородскомъ наказѣ 1612 г. объ управленіи государевыми волостями Оштинскаго стана Обонѣжской пятины³⁾. — Избирательный актъ крестьянъ Сухонскаго Нововышлага стану, 1633 г.⁴⁾, предписываетъ двумъ нововыборнымъ земскимъ розрубнымъ цѣловальникамъ, — помимо сбора податей, — „и цѣловальникомъ Михайлу да Фролу и сотскому и пятидесятскому въ суду съ судьею Ѳедотомъ съ товарищи сидѣти и суды судить во всякомъ мірскомъ крестьянскомъ дѣлѣ вправду безо всякіе хитрости“... — Избирательный актъ крестьянъ Введенскаго стану Устьянской волости, 1634 г.⁵⁾, предписываетъ новоизбраннымъ земскому цѣловальнику и сотскому „съ судьею и старостою у судовъ сѣдти, у приговору быти и всякія дѣла татинья и разбойныя сыскивать“.⁶⁾

1) А. И. I, № 155.

2) А. Э. II, № 30.

3) Д. А. И. I, № 167 (с. 297).

4) Акты Богосл. № 16.

5) Акты Богосл. № 10.

6) См. еще Акты Богосл. № 11, 1637 г.

Съ торжествомъ приказно-бюрократическаго начала въ Московскомъ государствѣ въ XVII вѣкѣ, особенно во второй его половинѣ, участіе цѣловальниковъ въ судѣ въ качествѣ засѣдателей или судей въ большинствѣ областей прекращается, но не прекращается выполнение цѣловальниками цѣлаго ряда дополнительныхъ и вспомогательныхъ дѣйствій, которыя предшествовали судебному процессу или его сопровождали: производство (или участіе въ производствѣ) обысковъ, арестовъ, допросовъ и всякихъ разслѣдованій, мѣстныхъ осмотровъ, отдача подозрительныхъ лицъ на поруки и т. д. — Царскій судебникъ (ст. 70) предписываетъ „являть“ старостамъ и цѣловальникамъ людей, даваемыхъ на поруки или подлежащихъ аресту. — Въ окружномъ царскомъ наказѣ, 1551 г.¹⁾, данномъ вслѣдствіе постановленій Стоглаваго собора, также содержится предписаніе, что безъ земскихъ старостъ и цѣловальниковъ недѣльщики никого не даютъ на поруки. — Въ 72-й статьѣ Царскаго Судебника содержится предписаніе, относящееся къ суду волостелей: „А по волостемъ волостелемъ судити черныхъ людей...; а кто взыщетъ много, не по животомъ...: и тѣмъ волостелемъ посылати о томъ, выбираючи тѣхъ же волостей лучшихъ людей, да цѣловальника одного или дву... и велѣти про то обыскати накрѣпко, было ли живота его столко, на колко ищетъ“. — Позывы къ суду происходятъ и въ XVII в. съ участіемъ старостъ и цѣловальниковъ²⁾. — Къ старостамъ и цѣловальникамъ власти обращаютъ требованія о задержаніи преступниковъ или скрывающихся отъ суда людей³⁾. Старосты и цѣловальники должны оказывать правительственнымъ властямъ содѣйствіе не только въ разысканіи и поимкѣ бѣглыхъ преступниковъ, но даже иногда и въ сборѣ „нѣтчиковъ“, т. е. укрывающихся отъ службы служилыхъ людей⁴⁾. — Больше того, изъ актовъ намъ извѣстенъ случай, когда (Соликамскій) воевода послалъ (Усольскаго) цѣловальника для правежа на (Чердынскихъ) крестьянахъ денегъ и хлѣба по кабаламъ частнаго лица (Никиты Строгонова⁵⁾).

Кромѣ обязанности содѣйствія приказнымъ властямъ въ дѣлѣ отправленія правосудія и борьбы съ преступниками или лицами, уклоняющимися отъ исполненія своихъ обязанностей, на мѣстныхъ выборныхъ власти возлагалась общая забота о поддержаніи порядка и безопасности въ своихъ общинахъ, о недопущеніи въ нихъ бѣглыхъ или подозритель-

1) А. Э. I, № 231.

2) См. напр. А. Ю. № 346, 1642 г.

3) Д. А. И. I, № 51-XIII, 1555 г.; А. Ю. № 363, 1589 г.

4) А. М. Г. I, № 605, 1614 г.

5) А. И. III (доп.) № 287, 1621 г.

ныхъ людей, вообще, полицейская служба. Правда, главными органами этой полицейской службы были, съ одной стороны, губныя власти, съ другой — специально для нея выбранныя должностныя лица — сотскіе, пятидесятскіе и десятскіе; но, конечно, и старосты съ цѣловальниками должны были участвовать въ полицейскомъ надзорѣ и въ борьбѣ съ „лихими людьми“. Неоднократно нами цитированный Новгородскій наказъ 1612 г. объ управленіи волостями Оштинскаго стана Обонѣжской пятины¹⁾ предписываетъ приказчику: „А будетъ въ Оштинскомъ стану появятся тати, или разбойники, или иные какіе лихіе люди: и Нехорошему, свѣстятъ съ старосты и съ цѣловальники и съ волостными людьми, тѣхъ татей и разбойниковъ и иныхъ всякихъ лихихъ людей, гдѣ про нихъ свѣдаютъ, имати и ихъ роспрашивая накрѣпко, сажати до указу въ тюрьму“²⁾).

Обязательнымъ считалось въ Московскомъ государствѣ присутствіе старостъ и цѣловальниковъ при всѣхъ дѣйствіяхъ должностныхъ лицъ, относящихся къ земельнымъ владѣніямъ, не только въ случаяхъ судебныхъ споровъ о поземельныхъ владѣніяхъ, но и въ случаяхъ ихъ общихъ переписей (или частныхъ описей), въ случаяхъ размежеванія („разѣзда“) земельныхъ владѣній, ихъ раздѣла, „отказа“ (т.-е. передачи ихъ во владѣніе новому лицу) и т. п. Выборные представители мѣстнаго населенія, обыкновенно съ присоединеніемъ нѣсколькихъ специально взятыхъ „понятыхъ людей“, при всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ были не только ихъ свидѣтелями, но играли и болѣе активную роль, давая показанія о величинѣ, границахъ и всѣхъ свойствахъ даннаго земельного владѣнія, каковыя показанія служили для должностныхъ лицъ основаніями для ихъ дѣйствій и постановленій. — Въ Писцовомъ наказѣ о переписи Московскаго уѣзда, 1646 г.³⁾, писцу и подъячому предписывается „для подкрѣпленія, имать по селамъ и по деревнямъ старожилцовъ, приказчиковъ и старостъ и цѣловальниковъ и лутчихъ крестьянъ человѣка по три и по четыре, и велѣти имъ ѣздить за собою“ — для сообщенія точныхъ и правильныхъ свѣдѣній объ имущественномъ положеніи крестьянъ и бобылей, хозяйства которыхъ подвергались переписи. — Въ „разѣзжихъ“ (т.-е. актахъ о размежеваніи земельныхъ владѣній) середины XVI в. читаемъ постоянно, что „на розѣздѣ были“, или „на межѣ были“, или „на мѣрѣ и на отдѣлѣ и на розѣздѣ и на размежеванѣ были“ старосты и цѣловальники⁴⁾.

1) Д. А. И. I, № 167.

2) См. еще А. М. Г. I, № 311, 1631 г.; А. И. V, № 133, 1685—1687 г.

3) А. Э. IV, № 14.

4) А. Ю. № 150, 1554 г.; № 151, 1555 г.; № 152, 1567 г.; см. также Акты О.—Ч. I, № 86, стр. 245, 1599 г.

— Также и въ актахъ XVII в. постоянно читаемъ о присутствіи старость и цѣловальниковъ при всякихъ размежеваньяхъ, раздѣлахъ и „отказахъ“ земельныхъ владѣній¹⁾.

На основаніи изложеннаго можемъ сказать, что въ Московскомъ государствѣ существовало правило, или точнѣе, правовой обычай, по которому всѣ судебныя и административныя дѣйствія мѣстныхъ приказныхъ властей, при соприкосновеніи ихъ съ мѣстнымъ населеніемъ или его имуществомъ, происходили въ присутствіи представителей этого населенія, преимущественно — его выборныхъ старость и цѣловальниковъ. Въ многократно цитированномъ Новгородскомъ наказѣ 1612 г.²⁾ находимъ слѣдующее предписаніе приказчику: „... а у всякихъ государевыхъ и у земскихъ дѣлъ велѣти быти съ собою старостамъ и цѣловальникомъ, чтобъ впередъ ни въ чемъ спору не было“. — Въ 1652 г. бывшій Пермскій и Соликамскій воевода С. Чемесовъ, оправдываясь отъ возводимыхъ на него обвиненій, пишетъ въ своей челобитной царю³⁾: „А вездѣ ѳздилъ самъ, а съ собою ималъ, по твоему государеву указу и по наказу, старость и цѣловальниковъ, и лучшихъ людей, и ималъ у нихъ сказки за ихъ руками; а подъячихъ однихъ никуда не посылывалъ“.

Кромѣ перечисленныхъ выше, одной изъ важныхъ обязанностей земскихъ старость и цѣловальниковъ была разверстка между членами тяглыхъ общинъ государевыхъ податей и сборъ этихъ податей (а равно и мірскихъ сборовъ), а также наблюденіе за исполненіемъ повинностей. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы увидимъ, что въ цѣломъ рядѣ общинъ были особые цѣловальники на предметъ разверстки и взиманія податей, но нерѣдко эти обязанности возлагались на земскихъ старость и цѣловальниковъ, на ряду съ другими ихъ обязанностями. Уже въ первыхъ уставныхъ земскихъ грамотахъ середины XVI в. вновь избираемымъ земск. властямъ поручался не только судъ и расправа въ своихъ округахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ — разверстка и сборъ податей, и такого рода порученія постоянно встрѣчаемъ и въ дальнѣйшемъ⁴⁾. Въ подтвердительной уставной грамотѣ, данной въ 1614 г. Устюжнѣ Желѣзопольской⁵⁾, разверстка и сборъ податей указывается, какъ первая обязанность вы-

¹⁾ Въ А. Ю. № 163, 1611 г. встрѣчаемъ даже (посадскаго) цѣловальника (съ подъячимъ) не какъ свидѣтеля межеванія, а какъ межевщика. О присутствіи старость и цѣловальниковъ на межеваньяхъ см. А. Ю. Б. II, № 136-II, 1639 г.; № 137, 1641 г.; № 136-IV, 1694 г.; ib. I, № 57-IV—57-VII, 57-IX, 1696—1698 гг.

²⁾ Д. Л. И. I, № 167.

³⁾ А. М. Г. II, № 462.

⁴⁾ А. Э. I. № 234, 1552 г.; №№ 242 и 243, 1555 г.; А. Э. III, № 126, 1622 г. ⁵⁾ А. Э. III, № 37.

борныхъ земскихъ властей: „...Устюжны Желѣзопольскіе посадскимъ людемъ избрати себѣ, всею землею, лутчихъ людей цѣловальниковъ и впередъ избирати себѣ на Устюжнѣ на посадѣ иныхъ цѣловальниковъ, и сотского и дьячкова, самимъ, и приводити тѣхъ всѣхъ людей къ крестному цѣлованью на томъ, что имъ наши царскіе оброки и пищальные денги и иные всякіе розметы разводити по животомъ, и по промысловъ, и по позему, на себя и на всѣхъ городскихъ людей класти въ правду, по нашему крестному цѣлованью, и другу имъ въ нашихъ оброкахъ и во всякихъ розметѣхъ не дружити, а недругомъ не мстити“... — Въ избирательномъ актѣ крестьянъ Сухонскаго Нововышлого стану, 1633 г.¹⁾, двумъ новоизбраннымъ цѣловальникамъ предписывается „государевы данные и оброчные, и всякіе государевы четвертные денежные доходы съ насъ крестьянъ собирать и государю въ казну къ Москвѣ отвезти“. — Царская грамота Чердынскому воеводѣ, отъ 30 апр. 1639 г.²⁾, о сборѣ денегъ ратнымъ людемъ на жалованье, предписываетъ: „...А велѣлъ бы тѣ денги собирать Перми Великія и Соли Камскія съ посадовъ, съ дворовъ, посадскимъ лутчимъ и середнимъ и молодчимъ людемъ; а въ уѣздѣ бы потому жъ велѣлъ собирать старостамъ и цѣловальникамъ и всѣмъ крестьянамъ, розвѣтя промежъ себя, чтобъ бѣднымъ людемъ передъ прожиточными людемъ тягости не было, а прожиточные бѣ люди и ябедники передъ бѣдными людемъ въ избыли не были“. — Въ воеводскихъ наказахъ середины XVII вѣка надзоръ надъ дѣятельностью старостъ и цѣловальниковъ по раскладкѣ и сбору какъ мірскихъ, такъ и казенныхъ доходовъ возлагается на воеводъ³⁾. — Однако, въ нѣкоторыхъ воеводскихъ наказахъ находимъ запрещеніе воеводамъ „вступаться“ въ мірскіе сборы мѣстныхъ общинъ, которые предоставляются всецѣло вѣдѣнію общинъ и ихъ выборныхъ властей. Такъ, въ царской грамотѣ Чердынскому воеводѣ отъ 17 мая 1677 г.⁴⁾, данной по челобитью Чердынцевъ посадскихъ и уѣздныхъ людей, воеводѣ запрещается „въ денежные ихъ сборы и въ мірскіе дѣла вступаться, и воли у нихъ въ ихъ мірскомъ окладѣ и въ иныхъ дѣлахъ отымать“...

Въ концѣ XVII в. правительство, извѣрившееся въ своихъ воеводахъ, дѣлаетъ попытку отстранить ихъ отъ над

1) Акты Богосл. № 16.

2) А. И. III, № 206. 3) См. напр. наказъ Кеврольскому и Мезенскому воеводѣ, отъ 26 дек. 1646 г., въ Д. А. И. III, № 18, стр. 80 („...беречь накрѣпко... лишнихъ бы денегъ съ мірскихъ людей въ мірскіе розметы старосты, и цѣловальники, и сотскіе и десятскіе не собирали“...); наказъ Нижегородскому воеводѣ, отъ 27 ноября 1663 г., въ Д. А. И. IV, № 1341, стр. 332.

4) А. И. V, № 16.

зора надъ вѣрными головами и цѣловальниками (о чемъ — см. ниже), а также и отъ надзора надъ дѣятельностью земскихъ старостъ и цѣловальниковъ по взиманію казенныхъ сборовъ. Царская грамота Кунгурскому воеводѣ отъ 2 мая 1698 г.¹⁾ предоставляетъ земскимъ старостамъ и цѣловальникамъ сборъ стрѣлецкихъ и оброчныхъ денегъ — безъ всякаго вмѣшательства воеводъ. Ссылаясь на рядъ предшествовавшихъ царскихъ указовъ, грамота продолжаетъ: „И нынѣ указали мы великій государь: во всѣхъ городѣхъ, которые вѣдомы въ Новгородскомъ, и въ Устюжскомъ, и въ Володимерскомъ, и въ Галицкомъ приказѣхъ, посадскимъ людемъ и уѣзднымъ крестьяномъ, по прежнимъ указамъ отца нашего государева..., и брата нашего государева..., и по нашимъ великого государя указамъ же, каковы состоялись въ прошлыхъ годѣхъ, тѣхъ городовъ съ посадовъ и съ уѣздовъ стрѣлецкіе и оброчные денги и иные всякіе денежныя доходы... нынѣ и впредь собирать... тѣхъ городовъ земскимъ старостамъ и волостнымъ судейкамъ и цѣловальникомъ, въ земскихъ избахъ, мимо воеводъ и приказныхъ людей, за выборомъ всѣхъ градскихъ и уѣздныхъ людей, и окладываться межъ себя въ тѣхъ сборѣхъ, смотря по пожиткомъ и по промысловъ“;... — „а воеводамъ и приказнымъ людемъ въ тѣ сборы, и во всякіе денежныя доходы, и въ Московскіе отпуска, не вступаться, ... и ни въ чемъ имъ въ тѣхъ денежныхъ сборѣхъ земскихъ старостъ и цѣловальниковъ и судеекъ не вѣдать“ ...

Соотвѣтственно приведеннымъ правительственнымъ предписаніямъ — отъ середины XVI-го до конца XVII го вѣка, — мы видимъ, что земскіе старосты и цѣловальники, дѣйствительно, производятъ сборы какъ натуральныхъ (главнымъ образомъ „хлѣбныхъ запасовъ“), такъ и денежныхъ податей всевозможныхъ наименованій (деньги данныя и оброчныя, деньги ратнымъ людемъ на жалованье, деньги стрѣлецкія, деньги ямскія, деньги полонянничныя и т. д. и т. д.)²⁾.

Собравъ государевы денежныя или хлѣбныя доходы, земскіе старосты и цѣловальники или отдавали ихъ мѣстнымъ приказнымъ властямъ (въ сѣзжихъ или приказныхъ

¹⁾ А. И. V, № 274.

²⁾ Во второй половинѣ XVII в. вообще „сборъ податей и повинностей сталъ главнымъ дѣломъ земскихъ властей“ (М. М. Богословскій. Земск. самоуправл., т. II, с. 297). — Приведемъ лишь нѣсколько ссылокъ на акты, говорящіе объ участіи земскихъ цѣловальниковъ — посадскихъ и волостныхъ — въ сборахъ всевозможныхъ государевыхъ денежныхъ (и хлѣбныхъ) доходовъ: А. Ю. № 218i, 1594 г.; А. Э. II, № 25, 1603 г.; А. Ю. Б. II, №№ 190i и 190ii, 1605 г.; А. И. II, №№ 261ii и 263, 1609 г.; А. Э. III, № 144, 1623 г.; А. Ю. Б. II, № 246vi, 1633 г.; А. М. Г. II, № 825, 1656 г.; А. Ю. № 351, 1661 г.; А. Ю. Б. III, №№ 322i и 322ii, 1665—1668 гг.; А. И. V № 16, 1677 г.

избахъ), или сами отвозили ихъ въ Москву, или передавали ихъ особымъ цѣловальникамъ (они назывались иногда „пріемными“ или „запасными“ цѣловальниками), которымъ и поручалось деньги отвезти въ Москву, въ тотъ приказъ, въ вѣдомствѣ котораго находилась данная область, а хлѣбные запасы — въ указанные правительственною властью мѣста ихъ назначенія¹⁾.

Въ случаѣ недобора полагающихся по окладу денежныхъ доходовъ или хлѣбныхъ запасовъ, правительство предписывало „доправить“ этотъ недоборъ на земскихъ старостахъ и цѣловальникахъ. Такъ, царская грамота Чердынскому воеводѣ, отъ 8 февр. 1639 г.²⁾, предписываетъ произвести „правежъ“ „доимочныхъ“ стрѣлецкихъ денегъ на земскихъ старостахъ и цѣловальникахъ. Въ 1656 г. Борисовскому воеводѣ предписывается³⁾ „прикащиковъ и старость и цѣловальниковъ въ недоплатныхъ (хлѣбныхъ) запасѣхъ давать на поруки до государева указу“. Изъ „издержечной“ (т. е. расходной) книги Шемогоцкой волости Черного стану цѣловальника за 1667—68 гг.⁴⁾ узнаемъ, что цѣловальникъ этой волости неоднократно стоялъ „на правежѣ“ „въ недоплатныхъ деньгахъ“. — Правительственныя распоряженія Петровскаго времени, со свойственной имъ суровой рѣшительностью, угрожаютъ земскимъ старостамъ и цѣловальникамъ за недоборы казенныхъ доходовъ не только „правежомъ“, но и жестокими наказаніями — кнутомъ, ссылкой и конфискаціей имущества⁵⁾.

Въ годы военныхъ опасностей выборныя земскія власти привлекаются и къ дѣлу обороны страны: они должны заботиться о поставкѣ провіанта для войскъ и „даточныхъ“ людей, объ укрѣпленіи и снабженіи провіантомъ городовъ, которымъ угрожаетъ осада и т. п.⁶⁾.

Особенно широко развернулась эта военно-оборонительная дѣятельность мѣстныхъ земскихъ властей въ тяжелые годы смутнаго времени. Тогда мѣстныя общества со своими старостами и цѣловальниками во главѣ не только снабжаютъ деньгами и провіантомъ царскія войска⁷⁾ (при царѣ Василии Ивановичѣ Шуйскомъ), или войска „московскаго государства боярь и воеводъ“ (въ періодъ междуцарствія), но и сами формируютъ вспомогательные военные отряды для арміи или образуютъ свои военные отряды для защиты своихъ

¹⁾ См., напр. А. Ю. Б. II, №№ 190-I и 190-II, 1605 г.; А. И. II, № 78, 1607 г.; А. Ю. № 351, 1661 г.; А. И. V, № 16, 1677 г.

²⁾ А. И. III, № 200.

³⁾ А. М. Г. II, № 825.

⁴⁾ А. Ю. Б. III, № 322-III. — См. также А. Ю. Б. III, № 322-VI, 1676 г.

⁵⁾ А. И. V, № 274, 1698 г.

⁶⁾ См., напр., А. М. Г. I, № 304, 1631 г.; *ibid.* II № 825, 1656 г.

⁷⁾ А. Э. II, № 151, 1609 г.; А. И. II, №№ 261-II и 263, 1609 г.

городовъ и областей отъ польскихъ и литовскихъ войскъ и отъ русскихъ „воровскихъ людей“. — Общеизвѣстна роль нижегородскихъ земскихъ властей въ организаци 2-го ополченія въ 1611—12 г. Здѣсь мы приведемъ лишь нѣсколько мелкихъ будничныхъ фактовъ, характеризующихъ эту сторону дѣятельности мѣстныхъ міровъ. Въ мартѣ 1611 г.¹⁾ Пермичи (освященный соборъ, воевода, посадскіе и уѣздные старосты и цѣловальники и всѣ земскіе люди) посылаютъ съ двумя цѣловальниками сформированный ими отрядъ въ 50 человекъ ратныхъ людей „подъ Москву къ бояромъ и воеводамъ... на Польскихъ и на Литовскихъ людей, Московскому государству на помочь“... — Въ грамотѣ царя Василя Ивановича Шуйскаго на Вагу, отъ 12 авг. 1606 г.²⁾, находимъ распоряженіе о передачѣ въ Важскихъ городкахъ земскимъ старостамъ и цѣловальникамъ не только всѣхъ дѣлъ, касающихся суда и управленія, но и всѣхъ боевыхъ припасовъ и военно-оборонительныхъ сооружений...

Военная роль земскихъ властей продолжалась и въ первые годы по воцареніи Михаила Ѳедоровича, до приведенія въ порядокъ правительственной военной организаци. Въ мартѣ 1613 г. Бѣлозерцы посадскіе и уѣздные люди нанимаютъ „на земскую службу“ стрѣльцовъ „на мірскомъ жалованьѣ“ и берутъ по нимъ поручныя записи, которыя выдаются „старостамъ и целовальникомъ и ихъ выборнымъ советнымъ людямъ и всемъ хрестьяномъ“³⁾. — Изъ А. И. III, № 56 (отъ 13 февр. 1615 г.) узнаемъ, что жители Соли Камской „отпустили“ въ полкъ къ воеводѣ Измайлову, съ цѣловальникомъ, 20 человекъ нанятыхъ ими ратныхъ людей.

— Дальнѣйшей функціей земскихъ старостъ и цѣловальниковъ было производство выборовъ (вмѣстѣ со „всѣми крестьяны“ или отъ ихъ имени) мірскихъ должностныхъ лицъ — тѣхъ же старостъ и цѣловальниковъ, своихъ преемниковъ, особыхъ „розрубныхъ“ цѣловальниковъ (см. ниже), соцкихъ, пятидесятскихъ, десятскихъ, „ходоковъ“, земскихъ дьячковъ и т. д.⁴⁾; затѣмъ — особыхъ цѣловальниковъ для всевозможныхъ государевыхъ финансовыхъ и хозяйственныхъ службъ⁵⁾, о которыхъ рѣчь будетъ идти дальше, и наконецъ, цѣловальниковъ губныхъ и тюремныхъ, губныхъ дьячковъ, сторожей и иныхъ низшихъ должностныхъ лицъ,

1) А. Э. II, № 181.

2) А. И. II, № 67.

3) Чтенія въ Имп. Общ. Исторіи и Древн. Росс. при Моск. ун-тѣ, 1911 г., кн. 4-я. Матеріалы историческіе. I. Смутное время Московскаго государства. Вып. 5, № 111.

4) См., напр., Акты Богосл. № 14, 1627 г., и другіе избирательные акты тамъ же; А. Ю. № 288, 1690 г. 5) См. напр. А. И. III, № 100, 1621 г.; А. Ю. Б. II, № 230-XXXV, 1693 г.

посылаемыхъ въ распоряженіе различныхъ приказныхъ властей¹⁾. Участвуютъ они также въ выборахъ губныхъ старостъ²⁾. Выбираютъ членовъ церковныхъ причтовъ (см. выше). — Какъ увидимъ дальше, въ концѣ XVII в. мѣстнымъ мірамъ и земскимъ властямъ передается правительствомъ не только избраніе должностныхъ лицъ таможеннаго и питейнаго вѣдомства, но и контроль надъ ихъ дѣятельностью, съ отстраненіемъ отъ этого дѣла воеводъ и „всякихъ приказныхъ людей“.

— Наконецъ, выборнымъ земскимъ властямъ, старостамъ и цѣловальникамъ, естественно принадлежитъ представительство мѣстныхъ общинъ въ судѣ, передъ администраціей и въ сношеніяхъ съ другими мѣстными общинами³⁾. — Въ судебномъ приговорѣ 1585 г.⁴⁾ читаемъ: „...Искаль государева дворцового села Борисовского целовалникъ Иванко Никоновъ, да крестьяне... (названы трое) и во всѣхъ крестьянъ мѣсто села Борисовского Спаского монастыря изъ Суздаля на архимарите на Іеве“ пожни въ 200 копенъ... — Старосты и цѣловальники обращаются къ государю и къ различнымъ приказнымъ властямъ съ челобитьями по поводу всякихъ мірскихъ нуждъ и по другимъ дѣламъ, касающимся „міра“⁵⁾. — Земскіе цѣловальники, вмѣстѣ съ старостами и судьями, являются естественными представителями мѣстныхъ земскихъ міровъ въ сношеніяхъ ихъ съ мѣстными органами правительственной власти, въ сношеніяхъ не только официально - дѣлового, но и житейски - бытового характера. Избирательный актъ крестьянъ Сухонскаго Нововышлага стану, 1633 г.⁶⁾, предписываетъ двумъ новоизбраннымъ земскимъ цѣловальникамъ „на дворы боярскіе цѣловальникомъ съ судьей Ѳедотомъ съ товарищи съ праздничнымъ ходить съ мірскаго совѣту, а нашими мірскими сборными деньгами“. Изъ записной книги Шемогоцской волости Чернаго стану цѣловальника⁷⁾ узнаемъ, что цѣловальникъ (одинъ или съ судьей) постоянно ходитъ къ воеводѣ, дьяку и къ другимъ представителямъ приказнаго управленія со всякими ходатайствами по дѣламъ своего міра или съ праздничными поздравленіями, при чемъ земскіе представители неизмѣнно несутъ приказнымъ людямъ „хлѣбъ да колачъ“, а иногда и болѣе цѣнныя подношенія (медъ, рыбу, вино).

¹⁾ См., напр., А. Ю. № 280, 1641 г. ²⁾ См., напр., А. Э. III, № 171, 1627 г.

³⁾ Множество актовъ, относящихся къ сношеніямъ мѣстныхъ общинъ между собою въ эпоху смутнаго времени напечатано въ А. Э. II, и А. И. II.

⁴⁾ Акты Ѳ.—Ч. I, № 83. ⁵⁾ О челобитныхъ государю см., напр., Р. И. Б., т. XII, отд. Б., № LIX, 1652 г.; А. Ю. № 376, 1683 г.

⁶⁾ Акты Богосл. № 16.

⁷⁾ А. Ю. Б. III, № 322ш, 1667—68 г.

Изъ этихъ постоянныхъ хожденій на воеводскій дворъ то „съ прїѣзду“, то „съ почестью“, то „съ праздничнымъ“ видно, что выборныя земскія власти отнюдь не чувствовали себя въ XVII в. независимыми и самостоятельными. И дѣйствительно, воеводы не только нелегально и самовольно, въ порядкѣ взятокъ или притѣсненій, могли „прижать“ неугодныхъ имъ земскихъ выборныхъ, но иногда и на законномъ основаніи, точнѣе, по распоряженію свѣше¹⁾ могли подвергать ихъ наказаніямъ за злоупотребленія или „нерадѣніе“. Изъ наказной памяти гостинной сотни торговому человѣку Ив. Онофрееву, назначенному быть въ Соликамскѣ у мѣднаго дѣла (отъ 26 янв. 1643 г.²⁾), узнаемъ, что „къ воеводѣ . . . посланы государевы грамоты, а велѣно ему Соли Камской земскихъ старостъ и цѣловальниковъ бить батоги и посадить на недѣлю въ тюрьму за то, что они государева указу не послушали, въ подводахъ отказали, а впредь велѣно имъ подводы давать . . . сколько надобно“ . . . — Въ наказѣ Кеврольскому и Мезенскому воеводѣ, отъ 26 дек. 1646 г.³⁾, ему передается общій надзоръ надъ дѣятельностью выборныхъ земскихъ властей даже въ отношеніи къ избравшему ихъ обществу, которое воевода долженъ оберегать отъ обидъ съ ихъ стороны . . . : „Да и того Ивану беречь накрѣпко, чтобъ . . . старосты и цѣловальники и мужики богатые мелкимъ людямъ обидъ и насилства и продажъ никому ни въ чемъ не чинили, и лишнихъ бы денегъ съ мірскихъ людей въ мірскіе розметы старосты, и цѣловальники, и сотцкіе, и десятцкіе не собирали“ . . .

Правда, мы встрѣчаемъ и правительственныя распоряженія, направленные къ охранѣ мѣстныхъ обществъ и ихъ избранныхъ отъ произвола, притѣсненій и поборовъ самихъ воеводъ. Царская грамота Чердынскому воеводѣ, отъ 17 мая 1677 г.⁴⁾, данная по челобитью Чердынцевъ посадскихъ и уѣздныхъ людей и подтверждающая прежнія грамоты царей Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича, приказываетъ воеводѣ: „И какъ къ тебѣ ся наша великого государя грамота придетъ, и ты бѣ и которые воеводы впредь въ Перми будутъ, по прежнимъ и по сей нашей великого государя грамотамъ, съ Чердынцовъ съ посадскихъ и съ уѣздныхъ людей мѣсечныхъ кормовъ, и дровъ и сѣна, и посуды

¹⁾ Говорить о законныхъ основаніяхъ въ отношеніяхъ земскихъ властей къ приказному начальству затруднительно потому, что въ Московскомъ государствѣ не было закона о правахъ и взаимоотношеніяхъ этихъ властей, — ихъ компетенція и взаимоотношенія регулировались или обычаемъ или отдѣльными, отъ случая къ случаю издаваемыми распоряженіями верховной власти.

²⁾ А. Э. III, № 320.

³⁾ Д. А. И. III, № 18.

⁴⁾ А. И. V, № 16.

всякіе, и деншиковъ себѣ имать, и въ денежныя ихъ сборы и въ мірскіе дѣла вступаться, и воли у нихъ въ ихъ мирскомъ окладѣ и въ иныхъ дѣлахъ отымать не велѣлъ, и съ посадскихъ и съ уѣздныхъ людей данного окладу безъ сыску и безъ ихъ мирскихъ людей приговору не складывалъ“. Цѣловальниковъ къ государевымъ и къ мірскимъ сборамъ Чердынцы должны выбирать сами, безъ вмѣшательства и давленія воеводы, — „а впредь ихъ не перемѣнять и въ тюрьму ихъ безъ вины, для своей корысти, не сажать“. Но даже и эта грамота, имѣющая цѣлью охранить мѣстное общество и его выборныя власти отъ воеводскаго произвола и запрещающая воеводѣ „отнимать волю“ у мірскихъ людей, запрещаетъ ему сажать выборныхъ цѣловальниковъ въ тюрьму только „безъ вины“ и „для своей корысти“; однако, у „мірскихъ людей“ не было правовыхъ гарантій правильности толкованія воеводою понятія „вины“... Да и вообще, при томъ усиленіи приказно-бюрократическаго начала, которое мы наблюдаемъ въ Московскомъ государствѣ особенно во второй половинѣ XVII вѣка, и при отсутствіи правовыхъ гарантій и надлежащаго контроля, отношенія воеводъ къ выборнымъ органамъ мѣстнаго самоуправления, въ большинствѣ случаевъ, опредѣлялись, вѣроятно, не столько правительственными предписаніями изъ Москвы, сколько... величиною тѣхъ „колачей“, которые были „несены“ воеводамъ земскими старостами и цѣловальниками¹⁾...

¹⁾ Кромѣ цѣловальниковъ земскихъ существовали еще т.-наз. „цѣловальники земской избы“ (см. напр., А. Ю. № 344, 1639 г.; А. Ю. Б. III, № 331, 1678 г.) — это были должностныя лица, представлявшія нѣчто вродѣ чиновниковъ для порученій при выборныхъ земскихъ властяхъ (подчинялись они, разумѣется, также и воеводамъ).

П. А. Остроуховъ.

ТОРГОВЛЯ ЧАЕМЪ НА НИЖЕГОРОДСКОЙ ЯРМАРКѢ ВЪ XIX СТОЛѢТІИ ДО ЭПОХИ ВЕЛИКИХЪ РЕФОРМЪ.

Изслѣдованіе по источникамъ.

Содержаніе.

I. Привозъ чая черезъ Кяхту. Сорты чая. Порядокъ кяхтинскаго торгова. — II. Перевозка чаевъ изъ Кяхты на Нижегородскую ярмарку. Какое количество чая привозилось на Нижегородскую ярмарку? — III. Торговцы чаемъ на Нижегородской ярмаркѣ.

I

Привозъ чая черезъ Кяхту. Сорты чая. Порядокъ Кяхтинскаго торгова.

Въ настоящемъ этюдѣ*) авторъ поставилъ себѣ задачей познакомить читателя съ той отраслью ярмарочной торговли, которая до конца пятидесятихъ годовъ XIX столѣтія считалась на Нижегородской ярмаркѣ самой важной, именно: съ чайной торговлей. Недаромъ сложилась на ярмаркѣ по-

*) При обработкѣ данныхъ, заключающихся въ ярмарочныхъ обзорахъ, авторъ пользовался слѣдующими сочиненіями: Безобразовъ В. П., Очерки Нижегородской ярмарки, 1865 г.; Веселовскій К. С., Нижегородская ярмарка (Отеч. Зап., 1847, ч. , отд. IV, стр. 1 — 26); Зубовъ А. Н., Описаніе Нижегородской ярмарки (Ж. М. В. Д., 1838 г. № 11); Корсакъ Историко-статистическое обозрѣніе торговыхъ сношеній Россіи съ Китаемъ, 1857 г.; Критъ Н., Будущность кяхтинской торговли, СПб., 1862; Ф. Мартенсъ, Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей съ иностранными державами; Мельниковъ П. И., Нижегородская ярмарка въ 1843, 1844 и 1845 гг. Нижній Новгородъ, 1846; Мещерскій В. П., Очерки нынѣшней общественной жизни Россіи. Вып. I, Письма изъ Среднихъ Велико-Россійскихъ губерній за 1867 г. СПб., 1868 г.; Неболсинъ Г., Статистическое обозрѣніе внѣшней торговли Россіи, 2 ч., СПб., 1850 г.; Овсянниковъ Н. Н., О торговлѣ на Нижегородской ярмаркѣ (Ниж. Сб., 1867 г.); О кяхтинской торговлѣ (Моск. Телегр., 1829 г. № 24); О торговлѣ нашей съ Китаемъ (Вѣстникъ Пром., 1858 г., 5, стр. 91); Полное Собраніе Законовъ; Покровскій В. И., Сборникъ свѣдѣній по исторіи и статистикѣ внѣшней торговли Россіи. СПб., 1902 г.; Смирновъ Н. М., Нижегородская ярмарка въ 1844 году (Ж. М. В. Д., 1845 г., июнь. июль); Тенгоборгскій Л. О производительныхъ силахъ Россіи (франц. изд.).

говорка: „чай на все цѣну ставить“. Этой отраслю своего торгова Нижегородская ярмарка была самымъ тѣснымъ образомъ связана съ Кяхтой, наиболее важнымъ пунктомъ нашей торговли въ Азіи. Ясное пониманіе механизма чайной торговли на Нижегородской ярмаркѣ невозможно безъ знакомства, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, съ порядкомъ производства кяхтинской торговли.

Въ первой половинѣ XIX столѣтія Кяхта занимала главное мѣсто въ нашей азіатской торговлѣ. Какъ сообщаетъ Неболсинъ, цѣнность промѣненныхъ нами китайцамъ товаровъ составляла въ 1842—1846 гг. не менѣе 60% всего нашего отпуска по азіатской торговлѣ, а цѣнность вымѣненныхъ отъ нихъ товаровъ доходила до 48% всего нашего привоза изъ Азіи (въ томъ числѣ цѣнность одного чая составляла до 46%)¹.

Относительно предметовъ нашего торгова съ Китаемъ слѣдуетъ сказать, что съ теченіемъ времени составъ ихъ испытывалъ значительныя измѣненія. Первоначально мы получали изъ Китая только золото и серебро въ слиткахъ, ремень, шелковыя матеріи, фарфоръ и драгоценныя камни. Позднѣе, когда Восточная Сибирь начала заселяться, первое мѣсто среди предметовъ китайскаго вывоза къ намъ заняли хлопчатобумажныя матеріи (китайка и даба). Со своей стороны мы вывозили въ Китай преимущественно сибирскій пушной товаръ. Поэтому торговля наша съ Китаемъ была сначала въ рукахъ сибирскихъ купцовъ. Въ этотъ періодъ, продолжавшійся до конца XVIII столѣтія, торговля съ Россіей для Китая не была особенно выгодной. Потребность его въ нашемъ пушномъ товарѣ была велика, тогда какъ китайскіе товары, вслѣдствіе слабой населенности Сибири, находили себѣ въ Россіи лишь весьма ограниченный сбытъ. Положеніе дѣлъ измѣнилось, когда главнымъ предметомъ китайскаго вывоза въ Россію сдѣлался чай. Потребленіе чая въ Россіи возрастало столь быстро, что Россія не могла компенсировать ввозъ этого товара вывозомъ въ Китай своихъ произведеній, тѣмъ болѣе, что со второго десятилѣтія XIX вѣка стала сокращаться добыча мягкой рухляди въ Сибири. Недостатокъ русскихъ произведеній для вывоза въ Китай въ обмѣнъ за чай восполнялся транзитными товарами изъ Западной Европы. Англія, Пруссія и Царство Польское посылали въ Китай свои сукна и хлопчатобумажныя издѣлія. Въ эту пору изъ общей цѣнности нашего вывоза въ Китай 54% приходилось на пушной товаръ и только 18,7% на издѣлія нашей промышленности, причѣмъ шерстяныя ткани составляли менѣе 4%, а хлопчатобумажныя издѣлія, можно сказать, отсутствовали вовсе. Однако въ такомъ положеніи нашъ вывозъ въ Китай находился сравнительно недолгое время. За-

претительный характер тогдашняго русскаго таможеннаго тарифа и нѣкоторыя ограничительныя мѣры, принятыя русскимъ правительствомъ въ отношеніи транзита иностранныхъ товаровъ, повели къ тому, что русскія сукна и русскія хлопчатобумажныя издѣлія постепенно вытѣснили заграничныя ткани съ кяхтинскаго рынка и заняли на немъ господствующее положеніе. Такимъ образомъ, въ изучаемый нами періодъ исторіи Нижегородской ярмарки съ 1828 г. по 1860 годъ главными предметами нашего отпуска въ Китай черезъ Кяхту были: шерстяныя и хлопчатобумажныя ткани и мягкая рухлядь. Слѣдуетъ отмѣтить, что и за этотъ періодъ времени относительное значеніе отдѣльныхъ статей нашего отпуска въ Китай подвергалось измѣненіямъ, какъ это можно видѣть изъ нижеслѣдующей таблицы²⁾:

‰ ‰ къ общей цѣнности вывоза:

	1830—1834 гг.	1849—1852 гг.
Мягкая рухлядь	44,7	18,0
Шерстяныя матеріи	26,0	42,3
Выдѣланныя кожи	11,0	9,8
Хлопчатобумажныя издѣлія	8,4	22,8
Льняныя ткани	3,1	1,7
Прочіе товары	5,9	5,4

Изъ шерстяныхъ матерій въ Китай шли сукна, драдедамы и мериносы; изъ бумажныхъ — вельвереты или плисы и нанка; изъ льняныхъ — пестрядка или чешуйка, тикъ и холстъ; изъ мягкой рухляди — мерлушка, бѣлка, бобры и морскіе котіки, выдра, лисица, кошка, песцы, рыси, горностай, соболь, хорьки, росомахи, лапы лисьи; изъ кожевенныхъ издѣлій — юфть, козлы и сафьянъ. Кромѣ того, въ Китай отправлялись въ небольшихъ количествахъ металлическія издѣлія и разные необработанные матеріалы. Изъ иностранныхъ товаровъ въ Кяхту попадали черезъ Россію: мягкая рухлядь (наприм. выдра, рысь, выхухоль), камлоты, кораллы и коральки (маржанъ)³⁾.

Въ обмѣнъ на перечисленные товары мы получали изъ Китая въ сущности только одинъ товаръ — чай и въ небольшомъ количествѣ сахаръ—леденецъ и нѣкоторыя произведенія китайской мануфактурной и ремесленной промышленности.*). Въ началѣ 50-хъ годовъ XIX столѣтія по цѣн-

*) Важную статью привоза составляли одно время китайка и даба, которыя были у насъ въ большомъ употребленіи. Но производство китайки развилось въ Россіи и потому она перестала служить предметомъ вымѣна въ Кяхтѣ, а дабу въ 50-хъ годахъ XIX вѣка употребляли на рубашки только жители Иркутской губерніи (Корсакъ, стр. 141, 183; Мельниковъ, стр. 248; Неболсинъ, ч. I, стр. 333, 337, ч. 2, стр. 366, 368, 400. Шукинъ, ст. II, стр. 199).

ности чай составлялъ 94,4% всего привоза къ намъ изъ Китая. О размѣрахъ привоза чаю въ Россію въ первой половинѣ XIX столѣтія даютъ представленіе нижеслѣдующія данныя, заимствованныя нами у Неболсина (ч. I, стр. 339):

Средній ежегодный привозъ чаевъ (со включеніемъ кирпичнаго) въ Россію

Годы.	Пуды.
1801 — 1810	75.076
1811 — 1820	96.145
1821 — 1830	143.196
1830 — 1840	190.228
1841 — 1846	281.941

До 1861 года Россія почти все потребное для нея количество чая получала черезъ Кяхту. Въ 1822 году для поощренія кяхтинской торговли ввозъ чаевъ въ Россію изъ Европы былъ совершенно воспрещенъ за исключеніемъ Одесскаго портофранко, куда привозъ чая допускался съ пошлиною 30 коп. серебромъ съ фунта*) Поэтому распределеніе привоза чая въ Россію по отдѣльнымъ пограничнымъ пунктамъ представляло въ 30 хъ и 40-хъ гг. XIX столѣтія слѣдующую картину⁴:

Съ 1836 года оплачено чаевъ пошлиною въ среднемъ въ годъ:

Годы.	Байховаго		Кирпичнаго		Кантонскаго
	Въ Кяхтѣ	Въ Семипалатинскѣ	Въ Кяхтѣ	Въ Семипалатинскѣ	Въ Одесскомъ п.-франко
	пуды	пуды	пуды	пуды	пуды
1836—41	142.807	465	68.428	1425	1668
1842—47	191.926	1678	98.999	4994	3439

Изъ этой таблицы видно, что черезъ Одессу и Семипалатинскъ**) чай проникалъ къ намъ въ ничтожныхъ количествахъ, главная же масса его шла къ намъ черезъ Кяхту. О количествѣ чая, привозившагося въ Россію собственно черезъ Кяхту, имѣются въ нашемъ распоряженіи данныя съ

*) Портофранко существовало въ Одессѣ съ 1819 г. по 1857 г. (Покровскій, стр. 74).

**) Относительно Семипалатинска слѣдуетъ замѣтить, что его торговля стала развиваться около 40-хъ годовъ XIX столѣтія и даже внушала кяхтинскимъ торговцамъ опасенія, что со временемъ Семипалатинскъ, находясь гораздо ближе къ Европейской Россіи чѣмъ Кяхта, сдѣлается для нея грознымъ конкурентомъ. Однако развитію семипалатинской торговли препятствовалъ цѣлый рядъ неудобствъ, изъ которыхъ самымъ главнымъ было то, что русскіе купцы должны были отправлять свои товары изъ Семипалатинска въ китайскіе города Чугучакъ и Кульджу караванами, которые часто подвергались нападеніямъ разбойниковъ (Мельниковъ, стр. 248).

1832 года по 1860 годъ, заимствованныя нами, главнымъ образомъ, изъ работы Н. Крита „Будущность кяхтинской торговли“, стр. 43—44. Данныя эти двоякаго рода. Во-первыхъ, свѣдѣнія о числѣ мѣстъ чая байховаго и кирпичнаго и во-вторыхъ, свѣдѣнія о количествѣ заключавшагося въ этихъ мѣстахъ чая по вѣсу въ пудахъ. Свѣдѣнія перваго рода не могутъ дать точнаго представленія о размѣрахъ привоза байховаго чая. Какъ мы увидимъ ниже, мѣста съ байховымъ чаемъ были т. н. „квдратныя“ и „полоторныя“, причемъ послѣднія вѣсили значительно больше первыхъ. Поэтому, на основаніи числа мѣстъ байховаго чая сдѣлать заключеніе относительно количества находящагося въ нихъ товара можно лишь зная предварительно, сколько въ данной партіи было квадратныхъ мѣстъ и сколько полоторныхъ. При отсутствіи же этихъ данныхъ, свѣдѣнія только о числѣ мѣстъ чая могутъ привести изслѣдователя къ неправильнымъ выводамъ. Такъ напримѣръ, если судить о размѣрахъ привоза байховаго чая въ Кяхту въ 1834 году (82,4 тыс. мѣстъ), 1836 году (82,7 тыс. мѣстъ) и 1839 году (82,2 тыс. мѣстъ) по числу мѣстъ чая, то можно предположить, что въ эти годы было доставлено почти одинаковое количество чая. Въ дѣйствительности же въ 1834 году было доставлено 112,6 тыс. пудовъ, въ 1836 — 134,2 тыс. пудовъ и въ 1839 году — 82,2 тыс. пудовъ байховаго чая. Подобнымъ же образомъ обстоитъ дѣло и съ кирпичнымъ чаемъ, который, какъ мы увидимъ ниже, былъ двухъ видовъ: полновѣсный и легковѣсный или пекинскій. По изложеннымъ соображеніямъ мы считаемъ болѣе правильнымъ остановить здѣсь вниманіе читателя лишь на данныхъ о вѣсовомъ количествѣ чая, ввезеннаго въ Кяхту въ періодъ времени съ 1834 года по 1860 годъ.

Привозъ чаевъ въ Кяхту съ 1834 года по 1860 годъ въ общемъ возросъ съ 112,6 тысячъ пудовъ до 342,3 тысячъ пудовъ, но ростъ этотъ былъ подверженъ періодическимъ колебаніямъ. Такъ, въ періодъ съ 1834 года по 1842 годъ привозъ чаевъ поднялся съ 112.225 пудовъ до 192.265 пудовъ. Въ 1843 году онъ внезапно падаетъ до 134.556 пудовъ и засимъ постепенно поднимается до 253.425 пудовъ въ 1848 году. Понизившись въ слѣдующемъ 1849 году до 164.584 пудовъ, а въ 1850 году до 158.155 пудовъ вслѣдствіе междоусобныхъ войнъ въ Китаѣ, привозъ чая въ 1852 году достигаетъ 189.520 пудовъ. Въ 1853 году приближеніе китайскихъ инсургентовъ къ торговымъ путямъ сѣверо-восточной части Китая повело за собою пріостановленіе торга. Въ этомъ году вымѣнено было всего лишь 62.454 пуда байховаго чая. Въ слѣдующемъ году (1854) привозъ чая повышается до 150.763 пудовъ и постепенно возрастая, достигаетъ въ 1860 году 342.307 пудовъ.

Привозъ кирпичнаго чаю также былъ подверженъ колебаніямъ, приче́мъ общая картина ихъ, за нѣкоторыми отклоненіями, соотвѣтствуетъ измѣненіямъ въ привозѣ байховаго чая. Начавшись въ 1834 году съ 59 тысячъ пудовъ, привозъ кирпичнаго чаю въ слѣдующемъ году рѣзко повышается почти до 86 тысячъ пудовъ. Послѣ этого онъ плавно опускается до 28 тысячъ пудовъ въ 1837 году. Послѣдующее пятилѣтіе привозъ кирпичнаго чая держится приблизительно на уровнѣ около 50 000 пудовъ, а затѣмъ начинаетъ повышаться и въ 1845 году достигаетъ 118 тыс. пудовъ. До 1852 года включительно привозъ кирпичнаго чая держится на уровнѣ выше 100 тыс. пудовъ, за исключеніемъ 1850 и 1851 гг., когда его количество опускается до 83—86 тыс. пудовъ. Въ критическій 1853 годъ привозъ кирпичнаго чая сокращается до 65 тыс. пудовъ, а затѣмъ постепенно повышается и въ 1858 году достигаетъ своей высшей точки — 177.000 пудовъ. Въ 1859 и 1860 гг. соотвѣтственныя цифры привоза были 122 и 110 тыс. пудовъ.

Въ Кяхту привозились чаи трехъ видовъ: черныя или байховыя*), зеленые и кирпичные. Остановимся на каждомъ изъ нихъ. Первое мѣсто принадлежало, конечно, чаю байховымъ. По достоинству чайныхъ листьевъ черныя чаи раздѣлялись на цвѣточные и торговые или ординарные. Черный чай получалъ названіе цвѣточнаго потому, что къ нему примѣшивались молодые, только что распустившіеся листочки чайнаго дерева. Торговый чай не имѣлъ этой примѣси, его листья были крупнѣе; между ними встрѣчались и стебельки чайнаго дерева. Цвѣтомъ торговые чаи бывали сизые, черные, красноватые и желтоватые.

Цвѣточные и торговые чаи, въ свою очередь, подраздѣлялись на фамильные, сансинскіе и обыкновенные.

Фамильнымъ назывался тотъ чай, который скупался у плантаторовъ (б. частію въ провинціи Фучанъ или Фуцзянь) оптовыми китайскими купцами, торговавшими въ Кяхтѣ, и отправлялся послѣдними прямо на продажу русскимъ. Названіе китайской фирмы выставлялось обыкновенно на ящикахъ или цибикахъ**). Наши торговцы, не зная китайскихъ обычаевъ, прозвали этотъ чай фамильнымъ, такъ какъ

*) Названіе „байховыхъ“ черныя чаи получили оттого, что къ нимъ примѣшивается „бѣлый“ чай (по китайски „бай“), который въ цѣльномъ видѣ не вывозится изъ Китая и состоитъ изъ самыхъ молодыхъ листиковъ чая, называемыхъ цвѣтками (Неболсинъ, ч. I, стр. 343, прим.).

***) Чайное мѣсто обыкновенно называется циби́комъ отъ монгольскаго слова „цибыкъ“, плетушка. (Критъ, стр. 8).

принимали названіе фирмы за фамилію ея главнаго управляющаго или прикащика. Названіе фирмы переходило на присылаемый ею товаръ, который и фигурировалъ въ русской торговлѣ подъ этимъ именемъ. Такъ, на примѣръ, извѣстныя въ русской чайной торговлѣ названія фамильнаго чая: мьюконъ, шитычуанъ и др. суть не что иное какъ фирмы китайскихъ торговыхъ компаній или фузъ. По кяхтинской сортировкѣ цвѣточные фамильные чаи раздѣлялись на четыре сорта. Лучшіе сорта цвѣточнаго фамильнаго чая назывались лянъ син ами. Лянъсины были извѣстны подъ фирмами своихъ хозяевъ, какъ то: мьюконъ, шитычуанъ (шилунга) сафаюнъ и т. д.

Названіе сансинскаго было усвоено байховому чаю, который закупался также въ Фу-цзянѣ, но купцами, не торговавшими съ Кяхтой. Эти купцы перепродавали свой товаръ въ провинціи Санъ-си въ г. Калганѣ сансинскимъ купцамъ, а послѣдніе доставляли его въ Кяхту. По установившемуся въ кяхтинской торговлѣ обыкновению сансинскіе чаи не назывались фамильными, хотя у нихъ на цибикахъ также значились „фамиліи“ ихъ хозяевъ. Партіи сансинскаго чая состояли, главнымъ образомъ, изъ торговаго или чернаго чая. Цвѣточнаго въ нихъ находилось только около 10%. Торговые сансинскіе чаи раздѣлялись въ торговлѣ на три и даже болѣе сортовъ. Они укладывались обыкновенно въ полоторные цибикі вѣсомъ 80—87 фунтовъ.

Обыкновенными и назывались чаи цвѣточные и торговые невысокаго качества.

Кромѣ того, всѣ перечисленные нами виды байховаго чая подраздѣлялись на квадратные и неквадратные или полоторные въ зависимости отъ размѣровъ цибиковъ. Квадратный цибикъ имѣлъ 10 вершковъ во всѣ три конца, т. е. 1000 куб. вершковъ въ объемѣ. Вѣсъ его былъ: нетто отъ 50 до 65 фунтовъ, а брутто — отъ 2 пудовъ 16 фунтовъ до 2 пудовъ 23 фунтовъ. Полоторный цибикъ былъ длиною 12 вершковъ, шириною 9 вершковъ и глубиною $11\frac{1}{2}$ вершковъ, т. е. 1242 куб. вершка въ объемѣ и вѣсилъ нетто отъ 75 до 87 фунтовъ, а съ укупоркой отъ 3 пуд. до 3 пудовъ 7 фунтовъ.

Изъ перечисленныхъ сортовъ байховаго чая цвѣточные фамильные привозились по большей части въ квадратныхъ мѣстахъ вѣсомъ 53—57 фунтовъ и лишь небольшое количество ихъ въ полоторныхъ — вѣсомъ отъ 75 до 80 фунтовъ. Торговые фамильные доставлялись въ квадратныхъ мѣстахъ отъ 60 до 65 фунтовъ вѣсомъ чистаго чая и въ полоторныхъ 82—87 фунтовъ въ каждомъ. Сансинскіе торговые укладывались обыкновенно въ полоторные цибикі вѣсомъ 80—87 фунтовъ. Чаи торговые обыкновенные привозились

въ самомъ маломъ количествѣ въ квадратныхъ цибикахъ вѣсомъ 55—60 фунтовъ. Привозъ обыкновенныхъ цвѣточныхъ также былъ очень невеликъ⁵⁾.

Зеленый чай имѣлъ цвѣтъ темный, изжелта зеленый, нѣсколько мутный и отличался отъ чернаго чая особеннымъ сильнымъ запахомъ и болѣе горьковатымъ вяжущимъ вкусомъ. Въ Россію зеленаго чаю привозилось мало, только высшіе сорта и притомъ подъ двумя фамиліями: хынъ-лунъ-ты и чанъ-ко-тай. Въ розничной торговлѣ существовало нѣсколько сортовъ зеленаго чая, изъ которыхъ у каждого было свое названіе, наприм. жуланъ, ванзовый, лянзовый, ланховый и т. д. Весь привозъ зеленаго чая въ Россію составлялъ отъ 560 до 700 мѣстъ, вѣсомъ отъ 59 до 69 фунтовъ каждое (Неболсинъ, ч. I, стр. 349; Журн. Ман. и Торг. 1828 г., т. 10, стр. 54).

Кирпичный чай называется такъ потому, что онъ имѣетъ видъ четырехугольныхъ плитокъ, похожихъ на кирпичи темно-бураго или темно зеленаго цвѣта. Кирпичный чай привозился въ Россію въ камышевыхъ плетушкахъ. Въ кяхтинской торговлѣ различался кирпичный чай двухъ сортовъ: полновѣсный и легковѣсный. Плетушка полновѣснаго кирпичнаго чая вѣсила около трехъ пудовъ и заключала въ себѣ 36 кирпичей, переложенныхъ желтой оберточной бумагой. Каждый кирпичъ былъ длиной до 8 вершковъ, шириной $3\frac{1}{2}$, 4 и $4\frac{1}{2}$ вершка, а толщиной — $\frac{1}{2}$ вершка и болѣе. Вѣсъ его былъ около $3\frac{1}{2}$ фунтовъ. Мѣсто же легковѣснаго кирпичнаго чаю вѣсило отъ 2 до $2\frac{1}{2}$ пудовъ и заключало въ себѣ 50, 64, 72, 96 и даже болѣе плитокъ малаго формата⁶⁾. Легковѣсный кирпичный чай сталъ поступать къ намъ черезъ Кяхту, повидимому, лишь съ конца сороковыхъ годовъ XIX столѣтія. До 1847 года средній вѣсъ одного мѣста кирпичнаго чаю, привезеннаго въ Кяхту, всегда равенъ тремъ пудамъ. Съ 1848 года онъ начинаетъ понижаться и въ 1860 году падаетъ до $2\frac{1}{2}$ пудовъ. Объясняется это, по нашему мнѣнію, присутствіемъ въ общемъ количествѣ привезеннаго къ намъ изъ Китая кирпичнаго чая значительнаго числа мѣстъ т. н. легковѣснаго или пекинскаго чая. На Нижегородской ярмаркѣ легковѣсный кирпичный чай мы встрѣчаемъ, судя по ярмарочнымъ обзорамъ, впервые въ 1855 году. Потребителями кирпичнаго чая въ Россіи являлось прежде всего населеніе Сибири не только инородческое, но и русское. Среди послѣдняго особенно замѣтно стало распространеніе кирпичнаго чая въ сороковыхъ годахъ XIX столѣтія. Въ предѣлахъ Европейской Россіи спросъ на кирпичный чай предъявляли киргизы, калмыки, кочевые татары, донскіе казаки, армяне и жители мѣстностей, прилегающихъ къ Кавказу. Кромѣ того, нѣкоторое количество кир-

пичнаго чая покупалось московскими и петербургскими купцами и подмѣшивалось ими къ байховому чаю⁷⁾.

Разумѣется, не всѣ изъ описанныхъ нами сортовъ чая поступали въ Кяхту въ одинаковыхъ количествахъ. Были среди нихъ, такъ сказать, основные сорта, на которые падала главная масса привоза, и были сорта, привозъ которыхъ исчислялся весьма небольшими цифрами. Къ сожалѣнію, данныя, имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи по этому вопросу, весьма скудны. Мы находимъ у Неболсина (ч. I, стр. 341) слѣдующую таблицу распредѣленія по главнымъ сортамъ чаевъ, пропущенныхъ въ 1846 и 1847 гг. черезъ Кяхту и Семипалатинскъ.

	1846 г.	1847 г.
Байховаго цвѣточнаго . . .	89.740 пудовъ	82.725 пудовъ
Байховаго торговаго . . .	139.988 „	143.412 „
Зеленаго простаго . . .	608 „	273 „
Кирпичнаго	117.903 „	130.696 „
	<hr/>	<hr/>
	353.243 „	357.106 „

Изъ этой таблицы мы видимъ, что большая часть привоза приходилась на чай байховые цвѣточные и торговые, меньшая — на кирпичный чай и вовсе незначительная доля падала на чай зеленый. Въ свою очередь изъ байховыхъ чаевъ въ наибольшихъ количествахъ шли къ намъ черезъ Кяхту: цвѣточные фамильные въ количествѣ отъ 50 до 60 тысячъ мѣстъ почти всегда квадратныхъ; торговые фамильные въ количествѣ отъ 15.000 до 25.000 мѣстъ квадратныхъ и полоторныхъ и торговые сансинскіе въ количествѣ отъ 35.000 до 45.000 мѣстъ обыкновенно полоторныхъ⁸⁾.

Въ теченіе всей первой половины XIX столѣтія порядокъ кяхтинскаго торга регулировался двумя актами: Высочайше утвержденными 15 марта 1800 года Правилами, „по которымъ кяхтинская таможня и купечество при производствѣ съ китаицами торга поступать должны“ (Первое Полное Собраніе Законовъ, т. XXVI, 19. 328) и инструкціей, данной Коммерцъ-Коллегіей 5 октября 1800 года Кяхтинской таможнѣ и компаніонамъ, т. е. выборнымъ отъ купечества. Согласно этимъ постановленіямъ, въ кяхтинскомъ торгѣ могли участвовать только россійскіе подданные, а иностранное купечество, не записавшееся въ вѣчное подданство, не могло имѣть въ ней никакого участія*). Благодаря этому Кяхта оказалась единственнымъ пунктомъ нашей заграничной торговли, который находился исключительно въ рукахъ рус-

*) П. П. С. З., XXVI, 19. 327 п. 9. (Именной данный 15 марта 1800 г. Сенату указъ о сборѣ пошлинъ съ привозныхъ и отпусковыхъ товаровъ въ Кяхтинской таможнѣ и Цурухайтуевской таможенной заставѣ).

скаго купечества. Этимъ Кяхта рѣзко отличалась отъ другихъ мѣстъ нашей торговли съ Азіей, гдѣ дѣятельность русскаго купечества была мало замѣтна, а первое мѣсто принадлежало армянамъ, татарамъ, бухарцамъ, персіянамъ и другимъ „азіатцамъ“, пользовавшимся у насъ правомъ свободной торговли на главнѣйшихъ ярмаркахъ⁹). Второе основное правило для кяхтинской торговли заключалось въ томъ, что она должна была производиться мѣною товаровъ безъ монеты¹⁰). Законъ грозилъ тяжелымъ штрафомъ тому, кто сталъ бы покупать или продавать что нибудь на деньги или давать китайцамъ или брать отъ нихъ какіе либо товары въ долгъ. Законодатель имѣлъ въ виду съ одной стороны удержать монету и благородные металлы внутри государства, а съ другой — устранить всякіе поводы къ неудовольствіямъ между русскими и китайскими купцами. При Кяхтинской таможенѣ учреждены были „компаніоны“ (съ 1851 года „старшины“), которыхъ ежегодно выбирало торговавшее въ Кяхтѣ купечество („по числу существующихъ компаній по одному компаніону изъ первѣйшихъ купцовъ“). На обязанности компаніоновъ лежало „наиболѣе пещись о томъ единственно, дабы Россійскіе товары при взаимной мѣнѣ, сколько возможно, въ цѣнахъ возвышаемы, а китайскіе понижаемы были“. Компаніоны должны были устанавливать въ общемъ собраніи купечества цѣны русскимъ и китайскимъ товарамъ для взаимнаго ихъ вымѣна, производить сортировку и точную расцѣнку при везенныхъ въ Троицкосавскъ русскихъ и иностранныхъ товаровъ и послѣ вымѣна провѣрять, дѣйствительно ли китайскіе товары вымѣнены нашимъ купечествомъ по опредѣленнымъ компаніонами цѣнамъ. Этой мѣрой правила 15 марта 1800 года старались добиться отъ нашихъ купцовъ того единодушія, котораго у нихъ обыкновенно не было и отсутствіе котораго было выгодно только китайцамъ, дѣйствовавшимъ всегда очень сплоченно.

II.

Перевозка чаевъ изъ Кяхты на Нижегородскую ярмарку. Какое количество чая привозилось на Нижегородскую ярмарку?

Главными пунктами чайной торговли въ Европейской Россіи были Москва и Нижегородская ярмарка. Москва служила складочнымъ мѣстомъ для чаевъ, направлявшихся въ С.-Петербургъ, гдѣ у московскихъ главныхъ торговцевъ были свои кладовыя для распродажи чаевъ по магазинамъ, а также въ западныя губерніи и въ южную Россію. Изъ Москвы чаи разсылались на Ростовскую, Коренную и другія наиболѣе значительныя ярмарки. Москва же принимала чай, оставшійся не-

проданнымъ на Нижегородской ярмаркѣ¹¹⁾. Нижегородская ярмарка имѣла весьма важное значеніе для кяхтинской торговли благодаря удобствамъ своего географическаго положенія. Находясь на водномъ пути изъ Сибири въ Москву, Нижегородская ярмарка служила распредѣлительнымъ пунктомъ, изъ котораго чай расходился по всей Россіи для распродажи населенію. Вмѣстѣ съ тѣмъ ярмарка являлась какъ бы сборнымъ пунктомъ для русскихъ товаровъ, шедшихъ въ Китай для промѣна на чай: русскіе купцы, торговавшіе съ китайцами, покупали на ярмаркѣ эти товары и отправляли ихъ въ Кяхту и Семипалатинскъ¹²⁾.

Прежде чѣмъ попасть на Нижегородскую ярмарку кяхтинскій чай долженъ былъ совершить весьма длинный путь въ пять тысячъ верстъ слишкомъ, на что требовалось обыкновенно около шести мѣсяцевъ. Чай отправлялись изъ Кяхты въ разное время. Болѣе половины вымѣненныхъ чаевъ вывозилось въ январѣ, февралѣ, мартѣ и частью въ апрѣлѣ; остальные же партіи отправлялись преимущественно въ августѣ, октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ. Такимъ образомъ, перевозка чаевъ производилась и въ зимнюю и въ лѣтнюю пору, и въ послѣднемъ случаѣ — частью сухопутьемъ, частью водою. Если чайный грузъ выходилъ изъ Кяхты въ зимнее время, то онъ шель на саняхъ черезъ Селенгинскъ, Верхнеудинскъ, Байкаль (по льду) съ половины января до половины апрѣля до Иркутска, гдѣ часть товара оставалась для продажи по Восточной Сибири*). Въ февралѣ и мартѣ выходили изъ Иркутска чаи, предназначенные для Нижегородской ярмарки, и успѣвали по зимнему пути дойти до Томска черезъ Нижнеудинскъ и Красноярскъ¹³⁾. Томскъ представлялъ собою временное складочное мѣсто для кяхтинской торговли, гдѣ часть чайныхъ грузовъ отдѣлялась для Ирбитской ярмарки. Въ Томскѣ чаи „весновали“ и въ началѣ мая двигались дальше — на Тюмень. До Тюмени чаи шли частью сухимъ путемъ, а большей частью водою: по рѣкѣ Томи въ рѣку Обь, изъ Оби въ рѣки Иртышъ и Тоболъ, отсюда въ рѣку Туру, по которой и приплывали до Тюмени во второй половинѣ іюня. Изъ Тюмени до Перми чаи шли сухимъ путемъ около 12 дней. Въ Перми производилась погрузка чаевъ на суда, которыя по рѣкамъ Камѣ и Волгѣ доставляли ихъ на Нижегородскую ярмарку въ концѣ іюля. Однако не всѣ чаи привозились въ одно время на ярмарку: обыкновенно $\frac{1}{3}$ ихъ, а иногда и половина приходила не ранѣе 20 августа. Слѣдуетъ также замѣтить, что нѣкоторая часть кяхтинскихъ чаевъ прибывала на ярмарку черезъ Казань¹⁴⁾.

*) Если транспортъ шель передъ замерзаніемъ Байкала въ декабрѣ, то чай везли по почтовой Круго-Байкальской дорогѣ или по Игумновской.

Если же чай отправлялся изъ Кяхты поздно, по вскрытіи Байкала, то его везли изъ Кяхты на телѣгахъ до устья рѣки Селенги, къ Чертовкиной пристани или къ Посольскому монастырю. Отсюда на большихъ купеческихъ судахъ чай перевозились или къ Лиственичной станціи на Байкалѣ, у истока рѣки Ангары, или къ Никольской пристани на Ангарѣ въ 3 верстахъ отъ Байкала. Перегруженные въ особыя плоскодонныя суда съ крышей — карбасы, чай сплавлялись внизъ по Ангарѣ до Иркутска, откуда слѣдовали вышеописаннымъ путемъ до Томска*). Развитие пароходства по Волгѣ и Камѣ въ 60 хъ годахъ XIX столѣтія сократило, разумѣется, нѣсколько для чайныхъ транспортовъ время пребыванія ихъ въ пути¹⁵⁾.

Въ теченіе своего долгаго путешествія на Нижегородскую ярмарку чай подвергались осмотру и „пробѣ“ т. е. пробѣ доброты на четырехъ главныхъ станціяхъ: въ Иркутскѣ, Томскѣ, Тюмени и въ Перми**). Каждое мѣсто пробивалось двумя особыми совками, въ видѣ длинныхъ желѣзныхъ желобковъ, съ помощью которыхъ изъ него извлекалось $\frac{1}{2}$ фунта чаю. Такимъ образомъ, всего на пробу уходило изъ каждого цибика 2 фунта. Оставшійся отъ пробы чай поступалъ въ продажу подъ именемъ „совочнаго“¹⁶⁾.

По прибытіи на Нижегородскую ярмарку чай складывался на Сибирской пристани, въ двухъ верстахъ отъ каменнаго гостинаго двора. Только незначительная часть его попадала въ гостиный дворъ¹⁷⁾. Склады чая на Сибирской пристани назывались по имени доставившихъ ихъ подрядчиковъ или „доставщиковъ“, а отнюдь не по имени ихъ хозяевъ — кяхтинскихъ торговцевъ. Эти склады представляли интересное зрѣлище. Въ концѣ Сибирской пристани, позади ободьевъ, поташу и шадрику тянулись по обѣ стороны балахнинской дороги двѣ высокія стѣны изъ чайныхъ цибиковъ, укутанныхъ рогожами и поставленныхъ на длинныхъ шестахъ. „По одну сторону отъ нихъ течетъ Волга, которая около этого мѣста наноситъ цѣлый островъ песку, на которомъ помѣщается складъ сырыхъ кожъ, по другую — обширное поле. Здѣсь одинъ изъ крайнихъ предѣловъ яр-

*) Критъ сообщаетъ (стр. 76), что до 20-хъ годовъ XIX столѣтія, а какъ исключеніе, и до 1835 года по вскрытіи рѣкъ въ продолженіи пяти лѣтнихъ мѣсяцевъ, чай спускались по Ангарѣ и потомъ по Енисею до Усть-Кемскаго. Отсюда они перевозились по Маковскому волоку до Маковскаго острога. Потомъ спускались по р. Кети въ Обь, подымались по Оби и далѣе до Тюмени шли обычнымъ воднымъ путемъ (См. также Неболсинъ, ч. I, стр. 363).

***) Слѣдуетъ замѣтить, что кромѣ указаннаго случая проба чаевъ совками производилась: а) при вымѣнѣ чаевъ отъ китайцевъ, б) при приѣмѣ чая доставщиками, и в) при приѣмѣ чая отъ доставщиковъ хозяевами, чтобы не принять чай подмоченный, гнилой, съ постороннимъ запахомъ или подмѣшанный въ дорогѣ (Неболсинъ, ч. I, стр. 364).

марки. Отъ всемірнаго торжища долетаютъ сюда одни неясные звуки. Тамъ шумъ и гамъ, здѣсь тихо и мирно“. Оживленіе начиналось лишь послѣ продажи чевъ въ „первыя руки“. Въ концѣ cadaго склада находился баракъ для приказчиковъ или довѣренныхъ кяхтинскихъ купцовъ, устроенный на живую нитку и внутри обитый рогожами. Матеріаль для этихъ построекъ, въ которыхъ иногда было 4—5 комнатокъ, съ окончаніемъ ярмарки разбирался и бережливо перевозился въ сосѣднюю деревню для храненія до будущаго года. Чайные приказчики были большею частью людьми бывалыми, много видавшими, много изъѣздившими, съ кучей всякаго рода интересныхъ свѣдѣній. Нѣкоторые изъ нихъ торговали собственнымъ чаемъ, но въ самомъ незначительномъ количествѣ; у немногихъ изъ нихъ число цибиковъ доходило до сотни. Все это лежало на складѣ хозяина, а въ баракѣ находилось только нѣсколько мѣшковъ. Посѣтитель могъ здѣсь купить немного чаю: фунтовъ 5, 10, 15, но не одинъ фунтъ¹⁸⁾.

Какова же была провозная плата за доставку чаевъ изъ Кяты на Нижегородскую ярмарку?

Неболсинъ, писавшій въ концѣ сороковыхъ годовъ XIX столѣтія, говоритъ, что доставка чаевъ изъ Кяхты до Нижняго Новгорода къ ярмаркѣ обходилась не дешевле 20 рублей асс. съ пуда. Въ такомъ же размѣрѣ опредѣляетъ среднюю провозную плату изъ Кяхты до Нижняго Новгорода и Корсакъ для конца пятидесятихъ годовъ. Съ этимъ согласуется и свидѣтельство Крита о томъ, что средняя провозная плата съ пуда изъ Кяхты въ Нижній Новгородъ составляетъ 5 рублей 50 коп. серебромъ съ пуда¹⁹⁾. Согласно Неболсину, провозная плата распредѣлялась по участкамъ пути слѣдующимъ образомъ:

Кяхта — Иркутскъ	$1\frac{1}{2}$ — $2\frac{1}{2}$ — $3\frac{1}{2}$ р. асс. съ пуда.
Иркутскъ — Томскъ	{ зимою 7—10 руб. „ „ къ веснѣ . . . 12—24 руб. „ „
Томскъ — Тюмень	{ водою $1\frac{1}{2}$ — $2\frac{1}{4}$ руб. „ „ сухимъ путемъ 3—5 руб. „ „
Тюмень — Пермь	сух. путемъ . . . $1\frac{1}{2}$ — $2\frac{1}{2}$ р. „ „
Пермь — Нижній Новгородъ	водою 1 руб. 20 коп. — 1 р. 70 к.

Такимъ образомъ, самую дорогую часть пути составлялъ переѣздъ изъ Иркутска до Томска. Вообще же про-

возная плата повышалась тогда, когда сразу отправлялись изъ Кяхты слишком большія количества чаевъ, когда отправителемъ ставился опредѣленный срокъ для доставки чая на мѣсто назначенія, когда чай приходилось везти вокругъ Байкала, по гористой и дурной дорогѣ или въ позднее весеннее время²⁰⁾. Въ этомъ отношеніи интересныя данныя приводитъ Критъ въ своей работѣ „Будущность кяхтинской торговли“ относительно колебаній провозной платы за доставку чаевъ изъ Кяхты на Нижегородскую ярмарку въ зависимости отъ времени отправки чаевъ изъ Кяхты и отъ срока доставки на ярмарку²¹⁾.

При отправленіи чаевъ изъ Кяхты на Нижегородскую ярмарку съ 1 марта до апрѣля провозная плата составляла:

Годы	Съ доставкой на 10 августа.		Съ доставкой на 20 августа.	
	1832 — 1839	3 р.	— 3 р. 50 к.	3 р. 50 к.
1842 — 1851	3 р.	— 4 р.	4 р.	— 4 р. 50 к.
1851 — 1860	3 р. 50 к.	— 4 р. 50 к.	5 р.	— 6 р.

Болѣе подробныя свѣдѣнія относительно 1860 и 1861 годовъ.

съ 1 по 10 января	4 р. 30 к. сер.	} съ до- ставкой на 10 августа
съ 10 по 20 января	3 р. 50 к. сер.	
съ 20 января по 1 февраля. .	4 р. 70 к. сер.	
съ 1 по 10 февраля	5 р. „	
съ 10 по 20 февраля	5 р. 50 к. „	
съ 20 февраля по 1 марта. .	6 р. „	
съ 1 марта по 8 апрѣля	6 р. 50 к.—6 р. 75 к.)	
съ 1 по 20 мая	6 р. 50 к.—6 р. 75 к.)	} съ до- ставкой на 20 августа

Отсюда видно, что чѣмъ позднѣе происходила отправка чая изъ Кяхты, чѣмъ ближе былъ конецъ саннаго пути, тѣмъ дороже становилась провозная плата.

Что же касается общаго уровня провозной платы, то въ нашемъ распоряженіи имѣются свѣдѣнія лишь за время съ 1834 г. по 1860 годъ²²⁾.

Движеніе провозной платы за доставку чаевъ изъ Кяхты въ Нижній Новгородъ.

Годы.	Провозная плата. (серебромъ).	Годы.	Провозная плата. (серебромъ).
1834	3 р. 43 к. — 9 р. 72 к.	1849	2 р. 40 к. — 6 р. 50 к.
1838	2 р. 37 к. — 3 р. 57 к.	1850	2 р. — 6 р.
1839	5 р. — 6 р. 55 к.	1851	3 р. 50 к. — 5 р. 50 к.
1840	6 р. 25 к. — 7 р. 15 к.	1852	3 р. — 7 р.
1841	6 р. 50 к. — 7 р. 15 к.	1853	} свѣдѣній нѣтъ
1842	4 р. — 5 р.	1854	
1843	3 р. — 6 р.	1855	
1844	2 р. — 5 р.	1856	4 р. — 4 р. 50 к.
1845	3 р. 15 к. — 8 р.	1857	3 р. 25 к. — 6 р.
1846	4 р. — 7 р.	1858	5 р. — 5 р. 50 к.
1847	4 р. — 8 р.	1859	5 р. 50 к. — 6 р.
1848	3 р. 50 к. — 7 р.	1860	4 р. 50 к. — 6 р. 50 к.

Изъ этой таблицы видно, что уровень провозной платы былъ подверженъ довольно рѣзкимъ колебаніямъ, при чемъ годы 1839, 1840, 1843, 1845, 1847, 1857, 1859, 1860 были годами сравнительно дорогой провозной платы. По свидѣтельству Крита, бывшаго управляющимъ Кяхтинскою таможенею, хорошо знакомаго съ условіями кяхтинской торговли, на средній уровень провозной платы въ году оказывалъ вліяніе цѣлый рядъ обстоятельствъ. Во-первыхъ, урожай хлѣба и травъ въ тѣхъ губерніяхъ, черезъ которыя совершалась гужевая перевозка чая. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что самая перевозка чаевъ, происходившая въ значительной мѣрѣ въ страдную пору, и отвлекавшая рабочія руки и лошадей отъ земледѣльческихъ работъ, — содѣйствовала вздорожанію хлѣба и фуража и, слѣдовательно, повышенію провозной платы. Во-вторыхъ, повышательно дѣйствовала на провозную плату сибирская золотопромышленность, развитіе которой началось въ концѣ 30-ыхъ годовъ XIX столѣтія. Золотопромышленность не только отвлекала отъ земледѣльческаго промысла большія количества рабочихъ рукъ и тѣмъ вызывала сокращеніе посѣвовъ какъ разъ по всей линіи, по которой слѣдовали товары въ Кяхту и изъ Кяхты, но и предъявляла большой спросъ на хлѣбъ, фуражъ, лошадей и прочія перевозочныя средства. Наступившее съ конца сороковыхъ годовъ нѣкоторое пониженіе провозной платы Критъ приписываетъ тому обстоятельству, что какъ разъ съ этой поры золотые промыслы Енисейскаго округа начали понемногу терять свое значеніе и золотая лихорадка среди населенія ослабѣла*). Наконецъ, возвышенію провозной платы

*) Съ этимъ взглядомъ несогласенъ авторъ статьи „О торговлѣ нашей съ Китаемъ“. По его словамъ, провозы съ 1839 года по 1845 годъ были

содействовали развитіе внутренней торговли въ Сибири и пріобрѣтеніе нами Амурскаго края, куда казна направляла значительные транспорты хлѣба и другихъ жизненныхъ припасовъ²³).

Конечно, перевозка кяхтинскихъ чаевъ изъ Кяхты внутрь Россіи давала значительный заработокъ населенію мѣстъ, лежавшихъ по большому московскому тракту. Купцы, мѣщане и крестьяне такихъ городовъ, какъ Иркутскъ, Красноярскъ, Томскъ, Тюмень, и другихъ населенныхъ пунктовъ промышляли перевозкою чаевъ. Существовало мнѣніе, что Кяхта разсыпаетъ по пути въ Нижній по крайней мѣрѣ миліонъ рублей серебромъ. На это указывали сторонники привилегированнаго положенія кяхтинской торговли всякій разъ, какъ возникалъ вопросъ объ измѣненіи правилъ для кяхтинской торговли и о допущеніи ввоза чая съ западной границы Имперіи. Критъ полагаетъ, что это утвержденіе справедливо лишь для начала XIX столѣтія, когда была незначительна внутренняя сибирская торговля и не началось развитіе золотопромышленности и когда, слѣдовательно, провозная плата отъ кяхтинскихъ чаевъ дѣйствительно могла служить подспорьемъ хлѣбопашеству и увеличивать благосостояніе крестьянъ. „Теперь же“ говоритъ онъ, „она преимущественно обогащаетъ винныхъ откупщиковъ“²⁴).

Товары, купленные на Нижегородской ярмаркѣ для Кяхты, отправлялись къ мѣсту своего назначенія нѣсколько инымъ путемъ: до города Тюмени они шли главнымъ почтовымъ трактомъ. Отъ Тюмени, чтобы сократить путь (на 223 версты), обозы сворачивали вправо и проходили черезъ города Ялуторовскъ и Ишимъ. У почтовой станціи Абатской обозы снова выходили на московскій почтовый трактъ и шли до города Тюкалинска. Здѣсь обозы опять сворачивали вправо, оставляли въ сторонѣ почтовый трактъ и городъ Омскъ и шли обходомъ до станціи Еланской, сокращая такимъ образомъ себѣ путь на 93 версты. Отъ станціи Еланской обозы слѣдовали почтовымъ трактомъ черезъ города Каинскъ, Колывань, Томскъ до города Ачинска. Изъ Ачинска въ зимнюю пору товары шли почтовымъ трактомъ только до села Емельянова, находящагося въ 24 верстахъ отъ г. Красноярска. Здѣсь, чтобы выгадать 50 верстъ, обозы сворачивали съ тракта вправо, проходили черезъ села Творогово и Коркино, переправлялись черезъ рѣку Енисей около деревни Березовки и шли до села Шулково, гдѣ выходили на Московскій почтовый трактъ, по которому добирались до Иркутска. Въ лѣтнее время товары, предназначенные для

дороже обыкновеннаго не вслѣдствіе развитія золотопромышленности, а по случаю нѣкоторыхъ стѣснительныхъ мѣръ, предписанныхъ тогда главнымъ мѣстнымъ начальствомъ относительно продажи хлѣба.

Кяхты, шли изъ Ачинска по тракту черезъ Красноярскъ до Иркутска. Изъ Иркутска они слѣдовали къ Байкалу, перевозились черезъ него къ устью рѣки Селенги и отсюда шли сухимъ путемъ въ Кяхту²⁵).

Переходя къ вопросу о количествѣ доставлявшагося на ярмарку чая, мы встрѣчаемся съ нашей старинной ярмарочной статистикой*). Какъ извѣстно, ярмарочная статистика того времени отнюдь не отличалась точностью, и сообщаемыя ею цифровыя данныя приходится разсматривать лишь какъ приблизительныя глазомѣрныя оцѣнки. Тѣмъ не менѣе относительно чая мы имѣемъ авторитетныя свидѣтельства академикомъ К. С. Веселовскаго и В. П. Безобразова о томъ, что цифры привоза чая на ярмарку достовѣрнѣе всѣхъ прочихъ цифръ²⁶).

Мы разсмотримъ привозъ чая на Нижегородскую ярмарку со стороны какъ цѣнности его, такъ и количества. Съ 1828 года до 1839 года, т.-е. до реформы графа Канкринна цѣнность привоза байховыхъ и кирпичныхъ чаевъ на Нижегородскую ярмарку колебалась между 19,8 и 13,0 милліоновъ рублей ассигнаціями, причемъ на 13 милліоновъ рублей асс. привезено было чая только въ 1829, 1830 и 1832 гг. По отношенію къ общей цѣнности привоза на ярмарку цѣнность чая составляла отъ 9 до 14%, причемъ 9% приходилось только на 1832 годъ, а 10% на 1833 г. Съ 1840 г. до 1860 г. цѣнность привозимаго на ярмарку чая составляла отъ 4,2 до 9,6 милліоновъ рублей кредитныхъ, т.-е. отъ 7 до 15% цѣнности всего привоза на ярмарку. Можно сказать, что за весь изучаемый нами періодъ времени съ 1828 года по 1860 годъ доля цѣнности чая въ общемъ привозѣ на ярмарку спускалась ниже 10% только въ 1832 г. (9%), 1853 г. (8%), 1854 г. (7%), 1855 г. (9%), 1859 г. (8%) и 1860 г. (9%).

Гораздо труднѣе отвѣтить на вопросъ о томъ, какое количество чаевъ привозилось на ярмарку ежегодно въ теченіе изучаемаго нами періода. Въ отличіе отъ Кяхты, по отношенію къ Нижегородской ярмаркѣ въ нашемъ распоряженіи имѣются свѣдѣнія только о числѣ мѣстъ чая (байховаго и кирпичнаго отдѣльно), доставленныхъ на ярмарку съ 1824 г. по 1860 годъ. Но, какъ уже было сказано выше, по числу мѣстъ чая нельзя судить о его количествѣ, ибо мѣста могли быть различнаго вѣса. Лишь для 7 лѣтъ, а именно для 1835, 1836, 1837, 1838, 1847, 1850 и 1859 гг. мы въ состояніи опредѣлить точно, какое количество чая по вѣсу было привезено на ярмарку; такъ какъ за эти годы намъ извѣстно, помимо общаго количества привезенныхъ на яр-

*) Къ сожалѣнію, по недостатку мѣста пришлось опустить статистическія таблицы.

марку мѣсть, распределе́ніе этихъ мѣсть по сортамъ чая. Зная обычный вѣсъ одного мѣста чая даннаго сорта, легко можно опредѣлить вѣсъ всего доставленнаго на ярмарку чая. Такимъ образомъ, получается, что байховаго чая на Нижегородской ярмаркѣ было:

въ 1835 г.	56.122	пудовъ
1836 г.	51.286	„
1837 г.	62.075	„
1838 г.	56.438	„
1847 г.	89.737	„
1850 г.	74.668	„
1859 г.	132.641	„

Однако приблизительный вѣсъ доставленнаго на ярмарку чая какъ байховаго, такъ и кирпичнаго, можно опредѣлить и другимъ способомъ, менѣе точнымъ, но за то охватывающимъ весь изучаемый нами періодъ. Дѣло въ томъ что знаніе числа мѣсть привезеннаго въ Кяхту чая и общаго вѣса всѣхъ этихъ мѣсть даетъ намъ возможность вычислить средній вѣсъ одного мѣста чая (байховаго и кирпичнаго отдѣльно) въ данномъ году. Помножая этотъ вѣсъ на число привезенныхъ въ томъ же году на Нижегородскую ярмарку цибиковъ байховаго или кирпичнаго чая, мы получимъ приблизительное вѣсовое количество привезеннаго на ярмарку товара. Конечно данныя, полученныя этимъ способомъ, имѣютъ весьма приблизительный характеръ, особенно для байховаго чая. Тѣмъ не менѣе мы можемъ считать ихъ не очень далекими отъ дѣйствительности. Если мы сопоставимъ данныя о привозѣ байховаго чая за вышеупомянутыя 7 лѣтъ, полученныя по этому способу, съ данными приведенными выше, то значительное расхожденіе дадутъ изъ семи лѣтъ только два года — 1847 и 1850.

Привозъ байховаго чая на Нижегородскую ярмарку въ своихъ измѣненіяхъ слѣдуетъ въ общемъ колебаніямъ привоза этого чая въ Кяхту. Начавшись съ 43.117 пудовъ въ 1834 году, онъ поднимается до 63.495 пудовъ въ 1837 году, держится на 57,6—57,8 тысячъ пудовъ въ 1838 и 1839 гг. и въ 1840 году рѣзко повышается до 86 тысячъ пудовъ. Въ теченіе трехъ послѣдующихъ лѣтъ привозъ байховаго чая понижается до 61.000 пудовъ (1843 г.). Съ 1844 года происходитъ постепенное повышение привоза байховаго чая на ярмарку, заканчивающееся 1847 годомъ, когда количество доставленнаго на ярмарку байховаго чая достигло 99.000 пудовъ. Въ 1849 году привозъ байховаго чая на ярмарку сократился до 82.800 пудовъ. Въ 1851 году онъ снова повышается до 105.600 пудовъ. Съ этого времени начинается постепенное сокращеніе привоза байховаго чая на ярмарку. Въ 1854 году чая бы-

ло привезено всего лишь 48.000 пудовъ. Съ 1855 года привозъ байховаго чая вновь начинаетъ увеличиваться и въ 1860 году достигаетъ своихъ наибольшихъ для изучаемаго нами періода размѣровъ, именно: 132.400 пудовъ. Если сопоставить вышеприведенныя данныя съ общимъ привозомъ байховаго чая за тѣ же годы въ Кяхту, то выходитъ, что привозъ байховаго чая на ярмарку составлялъ отъ 30 до 50% привоза его въ Кяхту*).

Что касается кирпичнаго чая, то привозъ его на Нижегородскую ярмарку въ періодъ времени съ 1827 г. по 1832 г. составлялъ отъ 12.000 до 15.000 пудовъ ежегодно. Въ послѣдующіе годы (1833 — 1839) привозъ увеличивается и составляетъ отъ 13.500 до 21.000 пудовъ ежегодно за исключеніемъ 1834 года, когда кирпичнаго чая на ярмарку было доставлено всего лишь 4.650 пудовъ. Въ 1840 году кирпичнаго чая было привезено на Нижегородскую ярмарку необычайное количество — 62.145 пудовъ, тогда какъ въ Кяхтѣ въ этомъ году было вымѣнено всего лишь 47.514 пудовъ. Повидимому, въ Нижній были отправлены остатки отъ прошлогоднихъ промѣновъ. Въ слѣдующемъ году привозъ кирпичнаго чая сокращается до нормальныхъ размѣровъ въ 16.500 пудовъ, но затѣмъ начинаетъ постепенно расти и въ 1844 году почти достигаетъ уровня 1840 года. Въ послѣдующіе годы привозъ кирпичнаго чая на ярмарку колеблется волнообразно въ предѣлахъ отъ 14.000 до 43.200 пудовъ, причемъ высшія точки привоза падаютъ на годы 1847 (30.000 пудовъ), 1849 (34.800 пудовъ), 1850 (31.400 пудовъ), 1853 (31.640 пудовъ), 1855 (35.100 пудовъ), 1858 и 1859 (43.200 пудовъ и 41.600 пудовъ).

Изъ привезеннаго въ Кяхту кирпичнаго чая на Нижегородскую ярмарку попадало отъ 15 до 40%. Исключенія составляютъ годы: 1834—8%, 1837—53%, 1844—81%, 1850—44% и 1853 — 48%. Колебанія привоза кирпичнаго чая въ Кяхту не находятъ себѣ столь замѣтнаго соотвѣтствія въ измѣненіяхъ привоза этого товара на Нижегородскую ярмарку, какъ это мы наблюдали въ отношеніи байховаго чая. Самъ собою напрашивается вопросъ, какіе же именно сорта байховаго чая доставлялись изъ Кяхты по преимуществу на Нижегородскую ярмарку. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ под-

*) Такимъ образомъ, наибольшее количество байховаго чая, бывшее на Нижегородской ярмаркѣ за изучаемый нами періодъ, составляетъ 5.296.000 фунтовъ. Кирпичнаго же чаю больше всего было доставлено на Нижегородскую ярмарку въ 1841 году: 62.145 пудовъ или 2.485.800 фунтовъ. Между тѣмъ въ „Очеркѣ Нижегородской ярмарки“, составленномъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ въ 1858 году (стр. 25), заключается чрезвычайно преувеличенная оцѣнка количества привезеннаго на Нижегородскую ярмарку чая: „На Сибирской пристани въ 50.000 ящиковъ сложено 25 милліоновъ фунтовъ чаю“.

робныхъ свѣдѣній о ежегодномъ распредѣленіи по сортамъ привозимаго на ярмарку чая въ теченіе всего изучаемаго нами періода. Такими свѣдѣніями мы обладаемъ только для нѣсколькихъ лѣтъ, а именно для 1835, 1836, 1837, 1838, 1847, 1850 и 1859. Данныя за эти годы, а также таблица движенія цѣнъ на чай за весь періодъ съ 1827 г. по 1860 г. даютъ намъ всетаки возможность имѣть представленіе о томъ, какіе вообще сорта чая попадали на ярмарку и на какіе изъ нихъ приходилась главная часть привоза. Таковыми основными сортами чая на Нижегородской ярмаркѣ были тѣ же, что и въ Кяхтѣ, а именно: цвѣточные фамильные квадратные, полоторные торговые фамильные и полоторные торговые сансинскіе.

Слѣдуетъ отмѣтить, что кромѣ Кяхты иногда присылали чай на Нижегородскую ярмарку Москва, Семипалатинскъ и Чугучакъ. Привозъ чая изъ Москвы происходилъ, если не считать 1847 года, въ теченіе двухъ періодовъ: съ 1828 г. по 1833 г. и съ 1852 г. по 1856 г. Въ первый періодъ ежегодная доставка чаевъ изъ Москвы колебалась отъ 1000 до 5100 мѣстъ, причемъ въ послѣднюю цифру входитъ также чай, привезенный съ Коренной ярмарки; въ 1847 году было привезено изъ Москвы 3000 мѣстъ, а съ 1852 г. по 1856 г. привозилось ежегодно отъ 1000 до 3000 мѣстъ. Разумѣется, что привозъ этотъ дѣйствовалъ понижающе на ярмарочныя цѣны чая и могъ служить для гуртовщиковъ — москвичей могучимъ оружіемъ въ ихъ столкновеніяхъ съ „сибиряками“. Такъ, привозъ чая изъ Москвы въ первый изъ указанныхъ нами періодовъ можно, по нашему мнѣнію, поставить въ связь съ тѣмъ, что какъ разъ въ эти годы кяхтинскіе купцы согласились между собою ограничить вымѣнъ чаевъ въ Кяхтѣ, дабы повысить цѣну чая на внутреннемъ рынкѣ Россіи. Привозъ чая изъ Москвы въ 1852 году и особенно въ 1853 году можно объяснить сокращеніемъ вымѣна чаевъ въ Кяхтѣ, происшедшимъ вслѣдствіе бывшей въ Китаѣ гражданской войны. Этимъ же обстоятельствомъ объясняется и привозъ чая изъ Семипалатинска и Чугучака въ 1854 и 1855 г.г.

Кромѣ чаевъ на Нижегородскую ярмарку привозились изъ Кяхты и другіе китайскіе товары, какъ то: шелковыя матеріи (чесуча, канфа, канча, фанза), шитая китайская одежда (шлафроки), клеенка, шторы, краски (тушь), цвѣтной шелкъ для вышиванія по канвѣ, жемчугъ, фарфоръ, чубуки, трубки, игрушки (куклы) и проч. По сравненію съ общей цѣнностью чая товары эти въ общей сложности составляли очень незначительную сумму. Такъ, съ 1828 по 1839 г. ихъ привозилось на сумму отъ 22700 р. асс. до 50200 р. асс.; съ 1840 г. по 1852 г. — отъ 12150 р. кред. до 52400 руб. кред. Съ

1853 года мы не встрѣчаемъ болѣе упоминанія о нихъ въ ярмарочныхъ отчетахъ. Привозили ихъ приказчики кяхтинскихъ торговцевъ и продавали въ розницу*) въ своихъ балаганахъ на Сибирской пристани частнымъ образомъ²⁷⁾.

III.

Торговцы чаемъ на Нижегородской ярмаркѣ

Организація чайной торговли на Нижегородской ярмаркѣ достаточно интересна, чтобы подольше остановиться на ней вниманіе читателя.

Среди торгового люда, причастнаго къ ярмарочной торговлѣ чаемъ, мы должны различать нѣсколько группъ: 1) „кахтинцевъ“, „компаніоновъ“ или „сибиряковъ“; 2) комиссіонеровъ, 3) „гуртовщиковъ“ или „партіонныхъ покупателей“, 4) городскихъ купцовъ, 5) „доставщиковъ“, и, наконецъ, 6) спекулянтовъ.

Кяхтинцами назывались русскіе купцы, которые сами или черезъ своихъ комиссіонеровъ торговали въ Кяхтѣ и вымѣнивали у китайцевъ чай на русскіе товары. Они носили также названіе „сибиряковъ“ (хотя среди нихъ были купцы и изъ городовъ Европейской Россіи, напримѣръ, среди нихъ было много москвичей) и „компаніоновъ“. Послѣднее названіе объясняется особенностями организаціи кяхтинскаго торгова, о чемъ было сказано выше. Кяхтинцы снабжали чаемъ всю Россію, продавая его большими партіями въ Иркутскѣ, Ирбити, Нижнемъ и Москвѣ. На вырученныя деньги они покупали русскіе товары для обмѣна на чай. Закупка товаровъ производилась „сибиряками“, главнымъ образомъ, на Нижегородской ярмаркѣ. Здѣсь они или прямо покупали товаръ или заказывали фабрикантамъ доставить его къ опредѣленному сроку и давали задатки. Позднѣе, когда было разрѣшено покупать у китайцевъ чай на русскую звонкую монету, послѣдняя закупалась сибиряками также по преимуществу на Нижегородской ярмаркѣ. И товары и звонкая монета необходимы были сибирякамъ для того, чтобы въ теченіе цѣлаго года безостановочно вести въ Кяхтѣ вымѣнъ чаевъ у китайцевъ по мѣрѣ прибытія изъ Китая чайныхъ каравановъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ „сибиряки“ должны были бы продавать чай только на наличныя деньги, а не въ кредитъ²⁸⁾. Въ литературѣ о ярмаркѣ не разъ встрѣчается указаніе на то, что кяхтинскіе купцы продавали свой чай гуртовщикамъ только на наличныя деньги. Но, по на-

*) Въ 1845 году торговля этими предметами на ярмаркѣ была неудачна, и все скупилъ гуртомъ петербургскій купецъ Туръ, торговавшій мебелью высшаго достоинства.

шему мнѣнію, о продажѣ всего товара на наличныя „сибирякъ“ могъ лишь мечтать. Мечта эта почти никогда не осуществлялась въ дѣйствительности. Въ нашемъ распоряженіи имѣется множество сообщеній о томъ, что продажа чаевъ на ярмаркѣ изъ первыхъ рукъ, т. е. отъ кяхтинцевъ (иногда источники прямо говорятъ о кяхтинцахъ, иногда же изъ общаго смысла текста съ несомнѣнностью видно, что подъ „первыми руками“ слѣдуетъ понимать только кяхтинцевъ) происходила на опредѣленныхъ „кондиціяхъ“, т. е. съ платежомъ части денегъ (обыкновенно половины) наличными, а части векселями на разные сроки. Сроки эти были различны: въ 1827, 1829—1832 г.г. 12 мѣсяцевъ; въ 1833 г. — 15 мѣсяцевъ; въ 1836 г. — 16—18 мѣсяцевъ; въ 1844 году — 18 мѣсяцевъ; въ 1845 г. — 7—20 мѣсяцевъ; въ 1847 г. — 22 мѣсяца. Въ 1849, 1852, 1853 и 1854 г. г. чай были проданы за наличныя. Съ 1855 года сроки кредита сокращаются. Въ 1855 году срокъ былъ 6 мѣсяцевъ; въ 1856 году — 6 и 10 мѣсяцевъ; въ 1857 году — 6—8 мѣсяцевъ; въ 1858 году — 9—12 мѣсяцевъ; въ 1859 году — 6 и 9 мѣсяцевъ; въ 1860—1865 г.г. — 12 мѣсяцевъ.

Съ той же суммы, которая уплачивалась на ярмаркѣ за чай наличными, полагалась въ пользу плательщика опредѣленная скидка. Размѣры этой скидки были различны въ зависимости, повидимому, отъ степени нужды въ наличныхъ деньгахъ. Такъ скидка составляла въ 1829 г. — 10—12%, въ 1836 г. — 12%, въ 1843 г. — 7%, въ 1844 г. — 8%, въ 1845 г. — 12%, въ 1847 — 12%, въ 1850 г.—1853 г. — 12%. 1854 годъ въ лѣтописяхъ ярмарочной торговли отмѣченъ какъ необычный: чай весь былъ проданъ за наличныя и при томъ безъ всякой скидки. Съ 1857 г. по 1862 г. скидка падаетъ до 6 — 8%²⁹⁾. Но кяхтинцы далеко не всѣ прїѣзжали на ярмарку. Товары отсутствующихъ продавались на ярмаркѣ комиссіонерами, которые за свое посредничество получали отъ хозяевъ извѣстный %*). Въ 60 ыхъ годахъ комиссіонеры держали въ своихъ рукахъ самыя крупныя партіи чая и, повидимому, имѣли на ярмаркѣ болѣе значенія, чѣмъ тѣ изъ „сибиряковъ“, которые присутствовали на ярмаркѣ. Последнимъ иногда приходилось даже покупать чай у комиссіонеровъ. „Въ ихъ (т. е. комиссіонеровъ) рукахъ“, говоритъ Овсянниковъ, „были огромныя богатства. Часто они представляли себѣ, что все, имѣющееся въ ихъ рукахъ, принадлежитъ дѣйствительно имъ самимъ, а не дано только на время... Такъ можно было подумать, видя какъ многіе изъ нихъ неслись высоко и какъ ставили себя на болѣе недо-

*) По свидѣтельству Безобразова, комиссіонеры получали отъ 1 до 1½% прибыли, независимо отъ вознагражденія за кредитъ (ст. I, стр. 69).

ступную высоту, чѣмъ сами купцы“. Съ теченіемъ времени многіе изъ комиссіонеровъ сами сдѣлались богатыми купцами... Въ чемъ же заключалась причина столь вліятельнаго положенія комиссіонеровъ на ярмаркѣ? Сила комиссіонеровъ была въ томъ, что они были знатоками рынка. Они хорошо знали положеніе дѣлъ партіонныхъ покупателей, пріобрѣтавшихъ чай на ярмаркѣ у сибиряковъ, слѣдили за спросомъ на чай и за состояніемъ запасовъ чая въ Москвѣ, подбирали изъ различныхъ партій ассортименты чая, необходимые для розничной торговли, и устанавливали цѣны на чай. Они открывали кредитъ „сбирякамъ“, нуждавшимся, какъ сказано выше, въ наличныхъ деньгахъ. Комиссіонеры были хорошо освѣдомлены о положеніи торговли и промышленности въ Москвѣ и слѣдили за движеніемъ цѣнъ на товары, изготовляемые для промѣна въ Кяхтѣ на чай. Имъ не чужды были, конечно, и разныя махинаціи спекулятивнаго характера. Но комиссіонеры были на ярмаркѣ не только представителями предложенія. Они брали отъ московскихъ купцовъ порученія на закупку чая. Этой стороной своей дѣятельности они входили въ слѣдующую группу участниковъ чайнаго торга на ярмаркѣ — въ группу „гуртовщиковъ“ или „партіонныхъ покупателей“³⁰⁾. „Гуртовщики“ покупали на ярмаркѣ чай у кяхтинцевъ или ихъ представителей большими партіями по нѣскольку тысячъ цибиковъ. Въ эту группу входили, главнымъ образомъ, московскіе и отчасти казанскіе чайные торговцы. Гуртовщики имѣли еще нѣсколько названій. Ихъ называли партіонными покупателями, амбарными продавцами чая и иногда первыми руками. Названія „гуртовщиковъ“ и „партіонныхъ покупателей“ не требуютъ поясненія. „Амбарными продавцами чая“ ихъ называли потому, что они не имѣли магазиновъ для розничной торговли чаемъ, а держали чай въ амбарахъ или особыхъ складахъ. Что же касается названія „первыя руки“, то относительно его слѣдуетъ сказать, что фактически, конечно, не они, а кяхтинцы были „первыми руками“, продававшими чай на ярмаркѣ. Въ литературѣ Мельниковъ, Неболсинъ и Корсакъ, соотвѣтственно этому, и называютъ „гуртовщиковъ“ вторыми руками. Газетныя же сообщенія съ ярмарки и официальные отчеты о ней не выдерживаютъ опредѣленной терминологіи, называя „первыми руками“ то „кахтинцевъ“, то „гуртовщиковъ“. Подобно первымъ двумъ категоріямъ участниковъ чайной торговли „гуртовщики“ занимали въ ней весьма видное положеніе. Если комиссіонеры представляли собою, по преимуществу, знаніе рынка и отчасти кредитъ, то гуртовщики являлись на ярмаркѣ представителями, главнымъ образомъ, капитала.

Какъ сказано выше, интересъ кяхтинцевъ заключался

въ томъ, чтобы продавать чай только на наличныя деньги. Поэтому, чтобы вести съ кяхтинцами дѣла, гуртовщики должны были располагать большими денежными средствами. Эти средства слагались какъ изъ собственныхъ капиталовъ гуртовщиковъ, такъ и изъ суммъ, полученныхъ ими въ кредитъ, подъ учетъ векселей, выданныхъ имъ ихъ покупателями — городовыми купцами. Съ положеніемъ дѣлъ послѣднихъ они должны были быть хорошо знакомы. Принявъ отъ „сибиряковъ“ товаръ, гуртовщики подвергали его новой сортировкѣ примѣнительно къ потребностямъ розничной торговли. Дѣло въ томъ, что полученные отъ „сибиряковъ“ партіи чая были или ужъ слишкомъ разнообразны по составу или наоборотъ заключали въ себѣ только одинъ какой нибудь сортъ. И то и другое могло не соответствовать запросамъ городскихъ купцовъ³¹).

Слѣдуетъ отмѣтить, что для опредѣленія доброты чая крупные торговцы держали особыхъ прикащиковъ. Нѣкоторые изъ нихъ занимались этимъ дѣломъ лѣтъ по 20 и болѣе и приобрѣтали въ немъ удивительный навыкъ. Они всегда были окружены стаканами чая и отлично умѣли распознавать достоинства того или иного сорта. Хорошіе знатоки чая получали 3000—4000 рублей серебромъ жалованья въ годъ³²).

„Гуртовщиковъ“ было немного. Корреспондентъ „Сѣверной Почты“ сообщаетъ, что въ 1863 году гуртовщиковъ насчитывалось 3 — 4 фирмы, да кромѣ того къ нимъ примыкали два комиссіонера, которые покупали большія партіи чая для нѣсколькихъ своихъ довѣрителей. Каждый изъ этихъ довѣрителей въ отдѣльности не былъ столь силенъ, чтобы попасть въ „гуртовщики“, но соединясь вмѣстѣ подъ однимъ комиссіонеромъ, они дѣлались таковыми.

Какъ сказано выше, гуртовщики пользовались на ярмаркѣ огромнымъ вліяніемъ и „сибиряки“ находились въ сущности у нихъ въ рукахъ, такъ какъ постоянно нуждались въ наличныхъ средствахъ для уплаты въ казну отсроченной пошлины за чай, для закупки товаровъ и уплаты долговъ за нихъ и за провозъ чая. Сибиряки стремились къ тому, чтобы продать весь чай, привезенный на ярмарку, и получить за него побольше наличныхъ денегъ. Въ тоже время „гуртовщики“ постоянно опасались, какъ бы „сибиряки“ не вступили въ непосредственныя сношенія съ городовыми купцами и не стали продавать имъ чай по пониженнымъ цѣнамъ, лишая тѣмъ самымъ москвичей не только покупателей на наличныя деньги, но и покупателей, пользовавшихся кредитомъ. Поэтому гуртовщики спѣшили поскорѣе купить у сибиряковъ весь чай, не только доставленный на ярмарку, но и находившійся еще въ пути, и сдѣлаться полновластными распорядителями чайной торговли на ярмаркѣ. Только ку-

пивъ чай у сибиряковъ и присоединивъ къ нему свои запасы этого товара, гуртовщики устанавливали между собою общія и постоянныя цѣны для отпуска чаевъ въ продажу раздробительными партіями въ кредитъ и на наличныя деньги для потребленія во внутреннихъ губерніяхъ⁸³). Зависимое положеніе „сибиряковъ“ ухудшалось еще тѣмъ, что среди нихъ не было согласія и они дѣйствовали на ярмаркѣ вразбродъ, стараясь поскорѣе сбыть товаръ и понижая для этого цѣны. Такъ въ № 78 Коммерческой Газеты за 1829 г. мѣ читаемъ про сибиряковъ: „столь малому числу торговцевъ зажиточныхъ, конечно, не трудно бы было выдержать на ярмонкѣ цѣны выгодныя, если бы существовало между ними искреннее согласіе или по крайней мѣрѣ то твердое единодушіе, которымъ ознаменовываются дѣйствія оптовыхъ покупателей. Но опытъ показываетъ, что каждый изъ нихъ руководствуется собственными своими соображеніями и приступаетъ къ продажѣ безъ всякаго сношенія со своими собратьями. Потребители отъ сего не проигрываютъ, кяхтинскіе же наши торговцы, если обдумаютъ сей предметъ внимательно и обсудятъ здраво, то усмотрятъ, что таковыя одиночныя распоряженія не приносятъ имъ пользы ни въ промѣнѣ россійскихъ товаровъ на китайскіе, ни въ продажѣ на ярмаркѣ вымѣненныхъ, тогда какъ противъ нихъ съ одной стороны Маймачинская Китайская Фуза, а съ другой — на Нижегородской ярмаркѣ — оптовые покупатели, составляющіе, нѣкоторымъ образомъ, подобную же фузу, дѣйствуютъ каждая единодушно и въ твердомъ между сочленами своими согласіи“.

Повидимому, сибиряки такъ и не смогли придти къ какому нибудь соглашенію между собою относительно согласованнаго выступленія передъ гуртовщиками. Въ 1859 году ихъ неорганизованность повела даже къ нарушенію установленнаго порядка расцѣнки чаевъ. „Распродажа чаевъ“, говорится въ ярмарочномъ отчетѣ за 1859 годъ, „началась съ 6 августа и до 11 числа совершалась не по общей уравнительной расцѣнкѣ, какъ бывало прежде, а смотря по обстоятельствамъ, каждый возвышалъ или понижалъ цѣну; однако вскорѣ неудобство этой системы было замѣчено и торговцы во избѣжаніе дальнѣйшей медленности и побуждаемые крайнею необходимостью къ скорѣйшей развязкѣ дѣла для новой покупки товаровъ на будущій вымѣнъ чаевъ въ Кяхтѣ, обратились къ прежнему порядку, т. е. къ общей уравнительной расцѣнкѣ“⁸⁴).

Въ противоположность сибирякамъ немногочисленные сильные своими капиталами гуртовщики легко могли сговориться между собою и диктовать „сибирякамъ“ кондиціи, какія имъ заблагоразсудится. Эти стачки гуртовщиковъ, направленные

къ пониженію оптовыхъ цѣнъ на чай, не разъ бывали на ярмаркѣ. Страдали отъ нихъ интересы не однихъ только кяхтинцевъ, но и всей русской мануфактурной промышленности, работавшей на отпускъ въ Китай. Чтобы облегчить положеніе кяхтинскихъ торговцевъ и ослабить ихъ зависимость отъ партіонныхъ покупателей, Министерство Финансовъ въ 1861 году разрѣшило Нижегородской Конторѣ Государственнаго Банка открывать кяхтинцамъ кредитъ подъ залогъ чая. Мѣра эта оказалась очень дѣйствительной: гуртовщики отказались отъ стачки³⁵⁾.

Ревниво оберегая себя отъ конкуренціи со стороны сибиряковъ и комиссіонеровъ по части непосредственныхъ сношеній съ городскими купцами, гуртовщики въ то же время сами были не прочь вторгнуться въ сферу дѣятельности своихъ противниковъ. Въ описаніяхъ Нижегородской ярмарки мы не разъ встрѣчаемся съ указаніями на то, что большія партіи чаевъ, тысячъ въ 6—12 мѣствъ, выписывались гуртовщиками непосредственно изъ Кяхты, гдѣ нѣкоторые изъ нихъ имѣли своихъ комиссіонеровъ. Въ этихъ случаяхъ прибывшій на ярмарку чай продавался на основаніи предварительныхъ условій, заключенныхъ московскими купцами съ торговцами, производившими закупку чаевъ на Кяхтѣ³⁶⁾. Такъ, напримѣръ, въ 1853 году изъ 22.000 ящиковъ, доставленныхъ изъ Кяхты, 3.000 вымѣнено было собственно для купцовъ Лепешкина, Корзинкина и Борисовскаго, имѣвшихъ постоянную распродажу какъ на ярмаркѣ городскимъ покупателямъ, такъ и въ Москвѣ³⁷⁾. Въ 1854 году изъ прибывшихъ на ярмарку изъ Кяхты и Семипалатинска 24.000 ящиковъ 7.500 мѣствъ „вымѣнены собственно для лицъ, имѣющихъ постоянную городскую торговлю“³⁸⁾. Въ 1856 году кромѣ привезенныхъ на ярмарку 45.000 мѣствъ байховаго чая, поступило еще изъ Кяхты до 12.000 ящиковъ для продажи партіонернымъ покупателямъ, а именно для Колесова, Боткина, Корзинкина, Лепешкина и Крупеникова, кои сами имѣли постоянную торговлю съ городскими покупателями³⁹⁾. Въ 1857 году изъ доставленныхъ на ярмарку 50.000 ящиковъ, 3.000 въ началѣ ярмарки отправлены въ Москву, а 8.500 поступили въ амбары купцовъ Куманина, Лепешкина, Корзинкина, Котелева и др. для розничной продажи⁴⁰⁾.

Переходъ чаевъ отъ „сибиряковъ“ къ гуртовщикамъ, такъ называемая „расцѣпка чаевъ“ или „развязка чайнаго дѣла“, былъ самымъ важнымъ моментомъ въ теченіе всей ярмарки. Пока онъ не совершится, ярмарочная торговля не считалась начавшейся. Такое значеніе придавалось чайному торгу на ярмаркѣ, не смотря на то, что по цѣнности чай составлялъ обыкновенно не болѣе 10—15% общей цѣнности

ярмарочныхъ товаровъ. Причина заключалась въ томъ, что чайной торговлей на ярмаркѣ затрагивались интересы слишкомъ многочисленныхъ и разнообразныхъ группъ торговаго люда. Прежде всего, цѣны, по которымъ гуртовщики покупали чай отъ кяхтинцевъ, служили однимъ изъ моментовъ, опредѣляющихъ условія, на которыхъ въ этомъ году получаютъ чай отъ гуртовщиковъ многочисленные городовые купцы, и слѣдовательно, будетъ ли дешевле или дороже чай въ розничной торговлѣ. „Городовые купцы въ теченіе цѣлой недѣли, а то и болѣе, ежеминутно чаютъ движенія воды у дверей палатокъ партіонныхъ торговцевъ и комиссіонеровъ, главенствующихъ въ своемъ каменномъ китайскомъ ряду надо всѣмъ людомъ чайнаго торга“...⁴¹⁾ Далѣе, по отношенію къ кяхтинской торговлѣ продажа сибиряками чаевъ на Нижегородской ярмаркѣ до извѣстной степени давала основаніе судить о результатахъ кяхтинской торговли за истекшій годъ и оцѣнивать виды на будущій. Но не одни чайные торговцы различныхъ калибровъ съ трепетомъ ждали чайной развязки. Не могли быть къ ней равнодушными и представители нашей промышленности, изготовлявшей на вывозъ въ Китай черезъ Кяхту большія количества масловыхъ и мизерицкихъ суконъ, плисовъ, вельверетовъ, чешуйки, тика, китайки и другихъ предметовъ китайской отпускной торговли⁴²⁾. „Сибиряки“, получивъ отъ гуртовщиковъ за чай миллионныя суммы, тратили ихъ на ярмаркѣ, что само по себѣ уже имѣло значеніе, ибо ярмарка всегда страдала отъ недостатка наличныхъ денегъ. Траты эти производились „сибиряками“, главнымъ образомъ, на закупку товаровъ, необходимыхъ для кяхтинскаго мѣноваго торга. Если товара не было въ наличности, они заказывали доставить его къ опредѣленному сроку и давали задатки. Въ свою очередь фабриканты, получивъ отъ „сибиряковъ“ долги и заказы, начинали сами платить по своимъ обязательствамъ, покупать и заказывать необходимые для нихъ матеріалы. Такимъ образомъ, ясно, что переходъ чаевъ отъ кяхтинцевъ къ гуртовщикамъ приводилъ въ дѣйствіе и оживлялъ цѣлый рядъ отраслей ярмарочной торговли. Съ этого момента „ярмарка разыгрывалась“, опредѣлялись цѣны на многіе товары и условія платежа денегъ за нихъ, и можно было судить о большемъ или меньшемъ успѣхѣ ярмарки⁴³⁾.

Предварительные переговоры о продажѣ чаевъ гуртовщикамъ и самый моментъ продажи были окружены большою таинственностью, „на подобіе священнодѣйствія“, какъ говоритъ Безобразовъ. По словамъ Мельникова, „между первымъ и пятымъ августа cadaго года все вниманіе купечества русскаго бываетъ устремлено на Китайскіе ряды въ ярмаркѣ, гдѣ торговый шестигласный конгрессъ, состоящій

изъ Колесова, Шестова, Лобкова, Рудакова, Корзинкина и Куманина, рѣшаютъ вопросъ о чаѣ. Отъ ихъ рѣшенія, отъ ихъ условій съ частными покупателями нерѣдко зависитъ вся участь ярмарки“ (стр. 250). Продажѣ чаевъ предшествовали многочисленныя и продолжительныя совѣщанія, чаепитія и закуски. Самое рѣшеніе чайнаго дѣла происходило въ каменныхъ рядахъ, на Сибирскую пристань ѣздили только за тѣмъ, чтобы посмотреть чай и достать совками пробы. Каждый купецъ, желавшій совершить покупку, выбиралъ себѣ чай по желанію, на основаніи фактуры*), которую ему предъявлялъ продавецъ и въ которой заключались описанія каждаго цибика чая съ обозначеніемъ его вѣса, сорта и достоинства чая. Сорта чая были хорошо извѣстны покупателямъ и обмановъ при продажѣ не бывало. Первый, купившій чай, нѣкоторое время скрывалъ свою покупку. Иногда его объ этомъ нарочно просили продавцы: цѣны еще не установились, борьба сторонъ еще не кончилась, еще многое зависѣло отъ ихъ ловкости и упрямства. У первой покупки были свои положительная и отрицательная стороны. Отрицательная состояла въ рискѣ, что цѣна установится окончательно на болѣе низкомъ уровнѣ, выгода же заключалась въ лучшемъ выборѣ чаевъ. Иногда кяхтинцы, чтобы вывѣдать отъ гуртовщика дѣйствительное положеніе рынка, нарочно продавали ему чай подешевле, какъ бы оплачивая тѣмъ полученную ими информацію⁴⁴).

Послѣ „чайной развязки“ часть ярмарочнаго купечества во главѣ съ толстыми „сибиряками“ начинала покидать ярмарку: „подымались къ разъѣзду, ко дворамъ и къ прощанью“. Въ это время наставала самая шумная пора для увеселительныхъ заведеній. Чайная расторжка происходила, обыкновенно, въ самомъ началѣ августа и заканчивалась въ нѣсколько дней.

Получивъ чай въ свои руки, гуртовщики часть его отправляли большими партіями въ Москву, Петербургъ и Казань, а часть перепродавали сравнительно мелкими количествами городовымъ купцамъ для отвоза почти во всѣ губерніи Россіи, частью же на Кавказскую линію и въ Закавказскія провинціи. Чай, оставшійся на ярмаркѣ непроданнымъ, отправлялся „сибиряками“ и гуртовщиками въ Москву⁴⁷). Впрочемъ, отправка чая съ ярмарки въ Москву совершалась и по другимъ причинамъ. Иногда гуртовщики-москвичи, видя, что существующія на ярмаркѣ цѣны для нихъ невыгодны,

*) Кяхтинскія русскія фактуры составлялись на гербовой бумагѣ съ необыкновенной тщательностью: въ нихъ показывались качество чая, вѣсъ его, вѣсъ тары, т. е. первоначальной китайской упаковки (корзины) и шири или кожи, въ которую зашивались корзины русскими купцами для отправления въ Россію (Безобразовъ, ст. 1, стр. 71).

прекращали продажу чая и отправляли его въ Москву. Такъ было, на примѣръ, въ 1833 году. Свѣдѣнія о томъ, что чаю въ Москвѣ мало, также побуждали гуртовщиковъ воздерживаться отъ продажи чая городовымъ купцамъ и направлять товаръ въ Первопрестольную⁴⁷⁾. Въ 1861 году отправили значительную часть чаевъ въ Москву, но уже не гуртовщики, а сами кяхтинцы, ибо первые въ ожиданіи пониженія чайныхъ пошлинъ и разрѣшенія ввоза кантонскаго чая покупали очень мало^{47a)}. Повидимому, къ концу пятидесятихъ годовъ отправки чая съ ярмарки въ Москву начали преобладать надъ продажей чая городовымъ купцамъ. Такъ, въ Очеркѣ Нижегородской ярмарки, составленномъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ въ 1858 году (стр. 40—41), мы находимъ прямое указаніе на то, что гуртовщики „рѣдко и притомъ весьма небольшими партіями уступаютъ чай розничнымъ купцамъ для распродажи публикѣ“ . . . Чай огромными партіями отправлялся съ ярмарки въ Москву, гдѣ разбирался по сортамъ и оттуда расходился по внутренней, западной и южной Россіи. Нѣкоторая часть чая возвращалась изъ Нижняго въ Казань и оттуда даже въ Сибирь. Такимъ образомъ, на кяхтинскій чай ложились значительныя издержки по лишнимъ перевозкамъ, но все это, по словамъ купцовъ, не составляло большого расчета по значительной цѣнности товара. „Сосредоточеніе торговыхъ операцій въ одномъ пунктѣ есть единственная причина подобнаго не всѣмъ нормальнаго хода торговли, очевидно не выгоднаго для потребителей“, замѣчаетъ составитель Очерка*).

*) Кяхтинцы-сибиряки, комиссіонеры и гуртовщики — вотъ три главныя группы торгующихъ, державшія въ своихъ рукахъ ярмарочную торговлю чаемъ. Въ 1829 году на Кяхтѣ торговали 54 русскихъ купца. Изъ нихъ наиболѣе крупныя партіи чая доставили на Нижегородскую ярмарку нижеслѣдующіе купцы: московскіе — Колесовъ, бр. Куманины, Корзинкинъ, Лобковъ, Квасниковъ; петербургскій — Чаплинъ; верховажскіе — Рудаковъ и Зензиновъ; иркутскіе — Трапезниковъ и Медвѣдниковъ; казанскіе — Крупениковъ и Аитовъ; кяхтинскіе — Баснины и Тобольскіе — Пиленковъ и Селивановъ. Въ сороковыхъ годахъ XIX столѣтія составъ фирмъ, коимъ принадлежала оптовая торговля чаемъ на Нижегородской ярмаркѣ, былъ уже иной: московскіе купцы — Колесовъ И. Л., Усачевы В. Н. и П. Н., Шестовы В. А. и П., Куманины, Боткинъ Н. Д., Борисовскіе Б. И. и М. И., Лобковъ И. П., Корзинкинъ А. А.; верховажскій купецъ — Рудаковъ А.; иркутскіе купцы: Медвѣдниковъ И. А., Медвѣдниковъ П. О., Трапезниковъ Ф. П., Трапезниковъ К. П., Трапезниковъ Н. П.; кяхтинскіе — Баснины Н. Т. и П. Т., Курбатовъ М. К., Стрижовъ Н. М.; нерчинскій купецъ — Зензиновъ; казанскіе купцы — Апанаевъ Мухамедъ Муса, Юнусовъ Габейдула Мухамедъ, Апанаевъ Хасанъ Муса, Крупениковы братья. Кромѣ того въ концѣ тридцатыхъ годовъ XIX столѣтія торговала чаями на Нижегородской ярмаркѣ Россійско-Американская Компанія. Изъ московскихъ купцовъ главными покупателями у „сибиряковъ“ были Усачевы, Шестовъ и Борисовскій. Первые покупали ежегодно на ярмаркѣ отъ 10 до 15 тысячъ цибиковъ, а Шестовъ и Борисовскій каждый отъ 4 до 6 тысячъ; остальные гуртов-

Городовыми купцами назывались въ чайной торговлѣ розничные торговцы, которые, торгуя овощнымъ товаромъ, продавали чай на мѣстахъ по мелочамъ въ теченіе цѣлаго года и въ большомъ числѣ сѣзжались со всей Россіи къ Макарію, чтобы запастись чаемъ. Въ ярмарочной торговлѣ они назывались вторыми руками, хотя фактически были третьими. Они покупали чай сотнями ящиковъ, до одной тысячи. Иногда, въ видѣ исключенія, они закупали у гуртовщиковъ и болѣе значительныя партіи чая, которымъ снабжали на мѣстахъ огромное число мелочныхъ торговцевъ. Конечно, посредничество гуртовщиковъ обходилось городовымъ купцамъ очень дорого; для нихъ было бы несравненно выгоднѣе получать чай прямо отъ сибиряковъ на Сибирской пристани, но для этого у нихъ не было средствъ, такъ какъ сибиряки продавали товаръ только большими партіями и по возможности на наличныя деньги. Городовые купцы пріобрѣтали чай отъ гуртовщиковъ обыкновенно частью за наличныя, частью въ кредитъ. Кредитъ давался въ сроки, отъ ярмарки до ярмарки на 12 мѣсяцевъ или до Ирбитской⁵¹). Неаккуратная уплата городовыми купцами денегъ за взятый въ предыдущую ярмарку чай могла причинить ихъ кредиторамъ-гуртовщикамъ большія затрудненія и вызвать заминку въ дѣлахъ. Такъ, въ 1847 году корреспондентъ Коммерческой Газеты (№ 113) отмѣчаетъ, что долговыя деньги за чай, проданный въ кредитъ въ ярмарку 1846 года, получены не совсѣмъ удовлетворительно, потому что нѣкоторые торговцы не пріѣхали на ярмарку по случаю болѣзни на Кавказѣ, въ Тифлисѣ, Ставрополѣ, Астрахани и прочихъ мѣстахъ.

Особую чрезвычайно важную экономическую функцію представляла собою доставка чаевъ отъ Кяхты до Нижняго Новгорода. Ее выполняли нѣкоторые изъ кяхтинскихъ торговцевъ, которые вмѣстѣ, со своимъ чаемъ доставляли и чужой подъ своей отвѣтственностью. Ихъ называли за это *доставщиками*. Съ подрядчиками обыкновенно заключали контракты съ выдачею половины или двухъ третей де-

щики покупали меньше. Погодинъ называлъ Усачева и соперника его Шестова „двумя столпами китайской (на ярмаркѣ, конечно П. О.) торговли, посредниками между кяхтинскими торговцами и городовымъ купечествомъ“ (Зубовъ, стр. 241, Мельниковъ, стр. 249, Погодинъ, стр. 284, 293, Журналь Мин. Внутр. Дѣлъ за 1847 г., кн. 5, стр. 345). Въ началѣ 60-ыхъ годовъ составъ этой группы торгующихъ снова значительно измѣнился: главными кяхтицами были: Лосевы, Хаминовы, Кандинскій, Шешуновъ, Новиковъ, Куликовъ и Рудаковъ; главные гуртовщики: Боткины, Борисовскіе, Куманинъ, Лепешкины, Корзинкины, Колесовъ, Киселевы, Алексѣевъ, С. Е. Александровъ (казанскій купецъ), Расторгуевъ; комиссіонеры: Шубинъ, Лосевы, Трапезниковъ, Климинъ, Медвѣдниковъ, Куманинъ, Губкинъ (Овсянниковъ, стр. 32, Сѣверная Почта, 1863, № 184, 199; 1864 г. № 179).

негъ при отправленіи чаевъ и съ уплатою остальныхъ по доставкѣ и сдачѣ товара. Иногда подряжали и безъ задатковъ. Доставщики принимали чай на вѣсъ, по вывѣскѣ каждаго цибика порознь, какъ до зашивки чайныхъ мѣстъ въ кожи, такъ и послѣ зашивки ихъ. Если вывѣска производилась послѣ зашивки, то на усышку кожъ въ пути полагалось до 5 фунтовъ. Послѣ вывѣски составлялись на чай 2 фактуры на гербовой бумагѣ и скрѣплялись подписью доставщиковъ. По этимъ документамъ принимали и сдавали чай въ дорогѣ и по прибытіи ихъ на мѣсто. При каждомъ караванѣ доставщикъ имѣлъ особое довѣренное лицо, на обязанности котораго лежалъ цѣлый рядъ весьма важныхъ операцій, какъ то: наемъ ямщиковъ по дистанціямъ отъ Кяхты до Иркутска, отъ Иркутска до Томска, отъ Томска до Тюмени, отъ Тюмени до Казани, отъ Казани до Москвы (На Нижній, какъ мы видѣли, чай шелъ нѣсколько инымъ путемъ), надзоръ за перекладкой цибиковъ на новые возы при смѣнѣ ямщиковъ и проба чая совками въ каждомъ ящикѣ на главныхъ станціяхъ⁵²).

Среди торговаго люда, причастнаго къ чайному дѣлу, Безобразовъ упоминаетъ еще о спекулянтахъ, которые покупали партіи чая для того, чтобы сейчасъ же перепродать ихъ. Безобразовъ замѣчаетъ при этомъ, что въ чайной торговлѣ спекулянтовъ меньше, чѣмъ во всякой другой отрасли ярмарочнаго торга.

Вполнѣ понятно, что перечисленныя специальности участниковъ чайнаго торга на Нижегородской ярмаркѣ не были строго отграничены одна отъ другой. Часто нѣсколько ихъ соединялось въ одномъ лицѣ. Такъ, на примѣръ, многіе московскіе гуртовщики, вышедшіе изъ среды кяхтинцевъ, выписывали чай прямо для себя изъ Кяхты; комиссіонеры торговали не только чужимъ, но и своимъ чаемъ; они же иногда выступали какъ партіонные покупатели и т. п.⁵³).

Кромѣ партіонныхъ покупателей и городовыхъ купцовъ покупали чай на ярмаркѣ цѣлыми мѣстами и лица, не принадлежавшія къ числу торговцевъ. „Въ былую пору“, говоритъ Овсянниковъ, „помѣщики, сложившись по нѣсколько семействъ, закупаютъ цибикъ или два чаю, какъ годовую свою пропорцію. Нынче это встрѣчается рѣдко“. Однако, по словамъ того же Овсянникова, почти каждый посѣтитель Нижняго Новгорода, во время ярмарки считалъ необходимымъ запастись чаемъ, такъ какъ всѣ полагали, что на Нижегородской ярмаркѣ чай былъ необыкновенно дешевъ и самыхъ лучшихъ качествъ⁵⁴).

Ссылки на литературу.

1. Неболсинъ, ч 2, стр. 453, 465.
2. Тенгоборгскій, ч. 4, стр. 590. О торговлѣ нашей съ Китаемъ (Вѣстникъ Промышл. 1858 г. №5, стр. 91)
3. Корсакъ, стр. 251; Неболсинъ, ч. I, стр. 337; ч. II, стр. 259—260; Тенгоборгскій, ч. IV, стр. 518
4. Неболсинъ, ч. I, стр. 339.
5. Неболсинъ, ч. I, стр. 346—348; Смирновъ, стр. 85.
6. Неболсинъ, ч. I, стр. 350—351; Корсакъ, стр. 313.
7. Ниж. ярм., 22/VIII 1833 г. (Ком. Газ. № 113); Крат. обзор. гл. оборот. Н. ярм. (Ж. М. и Т., 1836 г., ч. III, Отд. III, стр. 4); Смирновъ, ч. II, стр. 86; Неболсинъ, ч. I, стр. 350—351; Корсакъ, стр. 313, 315.
8. Ниж. ярм. 1829 г. (Ком. Газ. № 78); Неболсинъ, ч. I, стр. 346—347; Корсакъ, стр. 299—323.
9. Корсакъ, стр. 100, 335; Неболсинъ, стр. 464.
10. П. П. С. З., т. XXVI, 19328 п. I.
11. Ниж. ярм. 1838 г. (Ком. Газ. 1838 г. стр. 355); Неболсинъ, ч. I, стр. 366.
12. Мельниковъ, стр. 248; Безобразовъ, ст. I, стр. 66—67.
13. Неболсинъ, ч. I, стр. 361—362; Тенгоборгскій, ч. IV стр. 600.
14. Корсакъ, стр. 371—372; Неболсинъ, ч. I, стр. 361—363; Мельниковъ, стр. 251—252.
15. Безобразовъ, ст II, стр. 14.
16. Стат. опис. гл. городовъ Зап Сибири (Ж. М. В. Д., 1852 г. кн, 8, стр. 212); Безобразовъ, ст. I, стр. 72.
17. Мельниковъ, стр. 251—252; Стат.—Ком. Опис. Ниж. ярм. (Ж. М. и Т., 1849 г., кн. 8, стр. 418).
18. Овсянниковъ, стр. 30; Мещерскій, стр. 357; Зубовъ, стр. 240—241; Безобразовъ, ст. I, стр. 70—71.
19. Критъ, стр. 26; Корсакъ, стр. 375; Неболсинъ, ч. I, стр. 357, 363, 367.
20. Неболсинъ, ч. I, стр. 363; Корсакъ, стр. 374.
21. Критъ, стр. 25, 61.
22. Критъ, стр. 59.
23. Корсакъ, стр. 389; Критъ, стр. 24, 42, 58, 59, 63, 64—67; Неболсинъ, ч. I, стр. 371.
24. Критъ, стр. 73—74.
25. Корсакъ, стр. 370—371.
26. Безобразовъ, ст. I стр. 74; Веселовскій, Ниж. Ярм. (Отеч. Зап. 1847 г., ч. 50, отд. IV, стр. 5—6).
27. Зубовъ, стр. 254; Мельниковъ, стр. 255; О Ниж. ярм. 1828 г. (Ж. М. и Т., 1828 г., № 10, стр. 55); Смирновъ, II, стр. 86; Стат. Ком. Опис. Ниж. ярм. (Ж. М. и Т., 1849 г., августъ, стр. 422).
28. Безобразовъ, ст. I, стр. 66, 70; Ниж. ярм. 1838 г. (Ком. Газ. 1838 г. стр. 355).
29. Коммерческая Газета: 1827 г. № 74; 1829 г. № 78; 1830 г. № 66; 1831 г. № 67; 1832 г. № 68; 1833 г. № 102; 1843 г. № 129; 1847 г. №№ 107, 113; 1850 г. № 110; 1855 г. № 116; 1858 г. №№ 135, 136. Журналь Министерства Внутреннихъ Дѣлъ: 1833 г., приб. къ № 5; часть 33, стр. 265; 1839 г. т. 6, стр. 108; 1841 г. кн. 2, стр. 73; 1847 г., 5, стр. 324; 1850 г., кн. I, стр. 231; 1852 г., кн. 2, стр. 161; 1853 г. часть 41, стр. 164; 1854 г., мартъ, стр. 63; 1857 г., дек., отд. III, стр. 27; 1858 г., дек., стр. 66; 1860 г., кн. I, стр. 166—167; дек. стр. 149. Журналь Мануфактуръ и Торговли: 1845 г., ч. 4, стр. 285; 1855 г., часть IV, стр. 237, 238; 1856 г. часть III, стр. 272 и сл. Источники архивные (см. приложенія къ моей статьѣ „Объ источникахъ и методахъ“ — Записки Русскаго Научнаго Института въ

Бѣлградѣ, выпускъ 3): № 8, л. 67; № 9, л. 19; № 19, л. 3; № 20, л. 163; № 34, л. 40; № 35, л. 65—66; № 37, л. 46—47; № 42, л. 25—27, № 43, л. 120; № 45; № 47, л. 150; № 48, л. 94; № 52, л. 206. Смирновъ, стр. 85; Мельниковъ, стр. 255; Неболсинъ часть I, стр. 366; Стат.—Ком. Описание Ниж. Ярем. (Ж. М. и Т. 1849 г. кн. 8); Сѣв. Почта 1865 г. № 183.

30. Овсянниковъ, стр. 31—32; Безобразовъ, ст. I, стр. 67—69

31. Безобразовъ, ст. I, стр. 70—72.

32. Овсянниковъ, стр. 31.

33. Свѣд. о Ниж. ярм. 1856 г. (Ж. М. и Т., 1856 г., ч. III, стр. 272 и слѣд.); Ниж. ярм. 1858 г. (Ж. М. и Т., 1859 г., т. V, отдѣлъ торг., стр. 2—3; Записка И. Носкова о Н. Я. 1856 г. (Источники архивные № 36).

34. Ниж. ярм. 1859 г. (Ж. М. В. Д., 1860 г. кн. I, стр. 166).

35. Сѣв. Почта, 1836 г. № 184.

36. Мельниковъ, стр. 253—254; Ниж. ярм. въ 1845 г. (Ж. М. и Т., 1845 г. ч. 4, II, стр. 285); Ниж. ярм. 1852 г. (Ж. М. В. Д. 1853 г., ч. 41, стр. 164); свѣд. о Ниж. ярм. 1856 г. (Ж. М. и Т. 1856 г., ч. III, стр. 272 и слѣд.); о Ниж. ярм. 1857 г. (Ж. М. В. Д., 1857 г., декабрь, отд. III, стр. 26—27); отчетъ о Ниж. губ. за 1861 г. (Источники архивные № 46, л. 25—27).

37. Ниж. ярм. 1853 г. (Ж. М. В. Д., 1854 г., мартъ, стр. 63).

38. Отчетъ о Ниж. губ. 1854 г. (Источники архивные, № 34, л. 40).

39. Свѣд. о Ниж. ярм. 1856 г. (Ж. М. и Т. 1856 г. ч. III, стр. 272 и слѣд.).

40. Ниж. ярм. 1857 г. (Ж. М. В. Д., 1857 г., дек., отд. III, стр. 26—27).

41. Безобразовъ, ст. I, стр. 72.

42. Съ Волги, Сѣв. Почта, 1863 г. № 184.

43. Стат. Ком. Опис. Ниж. ярм. (Ж. М. и Т. 1849 г. июль, стр. 418); Безобразовъ, ст. I, стр. 73; ст. II, стр. 15—16; Съ Волги (Сѣв. Почта 1863 г. № 184).

44. Безобразовъ, ст. I, стр. 72, 73; Овсянниковъ, ст. 30—32, 33).

45. Безобразовъ, ст. I, стр. 73.

46. О Ниж. ярм. (Ком. Газ. 1827 г. № 74, смѣсь; О Ниж. ярм. 1828 г. (Ж. М. и Т. 1828 г. № 10 стр. 54—55); Ниж. ярм., 22/VIII 1833 г. (Ком. Газ. 1833 г. № 113); Мельниковъ, стр. 254—255; Неболсинъ, ч. I, стр. 365, 366; Корсакъ стр. 377; Отчетъ о ярмаркѣ 1833 г. (Источники архивные № 9, л. 19); Вѣдомость о тов. на Ниж. ярм. въ 1863 г. (Источники архивные, № 45).

47. Отчетъ о ярм. 1833 г. (Источники архивные № 9, л. 19); Ком. Газ. 1854 г. № 130.

47а. Источники архивные № 42; л. 25—27.

48. Безобразовъ, ст. I, стр. 73; Овсянниковъ, стр. 30—32, 33.

49. Безобразовъ, ст. I, стр. 73.

50. Источники архивные, № 42, л. 25—27.

51. Безобразовъ, ст. I, стр. 67, 70—71; Мельниковъ, стр. 254—255; Стат.—ком. описание Ниж. ярм. (Ж. М. и Т. 1849 г., т. 8, стр. 419).

52. Неболсинъ, ч. I, стр. 363—364; Безобразовъ, ст. I, стр. 67, 72.

53. Безобразовъ, ст. I, стр. 67—70.

54. Овсянниковъ, стр. 29.

А. А. Олесницкій.

ПЕРВЫЯ БОЕВЫЯ ВСТРѢЧИ ВЪ XV ВѢКѢ ТУРОКЪ-ОСМАНОВЪ СЪ РУСЬЮ.

(По архивнымъ матеріаламъ Югославянской Академіи Наукъ въ Загребѣ и Королевскаго Областного Музея въ Сараевѣ).

Задачей настоящей работы является выяснить и просмотрѣть въ хронологическомъ порядкѣ, первыя боевыя столкновенія, первыя взаимныя встрѣчи на бранномъ полѣ, первое, такъ сказать, „ратное знакомство“ между двумя великими народами: русскими и турками османами („тюрк-османлы“) — двумя историческими соперниками, борьбой коихъ были затѣмъ полны послѣдующіе вѣка. Борьба эта стоила и русскому и турецкому народамъ неисчислимыхъ жертвъ. Она сломила могущество и великодержавіе Османской имперіи. Русскому народу, не было, однако, суждено, по крайней мѣрѣ въ наше время, довести эту борьбу до той завѣтной мечты, которую вѣками лелѣяли его лучшіе сыны.

Правда на зарѣ расцвѣта молодой Османской имперіи историческій рокъ столкнулъ ея сыновъ пока еще только съ южной частью русскаго народа, точнѣе даже юго западной частью его, которая къ тому времени потеряла уже свою самостоятельность и входила въ составъ другихъ инородныхъ, самостоятельныхъ политическихъ единицъ. Сѣверная же часть русскаго народа въ то время такъ-же, какъ и османы, только еще начинала ковать свое великое будущее и лишь постепенно выходила на тотъ широкій путь, который былъ уготовленъ ей исторіей.

Злой рокъ, — раздѣлившій еще раньше на-двое свободный до того единый русскій народъ, — бросилъ эти части въ противоположные политическіе и религіозные лагеря и въ описываемую эпоху, — а часто затѣмъ и впослѣдствіи, — заставлялъ ихъ находиться въ противоположныхъ государственныхъ группировкахъ и нерѣдко выступать другъ противъ друга.

Но, хотя юго-западной части русскаго народа и было суждено, потерявъ свободу своей политической жизни, вы-

ступать въ XV вѣкѣ на полѣ брани подѣ чужими ей знаменами, тѣмъ не менѣе, какъ мы увидимъ дальше, для ея враговъ турокъ она продолжала быть русскимъ народомъ, носителемъ для нихъ идеи прежней своей русской національности.

Насколько намъ извѣстно, первоначальная борьба на полѣ брани между русскимъ и турецкимъ народами еще не была ни на Западѣ, ни на Востокѣ предметомъ спеціальныхъ научныхъ изслѣдованій. Лично насъ натолкнула на мысль насколько возможно освѣтить этотъ вопросъ находка нами въ упомянутыхъ выше архивахъ старинныхъ современныхъ событіямъ турецкихъ лѣтописей, дававшихъ новыя интересныя данныя по этому вопросу. Конечно, настоящая работа отнюдь не претендуетъ исчерпать вопросъ¹⁾, а имѣетъ скромную задачу послужить основаніемъ для будущихъ, быть можетъ, болѣе обширныхъ изслѣдованій въ томъ же направленіи.

* * *

Входившія въ XV вѣкѣ въ составъ Польши и Литвы бывшія западныя и южныя русскія княжества задолго уже передѣ тѣмъ (въ XIII в.), въ силу внутренней неурядицы, удѣльнаго дробленія, а главное татарскаго разоренія, потеряли, большею частью добровольно, свой историческій ликъ и связали свою судьбу съ польскимъ и литовскимъ народами²⁾. Что касается Карпатской Руси, то она, вслѣдствіе малочисленности своего населенія, не приобрѣла политической свободы и подчинена была воинственнымъ и ратоборнымъ уграмъ³⁾.

Поэтому, если мы захотимъ въ эту эпоху прослѣдить боевыя взаимоотношенія русскихъ и турокъ, то мы должны искать русскія боевыя единицы и части только подѣ стягами королей польскаго, угорскаго и великаго князя литовскаго.

Что касается первой половины XV вѣка, то мы не имѣемъ прямыхъ, точныхъ историческихъ подтвержденій о встрѣчахъ на бранномъ полѣ русскихъ и турецкихъ частей, и здѣсь возможны только предположенія.

Такъ, возможно, что русскіе люди находились въ польско-литовскихъ частяхъ, которыя въ 1428 году помогали угорскому королю Сигизмунду (1395—1437) защищать сербскія области, которыя турки пытались у него отнять⁴⁾.

Мы можемъ далѣе съ меньшей или большей долей вѣроятности предполагать вхожденіе отдѣльныхъ карпаторусскихъ частей въ боевыя войска страшнаго врага турокъ угорскаго воеводы Яна Гуниади (†1456), одержавшаго надѣ турками (1442—1456) рядъ блестящихъ побѣдъ. Можетъ

быть, находились также отдѣльные, единичные русскіе люди въ числѣ польскихъ рыцарей или среди угровъ, дравшихся съ несчастнымъ угорскимъ королемъ Владиславомъ I (1440—1444) подъ Варной противъ турокъ и потерпѣвшихъ здѣсь вмѣстѣ съ остальной угорской арміей 10-го ноября 1444 года отъ султана Мурада II (1421—1451) роковое поражение⁵).

Но все это, какъ мы сказали уже, — только гипотезы и предположенія!

Со второй половины XV вѣка мы получаемъ уже о боевыхъ дѣйствіяхъ русскихъ и турокъ опредѣленные историческія указанія современниковъ.

Со вступленіемъ на престолъ Мухаммеда II (1451—1481), гениальнаго полководца, политика и государственнаго дѣятеля, широко раздвинулись границы Османской имперіи и побѣдоносныя турецкія знамена стали развѣваться въ новыхъ, обширныхъ христіанскихъ земляхъ, неся имъ всюду за собой гибель и разрушеніе. Понятно, что подъ угрозой такой страшной опасности появляются попытки европейскихъ державъ по инициативѣ и подъ верховнымъ главенствомъ римскихъ папъ, сговориться между собою для согласованной борьбы противъ общаго врага.

Такъ, по свидѣтельству польскаго историка Матвѣя Стрыйковскаго⁶) (*1547) въ 1452 г. папа Николай VI (1447—1455) послалъ, будто бы, изъ Рима, въ Польшу и Литву бывшаго митрополита Кіевскаго и всея Руси Исидора, чтобы онъ тамъ, вмѣстѣ со вновь назначеннымъ папой новымъ Кіевскимъ митрополитомъ Григоріемъ, проповѣдывалъ, для оказанія помощи Византіи, новый крестовый походъ противъ турокъ. Исидоръ былъ по происхожденію болгаринъ или грекъ (уроженецъ Фессаліи), онъ подписалъ въ 1439 году во Флоренціи унію восточной и западной церквей и получилъ за это впослѣдствіи званіе кардинала Св. Сабины.

Исидоръ и Григорій, по словамъ Стрыйковскаго, прибыли въ Польшу и были здѣсь очень радушно приняты королемъ Казимиромъ IV (1447 — 1492). Кардиналъ Исидоръ былъ душой прежде всего грекъ. Онъ, въ молодости былъ игуменомъ въ монастырѣ св. Димитрія въ Константинополѣ и для него теперь судьба Византіи была важнѣе всего. Исидоръ и Григорій энергично отдались проведенію въ жизнь этого грандіознаго плана, замыселъ котораго принадлежалъ самому кардиналу Исидору. Казимиръ Ягеллончикъ, какъ мы уже сказали, принялъ ихъ очень любезно, но не рѣшился самъ лично на такое рискованное предпріятіе. Тѣмъ не менѣе Исидору своими страстными проповѣдями удалось, будто бы, привлечь на свою сторону большое количество русской и польской шляхты. Вмѣстѣ съ ними кардиналъ

Исидоръ, если вѣрить М. Стрыйковскому, отправился, вѣроятно морскимъ путемъ, въ Константинополь, пробился туда черезъ турецкія войска и оказалъ послѣднему Палеологу большія услуги за время осады турками его столицы.

Мы не нашли въ другихъ источникахъ подтвержденія объ участіи русскихъ людей въ послѣдней защитѣ Константинополя⁷⁾, но намъ документально извѣстно, что кардиналъ Исидоръ дѣйствительно принималъ съ набранными имъ отрядами участіе въ защитѣ Византійскаго престола, причемъ извѣстенъ даже участокъ городской оборонительной линіи, который былъ ему порученъ. Наммер, на основаніи цѣлаго ряда Византійскихъ и другихъ историковъ, точно обозначаетъ⁸⁾, что посты русскаго кардинала Исидора шли отъ воротъ Кинегія (амфитеатра для борьбы звѣрей, нынѣ Хайванкапусу) до церкви св. Димитрія, то есть, вѣроятно, того монастыря, въ которомъ Исидоръ въ молодости подвизался.

Исидоръ храбро защищалъ городъ и участвовалъ со своими отрядами въ нѣсколькихъ бояхъ. Въ концѣ концовъ, видя неминуемую гибель столицы, онъ заблаговременно скрылся въ одной изъ церквей и тамъ обмѣнялся платьемъ съ убитымъ рабомъ⁹⁾. Послѣ этого онъ тайно скрылся отъ своихъ отрядовъ, предоставивъ ихъ своей судьбѣ. Турки, найдя трупъ, одѣтый въ кардинальскія одежды, надругались надъ нимъ¹⁰⁾. Самъ же хитроумный кардиналъ, не будучи опознанъ, былъ проданъ турками сначала въ Галату, а потомъ въ Пелопонесъ, откуда ему удалось впоследствии освободиться посредствомъ выкупа и вернуться въ Римъ, гдѣ онъ и умеръ въ 1463 г.¹¹⁾

Черезъ 3 года послѣ взятія Константинополя, именно въ 1456 г., мы снова имѣемъ случай предполагать участіе отдѣльных русскихъ людей въ борьбѣ противъ турокъ, а именно въ отбитіи соединенными христіанскими отрядами подъ стѣнами Бѣлграда султана Мухаммеда II, тщетно пытавшагося рядомъ штурмовъ овладѣть этой неприступной крѣпостью. Мы знаемъ, что среди крестоносцевъ, собравшихся въ Бѣлградъ и, подъ фанатичныя проповѣди францисканскаго монаха Ивана Капистрана, проявившихъ здѣсь чудеса храбрости, были польскіе рыцари. Возможно, что среди нихъ могли быть и единичные русскіе люди, прибывшіе сюда изъ Польши или Литвы для защиты креста отъ полумѣсяца¹²⁾. Это легко могло быть послѣ принятія уніи и настояній римскаго папы привлечь возможно большее число борцовъ подъ христіанскія знамена.

Были тогда же, вѣроятно, русскіе — уроженцы Карпатъ — и въ отрядахъ самого Гуниади, проявившаго подъ Бѣлградомъ чудеса храбрости, но уже черезъ двѣ недѣли послѣ этой блестящей побѣды навсегда сомкнувшаго свои очи.

Первый турецкій историкъ, который отмѣчаетъ наличіе русскихъ войскъ въ борьбѣ съ турками это — Сузи челеби († 1524). Онъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ своего поэтического произведенія „Газават-наме-и Али-бегъ Михал-оглу“¹³⁾ отмѣчаетъ участіе русскихъ войскъ въ бою у Безазиса, имѣвшемъ мѣсто 8-го ноября 1460 года на лѣвомъ берегу Дуная, приблизительно въ 30.000 шаговъ на сѣверо-востокъ отъ Смедерева. Въ этомъ бою 3.000 турецкихъ „акынджи“ подъ командою Али бега Михал-оглу разбили на голову 20.000 соединенную угорскую армию и взяли въ плѣнъ ея главнокомандующаго — Михаила Силаджи, дядю угорскаго короля Матвѣя Корвина. Силаджи былъ затѣмъ, вмѣстѣ съ другими старшими военачальниками, отправленъ въ Константинополь и тамъ, по повелѣнію султана Мухаммеда II, казненъ¹⁴⁾. Но остановимся подробнѣе на этомъ источникѣ и скажемъ нѣсколько словъ какъ о самомъ этомъ боѣ, такъ и объ участникахъ его, а равно и о турецкомъ поэтѣ-историкѣ, сохранившемъ намъ это интересное свидѣтельство¹⁵⁾.

Али бегъ Михал-оглу, тогда еще молодой турецкій полководецъ и вождь, прославилъ въ послѣдствіи свое имя въ турецкой исторіи рядомъ блестящихъ побѣдъ надъ христіанскими войсками. Онъ принадлежалъ къ одному изъ самыхъ славныхъ и древнихъ османскихъ родовъ¹⁶⁾, родоначальникомъ коего былъ греческій владѣтельный князь Михаилъ, принявшій исламъ и бывший затѣмъ однимъ изъ ближайшихъ помощниковъ султана Османа по созданію мощи молодого турецкаго государства¹⁷⁾. Роду Михаила (по тур. „Михал-оглу“) турецкими султанами было предоставлено наслѣдственное, потомственное командованіе турецкой иррегулярной конницей, извѣстной подъ именемъ „акынджи“¹⁸⁾. Такъ какъ акынджи, какъ мы увидимъ дальше, сыграли въ концѣ XV вѣка роковую роль въ жизни русскаго народа, то разъясимъ, что это было за войско и какое это было страшное оружіе въ рукахъ турецкихъ султановъ¹⁹⁾.

„Акынджи“ буквально значитъ „производящій акын“. „Акын“ (отъ тур. глагола „акмак“ течь, стремиться, устремляться) обозначаетъ набѣгъ, рейдъ конницы, вторженіе кавалеріи, уничтожающей и сметающей все на пути. Акынджи, какъ было сказано, не были постояннымъ, регулярнымъ войскомъ, но созывались въ нужный моментъ для производства страшнаго вторженія въ непріятельскую страну, которая предавалась имъ на разореніе и разграбленіе. Они грабили, жгли, уничтожали все на своемъ пути, насилывали и убивали мирное населеніе, производя надъ нимъ страшныя звѣрства, избѣгали, по возможности, встрѣчи съ регулярной арміей противника и наконецъ, награбивъ, перегруженные добычей, возвращались обратно, во свояси, гдѣ снова расходились по

домамъ. Акынджи не получали жалованья и не имѣли земельныхъ надѣловъ, а жили отъ грабежа и добычи. Но добыча эта бывала иногда такъ велика, что могла превратить въ нѣскольکو дней бѣдняковъ въ богачей. Если къ тому же мы припомнимъ, что грабить и убивать невѣрныхъ гяуровъ было богоугодное дѣло а гибель въ борьбѣ съ ними обѣщала безусловно — мусульманскій рай со всѣми его прелестями, то мы поймемъ, что число желающихъ идти въ акынъ бывало всегда очень велико. Сюда шли съ одной стороны безстрашные удалцы, готовые ежечасно рисковать своей головой, забубенныя головушки, рѣшившіе попытать счастье и разбогатѣть, но съ другой стороны сюда устремлялись также и монахи аскеты, дервиши-безсребренники, полные суфійскаго мистицизма, желающіе пострадать за вѣру и жаждущіе сложить голову на полѣ брани съ невѣрными и тѣмъ пріобрѣсти право на соединеніе въ загробномъ мірѣ съ своей „мистической возлюбленной“ (т. е. Богомъ). Къ послѣдней категоріи принадлежалъ и нашъ герой Али бегъ Михалоглу и его секретарь (кятибъ) Сузи челеби, воспѣвшій, какъ было выше отмѣчено, въ громадномъ поэтическомъ произведеніи, въ 15.000 бейтовъ (двустижій), геройскіе подвиги своего патрона. Мухаммедъ эфенди, писавшій свои поэтическіе труды подъ псевдонимомъ „Сузи“ (что значитъ пылающій, сжигаемый страстной любовью къ Богу), былъ уроженцемъ г. Призрена. Онъ въ ранней своей молодости примкнулъ къ отрядамъ Али бега и, вскорѣ выдвинувшись своимъ образованіемъ и талантами, сталъ его личнымъ секретаремъ, сопровождавшимъ его во всѣхъ походахъ и акынахъ. Между прочимъ онъ воспѣлъ и упомянутый выше бой у Безазиса²⁰⁾, гдѣ была уничтожена угорская армія, въ которую, по свидѣтельству Сузи челеби, входили и русскіе отряды.

Упомянутое произведеніе Сузи челеби считалось долгое время потеряннымъ, и только въ 1929 г. почти одновременно Югославянская Академія Наукъ въ Загребѣ и Прусская Штатсбибліотека въ Берлинѣ пріобрѣли ффрагменты²¹⁾ этого произведенія, включающіе между прочимъ и описаніе Безазисскаго боя.

Бой этотъ, до сихъ поръ не былъ достаточно изученъ и оцѣненъ исторической наукой, хотя ему и суждено было сыграть первостепенную роль въ дальнѣйшемъ развитіи событій въ юго восточной Европѣ.

Потерпѣвъ въ 1456 г. тяжелую неудачу подъ стѣнами Бѣлграда, Мухамедъ II не палъ духомъ, а настойчиво продолжалъ стремиться къ осуществленію поставленной имъ себѣ грандіозной цѣли: постепенному овладѣнію Исламомъ всей христіанской Европы. Кто же былъ его главнымъ врагомъ, той центральной силой, которая объединяла и органи-

зовывала противъ турокъ разноголосую и разноплеменную Европу? Конечно, Римскіе Папы, возсѣдавшіе на престолѣ св. Петра. Но Римъ былъ далеко и для побѣды надъ нимъ предстояла еще долгая, упорная и постепенная борьба²²). Мухамедъ II отлично отдавалъ себѣ въ этомъ отчетъ²³). Ближайшимъ-же и опаснѣйшимъ его противникомъ была сильная еще тогда Угрія (тур. Унгурусъ). На ея престолѣ былъ сынъ ихъ злѣйшаго врага „Проклятаго Янка“²⁴), правда, тогда еще молодой и неопытный Матвѣй Корвинъ (1458—1490), только что принявшій бразды правленія и еще опьяненный своей властью. Но за его спиной стоялъ его дядя, братъ его матери, Михаилъ Силаджи²⁵), фактическій господинъ всей Угрии, доставившій своему племяннику престолъ.

Это былъ человекъ большой храбрости, горячаго, крутого характера, очень честолюбивый и незнавшій препятствій для своихъ желаній²⁶). На счастье Мухамеда II и на несчастье всей Европы онъ не умѣлъ, или скорѣе не хотѣлъ ладить со своимъ вѣнценоснымъ племянникомъ. Между Матвѣемъ и имъ происходили постоянныя ссоры, переходившія въ открытый разрывъ и наконецъ закончившіяся арестомъ Михаила Силаджи и заключеніемъ его (8. X. 1458) въ крѣпости Вилагошѣ. Ему угрожала со стороны молодого племянника смертная казнь, и только заступничество папы Пія II, отлично понимавшаго, какъ необходимъ и незамѣнимъ Силаджи для борьбы съ турками, спасло его отъ неминуемой смерти. Современные источники и лѣтописцы не сохранили намъ указаній на основанія и причины этихъ постоянныхъ недоразумѣній и ссоръ между двумя отвѣтственными политическими дѣятелями и руководителями Угорскаго королевства. Даже современный намъ венгерскій историкъ и лучшій знатокъ эпохи Корвина, епископъ Вильгельмъ Фракной отказывается объяснить и разъяснить тайну этого рокового разрыва²⁷).

Такое замалчиваніе современниками истинныхъ причинъ разрыва короля съ его дядей, которому онъ былъ обязанъ полученіемъ угорской короны, очень симптоматично и, по нашему мнѣнію, является ни чѣмъ инымъ, какъ желаніемъ скрыть ихъ отъ современниковъ и потомства и снять съ короля отвѣтственность за рядъ его поступковъ, имѣвшихъ затѣмъ роковыя послѣдствія для всего Угорскаго королевства. Рядъ историческихъ данныхъ и сопоставленій, разборомъ коихъ мы не можемъ заняться въ этой краткой работѣ, но изслѣдованію которыхъ мы намѣрены посвятить особый нашъ трудъ даетъ возможность сдѣлать слѣдующее предположеніе. Михаилъ Силаджи, явившійся въ январѣ 1458 года въ Пештъ съ 15.000 своихъ вооруженныхъ сторонниковъ и своимъ вліяніемъ и вооруженной силой содѣйствовавшій выбору въ

короли своего молодого несовершеннолѣтняго племянника, требовалъ затѣмъ отъ короля взаимныя услуги согласіе на выдѣленіе изъ королевства крѣпости Бѣлграда, быть можетъ, и нѣкоторыхъ южно-угорскихъ областей, губернаторомъ которыхъ онъ состоялъ, и на созданіе изъ нихъ вмѣстѣ съ деспотіей Бранковичей особой политической единицы, во главѣ которой сталъ бы онъ, Михайль Силаджи²⁸). Возможно даже что между М. Силаджи, его сестрой Елисаветой и самимъ Матвѣемъ еще до выборовъ состоялось какое-либо соглашеніе въ этомъ смыслѣ.

Вполнѣ правъ Юрга, дающій слѣдующую характеристику Матвѣю Корвину: этотъ великій король Матвѣй, который занялъ столь блестящее положеніе въ исторіи Угрии, не имѣлъ однако достаточно силы воли, чтобы совладать свое честолюбіе и понять, что для Угрии все зависѣло отъ успѣховъ той борьбы, которую она вела для своей защиты противъ турокъ. Вмѣсто того онъ напрасно тратилъ свои силы на завоеваніе австрійскихъ, чешскихъ и трансальпійскихъ земель²⁹).

Но если этотъ историческій приговоръ справедливъ по отношенію ко всей политической жизни и дѣятельности Матвѣя Корвина, то онъ особенно правиленъ и вѣренъ въ отношеніи первыхъ лѣтъ правленія молодого короля. Вмѣсто того, чтобы уступить своему дядѣ и, выдѣливъ ему часть своихъ южныхъ земель, своевременно создать изъ нихъ вмѣстѣ съ остатками сербскихъ земель возможно сильное политическое цѣлое, которое въ рукахъ стараго и опытнаго противника турокъ Михаила Силаджи являлось бы для Мухаммеда II серьезной угрозой въ его продвиженіи на западъ, онъ бросилъ стараго родственника въ тюрьму и въ пылу гнѣва собирался даже казнить его.

Мухаммедъ II, внимательно слѣдившій за всѣмъ, что происходило въ Угрии, немедленно воспользовался этой семейной распрей и, пославъ войска, безъ боя занялъ остатки деспотіи съ ея главнымъ городомъ Смедеревомъ (20-VII-459).

Михайль Силаджи, томясь въ крѣпости Вилагошѣ, узналъ о гибели Смедеревской Деспотіи и сдѣлалъ все возможное, чтобы выйти на волю и получить свободу дѣйствій. Послѣ 10 мѣсяцевъ крѣпостного сидѣнія и черезъ мѣсяць послѣ паденія Смедерева, Силаджи удалось наконецъ при помощи вѣрнаго повара бѣжать изъ тюрьмы. Горя местию, онъ началъ быстро набирать изъ своихъ друзей и приверженцевъ армію, чтобы вмѣстѣ съ ней идти и наказывать своего неблагодарнаго племянника. Гражданская война казалась неминуема. Король Матвѣй, увидѣвъ свое критическое положеніе, сдѣлалъ все возможное, чтобы примириться съ дядей, и для этого пошелъ на уступки. Къ Силаджи отъ

имени короля прибыли папскій легатъ Иванъ Карваяль и архіепископъ Острогонскій³⁰⁾ Діонисій Зечъ. Они убѣждали и умоляли Силаджи не начинать въ столь рискованный моментъ, когда турки стоятъ на границѣ государства, гражданской войны и уговаривали его примириться съ королемъ. Послѣ долгихъ убѣжденій Силаджи наконецъ уступилъ. Ему была гарантирована личная безопасность, и онъ 1-го сентября 1459 года торжественно прибылъ въ Будимъ. Его сестра Елисавета, мать короля, вмѣстѣ съ архіепископомъ Калбчскимъ³¹⁾ и *judex Sigiæ*³²⁾ вышли ему навстрѣчу и торжественно съ триумфомъ ввели его во дворецъ³³⁾. Несмотря на такой торжественный пріемъ, потребовалось восемь дней, пока Силаджи и король пришли къ соглашенію и миру.

По этому соглашенію Силаджи возстановлялся во всѣхъ своихъ титулахъ и правахъ; ему поручались управленіе и защита южныхъ угорскихъ областей отъ турокъ, и самое существенное, — что для Силаджи было главнымъ и за что, вѣроятно, онъ попалъ въ крѣпость и едва не лишился жизни, — король Матвѣй теперь ему уступилъ, пошелъ навстрѣчу его желаніямъ и торжественно обязался, что въ случаѣ, если онъ, Михаилъ Силаджи, освободитъ потерянную деспотию отъ турокъ, она будетъ передана ему, онъ получитъ титулъ и будетъ тогда официально признанъ деспотомъ Сербіи³⁴⁾.

Казалось мечта всей жизни Силаджи была близка къ осуществленію. Со свойственной ему энергіей онъ началъ собирать войска и готовиться къ рѣшительному бою съ врагами, въ борьбѣ съ которыми прошла вся его жизнь.

Трудно однако сказать, насколько со стороны короля было искренно заключенное съ дядей соглашеніе.

Силаджи, собравъ армію, торопилъ короля общими силами выступить на опаснаго врага. Молодой же король всячески затягивалъ приготовленія и откладывалъ выступленіе въ походъ. Фракной объясняетъ такую медлительность короля непрочностью положенія внутри страны и невозможностью для него поэтому сосредоточить все свое вниманіе на южныхъ границахъ³⁵⁾. Кто знаетъ, насколько это объясненіе соотвѣтствуетъ тогдашнимъ соображеніямъ короля. Мы знаемъ только, что эта медлительность и затягиваніе послышки помощи со стороны короля чуть не послужили поводомъ къ новому разрыву³⁶⁾. Выведенный изъ терпѣнія Силаджи съ набранной имъ арміей, численность коей Сузи опредѣляетъ въ 20.000 человекъ, на свой рискъ, не дождавшисъ короля, одинъ выступилъ въ походъ и мимо крѣпости Ковинъ двинулся лѣвымъ берегомъ Дуная на востокъ, выбирая удобное мѣсто для перехода на турецкую территорию.

Али бегъ Михал-оглу, которому султаномъ Мухаммедомъ была поручена охрана границъ вновь присоединеннаго

сербскаго пашалука, отлично зналъ о всѣхъ движеніяхъ угорской арміи. Онъ заблаговременно собралъ своихъ акынджи и теперь съ отрядомъ въ 3.000 человекъ тайно перешелъ черезъ Дунай, по всей вѣроятности, около Храма (нынѣшняго Рама) на угорскую сторону и здѣсь сталъ поджидать врага и готовиться къ бою.

Хорватскій историкъ Клаичъ ошибочно предполагаетъ, что мѣсто, гдѣ произошелъ бой, находится на правой сторонѣ Дуная, въ предѣлахъ бывшей сербской деспотіи. Его ввелъ въ заблужденіе придворный лѣтописецъ короля Матвѣя Корвина Антоній Бонфиній, давшій тенденціозное сообщеніе объ этомъ боѣ²⁰ и³⁷). Нынѣ, основываясь на подробномъ описаніи всей операціи Сузи челеби, съ ясностью можно установить, что сраженіе произошло на лѣвой, угорской сторонѣ Дуная, въ гористой мѣстности, гдѣ-то недалеко отъ нынѣшняго Базьяша. Это же подтверждаетъ намъ письмо нѣкоего итальянца, пославшаго изъ Будима на родину — 26 ноября 1460 г., то есть 18 дней послѣ боя, — описаніе сраженія, въ которомъ онъ между прочимъ ясно указываетъ, что битва произошла на угорской территоріи³⁸).

Непосредственно передъ боемъ въ станъ Али бега явился перебѣжчикъ, который сообщилъ ему численность арміи Михаила Силаджи и направленіе, въ которомъ она двигалась³⁹). Али бегъ, получивъ эти свѣдѣнія, раздѣлилъ свой малочисленный конный отрядъ на двѣ части. Съ большей частью отряда онъ самъ засѣлъ въ засаду за какой то горой, а меньшую часть подъ начальствомъ своего брата Искендеръ бега и еще одного храбраго военачальника по имени Кара-Халиля послалъ навстрѣчу наступающимъ уграмъ. Имъ онъ приказалъ, напавъ на врага, затѣять съ нимъ бой и, постепенно отступая, завлечь угровъ на главныя, находившіяся въ засадѣ, силы. Все произошло, какъ рассчиталъ Али бегъ. Увлеченные преслѣдованіемъ небольшого передового отряда турокъ, угры неожиданно подверглись нападенію изъ засады главныхъ силъ акынджи. Произошло краткое, но кровопролитное сраженіе. Бой происходилъ, повидимому, въ узкой горной долинѣ, гдѣ угры не могли развернуться и пустить въ дѣло свою артиллерію. Большая часть угорской арміи пала. Остатки вмѣстѣ съ Михаиломъ Силаджи и еще 18 старшими военачальниками были взяты въ плѣнъ. Военачальники были отправлены, какъ мы уже упомянули, въ цѣпяхъ въ Константинополь и тамъ почти всѣ казнены⁴⁰).

Воспѣвая эту блестящую побѣду своихъ акынджи, гдѣ 3.000 полуголыхъ правовѣрныхъ разбили 20 000 отлично вооруженныхъ и блестяще экипированныхъ угорскихъ воиновъ, Сузи въ нѣсколькихъ мѣстахъ подчеркиваетъ, что въ составъ угорскихъ войскъ входили русскіе отряды.

Приводимъ точный переводъ этихъ мѣстъ.

Вотъ какое увѣдомленіе получаетъ султанъ Мухаммедъ II передъ боемъ о военныхъ приготовленіяхъ Михаила Силаджи:

... „Собраны войска Угріи,
 Все, что было лучшаго и доблестнаго въ
 Валахіи и на Руси.
 Главнокомандующимъ войскъ и ихъ вождемъ состоитъ
 Родственникъ короля и губернаторъ провинцій⁴¹⁾
 Важный банъ-Михаиль, сынъ Исфалаха“...⁴²⁾
 (Б, бейты 911—913).

А вотъ какое донесеніе получилъ султанъ послѣ боя:

... „Твой богатырь Али бегъ Михал-оглу,
 Который отнынѣ сталъ Рустемомъ⁴³⁾ (нашего) вѣка,
 Разбилъ на голову непріятелей-угровъ,
 Разсѣялъ соединенныя силы Валахіи и
 Руси“...
 (Б, бейты 1078—1079).

И наконецъ, при перечисленіи боевыхъ подвиговъ Али бега Михал-оглу, Сузи челеби среди другихъ геройствъ его приводитъ слѣдующее:

... „Онъ повергъ въ прахъ боевую доблесть и славу русскихъ.
 И разбилъ на голову идола Угріи (т. е. Михаила Силаджи)“...
 (Б, бейтъ 174).

Кто-же — эти русскіе отряды, извѣстные своей доблестью и боевою славою туркамъ? Были-ли это уроженцы Карпатской Руси, входившей въ составъ земель короны св. Стефана, или же это были войска, присланныя королемъ Польши Казимиромъ Ягеллончикомъ (1447—1492) на помощь изъ далекой Червонной Руси? Какъ наконецъ узнали турки о присутствіи русскихъ отрядовъ въ арміи Михаила Силаджи?

Была ли международная политическая обстановка благоприятна для присылки Польшей отрядовъ въ Угрію?

Послѣ смерти папы Каликста III († 1458) на престоль св. Петра былъ избранъ подъ именемъ папы Пія II (1458—1464) гуманистъ и неумолимый проповѣдникъ крестоваго похода противъ турокъ, бывший легатъ при угорскомъ королѣ и германскомъ императорѣ Эней Сильвій Пикколомини. Несмотря на преклонный возрастъ и болѣзни, онъ

горѣлъ одной мыслью, которая для него затемняла всѣ другіе интересы, а именно идеей всехристіанскаго похода противъ османовъ. Свой понтификатъ онъ началъ пламеннымъ обращеніемъ ко всему христіанскому міру объ этомъ, и верховные правители всѣхъ христіанскихъ государствъ вскорѣ получили отъ него приглашеніе на предстоящій конгрессъ. Но немногіе изъ ихъ представителей явились въ маѣ 1459 г. на собравшійся въ Мантуѣ конгрессъ. Тѣмъ не менѣе конгрессъ внялъ пламенному призыву папы, и общій походъ противъ турокъ былъ рѣшенъ⁴⁴).

Представителемъ польскаго короля на конгрессѣ былъ пробстъ Яковъ Сѣнненскій, племянникъ кардинала Збигнѣва Олесницкаго. Извѣстно, что Казимиръ Ягеллончикъ и его вліятельная мать Софія († 1461, дочь Кіевскаго Князя Андрея Ивановича изъ рода Гольшанскихъ), тотчасъ послѣ выборовъ папы Пія II, вступили съ нимъ въ оживленную переписку. Яковъ Сѣнненскій, хотя и назвалъ папу въ привѣтственной рѣчи „богомъ на землѣ“, но въ отвѣтъ на призывъ этого „земного бога“ принять участіе въ общемъ походѣ противъ османовъ, онъ указывалъ, что Польша и такъ, защищая Европу, ведетъ все время непрерывную борьбу съ мусульманами татарами, что, при его отъѣздѣ изъ Польши на конгрессъ въ Мантую, татары какъ разъ, перейдя черезъ Днѣпръ, вторглись въ восточные предѣлы королевства. Кромѣ того Яковъ Сѣнненскій жаловался, что его королю, который всегда горитъ желаніемъ, по первому приказанію Его Святѣйшества, обратить свое оружіе противъ варваровъ, почившій папа ставилъ всяческія препятствія на пути притязаній Его Величества на свою вотчину (т. е. на земли, которыя Польша требовала отъ Тевтонскаго ордена).

На основаніи такого заявленія представителя Польши, конгрессъ высказался о желательности войти въ соглашеніе съ татарами, чтобы они, въ случаѣ принятія Польшей участія въ походѣ противъ турокъ, не беспокоили въ это время ея владѣній.

Но всѣ эти пламенные и красивые рѣчи и планы на конгрессѣ остались, повидимому, только праздными мечтами и разговорами. Вскорѣ со всѣхъ сторонъ стали поступать отказы, и самъ папа 15 января 1460 г. уже заявлялъ, что рядъ обстоятельствъ препятствуетъ ему стать во главѣ крестоносцевъ⁴⁵).

И такъ послала ли Польша послѣ всего этого, когда всеобщій походъ противъ турокъ не удался, какія либо свои войска на помощь Угріи, которая очутилась подъ страшной угрозой, послѣ занятія въ іюнѣ 1459 г. Мухаммедомъ II Смедеревскою деспотіею?

Для разрѣшенія этого вопроса мы сочли необходимымъ

письменно обратиться за справкой къ знатоку этого періода польской исторіи, профессору Краковскаго университета, исторіку Яну Домбровскому. Проф. Домбровскій любезно отозвался на нашъ запросъ и сообщилъ намъ⁴⁶⁾, что участіе какихъ-либо польскихъ войскъ въ бою при Безазисѣ не извѣстно польской исторической наукѣ. Кромѣ того, онъ лично считаетъ участіе такихъ войскъ неправдоподобнымъ, изъ-за отношеній, существовавшихъ въ то время между Казимиромъ Ягеллончикомъ и Матвѣемъ Корвиномъ, а равно изъ-за войны въ то время между Польшей и тевтонскими рыцарями.

Такимъ образомъ приходится, повидимому, остановиться на мысли, что русскіе отряды, о присутствіи которыхъ въ бою при Безазисѣ сообщаетъ намъ Сузи челеби, были подданными угорскаго короля — уроженцами Карпатской Руси.

Разсмотримъ теперь, кто они могли быть.

Историческими изслѣдованіями выяснено и установлено⁴⁷⁾, что король угорскій Сигизмундъ (1395—1437) пожаловалъ мелкому литовско-русскому удѣльному князю Θεодору Михайловичу Коріату, (извѣстному въ Угріи подъ именемъ Θεодоръ Коріатовичъ), Мукачевскую доминію, а можетъ быть, и еще нѣкоторыя земли (напр. значительныя владѣнія въ сосѣднемъ Марамарошѣ), куда тотъ изъ Подолья со своимъ семействомъ и приближенными переселился въ самомъ концѣ XIV вѣка. Въ то время Мукачево было большая доминія и важная пограничная крѣпость.

Въ народной карпаторусской молвѣ сохранилось преданіе, согласно которому съ княземъ Θεодоромъ переселилось изъ Подолья въ Закарпатье до 40 000 русскихъ, которыхъ онъ поселилъ въ долину рѣки Теребли, гдѣ ему принадлежало 300 сель. По преданію, князь выстроилъ и устроилъ Мукачевскій замокъ, обнесъ стѣнами городъ и вообще былъ русскимъ колонизаторомъ Закарпатья.

Конечно не всѣ свѣдѣнія, сохраненныя устнымъ преданіемъ, точны, но несомнѣнно есть въ нихъ и нѣкая доля исторической правды.

Кромѣ того, научно установлено, что князь Θεодоръ обосновалъ или одарилъ монастырь св. Николая, что на Чернецкой горѣ, близъ Мукачева. Переселившись въ Угрію, такимъ образомъ, русскій князь сталъ тамъ крупнымъ помѣщикомъ, угорскимъ магнатомъ и королевскимъ наджупаномъ. Умеръ Θεодоръ въ 1414 году, оставивъ жену и двухъ дочерей. За отсутствіемъ у него мужского потомства, Мукачевская доминія не была оставлена его дочерямъ, но перешла къ совершенно имъ чужому лицу — угорскому палатину Матвѣю Палоци. Отъ него она перешла въ 1426 г. въ соб-

ственность къ сербскимъ деспотамъ Стефану († 1427) и Юрію Бранковичамъ, владѣвшимъ ею до 1439 г. Въ этомъ году она перешла во владѣніе къ угорскому воеводѣ Яну Гуниади, а, послѣ смерти послѣдняго († 1456), ее получила его вдова Елисавета, рожденная Силаджи, родная сестра Михаила Силаджи, и мать короля Матвѣя Корвина, которая ею владѣла до своей смерти въ 1484 году⁴⁸).

Такъ мѣнялись высокопоставленные владѣльцы Мукачевской доминіи, но оставались, вѣроятно, на мѣстахъ потомки русскихъ людей, — дружины и приближенныхъ князя Θεодора, пришедшихъ съ нимъ изъ Подолья.

Получившая Мукачево въ 1456 г. Елисавета такимъ образомъ владѣла имъ и въ 1459 г., когда Михаилъ Силаджи, бѣжавъ изъ Вилагошской тюрьмы, заключилъ, — какъ было сказано выше, — соглашеніе съ королемъ и сталъ энергично готовиться къ своей послѣдней роковой встрѣчѣ съ турками.

Какъ мы уже видѣли, Матвѣй Корвинъ, хотя и обѣщаль поддерживать дядю въ борьбѣ съ турками, но все время затягиваль посылку войскъ и въ концѣ концовъ такъ и не далъ ихъ. Мих. Силаджи негодовалъ, грозилъ новымъ разрывомъ и конечно дѣлалъ все возможное, чтобы увеличить свою ратную мощь. Несомнѣнно, онъ обращался съ жалобами на племянника и къ своей сестрѣ Елисаветѣ, которая, какъ было указано, сыграла важную роль въ примиреніи ихъ и даже, чтобы умиловитъ брата, сама встрѣчала его за городомъ при вѣздѣ его въ столицу, подчеркнувъ, какъ бы, этимъ свое къ нему расположеніе. Вѣроятно, въ душѣ своей она не одобряла дѣйствій и поступковъ своего 19 лѣтняго горячаго сына и во всякомъ случаѣ цѣнила въ старомъ братѣ и его боевой опытѣ въ борьбѣ съ турками, и его прежнюю преданность себѣ и сыну.

Гдѣ же въ такой обстановкѣ могъ набирать воиновъ въ свою армію Михаилъ Силаджи? Конечно, прежде всего въ южно угорскихъ областяхъ, которыми онъ управлялъ и которыя онъ защищаль отъ вторженія въ нихъ турокъ. А еще гдѣ могъ онъ набирать войско, притомъ такъ, чтобы ему не могъ воспрепятствовать король? Во владѣніяхъ своей сестры, матери короля, которая ему навѣрное предоставила это право, чтобы хотя немного его успокоить и удержать отъ новаго разрыва и отъ гражданской войны, которой Угрія только что едва избѣжала. Благо, здѣсь у нея, на Карпатской Руси, жилъ народъ, извѣстный своими боевыми способностями и готовый навѣрное за извѣстную плату идти въ его войска. Это же въ общемъ намъ подтверждаетъ и Сузи челеби, когда говоритъ: „Силаджи собралъ для своихъ войскъ все, что было лучшаго и доблестнаго въ Валахіи и на Руси“.

Наконецъ, нѣкоторое количество войскъ, быть можетъ, Силаджи получилъ и изъ Эрделя, гдѣ капитаномъ въ то время (1458—59) былъ Иванъ Геребъ, мужъ его другой сестры — Софіи (см. Клаичъ о. с., стр. 143).

Кто же были эти русскіе воины?

Врядъ ли они были бывшіе пастухи и кочевники, какими предполагаетъ Карпаторусовъ въ XV вѣкѣ А. Петровъ⁴⁹). Скорѣе это были люди, знакомые съ ратнымъ дѣломъ и склонные къ нему, разъ Силаджи черезъ какихъ-нибудь нѣсколько мѣсяцевъ сдѣлалъ изъ нихъ „превосходныхъ воиновъ въ кольчугахъ и въ латахъ“, и пустилъ ихъ въ бой.

Посмотримъ, какъ историкъ Сузи челеби описываетъ эти войска.

Вотъ что доноситъ Али бегу о войскахъ Силаджи явившійся къ нему изъ угорскаго лагеря перебѣжчикъ:

„... Михаилъ банъ разыскиваетъ тебя съ 20.000 войска. Это — все превосходные воины, закованные въ латы...“
(А, бейтъ 156).

А вотъ картина послѣ боя:

„... Куда дѣвалось это войско, похожее на желѣзную гору! Оно все смѣшалось съ черной землей“.
(А, бейтъ 185).

и далѣе:

„... Въ бою взята въ плѣнъ тысяча воиновъ, облаченныхъ въ кольчуги. А остальное войско распростерто на землѣ, безсильное и безъ сознанія.
(Б, бейтъ 1080).

По всей вѣроятности, эти облаченные въ кольчуги воины и были внуки тѣхъ подолянъ, которые шестьдесятъ слишкомъ лѣтъ назадъ пришли съ княземъ Θεодоромъ Коріатомъ изъ Подолья въ Угрію и поселены были королемъ Сигизмундомъ, отношенія котораго въ то время съ Польшей были очень натянуты⁵⁰), около Мукачева. Черезъ Мукачевъ проходили пути изъ Польши, и онъ былъ тогда важной пограничной крѣпостью⁵¹).

Поселенные со своимъ княземъ, для охраны границы своей новой родины, подоляне продолжали вѣроятно и послѣ смерти его, изъ рода въ родъ, нести тѣ же обязанности. Они

то, вѣроятно, и дали изъ своей среды бойцовъ для арміи Михаила Силаджи.

Сколько ихъ было въ арміи Силаджи, мы не знаемъ, но, навѣрно, не мало, разъ турецкій историкъ въ двухъ мѣстахъ своей поэмы подчеркиваетъ, „что угорская армія въ бою при Безазисѣ включала валаховъ и русскихъ“. Они составляли, возможно, отрядъ въ нѣсколько тысячъ человекъ.

Откуда ихъ боевая доблесть и слава были извѣстны туркамъ? Очень понятно: изъ прежнихъ побѣдоносныхъ боевъ ихъ съ турками, въ которые ихъ водилъ Янъ Гуниади, владѣвшій Мукачевомъ, какъ мы видѣли, съ 1439 года по самую свою смерть (1456).

Что касается вопроса, на чемъ основывается это свое сообщеніе нашъ турецкій поэтъ, и какъ турки установили присутствіе въ упомянутомъ боѣ русскихъ, то, внѣ всякихъ сомнѣній, личнымъ свидѣтельствомъ этого были попавшіе въ полонъ побѣдителямъ мусульманамъ русскіе воины. Несомнѣнно, большое количество акынджи Али бега Михалоглу было выходцами изъ сербскихъ земель и говорило сербскимъ языкомъ. Поэтому, они безъ особаго труда понимали разговорный русскій языкъ того времени и, быть можетъ, даже плѣнные русскіе были у турокъ переводчиками при допросѣ другихъ плѣнныхъ.

Побѣда при Безазисѣ, какъ мы выше указали, сыграла первостепенную роль въ дальнѣйшемъ развитіи событій на этомъ фронтѣ. Она прежде всего лишила Угрію выдающагося политическаго дѣятеля и полководца, одинаго понимавшаго все значеніе и всю важность для Угріи борьбы со страшнымъ новымъ сосѣдомъ. Если Силаджи и былъ виноватъ самъ въ своей гибели и разгромѣ своей арміи, который, быть можетъ, во многомъ вызванъ его самоувѣренностью и беспечностью, онъ все же со своей стороны сдѣлалъ все возможное, чтобы увеличить и усилить имѣвшіяся въ его распоряженіи боевыя силы. Отъ своего державнаго племянника онъ въ концѣ концовъ такъ и не получилъ никакой поддержки. Его поспѣшность и торопливость со сборомъ войска и выступленіемъ въ походъ вполне понятна и объяснима. Всѣ сроки и такъ были уже пропущены. Кромѣ того, Силаджи, несомнѣнно, спѣшилъ использовать отсутствіе въ Европѣ Мухаммеда II, находившагося съ главными силами на далекомъ малоазійскомъ фронтѣ⁵²). Всѣ расчеты были сдѣланы правильно, но измѣнило боевое счастье, которое, еще такъ сравнительно недавно, улыбалось ему подъ стѣнами Бѣлграда.

Угрія потеряла въ этомъ бою, кромѣ самого Силаджи, еще 20.000 своего отборнаго войска со всей артиллеріей и всѣми боевыми припасами, доставшимися врагу. Султанъ Мухаммедъ имѣлъ открытый путь въ Боснійское королевство;

главная угроза, висѣвшая до сихъ поръ надъ его правымъ флангомъ, была уничтожена. и ничто, какъ показало ближайшее будущее, не мѣшало больше движенію его войскъ на западъ. Побѣда подъ Безазисомъ стратегически вполне вознаграждала его за неудачу въ 1456 г. подъ Бѣлградомъ. Самъ же Матвѣй Корвинъ и впослѣдствіи, за все свое долгое правленіе никогда не проникся идеей, что борьба противъ турокъ для Угрии должна преобладать надъ всѣми другими интересами и потому несетъ главную отвѣтственность передъ исторіей за гибель своей страны на Мухачскомъ полѣ (1526 г.).

Были, конечно, во второй половинѣ XV стол. и другія, кромѣ боя у Безасиса, боевыя встрѣчи на полѣ брани русскихъ съ турками. О нѣкоторыхъ изъ нихъ дошли до насъ историческія свидѣтельства, а о другихъ мы опять можемъ только догадываться.

Такъ напримѣръ, мы находимъ въ такъ называемомъ „Дубницкомъ кодексѣ“, — въ рукописи, хранящейся въ библиотекѣ венгерскихъ графовъ Иллешгази (Illésházy) въ Дубницѣ въ Тренчинскомъ комитатѣ (нынѣ Чехословакія) и содержащей историческую хронику, подъ названіемъ „Сгоника де гестис Hungarorum“, — указаніе на то, что польскій вспомогательный отрядъ въ 2.000 человекъ, присланный польскимъ королемъ Казимиромъ на помощь молдавскому господарю Стефану (1457—1504) и принимавшій участіе въ извѣстной побѣдѣ Стефана надъ турками 10 января 1475 г. (см. Гаммеръ, *Gesch. Osm. Reiches*, т. I, стр. 523 и Йорга, *Gesch. Rumän. Volkes.*, т. I, стр. 349), состоялъ частью изъ русскихъ.

Вотъ какъ гласитъ это свидѣтельство (см. *Jahrbücher der Literatur*“, Вѣна 1826, т. 34, стр. 25):

„...Ipsis itaque diebus Turci, illi immanissimi hostes nostri, ex continua praeda animati, ut accepi in scriptis, cum centenis et viginti millibus paganorum Moldaviam, terram sacrae Coronae subjectam, ea intentione, ut dicitur, quod exinde si victores fuissent, totum Regnum Hungariae invadere procurassent, hostiliter subintrantes, ubi Stephanus Wayuoda Moldaviensis cum Siculis nostris et Wolachys et Ruthenis quantocius coadunatus, et illorum agmine se stipans, eisdem Turcis, tanquam bonus protector patriae et gentis suae, viriliter se opponens in medio regni sui paratus mori pro suis, habito trium dierum et noctium accerbissimo conflictu, Turcos ipsos paene excidio finali tradidisset. Ubi et Bassa vice imperator, sed et alii priores octo Woyvodae, qui ipsi exercitui praefuissent, sine mora capti sunt et detenti, quantos autem captivos quantasve gazas et lucrum ipsi victores exinde habuerunt, nulli est obnubilum“...

Были, навѣрно, русскіе отряды и въ вспомогательномъ

корпусъ, присланномъ въ 1485 г. поляками въ Молдавію для борьбы съ турками (см. Іорга G. R. т. I, стр. 358).

Слѣдующее историческое свидѣтельство о боевомъ столкновѣніи русскихъ и турецкихъ войскъ мы находимъ у анонимнаго турецкаго лѣтописца начала XVI вѣка, фрагменты историческаго труда котораго сохранились въ рукописи № 552 восточной коллекціи Королевскаго Областнаго музея въ Сараевѣ. Рукопись эта была нами открыта и изучена во время нашихъ научныхъ работъ въ Сараевѣ лѣтомъ 1930 года. Лѣтописецъ этотъ, — вѣроятно, лицо близкое ко двору султана Селима Грознаго (1512—1520), или султана Сулеймана Великолѣпнаго (1520—1566), — записывалъ ходъ важныхъ историческихъ событій изъ жизни Османскаго государства, по рассказамъ участниковъ и очевидцевъ ихъ. Языкъ его изложенія—простой, чисто разговорный. Повидимому, онъ точно придерживается переданнаго ему рассказа. Кромѣ того, время отъ времени, онъ въ рассказъ вставляетъ слова: „рассказчикъ передаетъ“, этимъ, какъ-бы, подчеркивая свою роль въ изложеніи историческихъ событій. Лѣтопись очень грѣшитъ въ датировкѣ событій. Ошибки не только въ отдѣльныхъ годахъ, но иногда въ десятилѣтіяхъ и даже вѣкахъ. По всей вѣроятности, это описки позднѣйшихъ переписчиковъ⁵³). Лѣтописецъ заканчиваетъ свою хронику годомъ 1519, когда, очевидно, и былъ законченъ весь трудъ. На листахъ 131-б, 132-а и 132-б упомянутой рукописи помѣщенъ рассказъ о такъ называемомъ „крестовомъ походѣ“ польскаго короля Яна Альбрехта (1492—1501) лѣтомъ и осенью 1497 г. въ Молдавію, о боѣ турокъ съ аріергардомъ польской арміи, при отступленіи ея на Буковину, послѣ неудачной осады поляками Сучавы, и о послѣдовавшихъ затѣмъ въ слѣдующемъ 1498 г. двухъ страшныхъ акынахъ Силистрійскаго паши Бали бега Малкоч оглу на Червонную Русь. Рассказъ этотъ очень наивенъ.

Поляки, при своемъ спѣшномъ отступленіи, предоставили защиту части аріергарда своей арміи отрядамъ изъ Червонной Руси. Турки, преслѣдовавшіе польскую армію, имѣли, поэтому, дѣло прежде всего съ русскими. Узнавъ о національности отряда по взятымъ плѣннымъ, турецкій рассказчикъ, несомнѣнно, участникъ боя, считаетъ и всю остальную армію русской. Самого польскаго короля онъ называетъ въ своей лѣтописи всюду: „Рус-беги“, что мы, сглаживая, переводимъ „властитель Руси“! Въ правильности такого своего предположенія онъ, очевидно, еще болѣе убѣдился въ слѣдующемъ году, когда акынджи нашли, по переходѣ польскихъ границъ, населеніе, называющее себя „русскимъ“.

Но, при всей наивности этого рассказа, онъ очень ин-

тересенъ, такъ какъ онъ сохранилъ намъ достовѣрное свидѣтельство, что, на фонѣ общаго страшнаго разгрома и гибели, при отступленіи, почти всей польской арміи, русскіе отряды съ честью выдержали бой съ самымъ страшнымъ противникомъ—турками. Разсказъ этотъ, будучи записанъ спустя только какихъ-либо 15—20 лѣтъ послѣ событій⁵⁴), передаетъ намъ далѣе рядъ деталей, которыя до сихъ поръ не были извѣстны исторіи.

Прежде чѣмъ привести точный переводъ этого разсказа, мы сочли нужнымъ, для ясности его, привести здѣсь вкратцѣ описаніе всего этого неудачнаго военнаго предпріятія короля Яна Альбрехта, какъ оно представляется теперь въ освѣщеніи исторической науки.

Въ 1494 г. въ Левочѣ (Lenschau) состоялось тайное совѣщаніе сыновей польскаго короля Казимира IV, а именно угорскаго короля Владислава, польскаго короля Яна Альбрехта и великаго князя литовскаго Александра, на которомъ братья, сообща, рѣшили завоевать Молдавію и предоставить ее въ управленіе своему младшему брату Сигизмунду⁵⁵). Приведеніе въ исполненіе этого рѣшенія принялъ на себя польскій король, но, повидимому, при обязательствѣ двухъ другихъ братьевъ всячески помогать ему и поддерживать его въ этомъ общемъ ихъ предпріятіи. Къ этому рѣшенію братьевъ, кромѣ всего прочаго, несомнѣнно побуждала необходимость положить предѣлъ дальнѣйшему проникновенію въ Молдавію турокъ, которые недавно завоевали тамъ черноморскія крѣпости Килію и Бѣлгородъ (Аккерманъ) и все болѣе и болѣе подчиняли себѣ не достаточно сильнаго, чтобы противостоятъ туркамъ, молдавскаго господаря Стефана (1457—1504). Послѣдняго польскій король, къ тому же, считалъ подвластнымъ себѣ, послѣ принесенія присяги на вѣрность Польшѣ въ 1454 г. покойнымъ господаремъ Петромъ⁵⁶).

Незадолго передъ Левочскимъ совѣщаніемъ (въ 1493 г.) Янъ Альбрехтъ возобновилъ на новые три года мирный договоръ⁵⁷) съ султаномъ Баязидомъ II (1481—1512) и, потому, только по истеченіи его, приступилъ къ приведенію въ исполненіе Левочскаго рѣшенія, которое хотя и было направлено главнымъ образомъ противъ молдавскаго господаря, но, несомнѣнно, должно было вызвать сейчасъ же и со стороны турокъ военный отпоръ.

Предпринять крестовый походъ противъ турокъ Яна Альбрехта увѣщевали, кромѣ того, и папа, и венеціанскій дожъ, и валахскій князь Владъ, а можетъ быть, и самъ господарь Стефанъ⁵⁸), который, вѣроятно, вначалѣ ничего не подозрѣвалъ объ истинныхъ планахъ короля, но тяготился присутствіемъ въ своей странѣ турокъ. Чтобы заранѣе объяснить Стефану свои военныя приготовленія, о которыхъ не могли

не узнать молдаване, Янъ Альбрехтъ послалъ къ нему въ качествѣ пословъ своего канцлера Кжеслава изъ Курозвонокъ и Радомскаго кастеляна Подловскаго изъ Пжитыка, которые должны были объяснить господарю Левочское рѣшеніе, какъ желаніе Ягеллончиковъ отомстить туркамъ за гибель въ 1444 г. при Варнѣ ихъ дяди короля угорскаго Владислава и для этого освободить въ первую голову захваченныя турками въ Молдавіи крѣпости и изгнать ихъ окончательно изъ его страны⁵⁹). Посламъ было, кромѣ того, поручено пригласить Стефана поддержать короля и помочь ему въ этомъ его святомъ предпріятіи. Стефанъ, будто бы, подъ присягой, обязался оказать помощь полякамъ, но, изъ боязни передъ турками, обусловилъ, что выступить противъ нихъ не раньше, чѣмъ польская армія станетъ передъ Киліей и Бѣлгородомъ, или, по крайней мѣрѣ, пока онъ не увидитъ ее на берегахъ Дуная. Кромѣ того, Стефанъ гарантировалъ полякамъ свободный проходъ черезъ свою землю и обѣщаль позаботиться о подвозѣ для нихъ съѣстныхъ припасовъ и фуража⁶⁰).

Обезпечивъ, казалось, себѣ такимъ образомъ содѣйствіе Стефана для завоеванія его же страны, король созвалъ „посполитое рушенъе“ и приступилъ къ сбору арміи для выступленія въ походъ. Всего въ 1497 г. польская армія насчитывала около 80.000 человекъ, изъ коихъ 60.000 приходилось на „посполитое рушенъе“, а 20 000 на мазуровъ и прусаковъ. Вся Польша, Русь, Мазовія и самъ гохмейстеръ Іоганнъ фонъ Тиффенъ были призваны королемъ подъ оружіе. Сборъ войскъ былъ назначенъ на первыя числа мѣсяца іюня подъ Львовомъ. Сдѣлавъ здѣсь 26 іюня смотръ войскамъ, король, сопровождаемый своимъ братомъ Сигизмундомъ, выступилъ отсюда съ войскомъ въ походъ, по направленію къ границамъ Молдавіи и, перейдя Днѣстръ подъ Михалчемъ, пошелъ лѣвымъ берегомъ Прута⁶¹).

По современному польскому историку Матвѣю Мѣховскому († 1523), въ войскахъ царилъ развратъ, войско сопровождали многочисленныя женщины, съ которыми шляхта не только ночью, но и днемъ на глазахъ у всѣхъ предавалась сластолюбію. При приближеніи къ молдавскимъ границамъ поляковъ, однако, охватилъ такой страхъ, что часто немногочисленный непріятель обращалъ въ позорное бѣгство многочисленныя польскіе отряды. Шляхта не повиновалась, оставляла поле битвы и дезертировала⁶²).

Уже въ походѣ Янъ Альбрехтъ, будто бы, узналъ отъ своего канцлера Кжеслава, что Стефанъ освѣдомленъ уграми объ его истинныхъ намѣреніяхъ и потому надо опасаться, что онъ призоветъ турокъ и вмѣстѣ съ ними, сообщая, выступить противъ поляковъ.

Но король не обратилъ вниманія на это предостереженіе и лишь послалъ епископа Каменецкаго Матѳея изъ Ломжи къ господарю съ вопросомъ, остается ли онъ вѣренъ принятымъ на себя обязательствамъ, на что, будто-бы, Стефанъ отвѣтилъ утвердительно⁶³). Для исторіи остается загадкой, какъ узналъ Стефанъ о тайныхъ планахъ Яна Альбрехта. По всей вѣроятности, угорскій король Владиславъ и литовскій великій князь Александръ оба должны были въ послѣдній моментъ подѣлиться съ высшею окружающею ихъ знатью свѣдѣніями о принятыхъ ими на себя въ Левочѣ обязательствахъ, равно какъ и о планахъ поставленія въ Молдавіи правителемъ Сигизмунда. Литовскіе бояре, которые чутко прислушивались и считались съ желаніями великаго князя Московскаго Ивана III, союзника и родственника Стефана, отказались поддерживать военной силой Александра⁶⁴). Что касается угорскихъ магнатовъ, то они, очевидно, прямо возстали противъ плана Ягеллончиковъ. Стефанъ молдавскій считался ленникомъ угорской короны и магнаты не захотѣли терять своихъ правъ на Молдавію. Кромѣ того, въ моментъ выступленія въ походъ Яна Альбрехта, король Владиславъ находился въ Чехіи, а замѣнявшій его Стефанъ Заполя (Запольскій) былъ старымъ противникомъ польскаго короля. Запольскій давно въ душѣ негодовалъ на узурпацію угорскаго престола Ягеллонами и мечталъ о немъ для своего сына⁶⁵). Возможно, что именно онъ и увѣдомилъ Стефана объ ожидавшей его участи.

По другой версіи, господаря молдавскаго привело въ смущеніе и внушило ему подозрѣнія о планахъ Ягеллоновъ направленіе, которое взяла польская армія, переправившись черезъ Днѣстръ. Поляки шли прямо на югъ: въ направленіи на Снятинъ и Коцманъ, что отнюдь не подтверждало объявленной королемъ официально цѣли ихъ похода — освобожденія Килии и Аккермана. Когда-же далѣе поляки подошли къ Пруту, переправились черезъ него западнѣе Черновцовъ (вѣроятно около Селенева) и направились къ Серету, у Стефана улетучились послѣднія сомнѣнія и онъ послалъ къ Яну Альбрехту за разъясненіями логофета (молдавскаго канцлера) Іоанна Таутула и вистіарника Исау, которые однако не получили отъ короля успокаивающаго отвѣта, но были закованы въ кандалы и отправлены во Львовъ⁶⁶).

Не беремся рѣшать, какая изъ двухъ версій отвѣчаетъ истинѣ.

Какъ бы то ни было, но Янъ Альбрехтъ долженъ былъ, при вступленіи въ Молдавію, считаться съ совершившимся фактомъ — враждебностью Стефана и призывомъ послѣднимъ къ себѣ на помощь турокъ. Посылка спеціальныхъ гонцовъ, убѣждавшихъ Стефана исполнить взятыя на себя обязатель-

ства, не привела ни къ чему. И королю не оставалось ничего другого, какъ открыто обратить свое оружіе на молдаванъ⁶⁷⁾.

Польская армія медленно наступала, съ трудомъ добывая себѣ провіантъ, и 24 сентября подошла къ резиденціи Стефана — Сучавѣ, обложила ее и начала ее бомбардировать. Самъ Стефанъ отступилъ на югъ къ Роману, сталъ стягивать къ себѣ отряды и всячески препятствовать подвозу и доставкѣ съѣстныхъ припасовъ осаждающей Сучаву польской арміи, звѣрски расправляясь съ попадавшими къ нему въ плѣнъ поляками⁶⁸⁾.

Сама Сучава была незадолго передъ тѣмъ Стефаномъ хорошо укрѣплена и, конечно, деморализованной, недисциплинированной польской арміи не подъ силу было овладѣть ею. Расчетъ Яна Альбрехта на измѣну и отложеніе отъ господаря молдавскихъ бояръ не оправдался. Оставленный безъ поддержки своими двумя братьями, обманувшійся во всѣхъ своихъ расчетахъ, страдающій отъ злокачественной лихорадки, полученной имъ въ болотахъ рѣки Сучавы, окруженный вышедшей изъ повиновенія и дезертирующей шляхтой, Янъ Альбрехтъ дѣйствительно очутился въ критическомъ положеніи. Неизвѣстно, пытался ли онъ даже при такихъ обстоятельствахъ штурмовать Сучаву⁶⁹⁾.

Между тѣмъ Стефанъ, какъ мы знаемъ теперь, усиленный незначительнымъ по числу отрядомъ турокъ, всего только въ какихъ-нибудь 800 человекъ⁷⁰⁾, вѣроятно, усиленно распускалъ слухи о прибытіи къ нему на помощь большой турецкой силы, чѣмъ еще больше дезорганизовалъ и безъ того бунтовавшую и требовавшую возвращенія назадъ шляхту. Послѣдній ударъ нанесли прибывшіе на помощь господарю семиградскіе угры. Начальникъ ихъ семиградскій воевода Варѳоломей Драгффи прибылъ въ лагерь короля и, подъ угрозой объявленія Угріей Польшѣ войны, потребовалъ немедленнаго отхода польской арміи изъ Молдавіи⁷¹⁾.

Что оставалось теперь дѣлать несчастному королю, какъ не подчиниться этому требованію, обезпечивъ себѣ, по возможности, безпрепятственный, гарантированный отъ всѣхъ случайностей отходъ къ границамъ своего государства.

Для этого онъ передалъ Стефану, повидимому, большой выкупъ⁷²⁾, послѣ чего воевода обязался королю не чинить его арміи никакихъ препятствій при ея отступленіи.

Но господарь, повидимому, отнюдь не считалъ себя связаннымъ принятыми только что на себя обязательствами. Для сохраненія видимости, онъ только предоставилъ первый почетный ударъ, изъ-за угла въ спину, туркамъ, которыхъ, какъ мы увидимъ изъ вновь найденнаго нами турецкаго свидѣтельства, онъ самъ тотчасъ же послалъ въ догонку за от-

ступавшими поляками. Пристрастно поэтому, вѣроятно, заключеніе Іорги, объясняющаго нарушеніе Стефаномъ принятаго на себя обязательства виной самихъ поляковъ, реквизировавшихъ при отступленіи у мѣстнаго населенія припасы, грабившихъ при этомъ жителей и тѣмъ, какъ-бы, нарушившихъ вновь заключенный договоръ⁷³).

Польская армія въ теченіе 4 дней (19—22 октября) снималась съ лагеря изъ подъ Сучавы. У польскаго историка Тадеуша Корзона⁷⁴) мы находимъ подробное описаніе этого отступленія, равно какъ и страшнаго разгрома польской арміи 26 октября 1497 г. въ буковинскихъ лѣсахъ соединенными силами молдаванъ, угровъ и турокъ. Нашъ анонимный турецкій лѣтописецъ даетъ намъ новыя, интересныя данныя объ участіи турокъ въ этомъ дѣлѣ.

Согласно Корзону, польская армія отступала четырьмя отдѣльными колоннами въ слѣдующемъ порядкѣ. Въ первой колоннѣ шли великополяки. Вторую колонну, выступившую на другой день, составляли королевская конница и королевскіе обозы, среди которыхъ находился самъ больной король и его братъ Сигизмундъ. Въ третьей колоннѣ отступала шляхта малопольская и русская. Въ четвертой колоннѣ шло посполитое рушенье, наиболѣе, повидимому, разложившееся за время похода⁷⁵).

Отсылаемъ интересующихся подробностями гибели польской арміи въ буковинскихъ лѣсахъ къ труду упомянутаго польскаго историка и только дадимъ здѣсь нѣсколько подробностей о той части сраженія, гдѣ помѣрялись своими силами русскіе и турки⁷⁶). Какъ увидимъ, среди полнаго развала и дезорганизаціи, русскіе съ честью вышли изъ выпавшаго имъ на долю испытанія и не только не были разгромлены страшнымъ врагомъ, но побѣдоносно вышли изъ боя, отбивъ врага и нанеся ему тяжелый уронъ.

Турки у входа въ какое-то ущелье неожиданно напали на русскіе отряды, отступавшіе, по Корзону, въ третьей колоннѣ и сразу же отбили у нихъ нѣсколько возовъ. Русскіе, хотя и были застигнуты врасплохъ, однако не растерялись и, сдвинувъ вокругъ возы, начали изъ-за нихъ отстрѣливаться. Бой былъ, очевидно, долгій и упорный, при чемъ, конечно, обѣ стороны понесли большой уронъ. Турки, очевидно, ходили въ атаку на позицію русскихъ и бой велся холоднымъ оружіемъ, такъ какъ въ схваткѣ турецкій военачальникъ субаши⁷⁷) Насухъ-бегъ-оглу лишился одной руки. Въ концѣ концовъ турки, чтобы выйти изъ тяжелаго положенія, въ которое они попали, вынуждены были отступить. Доказательствомъ большихъ потерь русскихъ служить, отчасти, гибель ихъ главнаго воеводы Николая Тэнчинскаго, павшаго въ этотъ день со многими другими представителями высшей польской аристократіи⁷⁸).

Вслѣдъ за турками напали на отступавшихъ поляковъ молдаване и угры. Они разстрѣливали въ упоръ изъ-за густого лѣса блестящую польскую кавалерію. Подъ густымъ дождемъ стрѣль молдаванскихъ крестьянъ гибла застигнутая врасплохъ и безпомощная въ густомъ лѣсу пышная польская шляхта. Въ этотъ день польское дворянство понесло страшныя потери и въ память этого несчастнаго похода въ польскомъ народѣ сложилась пословица: „*Za króla Olbrachta wuginęła szlachta*“, то есть: „при королѣ Альбрехтѣ погибла шляхта“⁷⁹).

28 октября остатки польской арміи съ королемъ прибыли къ Черновцамъ, а оттуда далѣе продолжали безславный свой путь на родину.

По возвращеніи, Янъ Альбрехтъ въ винѣ и попойкахъ старался потопить свою злобу и печаль о гибели всѣхъ своихъ надеждъ и плановъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приступилъ къ конфискаціи имущества шляхты, чтобы наказать ее за непослушаніе въ походѣ, самовольное оставленіе поля битвы, дезертирство и т. д.⁸⁰).

Но короля, несомнѣнно, тревожили политическія послѣдствія этого неудавшагося военнаго выступленія и онъ дѣлалъ все возможное, чтобы прійти къ соглашенію съ уграми и обезпечить себѣ вновь поддержку своего брата Владислава. Послѣднему, конечно, не легко было склонить свой сенатъ къ возможнымъ уступкамъ Польшѣ⁸¹).

Особенно пугала короля позиція, которую займетъ султанъ Баязидъ. Срокъ перемирія съ турками истекъ, и со стороны турокъ можно было ожидать всего.

По просьбѣ Яна Альбрехта, Владиславъ послалъ спеціального посла къ Баязиду II, какъ посредника для возобновленія мира Турціи съ Польшей. Посоль этотъ долженъ былъ представить султану нападеніе Польши на Молдавію, какъ нарушеніе верховныхъ правъ Угрии, такъ какъ крѣпости Килія и Бѣлгородъ являлись коронными землями Угрии.

Но интервенція эта не привела ни къ чему.

Посылалъ, кажется, Янъ Альбрехтъ и самъ посла въ Стамбуль — нѣкоего Стрижевскаго, предлагая султану возобновить истекшее трехлѣтнее перемиріе, но Баязидъ перемирія не принялъ.

Въ то же время в. князь Александръ, вѣроятно, то же по просьбѣ Яна Альбрехта, послалъ къ Ивану III посла Ив. Сапѣгу, который увѣдомилъ в. князя Московскаго о томъ, что 60.000 турокъ перешло Дунай и просилъ отъ имени Александра помощи. Иванъ помощь обѣщаль, но просилъ „указать земли, на которыя пойдетъ тое поганство“⁸²).

Между тѣмъ султанъ Баязидъ смѣнилъ Силистрійскаго санджак-бега, недѣятельнаго и стараго Месихъ пашу и назна-

чилъ на его мѣсто энергичнаго и боевого Бали бега Малкоч-оглу⁸³).

Чась турецкаго мщенія за неудачную польскую авантюру наступаль! Къ несчастью, расплата за чужіе грѣхи пала на несчастный русскій народъ, который поплатился разореніемъ своихъ домовъ и очаговъ и гибелью десятковъ тысячъ своихъ сыновъ и дочерей, частью звѣрски умерщвленныхъ дикими турецкими акынджи, частью угнанныхъ и проданныхъ турками въ далекое рабство на чужбинѣ.

Бали бегъ Малкоч-оглу совершилъ въ 1498 году два страшныхъ акына на Червонную Русь. Эти турецкіе набѣги не были, насколько знаемъ, подробно разработаны исторической наукой. Польскіе историки обыкновенно говорятъ о нихъ кратко и мимоходомъ. Другіе ученые, на примѣръ, неоднократно уже здѣсь цитировавшійся нѣмецкій историкъ Яковъ Каро и нѣмецкій-же историкъ Іосифъ фонъ Гаммеръ, знатокъ турецкой исторіи, не всегда точно расшифровываютъ искаженные въ турецкой передачѣ русскія названія городовъ и мѣстностей Червонной Руси.

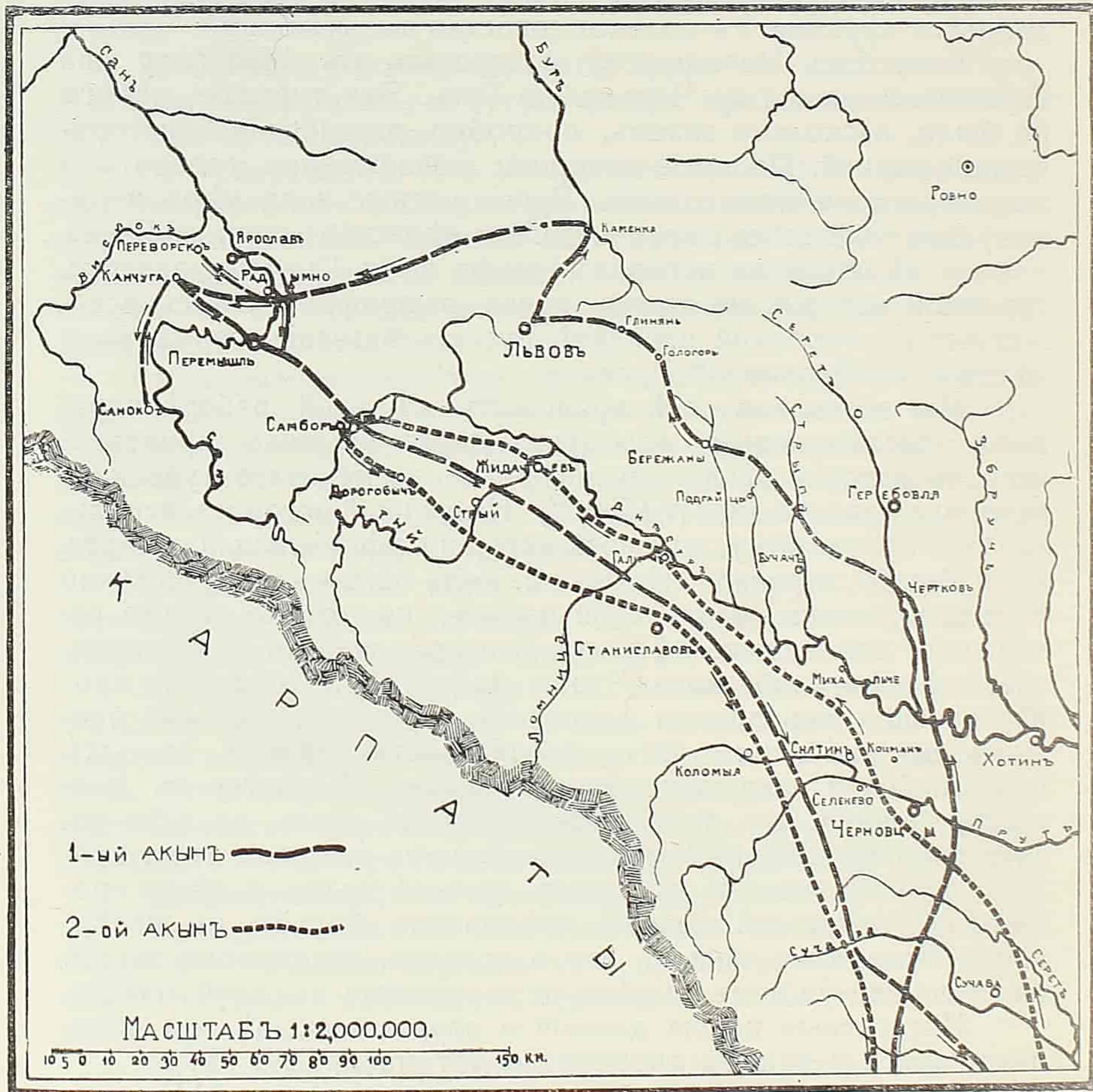
Мы позволили себѣ приложить къ этой работѣ переводъ описанія перваго изъ этихъ двухъ акыновъ, приведеннаго въ исторіи „Тадж-уль теварихъ“ знаменитаго турецкаго историка Саад-уд-дина († 1599)⁸⁴). Названный историкъ использовалъ, повидимому, въ своей исторіи официальный рапортъ Бали бега о первомъ его акынѣ. Бали бегъ въ общемъ точно и подробно описываетъ свой набѣгъ, но только иногда намѣренно, для пуцаго эффекта, гипперболически преувеличиваетъ факты и объекты. Чтобы подчеркнуть трудность произведеннаго имъ похода и важность проведенныхъ имъ боевыхъ операцій, онъ часто увеличиваетъ значеніе взятыхъ имъ съ боя и разрушенныхъ городковъ и мѣстечекъ. Возможно однако, что такое преувеличеніе было позднѣе сознательно проведено самимъ-же Саад-уд-диномъ, дабы придать больше значенія побѣдамъ правовѣрныхъ и тѣмъ пробудить у читателей желаніе продолжать борьбу съ невѣрными. Вспомнимъ только, что о второмъ неудачномъ акынѣ на Русь Саад-уд-динъ совсѣмъ не упоминаетъ въ своей исторіи.

Интересныя новыя данныя о второмъ акынѣ мы находимъ опять у нашего анонимаго лѣтописца XVI вѣка.

На прилагаемомъ при семъ чертежѣ (стр. 114) нами отмѣчены направленія обоихъ акыновъ Бали бега. На немъ же мы можемъ прослѣдить и движеніе отряда господара Стефана, который со своей стороны предпринялъ тоже карательную экспедицію на Галицію.

Вотъ въ какой формѣ, по современнымъ источникамъ, вылились эти оба страшные турецкіе набѣга, которые, какъ бичъ божій, обрушились на многострадальную Русь.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1498 года Бали бегъ съ 40.000 акын-
джи выступилъ изъ Силистріи въ походъ⁸⁵⁾. Господарь
Стефанъ, по предварительному уговору, заготовилъ для ту-
рецкаго войска продовольствіе и фуражъ и далъ ему про-
водниковъ, которые провели турокъ къ границамъ Польши,
но не черезъ свою страну, а черезъ сосѣднюю Валахію, чтобы
не подвергать свою землю риску разоренія, при проходѣ силь-
наго, но коварнаго союзника.

Районъ акыновъ Бали бега Малкоч-оглу въ 1498 году.

Перейдя Днѣстръ, акынджи взяли и разорили Черт-
ковъ, Березжаны, Голыгоры и Глиняны, но не смогли, ка-
жется, взять сильно-укрѣпленнаго Львова. Отъ Львова они
повернули на сѣверо-востокъ и взяли Каменку на Бугѣ, а
затѣмъ подошли къ Радымну. У Радымна главныя турецкія

силы остались на отдыхъ, а мелкіе отряды были посланы грабить и разорять окрестности. Одинъ изъ этихъ отрядовъ взялъ и разорилъ Переворскъ. Отдохнувъ у Радымна, Бали бегъ съ главными силами перешель къ Канчугъ, гдѣ опять сталъ лагеремъ. Отсюда на югъ былъ посланъ къ Саноку для грабежа и сбора добычи съ небольшимъ отрядомъ воевода Хасанъ. Добыча, взятая въ русскихъ городахъ и селеніяхъ, и число плѣнныхъ были такъ велики, что Бали бегъ не смогъ продолжать далѣе акына и возвратился обратно, перейдя съ трудомъ Санъ и ограбивъ на обратномъ пути Перемышль и Ярославъ. Для взятія послѣдняго имъ былъ выдѣленъ особый отрядъ. Турки оставляли за собой всюду пустошь и разрушеніе. Всѣ дороги были завалены изуродованными трупами; всѣ селенія широко кругомъ на равнинѣ и на склонахъ горъ были сравнены съ землей. По образному выраженію одного очевидца, тамъ, гдѣ прошли акынджи, обыкновенно долгіе годы не пѣлъ больше пѣтухъ.

Вѣсть о вторженіи акынджи достигла Кракова 17 мая. Страхъ и ужасъ охватили поляковъ. Столица стала спѣшно укрѣпляться⁸⁶), но несчастное населеніе Руси было предоставлено самому себѣ, такъ какъ посполитое рушеніе собралось уже послѣ ухода турокъ⁸⁷). Спротивленіе, на которое натолкнулся въ походѣ Бали бегъ, было оказано ему исключительно мѣстными гарнизонами и отрядами.

Вслѣдъ за турками вторгся въ Галицію молдавскій господарь Стефанъ и грабилъ, и разорялъ пограничныя области. Ему приписывается захватъ Теробовли и умерщвленіе тамъ всѣхъ жителей, вынужденіе подъ угрозами смерти контрибуціи въ Бучачѣ, сожженіе Подгаецъ и ограбленіе окрестностей Галича⁸⁸).

За такую ревностную помощь и службу Стефанъ (котораго теперь румыны называютъ „Великимъ“) былъ пожалованъ султаномъ почетнымъ халатомъ на собольемъ мѣху, двухбунчужнымъ знаменемъ и кукой, то есть разукрашеннымъ перьями шлемомъ⁸⁹). Но радость господаря не была продолжительна, и онъ еще въ томъ же году получилъ возмездіе за свою измѣну христіанскому дѣлу.

Въ довершеніе всѣхъ несчастій, въ іюль того же года, очевидно, по предварительному соглашенію съ турками, вторглись на Подолье и Галичину татары и опять залили ее кровью⁹⁰).

Наконецъ не прошло и двухъ мѣсяцевъ, по возвращеніи изъ похода Бали бега, какъ онъ, упоенный богатствомъ добычи и легкостью ея захвата, вновь испросилъ у султана Баязида разрѣшеніе на новый акынъ въ ту же, только-что опустошенную имъ Червонную Русь. Этотъ второй набѣгъ Бали бега окончился трагически для акынджи. Болѣе поло-

вины ихъ (около 40.000 чел.) нашло себѣ смерть на чужой землѣ подъ сугробами снѣговъ Галиціи, Молдавіи и Болгаріи. Благодаря тому же, вновь открытому нами, турецкому лѣтописцу XVI вѣка, намъ теперь извѣстна причина неудачи этого рокового похода.

Между двумя вождями и предводителями акынджи престарѣлымъ Али бегомъ Михаль-оглу⁹¹⁾, героемъ вышеописанной нами побѣды при Безазисѣ, и Бали бегомъ Малкоч-оглу началась распря, повидимому, въ виду подчиненія султаномъ перваго второму во вновь разрѣшенномъ набѣгѣ на Русь.

Чѣмъ была вызвана эта распря и ссора, мы можемъ только предполагать. Али бегъ былъ старше по лѣтамъ и вѣроятно заслуженнѣе Бали бега. Уже въ прежнихъ акынахъ онъ стоялъ выше Бали бега. Напримѣръ, еще въ несчастномъ для турокъ акынѣ въ 1479 г. на Семиградье, въ которомъ участвовали, среди другихъ 12 пашей, и Али бегъ, и Бали бегъ, послѣ смерти въ бою при Кенуег Mezö главнокомандующаго Исы бега Хасанъ бегъ-оглу, верховное командованіе надъ всѣмъ войскомъ и другими пашами перешло къ Али бегу⁹²⁾. Уже въ этомъ акынѣ ссоры и распри между пашами мѣшали единству операціи и очень возможно, что зародышъ вражды между двумя нашими пашами заложенъ былъ уже въ то время. Несомнѣнно, что акыны, въ случаѣ ихъ удачи, приносили главнокомандующему огромныя богатства. Вѣроятно, Али бегъ тайно въ душѣ претендовалъ на то, чтобы новый, второй акынъ въ 1498 на Червонную Русь былъ султаномъ переданъ ему, а не Бали бегу, который только что вернулся изъ акына на ту же страну, принесшаго ему богатую добычу. Матеріальное положеніе Али бега въ то время было неблестяще. Приблизительно за пять лѣтъ передъ этими событіями угорскіе воеводы Павелъ Кнезь (Кинижи) и Варѳоломей Драгффи ранней весной 1493 г., воспользовавшись отсутствіемъ самого Али бега, напали съ отрядами легкой конницы на два его замка на правомъ берегу Дуная вблизи Смедерева и увезли оттуда всѣ сокровища, собранныя старымъ вождемъ за всю его долгую жизнь⁹³⁾. Послѣ этого престарѣлый Али бегъ, не чувствуя себя болѣе въ безопасности на берегахъ Дуная, переселился со своей семьей въ Плевну, обосновался тамъ и занялся спасеніемъ своей души, принявшись за постройку мечети и другихъ богоугодныхъ учрежденій⁹⁴⁾.

Безъ сомнѣнія, всѣ эти начинанія требовали большихъ расходовъ, и онъ поэтому, вѣроятно, рассчитывалъ поправить свое матеріальное положеніе акыномъ на Русь.

Тѣмъ не менѣе, султанъ Баязидъ, у котораго Али бегъ вообще былъ въ большомъ почетѣ⁹⁵⁾, предпочелъ поручить

этотъ акынъ Бали бегу, только что вернувшемуся изъ такого-же акына и уже знакомому съ тѣми краями, и который къ тому же имѣлъ всѣ права на званіе сердара (главнокомандующаго), такъ какъ состоялъ санджакбегомъ Силистрійскимъ, въ чьи обязанности, какъ мы видѣли, входила защита и охрана сѣверной турецкой границы отъ поляковъ⁸³).

Правильно ли это наше предположеніе о причинахъ распри двухъ воеводъ, или здѣсь было своего рода мѣстничество, изъ за котораго Али бегъ вообще не хотѣлъ быть подъ Бали бегомъ, но Али бегъ въ послѣдній моментъ отказался итти въ акынъ на Русь: самъ не пошелъ и не пустилъ подвѣдомственныхъ ему акынджи.

Бали бегу пришлось самому созывать болгарскихъ, сербскихъ, боснійскихъ, а можетъ быть и другихъ еще акынджи, на что онъ потерялъ много времени.

Мы знаемъ изъ описанія современника⁹⁶) обстановку, въ которой проходилъ сборъ акынджи на акынъ:

.....„Обыкновенно воевода, задумавъ акынъ въ какую-нибудь страну, посылалъ особаго гонца къ султану, испрашивая соотвѣтствующее разрѣшеніе. Гонецъ, получивъ отъ султана разрѣшеніе, тотчасъ же, не теряя времени, начиналъ повсюду кликать кличъ, называя имя сердара и страну, куда направлень будетъ акынъ. При этомъ онъ обыкновенно кричалъ: „будете отведены въ землю (имя рекъ), возьмете тамъ въ полонъ много мужей, женъ и наградите другого всякаго добра“. Акынджи, обычно, слыша, какъ онъ хвалитъ акынъ, веселились и съ воинственными криками, немедленно собравшись въ походъ, отправлялись въ опредѣленное мѣсто, гдѣ ихъ ждалъ сердаръ“.....

Принявъ во вниманіе недостатки путей и трудности сообщенія того времени и всю эту процедуру созыва въ походъ, мы легко поймемъ, что, изъ за отказа Али бега, Бали бегъ опоздалъ на 1—2 мѣсяца съ выступленіемъ въ акынъ.

Это опозданіе и было причиной всей послѣдующей катастрофы.

Для скорости и сокращенія пути Бали бегъ на этотъ разъ пошелъ не черезъ Валахію, какъ весной, а прямымъ путемъ черезъ Молдавію. Господарь не заготовилъ, повидимому, на этотъ разъ припасовъ, и потому акынджи пограбили молдаванъ и разорили ихъ землю, чѣмъ они, по выраженію нашего анонимнаго турецкаго лѣтописца, „сильно озлобили противъ себя жителей, досадивъ имъ до глубины души“.

Ворвавшись неожиданно въ Червонную Русь, Бали бегъ пошелъ теперь южной гористой ея частью, дойдя до самыхъ истоковъ Днѣстра⁹⁷). Онъ велъ на этотъ разъ съ собой, по сравненію съ весной, почти двойное количество акынджи, а

именно 70.000 человекъ⁹⁸), очевидно, привлеченныхъ слухами о награбленныхъ весной богатствахъ и количествѣ полоняниковъ, которые высоко цѣнились на азіатскихъ рынкахъ.

Вся страна была снова оставлена безъ всякой защиты, войска отсутствовали и акынджи могли безъ всякаго страха грабить, жечь и убивать беззащитное населеніе⁹⁹).

Стояль ноябрь на дворѣ, и Бали бегъ, очевидно, торопился. Онъ разорилъ и ограбилъ область городовъ Галича, Жидачева, Самбора и Дорогобыча¹⁰⁰). Награбивъ опять огромныя богатства и набравъ плѣнныхъ, онъ выступилъ въ обратный путь.

Вдругъ неожиданно въ пути сталъ падать густой снѣгъ, а послѣ этого ударилъ страшный морозъ.

Непривыкшіе къ морозамъ, плохо одѣтые, акынджи съ трудомъ шли въ глубокомъ снѣгу и замерзали. Чтобы согрѣться, они вспарывали брюхо конямъ и залѣзали въ горячія, дымящіяся на морозѣ утробы¹⁰¹). Все было напрасно. Какъ въ 1812 году французы, турки гибли тысячами, покрывая своими трупами русскую землю. Къ довершенію ихъ несчастья, у нихъ изсякли всѣ припасы и начался голодъ. По сообщенію польскихъ историковъ, до 40.000 акынджи нашло себѣ смерть въ снѣгахъ Галиціи.

Но на этомъ не прекратились испытанія Бали бега.

Стефанъ Молдавскій, озлобленный грабежами акынджи при проходѣ ихъ черезъ его землю, теперь собралъ войско и не хотѣлъ на обратномъ пути пускать ихъ въ свои предѣлы. Акынджи съ боемъ пробили себѣ путь, но молдаване уничтожили всѣ припасы, и голодъ среди акынджи продолжался.

По выходѣ изъ Молдавіи турокъ настигла новая волна холода. Поднялся страшный буранъ и ударилъ большой морозъ. Стало нестерпимо холодно. У акынджи почти не осталось лошадей и они, рассказываетъ нашъ анимный лѣтописецъ, должны были брести пѣшкомъ.

Жалкіе остатки войска Бали бега вернулись обратно, причемъ у многихъ были отморожены конечности и они остались навсегда калѣками.

Изъ перваго своего акына на Русь Бали бегъ Малкочоглу привелъ 10.000 полоняниковъ¹⁰²). Мы не знаемъ, довели ли онъ ихъ изъ втораго акына, или изъ-за стужи они замерзли въ пути, и были перебиты турками. Во всякомъ случаѣ, выступая въ обратный путь, онъ велъ ихъ, вѣроятно, не меньше, а можетъ быть и больше, такъ какъ акынджи участвовали на сей разъ въ двойномъ количествѣ, а каждый стремился захватить дорогую добычу.

По разсказу очевидца¹⁰³), всѣ области Оттоманской имперіи въ Европѣ и Азіи были въ началѣ XVI вѣка заполнены

польскими (читай русскими) рабами. Въ большомъ количествѣ эти рабы поставлялись, правда, и татарами, вывозившими ихъ черезъ свои черноморскіе порты.

На основаніи всего изложеннаго мы можемъ теперь подвести итоги, сколько стоила въ XV-омъ столѣтіи русскому народу борьба съ турками османами, и какія страшныя потери моральныя и матеріальныя понесъ онъ въ ней.

Каждому русскому человѣку извѣстно, во что обошлась эта борьба нашему народу въ послѣдующее время и особенно въ послѣдніе три вѣка, когда весь объединенный русскій народъ началъ бороться за свое великое будущее и сталъ по праву требовать себѣ мѣсто и положеніе среди другихъ народовъ. У великаго объединеннаго народа велико—будущее и велики — права на него.

Въ XV-мъ же столѣтіи сѣверная часть русскаго народа, — какъ мы это уже отмѣтили въ самомъ началѣ этой работы, — находилась по отношенію къ южной своей части пока еще въ противоположной политической, международной группировкѣ, и въ силу этого принуждена была вести, для великой идеи объединенія съ нею, противоположную и часто, быть можетъ, даже на первый взглядъ ущербную для нея политику. Но и тогда уже лучшіе передовые люди на югѣ понимали, цѣнили эту политику сѣвера и помогали ей. Мы видѣли, напримѣръ, какъ литовскіе бояре, — въ большинствѣ русскіе, — помѣшали своему великому князю добить господаря Стефана, союзника и свойственника великаго князя московскаго

Чтобы закончить эту работу, скажемъ еще нѣсколько словъ о первыхъ встрѣчахъ въ концѣ XV вѣка на политическомъ полѣ сѣверной Московской Руси съ имперіей турокъ османовъ.

Въ 1492 г. впервые великое княжество московское вошло въ дружественное, но пока отдаленное еще соприкосновеніе съ имперіей Османа. Иванъ III черезъ своего союзника Крымскаго хана Менгли-Гирея освѣдомился у Баязида II о приѣмѣ, который могли бы встрѣтить въ Царьградѣ его послы и его торговые люди, на что Баязидъ далъ Менгли-Гирею отвѣтъ: „если князь Московскій — твой братъ, то онъ — братъ и мнѣ“. 31 августа 1492 г. Иванъ III уже писалъ султану Баязиду грамоту, въ которой заступался передъ нимъ за своего друга Менгли Гирея, оклеветаннаго въ чемъ то у послѣдняго ¹⁰⁴).

Три года спустя прибылъ въ Стамбуль, съ рекомендательными грамотами Менгли Гирея, первый русскій посоль

Михайло Андреевичъ Плещеевъ, чтобы исхлопотать у султана въ его царствѣ безопасность передвиженія и торговли для московскихъ торговыхъ людей.

Но такъ какъ въ данномъ ему наказѣ было указано, чтобы онъ строго соблюдалъ достоинство вел. князя; чтобы султану и его сыну шах-заде Мехмеду правилъ поклонъ, стоя, а не на колѣняхъ; въ своихъ рѣчахъ непосредственно обращался къ султану, а не къ пашамъ; не уступалъ мѣста другимъ посламъ и т. д., — то, на этомъ основаніи, Плещеевъ отказался принять подарокъ отъ пашей — почетный халатъ, не хотѣлъ ѣхать къ нимъ на обѣдъ и не взялъ десяти тысячъ оттоманскихъ денегъ, назначенныхъ ему на содержаніе. Баязидъ отпустилъ Плещеева ласково, но жаловался на невѣжду въ своемъ письмѣ на имя Менгли-Гирея.

Черезъ четыре года появился второй русскій посоль Александръ Голохвастовъ. Онъ привезъ вѣрительныя грамоты на имя самого султана и его сына Мехмеда, намѣстника въ Кафѣ (Феодосія). Его сопровождало большое количество русскихъ купцовъ, и ему было поручено исхлопотать для нихъ новыя торговыя льготы. Между прочимъ ему было приказано заявить: „Великій князь не вѣдаетъ въ чемъ Вы обвиняете бывшаго у Васъ Россійскаго посла Михаила Плещеева, но знайте, что многіе государи шлютъ пословъ къ нашему, чтущему ихъ и жалующему ради своего имени: султанъ въ томъ можетъ удостовѣриться опытомъ“¹⁰⁵).

Такой опытъ былъ произведенъ османами въ ближайшемъ же будущемъ. Намѣстникъ въ Кафѣ Шах-заде (царевичъ) Мехмедъ († 1504) послалъ въ 1503 году своимъ посломъ въ Москву своего молодого племянника, — сына своей сестры Сельджуки, Хусрефъ бега, который былъ очень ласково принятъ Иваномъ III и даже удостоился [быть приглашеннымъ къ столу въ личныя палаты къ великому князю¹⁰⁶).

Такія попытки сближенія съ Турціей со стороны Ивана III были, конечно, предприняты, между прочимъ, и въ связи съ описанными выше двумя акынами Бали бега Малкоч-оглу, которые сильно ослабили Польшу.

Извѣстно, что Иванъ III черезъ своихъ пословъ передавалъ Менгли Гирею, что у Москвы съ Литвой прочнаго мира быть не можетъ, пока московскій князь не воротитъ своей отчизны — всей Русской земли, что за Литвой; что борьба будетъ перемежаться только перемиріями для возстановленія силъ, чтобъ перевести духъ.

Такъ же очевидно думалъ и смотрѣлъ Иванъ III и на свои отношенія съ Польшей. Не даромъ вѣдь онъ первый показалъ открыто европейскому политическому міру притязательный титулъ: „Государя всея Руси“¹⁰⁷).

Приложение № 1.

Русский перевод отрывка летописи анонимного турецкого историка XVI-го столетия о „Крестовомъ походѣ“ польскаго короля Яна Альбрехта въ 1497 году на Молдавію, о боѣ турокъ съ русскимъ отрядомъ, шедшимъ въ арьергардъ польской арміи, при отступленіи ея послѣ неудачной осады Сучавы, и о послѣдовавшихъ затѣмъ въ 1498 году двухъ „акынахъ“ (конныхъ набѣгахъ) турецкаго полководца Бали-бега Ма коч-оглу на Червонную Русь.

(См. рукопись № 552 восточной коллекціи Королевскаго Областного Музея въ Сараевѣ лл. 131^в, 132^а и 132^в.)

...Въ то время султанъ Баязидъ II имѣлъ пребываніе въ Царьградѣ. Въ это время властитель Руси послалъ къ воеводѣ Молдавіи посла, который заявилъ ему: „или будь со мной заодно противъ турокъ, или я иду на тебя!“ Молдаванинъ отвѣтилъ: „Турокъ захватилъ всѣ мои крѣпости, сколько ихъ у меня было! Приходи ко мнѣ сюда и скорѣй возьми себѣ Бѣлгородъ и Кицію, чтобы я смогъ тебѣ подчиниться!“

Тогда властитель Руси собралъ войско и, придя, сталъ злоумышлять противъ Бѣлгорода.

Молдаванинъ, хотя и зналъ, что (Силистріійскій) паша ничего не подозреваетъ (о его переговорахъ), все же собралъ войско, (пояснивъ властителю Руси): „это — для того, чтобы мнѣ снова не стать его (паши) врагомъ“.

Разказчикъ передаетъ: — Въ то время бегомъ въ Силистріи былъ Месихъ паша. Молдаванинъ послалъ къ нему нарочнаго челоуѣка съ сообщеніемъ: „Будь, дескать, освѣдомленъ о томъ, что на тебя идетъ русское войско“.

Месихъ паша, къ сожалѣнію, не соблаговолилъ лично самъ заняться этимъ дѣломъ. Но былъ у него су-баши, по имени Насухъ-бегъ-оглу. Онъ (паша) повелѣлъ собрать отрядъ въ 800 челоуѣкъ и, поставивъ этого су-баши начальникомъ этого отряда, послалъ его на помощь молдаванину.

Между тѣмъ съ той (сѣверной) стороны пришло въ Молдавію русское войско. Молдаванинъ, тоже собравъ свое войско, выступилъ навстрѣчу русскимъ, но при этомъ заявилъ: „я тебѣ не врагъ, но что дѣлать? Турокъ пришелъ съ большимъ войскомъ! Ты считайся только съ кознями паши“.

Въ отвѣтъ на это русский сказалъ: „Послушай! Ты говоришь, что не идешь противъ меня! Такъ, зачѣмъ-же ты привелъ съ собою противъ меня турокъ?“

Молдаванинъ на это отвѣтилъ: „Ничего объ этомъ знать не знаю, и вѣдать не вѣдаю! Турокъ со мною не совѣтуется! А ты немедленно уходи, откуда пришелъ. Если ты останешься эту ночь до утра здѣсь, то будетъ плохо!“

Русский, растерявшись, сталъ умолять молдаванина, говоря: „Удержи ты турка, чтобы онъ не напалъ на меня!“

Молдаванинъ возразилъ: „если ты просишь, чтобы (турокъ) не напалъ на тебя, то скорѣй пришли намъ денегъ, дабы я переслалъ ихъ ему. Въ противномъ случаѣ, добавилъ онъ, ни тебѣ, ни мнѣ не сдобровать!“

Русский увидѣвъ, что дѣло зашло далеко, послалъ молдаванину возъ флориновъ (червонцевъ) подъ охраной конной шляхты, добавивъ къ тому еще много другихъ даровъ. (Послѣ этого русский сталъ отступать). Тотъ-же (молдаванинъ) немедленно бросился за нимъ въ догонку.

Разказчикъ передаетъ: Правовѣрные воины, провѣдавъ объ этомъ, притянули къ отвѣту молдаванина и заявили ему: „Мы слышали, что ты отъ русскаго получилъ деньги. Русский былъ нашей добычей, а ты далъ ему возможность бѣжать“.

Молдаванинъ отвѣтилъ: „Деньги не пропадутъ, а вы немедленно догоните его и нажмите на него съ тылу“.

Между тѣмъ русскіе, отступая, подошли къ одному ущелью.

Неожиданно эти восемьсотъ челоуѣкъ правовѣрныхъ, подкравшись,

напали на задніе ряды русскихъ и, нажавъ, захватили у нихъ нѣсколько возовъ.

Русскіе, видя свое положеніе, сдвинули (вкругъ) въ одно мѣсто свои возы и (засѣвъ за ними) начали бой.

Русскихъ былъ большой отрядъ, а правовѣрныхъ только 800 человекъ! Многіе изъ нихъ были ранены, а другіе положили свой животъ за вѣру. Въ этомъ бою Насухъ-бегъ-оглу лишился одной руки.

Въ виду тяжелаго своего положенія, правовѣрные прекратили бой и, отступивъ, ушли.

Это случилось въ 903 году по гиджрѣ.

Когда Султанъ Баязидъ узналъ объ этомъ походѣ русскихъ, онъ страшно разгнѣвался, смѣнилъ Месихъ пашу и отдалъ Силистрійскій санджакъ въ управленіе Бали бегу Малкоч-оглу, при чемъ поручилъ ему акынъ на Русь.

Пройдя Валахію, акынджи ворвались въ предѣлы (Червонной) Руси. Они взяли огромную добычу, и разорили и сожгли всю страну. Затѣмъ они благополучно возвратились въ родные края.

Это произошло тоже въ 903 году по гиджрѣ.

(Вскорѣ послѣ этого) Бали бегъ снова, вторично испросилъ акынъ на Русь. Султанъ Баязидъ присоединилъ къ нему румелійскихъ акынджи, а его назначилъ сердаромъ (главнокомандующимъ) надъ всѣмъ войскомъ. Такимъ образомъ онъ подчинилъ ему и Али бега Михал-оглу.

На основаніи этого Бали бегъ Малкоч-оглу кликнулъ кличъ на акынъ.

Однако, въ послѣдній моментъ, со стороны Али бега Михал-оглу встрѣтились затрудненія въ присоединеніи его съ его отрядами къ Бали бегу Малкоч оглу. Али бегъ, заупрямившись, и самъ не пошелъ на акынъ и своихъ людей въ срокъ не прислалъ.

Но пока Бали бегъ собиралъ эти отряды, ушло много времени, и потому войско съ запозданіемъ снялось со своихъ мѣстъ.

Акынджи, выступивъ въ походъ, прошли серединой Молдавіи, но при этомъ (своими дѣйствіями) сильно возбудили противъ себя жителей этой страны.

Продолжая походъ, они разграбили и опустошили русскія области. Съ награбленной добычей и плѣнными они двинулись (наконецъ), въ обратный путь.

(Между тѣмъ) наступила суровая зима. Стужа захватила ихъ еще въ тѣхъ (русскихъ) краяхъ. Къ тому-же и провіанта у нихъ не оставалось.

Акынджи захотѣли снова пройти серединой Молдавіи. Однако, по рассказамъ, уже ранѣе (идя въ акынъ), они, проходя Молдавію, сильно озлобили противъ себя жителей ея, досадивъ имъ до глубины души.

Въ этотъ разъ на Молдавской землѣ собралось большое войско, и молдаване не дали имъ свободнаго прохода черезъ свою страну. Когда акынджи все-же, прибывъ, вступили въ предѣлы Молдавіи, молдаване все уничтожили и ни одному изъ нихъ не дали съѣстныхъ припасовъ.

Когда правовѣрные минувъ границы Молдавіи, продолжали путь далѣе, поднялся страшный буранъ и сталъ падать снѣгъ. Ударилъ большой морозъ и стало нестерпимо холодно.

Много правовѣрныхъ погибло. У акынджи почти не осталось коней, и очень многимъ изъ нихъ пришлось брести пѣшкомъ. У пѣшихъ-же отъ мороза у однихъ ноги отмерзли, у другихъ уши отпали...

Приложеніе № 2.

Русскій переводъ отрывка исторіи „Тадж-уль-Тевáрихъ“ турецкаго историка Саад-уд-дина, извѣстнаго подъ именемъ „Ходжа-эфенди“ († 1599), о первомъ „акынѣ“ (конномъ набѣгѣ) весной 1498 года турецкаго полководца Бали бега Малкоч-оглу на Червонную Русь.

(См. печатное издан. исторіи „Тадж-уль-Тевáрихъ“, Стамбуль, 1280/1863, т. II, стр. 81—85).

... Согласно высочайшему повелѣнію, (ранней весной 1498 г.) Бали бегъ Малкоч-оглу приступилъ къ сбору войскъ. Затѣмъ во главѣ 40.000 всадниковъ, сверкающихъ блестящимъ оружіемъ и собравшихся подъ сѣнью обвѣянныхъ славою знаменъ, онъ выступилъ изъ мѣста своей резиденціи (Силистріи) и, перейдя черезъ Дунай, вступилъ въ предѣлы Молдавіи. Воевода послѣдней (Стефанъ), въ качествѣ союзника, выступилъ навстрѣчу этому знаменитому борцу за исламъ и воздалъ ему всяческой почетъ и уваженіе. По обычаю, онъ снабдилъ его заготовленнымъ для арміи продовольствіемъ и фуражемъ, а равно далъ проводниковъ для сопровожденія войска черезъ свою землю.

Прибывъ къ противоположной границѣ Молдавіи, правобѣрные подошли къ рѣкѣ Днѣстру (тур. Турла)¹⁰⁸). Такъ какъ черезъ нее нельзя было перейти безъ моста, то они разыскали суда и, скрѣпивъ ихъ канатами и ремнями, соорудили такимъ образомъ прочный мостъ, по которому и перешли. Затѣмъ, послѣ ряда дневныхъ переходовъ и приваловъ, они вступили въ предѣлы Польши.

Старшій сынъ главнокомандующаго Бали бега — Али бегъ былъ оставленъ позади, для охраны арьергарда арміи, — а младшій сынъ его Туръ-Али бегъ¹⁰⁹) шелъ впереди побѣдоносныхъ войскъ. Руководимый Всемилюстивѣйшими указаніями Свыше, Бали бегъ проникъ вглубь польскихъ владѣній. Онъ разрушилъ тамъ знаменитыя крѣпости и благоустроенные города, повергъ ихъ въ прахъ и потопталъ ихъ копытами коней своихъ безстрашныхъ удальцовъ. (Вотъ перечень этихъ городовъ и крѣпостей).

1) Укрѣпленный замокъ Чертковъ (тур. „Коркова“) ¹¹⁰), который былъ выстроенъ, въ цѣляхъ обороны, врагами на быстрой рѣкѣ, трудной для переправы. Онъ закрывалъ доступъ на мостъ, (единственное, казалось), мѣсто для перехода. Мостъ былъ закрытъ разнаго рода подготовительными по защитѣ сооруженіями и защищенъ при входѣ пушками съ жерлами, похожими на пасть драконовъ. Удальцы, собравъ свѣдѣнія, нашли мѣсто, гдѣ можно было черезъ рѣку перебраться вплавь, и быстро переплыли ее. Затѣмъ они закололи мечами воиновъ, работавшихъ надъ укрѣпленіемъ моста и походившихъ скорѣе на демоновъ, чѣмъ на людей. Ворвавшись послѣ страшной рукопашной схватки въ крѣпостцу, они перебили гарнизонъ, взяли въ полонъ начальника его и захватили большую добычу.

Изъ наконечниковъ копій побѣдоносныхъ воиновъ,

Какъ изъ огня, летятъ искры въ страну враговъ!

2) Они вступили затѣмъ въ область безграничныхъ полей. Посреди нихъ лежалъ прудъ, на подобіе большого озера, вокругъ котораго по берегамъ было расположено нѣсколько значительныхъ городовъ¹¹¹). Быстро овладѣвъ ими, они устремились къ главному изъ нихъ. Городъ этотъ былъ окруженъ водами этого озера и переправа къ нему была невозможна. Обыскивая тщательно окрестности города и каналовъ, молодцы нашли въ густомъ лѣсу прочный мостъ, по которому перешли на крѣпостную сторону. Лишь только начальники города замѣтили, что мусульманское войско стремительно переправляется черезъ каналъ, они начали, по заранѣе обдуманному плану, готовиться къ отпору и бою. Но нѣкоторые изъ защитниковъ, павъ духомъ, внезапно бросились бѣжать вразсыпную, удирая въ сторону замка. Преслѣдуя ихъ по пятамъ, правобѣрные подошли вплотную къ замку и, такъ какъ ворота были открыты, то проникли внутрь стѣнъ. Ведя ожесточенный бой какъ внутри замка, такъ и внѣ его, они наконецъ справились съ невѣрными и вскорѣ овладѣли всѣмъ замкомъ. Завладѣвъ затѣмъ сокровищами, они подожгли зданія замка, которыя были сооружены изъ дерева и досокъ и распустили пепель по вѣтру. 3) Далѣе они направились къ сильной крѣпости Голагоры (тур. „Голагуры“) ¹¹²) и къ замку Глиняны (тур. „Глибани“) ¹¹³). Здѣсь они замѣтили, что презрѣнные невѣрные — жители этихъ двухъ сильныхъ крѣпостей, опасаясь безстрашныхъ борцовъ за дѣло ислама, покинувъ свои жилища и насиженныя гнѣзда, погрузивъ свои сокровища

и свои пожитки, увозили ихъ. Правовѣрные немедленно послали за ними въ погоню людей, которые захватили ихъ имущество и семьи. Грѣшныя же души остальные они отправили къ праотцамъ, а замокъ и окружающую его ограду сожгли. 4) Послѣ нѣсколькихъ переходовъ они подошли къ красивому городу, окруженному садами и огородами, извѣстному подъ именемъ Львова (тур. Или). Въ немъ былъ дворецъ короля — его чудная резиденція. Городъ этотъ былъ также мѣстомъ жительства богачей этого края. Въ то время какъ жители, (узнавъ о приближеніи акынджи), погрузивъ свои пожитки и добро, собирались укрыться со своими семьями и домочадцами въ пещерахъ (близъ лежащихъ горъ)¹¹⁴), неожиданно появились навстрѣчу имъ правовѣрные, которые захватили все, что нашли и королевскія сокровища и всякій хламъ. Они говорили, что всѣ эти безчисленные товары и добро были, какъ-бы, заготовлены въ подарокъ имъ — гордымъ удальцамъ, каждый изъ коихъ былъ награжденъ судьбой сверхъ всѣхъ своихъ пожеланій. Такъ какъ захватить этотъ городъ и овладѣть имъ было трудно, то правовѣрные подожгли его, а его жителей, извѣстныхъ своей честностью и способностями¹¹⁵), отвели въ плѣнъ.

5) Затѣмъ они прибыли къ благоустроенному городу по имени Камянка¹¹⁶) (тур. „Чананча“ или „Джананджа“). Этотъ городъ былъ расположенъ на обширномъ лугу, съ котораго несся чудный весенній ароматъ, веселящій и радующій сердца. Красивые сады раскинулись по всей окрестности его, посреди же города течетъ большая рѣка, черезъ которую переправа безъ моста весьма затруднительна. Такъ какъ мостъ былъ занятъ отрядами воинственнаго непріятеля, преграждавшими путь и закрытъ безчисленными баррикадами, то правовѣрные спѣшно, но съ большимъ трудомъ и рискомъ переправились черезъ рѣку вплавъ и перебили храбрыхъ защитниковъ города, оборонявшихъ переходъ черезъ мостъ. Затѣмъ они взяли въ плѣнъ ихъ семьи и домочадцевъ, а городъ сожгли. 6) Былъ уже вечеръ, когда грозное войско внезапно окружило дворецъ съ (красивымъ) въѣздомъ и террасами, принадлежавшій гнуснымъ невѣрнымъ. Исламское конное войско стало на отдыхъ бивуакомъ (здѣсь), въ окрестностяхъ мѣстности по имени Радымно (тур. „Радиминъ“) ¹¹⁷). На разсвѣтъ, оглядѣвъ ворота и стѣны (Радыминскаго) замка, мусульмане увидѣли, что этимъ замкомъ трудно и даже невозможно овладѣть безъ большого войска. Поэтому, безъ колебанія, они отказались отъ этой мысли; а отобрали отряды для грабежа и сбора добычи по окрестностямъ той мѣстности. Были выбраны (для этой цѣли) изъ всего войска храбрѣйшіе джигиты и посланы въ разныя стороны подъ командой Туръ-Али бега — (младшаго) сына (главнокомандующаго) Бали бега (Малкоч-оглу) и Бали бега, сына Яхья паши¹¹⁸). Самъ же сердаръ Бали бегъ остался на отдыхъ въ этомъ дворцѣ (подъ Радымно) и сталъ здѣсь поджидать возвращенія посланныхъ отрядовъ.

Туръ-Али бегъ взявъ съ боя городъ Переворскъ (тур. Перерска)¹¹⁹) и отвелъ въ плѣнъ оставшихся въ живыхъ его жителей. Замокъ онъ поджегъ, а окрестности его предалъ мечу и огню. На третій день онъ снова предсталъ предъ очи отца съ добытыми дарами, слишкомъ, пожалуй, обильными, даже для придворныхъ вельможъ. На слѣдующій день присоединился къ побѣдоносному войску, не щадящему живота во славу вѣры и пророка, и сынъ Яхья паши, тоже съ несмѣтной добычей.

(7) Пройдя черезъ упомянутую выше мѣстность¹²⁰), они подошли къ нѣкому городу, окрестности котораго были благоустроены и вокруг котораго широко были разбросаны села. Какъ и въ предшествующемъ случаѣ, отсюда были посланы во всѣ стороны акынджи, а сама армія оставалась на мѣстѣ, поджидая ихъ возвращенія. Бали бегъ выбралъ (теперь) изъ всего войска воеводу Хасана — человѣка большой храбрости, — котораго и послалъ съ отрядомъ румелійскихъ богатырей въ нѣкоемъ направленіи. Послѣдній на разстояніи одного дня пути нашель на широкой равнинѣ¹²¹) семьсотъ убогихъ жилищъ подлыхъ кяфировъ. Тѣхъ изъ этихъ невѣрныхъ, которые ни на что, кромѣ смерти, не были пригодны, онъ отпра-

вилъ на жительство въ адъ, тѣхъ же, которые годились для услуженія, онъ забралъ въ плѣнъ.

(8) Рассказываютъ, что побѣдоносное войско оказалось настолько переобремененнымъ накопившейся громадной добычей, что было трудно нагружать и возить эту массу добра и это огромное количество вьюковъ и груза. Поэтому Бали бегъ сталъ подумывать, какъ бы ему незамѣтно выйти за предѣлы досягаемости злобнаго врага, продолжая однако на пути возвращенія разорять и сжигать встрѣчающіеся города и села противника. Такъ какъ этотъ планъ, безъ сомнѣнія, долженъ былъ быть принятъ сочувственно какъ старшими, такъ и младшими его соратниками, Бали бегъ направилъ нить своихъ мыслей на (поиски) выхода въ долину безопасности и повернулъ возжи всей операциі въ сторону возвращенія. Въ это время неожиданно пришла вѣсть, что на пути, намѣченномъ для возвращенія, лежитъ большая рѣка, которую, для достиженія намѣченной задачи, необходимо перейти. Переправа черезъ эту рѣку, однако, безъ моста, невозможна. Между тѣмъ король, полный злобныхъ козней, приказалъ разрушить и сжечь мостъ. (Донесли также, что) на противоположномъ берегу находится огромное ущелье, черезъ которое, если оно останется въ настоящемъ своемъ состояніи, передвиженіе войска будетъ затруднено. По плану короля, — да погибнетъ онъ, — жители преградили единственное мѣсто въ ущельи, черезъ которое можно было пройти. Они сильно укрѣпили ущелье, забросавъ его землею и камнями, и заваливъ удобопроходимыя мѣста большими деревьями¹²²).

Бали бегъ, когда услышалъ эту вѣсть, еще болѣе укрѣпился въ первоначальномъ своемъ рѣшеніи. Въ цѣляхъ сооруженія (новаго) моста, онъ отправилъ заблаговременно впередъ упомянутаго выше воеводу Хасана съ его храбрыми молодцами. Послѣдній, путемъ крайнихъ усилій, приготовилъ необходимый матеріалъ, раздобылъ нужные инструменты и соорудилъ мостъ, по которому можно было переправиться черезъ рѣку. Тогда подошелъ со всѣмъ правовѣрнымъ, побѣдоноснымъ войскомъ и Бали бегъ и перешелъ по этому мосту рѣку. Для овладѣнія тѣмъ ущельемъ онъ назначилъ особый отрядъ. Зная хорошо, что эта задача будетъ не легкая, Бали бегъ лично отправился (съ отрядомъ) и провелъ два дня въ узкомъ ущельѣ среди горъ, чтобы наконецъ открыть черезъ него путь для войска.

Закаленные въ бояхъ борцы за вѣру ударами топоровъ и бердышей вырубили начисто густой непроходимый лѣсъ и открыли (новый) проходъ черезъ ущелье. Злодѣи же, которымъ была поручена охрана ущелья, охваченные паническимъ страхомъ, бѣжали безъ оглядки.

Съ Божьей помощью правовѣрное войско минуло это тѣсное ущелье и, съ ликующими сердцами, высоко поднявъ побѣдоносныя знамена, руководимое Свыше, отбило повторныя атаки врага. Когда же наконецъ правовѣрные окончательно вышли изъ этихъ полныхъ гибели тѣснинъ на веселую открытую равнину, тогда въ точности исполнились слова, заключающіяся въ священномъ стихѣ корана:

... „и вернулись они изъ похода, удостоенные милости Аллаха и награжденные богатыми дарами, и никакое несчастье не постигло ихъ“ ...¹²³)

Сдѣлавъ нѣсколько дневныхъ переходовъ, правовѣрные снова выдержали въ нѣкоемъ ущельѣ бой съ врагами ислама, изъ котораго опять вышли побѣдителями. Правда, много храбрыхъ (борцовъ за вѣру въ Единого Бога) нашло себѣ тогда вѣчный покой въ чужой землѣ, но и со стороны презрѣнныхъ кяфировъ ни одинъ человекъ не вырвался живымъ.

Послѣ этого главнокомандующій приказалъ Мустафѣ бегу, — сыну Касима бѣга — съ 500 удальцовъ предать все вокругъ огню и мечу. Не успѣлъ Мустафа бегъ, отдѣлившись отъ правовѣрной арміи, сдѣлать 1—2 дневныхъ перехода, какъ выдержалъ въ двухъ мѣстахъ бой съ врагами. Въ обоихъ, съ помощью Всеблагото Творца, побѣда досталась правовѣрнымъ воинамъ. Затѣмъ Мустафа бегъ попалъ въ край, гдѣ города были благоустроены, а села широко разбросаны вокругъ. На пути его слѣдованія оказалась глубокая рѣка, переправа черезъ которую тяжела¹²⁴). На мосту, пе-

реброшенномъ черезъ нее, стояло 1.500 невѣрныхъ, отлично вооруженныхъ и готовыхъ къ бою.

Испросивъ у пророка Мустафы ¹²⁵⁾ помощи и защиты, Мустафа бегъ вступилъ въ бой съ этими негодями и вражеской кровью окрасилъ въ алый цвѣтъ глубокія воды этой рѣки. Одержавъ въ концѣ концовъ надъ ними побѣду и пройдя черезъ мостъ, онъ разграбилъ городъ по имени Ярославъ (тур. Ярашлавъ) Тамъ онъ завладѣлъ церковью, полною золота, серебра, серебрянныхъ фигуръ и священныхъ книгъ. Затѣмъ, безъ потерь, но съ большой добычей, онъ присоединился къ главнымъ силамъ арміи.

Тогда главнокомандующій войсками, вознося благодарственныя молитвы за помощь Всеблагому Творцу, выступилъ въ (обратный) путь ¹²⁶⁾ по направленію къ крѣпостямъ Килии и Бѣлгороду, которыя являются пограничными опорными пунктами Османской имперіи.

Отдѣливъ въ крѣпости Килии (для отправки моремъ), пятую часть добычи, причитающуюся по закону Высочайшему Повелителю ¹²⁷⁾, Бали бегъ Малкоч-оглу распустилъ по домамъ свои побѣдоносныя войска.

Страну Ляховъ сжегъ онъ и разрушилъ!

Въ полномъ благополучіи возвратилось войско и разошлось!

Примѣчанія и поясненія.

1) Особенно, если принять во вниманіе эмигрантскія условія работы и невозможность потому розыска болѣе обширныхъ матеріаловъ.

2) Ключевскій, „Курсъ русской исторіи“, ч. II, 2 изд., Москва, Госиздат., 1923, стр. 131—135.

3) А. Петровъ, „Древнѣйшія грамоты по исторіи Карпаторусской церкви и іерархіи 1391—1498 г.“, Прага, 1930, стр. IX—XI и 80—84.

4) Iorga, „Geschichte d. Rumänischen Volkes“, Gotha, 1905, т. I, стр. 306. (Діе цитирую эту работу, какъ „GRV“). Dlugosz, „Hist. Polon.“, Краковъ, 1877—78, т. IV, lib. XI, р. 354—59 и Hammer, „Gesch. d. Osman. Reiches“, Pesth, 1834, т. I, стр. 331—32. (Далѣе цитирую, какъ „GOR“). Неизвѣстно изъ кого состояли польско-литовскіе отряды, принимавшіе участіе въ войнѣ съ турками въ 1428 году. Мы можемъ однако судить о національности этихъ отрядовъ по описанію состава польскихъ войскъ, снаряженныхъ для намѣчавшейся борьбы съ турками въ 1426 и 1476 год. (см. Dlugosz, op. cit., т. IV, lib. XI, р. 342—43 и т. V, lib. XII, р. 646—47. Ср. тоже Уляницкій, „Матеріалы для исторіи взаимныхъ отношеній Россіи, Польши, Молдавіи, Валахіи и Турціи въ XIV—XVI в.в.“, 1887, стр. 28 и 29). Въ обоихъ случаяхъ были посылаемы отряды изъ Червонной и Холмской Руси и Подолья. Очевидно для борьбы съ турками Польшей и Литвой посылались, главнымъ образомъ, отряды изъ ближайшихъ южныхъ русскихъ областей. Въ 1429 г. состоялся съѣздъ европейскихъ монарховъ въ Луцкѣ на Волыни, обсуждавшій какія мѣры требуется предпринять противъ надвигавшейся на Европу турецкой грозы. На съѣздѣ присутствовали литовско-рус-

скій князь Витовтъ, польскій король Ягелло, нѣмецкій имп. Сигизмундъ, король Даніи Эрикъ VII, магистры прусскій и ливонскій, ханъ Крымскій (вассаль Витовта), господарь Молдавскій, папскій легать и наконецъ послы Визант. императора Іоанна VII. Важныхъ результатовъ съѣздъ не далъ, ввиду противоположности политическихъ интересовъ его участниковъ. См. Таубе, „Международный конгрессъ на Волыни въ XV в.“, Русскій Вѣстникъ, 1898 (апрѣль) и Грушевскій, „Исторія Польско Литовской державы“, въ „Исторіи Украины Руси“, Кіевъ 1907, т. IV, стр. 154—155 и 464—466.

5) Jan Dąbrowski, „Władisław I Jagiellonczyk na Węgrzech“, Rozprawy historyczne Towarzystwa Naukowego Warszawskiego, Варшава, 1923, т. II, стр. 164 и Długosz, op. cit., т. IV, lib. XII, p. 708—733.

Намекъ на участіе русскихъ въ походъ короля Владислава можно найти въ грамотѣ великаго князя Свидригайла Ходору и Игнату Чоботамъ, данной имъ въ Луцкѣ 3 марта 1445 г. (Влад. Розовъ, „Южнорусскія грамоты“, I, № 80). Грамота, какъ видно изъ ея даты, написана уже послѣ гибели Владислава, но считаетъ его еще живымъ. Такимъ образомъ извѣстіе о разгромѣ при Варнѣ еще не успѣло достигнуть Волыни. Составлена она на основаніи грамоты самого несчастнаго короля, являющейся такимъ образомъ, по сообщенному намъ мнѣнію Вл. Розова, однимъ изъ послѣднихъ изданныхъ имъ актовъ. Повидимому, она была написана уже на походъ противъ турокъ, гдѣ-нибудь въ Южной Венгріи, Валахіи или даже Болгаріи. Это предположеніе подтверждается анализомъ языка грамоты Свидригайла, сильно отличающагося отъ языка не только его собственныхъ актовъ, но и отъ языка русскихъ документовъ, исходившихъ изъ канцеляріи польскихъ королей и литовскихъ князей. Очевидно, особенности языка Свидригайловой грамоты стоятъ въ зависимости отъ ея оригинала, изданнаго Владиславомъ. Между тѣмъ эти особенности состоятъ изъ ряда южнославянизмовъ, типичныхъ для письменнаго славянскаго языка тѣхъ мѣстностей, черезъ которыя двигался во время своего послѣдняго похода несчастный король. Такимъ образомъ Ходоръ и Игнатъ Чоботы, представители Волынской шляхты, выступавшіе на „заволанную войну“ съ двумя стрѣльцами, сопровождали Владислава въ этомъ походѣ, но, по какимъ то причинамъ, вернулись съ пути домой раньше роковой битвы при Варнѣ.

6) Maciej Strykowski, „Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiej Rusi“. Warszawa, 1841, z. I, str. 235, гдѣ говорится слѣдующее: „Isidorus albo Sidor metropolit Kijowski, który ono był cardinalem na synodzie w Florencyi, od Eugeniusa papieża uczyniony, zebrawszy niemalo zlachty i rycerstwa

Ruskiego, przebil się przez wielkie wojska Tureckie i przyszedł był na pomoc Paleologowi cesarzowi do Konstantinopola...". См. то же. Engel. „Geschichte der Ukraine und der ukrainischen Cosaken“, Halle, 1796, стр. 35. А. Петровъ называетъ (ор. с. стр. 180) Стрыйковскаго „совершенно некритичнымъ“, хотя и признаетъ, что „онъ собралъ много разнаго матерьяла, также и изъ уже исчезнувшихъ нынѣ источниковъ“. О Исидорѣ см. то же Голубинскій, „Исторія русск. церкви“, т. II, 1-я пол., Москва, 1900, стр. 431—433.

7) Нѣтъ подтвержденій свѣдѣнія объ участи русскихъ въ защитѣ Константинополя, ни у М. Стасюлевича: „Осада и взятіе Византіи турками“, (Учен. Зап. II отд. И. Ак. Наукъ Спб., 1854, кн. I, стр. 65—176).

Не нашли мы подтвержденія этому ни у И. Срезневскаго: „Повѣсть о Цареградѣ“, (та-же книга Уч. Зап. И. А. Н. стр. 99—137), въ коей онъ приводитъ старинное современное русское сказаніе о взятіи турками этого города. Быть можетъ эта наличность замѣчательныхъ и важныхъ русскихъ воспоминаній о взятіи Цареграда, „возможно написанныхъ даже очевидцами“, могла бы косвенно подтверждать свидѣтельство М. Стрыйковскаго (ср. В. Unbegaun, „Les relations vieux russes de la prise de Constantinople“. Rev. des Et. Slaves, Paris, 1929, т. IX, str. 19—20 и 25—31).

Кардиналъ Исидоръ прибылъ въ Византію изъ Рима черезъ Хиосъ, — вмѣстѣ съ Хиосскимъ митрополитомъ Леонардомъ, 50 итальянцами и латинскими наемниками съ Хиоса, — въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1452 г.; 12 го декабря онъ отслужилъ въ Св. Софіи торжественную обѣдню съ упоминаніемъ на ней имени папы (см. Стасюлевичъ, ор. с., стр. 99—100). Чѣмъ онъ занимался затѣмъ съ половины декабря 1452 г. по апрѣль 1453, неизвѣстно. Конечно, за это время онъ могъ успѣть моремъ съѣздить въ Польшу и вернуться съ отрядомъ польскихъ и русскихъ дворянъ обратно, тѣмъ болѣе, что ему пришлось съ ними уже пробиваться черезъ осаждавшія городъ войска. Необъяснимымъ остается во всякомъ случаѣ замалчиваніе византійскими историками Франтцой и Дукой этого событія.

8) Hammer, GOR, т. I, стр. 411. Кинегій (звѣринецъ) находился на берегу Золотого Рога, рядомъ съ Влахерной, у начала городской стѣны, упирающейся въ Зол. Рогъ. Это на югъ отъ нынѣшней мечети и кладбища Эйюба. Отсюда позиціи Исидора шли берегомъ Золотого Рога въ направленіи къ нынѣшнему Фанару. Кромѣ коренныхъ византійцевъ, въ оборонѣ столицы принимали участіе 2.000 иностранцевъ, отъ 3 до 5 сотенъ генуэзцевъ подъ начальствомъ знатнаго Іоанна Лонгуса изъ фамиліи Юстиніани (см. Hammer, GOR, т. I, стр. 401). Кто же составлялъ отрядъ кардинала Исидора? Были ли

это только итальянцы, привезенные имъ съ Хиоса, или также поляки и русскіе, прибывшіе съ нимъ изъ Польши?

9) Julian Pelesz, „Geschichte d. Union d. ruthenischen Kirche mit Rom“, Wien, 1878, стр. 375.

10) Alphonse Guérin, „Saint Josaphat“, Paris, 1897, стр. LXXXIV.

11) Engel, op. c., стр. 36.

12) Hammer, GOR, т. I, стр. 441—443.

13) Что значить: „поэма о побѣдоносныхъ походахъ противъ невѣрныхъ Али бега Михал-оглу“.

14) Hammer, GOR, т. I, стр. 481.

15) Подробности см. въ нашей статьѣ „Suzi Ćelebija iz Prizrena, turski pjesnik-istorik XV—XVI vijeka“, Glasnik Skopskog naučnog Društva, 1933.

16) Михал-оглу, Михал-заделер, или какъ ихъ въ Босніи называли „Михайловичи“, были въ родствѣ съ Палеологами и претендовали на таковое же, по женской линіи съ герцогомъ Савойскимъ и съ королемъ Франціи. Ср. Paolo Giovio: „Michalogli di sangue Turchesco e per via di donna si fa parente del Duca di Savoia e del Re di Francia“. Михал оглу вмѣстѣ съ Малкоч-оглу, Эвренос-оглу, Тимурташ-оглу и Турахан-оглу считались самыми древними, знаменитыми и благородными родами Османской имперіи. См. Encyclopédie de l'Islam, т. I, стр. 423, и т. III, стр. 568—9. Дальше цитирую этотъ трудъ, какъ: EI.

17) Михаль Михайль=Μιχαήλ=Michael (alias „Köse Михаль“, что значить по турецки „Михайло съ жидкой бородежкой“) былъ въ родствѣ съ Палеологами. По принятіи ислама онъ получилъ имя „Абдулла ибн Азизъ“, но сохранилъ до смерти свое христіанское имя и передалъ его, какъ фамильное, всѣмъ своимъ наслѣдникамъ. Подробности см. въ нашей статьѣ: „Tko je zapravo bio Đerđelez Alija“, Zbornik za narodni život i običaje južnih Slavena, Zagreb 1933, knjiga XXIX sv. 1, str. 18—37, а также Hammer, GOR, т. I, стр. 66, 73—75 и 84—85.

18) См. EI, т. I, стр. 243, и Hammer, GOR, т. I, стр. 99.

19) Ср. „Турска историја Мијајла из Острвице“, Гласник Србског Ученог Друштва, Београд, 1865, кн. 1, стр. 172—175.

20) Мы сохранили для обозначенія этого боя названіе мѣстности, которое приводитъ Hammer (см. GOR, т. I, стр. 481): „Bezazis“. Оно наиболѣе похоже на имя „Базьяшъ“, которое носитъ нынѣ та мѣстность, около которой, по всей вѣроятности, произошелъ этотъ бой. Придворный лѣтописецъ короля Матвѣя Корвина Anton Bonfinius называетъ мѣсто этого боя въ своемъ трудѣ „Regum Hungaricarum Decades“, Lipsiae, 1771, стр. 556 и 595, то „Bozazin“, то Pozazin—V. Klaić, „Povjest Hrvata“, Zagreb, 1904, т. II, ч. 3, стр. 25 и 102, предпола-

гаеть, что мѣстность эта находилась на правомъ берегу Дуная, гдѣ лежитъ село Пожежена. Это не точно.

21) Берлинская рукопись № 1468 насчитываетъ всего 1.700 бейтовъ (двустийшій). Загребская № 5351/1 — 212 бейтовъ. Мы пользовались при настоящей работѣ фотокопией берлинской рукописи, которая хранится въ архивѣ Югославянской Академіи подъ № 1131. При цитированіи мы обозначаемъ загребскую рукопись какъ А, а берлинскую какъ Б. Нами предполагается изданіе въ ближайшемъ будущемъ текста и перевода обоихъ фрагментовъ.

22) См. I o r g a, GRV, стр. 343.

23) Ср. цитированный уже трудъ: „Турска историја Мијајла из Острвице“, стр. 152.

24) Извѣстный угорскій полководецъ, а послѣ правитель Угорскаго Королевства Янъ Гуниади (Янко Хуняди † 1456), удачно воевавшій противъ турокъ и нанесшій имъ нѣсколько тяжелыхъ поражений. Турки называютъ его въ современныхъ лѣтописяхъ не иначе, какъ „Мальунъ Янко“, что значитъ „проклятый Янко“. Въ югослав. фольклорѣ онъ извѣстенъ подъ именемъ „Сибинянинъ Янко“.

25) Mihali Szilagyı. Имя это передается различно въ транскрипціи, какъ „Силаджи“, „Силаги“ и „Силади“. Въ старыхъ памятникахъ находимъ М. Силаджи подъ именемъ „Силоход (?) Михаль“ (См. Ист. Миј. из Острв., стр. 131), а также Silojađević, Svilojađević, Svilajović и Svilojević. Въ югослав. фольклорѣ онъ извѣстенъ подъ именемъ „Svilojević“ или „Черный банъ Михаилъ“ (см. Maretić, „Naša narodna epika“, Zagreb, 1909, стр. 181—2).

26) W. Frankoj, „Mathias Corvinus König v. Ungarn“ Freiburg, 1891, стр. 39. Дальше цитируемъ эту книгу, какъ „МС“.

27) V. Frankoi, „Szilagyı Mihali, Matias kiraly nagybattyja“, Budapest, 1913, стр. 128—130. Вотъ, что мы здѣсь находимъ: „Письмо Венеціанскаго посланника въ Будимѣ о первомъ мятежѣ М. Силаджи не сохранилось“. Въ другомъ своемъ письмѣ отъ 1 августа венеціан. посланникъ сообщаетъ о „постоянныхъ большихъ и тяжелыхъ разногласіяхъ изъ-за важныхъ соображеній“. Однако онъ не указываетъ, какія это соображенія. Дальше приводимъ этотъ трудъ, какъ „SM“.

28) Ср. I o r g a, Gesch. Osman. Reich., Gotha, 1909, т. II, стр. 106. Дальше при ссылкахъ цитируемъ этотъ трудъ, какъ „GOR“. Ср. тоже M o n. Hung. Hist., IV, стр. 12, 16—17, 20, 28, 65—66. Тоже F r a n k o i, „МС“, стр. 66, гдѣ говорится, что уже лѣтомъ 1458 г. Мих. Силаджи лелѣялъ, для удовлетворенія своего честолюбія, планъ присвоить себѣ титулъ сербскаго деспота.

29) Iorga, GRV, I, стр. 326.

30) уг. Esztergon, нѣм. Gran. Архіепископъ Острогонскій былъ Primas Ungariae.

31) уг. Kalocza, нѣм. Stuhlweissenburg на Дунаѣ.

32) „Judex Curiae“ = верховный судья. Въ словарь Du Cange'a находимъ: „Judices pro curia, qui a dominis feudali-bus constituuntur, ut de controversis quae inter ipsos et vassallos oriuntur, judicent“.

33) Ф р а к н о і, МС, стр. 80.

34) Ibidem. Klaić, op. c., стр. 25.

35) Ф р а к н о і, МС, стр. 80.

36) Ibidem.

37) Ant. Bonfinius, Reg. Hung. Dec., Lipsiae, 1771, dec. IV, lib. 1, p. 556.

38) Ф р а к н о і, SM, стр. 131.

39) Сузи-челеби А, бейты 152—162.

40) Сузи-челеби А, б. 162 — 192 и В, 1.071 — 1.088, и „Magyar Diplomacziái Emlékek“, Mátyás Király Korából első kötet“. Budapest, 1875, стр. 67. Ф р а к н о і, SM, стр. 132.

41) Въ тур. текстѣ „беглербеги“, то есть бегъ надъ бегами. Это званіе имѣли въ тур. имперіи правители большихъ провинцій, какъ Румелія, Анатолія и Сирія. Беглербеги — турецкій переводъ арабскаго титула „эмир-уль-умара“.

42) „Михаилъ сынъ Исфалаха“, такъ называется Сузи челеби неоднократно въ своемъ произведеніи Михаила Силаджи. Силаджи были потомки благороднаго рода Горажда, чье родовое помѣстье—нынѣ гор. Горажда—существуетъ и теперь еще въ Босніи на берегу р. Дрины. Въ началѣ XV в. Николай Горажда и Владиславъ Силаджи, близкіе родственники и боевые соратники, отличались доблестной и долгой борьбой противъ турокъ. Вынужденные въ концѣ концовъ уступить передъ превосходными силами турокъ, они переселились въ Угрію, гдѣ получили большія помѣстья, стали магнатами и получили титулъ „magnifici“. Владиславъ Силаджи имѣлъ двухъ сыновей Михаила и Владислава, которые оба унаследовали отъ отца храбрость и ненависть къ туркамъ. Старшій изъ нихъ—нашъ герой. Младшій—Владиславъ палъ отъ руки деспота Георгія Бранковича († 1456) въ окрестностяхъ Бѣлграда (см. Ф р а к н о і, МС, стр. 27. Engel, „Geschichte v. Serbien und Bosnien“. Halle, 1801, стр. 411). Ср. тоже Војничіć, Adel v. Kroatien und Slavonien“ у Siebmacher-a въ его „Grosses und allgemeines Wappenbuch“, т. IV, abt. 13, Nürnberg, 1899, стр. 50 и 182, гдѣ приводятся нѣсколько иныя данныя о происхожденіи рода „Горажда“).

43) Рустемъ сынъ Заля, знаменитый персидскій герой и богатырь, чьи подвиги воспѣты Фирдеуси въ его знамени-томъ произведеніи Шахнамэ (книга царей).

44) Iorga, GOR, т. II, стр. 95—96.

45) Jacob Caro, Geschichte Polens, Gotha, 1886, т. V, ч. 2, стр. 173—174. При дальнѣйшихъ цитатахъ указываю этотъ трудъ какъ „GP“.

46) Въ своемъ частномъ письмѣ, датированномъ 15 декабря 1931 г.

47) См. А. Петровъ, ор. с., стр. 55—60 и 179—203.

48) Петровъ, ор. с., стр. 203, примѣч. 1, стр. 99, 102 и 139, прим. 2.

49) Петровъ, ор. с., стр. 82 и 84.

50) Петровъ, ор. с., стр. 181.

51) Петровъ, ор. с., стр. 184 и 186.

52) Ср. Турска Ист. Мијајла из Острвице, стр. 128—131.

53) Рукопись № 552. Переписана въ 1606 году рукой муэззина мечети султана Сулеймана.

54) Турецкій историкъ Саад-уд-динъ, извѣстный подъ именемъ „Ходжа эфенди“ (въ переводѣ обозначаетъ „господинъ наставникъ“, — подраз., — Его Велич. султана), который считался до сихъ поръ главнымъ турецкимъ источникомъ для изученія боевыхъ дѣйствій между поляками и турками въ 1497 и 1498 гг., писалъ свою исторію „Тадж-уль-теварихъ“ (въ переводѣ значитъ „Корона исторій“) приблизительно лѣтъ черезъ 80—90 послѣ этихъ событій.

55) Iorga, GOR, т. II, стр. 272, Caro, GP, т. V, ч. 2, стр. 719—728, Dąbrowski, „Dzieje Polski Średniowiecznej“, Kraków, 1926, ч. II, стр. 449—452. Tadeusz Korzon, „Dzieje wojen i wojskowości w Polsce“, Kraków, 1912, стр. 188—194.

56) См. соотвѣтствующую грамоту господаря Петра, выданную въ Хотинѣ въ октябрѣ мѣсяцѣ 1454 г. (Уляницкій, „Матеріалы для исторіи взаимныхъ отношеній Россіи, Польши, Молдавіи, Валахіи и Турціи въ XIV—XVI вв.“, стр. 82-84). Король Казимиръ, на основаніи этого, называетъ, напримѣръ, въ своетъ „отказѣ“, посланномъ в. князю Ивану III черезъ посла Ѳедьку Мансурова въ 1486 г. господаря Стефана такъ: „Стефанъ воевода волоскій, голдовникъ нашъ, и мы зъ Божьею помочью боронити его хотимъ отъ всякого его неприятели, какъ-то подданого и слугу нашего“ (См. Уляницкій, ор. с., стр. 116). Баязидъ овладѣлъ Киліей и Бѣлгородомъ въ 1484 г. (см. Наммер, GOR, т. I, стр. 629), чѣмъ лишилъ Польшу важныхъ торговыхъ путей и оборонительныхъ пунктовъ.

57) Наммер, GOR, т. I, стр. 644.

58) Iorga, GOR, т. II, стр. 272.

59) Caro, GP, т. V, ч. 2, стр. 726.

60) Caro, ibidem.

61) Korzon, ор. с., 190.

62) Caro, GP, т. V, ч. 2, стр. 723—24.

63) Ibidem, стр. 727.

64) Da b r o w s k i, op. s., стр. 451. Стефанъ былъ свать Ивана III, который женилъ въ 1482 г. своего сына Ивана († 1490) на дочери господаря Еленѣ. Вотъ какъ наказывалъ въ 1497 г. Иванъ III своимъ посламъ Петру Лобану Заболотцкому и діаку И. Волку рѣчь говорить в. кн. Александру: „Присылалъ еси до насъ о помочи противъ поганства, а нынѣча дошли до насъ слухи таковы, что деи пошелъ еси на Стефана, воеводу волошскаго. Ино напередъ сего неоднова есмя къ тебѣ наказывали съ твоими послы, да и съ своими, что Стефанъ воевода еще при отцѣ твоємъ, при королѣ съ нами въ свойствѣ и въ единачествѣ, и ты бы съ нимъ былъ въ миру, чтобы тебѣ, брату нашему, Стефанъ воевода таковъ же былъ, какъ и намъ, — другу бы нашему другъ былъ, а недругу недругъ. ...И мы и нынѣ къ тебѣ наказываемъ, памятуючи на наше съ тобою докончанье, чтобы еси брате, на Стефана, воеводу волошскаго, не ходилъ, а былъ бы еси съ нимъ въ миру; а воевода Стефанъ хочетъ того, чтобы ты съ нимъ былъ въ миру, а онъ бы тебѣ таковъ же былъ, какъ и намъ, другу бы нашему другъ былъ, а недругу недругъ“. (См. Уляницкій, op. s., стр. 131).

А вотъ, что пишутъ русскія лѣтописи о крестовомъ походѣ: „Въ томъ же 1497 году (лѣта 7005) поиде ратью король польскій Альбрехтъ, да братъ его Александръ, князь великій литовскій, на Стефана воеводу волосскаго. Князь-же великій Иванъ Васильевичъ, свѣдавъ то, что они идутъ ратью на Стефана Воеводу, вборзѣ о томъ послалъ на подводахъ къ зятю своему, в. кн. Александру литовскому посла своего Л. Заболотцкаго, да дьяка В. Курицына, чтобы князь вел. Александръ докончанья своего не рушилъ, а на свата вел. князя, на Стефана воеводу ратью не ходилъ; и кн. вел. Александръ сътвори лесть, самъ възвратися, а князей рускихъ съ силою послалъ брату своему Альбрехту на помощь; король же польскій Альбрехтъ вшедъ въ землю волошскую, начать плѣнити и жещи и сѣщи и грабити; и пришедъ подъ Сочаеву, градъ и стѣну выби пушками; Стефанъ же введе его въ крѣпкія мѣста и поби его, и пушки его взять и казну, и многихъ пановъ поби, и иныхъ живыхъ поималъ, а силы его побилъ тысячъ съ сорокъ; и возвратися король съ великимъ срамомъ восвояси“. (см. Уляницкій, op. s., стр. 133).

По польскимъ историкамъ, Александръ, согласно принятому на себя въ Левочѣ обязательству, пришелъ съ литовскимъ войскомъ въ Брацлавъ на Бугѣ, но здѣсь литовскіе бояре потребовали у него точныхъ указаній о причинахъ и цѣляхъ похода въ Молдавію. Александръ, связанный тайной похода, не открылъ, будто-бы, цѣлей его боярамъ, а предпочелъ вернуться обратно въ Литву, пославъ Яну

Альбрехту только одну тысячу человекъ литовцевъ, которые спасли поляковъ отъ еще болѣе сильнаго пораженія въ Буковинскихъ лѣсахъ (см. Саго, ор. с., стр. 747).

65) Саго. *Ibidem*.

66) Когзон, ор. с., стр. 190—191. Въ грамотѣ Стефана отъ 12 Юля 1499 г. въ званіи логофета подписался Іонтъ Оутуль, а въ качествѣ вистѣрника — Исакъ. Повидимому это — тѣ же лица. (см. Уляницкій, ор. с., стр. 176).

67) Саго, ор. с., стр. 727.

68) Iorga, GRV, т. I, стр. 360.

69) Когзон, ор. с., стр. 191.

70) До сихъ поръ считалось, что Стефанъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи въ 1497 г. 2.000 турокъ (Iorga, GOR, т. II, стр. 273). Теперь, по утвержденію нашего лѣтописца, мы знаемъ, что ихъ было всего 800 человекъ.

71) Когзон, ор. с., стр. 191.

72) Нашъ турецкій лѣтописецъ говоритъ, что это былъ возъ, полный червонцевъ.

73) Iorga, GRV, т. I, стр. 360.

74) Когзон, ор. с., стр. 191—194.

75) *Ibidem*, стр. 191. Влад. Гробеньскій, „Исторія Польскаго народа“, пер. Ястребова, Спт., 1910, стр. 95.

76) Въ этомъ описаніи мы основываемся исключительно на сообщеніи открытаго нами анонимнаго турецкаго лѣтописца.

77) „Су-баши“ или „чери-баши“, буквально главари войска, военачальники („су“ или „чери“ — войско, „баш“ — голова) были офицерами въ старомъ турецкомъ войскѣ. Ихъ было по одному въ каждомъ уѣздѣ (каза). Въ мирное время они завѣдывали полиціей.

78) Саго, ор. с., стр. 725 и Когзон, ор. с., стр. 193.

79) Когзон, ор. с., стр. 192.

80) Саго, ор. с., стр. 752.

81) *Ibidem*.

82) Hammet, GOR, т. I, стр. 645. Уляницкій, ор. с., стр. 130.

83) Бали бегъ принадлежалъ къ древнему, славному турецкому роду Малкоч-оглу, или, какъ его въ Босніи, называли „Малковичи“ отъ первоначальнаго „Марковичи“ (?). Онъ, какъ и Али бегъ Михал-оглу, былъ вождемъ и предводителемъ акынджи и они оба часто вдвоемъ совершали акыны противъ невѣрныхъ (ср. Сузи челеби В, б. 1267). Гаммеръ отмѣчаетъ, что Бали бегъ уже въ 1486 г. былъ санджакбегомъ въ Силистріи (см. Hammet, GOR, т. I, стр. 630). Слѣдовательно, въ 1498 г. Бали бегъ уже вторично былъ назначенъ въ Силистрію, чтобы замѣнить неудачливаго и недѣятельнаго Месихъ пашу.

84) Ср. Babinger „Geschichtsschreiber d. Osmanen und ihre Werke“, Leipzig, 1927, стр. 123—125.

85) При разборѣ перваго акына Бали бега пользуюсь главнымъ образомъ описаніемъ его у Саад-уд-дина (см. приложение № 2).

86) Саго, GP, т. V, ч. 2, стр. 753.

87) Ibidem.

88) Когзон, ор. с., стр. 194.

89) Hammer, GOR, т. I, стр. 646.

90) Iorga, GOR, т. II, стр. 273—274.

91) Али бегу въ это время было больше 70 лѣтъ.

92) См.: 1) Hammer, GOR, т. I, стр. 548—49. 2) Уруджъ бинъ Адиль, „Теварих-и али Осман“ (рукопись въ Кембриджѣ), изд. Бабингера, Ганноверъ, 1925, стр. 130—131. 3) Рукопись Югословенск. Академіи № 404 — „Тадж-уль Теварихъ“ Саад-уд-дина, лл. 541в—542а. 4) Мехмедъ Нусхетъ паша, „Ахвал-и Гази Михаль“, Стамбуль, 1315, стр. 65. 5) Iorga, GOR, т. II, стр. 181—182.

93) Anton Bonfinius, ор. с., D. V. l. III, p. 731—732, Iorga, GOR, т. II, стр. 267.

94) Мехмедъ Нусхетъ паша, „Ахвал и Гази Михаль“, стр. 76—78.

95) Ср. лѣтопись анонимнаго турецк. историка XVI ст., рукоп. № 552 Сараевск. Областн. музея, лл. 125в—126а, и нашу статью: „Тко је заправо био Đerđelez Alija“, „Zbornik za narodni život i obiçaje južnih Slavena“, Zagreb, 1933, стр. 33—4.

96) Турска историја Мијајла из Острвице, стр. 173—174.

97) Solignac, Geschichte v. Polen, Halle, 1765, стр. 57.

98) Ibidem. Hammer (GOR, т. I, стр. 645) говоритъ, что въ первомъ акынѣ Бали бегъ имѣлъ 60.000 акынджи, а во второмъ 80.000. Саад-уд-динъ опредѣляетъ число турокъ въ первомъ акынѣ въ 40.000 чел. (см. прил. № 2).

99) Solignac, ор. с. стр. 57.

100) Ibidem.

101) Ibidem.

102) Hammer, GOR, т. I, стр. 645.

103) Engel, „Geschichte d. Moldau“, стр. 151.

104) Hammer, GOR, т. I, стр. 646.

105) Карамзинъ, „Исторія Государства Россійскаго“, Спб., 1842, кн. II, т. VI, гл. VI, стр. 169, 170, 176 и Уляницкій, ор. с., стр. 146 и 147.

106) Хусрефъ бегъ (*1480) былъ сынъ дочери Баязида II—Сельджуки и нѣкоего херцеговинца, принявшаго исламъ и извѣстнаго подъ именемъ Ферхадъ бега. Хусрефъ бегъ участвовалъ во взятіи Бѣлграда, въ Мухачскомъ бою и во многихъ другихъ сраженіяхъ противъ невѣрныхъ, за что получилъ званіе „Гази“ (побѣдоносный). Онъ былъ нѣ-

сколько разъ (1521—1525, 1526—1534 и 1536—1541) санджак-бегомъ боснійскимъ и много радѣлъ объ украшеніи и развитіи главнаго города Сараева (тогда еще „Врхбосна“). Здѣсь онъ построилъ много зданій, въ томъ числѣ свою знаменитую мечеть („Бегова джамія“). Умеръ онъ въ 1541 г. (См. Мувеккитъ, „Тарих-и діяр-и Босна“, рукоп. въ Сараевск. Областн. музеѣ, *Truhelka* „Gazi Husrefbeg“, Сараево, 1912, Н. Креѣвльјакović. „Gazi Husrefbeg“, въ юбилейномъ сборникѣ: „Споменица Гази Хусревбегове четирестагодишнице“, Сарајево, 1932, стр. 17—22 и Карамзинъ, *op. c.*, т. VI, гл. VI, стр. 176).

107) Ключевскій, „Курсъ Русской исторіи“, ч. II, 2 изд., Москва, Госиздат., 1923, стр. 144 и 149.

108) Намтер (см. GOR, т. I, стр. 645) отмѣчаетъ, что первый городъ, который разрушилъ Бали бегъ,—были Сороки на Днѣстрѣ. Непонятно какъ Намтер пришелъ къ такому выводу. Въ своемъ изложеніи Намтер текстуально придерживается Саад-уд-дина. Между тѣмъ послѣдній ясно говоритъ, что акынджи, послѣ перехода Днѣстра, сдѣлали нѣсколько дневныхъ переходовъ, послѣ чего вступили въ предѣлы Польши, гдѣ разорили укрѣпленный замокъ „Коркова“. Отсюда явствуется, что первый разоренный Бали бегомъ укрѣпленный городокъ находился уже въ предѣлахъ Польши. Если мы просмотримъ дальнѣйшее движеніе турокъ, то мы увидимъ, что замокъ „Коркова“ — ничто иное, какъ небольшая крѣпостца Чертковъ на Серетѣ. Сороки были туркамъ не по-пути, они лежали приблизительно километровъ на 200 восточнѣе ихъ маршрута. Проводники, данные туркамъ воеводой Стефаномъ, вели ихъ черезъ Валахію кратчайшимъ путемъ. Бали бегъ перешелъ Днѣстръ гдѣ-нибудь восточнѣе впаденія въ него Серета.

109) Оба сына Бали бега Малкоч-оглу и Али бегъ, и Туръ-Али бегъ погибли 23 августа 1514 года въ бою при Чалдыранѣ, въ которомъ проявили беззавѣтную отвагу. Оба они на коняхъ лично атаковали шаха Исмаила, врѣзались въ окружавшую его свиту и, прорвавшись къ нему, тяжело ранили его. Въ концѣ концовъ конная гвардія шаха зарубила ихъ мечами и бердышами. (см. Парижск. Націон. библіотека *Ancien fonds turc*, № 116, л. 112 б).

110) Саад-уд-динъ, при описаніи Черткова, называетъ его „гисаромъ“, то есть небольшимъ укрѣпленнымъ замкомъ-крѣпостцой съ оградой и башнями. Изъ дальнѣйшаго его описанія мы видимъ, что такія крѣпостцы — „гисары“ были въ то время по Червонной Руси всюду разбросаны для прегражденія пути татарамъ, туркамъ и другимъ непріятелямъ, разорявшимъ эту несчастную землю. Иногда эти замки были каменные, иногда деревянные (напримѣръ,

въ Бережанахъ); иногда они стояли отдѣльно, иногда внутри городовъ.

111) Выше уже было отмѣчено, что описаніе Саад-уд-диномъ — Бали бегомъ Малкоч-оглу современной Червонной Руси страдаетъ умышленной неточностью, а именно гиперболою — преувеличеніемъ описываемыхъ имъ фактовъ и объектовъ. Особенно относится это къ описанію пруда у Бережанъ (Турецкій издатель исторіи Саад-уд-дина называетъ въ примѣчаніи на поляхъ книги этотъ городъ „Дерешаны“). По всей вѣроятности весной 1498 г. въ половодье прудъ этотъ, разлившись широко кругомъ, затопилъ самые Бережаны и распространился до нѣкоторыхъ ссѣднихъ селеній. Отсюда, во всякомъ случаѣ, еще далеко до „большого озера, по берегамъ коего лежатъ большіе города“. Саго, на основаніи такого описанія, не беретъ опредѣлить мѣстонахожденіе „dieses grossen einem Meere gleichen Sees“, и предполагаетъ, что оно нынѣ пересохло. Сенковскій, по переводу коего работаль Саго, не совсѣмъ точно перевелъ въ данномъ случаѣ слово „дерья“, которое по турецки можетъ значить не только море, но и озеро, и слово „гадир“, которое обозначаетъ стоячую воду, прудъ.

112) Описывая Голагоры Саад-уд-динъ говоритъ, что это была сильная крѣпость (Qаль'а) въ видѣ города, укрѣпленнаго высокими стѣнами.

113) Саад-уд-динъ, приводя названія городовъ (?) „Глибани“ (Глиняны), „Или“ (Львовъ), „Чананча“ (Камянка), „Радиминъ“ (Радымно) и „Преворска“ (Переворскъ), прибавляетъ передъ каждымъ изъ нихъ непонятное слово „одна“ или „адна“ (ср. Hammer, GOR, т. I, стр. 645, примѣч. 4). Такъ, на примѣръ онъ говоритъ о Львовѣ: „городъ, окруженный садами и огородами, извѣстный подъ именемъ „Одна-Или“. Намъ непонятно значеніе этого слова, ставящагося Саад-уд-диномъ впереди именъ нѣкоторыхъ городовъ, и входящаго въ составъ ихъ наименованій. Врядъ ли это женскій родъ русскаго числительнаго и мѣстоимѣнія одинъ. Слависты-филологи, которыхъ мнѣніе мы запрашивали, не смогли намъ разъяснить этой загадки.

114) Очевидно пещеры „Чортовыхъ горъ“, лежащихъ на сѣверо-востокъ отъ Львова, приблизительно, въ километрахъ 15 отъ него.

115) Саго, очевидно, предполагаетъ (GP, стр. 752), что такими качествами не могли быть одарены русскіе, такъ какъ говоритъ, что это были нѣмцы, жившіе во Львовѣ.

116) Камянка или Каменка Струмилова на Бугѣ. При всей неясности и видимой искаженности турецкаго названія „Чананча“, повидимому, рѣчь идетъ здѣсь именно о Каменкѣ. Если принять во вниманіе, что на восточныхъ Балканахъ, —

откуда была часть акынджи Бали бега, — мягкое „к“ въ иностранныхъ, заимствованныхъ словахъ обычно переходитъ въ мягкое „ч“ (ћ), — (ср. въ нынѣшнемъ сербско-хорватскомъ языкѣ: „кјатиб“ — писарь — ћатиб, „килим“ — коверъ — ћилим, „кесе“ — кошелекъ — ћеса и т. д.) — то, при обязательности гармоніи гласныхъ въ турецкомъ языкѣ, такая варіація имени Каменка не-такъ ужъ неправдоподобна. Это наше предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, если вспомнимъ, что акынджи преслѣдовали жителей Львова, убѣгавшихъ въ Чортовы горы, именно въ сѣверо-восточномъ направленіи отъ города. Саго (ор. с., стр. 751) считаетъ, что „Чананча“ это Сандомиръ на Вислѣ. Не говоря уже о малой звуковой сходности именъ „Чананча“ и Сандомиръ, странно предположить, чтобы Саад-уд-динъ, отмѣчавшій до сихъ поръ очень подробно движеніе турецкаго коннаго корпуса, вдругъ ничего не отмѣтилъ бы на почти 200 километромъ пути отъ Львова до Сандомира. Это ошибочное толкованіе имени „Чананча“, какъ увидимъ дальше, заставило историка Саго сдѣлать еще рядъ другихъ неточныхъ сопоставленій.

117) Турецкое „Радиминъ“ Саго (*ibidem*) принимаетъ за Радомъ, лежащій отъ Сандомира почти въ 100 километрахъ пути. Что — не правильно. Ср. Грушевскій, „Опись Львівського замку р. 1495“, Записки Наук. Тов. імени Шевченко, Львовъ, 1896, кн. V, стр. 2.

118) „Кючюкъ“ (малый ростомъ) Бали бегъ, сынъ Яхья паши (боснійскаго санджак бега 1493—1495), получившій въ послѣдствіи прозвище „Гази“ (побѣдоносный) — извѣстный вождь боснійскихъ и сербскихъ акынджи, продѣлавшій съ ними страшные набѣги на Хорватію и Угрію. Онъ былъ въ 1506 г. санджак-бегомъ валонскимъ, затѣмъ съ 1518—1521 г. — боснійскимъ, а позднѣе, послѣ взятія Бѣлграда, санджак бегомъ сербскимъ и первымъ правителемъ Бѣлграда. Онъ принималъ со своими боснійцами участіе въ Мухачскомъ бою (1526), гдѣ была рѣшена судьба Угрии. Умеръ Бали бегъ въ 1526 году. (См. Istvanfy, „Regni Hung. Hist.“ стр. 54, Ваšагиć, „Kratka uputa u prošlost Bosne i Hercegovine“, Sarajevo. 1900, стр. 26—28 и 177, Сіго Труhelка, „Gazi Husrefbeg“, Sarajevo, 1912, стр. 13—18).

119) Принявъ ошибочно „Радиминъ“ за Радомъ, Саго (*ibidem*) теперь считаетъ, что „Перерска“, куда отправился за добычей Туръ-Али бегъ, есть Брестъ-Литовскъ, отстоящій отъ Радома по воздушной линіи на разстояніи 190 километровъ. Это предположеніе его совершенно не согласуется съ рассказомъ Саад-уд-дина, который опредѣленно говоритъ, что сердаръ (главнокомандующій) Бали бегъ Малкоч-оглу, оставшись съ главными силами на отдыхъ подъ Радиминомъ, послалъ акынджи для грабежа и сбора добычи по окрест-

ностямъ этой мѣстности, то есть Радиминской области. Вполнѣ понятно, что Бали бегъ не могъ рисковать небольшими отрядами своихъ акынджи, отсылая ихъ въ сторону болѣе, чѣмъ на 200 клм. отъ главныхъ силъ. Продолжая рассказъ, Саад-уд-динъ далѣе говоритъ, что Туръ-Али бегъ вернулся съ огромной добычей изъ „Перерска“ въ „Радиминъ“ на третій день. Этотъ фактъ совершенно разстраиваетъ всю гипотезу Саго, такъ какъ немыслимо, чтобы акынджи могли въ трехдневный срокъ сдѣлать на усталыхъ отъ многонедѣльнаго похода коняхъ пробѣгъ изъ Радома въ Брестъ-Литовскъ, взять съ боя этотъ городъ, разграбить его и возвратиться въ Радомъ обратно. Весь рассказъ Саад-уд-дина становится однако яснымъ, если мы правильно расшифруемъ названія мѣстностей въ турецкой ихъ передачѣ, а именно: „Чананча“ — Каменка, „Радиминъ“ — Радымно, а „Перерска“ — Переворскъ, отстоящій отъ Радымно въ какихъ-нибудь 25—30 клм. пути.

120) То есть черезъ окрестности Радымна, которое турки не смогли взять. Далѣе, ввиду отсутствія у Саад уд-дина опредѣленныхъ данныхъ, мы можемъ возстановить движеніе отрядовъ Бали бега только по даннымъ европейскихъ историковъ, согласуя ихъ, конечно, и провѣряя по тексту нашего турецкаго историка. Упоминавшійся уже современный польскій историкъ Матвѣй Мѣховскій указываетъ крайнимъ пунктомъ, куда проникли турки, городъ Канчугу. Поэтому городъ, подъ который изъ-подъ Радымно перешелъ лагерь Бали бегъ Малкоч-оглу, былъ, вѣроятно, Канчуга.

121) Jan Dąbrowski въ своемъ трудѣ „Dzieje Polski średnio-wiecznej“, Краковъ, 1926, т. II, стр. 452, отмѣчаетъ крайними пунктами турецкаго проникновенія города Переворскъ и Санокъ. Solignac въ своей исторіи Польши (Halle, 1765, т. II, стр. 56) ставитъ границей турецкаго проникновенія весной 1498 г. теченіе рѣки Вислока. На основаніи этихъ данныхъ, можно, съ достаточной долей вѣроятности, предположить, что воевода Хасанъ отправился за добычей, изъ-подъ Канчуги со своими румелійцами на югъ по направленію Санока. Отъ Канчуги до Санока по прямой линіи около 50 клм. пути; это разстояніе воевода Хасанъ могъ покрыть въ одинъ день. Онъ шель, вѣроятно, долиною между рѣками Саномъ и Вислокомъ.

122) На пути возвращенія Бали бегу необходимо было перейти Санъ. Выяснить, гдѣ онъ именно перешелъ его, представлялось бы возможнымъ лишь путемъ осмотра на мѣстѣ верхняго теченія Сана и выясненія мѣстонахожденія описываемаго ущелья. Solignac (о. с., стр. 56) отмѣчаетъ, что Перемышль былъ разоренъ турками.

123) См. Коранъ, сура II, ст. 175. Этотъ стихъ относится къ

возвращенію мусульманъ послѣ побѣды при Бадрѣ 2-го рамазана 2-го года по гиджрѣ, гдѣ 300 правовѣрныхъ разбило 1.000 человекъ мекканцевъ. Побѣда эта, незначительная сама по себѣ, много содѣйствовала укрѣпленію положенія пророка Мухаммеда и способствовала дальнѣйшему распространенію Ислама (ср. ЕІ, т. I, стр. 570).

124) Въ виду извилистаго кривого теченія рѣки Сана Мустафѣ бегу со своимъ отрядомъ пришлось снова переходить эту рѣку. Онъ шелъ, отдѣлившись отъ главныхъ силъ, на сѣверъ правымъ берегомъ Сана и перешелъ его, какъ видно изъ текста, гдѣ-то на высотѣ Ярослава.

125) То есть у пророка Мухаммеда. Мустафа — одно изъ именъ посланника Божьего.

126) На обратномъ пути Бали бегъ, очевидно, шелъ кратчайшимъ путемъ. Онъ обходилъ на этотъ разъ укрѣпленія и города юга Червонной Руси, куда онъ рассчитывалъ вернуться за добычей въ скоромъ времени.

127) Налогъ называемый „пенджикъ“ — пятина (отъ перс. „пенджъ“ — пять), установленный шаріатомъ и отчислявшійся изъ военной добычи въ пользу халифа.

Загребъ,
Февраль 1932 г.

А. Л. Погодинъ.

**„ИВАНЪ ВЫЖИГИНЪ“, РОМАНЪ ФАДДЕЯ
БУЛГАРИНА.**

I

Прошло немного болѣе ста лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ появился романъ Фаддея Булгарина „Иванъ Выжигинъ“, который въ свое время являлся однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній русской литературы, но вслѣдствіе дурной репутаціи, которую создала Булгарину его несимпатичная личность и, особенно, вслѣдствіе враждебной и презрительной оцѣнки его со стороны Бѣлинскаго, этотъ романъ былъ забытъ, и о немъ никто не помнитъ теперь. Однако, въ последнее время замѣчается стремленіе дать болѣе справедливую, независимую и спокойную оцѣнку нашего литературнаго прошлаго. Сенковскій-Брамбеусъ признается учителемъ самого Герцена въ стилѣ, забытый Салогубъ, авторъ „Тарантаса“, поминается съ должнымъ вниманіемъ, и т. д. Такую же попытку безпристрастной оцѣнки дѣятельности Ф. Булгарина представляетъ и настоящій очеркъ.

Періодъ успѣха и положительнаго вліянія Булгарина начинается съ 1829 г. Въ 1842 г. Бѣлинскій отмѣтилъ, что „всѣ наши писатели въ 1829 г. бросились въ прозу. Самъ Пушкинъ обратился къ ней“. Этотъ намекъ Бѣлинскаго, ясный для его современниковъ, бросаетъ свѣтъ на важное явленіе въ исторіи нашей литературы, какимъ было, по мнѣнію издателя сочиненій Бѣлинскаго, Иванова-Разумника, появленіе „Ивана Выжигина“ Булгарина.

Въ обзорѣ русской литературы за 1843 г. (Сочиненія, томъ II, стр. 802) Бѣлинскій счелъ нужнымъ подробно заняться исторіей творчества Булгарина и посвятилъ этому писателю довольно объективную оцѣнку. „Въ 1829 г. г. Ф. Булгаринъ издалъ своего „Выжигина“, а въ слѣдующемъ году „Димитрія Самозванца“. Первый изъ этихъ романовъ имѣлъ

большой успѣхъ: онъ въ короткое время былъ весь раскупленъ, и особенно понравился низшимъ слоямъ читающей публики, которые, повѣривъ на слово сочинителю, не затруднились увидѣть въ его безличныхъ изображеніяхъ вѣрную картину современной русской дѣйствительности. Очевидно, что въ это невинное заблужденіе ввели ихъ русскія имена дѣйствующихъ лицъ въ „Выжигинъ“, названія русскихъ городовъ и областей, а главное — запутанныя и неестественныя похожденія продувнго героя романа. Добряки не замѣтили, что все это — старыя погудки на новый ладъ, какъ говорить пословица, т. е. дюкрэ-де-менилевскія романическія пружины съ сумароковскими нападками на лихоимство и мошенничество. При этомъ, не должно забывать, что первыя попытки въ новомъ родѣ всегда принимаются хорошо. Публикѣ того времени показался новостью романъ съ русскими именами“. Указавъ на то, что репутація перваго романа незаслуженно принадлежитъ „Ивану Выжигину“, такъ какъ таковымъ надо считать романъ Измайлова: „Евгеній, или пагубныя слѣдствія дурного воспитанія и общества“, Бѣлинскій заключаетъ: „Впрочемъ, „Выжигинъ“ изобрѣтательностью, манерой, яркимъ изображеніемъ характеровъ, движеніемъ сердца человѣческаго и нравственно сатирическимъ направленіемъ живо напоминавшій собой „Евгенія“ г. А. Измайлова, далеко превзошелъ его въ правильности языка, хотя и уступилъ ему въ живости разсказа“. Другимъ предшественникомъ Булгарина Бѣлинскій считаетъ Нарѣжнаго съ его произведеніями: „Бурсакъ“ (1824) и „Два Ивана, или страсть къ тяжбамъ“ (1825). Однако, эти романы, которые нашъ критикъ считаетъ замѣчательными, не имѣли успѣха. „Они явились въ такое время, когда еще публика не была въ состояніи оцѣнить ихъ, и лучшіе юмористическіе очерки характеровъ и сценъ простонароднаго быта назвала сальностями, а немножко таланта увидѣла въ романической развязкѣ „Бурсака“.

Оказывается, что и этотъ неуспѣхъ Нарѣжнаго можно поставить въ минусъ Булгарину. По крайней мѣрѣ, Бѣлинскій продолжаетъ такъ: „Все это было на руку г. Ф. Булгарину и помогло ему прослыть первымъ романистомъ на Руси. Однако жъ, его „Димитрій Самозванецъ“ оборвался: его убилъ успѣхъ „Юрія Милославскаго“, вышедшаго въ свѣтъ нѣсколькими недѣлями прежде „Самозванца“, который безъ этого прискорбнаго для него обстоятельства, безъ сомнѣнія, получилъ бы еще большій успѣхъ, чѣмъ „Выжигинъ“. Послѣдующіе романы г. Ф. Булгарина уже имѣли самый посредственный успѣхъ, и то благодаря только овладѣвшей публикою страсти къ романамъ, которая тогда смѣнила ея страсть къ стихамъ. „Петръ Ивановичъ Выжигинъ“ имѣлъ несчастье

столкнуться съ „Рославлевымъ“: несмотря на слабость второго романа г. Загоскина, онъ былъ все таки неизмѣримо выше „Петра Ивановича Выжигина“, хотя въ этомъ романѣ выведенъ и самъ Наполеонъ, къ несчастью обрисованный столь неудачно, что его такъ же трудно отличить отъ Петра Ивановича, какъ и П. И. Выжигина отъ Наполеона. Четвертый романъ г. Ф. Булгарина „Мазепа“ упалъ рѣшительно, несмотря на искусную и усердную поддержку со стороны „Библиотеки для Чтенія“: публика уже не хотѣла читать повторенія того, что уже надоѣло ей въ прежнихъ романахъ г. Булгарина. Еще менѣе замѣтила она и оцѣнила неподражаемый юморъ сего нравственно-сатирическаго сочинителя, разлитый въ его „Запискахъ Титулярнаго Совѣтника Чухина“. Это было полнымъ паденіемъ, — „chute complète“. Такъ закончилъ свою оцѣнку Бѣлинскій, шутливо намекнувъ на извѣстное заявленіе Булгарина въ 1829 г. относительно Пушкина: „la chute complète“.

Выходъ въ свѣтъ въ 1846 г. „Воспоминаній Фаддея Булгарина. Отрывки изъ видѣннаго, слышаннаго и испытаннаго въ жизни“ далъ поводъ Бѣлинскому опять вернуться къ ненавистному автору. Эта статья представляетъ уже сплошное обличеніе и издѣвательство. Дѣятельность Булгарина обзрѣна съ 1821 г. и приведенъ отзывъ „Литературной Газеты“ Дельвига о первыхъ шагахъ Булгарина. Въ этомъ отзывѣ отмѣчается отсутствіе у Булгарина стиля, происходившее отъ его будто бы недостаточнаго знанія русскаго языка.

Въ „Литературной газетѣ“ мы находимъ такой отзывъ о языкѣ Булгарина: „Неумѣніе выразиться прямо и точно заставляетъ сочинителя пускаться въ перифразы, а это дѣлаетъ фразы его растянутыми, вялыми, и потому скучными... Въ сочиненіяхъ Булгарина все сглажено, обдѣлано, но безцвѣтно и безжизненно“. Этотъ отзывъ, вообще, несправедливъ, такъ какъ у Булгарина мы нерѣдко находимъ очень мѣткія слова и выраженія, изъ которыхъ я отмѣчу нѣкоторыя въ дальнѣйшемъ изложеніи. Во всякомъ случаѣ смѣшно говорить, что Булгаринъ не зналъ русскаго языка, когда онъ въ русскомъ учебномъ заведеніи получилъ свое образованіе и потомъ служилъ въ русской арміи. Можетъ быть, онъ былъ плохой стилистъ, и Гречъ утверждаетъ, что исправлялъ его сочиненія, но стиль Булгарина—типичный стиль конца XVIII вѣка, стиль сатирическихъ журналовъ Новикова и др. И по духу онъ иногда оказывается очень близокъ къ нимъ. Булгаринъ иногда производитъ впечатлѣніе чего то устарѣлаго, но это устарѣлое не плохо: оно проникнуто идеями Новикова и сатирическихъ журналовъ, и стиль его, дѣловый и нецвѣтистый, иногда прямо точно заимствованъ изъ этихъ журналовъ.

Въ отзывѣ „Литературной газеты“ нельзя не видѣть оцѣнки, которая вышла изъ непріятельскаго лагеря. Такъ наприм., расцѣнивая „Ивана Выжигина“, журналъ утверждаетъ, что въ немъ Булгаринъ „относитъ къ общимъ нравамъ народа тѣ пороки и странности, которыхъ едва-ли встрѣчается нѣсколько печальныхъ примѣровъ“. Этотъ отзывъ совершенно неправиленъ, и я думаю, что изъ дальнѣйшаго самъ читатель убѣдится въ справедливости моихъ словъ. Бѣлинскій, приводя этотъ отзывъ, чтобы наговорить побольше непріятностей Булгарину, все-таки вноситъ нѣкоторую поправку въ вышеприведенную оцѣнку. По поводу „Ивана Выжигина“ онъ опять замѣчаетъ, что „успѣхъ этого романа, можно сказать, безъ преувеличенія, былъ блестящій. Тотчасъ же расхвотанный, прочитанный и зачитанный, онъ былъ превознесенъ пріятелями автора, похваленъ его союзниками, которые готовы были на всѣ моральныя уступки и пожертвованія, лишь бы обезоружить безпокойное „правдолюбіе“ Булгарина, и былъ разбраненъ во всѣхъ повременныхъ изданіяхъ, не захотѣвшихъ приступить къ насильственному союзу“.

То, что говоритъ Бѣлинскій о шумномъ успѣхѣ „Ивана Выжигина“, вполне вѣрно. Недавно ставшія извѣстными письма С. Н. Карамзиной говорятъ о предпочтеніи, которое въ русскомъ обществѣ оказывалось „Ивану Выжигину“ передъ „Полтавой“ (Пушкинъ и его современники. Т. XXIX—XXX. 1928. Статья А. Л. Бема: „Мелочи о Пушкинѣ“). Дѣйствительно, былъ моментъ, когда имя Булгарина ставилось рядомъ съ Пушкинскимъ. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (№1 за 1830 г.) Булгаринъ и Пушкинъ были названы „корифеями словесности“. Въ 1834 г. опять оба они были избраны одновременно членами Общества любителей русской словесности. Пушкинъ былъ очень возмущенъ такой совмѣстностью своего избранія, но характерно, что его негодованіе относилось не къ литературной, но къ нравственной оцѣнкѣ Булгарина, который незадолго до того былъ заболотированъ въ Англійскій клубъ, какъ „шпіонъ, переметчикъ и клеветникъ“ (по отзыву Пушкина).

Конечно, для насъ сопоставленіе Булгарина съ Пушкинымъ, не говоря лишнихъ словъ, просто курьезно, но оно знаменательно: успѣхъ „Ивана Выжигина“ не былъ случайнымъ и незаслуженнымъ явленіемъ. На памяти моего поколѣнія было не мало громкихъ литературныхъ успѣховъ, и едва ли былъ хотя бы одинъ случай, когда вещь, имѣвшая такой успѣхъ, была слабой и незамѣчательной. Я помню успѣхъ „Санина“ Арцыбашева, „Записокъ врача“ Вересаева, „Маріи Лусьевой“ Амфитеатрова и мн. др., и каждая изъ этихъ вещей имѣла, несомнѣнно, свои права на успѣхъ. Имѣлъ ихъ и „Иванъ Выжигинъ“ Фаддея Булгарина.

Странное впечатлѣніе получается у читателя Булгарина, когда послѣ шумныхъ криковъ негодованія и возмущенія его личностью обратишься къ подлинному творчеству этого писателя.

Повѣствуя о журнальной дѣятельности Булгарина, Лемке такъ характеризуетъ ея начало. Въ 1822 году Булгаринъ становится издателемъ журнала: „Сѣверный Архивъ“. „Лишенный характера общаго журнала, „Сѣверный Архивъ“ поставилъ своей задачей исторію, статистику, путешествія и, конечно, при бѣдности журналистики имѣлъ кое-какихъ читателей“. Я не знаю, видѣлъ ли Лемке этотъ журналъ. Если онъ видѣлъ, какъ же онъ не сумѣлъ быть хоть немного справедливымъ? Къ сожалѣнію, я не могъ просмотрѣть весь комплектъ этого журнала, такъ какъ найти его теперь, конечно, не легко. Но весь 1827 г. имѣется въ Бѣлградской Народной Библиотекѣ. Долженъ сказать, что журналъ этотъ чрезвычайно интересенъ, и до сихъ поръ многое въ немъ можно прочесть съ пользой и удовольствіемъ. Журналъ носитъ названіе: „Сѣверный Архивъ, журналъ древностей и новостей по части исторіи, статистики, путешествій, праводѣнія и нравовъ, издаваемый Фаддеемъ Булгаринымъ и Николаемъ Гречемъ“. Въ каждой книжкѣ журнала, составляющей около 8—9 листовъ, имѣются отдѣлы исторіи, нравовъ и прочіе указанные выше отдѣлы. Въ историческомъ напечатаны многіе очень интересные старинные документы (по преимуществу XVII в.): „Дневныя записки путешествія къ Запорожскому войску“ 1649 г., „Выписки изъ Посольствъ въ Россію Венеціанской Республики“ 1655 г., затѣмъ рядъ статей по исторіи древней Россіи и Европы до Крестовыхъ походовъ. Статьи эти интересны, изложены легко и, несомнѣнно, въ свое время представляли новинки исторической науки. Въ отдѣлѣ путешествій также много любопытнаго: наприм., статья А. Каменскаго объ Англіи и Франціи, „Путешествіе въ Хили и ла Плату“ Д. Мирса (1826), о русскихъ фамиліяхъ въ шведскомъ дворянствѣ на основаніи Стокгольмскаго архива, и проч. Затѣмъ въ каждомъ номерѣ имѣется отдѣлъ беллетристическій, который называется „Нравы“: это отчасти собственныя разсужденія Булгарина, отчасти—извлеченія изъ иностранной литературы. Можно думать — и на это есть указанія, — что этотъ отдѣлъ имѣлъ своихъ читателей и почитателей.

Въ тѣхъ номерахъ журнала, которые мнѣ привелось видѣть, приведенъ отрывокъ: „Сиротка, или картина челоѣчества, во вкусѣ Фламандской Школы“ (Отрывокъ изъ рукописи: „Русскій Жилблазъ, или похождения Ивана Выжигина“). Это свидѣтельствуется, что „Иванъ Выжигинъ“, вышедшій только въ 1829 г., былъ уже частью написанъ въ 1827-мъ.

И Гречъ утверждаетъ, что Булгаринъ много работалъ надъ этимъ первымъ своимъ дѣтищемъ. Въ другомъ номерѣ „Сѣвернаго Архива“ въ отдѣлѣ „Нравовъ“ данъ сатирической очеркъ: „Вечеръ у Литераторовъ“. Невольно вспоминаешь рѣчи Репетилова о „водевиляхъ“, когда читаешь здѣсь такой выпадъ Булгарина: „Во ужиномъ гг. Литераторы поразвеселились и сочинили нѣсколько прекрасныхъ куплетовъ и очень удачныхъ эпиграммъ, qui avaient le mérite de l'а propos“. Здѣсь же находимъ выпадъ противъ скучныхъ комедій, написанныхъ по всѣмъ правиламъ, и статья кончается восклицаніемъ: „А что ваше Горе отъ ума? Въ этой комедіи никто не женится. На что это похоже“... И въ другомъ фельетонѣ Булгаринъ возвращается къ комедіи Грибоѣдова, которой онъ даетъ этимъ извѣстность и разъясненіе въ общественномъ смыслѣ. Именно, въ № 7 „Сѣвернаго Архива“ за 1827 г. напечатанъ фельетонъ: „Святки“, въ которомъ введенъ, среди другихъ лицъ, „братъ Генеральши, беззаботный толстякъ“. Когда его просили ѣхать на балъ, онъ „отвѣтилъ ей исковерканными стихами изъ одной комедіи: „Наташа, матушка, я на балахъ дремлю“...“

Не слѣдуетъ забывать, что и самый текстъ „Горя отъ ума“ сдѣлался извѣстенъ русскому обществу впервые черезъ посредство Булгарина. Въ 1825 г. онъ издалъ большой альманахъ: „Русская Талія Подарокъ любителямъ и любительницамъ Отечественнаго Театра на 1825 г.“. Въ этой большой и весьма интересной книгѣ Булгаринъ напечаталъ нѣсколько статей по исторіи русскаго театра: „Историческій взглядъ на Русскій Театръ, до начала XIX столѣтія“, два остроумные очерка: „Путешествіе изъ райка въ ложу перваго яруса“ и „Философическій Взглядъ за кулисы“, рядъ отрывковъ изъ различныхъ драматическихъ произведеній различнаго литературнаго достоинства и очень большую часть „Горя отъ ума“ (отъ 7 го явленія перваго дѣйствія: „Чуть свѣтъ ужъ на ногахъ“...). Это ли не заслуга Булгарина передъ русской литературой? Конечно, у него могъ быть и издательскій расчетъ, но развѣ и это можно поставить въ вину Булгарину? Несомнѣнно, альманахъ „Русская Талія“ представляетъ самъ по себѣ большой интересъ для исторіи русскаго театра начала XIX вѣка. Здѣсь мы находимъ, между прочимъ, портреты знаменитой танцовщицы Истоминой, трагической актрисы Семеновой и др.

Изъ обзора того, что выше сказано о творествѣ Булгарина, уже вытекаютъ основныя особенности его дарованія. Конечно, у него не было того, что мы требуемъ отъ художественнаго таланта, и въ чемъ мы такъ избалованы, благодаря нашимъ писателямъ. Наши предки во время Булгарина не имѣли еще ни прозы Пушкина, ни романа Лер-

монтова, ни всего того, что такъ изошрило и утоньшило литературные вкусы русскаго общества. Въ эту же пору, когда писалъ Булгаринъ, проза Карамзина, Новикова, сатирическихъ журналовъ была образцовой. Художественнаго творчества отъ Булгарина просто нельзя и требовать. Но вотъ что у него было: извѣстный историческій интересъ, вкусъ къ старинѣ, наблюдательность, сатирический смыслъ. Изъ образцовъ для своего творчества онъ имѣлъ въ области своихъ историко-романическихъ произведеній Вальтеръ-Скота, а въ области описанія нравовъ и созданія интересныхъ бульварныхъ романовъ тѣхъ писателей, на которыхъ указываетъ Бѣлинскій съ извѣстнымъ порицаніемъ: Дюкре Де-Мениля и Поль Де-Кока.

Надо сказать о наименѣе извѣстномъ изъ названныхъ писателей, Дюкрэ Де-Мениль. Въ библиографіи Сопикова приведено такъ много переводовъ его романовъ, что трудно здѣсь всѣ ихъ перечислить. Самыя заглавія ихъ показываютъ, что въ нихъ заключается: „Вечера моей бабушки“ (М. 1802—3), „Алексисъ или домикъ въ лѣсу, манускриптъ, найденный на берегу рѣки Изеры“. 4 части. (М. 1794, втор. изд. 1800, третье изд. 1809), „Викторъ, или дитя въ лѣсу“, 4 части (М. 1799, втор. изд. 1801), „Вечернія бесѣды въ хижинѣ, или наставленія престарѣлаго отца дѣтямъ“ (1799, втор. изд. 1807), „Катинька, или найденное дитя“ (М. 1803), „Леонъ, или таинственное дитя“ 4 части (М. 1803), „Лолотта и Фанфанъ, или приключенія двухъ младенцевъ, оставленныхъ на необитаемомъ островѣ“, 4 части (М. 1789, 1796, 1704), „Мальчикъ, наигрывающій на всякія штуки колокольчиками“, 4 части (1810), „Мишель, или отеческій домъ“ (М. 1807), „Вальмиръ и Вольмениль, маленькія сироты“ (М. 1805), „Поль или оставленная аренда“ (М. 1802), „Целина, или дитя тайны“ (М. 1802) и др. Какъ видно изъ самыхъ этихъ названій, романы очень однообразны: на разные лады рассказывается тайна всякихъ оставленныхъ дѣтей. Найти въ Бѣлградѣ романы Дюкрэ Де-Мениля не легко. Они забыты и на родинѣ такъ основательно, что наприм., М. Де-Шенье въ своей очень подробной книгѣ: „Tableau historique de l'état et des progrès de la littérature française depuis 1789“ (3 éd. Paris. 1819) ни проронилъ ни одного слова объ этомъ писателѣ. Нѣтъ о немъ ничего и въ словарѣ Др. Робинэ: „Dictionnaire historique et biographique de la Révolution et de l'Empire 1789—1815“.

Мнѣ удалось найти въ библиотекѣ Бѣлградскаго университета лишь одинъ изъ романовъ Дюкрэ Де-Мениля: „Les trois moines“ (1802). Это книга, напечатанная убористымъ шрифтомъ, почти безъ абзацевъ, въ форматѣ малой восьмушки, съ иллюстраціями на отдѣльныхъ страницахъ. Изложеніе сухое, дѣловитое, какъ у Булгарина. Этими образца-

ми и долженъ былъ пользоваться онъ, когда писалъ исторію своего „Сиротки“, такого же „оставленнаго дитяти“, какъ всѣ Алексисы, Фанфаны и проч. его французскаго образца. Этими романами питалась вся тогдашняя молодежь. Ихъ давали въ руки и молодымъ дѣвушкамъ, какъ объ этомъ пишетъ, наприим. Татьяна Пасекъ въ своихъ мемуарахъ: „Изъ дальнихъ лѣтъ“ (I т.).

Лучше этихъ образцовъ Булгаринъ ничего не имѣлъ. И вотъ въ 1829 г. выходитъ его „Иванъ Выжигинъ“, о которомъ я буду говорить подробно дальше. Въ слѣдующемъ году Булгаринъ уже напечаталъ огромный трудъ: „Димитрій Самозванецъ, историческій романъ“, 4 части (первое изданіе и въ томъ же году второе изданіе). Размѣры этого романа очень велики: во второмъ изданіи въ четырехъ книгахъ страницъ свѣше 1400. Въ предисловіи къ этому роману, довольно обширномъ и совершенно серьезномъ, авторъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Прошу не приписывать мнѣ никакихъ мнѣній. Авторъ здѣсь въ сторонѣ, а говорятъ и дѣйствуютъ историческія лица. Я никого не заставилъ дѣйствовать и говорить по моему произволу, но всегда основывался на преданіяхъ или на вычисленіи вѣроятностей. Такъ было въ самомъ дѣлѣ, или иначе не могло быть, судя по прочему (курсивъ Булгарина). Вотъ что руководствовало меня въ изложеніи“. Послѣ этого авторъ прибавляетъ, что онъ „хотѣлъ представить Россію въ началѣ XVII вѣка въ настоящемъ видѣ“. Въ концѣ книги примѣчанія со ссылками на источники. Все это лишено сентиментальнаго духа „Юрія Молославскаго“, но гораздо серьезнѣе этого романа, и для общества, которое было бы болѣе способно къ пониманію историческаго романа, это имѣло бы значеніе. Однако, тотъ фактъ, что „Димитрій Самозванецъ“ Булгарина выдержалъ два изданія въ одинъ годъ, указываетъ на то, что русскіе читатели все-таки оцѣнили романъ.

Когда въ 1833 г. Булгаринъ издалъ свой послѣдній историческій романъ „Мазепа“, онъ опять вернулся въ предисловіи къ нему къ теоретическому вопросу о значеніи историческаго романа. Роковымъ образомъ, Булгаринъ все время сталкивался въ выборѣ своихъ темъ съ Пушкинымъ. „Борисъ Годуновъ“, „Полтава“ посвящены той же самой эпохѣ, что „Димитрій Самозванецъ“ и „Мазепа“, не говоря уже о томъ, что Пушкину предшествовалъ въ изображеніи Мазепы Байронъ. Положеніе Булгарина, не одареннаго художественнымъ талантомъ, но интересующагося эпохой, къ изученію которой его влекли интересы историка, было не легкое.

„Мазепа“ отличается отъ предшествующихъ произведеній Булгарина прежде всего своими размѣрами: это маленькая книжка въ малую восьмушку, страницъ на 200. Въ пре-

дисловіи къ ней авторъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Романъ долженъ служить автору средствомъ или къ развитію какой-либо философической идеи, или къ освѣщенію тайниковъ сердца человѣческаго или къ поясненію характера историческаго лица“. О художественныхъ задачахъ историческаго романа Булгаринъ, какъ видимъ, не догадывался: въ его глазахъ такой романъ служилъ цѣли популяризаціи исторіи и психологическому выясненію того, что было. Поэтому, заключаетъ онъ: „Цѣль романа есть изображеніе характера Мазепы, а не исторіи Малороссіи“. Бѣлинскій утверждаетъ, что „Мазепа“ не имѣлъ успѣха, но вѣдь сомнительно, что тогдашніе читатели поняли глубокой исторической смыслъ и Пушкинской „Полтавы“, которая такъ ярко противопоставила Мазепу Петру.

Такова, въ главномъ, литературная дѣятельность Булгарина. Безпристрастный обозрѣватель ея долженъ признать, что эта дѣятельность была очень полезна, что для распространенія въ русскомъ обществѣ интереса къ своему прошлому, а также и въ области общаго литературнаго развитія Булгаринъ сдѣлалъ не мало.

Что же касается общественныхъ взглядовъ Булгарина, то въ его „Иванѣ Выжигинѣ“ бросается въ глаза открытое осужденіе крѣпостного права. У него не мало картинъ, достойныхъ по содержанію „Горя отъ ума“, не мало яркихъ описаній быта, которыя какъ будто выхвачены изъ безсмертной комедіи Грибоѣдова. Его общественная сатира гораздо шире, чѣмъ наприм. общественный протестъ „Героя нашего времени“. Уже давно сдѣлано указаніе на общія черты между „Иваномъ Выжигинымъ“ и „Мертвыми Душами“. (Ю. Фогтъ. Рус. Арх. 1902. VIII; М. Марковскій. Исторія „Мертвыхъ Душъ“. Кіевъ. 1902. См. Н. К. Пиксановъ. Два вѣка русской литературы. 1924. „Типъ плутовскаго романа.“ Стр. 93). Однако, въ смыслѣ литературномъ романы Булгарина принадлежатъ къ другой эпохѣ, чѣмъ повѣсти Гоголя. Указывая на современную Гоголю литературу романовъ и повѣстей, Н. А. Котляревскій („Гоголь“ 1911, стр. 456) отмѣчаетъ, что на смѣну большимъ романамъ тридцатыхъ годовъ пришла сравнительно короткая повѣсть. Эти большіе романы — „Выжигины“, „Семейство Холмскихъ“, „Жилблазъ“ и др. Все это совершенно забыто въ настоящее время, и все это въ смыслѣ художественномъ настолько слабо, что не привлекало изслѣдователей погрузиться въ мутныя волны этой „поэзіи“. Тѣмъ не менѣе, рано или поздно это надо сдѣлать, и я полагаю, что моя попытка привлечь вниманіе русскаго общества къ одному изъ забытыхъ произведеній русской литературы, совершенно забытому и теперь никому невѣдомому, заслуживаетъ сочувствія.

Романъ Булгарина посвященъ „Всѣмъ благомыслящимъ россиянамъ“. Въ видѣ предисловія напечатано весьма характерное письмо къ гр. А. А. Закревскому, въ которомъ авторъ считаетъ нужнымъ оправдать свое намѣреніе дать картину быта русскаго народа. Онъ заявляетъ, что слѣдуетъ примѣру Петра Великаго и Екатерины Второй, когда прибѣгаетъ къ перу для искорененія зла и пороковъ. „Знаю, что искренность моего Выжигина не понравится людямъ, которые всякую правду, громко сказанную, почитаютъ своевольствомъ, всякое обличеніе злоупотребленія приписываютъ дурному намѣренію; которые просвѣщеніе, единственное средство къ благоденствію народовъ, почитаютъ зломъ, и подобно татямъ, желаютъ водворенія общаго мрака, усыпленія умовъ, глубокаго молчанія, чтобы поступки ихъ были сокрыты. Имъ-то можно приписать то, что сказалъ безсмертный творецъ комедіи: „Горе отъ ума:“ „Ужъ коли зло пресѣчь, забрать всѣ книги-бы — да сжечь“.

Послѣ такой смѣлой выходки Булгаринъ здѣсь, какъ всегда, спѣшитъ проявить свой лоялизмъ: онъ ни мало не подозрѣваетъ правительство въ такихъ гасительныхъ намѣреніяхъ. Напротивъ, говоритъ онъ: „Наше мудрое Правительство печется о просвѣщеніи, о водвореніи нравственности и, вопреки толкамъ закоренѣлыхъ старовѣровъ, поборниковъ невѣжества, даетъ уму просторъ“. Въ стремленіи обезпечить себя Булгаринъ доходитъ до восхваленія цензурнаго устава 1828 года, видя въ немъ „самый прочный памятникъ любви къ просвѣщенію и къ истинѣ обожаемаго нами, правосуднаго Монарха“. Незначительными выпадами противъ „знати“, которая не читаетъ по русски и чужда русской словесности: „наши дамы даже рѣдко говорятъ отечественнымъ языкомъ“, новыми объясненіями цѣли романа и подобными мелочами Булгаринъ заканчиваетъ свое дипломатическое предисловіе.

Самый романъ раздѣленъ на 33 главы. Онъ содержитъ (во второмъ, сжатомъ изданіи, исправленномъ и умноженномъ) 245 страницъ или 490 столбцовъ въ большую четвертку. Такимъ образомъ, по объему романъ великъ. Что касается его содержанія, то оно заключается въ исторіи „сиротки“, при чемъ „сиротка“ этотъ рисуется передъ нами именно въ Дюкрэ Де-Менилевскомъ стилѣ: на самомъ дѣлѣ, это вовсе не сиротки, а дѣти важныхъ и богатыхъ людей, которые (если не всѣ, то отецъ или мать) живы, но почему-нибудь потеряли изъ виду своихъ дѣтей. Исторія ихъ нахожденія, ихъ приключенія до того времени, когда все кончается благополучно, и дальнѣйшія ихъ приключенія, ко-

гда они перестаютъ быть „сиротками“, и составляетъ содержаніе этихъ бульварныхъ романовъ, которымъ слѣдовалъ Булгаринъ, а также и Нарѣжный въ своемъ „Бурсакѣ“. И потому у нихъ обоихъ повторяется та же схема: сиротка находится въ своемъ дѣтствѣ въ самомъ бѣдственномъ состояніи, но потомъ добрые люди содѣйствуютъ улучшенію его состоянія, наконецъ онъ встрѣчаетъ свою мать. Мать „сиротки“, Ивана Выжигина, сразу признаетъ его при случайной встрѣчѣ въ лавкѣ, гдѣ онъ служитъ приказчикомъ. Но она не желаетъ признаться, что она мать юноши: она не рѣшается рассказать ему исторію своихъ приключеній. Въ дѣйствительности, „сиротка“ оказывается незаконнымъ сыномъ знатнаго князя, который былъ влюбленъ въ его мать, но не успѣлъ жениться на ней, такъ какъ долженъ былъ спѣшить на войну, гдѣ и былъ убитъ. Мать его заболѣла послѣ рожденія ребенка, а когда очнулась, оказалось, что обстоятельства заставили людей, которые его подобрали, передать его въ чужія руки.

Князь передъ смертью успѣлъ сдѣлать завѣщаніе, по которому его сыну оставались крупныя средства. На случай, если бы этотъ сынъ умеръ или не могъ получить наслѣдства, завѣщанныя средства должны были перейти къ родичамъ князя. Отсюда вытекаетъ множество всякихъ сплетеній, такъ какъ при первомъ извѣстіи о появленіи наслѣдника убитаго князя у родственниковъ послѣдняго рождаются адскіе планы противъ „сиротки“, успѣвшаго между тѣмъ въ ростѣ и превратиться въ такого же многоопытнаго человѣка, какимъ является „подростокъ“ Достоевскаго.

Наконецъ, истинная мать открываетъ своему сыну, что она не тетка его, а мать; всѣ козни родственниковъ князя оказываются тщетны, зло наказано, а добродѣтель торжествуетъ.

Впрочемъ, о добродѣтели въ этомъ романѣ слѣдуетъ говорить довольно осторожно: „сиротку“ постигли такія искушенія, жизнь свела его съ такими людьми, что онъ никакъ не могъ сохранить въ чистотѣ свою душу. Его паденія многочисленны и даютъ автору поводъ изобразить множество порочныхъ людей, съ которыми его сводила судьба. Но при этомъ — въ этомъ нужно отдать справедливость герою романа — при всемъ своемъ нравственномъ паденіи, онъ не теряетъ вкуса къ добру, онъ мечтаетъ о нравственномъ исправленіи и доброй жизни. Если онъ и „Выжигинъ“, то не потому, что онъ выжига, а потому, что мать выжгла когда-то на его плечѣ бородавку, и по этому „выжигу“ и признала впоследствии сына.

Если бы Иванъ Выжигинъ былъ героемъ добра и правды, то Булгарину не о чемъ бы было и рассказывать въ сво-

емъ произведеніи, какъ и Чичиковъ, превратившись въ добродѣтельнаго мужа, отнял бы у Гоголя всякую возможность живописать нравы городовъ и помѣщичьихъ усадебъ. Приключенія Выжигина такъ же многообразны, какъ и приключенія и встрѣчи Чичикова, прошлое его такъ же полно удивительныхъ событій, какъ и прошлое Чичикова. Романъ нравоописательный, морально-сатирической (вовсе не „плутовской“, какъ называетъ его Пиксановъ) нуждался въ герою, который много видѣлъ, побывалъ во всякихъ передѣлкахъ, посмотрѣлъ всяческіе типы. Въ этомъ большая близость между двумя произведеніями, и естественно, что въ исторіи изученія русской литературы уже была сдѣлана попытка связать „Ивана Выжигина“ съ „Мертвыми Душами“. О заимствованіи со стороны Гоголя, конечно, нельзя говорить: сюжетъ „Мертвыхъ Душъ“ былъ данъ Пушкинымъ, но, во всякомъ случаѣ, передъ „Мертвыми Душами“ уже имѣлся романъ, въ которомъ герой много поѣздилъ по Россіи, повидаль много типовъ разныхъ дурныхъ и смѣшныхъ людей. Разница въ сатиру велика: у Гоголя мы видимъ яркое выраженіе человѣческихъ пороковъ въ ихъ генетическомъ развитіи, у Булгарина поверхностная и случайная картина порочныхъ людей и нравовъ. Того пафоса, которымъ проникнуто осмѣяніе сквозь слезы у Гоголя, нѣтъ и тѣни у Булгарина: онъ скорѣе подмигиваетъ, изображая всякихъ плутовъ, и равнодушенъ къ тому, что на свѣтѣ такъ много плохого. Русскаго колорита въ его романѣ мало; зато, когда Булгаринъ повѣствуетъ въ началѣ своего романа о нравахъ польскихъ помѣщиковъ Западнаго края, онъ возвышается до нѣкоторой художественности.

Гоголь рисуетъ, Булгаринъ перечисляетъ то, что видѣлъ его герой, что онъ пережилъ, и его произведеніе почти лишено художественнаго значенія. Въ немъ нѣтъ ни типовъ, ни образовъ. Но при всѣхъ недостаткахъ художественнаго значенія, „Иванъ Выжигинъ“ обладаетъ большими литературными достоинствами, которыя не слѣдуетъ преуменьшать: онъ все таки представляетъ общественную сатиру.

Первыя главы романа посвящены исторіи дѣтства молодого Выжигина, который въ эту пору своей жизни, впрочемъ, не носилъ никакой фамиліи. Судьба маленькихъ дворовыхъ людей въ литовскихъ губерніяхъ была хорошо извѣстна Булгарину, и онъ съ большимъ мастерствомъ и юморомъ повѣствуетъ о нравахъ помѣщичьей среды въ этой недавно отошедшей къ Россіи области Рѣчи Посполитой. Характерно, что „Иванъ Выжигинъ“ въ этой своей части рисуетъ совершенно ту же самую среду, что и Мицкевичъ въ „Панѣ Тадеушѣ“, но какая между ними разница! Юморъ Булгарина въ описаніи пустого чванства, мотовства и ду-

шевной пустоты польской шляхты въ этой области поднимается иногда на высоту настоящей общественной сатиры, тогда какъ Мицкевичъ, истосковавшись по родинѣ „на парижской мостовой“, пишетъ умиленные, озаренныя солнцемъ любви и идеализаціи картины жизни „старосвѣтскихъ помѣщиковъ“. Негодование Булгарина намъ понятно: онъ рисуетъ картины такого угнетенія крѣпостной массы, что нельзя не быть въ этомъ случаѣ на его сторонѣ.

Мальчикъ росъ въ полномъ одиночествѣ и голодѣ. Въ первый разъ онъ увидѣлъ человѣческое отношеніе къ себѣ, когда былъ посланъ горничной польской барышни съ письмомъ послѣдней къ русскимъ офицерамъ, квартировавшимъ въ селѣ. Офицеры обратили вниманіе на красиваго мальчика, принесшаго это письмо, и накормили его сладкимъ пирогомъ. „Ласки этихъ добрыхъ офицеровъ до такой степени растрогали меня, что я, вспомнивъ о другихъ дѣтяхъ, которыхъ въ моихъ глазахъ ежедневно ласкали отцы и матери, принялся горько плакать, и бросился обнимать новыхъ людей, которые, въ первый разъ въ жизни моей, обошлись со мной по человѣчески. До сихъ поръ рука человѣка поднималась на меня не иначе, какъ для побоевъ и толчковъ, и потому я живо ощущалъ ласки, которымъ сперва завидовалъ издали, никогда не испытавъ ихъ на себѣ“.

Не забудемъ, что эти строки написаны въ суровое николаевское время, когда обращеніе съ дѣтьми было сурово. Въ недавно вышедшихъ мемуарахъ барона Н. Врангеля переданъ любопытный эпизодъ: встрѣтивъ мальчика, гулявшаго вмѣстѣ съ отцомъ, императоръ Николай I не нашелъ сказать мальчику ничего лучшаго, какъ посоветовать отцу почаще сѣчь его. И вотъ въ эту пору Булгаринъ выступаетъ смѣлымъ и горячимъ проповѣдникомъ ласки въ воспитаніи. Ни разу въ своемъ романѣ Булгаринъ не выступаетъ передъ нами въ роли идеализатора того, что не заслуживаетъ похвалы. И „добрые старые нравы“ его ни мало не прельщаютъ.

Офицеры заинтересовались мальчикомъ и, увидя, какъ онъ запуганъ, и что онъ въ дѣйствительности смысленъ и боекъ, рѣшили заняться его судьбой. Результатомъ ихъ разговора съ помѣщикомъ Гологордовскимъ (голымъ при всей гордости, какъ означаетъ эта фамилія, какъ фамиліи Скалозубъ, Собакевичъ и др. имѣютъ тоже свой смыслъ) — результатомъ ихъ заступничества явилась перемѣна въ судьбѣ Ивана. Его повели къ приказчику, который обыкновенно занимался тѣмъ, что сѣкъ мальчика, когда надо было наказать его собственнаго сына, въ видѣ поученія и на страхъ ему. Сиротка перепугался, когда его повели къ приказчику, но на этотъ разъ его не били. Даже баринъ, барыня и ба-

рышни расчувствовались, когда увидѣли испугъ ребенка. Добрые офицеры его утѣшили. „Я всталъ, обтеръ рукавомъ слезы и, осмотрѣвшись кругомъ, примѣтилъ, что баринъ морщился и поглаживалъ усы, барышни держали платки возлѣ глазъ, барыня отворотилась отъ меня, а господскіе сынки изъ за маменьки высовывали мнѣ языки и дѣлали гримасы“. Мальчикъ попалъ въ „англійскіе жокеи“ при дочери пана, и его одѣли соотвѣтствующимъ образомъ, а обязанности его заключались главнымъ образомъ въ передачѣ любовныхъ записочекъ отъ дочери пана молодому офицеру, который спасъ сиротку отъ нищеты. Теперь онъ уже превратился въ „Ванну Англичанина“. Не безъ ироніи авторъ заставляетъ своего героя подѣлиться съ читателями слѣдующимъ философическимъ размышленіемъ: „Не я первый, не я послѣдній въ свѣтѣ заимствовалъ названье и достоинство отъ платья“. Таково содержаніе первой, вводной главы романа.

Вторая и послѣдующія очень интересны, потому что рисуютъ бытъ средняго польскаго шляхетства въ Литвѣ. Это описаніе тѣмъ болѣе интересно, что связано съ сатирой общества „Шубравцевъ“ на тѣ же нравы и отношенія. Очень любопытна эта связь Булгарина съ литературнымъ обществомъ Вильны. Объ этомъ подробно рассказываетъ Лемке, придавая, какъ всегда, пристрастный и тенденціозный характеръ своему разсказу. Именно, въ концѣ 1824 года Новосильцевъ сообщалъ Аракчееву, что въ Петербургѣ находится рядъ вредныхъ лицъ польскаго происхожденія, которые принадлежали въ Польшѣ „къ весьма вредному обществу, существовавшему долгое время подъ именемъ „Шубравцевъ“, между коими они назывались Рустиканами“. По поводу этого доноса въ 1827 году Третье Отдѣленіе начало слѣдствіе. Въ ту же пору вышелъ „Конрадъ Валленродъ“ Мицкевича, который былъ пропущенъ цензурой, и слѣдовательно не долженъ былъ вызвать никакихъ сомнѣній въ смыслѣ благонадежности. Булгаринъ отозвался о немъ очень кратко, что „это сочиненіе займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ литературѣ славянскихъ народовъ“, и обѣщалъ поговорить о немъ подробнѣе въ другой разъ. Новосильцевъ и на это обратилъ свое вниманіе, и отзывъ Булгарина былъ препровожденъ въ Третье отдѣленіе.

Было обнаружено, что „1) общество Шубравское никогда не было тайнымъ, но явнымъ сатирико-литературнымъ, ибо уставъ онаго былъ напечатанъ, и общество издавало журналъ; 2) что оно не было вреднымъ, ибо главные онаго члены и понынѣ находятся въ университетѣ и пользуются особеннымъ покровительствомъ г. Новосильцева; 3) что Булгарина и Греча сдѣлали почетными членами общества единственно изъ литературной вѣжливости за ихъ сатирическія

статьи, въ какомъ духѣ издавался журналъ общества, и что ни Булгаринъ, ни Гречъ не участвовали въ трудахъ общества“ . . .

Я не буду здѣсь распространяться о дѣятельности общества Шубравцевъ (т. е. „веселыхъ плутовъ“, какъ они себя называли въ шутку): объ этомъ я подробно говорилъ въ своей книгѣ о Мицкевичѣ, вышедшей въ 1912 году. Этому обществу посвящено и специальное польское изслѣдованіе. Для темы моей статьи о Булгаринѣ важно лишь то, что сами Шубравцы считали его выразителемъ ихъ настроеній. И дѣйствительно, сатира Булгарина, поскольку она касается польскаго быта „Литвы“ (въ польскомъ смыслѣ этого слова), очень близка къ сатирѣ Шубравцевъ: она изобличаетъ тѣ же пороки шляхты, что и журналъ „Извѣстія съ мостовой“ (Wiadomości Brikowe), которыя издавало это общество.

Глава, посвященная „Г. Гологордовскому и его семейству“, представляетъ очень умную и вѣрную сатирическую картину. Она обладаетъ несомнѣнными литературными достоинствами, и нельзя не подивиться, что ненависть къ Булгарину настолько ослѣпила современную ему критику, что она не нашла нужнымъ отмѣтить ихъ. А позднѣйшая критика или совсѣмъ не знала Булгарина (Чернышевскій о немъ и не упоминаетъ въ своихъ „Очеркахъ гоголевскаго періода“), или повторяла разъ на всегда установленныя порицанія.

Начинается эта глава со слѣдующаго ироническаго замѣчанія: „Когда Бѣлоруссія принадлежала Польшѣ, г. Гологордовскій изъявлялъ большую привязанность къ Россіи, и даже доказывалъ, что онъ происходитъ отъ древней Русской фамиліи, поселившейся въ семъ краю во время Мстислава Удалого. По присоединеніи сей страны къ Россіи Г. Гологордовскій вдругъ сдѣлался приверженцемъ древняго Польскаго правленія, и началъ выводить родъ свой отъ камергера Польскаго Короля Попеля, съѣденнаго мышами на озерѣ Гоплѣ, разумѣется, по писаніямъ. Г. Гологордовскій весьма сожалѣлъ о тѣхъ блаженныхъ временахъ, когда сильный баринъ могъ безнаказанно угнетать бѣдныхъ шляхтичей и, называя ихъ братьями своими, равными, бить батогами на подосланномъ коврѣ, въ знакъ отличія отъ мужиковъ, сажать въ домашнюю тюрьму, и отнимать имѣнье по выдуманымъ притязаніямъ“. Эти притязанія и есть тотъ „наѣздъ“ (pajazd), одинъ изъ которыхъ (последній) воспѣлъ Мицкевичъ. Когда русскіе солдаты явились своего рода восстановителями правосудія, они не встрѣтили со стороны Мицкевича справедливаго къ себѣ отношенія.

Далѣе мы узнаемъ, что г. Гологордовскій „особенно“

жалѣль о перемѣнѣ обычаевъ на сеймикахъ, т. е. на выборахъ дворянскихъ. Въ старину богатый помѣщикъ приводилъ съ собою на нѣсколькихъ телѣгахъ бѣдныхъ, но буйныхъ и вооруженныхъ шляхтичей, заставляя ихъ выбирать себя и своихъ пріятелей въ разныя званія, бить и рубить своихъ противниковъ. Это называлось золотою вольностью“. Далѣе описывается дворъ пана, его внѣшняя показная роскошь при дѣйствительномъ убожествѣ. Описывается и компанія учителей, которая жила въ этомъ безалаберномъ домѣ. „Какъ вольные слуги пропивали часть своей ординаріи, а крѣпостные никогда не наѣдались до сыта, то всякій рвалъ и кралъ, что могъ и гдѣ случалось“. Затѣмъ въ домѣ жила масса всякихъ приживалокъ и приживальщиковъ изъ шляхтичей. Они, какъ и всѣ въ домѣ, носили важныя латинскія названія: назывались резидентами. Самъ „Г. Гологордовскій, въ знакъ Польскаго своего происхожденія, носилъ длинныя усы, которые онъ часто поглаживалъ, особенно, когда разговаривалъ о важныхъ предметахъ, т. е. о дворянскихъ выборахъ, процессахъ и ссорахъ съ своими сосѣдями. Всѣхъ ихъ онъ почиталъ гораздо ниже себя, не взирая на то, что многіе изъ нихъ были богаче его и полезнѣе для отечества своими заслугами и поступками. Гордость свою Г. Гологордовскій основывалъ на древности своего рода, которую онъ доказывалъ не историческими доводами о знаменитыхъ подвигахъ, но судебными протоколами, въ которыхъ записаны были, въ теченіе четырехсотъ лѣтъ, жалобы на разбои его предковъ и рѣшенія, осуждающія ихъ на висѣлицу. Двухсотлѣтнія и столѣтнія фамиліи онъ называлъ новичками, и не признавалъ достойными родниться съ ними и обходиться на дружеской ногѣ. Особенное презрѣніе и ненависть оказывалъ онъ къ тѣмъ, которые сами составили себѣ имѣніе честнымъ образомъ, а не получили отъ предковъ“. Главное занятіе Г. Гологордовскаго было веденіе безконечныхъ тяжбъ съ сосѣдями, при чемъ выигрышъ сопровождался неимовѣрнымъ хвастовствомъ и пирами, стоившими много больше того, что выигрывалось. Главный совѣтникъ пана былъ еврей, жидъ Юсель, который изображенъ далеко не такъ идиллически, какъ еврей въ „Панѣ Тадеушѣ“.

По характеристикѣ Булгарина, „этотъ Юсель былъ всеобщимъ стряпчимъ цѣлаго дома, тайнымъ повѣреннымъ господъ и слугъ, олицетворенною газетою, или источникомъ всѣхъ политическихъ сношеній, соблазнительныхъ анекдотовъ, въ окружности двадцати миль, и пересказчикомъ всего добраго и худого. Жидъ имѣлъ два могущественные талисмана для завѣдыванія сердцами: деньги и водку. Онъ былъ нуженъ всѣмъ, начиная отъ господина до послѣдняго пастиуха въ деревнѣ; всѣ ему были должны, и всѣ имѣли бо-

лѣе охоты занимать, чѣмъ платить. Этотъ жидъ для самого Г. Гологордовскаго былъ необходимѣе, чѣмъ голова на плечахъ, если бъ только ротъ можно было перемѣстить на другую часть тѣла“. Это былъ „истинный вампиръ, который сосалъ кровь усыпленнаго челоуѣчества въ имѣніи Г. Гологордовскаго, богатѣя, и подобно болоту, принималъ въ себя всю живительную влагу, изсушалъ окружные источники богатства и порождалъ повсюду нищету и безплодіе“. Развѣ не блестящи эти двѣ характеристики: пана и еврея арендатора ?

Далѣе идутъ столь же яркія характеристики дамской половины семейства. Очевидно, Булгаринъ хорошо зналъ эту среду, хотя самъ и не много бывалъ въ Вильнѣ. Эти характеристики не такъ общи и отрицательны, какъ двѣ вышешприведенныя: въ дамахъ Булгаринъ видитъ кое-что симпатичное, мягкое, однако, искаженное нелѣпыми условіями жизни. Супруга Г. Гологордовскаго была вѣжлива съ прислугой, хозяйствомъ не занималась, „вѣрила отъ всего сердца, что ея ласковое слово и улыбка дороже всякому, нежели хорошая пища, одежда и жалованье. Она очень любила читать нѣжные романы, еще болѣе любила разсуждать съ мужчинами о любви, а всего болѣе любила наряжаться“. Дочери ея „были прекрасны собою, ловки въ обращеніи съ мужчинами, смѣлы, какъ драгуны, рѣзвы и веселы“. Два сына, 12 и 14-ти лѣтъ, „были настоящія обезьяны по хитростямъ, уловкамъ, злости, обжорству и скрытности“. Такова эта семья, съ которой начинается жизненное поприще Ивана Выжигина.

Въ третьей главѣ выступаетъ русское офицерство, которое находится въ самыхъ дружелюбныхъ отношеніяхъ съ польскими панами: оно еще не оказалось по другую сторону пропасти, которая разверзлась послѣ 1830 г. Несомнѣнно, Мицкевичъ, изображая такую пропасть, невольно впалъ въ анахронизмъ, вызванный событіями перваго возстанія. Напротивъ, герой Булгарина, „Миловидинъ, избалованное дитя счастья, былъ предметомъ любви всѣхъ женщинъ, въ окружности 25 миль. Для него давали праздники, его вездѣ хотѣли имѣть въ гостяхъ, и, что всего удивительнѣе, мужчины, т. е. помѣщики, не только не сердились на него за явное предпочтеніе, оказываемое ему женщинами, но даже любили его. Миловидинъ былъ, въ полномъ смыслѣ, добрый малый: т. е. откровененъ и со всѣмъ своимъ остроуміемъ простодушенъ. Онъ не спорилъ съ Поляками о политикѣ, пилъ съ ними за здоровье прежнихъ патріотовъ и бранилъ отъ чистаго сердца чиновниковъ...“

Исторія любви между дочерью пана Петронеллой и Миловидинымъ забавна, но не входитъ, собственно, въ тему мо-

его изложенія: поэтому я ее оставляю въ сторонѣ. Считаю нужнымъ только отмѣтить, что и здѣсь стиль Булгарина, немножко сатирической, немножко грустный, очень напоминаетъ стиль „Мертвыхъ Душъ“, которая, конечно, въ смыслѣ художественности стоятъ неизмѣримо выше „Ивана Выжигина“. Кончилась эта исторія любви тѣмъ, что Миловидинъ похитилъ Петронеллу, а съ ней вмѣстѣ и героя романа, который такимъ образомъ начинаетъ длинный путь своихъ странствованій. Въ описаніи бала, съ котораго была увезена дочь пана, рядъ юмористическихъ черточекъ, тѣмъ болѣе любопытныхъ, что Булгаринъ относится съ трезвымъ юморомъ къ тому, что Мицкевичъ идеализировалъ. Вотъ одна изъ этихъ картинъ: „Ужинъ былъ столь же изобилень и роскошенъ, какъ и обѣдъ, только попойка приняла другой оборотъ. Почти всѣ гости перепились до послѣдней степени. Музыкантовъ прогнали въ другую комнату, и начались объясненія въ дружбѣ между мужчинами, обниманья, цѣлованія и обѣщанія забыть всѣ ссоры и взаимныя неудовольствія. Дамы призываемы были въ свидѣтельницы этихъ примиреній и должны были ручаться въ исполненіи обѣщаній двухъ сторонъ. При знаменитомъ тостѣ: возлюбимъ другъ друга (kochaјmy się) гости пили полную чашу, стоя одинъ передъ другимъ на колѣняхъ или обнявшись. Наконецъ, обратились къ дамамъ и начали пить за здоровье каждой изъ нихъ, изъ ихъ собственныхъ башмаковъ. Мужчина, ставъ на колѣни передъ дамою, снималъ башмакъ съ ея ноги, послѣ того цѣловалъ почтительно ее въ ногу и въ руки, ставилъ рюмку въ башмакъ, а иногда и наливалъ въ него вина, выпивалъ и передавалъ другому“.

Итакъ, Миловидинъ увезъ Петронеллу и Ивана, и этотъ послѣдній началъ новую жизнь. Жизнь была очень веселая и хорошая, но не по средствамъ офицеру, и безъ того уже запутавшемуся. Миловидинъ рѣшился ѣхать къ старому дядѣ, котораго его красавица жена должна была тронуть и расщедрить. Всѣ уѣхали, а Иванъ остался на квартирѣ при вещахъ, находившихся въ закладѣ, и Жиду приказано было кормить его на счетъ господъ. Изъ этой комбинаціи достаточно легкомысленной, разумѣется, ничего не вышло: дядя находился уже въ плѣну у другихъ женщинъ, и Иванъ былъ забытъ. Пребываніе у Юсея даетъ поводъ Булгарину написать очень обстоятельный и серьезный по существу, хотя и написанный въ обычномъ тонѣ балагурства очеркъ эксплуатаціи крестьянскаго населенія евреями въ Западномъ краѣ. Булгаринъ превосходно знаетъ приемы этой эксплуатаціи, какъ и вообще онъ поражаетъ знаніемъ всяческихъ мошенничествъ, къ которымъ прибѣгаютъ темные люди, и всегда, когда имѣется къ тому поводъ, излагаетъ ихъ съ

большими подробностями и отличнымъ знаніемъ порочной человѣческой души. Ноздревъ со своими плутнями — мальчишка передъ тѣми продѣлками, которыми наполненъ „Иванъ Выжигинъ“. Итакъ, предметъ новаго живописанія Булгарина, Мовша, занимался весьма разносторонней дѣятельностью, „но какъ Жидъ не можетъ жить безъ того, чтобъ не торговать водкою“, то въ его домѣ былъ шинокъ. „Мелочная продажа водки есть первая необходимость Жида въ Польскихъ провинціяхъ. Этимъ средствомъ онъ достаетъ за десятую часть настоящей цѣны всѣ сѣстные припасы и отапливаетъ домъ почти даромъ. Кромѣ того, онъ посредствомъ водки вывѣдываетъ у крестьянъ и служителей всѣ тайны, всѣ нужды, всѣ связи и отношенія ихъ господъ, что дѣлаетъ Жидовъ настоящими владѣльцами помѣщиковъ и подчиняетъ жидовскому вліянію всѣ дѣла и всѣ обстоятельства, въ которыхъ являются на сцену металлъ и ассигнаціи. Въ самомъ дѣлѣ, помѣщики наслаждаются однимъ только звукомъ металловъ и видомъ ассигнацій, а въ существѣ своемъ они принадлежатъ Жидамъ“. Далѣе, идетъ обстоятельное и не лишнее донинѣ историческаго значенія описаніе того, съ помощью чего достигается это порабощеніе гордыхъ польскихъ пановъ безправными и пресмыкающимися евреями. Еще проще, чѣмъ съ панами, евреи обращаются съ крестьянами. Но главный ихъ доходъ дается имъ контрабандой, и Иванъ Выжигинъ, попавъ на службу къ еврею Мовшѣ, долженъ былъ принять участіе въ этихъ операціяхъ. Припомнимъ, что и Чичиковъ совершилъ одинъ изъ своихъ главнѣйшихъ подвиговъ именно въ области таможенныхъ операцій, и тогда мы съ извѣстнымъ правомъ могли бы отнести и „Мертвыя Души“ къ разряду „плутовскихъ романовъ“.

Покончивъ съ характеристикою помѣщиковъ и ихъ вѣрныхъ слугъ евреевъ, Булгаринъ переходитъ къ картинамъ изъ чиновничьяго міра, совпадая и здѣсь въ изображеніи типовъ съ Гоголемъ. Только у Гоголя, конечно, все это гораздо художественнѣе и типичнѣе. Въ корчмѣ Мовши встрѣчаются на перепутьи два лица: Скотинко, прокуроръ, отставленный отъ службы, и Плутяговичъ, назначенный на ту самую должность, съ которой уволенъ Скотинко. Слуги обоихъ дѣлятся впечатлѣніями: „Привольное житіе у барина прокурора, а у губернатора рай, всего черезъ край“. Самъ Плутяговичъ вступаетъ въ переговоры съ Мовшей: „Мнѣ бы хотѣлось поучиться кое-чему, т. е. службѣ, — понимаешь?— „Какъ не понимать“, возразилъ Мовша. „Но для этого не надобно учителей. Какъ пріѣдете въ городъ, возьмите къ себѣ въ факторы жидка нашего Ицку, который былъ въ этой же должности у г. Скотинки: онъ вамъ во всемъ поможетъ, станетъ отыскивать пресвителей, уговариваться съ

уѣздными чиновниками и брать для васъ деньги взаймы. Разумѣется, безъ векселя и росписки. Я вамъ дамъ письма къ моимъ родственникамъ и Ицкѣ: положитесь во всемъ на нихъ, они не измѣнятъ вамъ, — только помогайте въ нашихъ жидовскихъ дѣлишкахъ“. — „Изволь, сказалъ Плутяговичъ: буду вашъ“.

Булгаринъ очень хорошо зналъ, о чемъ онъ пишетъ, и является въ этомъ случаѣ соратникомъ Гоголя. Встрѣчу съ семействомъ Скотинки герой романа рѣшилъ использовать въ свою пользу, и такъ какъ Мовша не имѣлъ на него никакихъ юридическихъ правъ, то онъ рѣшилъ освободиться отъ своей зависимости отъ евреевъ и упросилъ Скотинку взять его съ собой въ Москву. Евреи не могли этому помѣшать и, напротивъ, старались на всякій случай задобрить мальчика. На другое утро онъ поѣхалъ на задкѣ кареты въ новый путь. Начинается новая глава въ жизни Ивана Выжигина. Интрига романа, какъ мы видимъ, до сихъ поръ не выходитъ за предѣлы возможнаго и реальнаго.

Въ Москвѣ Иванъ научился грамотѣ, присутствуя на урокахъ господскихъ дѣтей. „Такимъ образомъ, рассказываетъ герой: я сдѣлался ученымъ — между лакеями. Я былъ доволенъ своимъ состояніемъ, сравнивая его съ моимъ положеніемъ у Жида, и хотя людей, вообще, въ домѣ г. Скотинки содержали и кормили весьма дурно, болѣе отъ небреженія, нежели отъ скупости; но я имѣлъ свои преимущества, вознаграждавшія меня за другіе недостатки. Я пользовался остатками завтраковъ и ужиновъ дѣтскихъ; мнѣ дарили деньги на пряники въ модныхъ магазинахъ, въ аптекѣ и въ другихъ мѣстахъ, куда я ходилъ за дѣлами барыни; сверхъ того, я завелъ игру въ орлянку съ сосѣдными мальчиками и форейторами и, отчасти счастьемъ, отчасти искусствомъ всегда почти выигрывалъ. Я даже успѣлъ (какъ Чичиковъ въ томъ же возрастѣ) составить себѣ небольшой капиталъ, котораго мнѣ было достаточно на лакомство и на утоленіе голода, въ случаѣ нужды“.

Такъ прошло полтора года. Но тутъ въ судьбѣ Ивана Выжигина произошла коренная перемѣна въ родѣ того, что случилось въ жизни героевъ Дюкрэ Де Мениля. Однажды въ модномъ магазинѣ его увидѣла молодая нарядная дама. „Взглянувъ нечаянно на меня, она остановилась и смотрѣла пристально, съ какимъ то особеннымъ участіемъ. Она хотѣла приняться снова за разсматриваніе товаровъ, но, какъ бы по невольному влеченію, взоры ея безпрестанно устремлялись на меня“. Затѣмъ дама стала спрашивать мальчика, откуда онъ, и когда узнала, что онъ самъ ничего не знаетъ о своемъ происхожденіи, а выросъ въ домѣ Г. Гологордовскаго, она велѣла ему слѣдовать за собой. Происходитъ

трогательная сцена опознанія мальчика, но требовать отъ Булгарина нѣжныхъ и сентиментальныхъ сценъ было бы смѣшно: онъ на чувствительность совершенно не способенъ. Спокойно онъ рассказываетъ о томъ, что на другой день къ Скотинкѣ явился князь Чвановъ, который долго наединѣ съ нимъ говорилъ. вмѣсто того, чтобы впасть въ чувствительный тонъ и повѣствовать о добромъ князѣ Чвановѣ, который своимъ вмѣшательствомъ въ судьбу „сиротки“ сдѣлалъ ему такъ много добра, Булгаринъ оттачиваетъ свое перо и принимается описывать, что это былъ за князь: „Князь имѣлъ отъ роду лѣтъ семьдесятъ; лицо его украшено было морщинами и красными пятнами; лысая голова была покрыта тѣстомъ изъ пудры съ помадою“ и т. под. „Онъ едва передвигалъ ноги, и лакеи вели его подъ руки съ такою осторожностью, какъ будто онъ былъ стеклянный и могъ разбиться въ куски отъ малѣйшаго прикосновенія“. Все это не мѣшало князю Чванову быть очень добрымъ человекомъ, что видно изъ текста рассказа, хотя Булгаринъ слишкомъ скупъ на похвалы, чтобы высказать это прямо.

Князь въ каретѣ отвезъ мальчика къ себѣ. Тамъ его переодѣли въ щегольской нарядъ и отвезли къ дамѣ, видѣвшей мальчика въ лавкѣ. Оказалось, что эта дама его мать, но онъ самъ объ этомъ узнаетъ, конечно, въ самомъ концѣ романа, а пока ему говорятъ, что она его тетка, сестра его матери. Слѣдуетъ характеристика матери: „Тетушка моя была одна изъ тѣхъ женщинъ, которыя почитаютъ красоту первымъ достоинствомъ, нарядъ первою потребностью въ жизни, а первымъ наслажденіемъ — удивленіе мужчинъ и зависть женщинъ. Она употребляла большую часть времени на то, чтобъ наряжаться и показываться въ публикѣ во всемъ блескѣ красоты и богатства. Даже любимое ея занятіе, музыка, служило ей только предлогомъ къ привлеченію въ домъ людей хорошаго общества, которые для того именно принимали на себя названіе любителей сего искусства“. Попавъ въ новую обстановку, Иванъ былъ охваченъ стремленіями къ добру. Когда „тетушка“ сказала ему, что „теперь онъ будетъ баричемъ, точно такимъ же, какъ дѣти Гологордовскаго и Скотинки“, Иванъ отвѣчаетъ: „О нѣтъ, тетушка, я хочу быть гораздо лучше ихъ. Они обходятся очень дурно съ бѣдными мальчиками и слугами, шалютъ, обманываютъ родителей и не учатся“. Такимъ образомъ, и въ этомъ случаѣ герой оказывается на сторонѣ добра.

Вокругъ „тетушки“ вращались люди, которыхъ никакъ нельзя бы было назвать столпами нравственности, и описаніе ихъ даетъ поводъ автору набросать рядъ человѣческихъ образовъ. Здѣсь и князь Чвановъ, который играетъ въ домѣ „роль папеньки“. Онъ, очевидно, давалъ и средства на со-

держаніе дома, и былъ очень добръ съ мальчикомъ. Трудно понять, почему Булгаринъ не нашель на своей палитрѣ никакихъ свѣтлыхъ красокъ для украшенія этого образа, почему и самага князя онъ наименовалъ Чвановымъ. Изъ разсказа это совсѣмъ не вытекаетъ. Далѣе описывается Плезиринъ, небогатый молодой дворянинъ, который забѣгалъ въ домъ по нѣсколько разъ въ день, но всегда въ отсутствіи князя. Другимъ повѣреннымъ тетушки былъ аббатъ Претату (Prêt à tout), человекъ лѣтъ 45, пріятной наружности и весьма веселаго нрава. Онъ также бывалъ всякій день, но никогда не встрѣчался съ Плезиринымъ. „Тетушка во всемъ соблюдала большой порядокъ, и всякому дѣлу, всякому посѣщенію назначено было свое время“. Мужчины очень любили молодую вдову итальянца Баритано, какой оказалась, послѣ долгихъ жизненныхъ мытарствъ, тетушка, бывшая, въ дѣйствительности, русской крестьянской дѣвушкой, но „женщины поглядывали на нее съ улыбкою или изъ-подлобья, и, глядя на нее, всегда почти перешептывались между собою. Но тетушка моя была такъ добра, что ни за что не гнѣвалась“. И со слугами она обращалась ласково, и всѣми была любима.

Ванѣ отвели комнату, нашли ему учителей, придумали ему фамилію и даже устроили дворянство. Его отцомъ оказался чиновникъ изъ дворянъ Ивановъ, а матерью — какая то рано умершая дворянка. Такимъ образомъ, все оказалось въ порядкѣ: почему Иванъ при этомъ вышелъ не Ивановымъ, а Выжигинымъ, на этомъ авторъ останавливается мало: „Какъ у отца твоего не осталось родственниковъ, то тебѣ все равно, какъ называться, Ивановымъ или Выжигинымъ. Я молчалъ и слушалъ“. Послѣ этого началось обученіе Вани разнымъ наукамъ: музыкѣ и пѣнію, нѣмецкому и французскому языкамъ. „Черезъ годъ я уже говорилъ по-французски почти такъ же хорошо и, по крайней мѣрѣ, такъ же смѣло, какъ другіе наши знакомые“. Потомъ было рѣшено отдать мальчика въ пансіонъ. Здѣсь опять передъ нами яркая характеристика такой школы, не очень далекая отъ пансіона, въ которомъ учился „Подростокъ“ Достоевскаго. Очевидно, частная школа тридцатыхъ и конца двадцатыхъ годовъ, пансіонъ Драшусова или Лебриллиана, гдѣ „обучались дѣти лучшихъ Русскихъ фамилій“, не очень отличались одинъ отъ другого: картина, нарисованная Булгаринымъ, достойна того, чтобы попасть въ исторію русской педагогики. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что она списана съ дѣйствительности. Особенно любопытна сцена экзаменовъ въ этой школѣ, близкая и къ тому, что описываетъ Татьяна Пасекъ въ своихъ мемуарахъ. Я приведу изъ этого мѣста романа нѣсколько строкъ: думаю, что оно заслуживаетъ нашего вниманія. „Наступило время

торжественнаго испытанія въ пансіонѣ и выпуска изъ верхняго класса, въ которомъ я былъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ. Старшему изъ насъ было не болѣе 17 лѣтъ отъ роду, но всѣ мы почитали себя достойными занять первыя должности въ государствѣ (вспомнимъ Гоголя въ Нѣжинскомъ лицѣ), и сожалѣли о потерянномъ времени, не для ученья, а для выслуги офицерскаго чина. Съ нетерпѣніемъ ожидали мы экзамена, о которомъ посланы были повѣстки къ родителямъ за двѣ недѣли впередъ. Начались приготовленія. Каждому ученику даны были прежде вопросы и отвѣты для выученія наизусть, и учителя ежедневно дѣлали репетиціи, обучая насъ по разнымъ условнымъ знакамъ, что должно отвѣчать, если кто либо изъ постороннихъ спроситъ о томъ, что не было означено въ прежнихъ вопросахъ. Напримеръ, всѣ пуговицы на фракѣ и на жилетѣ у учителей означали части рѣчи и всѣ грамматическія правила. Всѣ ихъ движенія имѣли особенныя значенія. Носъ у профессора Фортификаціи значилъ бастіонъ, ротъ — крѣпостной ровъ, зубы — палисады, подбородокъ — гласисъ, глаза — флешы, затылокъ — тет-депонъ и т. п. Голова учителя Географіи представляла вселенную. Маковка на головѣ его означала зенить, а подбородокъ — надиръ; щеки — поворотные круги, носъ — эклиптику, коса — первый меридіанъ, ротъ — океанъ, глаза — неподвижныя звѣзды и т. д. Кромѣ учителей, ученики также научились помогать своимъ товарищамъ посредствомъ знаковъ. Г. Лебриллианъ изготавилъ аттестаты каждому ученику для представленія родителямъ, родственникамъ и опекунамъ. Хорошая или дурная аттестація въ наукахъ и поведеніи зависѣла не отъ успѣховъ и нравственности учениковъ, но отъ знатности, богатства, щедрости и степени привязанности родителей и родственниковъ къ дѣтямъ. Отъ кого г. Лебриллианъ надѣялся получить болѣе выгодъ, тотъ получалъ лучшій аттестатъ, а какъ нельзя было предполагать, чтобъ въ пансіонѣ не было шалуновъ и лѣнивцевъ, то дурные аттестаты опредѣлены были дѣтямъ отсутствующихъ родителей, сиротамъ, о которыхъ опекуны, по обыкновенію, мало заботились, и двумъ бѣднымъ пансіонерамъ, которыхъ г. Лебриллианъ воспитывалъ даромъ, для того, чтобы прославиться добродушіемъ и щедростью. Всѣмъ ученикамъ, которые должны были получить награды, разумѣется, купленные на ихъ же деньги, и хорошіе аттестаты, сказано было объ этомъ прежде, подъ секретомъ, и поручено пригласить на экзаменъ какъ можно болѣе родственниковъ и знакомыхъ. Наконецъ, послѣ успѣшныхъ приготовленій наступило торжество“.

Окончилъ курсъ наукъ и Иванъ Выжигинъ, но что съ нимъ было дѣлать дома? Аббатъ посоветовалъ, чтобы онъ

продолжалъ ходить въ Пансіонъ: „это нужно не для наукъ, но для того, чтобъ онъ не научился дома тому, чего ему знать не слѣдуетъ“. Тѣмъ не менѣе, мальчикъ попалъ въ руки нѣкоего Вороватина, который еще въ пансіонѣ познакомился съ нимъ, и который занимался систематическимъ развращеніемъ вкусовъ и нравственности учащихся. Слѣдуетъ думать, что и этотъ образъ взятъ изъ живой дѣйствительности. Лицейскіе годы Пушкина, ученическіе годы Лермонтова могли бы многое рассказать о такихъ руководителяхъ тогдашней молодежи.

„По правиламъ Г-на Вороватина, для дѣтей была одна только обязанность въ жизни въ отношеніи къ родителямъ, а именно, представляться такими, какими они желали видѣть своихъ дѣтей. Откровенность съ родителями и со всѣми старшими онъ почиталъ порокомъ и глупостью. Адскія свои правила Г. Вороватинъ прикрывалъ названіемъ новой философіи, и подъ именемъ правъ природы и правъ человека посѣвалъ въ неопытныхъ сердцахъ безвѣріе и понятіе о скотскомъ равенствѣ. Идеи намъ чрезвычайно нравились, потому что въ нихъ находили мы все, что могло льстить нашему самолюбію, и все, чѣмъ можно было доказать наше мнимое право на независимость. Мы почитали себя философами XVIII вѣка, и всѣхъ, кто думалъ не такъ, какъ мы и какъ Г. Вороватинъ, называли варварами и невѣждами“.

Дальнѣйшій житейскій опытъ Ивана Выжигина сталкиваетъ его съ нѣкимъ Грабилинымъ, который сталъ часто ѣздить въ домъ тетушки, внося въ него вмѣсто прежняго веселья уныніе. Ивану приходилось искать развлеченія, и Вороватинъ свелъ его съ другой подозрительной семьей, „вдовушкой“ Матреной Ивановной Штосиной, „веселой и вѣтренной“. Здѣсь шла большая карточная игра: собственно, это былъ игорный домъ. Не малымъ средствомъ привлеченія въ него людей была дочь вдовушки, Груня, пятнадцатилѣтняя красавица. Она была задумчиваго нрава, проводила большую часть времени одна, въ своей комнатѣ, въ чтеніи чувствительныхъ романовъ, и знала наизусть „Страсти молодого Вертера“ и „Новую Элоизу“. Молодые люди сошлись, вели бесѣды на философскія темы и наконецъ начали переписку, хотя могли обойтись и безъ нея, такъ какъ имъ никто не мѣшалъ говорить, сколько они хотѣли. Но вліяніе Новой Элоизы именно къ этому ихъ и влекло, какъ влекло Татьяну написать письмо Евгенію Онѣгину тоже по Руссо. „Вскорѣ философскія наши письма приняли тонъ писемъ нѣжнаго Сент-Пре и мягкосердной Юліи, и мы, не зная, какъ и зачѣмъ, открывались въ любви другъ къ другу, и мечтали о будущемъ нашемъ блаженствѣ“. Очень тонко Булгаринъ ри-

суетъ душевное состояніе молодого человѣка, растущаго въ подобныхъ условіяхъ. Здѣсь романъ „плутовской“ превращается въ настоящій психологическій: „Страсти мои смѣнялись вмѣстѣ съ получаемыми мною впечатлѣніями, не оставляя въ сердцѣ никакихъ слѣдовъ. Но, наконецъ, дружба моя съ Грунею, ежедневная переписка съ нею и частыя свиданія открыли мнѣ новое поприще и поглотили всѣ прочіе зародыши страстей“. Сентиментальныя и томныя бесѣды между молодыми людьми очень интересны для характеристики быта.

„Мы всѣ учились понемногу“, „свѣтъ рѣшилъ, что онъ уменъ и очень милъ“... Эти слова Пушкина невольно припоминаются, когда читаешь описаніе дальнѣйшей карьеры Выжигина. Онъ рѣшилъ прекратить посѣщеніе ненужнаго уже ему пансіона г. Бриллиана, хотя имѣлъ всего 15 лѣтъ. Но тогда начинали жить раньше. „По французски я говорю, какъ французъ, по нѣмецки весьма изрядно, танцую ловко, въ Исторіи, Географіи и другихъ наукахъ знаю столько, сколько сами учителя, а, кромѣ того, по милости вашей, хорошій музыкантъ. Чего мнѣ болѣе надобно? Учителемъ я не могу и не хочу быть, а для свѣтскаго человѣка я даже слишкомъ ученъ“. Обозрѣвая свое образованіе, Выжигинъ впадаетъ въ философскій тонъ и говоритъ слѣдующее: „Читатели, вѣроятно, замѣтили, что до сихъ поръ не было упомянуто о томъ, чтобъ кто-нибудь занимался преподаваніемъ мнѣ правилъ вѣры, нравственности и образованіемъ моего сердца. Я сперва былъ въ самомъ низкомъ сословіи людей, а послѣ того разомъ шагнулъ на такую степень, которую занимаютъ въ свѣтѣ только дѣти, рожденные отъ знатныхъ и богатыхъ родителей. Въ первомъ сословіи вовсе не занимаются образованіемъ нравственной природы человѣка, довольствуясь механическимъ изученіемъ всѣхъ тѣлодвиженій, нужныхъ для прислуги, точно такъ, какъ обучаютъ пуделей носить поноску; въ другомъ званіи пекутся единственно о томъ, чтобы сдѣлать изъ мальчика человѣка, во всемъ похожаго на тѣхъ людей, которые по рожденію или по богатству имѣютъ право жить въ такъ называемомъ большомъ свѣтѣ. А какъ въ блистательныхъ обществахъ не разговариваютъ ни о религіи, ни о философіи, и какъ тамъ вообще не занимаются ни учеными людьми, ни науками, ни поведеніемъ своихъ знакомыхъ: то французскій языкъ, танцеваніе и знаніе свѣтскихъ приличій составляютъ всю свѣтскую премудрость. За это только платятъ деньги французскимъ наставникамъ, и они дѣлаютъ только то, чего отъ нихъ требуютъ“.

Надо было бы очень много мѣста, чтобы подробно изложить всѣ приключенія героя романа. Изъ приведеннаго

выше видно, что изложеніе романа ведется въ быстромъ темпѣ, и событія слѣдуютъ одно за другимъ, смѣнясь характеристиками дѣйствующихъ лицъ и разными размышленіями. Для того, чтобы изложить эти событія, занимающія, какъ выше указано, 500 страницъ убористаго шрифта, надо много мѣста. Я не стану пересказывать романъ. Судьба ведетъ Выжигина на русскій Востокъ: вслѣдъ за Груней, ѣдущей съ матерью въ Оренбургъ, туда отправляется и Иванъ въ компаніи Вороватина, который, какъ оказывается, знаетъ тайну происхожденія юноши и имѣетъ въ виду убить его подальше отъ его матери, чтобы наслѣдники князя получили права на имущество. Объ этихъ правахъ мы узнаемъ только въ концѣ романа. Пока же мы только поражаемся хитрости и злокозненности его спутника, не даромъ названнаго Вороватынымъ.

На русскомъ Востокѣ Иванъ наблюдаетъ нравы администраціи, встрѣчаясь съ типами воровства, дикаго взяточничества, казнокрадства и насилій, но на ряду съ этими злодѣями, которые составляли, вѣроятно, основной тонъ русской администраціи въ провинціи, попадаются случайно праведники, добросовѣстные люди, которымъ приходилось крайне тяжело.

Сатира Гоголя находитъ себѣ параллель въ романѣ Булгарина, менѣе талантливомъ, разумѣется, мало жившемъ и забытомъ, но давшемъ не мало вѣрныхъ наблюденій и не лишенныхъ гражданскаго мужества характеристикъ. Вотъ описаніе города, лежащаго по пути въ Оренбургъ. „Городъ былъ не что иное, какъ обширное четвероугольное пространство, обнесенное полуразрушившимся плетнемъ; три четверти огороженной земли заняты были выгономъ. Въ серединѣ всего объема лежала почтовая дорога: по обѣимъ сторонамъ ея, за рвами, выстроены были небольшіе деревянные домики и лачуги. Вправо и влево было нѣсколько улицъ со вросшими въ землю избушками и большими пустыми промежутками, съ развалинами плетней и заборовъ. Въ серединѣ находилась площадь, на которой возвышалась каменная церковь и полуразрушенное кирпичное зданіе, гдѣ нѣкогда предполагалось было помѣстить судебныя мѣста. На бумагѣ этотъ городъ занималъ весьма много мѣста, и всѣ улицы, означенныя въ натурѣ взрытою землею и слѣдомъ бывшихъ рововъ, представляли на планѣ прекрасную перспективу. Жаль только, что кучи навоза и разбросанныя въ безпорядкѣ гряды замѣняли мѣсто большей части домовъ, прекрасно нарисованныхъ губернскимъ архитекторомъ. Читатели мои, конечно, видали много такихъ городовъ. Но какъ имена ихъ существуютъ только на ландкартахъ и на планахъ, хранящихся въ межевыхъ конторахъ, и какъ мѣста

для строенія домовъ означены, и даже фасады придуманы: то, кажется, что половина дѣла уже сдѣлана. Впрочемъ, никто не виноватъ: человѣкъ предполагаетъ, Богъ располагаетъ (*l'homme suppose, Dieu dispose*). Города такъ же не возможно сдѣлать многолюднымъ, безъ особенныхъ мѣстныхъ выгодъ, какъ произвольно установить вексельный курсъ". Городъ, гдѣ совершалъ свои подвиги Хлестаковъ, лежалъ на пути между Пензой и Саратовомъ, т. е. на востокѣ Россіи, и вѣроятно, походилъ на Булгаринскій городъ.

Представителемъ администраціи въ этомъ благословенномъ ууголкѣ былъ пріятель Вороватина, капитанъ-исправникъ Савва Саввичъ. Вотъ характеристика этой обаятельной личности: „Онъ былъ исполинскаго росту и, служивъ нѣкогда въ полицейскихъ драгунахъ, сохранилъ военную вытяжку и пріемы, держался всегда прямо, какъ палка, и поворачивался быстро всѣмъ тѣломъ. Лѣта и винные пары до такой степени ослабили корни его волосъ, что они всѣ почти вылѣзли, исключая нѣсколькихъ клочковъ на вискахъ и на затылкѣ. Длинный носъ его и оконечности тощаго лица покрыты были багровымъ лакомъ; изъ подъ густыхъ посѣдѣлыхъ бровей сверкали небольшіе сѣро-кошачьи глаза. Онъ ходилъ всегда въ губернскомъ мундирномъ сертукѣ, и опоясанъ былъ поверху казачьей портупеей. Саблю прицѣплялъ онъ тогда только, когда отправлялся куда-нибудь по должности, а всегдашнее оружіе его составляла казачья нагайка со свинцовой пулей, вплетенной въ кончикъ. Голову цокрывалъ онъ обыкновенно кожанымъ картузомъ съ стоячею гривкою, что придавало ему воинственный видъ. Голосъ его похожъ былъ на ревъ медвѣдя. Бумажныя дѣла его исправлялъ старый писецъ, который три четверти жизни проводилъ привязанный къ столу за ногу. Кромѣ того, Савва Саввичъ приказывалъ снимать съ него сапоги, чтобъ воспрепятствовать частымъ отлучкамъ въ питейный домъ... Савва Саввичъ называлъ Фомича золотымъ человѣкомъ, и склонность его къ пьянству приписывалъ необыкновеннымъ дарованіямъ, которыя, по мнѣнію старинныхъ людей, не могли процвѣтать, не бывъ окропляемы водкою, а поэтому надлежало заключать, что и Савва Саввичъ былъ геній. Однако жъ, Савва Саввичъ былъ самъ большой знатокъ въ дѣлахъ... Жители уѣзда, за исправность Саввы Саввича, прозвали его сѣрымъ волкомъ, а вѣрный его сотрудникъ, Фомичъ, прозванъ былъ за падней". Эта характеристика не была бы недостойна самого автора „Губернскихъ очерковъ“, который рисовалъ совершенно такіе же образы губернскихъ и уѣздныхъ Юпитеровъ. Эта удивительная близость въ изображеніи одинаковыхъ типовъ свидѣтельствуетъ о талантливости Булгарина и объ его наб-

людательности и доказываетъ несправедливость нападокъ Бѣлинскаго на его неестественность. Если сюжеты Булгарина не обошлись безъ вліянія Дюкрэ Де Мениля, въ изображеніи современныхъ ему героевъ общества онъ, какъ видимъ, былъ не только оригиналенъ, но и смѣлъ.

Дальнѣйшія приключенія Ивана Выжигина невѣроятны, и романъ начинается съ этого момента портиться: повидимому, у Булгарина не хватило терпѣнія рисовать образы изъ жизни, и онъ начинаетъ измышлять интересный сюжетъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ позволилъ бы ему высказывать свои мысли по поводу разныхъ случаевъ жизни. Выжигинъ замѣчаетъ, что противъ него готовится злой умыселъ, но не можетъ бороться съ напавшими на него разбойниками. Его избиваютъ (сюжетъ здѣсь осложненъ еще любовными приключеніями, но они не интересны, и я веду рассказъ сокращенно). Однимъ словомъ, Выжигинъ оказывается выброшенъ въ Киргизскую степь и подобранъ старшиной одного киргизскаго племени, который его вылѣчилъ и объявилъ Ивану, что онъ его рабъ. Булгаринъ пользуется случаемъ, чтобъ описать бытъ этихъ простыхъ и добрыхъ людей. Поводомъ такого описанія могли быть приключенія Муравьева въ Хивѣ. Киргизы воюютъ съ сосѣдями, грабятъ ихъ, устраиваютъ нападенія на караваны, и Иванъ оказывается однимъ изъ доблестнѣйшихъ воиновъ. Въ одной схваткѣ онъ спасаетъ съ опасностью для собственной жизни старшину, у котораго онъ жилъ на правахъ сына, а не раба, и вмѣстѣ съ тѣмъ оказываетъ огромныя услуги пріютившему его племени. За это Иванъ попадаетъ въ число его самыхъ уважаемыхъ сочленовъ, ему даютъ часть награбленной добычи, деньги, и онъ беретъ изъ освобожденныхъ имъ отъ враговъ русскихъ людей своего стараго друга Миловидина, который тоже пережилъ не мало, прежде чѣмъ попалъ въ плѣнъ къ киргизамъ, и одного солдата, который съ этого времени становится преданнымъ другомъ и защитникомъ Ивана Выжигина. Этотъ послѣдній рѣшаетъ возвратиться на родину вмѣстѣ съ новыми друзьями и полученными деньгами. Здѣсь описываются съ большимъ мастерствомъ мытарства Выжигина на государственной таможенѣ, гдѣ къ рукамъ чиновниковъ прилипаетъ значительная часть его драгоценныхъ восточныхъ ковровъ и другихъ вещей. Наконецъ, Выжигинъ возвращается въ Россію.

Глава XVI очень замѣчательна. Въ ней мы находимъ „Панораму московскаго общества“. Эта панорама рисуетъ типичную грибоѣдовскую Москву, и ея близость къ Грибоѣдовскимъ картинамъ несомнѣнна. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, нельзя думать, что Булгаринъ заимствовалъ у своего знаменитаго друга его образы и выраженія. Стоитъ прочесть

строки Булгаринской панорамы, чтобы увидѣть его полную независимость отъ „Горя отъ ума“. Я думаю, что привести главныя страницы этой „панорамы“ нелишнее: это можетъ внести нѣсколько новыхъ моментовъ въ изученіе произведенія Грибоѣдова. До сихъ поръ этотъ вопросъ, насколько мнѣ извѣстно, совсѣмъ даже и не затронуть. Напр., въ большемъ трудѣ Пиксанова: „Творческая исторія „Горя отъ ума“ (1928) совсѣмъ не упоминается „Иванъ Выжигинъ“. Поэтому, я полагаю, что не совершаю лишняго дѣла, приводя довольно большую выписку изъ романа, посвященную „панорамѣ“ Москвы. Надо только отмѣтить, что эта панорама представлена съ точки зрѣнія не самого Выжигина, а его ментора Миловидина, который имѣлъ большой и печальный жизненный опытъ именно въ Москвѣ. Впрочемъ, при бѣдности художественнаго творчества Булгарина мы не должны предъявлять къ нему большихъ художественныхъ требованій. „Петербургъ можно уподобить прекрасной молодой кокеткѣ большого свѣта, ищущей наслажденій со всѣми приличіями, со всѣми расчетами образованности. Москва-матушка похожа на пожилую, богатую вдовушку, которая, поживъ въ большемъ свѣтѣ, удалилась внутрь Россіи, въ провинціальный городъ, лежащій посреди ея помѣстій, чтобъ играть первую роль въ своемъ околodкѣ, не прерывая, однако жъ, сношеній съ столицею. Москва изъ всѣхъ иностранныхъ причудъ и обычаевъ умѣла соткать для своего покрова свою собственную, оригинальную ткань, въ которой чужеземцы узнаютъ только нитки своей фабрики, а покрой одежды и узоры — принадлежатъ нашей родимой Москвѣ. Лучшее Московское общество составляютъ, во первыхъ, такъ наз. старики, отслужившіе свой вѣкъ, и отъ усталости или другихъ причинъ поселившіеся въ Москвѣ на временный покой, въ ожиданіи вѣчнаго. Этотъ почтенный разрядъ составляетъ живую лѣтопись послѣдняго полувѣка, или, лучше сказать, живыя ссылки (citations) въ современной Русской исторіи. Члены этого разряда образуютъ также Ареопагъ или верховное судилище, гдѣ обсуживаются всѣ современныя происшествія. Они имѣютъ свои засѣданія въ Англійскомъ клубѣ и у почтенныхъ пожилыхъ дамъ первыхъ трехъ классовъ. Чинопочитаніе соблюдается между ними съ такою точно строгостью, какъ въ хорошемъ полку, подъ ружьемъ. Политика, война, внутреннее устройство государства, опредѣленіе къ мѣстамъ, судопроизводство, а особенно награжденія чинами и пожалованіе орденами, все подвержено сужденію этого крикливаго Ареопага. Въ этомъ первомъ разрядѣ даются балы, обѣды, ужины и вечера для проѣзжающихъ черезъ Москву важныхъ лицъ, первоклассныхъ мѣстныхъ чиновниковъ и лучшаго дворянства. Во вто-

рыхъ, чиновники, занимающіеся дѣйствительною службою въ Московскихъ присутственныхъ мѣстахъ, которые отличаются тѣмъ только отъ чиновниковъ Петербургскихъ и другихъ городовъ, что живутъ роскошнѣе, имѣютъ болѣе вліянія на дѣла и не занимаются другими посторонними предметами, какъ напр. литературою и науками, такъ, какъ нѣкоторые молодые чиновники въ Петербургѣ. Въ третьихъ, чиновники, не служащіе въ службѣ, или матушкины сынки, т. е. задняя шеренга фаланги, покровительствуемой слѣпою фортуной. Изъ этихъ счастливецъ большая часть не умѣетъ прочесть Псалтыри, напечатанной Славянскими буквами, хотя всѣ они причислены въ почетъ Русскихъ антикваріевъ. Ихъ называютъ архивнымъ юношествомъ. Это наши петиметры, фашьонебли, женихи всѣхъ невѣстъ, влюбленные во всѣхъ женщинъ, у которыхъ только носъ не на затылкѣ, и которыя умѣютъ произносить: оуі и поп. Они-то даютъ тонъ Московской молодежи на гульбищахъ, въ театрѣ и гостиныхъ. Этотъ разрядъ также доставляетъ Москвѣ философовъ послѣдняго покроя, у которыхъ всего полно черезъ край, кромѣ здраваго смысла, низателей рифмъ и отчаянныхъ судей словесности и наукъ. Въ четвертыхъ, огромное стадо всякаго рода отставныхъ чиновниковъ, принадлежащихъ къ старымъ фамиліямъ и дослужившихся до извѣстныхъ чиновъ, изъ которыхъ кто проживаетъ свое имѣнье на досугѣ, кто безъ большого труда наживаетъ картами и всякими изворотами, а кто просто живетъ, отъ дня на день, на счетъ Московскаго гостепріимства. Въ пятыхъ, помѣщики Замосковныхъ губерній, пріѣзжающіе въ Москву, по зимнему пути, съѣдать деревенскій запасъ и любоваться танцами своихъ дочекъ на балахъ Дворянскаго Собранія, или на званыхъ вечеринкахъ, пока какой-нибудь женихъ, прельстясь приданымъ (о которомъ словохотныя тетушки умѣютъ весьма искусно разглашать во всѣхъ закоулкахъ Москвы) не потребуетъ прелестной руки, не знавшей отъ дѣтства никакой работы. Въ шестыхъ, пріѣзжіе изъ столицы и изъ арміи искать богатыхъ невѣстъ, которыми Москва славится издревле. Эти господа начинаютъ обыкновенно свысока, а кончаютъ на воспитанницахъ или купеческихъ дочкахъ, съ которыми расчетъ гораздо вѣрнѣе. Вотъ главныя черты нашего Московскаго общества, которыя, не взирая на свою разнородность, составляютъ одно цѣлое, похожее на вѣчный маскарадъ или Венеціанскій карнавалъ". Послѣ нѣсколькихъ строкъ продолжается характеристика Москвы.

„Вѣрно, нигдѣ нѣтъ столькохъ добрыхъ, не взирая на ихъ странности, какъ въ Москвѣ. Главная черта Москвы — гостепріимство или страсть кормить и поить встрѣчнаго и поперечнаго. Если бъ наша планета подверглась по какому-

нибудь несчастному случаю десятилѣтнему неурожаю, и съѣстные припасы продавались на вѣсъ золота, то и въ то время никто не былъ бы голоденъ въ Москвѣ, кромѣ барскихъ слугъ, которыхъ, впрочемъ, и при общемъ довольствѣ не слишкомъ откармливаютъ, вѣроятно, для легкости въ служеніи. Хотя я не статистикъ, но могу ручаться, что въ одной Москвѣ съѣдаютъ и выпиваютъ болѣе въ одинъ годъ, нежели въ цѣлой Италіи въ два года. Напоить и накормить болѣе, нежели досыта, почитается въ Москвѣ первымъ условіемъ хорошаго приѣма. Напиться и наѣсться до нельзя есть родъ наслажденія, въ которомъ не отказываютъ себѣ даже люди образованные“.

Мало по мало шутливый тонъ разсказа въ „Иванѣ Выжигинѣ“ смѣняется болѣе серьезнымъ, и все чаще въ немъ встрѣчаются замѣчанія и разсужденія, которыя стоятъ того, чтобы ихъ отмѣтить: тѣмъ болѣе, что опять они невольно приводятъ намъ на память „Горе отъ ума“. Вотъ, наприм., съ сѣтованіями Чацкаго на отсутствіе въ русскомъ обществѣ національнаго чувства невольно хочется сопоставить „дѣловую бесѣду у русскаго купца“, какъ называетъ Булгаринъ этотъ отдѣлъ въ XIX главѣ своего романа: „Не казалось-ли бы вамъ страннымъ, даже непостижимымъ, господа“, — сказалъ купецъ: „если-бъ во всѣхъ французскихъ портахъ одни нѣмцы и голландцы, а въ англійскихъ портахъ испанцы и португальцы производили внѣшнюю торговлю, и чтобъ французы и англичане, какъ верблюды, только перетаскивали на своихъ спинахъ товары изъ внутренности государства къ морскому берегу для того только, чтобъ чужеземцы пользовались неимовѣрными выгодами, безъ труда, безъ заботъ, безъ отвѣтственности, потому единственно, что на дверяхъ ихъ жилищъ прибита мѣдная дощечка съ надписью: Контора?“

Собесѣдникъ купца на это отвѣчаетъ, что, если бы онъ встрѣтилъ подобную картину, онъ рѣшилъ бы, что „вѣрно эти коренные жители не имѣютъ ни довольно ума, ни довольно денегъ и даже не довольно честности, чтобъ самимъ быть купцами“. Купецъ съ огорченіемъ соглашается съ такимъ приговоромъ: „Я говорю о нашемъ любезномъ отечествѣ. Не странно-ли, не унижительно-ли для народнаго самолюбія, что въ Россіи вся почти внѣшняя торговля производится посредствомъ иностранныхъ конторъ и факторій, находящихся во всѣхъ русскихъ портахъ, и даже въ столицахъ, какъ будто бы Россія была Китаемъ или Японіей? Чужеземные купцы и фабриканты имѣютъ дѣло только съ этими конторами; а мы, русскіе, должны смотрѣть въ глаза гг. конторщикамъ, доставлять имъ, чего они потребуютъ для отсылки за границу, и покупать у нихъ чужеземныя про-

изведенія по цѣнамъ, какія имъ угодно назначить въ общемъ ихъ совѣтѣ. Эти гг. иноземные конторщики, которыхъ мы величаемъ негоціантами, не выше почитаютъ русскихъ купцовъ, какъ своихъ артельщиковъ, или биржевыхъ дрягилей, и какъ будто ради Христа дѣлятся съ нами сотою частью своихъ барышей. Скажите, господа, неужели этотъ порядокъ дѣль будетъ вѣчно продолжаться, и неужели въ отношеніи къ торговлѣ мы будемъ всегда на той самой степени, какъ во время открытія Архангельскаго порта Ричардомъ Ченселоромъ при Царѣ Иванѣ Васильевичѣ? Кажется, у насъ есть всѣ средства, чтобъ составить почтенное купеческое сословіе. Уму, проницательности и смѣтливости нашего народа отдають справедливость сами иностранцы“.

Эти разсужденія очень близки къ тому, что говоритъ Грибоѣдовъ объ „умномъ, добромъ нашемъ народѣ“, о нашей тогдашней склонности превозносить все иностранное. Но то, что говоритъ здѣсь Булгаринъ, какъ и „панорама Москвы“, независимы отъ Грибоѣдова. Въ дополненіе къ разумнымъ рѣчамъ купца Булгаринъ рисуетъ его безправное положеніе по отношенію ко всякому, кто носитъ чиновничью кокарду. Разговоръ съ купцомъ былъ неожиданно прерванъ шумомъ въ сѣняхъ. „Хозяинъ хотѣлъ поспѣшить туда; но едва онъ вскочилъ со стула, какъ дверь отворилась съ трескомъ, и въ комнату вбѣжала съ лаемъ ужасная меделянская собака. Потомъ явился какой-то господинъ, одѣтый по дорожному, съ трубкою въ зубахъ, а за нимъ лакей его и полицейскій служитель. Между тѣмъ, какъ собака обнюхивала углы, и господинъ ея раздѣвался безъ околичностей, полицейскій служитель сказалъ: „Вотъ тебѣ, Сидоръ Ермолаевичъ, постой. Его высокоблагородіе пріѣхалъ изъ Петербурга по казенной надобности, и ты такъ счастливъ, что ему понравился съ виду твой домъ“. — „Помилуйте, у меня уже квартируютъ шесть человѣкъ служивыхъ“, возразилъ хозяинъ: „да сверхъ того, капитанъ-исправникъ велѣлъ мнѣ принять въ домъ вотъ этихъ двухъ господъ“. — „Молчи, борода,“ сказалъ чиновникъ, посматрѣвъ грозно на почтеннаго старца. „Я знать не хочу твоего капитанъ-исправника и тебя, и останусь здѣсь потому, что мнѣ такъ угодно“. Хозяинъ обратился къ полицейскому служителю и сказалъ: „Но сосѣдніе дома не имѣютъ постоя“. — „Какъ тебѣ равняться съ сосѣдями, Сидоръ Ермолаевичъ?“ возразилъ полицейскій служитель. „Эти господа чиновные, знатные дворяне; ты знаешь, что у нихъ останавливается губернаторъ, прокуроръ... Да полно, полно, Сидоръ Ермолаевичъ; вѣдь если не купцамъ отвѣчать за всѣхъ, такъ и порядку не будетъ. Вѣдь сильному-то и мѣшокъ на плечи, а вы богаче всѣхъ“. Полицейскій служитель вышелъ, а чиновникъ сказалъ: „Ше-

велись, старина. Видно, вашу братью здѣсь балуютъ крѣпко, что вы еще смѣете спорить“. — „Я не спорю, сударь,“ отвѣчалъ купецъ: „но у меня съ семействомъ остались только три небольшія комнаты, и я не знаю, гдѣ помѣститься вамъ“. — „Я займу двѣ, а ты помѣщайся въ третей“, скалалъ чиновникъ: „а если тебѣ тѣсно, такъ ступай въ чуланъ. Смотри, пожалуйста, какъ этотъ мужикъ чванится“. — „Я не мужикъ, сударь, а купецъ“. — „А развѣ это не все равно?“ возразилъ чиновникъ съ насмѣшкою: не дворянинъ, такъ тотъ же мужикъ“. Мы вышли изъ комнаты, хозяинъ послѣдовалъ за нами. „Господа“, сказалъ онъ: „мы исчисляли причины, почему купцы не любятъ оставаться въ своемъ званіи. Вотъ вамъ малый образчикъ того уваженія, которое имѣютъ къ намъ другія сословія. Но вы еще не видѣли и тысячной доли, а когда увидите, вспомните добромъ— и не пеняйте на насъ“. Вспомнимъ обращеніе Сквозника Дмухановскаго съ купчишками.

Эту великолѣпную жанровую картину, которая производитъ тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе, что написана очень спокойно и трезво, Булгаринъ сопровождаетъ разсужденіемъ одного изъ дѣйствующихъ лицъ о томъ, какъ спасти Россію отъ этого произвола. „У насъ такъ, какъ и вездѣ, до тѣхъ поръ все будетъ итти не своей колеей, пока просвѣщеніе не разольется на всѣ сословія. Только просвѣщенный, образованный человѣкъ можетъ въ полной мѣрѣ чувствовать свои обязанности въ отношеніи къ другимъ, и уважать всѣ сословія. Просвѣщенный человѣкъ знаетъ, что въ благоустроенномъ государствѣ каждое званіе почтенно и столь же нужно, какъ всѣ струны въ инструментѣ, для общаго согласія. Невѣжество полагаетъ преграду къ сближенію, и точно такъ же, какъ турокъ почитаетъ христіанскаго подданнаго Порты не человѣкомъ, такъ наши гордые невѣжды пренебрегаютъ всѣми, кто имъ не родня, и кто не можетъ имъ давать чиновъ и орденовъ“.

Слѣдующая глава называется „Помѣщикъ, какихъ дай Богъ болѣе на Руси“. Любопытно сличить этотъ образъ идеальнаго помѣщика съ тѣмъ, какой мы находимъ во второй части „Мертвыхъ душъ“ и въ „Перепискѣ съ друзьями“. Носителемъ мнѣній Булгарина является добродѣтельный человѣкъ Виртутинъ, конечно, совершенно блѣдная фигура, нужная въ томъ же смыслѣ для романа, какъ Стародумъ въ „Недорослѣ“. Въ этомъ мѣстѣ нашъ авторъ не разсказываетъ, но разсуждаетъ, и его разсужденія небезинтересны въ эту эпоху самаго чернаго крѣпостнаго права. „На помѣщикахъ лежитъ большая отвѣтственность предъ Богомъ, Государемъ и отечествомъ за все, что дѣлается въ ихъ помѣстьяхъ. Отъ помѣщика зависитъ все счастье его поселянъ,

ихъ нравственность, просвѣщеніе и благосостояніе, слѣдовательно, отъ помѣстнаго дворянства, въ совокупности, зависятъ нравственность, просвѣщеніе и благосостояніе цѣлой Россіи“. Другіе собесѣдники подхватываютъ эту мысль и развиваютъ ее далѣе: „Дворянинъ, проживая въ своихъ помѣстьяхъ, долженъ почитать себя въ столь же дѣйствительной службѣ, какъ если бъ онъ засѣдалъ въ Совѣтъ Государевомъ или предводительствовалъ войскомъ. Дворянинъ есть первый полиціймейстеръ въ своемъ помѣстьи, сборщикъ государственныхъ податей, надсмотрщикъ за исполненіемъ земскихъ повинностей, мирный судья между своими крестьянами, попечитель объ ихъ здоровьѣ, охранитель ихъ имущества, надзиратель приходскаго училища“. Пока этого еще нѣтъ, но „когда созрѣютъ плоды просвѣщенія, непрерывно насаждаемые мудрыми нашими монархами; когда мы будемъ имѣть достаточное число отличныхъ Русскихъ учителей для образованія нашего юношества въ Русскихъ нравахъ, а не на англійскій или французскій манеръ“...

Послѣ такого выясненія обязанностей добраго помѣщика Иванъ Выжигинъ отправляется въ гости къ доброму помѣщику, котораго Булгаринъ имѣлъ безвкусіе назвать Россіяниновымъ. Впрочемъ, это едва-ли хуже гоголевскаго Констанжогло. „Проѣхавъ версть 15, мы замѣтили удивительное различіе въ обработкѣ полей. Вездѣ на низкихъ мѣстахъ выкопаны были каналы для стока излишней воды съ пашней. Поля были порядочно размежеваны и унавожены; луга очищены отъ кочекъ и бесполезныхъ кустарниковъ. На берегу крутого ручья, на пастбищѣ сдѣланъ былъ мощный камнемъ спускъ для поенія стадъ, чтобъ скотина не вязла въ грязи, и не засыпала землю источника. Дорога по обѣимъ сторонамъ усажена была деревьями; мостики были въ исправности, и топкія мѣста устланы фашинами“. Таково идеальное устройство хозяйства. Его небезинтересно сопоставить съ гоголевскими описаніями хозяйствъ плохихъ и хорошихъ помѣщиковъ, о чемъ, впрочемъ, я еще буду говорить ниже. Продолжимъ, однако, описаніе этого образцоваго хозяйства: „Деревянные прочныя избы выстроены были въ одинъ рядъ по обѣимъ сторонамъ дороги. Окна обложены были рѣзными украшеніями, дворы всѣ загорожены высокими заборами съ красивыми воротами съ навѣсомъ. Дома построены были на нѣкоторое разстояніе одинъ отъ другого, изъ предосторожности отъ пожара. Между домами находились садики съ плодовыми деревьями. Позади крестьянскихъ дворовъ были овощные огороды, а за ними гумна. Въ концѣ деревни возвышалась прекрасная каменная церковь, осѣненная высокими липами. Домъ священника отличался чистотою и красивой наружностью. Возлѣ церкви

находилось нѣсколько красивыхъ домиковъ для общественной пользы. Въ одномъ изъ нихъ были учреждены госпиталь и аптека; въ другомъ — богодѣльня для безродныхъ, хворыхъ и престарѣлыхъ; въ третьемъ — запасный сельскій магазинъ и лавка съ товарами, необходимыми въ крестьянскомъ быту, и съ первыми потребностями жизни; въ четвертомъ — сельское училище и Словесный Судъ. Въ концѣ деревни была кузница, а по срединѣ — большой колодезь. Поселяне обоюго пола имѣли здоровый видъ, и молодыя женщины отличались красотою, ибо наружная красота бываетъ слѣдствіемъ довольства. Мы не встрѣчали на улицѣ ни грязныхъ дѣтей, ни оборванныхъ бабъ, ни пьяныхъ мужиковъ. Крестьянскія лошади и скоть были отличной породы, упряжь и земледѣльческія орудія въ исправности. Мы вошли въ одинъ крестьянскій домъ, чтобъ увидѣть домашнее устройство. Домъ былъ съ подваломъ и раздѣлялся на двѣ половины: свѣтлую и курную. Въ первой, состоящей изъ трехъ перегородокъ, помѣщалось семейство хозяина, а во второй пекли хлѣбъ, варили кушанье и поило для скота, просушивали мокрую одежду, возвращаясь съ работы въ ненастную погоду“. Разсмотрѣвъ всѣ эти прелести, Миловидинъ, спутникъ Выжигина, вдаетя въ пространныя разсужденія о томъ, почему нашъ крестьянинъ не можетъ и не долженъ жить такъ чисто, какъ нѣмецкій.

Такъ какъ „Иванъ Выжигинъ“ является въ этой своей части одной изъ первыхъ попытокъ поставить проблему крестьянскаго благосостоянія, то и эти разсужденія не лишены интересныхъ моментовъ. „Я знаю нѣкоторыхъ помѣщиковъ, — разсуждаетъ Миловидинъ, — которые, прельстясь иноземщиною, вздумали строить для русскихъ мужиковъ нѣмецкіе дома, и требовать отъ нихъ такой же чистоты, какъ въ Германіи. Это невозможное у насъ дѣло, и не только не составляетъ счастья поселянина, но стѣсняетъ его въ жизни. Нашъ климатъ и мѣстныя обстоятельства требуютъ другой постройки домовъ, чѣмъ въ Германіи и Англіи. Каменныхъ обширныхъ домовъ для поселянъ у насъ строить невозможно, потому что не вездѣ есть матеріаль для этого, что содержаніе дома стоитъ дорого, и что у насъ поселяне не живутъ большими семействами, а потому и не имѣютъ нужды во множествѣ комнатъ, которыя должно отапливать въ большей части Россіи 8 мѣсяцевъ въ году. Безъ курной избы также трудно обойтись Русскому крестьянину въ нашемъ сыромъ и холодномъ климатѣ, въ сѣверныхъ губерніяхъ; безъ этого онъ не будетъ имѣть мѣста, гдѣ обсушиться. Желаніе добра часто не приноситъ пользы, если выполнено безъ познанія мѣстности“.

Проѣхавъ по благополучной деревнѣ, путешественники

продолжали описаніе тѣхъ удивительныхъ вещей, которыя ихъ поражали въ деревнѣ Г. Россіянинова. Они нашли „шмоны“, обувь изъ пеньки, которую носятъ на рыбной ловлѣ, а также въ мокрое время на лугахъ и во время лѣсныхъ работъ, и которая, оказывается, „гораздо удобнѣе деревянныхъ башмаковъ Французскихъ и Нѣмецкихъ поселянъ“. Далѣе, въ каждомъ крестьянскомъ дворѣ оказывалась баня, и въ довершеніе благополучія крестьяне жгли въ имѣніи Г. Россіянинова не лучину, а ночники съ конопляннымъ масломъ. „Вѣдь коноплянаго-то масла не покупать-стать, а у насъ всякая баба сама дѣлаетъ масло изъ сѣмени“. Въ благополучной деревнѣ не было и питейнаго дома. И баринъ не позволяетъ пить, и священникъ толкуетъ, „что великій грѣхъ упиваться виномъ, и подлекаръ нашъ говоритъ, что съ виномъ жить не долго“. Но иногда самъ баринъ изъ гигиеническихъ видовъ въ осеннюю работу или зимой „велитъ рабочимъ людямъ пить по чаркѣ вина, но не больше...“

Я не стану продолжать изложеніе этой идилліи. Скажу только, что самъ Г. Россіяниновъ произноситъ, обращаясь къ своимъ гостямъ, длинныя проповѣди объ обязанностяхъ помѣщика по отношенію къ крестьянамъ и многое другое, что потомъ въ нашей литературѣ на всякіе лады разбиралось и смаковалось. Философія Россіянинова еще весьма упрощенная и почти не идетъ далѣе догмата, что все можно преодолѣть съ помощью усердія: „Я не имѣлъ капиталовъ и усовершалъ имѣніе изъ однихъ доходовъ, постепенно, поспѣвая безъ торопливости, занимаясь сперва существеннымъ. Богъ благословилъ мои начинанія“. Какъ ни примитивна такая политическая экономія, она не удивитъ насъ, если мы вспомнимъ, какъ наивны разсужденія Гоголя объ идеальномъ помѣщикѣ и объ его обязанностяхъ. Какъ наставлятъ мужиковъ на путь экономическаго развитія?

Для этого нужно, чтобы мужикъ не былъ пьяницей и мотомъ, а съ такими пороками надо бороться съ помощью моральной проповѣди, которая лежитъ на обязанности барина. „Ибо знаешь — да и они знаютъ — что, залѣпившись, мужикъ на все способенъ — сдѣлается и воръ, и пьяница, погубитъ свою душу, да и тебя поставитъ въ отвѣтъ передъ Богомъ. И все, что имъ ни скажешь, подкрѣпи тутъ же словами Св. Писанія; покажи имъ пальцемъ и самыя буквы, которыми это написано; заставь cadaго передъ тѣмъ перекреститься, ударить поклонъ и поцѣловать самую книгу, въ которой это написано“. Такъ проповѣдуетъ Гоголь, не догадываясь о томъ, что могутъ быть соціальныя несчастья, которыя создаютъ гораздо болѣе тяжелья положенія, чѣмъ пьянство. О крѣпостномъ правѣ Гоголь не задумывается совсѣмъ, „потому что всякій долженъ

служить Богу на своемъ мѣстѣ, а не на чужомъ, равно какъ и они также, родясь подъ властью, должны покоряться той самой власти, подъ которою родились, потому что нѣтъ власти, которая бы не была отъ Бога“. Между тѣмъ Булгаринъ возстаетъ противъ крѣпостного права со всей той силою, которая ему была доступна по условіямъ тогдашней цензуры. Въ этомъ отношеніи Булгаринъ примыкаетъ къ Грибоѣдову. Есть данныя, что Булгаринъ до 1825 г. былъ близокъ къ нѣкоторымъ декабристамъ, и на слѣдствіи по дѣлу послѣднихъ правительство сильно было заинтересовано вопросомъ о степени участія „журналистовъ“, т. е. Греча и Булгарина, въ подготовлявшемся возстаніи. Какъ рассказываетъ Гречъ въ своихъ воспоминаніяхъ, спасъ ихъ обоихъ Бестужевъ, который, вообще, отвѣчавъ откровенно и прямо на всѣ вопросы слѣдователей, рѣшительно заявилъ, что Булгарина не привлекали къ заговору, какъ поляка, которому нѣтъ дѣла до Россіи, а Греча, какъ человека, который не годится для сохраненія тайнъ. Такимъ образомъ, оба они выпутались изъ угрожавшей имъ бѣды. Но близость Булгарина съ Рылѣвымъ не могла пройти для перваго въ смыслѣ образованія его политическихъ убѣжденій совсѣмъ безслѣдно. Если въ послѣдствіи онъ совсѣмъ перешелъ въ лагерь правительства, которое могло дать ему извѣстныя гарантіи благополучія, и которое, можетъ быть, одно только ему казалось стоящимъ вниманія при беспочвенности и маломъ развитіи общества, то все-же Булгаринъ не могъ отказаться отъ такихъ идеаловъ, какъ облегченіе, по крайней мѣрѣ, участи крестьянъ. Это типично для извѣстнаго теченія общественной мысли и въ эту пору, т. е. въ началѣ 30-ыхъ годовъ, не могло еще раздражать правительство.

Итакъ, Булгаринъ былъ въ своемъ „Иванѣ Выжигинѣ“ настоящимъ выразителемъ тогдашняго либерализма: обличалъ чиновниковъ за взяточничество, нерадивость, издѣвался надъ провинціальной администраціей, громилъ небрежность въ постановкѣ школьнаго воспитанія и проч. Его идеальный помѣщикъ завелъ для крестьянъ сельское училище, а вотъ Гоголь предостерегаетъ своего помѣщика отъ намѣренія заводить школы въ своей деревнѣ: „Учить мужика грамотѣ затѣмъ, чтобы доставить ему возможность читать пустыя книги, которыя издають для народа европейскіе человеколюбцы, есть дѣйствительно вздоръ... Народъ нашъ не глупъ, что бѣжить, какъ отъ черта, отъ всякой письменной бумаги; онъ знаетъ, что тамъ притонъ всей человѣческой путаницы, крючкотворства и каверзничества. По настоящему, ему не слѣдуетъ и знать, есть-ли какія-нибудь другія книги, кромѣ святыхъ“. Вотъ отъ этого мракобѣсія Булгаринъ совершенно свободенъ.

Коллекція помѣщиковъ, которую даетъ Булгаринъ, очень интересна и заслуживаетъ въ исторіи русской литературы гораздо больше вниманія, чѣмъ ей удѣлено до сихъ поръ. Я думаю, что челоѣкъ, пробѣжавшій эти строки, уже давно замѣтилъ, что „Иванъ Выжигинъ“ никакъ не можетъ быть причисленъ къ типу „плутовскихъ романовъ“: это совершенно бытвой романъ, и потому авторъ его рисуетъ намъ рядъ типовъ того сословія, которое давало тонъ всей тогдашней русской жизни.

Мы уже видѣли у Булгарина нѣсколько типовъ дворянъ: плохого хозяина, хорошаго, идеальнаго. Теперь передъ нами „удалой помѣщикъ“, одна изъ разновидностей Ноздрева. По дорогѣ герой романа и его спутникъ становятся жертвой неожиданнаго приключенія: подъ ноги лошадей, на которыхъ они ѣдутъ, вдругъ бросается лисица, и лошади, бросившись въ сторону, опрокинули бричку и вывалили пассажировъ. По этому поводу они познакомились съ обладателемъ охоты, который охарактеризованъ Булгаринымъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Круглое, красное его лицо покрыто было крупнымъ потомъ и пылью. Между длиннымъ, краснымъ носомъ и толстыми губами помѣщались длинные русые усы, какъ два бѣличьи хвоста. На всклоченныхъ волосахъ надѣтъ былъ небольшой смятый кожаный картузь зеленаго цвѣта. Одѣтъ онъ былъ въ короткій зеленый стамедный чекмень и въ пестрые шаровары. Въ наружномъ боковомъ карманѣ была у него трубка, чрезъ правое плечо на ремнѣ висѣлъ охотничій рогъ, а чрезъ лѣвое баклага, обтянутая въ сафьянъ. Въ лѣвой рукѣ онъ держалъ арапникъ, а правую протянулъ къ Петру Петровичу, и снова завелъ рѣчь: „Дай руку, братъ, и не сердись. Велика бѣда, что вы лежали во рву“. Затѣвается прелюбопытное знакомство, о которомъ я не могу долго говорить. Но передъ нами, несомнѣнно, одна изъ разновидностей тѣхъ „удалыхъ“ безтолковыхъ людей, помѣщиковъ, нелѣпыхъ и развалившихъ Россію, которыхъ не мало изобразили Гоголь, Тургеневъ, Щедринъ (въ „Пошехонской старинѣ“), Анненковъ (въ „Провинціальныхъ очеркахъ“), Некрасовъ и др. Среди нихъ Булгаринъ занимаетъ вовсе не послѣднее мѣсто.

Наконецъ, путники добрались до Москвы, и это даетъ имъ возможность опять начать свои наблюденія надъ московскимъ обществомъ. Здѣсь презабавныя описанія того, какъ Иванъ Выжигинъ попалъ случайно въ богатые женихи: „Я замѣтилъ, что матушки подталкивали дочекъ, и дочери выпрамлялись, поднимали глаза, опускали взоры, склоняли граціозно голову на плечо, а тѣ, которыя имѣли хорошіе зубы, улыбались“. „Полторы тысячи душъ для одного челоѣка довольно изрядно“, сказала про себя Графиня, потирая свою

табакерку. „Какъ бишь фамилія, извините?“ „Иванъ Ивановичъ Выжигинъ“, повторилъ громко и протяжно Миловидинъ. Я снова замѣтилъ, что всѣ гости шевелили губами, какъ будто повторяя для памяти мое имя“. Дальше сходство съ Грибоѣдовымъ еще ярче. Графиня, мать дочекъ, мечтающихъ о женихѣ, рассказываетъ Миловидину о томъ, что происходило въ Москвѣ за время его отсутствія: „Всѣ вы говорили, что изъ моего внука Коко не будетъ проку. А мы его пристроили порядочно. Онъ при особыхъ порученіяхъ при Князѣ Связинѣ въ Петербургѣ и уже Титулярный, да въ нынѣшнемъ году получилъ крестикъ за поѣздку въ Москву, съ какимъ-то Секретаремъ или Прокуроромъ на слѣдствіе. Жаль, что онъ пріѣхалъ сюда по окончаніи слѣдствія, а то бы еще схватилъ что-нибудь. Мы прочимъ его въ Камеръ Юнкеры. Князь Связинъ теперь въ силѣ, а онъ мнѣ свой человекъ. На дняхъ отправляю къ нему внука моего, Жака, сына несчастнаго Благородова, который, говорятъ, съ ума сошелъ отъ книгъ, поселился въ деревнѣ и отказался отъ чиновъ. Жакъ, слава Богу, не въ отца. Прекрасный молодой человекъ, хочетъ служить въ Иностранной Коллегіи и мастеръ своего дѣла. На мои именины сочинилъ по-Французски куплеты на двухъ листахъ, которые пропѣли три мои внучки. На послѣднемъ балѣ всѣхъ удивилъ мазуркою, и кромѣ того, весьма ученъ: какъ сказываютъ, знаетъ Орфографію и Мифологію. Изъ него будетъ человекъ. Но за то про тетку его, графиню Никодимъ, говорятъ очень дурно. Я не люблю повторять дурныхъ вѣстей; но говорятъ, что она имѣетъ связи... понимаешь? Она перестала ко мнѣ ѣздить: Богъ съ ней. Да и бывшій Губернаторъ, твой родственникъ Добродѣловъ, также пересталъ ѣздить ко мнѣ. Даромъ, что пріятели провозглашаютъ о его честности, да не всѣ вѣрятъ. Ужъ кто въ домъ ко мнѣ не ѣздитъ, такъ вѣрно чувствуетъ за собою какую-нибудь вину. Я не люблю оговаривать, а знаю кое-что“. Графиня стала нюхать табакъ и собиралась еще рассказывать про всѣхъ своихъ родныхъ и знакомыхъ, но Миловидинъ воспользовался минутою молчанія, всталъ, и мы вышли изъ комнаты. — „Сохрани Богъ попасться ей на языкъ — сказалъ Миловидинъ, садясь въ карету: она присвоила себѣ право владычества надъ четвертою долею Московскаго общества, и кто только отдаляется отъ нея и не хочетъ идолопоклонничать, съ тѣмъ поступаетъ она, какъ съ дезертиромъ, отдаетъ подъ свой бабій судъ, произноситъ сентенцію и въ наказаніе лишаетъ добраго имени. Языкомъ своимъ и связями она сдѣлалась страшною для многихъ лицъ, занимающихъ важныя мѣста, и они должны исполнять ея желанія, чтобъ избѣгнуть клеветы и всякаго рода козней“.

Такова эта княгиня Марья Алексѣвна, къ которой

Молчалинъ совѣтовалъ Чацкому съѣздить на поклонъ. Эта близость къ Грибоѣдовскому типу, какъ и близость „Благородова“ к грибоѣдовскому князю Федору, который заперся въ деревнѣ и сталъ читать книги, — эта связь несомнѣнна. Не исключена возможность того что Булгаринъ наблюдалъ въ Москвѣ подобные типы, и что ихъ было не такъ мало въ грибоѣдовской Москвѣ, чтобы нашъ писатель самъ не могъ подмѣтить различныя видоизмѣненія одного и того же типа.

Во всякомъ случаѣ, все это интересно съ литературной и бытовой точки зрѣнія. Булгаринъ прямо неисчерпаемъ въ изображеніи различныхъ приключеній, положеній и типовъ общества, и слѣдовать въ этомъ за нимъ — значило бы пересказывать все содержаніе его романа съ очень большими выписками. Я не могу это сдѣлать, потому что это заняло бы слишкомъ много мѣста. Поэтому я слѣшу къ концу. Достаточно сказать, что Иванъ Выжигинъ, покинувъ Москву, ѣдетъ въ Петербургъ, тамъ сталкивается съ предметомъ своей первой любви Груней (Грушенькой), которая стала актрисой. Образъ Груни, къ удивленію, чѣмъ-то напоминаетъ образъ Грушеньки Достоевскаго: онъ прихотливъ, измѣнчивъ, вѣчно колеблется между крайними гранями добра и зла. У Булгарина, конечно, все это примитивно, грубовато и изложено со смѣшкомъ. Но я все-таки считаю небезполезнымъ обратить вниманіе историковъ литературы на извѣстную близость художественнаго образа, созданнаго Булгаринымъ, съ типомъ Достоевскаго. Отношенія героя романа къ Грунѣ сложны: онъ любитъ ее и готовъ идти ради нея на многое, но въ то же время сознаетъ, что этотъ путь опасенъ и морально влечетъ за собой осложненія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что молодой Достоевскій читалъ „Ивана Выжигина“, такъ какъ онъ читалъ все новое. Быть можетъ, какъ-то безсознательно въ его памяти отложился этотъ образъ, который, можетъ быть, не случайно носитъ то же имя, что и его героиня. Груня, нуждаясь въ деньгахъ и драгоценностяхъ, жалуется на недостатокъ ихъ своему другу, и тотъ отдаетъ на удовлетвореніе ея желаній всѣ свои средства. „Ни я, ни Груня не знали, какъ это случилось, что мы истратили такую кучу денегъ. Ей хотѣлось имѣть, у меня было, на что достать. Деньги катились — и выкатились. Вотъ я остался безъ гроша, безъ всякихъ средствъ достать денегъ, обязанный содержать мать... Раздумавъ о моемъ положеніи, я пришелъ въ отчаяніе, но не имѣлъ духу сказать Грунѣ о моемъ несчастіи. Я даже думалъ застрѣлиться, думалъ бѣжать въ Киргизскую степь, но меня удерживало положеніе моей матери“. Когда Иванъ Выжигинъ сидѣлъ въ своей комнатѣ, не зная, что придумать, „дверь въ комнатѣ моей быстро отво-

рилась и вбѣжала — Груня“. „Что это значитъ, любезный другъ, что ты бросилъ меня?“ сказала Груня. „Великое дѣло, что промотался“. И такъ начинаются для несчастнаго героя Булгарина новыя мучительныя переживанія.

„Въ тысячный разъ съ тѣхъ поръ, какъ я связался съ Груней, воскликнулъ я: „О, слабость человѣческая“. Въ тысячный разъ, съ тѣхъ поръ, повторилъ я молитву: „Не введи насъ во искушеніе“ и остался такимъ же, какимъ былъ прежде“. Развѣ не могъ примѣнить къ себѣ самому эти слова Дмитрій Карамазовъ?

Этимъ сопоставленіемъ я заканчиваю свой обзоръ романа. Онъ не исчерпанъ моимъ изложеніемъ и достоинъ того, чтобы къ нему еще разъ подошла литературная критика. Старый Гречъ, составляя въ концѣ своей жизни свои „Записки“, далъ правильную и тонкую оцѣнку этого романа. Разсмотрѣвъ личность Булгарина съ ея большими положительными и отрицательными сторонами, онъ вынесъ убѣжденіе, что Булгаринъ былъ все-таки крупный человѣкъ, потерявшій и загубившій себя. „При успѣхѣ своихъ повѣстей и мелкихъ статей, задумалъ онъ своего „Ивана Ивановича Выжигина“, писалъ его долго и рачительно и имѣлъ въ немъ большой успѣхъ. Года въ два разошлось до семи тысячъ экземпляровъ. Романъ этотъ нынѣ забытъ и находится въ пренебреженіи, котораго не заслужилъ. Должно вспомнить, что онъ былъ, по времени, первымъ русскимъ романомъ, и что имъ началась обличительная литература. Многія черты и характеры схвачены въ немъ удачно и умно“.

Съ этииъ отзывомъ, думаю, согласится и тотъ, кто пробѣжитъ эти строки.

Л. Тауберъ.

ЛИГА НАЦІЙ И ЮРИДИЧЕСКІЙ СТАТУТЪ РУССКИХЪ БѢЖЕНЦЕВЪ.

Когда послѣ захвата власти большевиками въ Россіи огромная волна русскихъ бѣженцевъ хлынула въ Европу и во внѣевропейскія страны, вопросъ о политической эмиграціи всталъ передъ правительствами въ такомъ объемѣ, въ какомъ онъ никогда не становился ранѣе передъ правовыми государствами. Бѣженцевъ нельзя было просто не пустить, оградивши свои границы колючей проволокой, усиливъ пограничную стражу, снабдивъ ее пулеметами, а въ случаѣ нужды и пушками. Гуманность и признаніе права убѣжища были бы несовмѣстимы съ такимъ образомъ дѣйствій, хотя на практикѣ онъ иногда и примѣнялся. Съ другой стороны пустить на свою территорію всѣхъ желающихъ бѣжать изъ Совѣтской Россіи также не было возможности, ибо нужно было бы подумать о прокормленіи, расселеніи и снабженіи работой огромныхъ бѣженскихъ массъ. Жизнь пошла средними путями: нѣкоторое, весьма значительное число людей, спасавшихся бѣгствомъ отъ коммунистическаго строя, съ разрѣшеніемъ или безъ разрѣшенія мѣстныхъ властей, въ порядкѣ эвакуаціи и въ безпорядкѣ самовольнаго перехода государственныхъ границъ проникло въ пограничныя съ Россіей страны, а потомъ и на территоріи другихъ государствъ, но еще большее количество желающихъ или пытавшихся бѣжать черезъ румынскую, польскую, эстонскую, латвійскую, финляндскую и другія границы, не были пропущены или сами отказались отъ своего намѣренія, сознавая всю его рискованность.

Во всякомъ случаѣ на иностранныхъ территоріяхъ появились десятки и сотни тысячъ эмигрантовъ безъ всякихъ средствъ существованія, а часто и безъ всякихъ документовъ, удостоверяющихъ ихъ личность, семейное и общественное положеніе и вообще ихъ юридическій статутъ. Первое время послѣ появленія эмигрантовъ всѣ заботы приняв-

шихъ ихъ правительствъ и международной и частной благотворительности были обращены на снабженіе ихъ самымъ необходимымъ для жизни, т. е. на ихъ прокормленіе, лѣченіе и расселеніе. Въ это время ни сами эмигранты, ни мѣстныя власти не думали объ опредѣленіи ихъ юридическаго положенія. Но вскорѣ, когда время самой острой нужды и неотложной благотворительной помощи прошло и нужно было подумать о длительномъ устройствѣ бѣженцевъ, явился рядъ вопросовъ юридическаго характера, которые приходилось рѣшать отъ случая къ случаю.

Таковы были прежде всего вопросы объ удостовѣреніи личности эмигранта — его имени, фамиліи и профессіи, которой онъ занимался на родинѣ, — какъ въ цѣляхъ общественной безопасности, такъ и въ цѣляхъ облегченія ему нахождения заработка. Иногда эмигранты имѣли при себѣ нѣкоторые документы, давашіе болѣе или менѣе полные отвѣты на эти вопросы (паспорта заграничныя или внутреннія, метрическія свидѣтельства, послужные списки, дипломы), но чаще у нихъ указанныхъ или вообще никакихъ документовъ не оказывалось и личность того или иного эмигранта приходилось устанавливать опросомъ знавшихъ его свидѣтелей. Последнее явленіе особенно часто наблюдалось при нелегальномъ переходѣ бѣженцемъ совѣтской границы, ибо документы, удостовѣряющіе его имя, фамилію и прежнюю профессію, могли въ случаѣ задержанія совѣтскими властями сильно компрометировать арестованнаго.

Мѣстнымъ властямъ было очень трудно, если не невозможно, разобраться въ разнообразныхъ эмигрантскихъ документахъ на русскомъ языкѣ, не похожихъ на заграничныя паспорта, или устанавливать личность бѣженцевъ на основаніи свидѣтельскихъ показаній. Нужна была помощь учреждений, которыя могли бы лучше справиться съ этой задачей. Таковыми естественно являлись частью старыя русскія посольства и консульства, позднѣе преобразовавшіяся въ частныя бѣженскія учрежденія, частью самочинно возникшія эмигрантскія организациі. Таковы — Offices des réfugiés russes (Бельгія, Франція), Комитетъ по дѣламъ русскихъ бѣженцевъ (Болгарія), Russian Refugees Relief and Travelling Permit Office (Велико-Британія), Делегация по защитѣ интересовъ русской эмиграціи (Югославія), Bureau d'enregistrement (Египетъ), Organisation pour la sauvegarde des intérêts des réfugiés russes (Греція), Service de secours des réfugiés russes à Berlin (Германія)¹⁾ и др.

¹⁾ „Documents préparatoires et procès—verbaux de la Conférence intergouvernementale pour le Statut juridique des réfugiés 28—30 juin 1928, изд. Société des Nations, XIII. Réfugiés. 1930. XIII. I. Réponses des Gouvernements au questionnaire du Haut Commissaire en date du 31 janvier 1928 relatif au

Эти учрежденія въ огромномъ большинствѣ случаевъ пріобрѣли весьма значительный авторитетъ въ глазахъ правительствъ и мѣстныхъ властей и выдаваемые ими удостовѣренія, касающіяся личности эмигранта, его профессіи и другихъ обстоятельствъ, имѣющихъ юридическое значеніе, пользовались довѣріемъ и признаніемъ послѣднихъ. Но тѣмъ не менѣе документы эти не могли имѣть официальнаго значенія и сотрудничество эмигрантскихъ организацій съ мѣстными властями носило лишь официозный характеръ. Исключеніе составляли Болгарія, Югославія и Египетъ, гдѣ эти организаціи получили официальное признаніе (постановленіе Совѣта Министровъ отъ 12 февраля 1923 г. въ Болгаріи, распоряженіе Министерства Иностранныхъ Дѣлъ отъ 12 апрѣля 1924 г. № 1615 въ Югославіи, постановленіе Совѣта Министровъ 12 апрѣля 1926 г. и распоряженія 11 и 13 мая 1926 г. въ Египтѣ²⁾). Тѣмъ не менѣе и въ этихъ странахъ доказательная сила выдаваемыхъ указанными организаціями удостовѣреній остается не вполне выясненной въ судебной и административной практикѣ, а въ литературѣ существуютъ мнѣнія, отрицающія за ними официальное значеніе³⁾.

Пока эмигрантъ оставался въ странѣ его пріютившей и выдавшей ему на основаніи удостовѣреній и рекомендацій эмигрантскихъ организацій разрѣшеніе на проживаніе (*carte d'identité, permis de séjour*, дозвола за становање), отсутствіе обычныхъ для иностранцевъ документовъ не мѣшало ему находить заработокъ и болѣе или менѣе спокойно заниматься избранной дѣятельностью. Но при выборѣ той или иной страны убѣжища огромную роль игралъ случай: возможность перейти совѣтскую границу въ опредѣленномъ мѣстѣ или получить въѣздную визу, случайности эвакуаціи и тому подобныя обстоятельства опредѣляли территорію на которой первоначально оказывался бѣженецъ. Между тѣмъ часто родственныя и другія связи, возможность легче получить работу въ другомъ мѣстѣ, административные порядки страны, первоначально его пріютившей, и рядъ другихъ условій принуждали эмигранта стремиться къ переселенію въ другую страну. Но тутъ передъ нимъ выросли почти непреодолимыя препятствія въ видѣ отсутствія международно признаннаго паспорта и невозможности получить въѣздную визу въ другую страну и остро чувствовалось отсутствіе содѣйствія и покровительства русскихъ консуловъ.

Statut juridique des réfugiés russes et arméniés“ стр. 33, 44, 49, 51, 60, 64, 71, 72, 88.

²⁾ См. цитированные выше „Documents“ стр. 17 и 88.

³⁾ Напримѣръ, Др. М. Бартош: „Доказыванье односа русскихъ избеглица“, Архив за правне и друштвене науке, 1930 г. бр. 5, стр. 377—379.

По счастью въ разрѣшеніи этихъ жизненныхъ для эмигрантовъ вопросовъ приняла участіе Лига Націй въ лицѣ Бюро Труда и Высокаго Коммиссара по дѣламъ бѣженцевъ (Haut Commissaire pour les Réfugiés) и это было вполне естественно. Русскіе и армянскіе бѣженцы, судьбой которыхъ занялась Лига Націй, не имѣли отечества и не могли рассчитывать на защиту своихъ дипломатическихъ и консульскихъ агентовъ. Только международный организмъ, каковымъ является Лига Націй, могъ имъ въ нѣкоторой степени замѣнить въ международномъ оборотѣ то покровительство, котораго они лишились, порвавъ со своимъ прежнимъ отечествомъ или, вѣрнѣе, съ правительствомъ, тамъ утвердившимся.

Первоначальной задачей созданнаго Лигой Націй Высокаго Коммиссаріата было улучшение матеріальнаго положенія бѣженцевъ, но вскорѣ стало ясно, что послѣднее недостижимо безъ созданія для нихъ юридической возможности передвиженія изъ одной страны въ другую и вообще опредѣленнаго юридическаго статута. Поэтому уже въ 1921 году Совѣтъ Лиги Націй поручилъ Высокому Коммиссару заняться урегулированіемъ этого вопроса⁴⁾ въ связи съ правомъ переѣзда бѣженцевъ изъ одной страны въ другую. Первымъ результатомъ работъ Высокаго Коммиссара въ этомъ направленіи явилось созданіе „нансеновскихъ паспортовъ“, разработанныхъ и принятыхъ междуправительственными соглашениями отъ 5 іюля 1922 и 31 мая 1924 съ дополненіями и улучшениями, внесенными соглашеніемъ отъ 12 мая 1926 г. Къ октябрю 1929 г. эти паспорта были приняты 39 правительствами.

Но этимъ былъ сдѣланъ только первый шагъ въ дѣлѣ установленія юридическаго статута эмигрантовъ и облегченія имъ передвиженія и за предѣлами страны, первоначально ихъ пріютившей. Нансеновскій паспортъ лишь устанавливаетъ личность эмигранта и обезпечиваетъ ему въ международномъ оборотѣ „право на имя“, но это не предрѣшаетъ полученіе имъ визы въ ту страну, гдѣ онъ надѣется получить заработокъ или поддержку родственниковъ и друзей. Ни начало взаимности, ни наличность консульской рекомендаціи не могутъ ему облегчить эту задачу, ибо для эмигранта нѣтъ возможности сослаться ни на то, ни на другое. Органы международного Бюро Труда⁵⁾, появившіеся въ отдѣльныхъ государствахъ и взявшіе на себя пріисканіе работы бѣженцамъ и оказаніе имъ другихъ видовъ помощи при сношеніи съ мѣ-

⁴⁾ Documents стр. 5.

⁵⁾ Напримѣръ, въ Австріи — Bureau de liaison pour les Réfugiés, въ Болгаріи — Représentation du Service des Réfugiés du Bureau international du Travail, въ Германіи — Agence de la Société des Nations и т. д.

стными властями, не имѣли консульскихъ полномочій и также не могли способствовать въ нужной мѣрѣ разрѣшенію этого жгучаго для бѣженцевъ вопроса.

Высокій Коммиссаръ, занявшись дѣломъ помощи эмигрантамъ, не могъ не обратить вниманія и на другія неблагоприятныя явленія въ ихъ жизни, вызываемыя какъ отсутствіемъ органовъ, замѣняющихъ для нихъ консульскихъ агентовъ, такъ и отсутствіемъ юридическихъ нормъ, регулирующихъ ихъ статусъ или несоотвѣтствіемъ этихъ нормъ спеціальному положенію эмигрантовъ. Фактически инициатива разработки относящихся сюда вопросовъ была взята на себя Центральной Юридической Коммиссіей въ Парижѣ⁶⁾.

Названная Юридическая Коммиссія 9 іюля 1927 года представила черезъ спеціальную Техническую Коммиссію⁷⁾ мемуаръ Совѣщательному Комитету о бѣженцахъ, являющійся проектомъ соглашения, регулирующаго юридическій статусъ эмигрантовъ. Мемуаръ этотъ резолюціей отъ 7 сентября 1927 былъ одобренъ Совѣщательнымъ Комитетомъ, рекомендовавшимъ Высокому Коммиссару предпринять соотвѣтствующіе шаги для осуществленія пожеланій, выраженныхъ въ немъ. Эта рекомендація была мотивирована тѣмъ, что „русскіе и армянскіе бѣженцы, лишенные содѣйствія отечественныхъ консуловъ, находятся вслѣдствіе этого въ особенно тяжеломъ положеніи, а кромѣ того въ виду неопре-

⁶⁾ Коммиссія эта была учреждена въ Парижѣ первоначально при со-
вѣщаніи пословъ, подъ предсѣдательствомъ барона Нольде, въ составѣ рус-
скихъ юристовъ А. Н. Мандельштама, А. А. Пиленка, П. П. Гронскаго и Я.
Л. Рубинштейна. Ею при сотрудничествѣ К. Н. Гулькевича, проживавшаго
въ Женевѣ, была сдѣлана вся подготовительная работа по введенію „нан-
сеновскихъ паспортовъ“. Затѣмъ на съѣздѣ русскихъ юристовъ въ Берлинѣ
было образовано Бюро съѣзда, въ которое вошли вышеименованные члены
старой Юридической Коммиссіи и вновь избранные Н. В. Тесленко, С. З.
Старынкевичъ и Б. Е. Шацкій. Съ образованіемъ въ 1926 году въ Парижѣ
Эмигрантскаго Комитета при немъ была учреждена новая Юридическая Ком-
миссія въ составѣ вышеназванныхъ членовъ Бюро съѣзда, переставшаго со-
бираться. Эта Коммиссія (Commission Centrale pour l'étude de la condition
des Réfugiés russes) продолжаетъ разрабатывать вопросы, связанные съ юри-
дическимъ статутомъ эмигрантовъ и, входя въ качествѣ члена въ учреж-
денный при Высокомъ Коммиссариатѣ официальный Совѣщательный Коми-
тетъ частныхъ организацій (Comité consultatif pour les Réfugiés), имѣетъ воз-
можность оказывать вліяніе на работы органовъ Лиги Націй по бѣженскому
вопросу. Приведенными здѣсь свѣденіями авторъ обязанъ любезности Пред-
сѣдателя Центральной Коммиссіи Я. Л. Рубинштейна и потому пользуется
этимъ случаемъ, чтобы выразить ему за это свою искреннюю благодар-
ность.

⁷⁾ Эта Коммиссія (Commission spéciale technique) была учреждена по
соглашенію Высокаго Коммиссара и упомянутаго Совѣщательнаго Комитета
для подготовки матерьяловъ для предстоящей конференціи по бѣженскому
вопросу.

дѣленности ихъ правового положенія⁸⁾ никакое его улучшение невозможно, доколѣ юридическій статутъ эмигрантовъ не будетъ твердо и справедливо урегулированъ Лигой Націй“.

Дальнѣйшее внѣшнее теченіе этого дѣла было таково: восьмое очередное Собраніе Лиги Націй въ засѣданіи 26 сентября 1927 г. по предложенію пятой Коммисіи усвоило резолюцію, по которой на основаніи докладовъ Высокаго Коммиссара и Международнаго Бюро Труда было предложено Высокому Коммиссару собрать конференцію для формулированія предложеній, касающихся юридическаго статута бѣженцевъ, долженствующихъ быть представленными Совѣту Лиги Націй. Предварительно надлежало подвергнуть тщательному изученію правовое положеніе бѣженцевъ въ различныхъ странахъ и сообщить заранѣ собранныя свѣденія заинтересованнымъ правительствамъ⁹⁾.

На основаніи этой резолюціи Высокій Коммиссаръ разослалъ 31 января 1928 г. заинтересованнымъ правительствамъ Германіи, Австріи, Бельгіи, Болгаріи, Египта, Эстоніи, Финляндіи, Франціи, Великобританіи, Греціи, Латвіи, Литвы, Румыніи, Королевства С. Х. С., Швейцаріи, Польши, Чехословакіи анкетный листъ (questionnaire) о правовомъ положеніи бѣженцевъ, прося прислать отвѣты къ 31 марта 1928 г., ибо конференцію предполагалось созвать на 28 іюля 1928 г. На вопросы анкетнаго листа даны были отвѣты правительствами всѣхъ упомянутыхъ государствъ, кромѣ Литвы. Кромѣ того комитетъ русскихъ и армянскихъ экспертовъ юристовъ представилъ конференціи обстоятельный меморандумъ о юридическомъ статутѣ бѣженцевъ, датированный 25 маемъ 1928 г.¹⁰⁾

Междуправительственная конференція открылась 28 іюня 1928 г. въ Женевѣ въ помѣщеніи Международнаго Бюро Труда. На ней были представлены чрезъ своихъ делегатовъ Германія, Австрія, Бельгія, Болгарія, Египетъ, Эстонія, Финляндія, Франція, Греція, Латвія, Польша, Румынія, Королевство С. Х. С., Швейцарія и Чехословакія. Высокаго Коммиссара замѣнялъ его помощникъ М. Ф. Джонсонъ, а Международное Бюро труда представлялъ помощникъ директора Б. Г. Батлеръ (Buttler). Въ засѣданіяхъ присутствовали и участвовали въ дебатахъ русскіе и армянскіе юристы-эксперты гг. Гольденвайзеръ, Гулькевичъ, баронъ Нольде, Рубинштейнъ, Пошаліанъ и Синаньянъ. Особенно активно защи-

⁸⁾ „la condition légale des réfugiés russes et arméniens manquant de stabilité“ — Documents, стр. 7.

⁹⁾ Ibid., стр. 10.

¹⁰⁾ Documents, стр. 14—29.

щали въ засѣданіяхъ конференціи интересы эмигрантовъ баронъ Нольде и Я. Л. Рубинштейнъ.

Конференція имѣла пять засѣданій и закончилась 30-го іюня 1928 года. Результатомъ ея явилось соглашеніе отъ 30-го іюня 1928 года о юридическомъ статутѣ русскихъ и армянскихъ бѣженцевъ (*Arrangement du 30 Juin 1928 relatif au statut juridique des réfugiés russes et arméniens*), ¹¹⁾ подписанное съ оговорками или безъ таковыхъ делегатами Германіи, Австріи, Бельгіи, Болгаріи, Франціи, Латвіи, Польши, Румыніи, Королевства С. Х. С., Швейцаріи, Греціи и Эстоніи.

Докладъ Высокаго Коммиссара по поводу заключеннаго соглашенія былъ заслушанъ Собраніемъ Лиги Націй въ теченіи девятой очередной сессіи, при чемъ 25 сентября 1928 года была принята резолюція, центръ которой составляетъ настоятельное приглашеніе Собранія, обращенное къ членамъ Лиги, усвоить и примѣнять въ самой широкой мѣрѣ между-правительственныя соглашенія отъ 5 іюля 1922 г., 31 мая 1924 г., 12 мая 1926 и 30 іюня 1928 г., дающія бѣженскому дѣлу (*oeuvre*) средства сдѣлаться постепенно экономически независимымъ ¹²⁾.

Послѣ подписанія упомянутаго соглашенія правительства должны были дать свое окончательное присоединеніе (*adhésion définitive*), а кромѣ того къ соглашенію могли присоединиться и правительства, не представленныя на конференціи 28—30 іюня 1928 г. Къ 15 января 1930 года окончательно присоединились къ соглашенію съ оговорками или безъ таковыхъ Германія, Австрія, Бельгія, Болгарія, Эстонія, Франція, Греція, Румынія, Швейцарія, Чехословакія, Югославія. До указаннаго числа соглашеніе не было окончательно принято Польшей и Латвіей. Постановленія соглашенія выражены въ формѣ рекомендацій, обращенныхъ къ подписавшимъ *Arrangement* правительствамъ и Высокому Коммиссару („*il est recommandé que*“).

Въ то же время, въ виду разногласій между делегатами относительно допущенія представителей Высокаго Коммиссара съ квази консульскими функціями и вызванныхъ ими оговорокъ, параллельно съ соглашеніемъ (*Arrangement*) на конференціи была выработана и особая конвенція (*Accord relatif au fonctionnement des services du Haut Commissaire*), своеобразный консульскій уставъ эмиграціи. Для сторонъ его подписавшихъ онъ долженъ былъ замѣнить ст. 1° *Arrangement*. Этотъ *Accord* въ дѣйствительности былъ подписанъ только представителями Бельгіи и Франціи, причемъ

¹¹⁾ Documents, стр. 191—195.

¹²⁾ Ibid, стр. 205. Переводъ самого текста соглашенія приложенъ къ настоящей работѣ.

послѣдній сдѣлалъ весьма важную оговорку о сохраненіи дѣятельности „offices des réfugiés russes“¹³). При ратификаціи Accord'a эта оговорка была усвоена и Бельгіей. Другія государства до сихъ поръ Accord'a не подписали.

II

Какъ видно уже изъ обстоятельствъ, предшествовавшихъ заключенію соглашенія, его цѣлью не была исчерпывающая нормировка правового положенія бѣженцевъ или международная кодификація нормъ этого рода, выработанныхъ практикой, обычаями и отдѣльными законодательствами. Относящаяся сюда работа была предпринята подъ давленіемъ настоятельныхъ запросовъ жизни, безъ теоретическихъ заданій. Этимъ объясняется, что вопросы, попытку разрѣшенія которыхъ даетъ Arrangement, принадлежатъ къ различнымъ областямъ публичнаго и частнаго права и не могутъ заполнить рамки какой либо системы. Это были вопросы, особенно остро поставленные жизнью предъ эмигрантами. Ища въ разныхъ мѣстахъ ихъ разрѣшенія, стучась въ различныя двери, эмигрантскія организаціи нашли наконецъ сочувственное отношеніе къ своимъ правовымъ запросамъ въ Международномъ Бюро Труда и у Высокаго Коммиссара и съ ихъ помощью получили возможность поставить эти проблемы предъ международнымъ форумомъ и частично добиться благопріятныхъ рѣшеній.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію этихъ вопросовъ въ отдѣльности нужно опредѣлить юридическое значеніе самого соглашенія отъ 28—30 іюня 1928 г., ибо его форма представляется довольно необычной въ международной практикѣ.

Результатомъ конференціи 28—30 іюня 1928 г. является не конвенція, а соглашеніе (Arrangement) правительствъ, принявшихъ въ ней участіе.

Вопросъ о выборѣ той или иной формы соглашенія былъ поставленъ въ первомъ же засѣданіи конференціи. Предсѣдатель конференціи швейцарскій делегатъ г. Delaquis заявилъ, что нѣкоторыя правительства затруднились бы подписать конвенцію, ибо рядъ предложеній, заключающихся въ меморандумѣ русскихъ и армянскихъ экспертовъ, затрогиваетъ внутреннее законодательство отдѣльныхъ странъ и можетъ потребовать перемѣнъ въ немъ. Поэтому задача конференціи была бы облегчена, если бы ея резолюціи приняли форму „рекомендацій“, которыя не обязывали бы стороны къ измѣненіямъ въ ихъ законахъ. Этимъ путемъ

¹³) Documents, стр. 199—201.

шли до сихъ поръ на практикѣ Высокій Коммиссаръ и Бюро Труда и при помощи такихъ рекомендацій достигли извѣстныхъ результатовъ, полезныхъ для бѣженцевъ. Бельгійскій делегатъ г. Meuers выразилъ сомнѣніе въ возможности достигнуть этимъ путемъ тѣхъ же результатовъ, которые могутъ быть достигнуты конвенціей. Югославянскій делегатъ г. Фотичъ согласился съ этимъ замѣчаніемъ, но указалъ, что форма конвенціи, требующая формальностей ратификаціи, которую не легко будетъ получить для всѣхъ предполагаемыхъ постановленій, а затѣмъ и изданія новыхъ законовъ, зависящихъ отъ хода работы парламента, является гораздо болѣе трудной для осуществленія; что же касается „рекомендацій“, то таковыя въ нѣкоторыхъ государствахъ, въ томъ числѣ и въ Королевствѣ С. Х. С., могутъ быть осуществлены въ административномъ порядкѣ. Французскій делегатъ г. de Navailles указалъ, что для судовъ будетъ имѣть обязательную силу только конвенція послѣ ея ратификаціи и опубликованія, по крайней мѣрѣ во Франціи¹⁴⁾.

Къ этому же вопросу конференція возвратилась въ четвертомъ засѣданіи 29 Іюня 1928, при чемъ бельгійскій делегатъ г. Meuers заявилъ, что его правительство готово подписать и конвенцію, если на это согласится значительное число государствъ¹⁵⁾. Однако большинство делегатовъ заявило, что они не уполномочены на подписаніе конвенціи и потому пришлось ограничиться „рекомендаціями“.

Уже изъ дебатовъ на конфереціи выяснилось, что юридическій эффектъ конвенціи, если бы она была заключена, былъ бы гораздо болѣе значительнымъ. Въ зависимости отъ мѣстнаго конституціоннаго права и формулировки отдѣльныхъ постановленій, послѣднія могли бы въ нѣкоторыхъ странахъ вступить непосредственно послѣ ратификаціи и опубликованія въ жизнь и начать примѣняться какъ административными властями, такъ и судами, отмѣняя постановленія внутренняго законодательства, съ ними не согласныя. Во Франціи, на примѣръ, ратифицированная конвенція имѣетъ равную силу съ внутреннимъ законодательствомъ и можетъ его измѣнять¹⁶⁾. Въ другихъ странахъ конвенція создала бы только обязательство для подписавшаго государства соотвѣтственно измѣнить свое внутреннее законодательство (Германія)¹⁷⁾, а до такого измѣненія имѣла бы только декларативное значеніе. Какъ бы то ни было, въ первомъ случаѣ

¹⁴⁾ Documents, стр. 110—112.

¹⁵⁾ Documents, стр. 175.

¹⁶⁾ Ibid., стр. 112; ср. ст. 8 конституціи 1875 г.

¹⁷⁾ Ibid., стр. 109—110.

скорѣе, во второмъ медленнѣе, но все же право подписавшихъ конвенцію государствъ было бы согласовано съ постановленіями конвенціи, которыя получили бы тѣмъ или инымъ способомъ обязательную силу и для судовъ и для административныхъ властей. Однако этого результата на конференціи достигнуть не удалось и пришлось ограничиться соглашеніемъ, содержащимъ лишь рекомендаціи. Впрочемъ, рядомъ съ Arrangement былъ составленъ и Accord, о которомъ подробно будетъ сказано ниже.

Какъ показала практика соглашеній 1922, 1924 и 1926 гг., государства, подписавшія таковыя, сочли себя обязанными издать административныя распоряженія объ ихъ примѣненіи въ области управленія, а Директоръ Международнаго Бюро Труда и Высокій Коммиссаръ считали себя въ правѣ оказывать извѣстное давленіе на администрацію отдѣльныхъ странъ съ цѣлью проведенія въ жизнь постановленій соглашения¹⁸⁾. Очевидно, эта возможность остается и для соглашения 1928 г. Другое дѣло, насколько съ этимъ соглашеніемъ пожелаетъ и будетъ имѣть возможность считаться судебная власть, когда ей придется разрѣшать вопросы, для которыхъ соглашеніе „рекомендуетъ“ опредѣленное рѣшеніе. Совершенно справедливо В. А. Маклаковъ въ своей интересной статьѣ „Новый этапъ въ улучшеніи положенія русскихъ бѣженцевъ во Франціи“¹⁹⁾ различаетъ два случая: когда законъ вполнѣ ясенъ и несогласенъ съ постановленіями „Arrangement“ и когда законъ приходится толковать. Въ первомъ случаѣ соглашеніе бессильно, по мнѣнію цитированнаго автора, повліяетъ на рѣшеніе суда и внести что-либо новое въ юридическое положеніе русскихъ эмигрантовъ; во второмъ — судьи при истолкованіи законовъ могутъ (а я думаю — и должны) принять во вниманіе и „соглашеніе“, въ которомъ выразилась воля государства въ области частнаго международнаго права, каковая область не является подчиненной исключительно внутреннему законодательству отдѣльныхъ странъ²⁰⁾. Если рекомендація, помѣщенная въ торжественномъ международномъ актѣ, не есть повелѣніе, то все же можетъ ли судья такую рекомендацію совершенно игнорировать при истолкованіи неяснаго закона?²¹⁾.

¹⁸⁾ Documents, стр. 175.

¹⁹⁾ Журналь „Законъ и Судъ“ (Рига), 1930 г., № 10, стр. 333—340.

²⁰⁾ Принциціальное рѣшеніе этого сложнаго вопроса нужно искать въ спорныхъ и мало еще разработанныхъ теоріяхъ примата нормъ международнаго права или права внутренняго, а конкретное — въ истолкованіи выраженія Arrangement: „il est recommandé“ въ связи съ состояніемъ въ каждой странѣ законодательства и признаннымъ за судомъ правомъ толкованія правовыхъ нормъ.

²¹⁾ Paul Tager (Journal Clunet 1931 livr. 4—5, p. 1127) идетъ нѣ-

Различіе въ оттѣнкахъ между толкованіемъ моимъ и толкованіемъ В. А. Маклакова, повидимому, происходитъ отъ различнаго пониманія содержанія соглашения. По мнѣнію цитированнаго автора, оно представляетъ „исходящую отъ Лиги Націй рекомендацію всѣмъ правительствамъ занять относительно бѣженцевъ нѣкую доброжелательную позицію. Оно рекомендуетъ не столько конкретныя мѣры... сколько общее благопріятное для бѣженскихъ нуждъ отношеніе“. Но В. А. Маклаковъ при этомъ забываетъ, что подъ соглашеніемъ имѣются и подписи законно уполномоченныхъ представителей согласившихся правительствъ и что самое соглашеніе большинствомъ изъ нихъ было ратифицировано²¹⁾, хотя бы и безъ проведенія черезъ парламенты. Такимъ образомъ, соглашеніе представляетъ собою рекомендацію, исходящую не только отъ Лиги Націй, но и отъ правительствъ его принявшихъ. Равнымъ образомъ на ряду съ общими пожеланіями въ соглашеніи рекомендуется и рядъ конкретныхъ мѣръ (напримѣръ, относительно условія взаимности, *cautio judicatum solvi* и т. д.).

Несмотря на то, что въ Arrangement выразилась воля подписавшихъ его государствъ, мы склоняемся къ мысли, что эта воля не тождественна съ волей, которая выражается въ нормѣ закона или конвенціи. Терминъ *recommandation* нельзя „weginterpretieren“. Воля эта не выразилась въ видѣ императива, но въ видѣ пожеланія, которое остается весьма авторитетнымъ матерьяломъ для истолкованія закона, но отнюдь не сурогатомъ закона. Приблизительно въ смыслѣ указанномъ въ текстѣ, но очень кратко и безъ мотивировки высказался г. J. Perroud (*Journal Clunet*, 1931, p. 393): „il s'agit de simples recommandations adressées aux gouvernements. C'est une invitation à légiférer. Les directives ne peuvent intéresser les tribunaux que dans les questions douteuses où l'absence de texte oblige à rechercher une solution rationnelle“.

Французская практика также не признала за Arrangement императивнаго значенія, создающаго абсолютную обязан-

сколько дальше и считаетъ рекомендаціи Arrangement обязательными къ примѣненію со стороны судовъ, поскольку онѣ не противорѣчатъ законамъ страны. „Ce terme („recommandation“), говоритъ цитированный авторъ, signifie simplement que „l'Arrangement“ n'est pas placé par les Etats signataires au-dessus de leur loi nationale; ces conventions ne s'appliqueront à l'intérieur du pays qu'en tant que leurs clauses ne seront pas en contradiction avec la loi nationale et il appartiendra aux autorités nationales — judiciaires et administratives — de vérifier la conformité de chacune des clauses du traité en question à la législation nationale.. il s'agit alors d'une recommandation acceptée par voie diplomatique, par le chef d'Etat. La „recommandation“ ainsi acceptée devient une règle impérative de droit“.

²¹⁾ „Documents“, стр. 196—198.

ность его примѣненія, т. е. значенія настоящей конвенціи (см. рѣшенія Tribunal civil de la Seine 7 Mars 1931, affaire Menier contre Chimkewitch, Journal Clunet, 1932, p. 435), но въ то же время въ многочисленныхъ случаяхъ, когда возбуждался вопросъ о его примѣненіи, никогда не становилась на ту точку зрѣнія, что судъ не долженъ и обсуждать этотъ актъ, какъ не имѣющій возможности вліять на судебныя рѣшенія. Всякій разъ судъ обсуждалъ, противорѣчитъ ли та или иная рекомендація Arrangement'a положительному закону и въ зависимости отъ этого примѣнялъ ее или не примѣнялъ. Правда, въ этой области юриспруденція французскихъ судовъ не проявила творческаго размаха и той смѣлости, которыя ею были проявлены въ другихъ случаяхъ (напримѣръ, въ конструированіи обязанности вознагражденія за вредъ по началу распредѣленія профессиональнаго риска, въ созданіи понятія нелояльной конкуренціи, въ акціонерномъ правѣ и т. д.), но въ большинствѣ случаевъ держалась буквы закона, который не могъ во время своего изданія имѣть въ виду особое положеніе апатридовъ (см. рѣшеніе affaire Trouze contre Paquet. Tribunal civil de la Seine 28 Juin 1930 — Clunet 1931 p. 1110, affaire Melgounoff, le même Tribunal, 22 Avril 1932 и др.).

Такая рекомендація не имѣетъ силы закона, но она является международнымъ правовымъ актомъ, который при толкованіи законовъ судьями долженъ быть принятъ во вниманіе. Это не актъ администраціи, необязательный для суда, подобный распоряженію или циркуляру министра, но именно актъ правительства, представляющаго въ международныхъ отношеніяхъ государство какъ цѣлое. Съ другой стороны, оговорки, имѣющіяся въ Arrangement: „autant que ces services (представителя Высокаго Коммиссара) ne sont pas réservés aux autorités nationales“ (ст. 1, ч. 1) „autant que les lois impératives du lieu de leur résidence ne s'y opposent“ (ст. ч. 3), „si possible“ (ст. 5) и т. д. — не представляютъ въ большинствѣ случаевъ непреодолимаго препятствія для примѣненія его постановленій. Въ самомъ дѣлѣ, нужно всегда помнить, что дѣло идетъ о мѣрахъ, относящихся къ лицамъ безъ отечества (apatrides), вопросъ о которыхъ почти нигдѣ не получалъ законодательнаго рѣшенія; поэтому во всѣхъ этихъ случаяхъ остается очень широкое поле для судебного и административнаго толкованія. Правда, эти лица являются въ то же время иностранцами, чье положеніе гораздо подробнѣе опредѣлено внутренними законами и международными договорами, но примѣненіе всѣхъ мѣръ, предписанныхъ для иностранцевъ, къ апатридамъ явно невозможно. Если вспомнить слова римскаго юриста, что *leges scire non est verba eorum tenere*, различеніе иностран-

цевъ, имѣющихъ отечество и такового не имѣющихъ, явится могучимъ средствомъ для благопріятной для эмигрантовъ интерпретаціи многихъ постановленій внутренняго законодательствъ, т. е. во всякомъ случаѣ для пониманія ихъ, какъ не препятствующихъ примѣненію рекомендацій Arrangement'a.

III.

Переходя къ отдѣльнымъ постановленіямъ соглашенія, мы видимъ, что на первомъ мѣстѣ стоитъ вопросъ о назначеніи въ возможно большемъ числѣ государствъ представителей Высокаго Коммиссара по дѣламъ бѣженцевъ, которымъ присваиваются quasi-консульскія полномочія.

На конференціи соотвѣтствующее предложеніе встрѣтило оппозицію съ разныхъ сторонъ. Германскій делегатъ сослался на противорѣчіе такой мѣры принципамъ германскаго законодательства о національностяхъ и консульскихъ агентахъ. Къ нему присоединились делегаты Эстоніи и Латвіи и въ томъ же смыслѣ высказался и Швейцарскій делегатъ. Что касается польскаго делегата, онъ заявилъ, что Польша не могла бы допустить назначеніе агентовъ Лиги Націй, исполняющихъ quasi-консульскія функціи въ отношеніи русскихъ бѣженцевъ, въ силу постановленія Рижскаго мирнаго договора, заключеннаго съ Совѣтской Россіей.

Въ результатѣ дебатовъ была принята компромиссная формула объ обезпеченіи назначеніемъ представителей Высокаго Коммиссара въ возможно большемъ числѣ государствъ слѣдующихъ функцій (services), поскольку онѣ не сохранены за мѣстными властями... Далѣе слѣдуетъ перечисленіе этихъ функцій (art. 1 Arrangement), на чемъ мы остановимся ниже. Такимъ образомъ въ каждой странѣ правительство путемъ истолкованія законовъ должно притти къ выводу, какія изъ упомянутыхъ въ соглашеніи функцій составляютъ монополію мѣстныхъ органовъ, а какія нѣтъ, и только функціи послѣдней категоріи предоставитъ представителямъ Высокаго Коммиссара.

Въ связи съ допущеніемъ дѣятельности этихъ представителей уже на самой конференціи возникъ вопросъ о томъ, должны ли документы ими выдаваемые считаться официальными, имѣющими такую же силу, какъ и документы, выдаваемые иностранными консулами, или лишь документами, съ которыми правительства въ большей или меньшей мѣрѣ будутъ считаться. Вопросъ этотъ также вызвалъ на конференціи большія разногласія: только пять делегатовъ высказались за текстъ (предложенный русскими экспертами), признававшій за ними значеніе документовъ официальныхъ, шесть же делегатовъ приняли предложеніе германскаго пред-

ставителя, согласно которому каждому правительству предоставляется разрешить в положительном или отрицательном смысле вышеуказанный вопрос. О практикѣ, установившейся по этому предмету в большинствѣ государствъ, подписавшихъ Arrangement (кроме Югославіи, Франціи и Бельгіи), в нашемъ распоряженіи матерьяловъ не имѣется.

Что касается Франціи и Бельгіи, то между ними того же 30 іюня 1928 г. (дата подписанія Arrangement) было заключено особое соглашеніе (Accord)²²⁾, соответствующее art I Arrangement, но не только не содержащее никакихъ ограниченій относительно доказательной силы документовъ, выдаваемыхъ представителемъ Высокаго Коммиссара, но и подписанное делегатомъ Франціи Massigly съ указаніемъ, что упомянутый представитель „aura qualité pour revêtir de son visa ou de sa légalisation les pièces délivrées par ces offices (des Réfugiés), auxquelles les intéressés voudraient faire reconnaître la valeur des documents officiels“²³⁾. Приведенная оговорка при ратификаціи соглашенія была усвоена и Бельгіей. Еще яснѣе значеніе, придаваемое документамъ представителя Высокаго Коммиссара договаривающимися сторонами, выражено в докладѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ Президенту Французской Республики о введеніи в дѣйствіе рекомендацій конференціи 28—30 іюня 1928 г. „Mais les offices des réfugiés“, говорится в немъ, „ne peuvent avoir qu'un caractère officieux, les documents qu'ils délivrent et les formalités qu'ils accomplissent n'ont pas de valeur d'actes officiels. Pour permettre aux réfugiés d'obtenir et en cas de besoin de produire en justice ou aux administrations ces documents offrant la même authenticité que ceux délivrés par les autorités consulaires“²⁴⁾ le Haut Commissaire pour les réfugiés désignera un représentant pour la France“. Такимъ образомъ во Франціи и в Бельгіи, благодаря подписанію ими Accord'a, имѣющаго силу настоящей международной конвенціи²⁵⁾, официальное значеніе актовъ и документовъ, совершаемыхъ представителемъ Высокаго Коммиссара, для административныхъ властей и судовъ оказывается внѣ спора.

Что касается содержанія этихъ актовъ и документовъ, то и Accord и Arrangement содержатъ ихъ исчерпывающее перечисленіе в art. I подъ литерами a) — f). Это, во первыхъ (a) удостовѣренія личности и званія (identité et qualité),

²²⁾ Documents, стр. 199 — 201.

²³⁾ Documents, стр. 201. Цитированное соглашеніе („Accord“), датированное 30 іюня 1928 г. и подписанное Франціей 16 марта 1929 г., замѣнило для Франціи и Бельгіи ст. I Arrangement.

²⁴⁾ Курсивъ всюду нашъ.

²⁵⁾ Въ немъ употреблена формула: „Les sousignés... sont convenus des dispositions suivantes“, вмѣсто уклончивой формулы Arrangement: „Il est recommandé“.

т. е. документы замѣняющіе внутренніе паспорта. Внѣшніе паспорта („нансеновскіе“) по прежнему должны выдавать административныя власти на основаніи упомянутыхъ удостовѣреній.

Во вторыхъ (b), — это удостовѣренія о семейномъ положеніи и гражданскомъ состояніи бѣженцевъ, т. е. акты, замѣняющіе метрическія свидѣтельства о рожденіи, бракѣ и смерти или другіе равные имъ документы, а также удостовѣренія о составѣ семьи. При этомъ нужно замѣтить, что представители Высокаго Коммиссара уполномочены выдавать такія удостовѣренія не только на основаніи актовъ (actes) совершенныхъ въ Россіи, но и на основаніи фактовъ (faits), имѣвшихъ тамъ мѣсто. Подчеркнутая редакція имѣетъ особенное значеніе, ибо позволяетъ представителю Высокаго Коммиссара устанавливать, на примѣръ, родственныя связи эмигрантовъ не только на основаніи документовъ, привезенныхъ изъ Россіи, но и на основаніи другихъ доказательствъ, въ томъ числѣ и свидѣтельскихъ показаній. Если при нормальныхъ обстоятельствахъ такое расширеніе круга доказательствъ родства было бы, можетъ быть, нежелательно или даже опасно, — при невозможности полученія изъ Совѣтской Россіи метрическихъ свидѣтельствъ, родословныхъ, выписей изъ дворянскихъ книгъ и другихъ имъ подобныхъ документовъ, частью въ виду ихъ уничтоженія, а частью въ виду нежеланія совѣтскихъ учрежденій содѣйствовать эмигрантамъ въ ихъ дѣлахъ, косвенныя доказательства и свидѣтели являются единственнымъ средствомъ для установленія родства. Предоставленіе иностраннымъ судамъ непосредственно провѣрять и оцѣнивать подобныя доказательства было бы нецѣлесообразно, ибо для этого судьямъ пришлось бы затрачивать много времени и труда, а иногда и отступать отъ установленнаго порядка судопроизводства. Всѣ эти затрудненія отпадаютъ, если эту подготовительную работу дѣлаетъ *office des réfugiés*, а представитель Высокаго Коммиссара своей визой или легализаціей придаетъ удостовѣреніямъ, выданнымъ *office'омъ*, силу официальныхъ документовъ.

Въ третьихъ (c), удостовѣренія о соотвѣтствіи прежнимъ русскимъ законамъ и о юридическомъ значеніи актовъ, совершенныхъ въ Россіи, т. е. выполнение функций, принадлежащихъ въ отношеніи другихъ иностранцевъ ихъ консульскимъ агентамъ.

Въ четвертыхъ (d), посвидѣтельствованіе подписей эмигрантовъ и засвидѣтельствованіе копій и переводовъ ихъ документовъ, составленныхъ на русскомъ языкѣ.

Въ пятыхъ (e), удостовѣреніе предъ мѣстными властями хорошей репутаціи (*honorabilité*) и поведенія эмигрантовъ, ихъ прежней службы, профессиональныхъ квалификацій и

университетскихъ и академическихъ степеней. На основаніи этого пункта соглашенія Высокій Коммиссаръ можетъ выдавать удостовѣренія, замѣняющія утерянные или оставшіеся въ Россіи аттестаты и дипломы объ окончаніи различныхъ учебныхъ заведеній, а также удостовѣренія о пройденномъ стажѣ, принадлежности къ сословію присяжныхъ повѣренныхъ, къ практикующимъ врачамъ, къ ремесленникамъ того или иного цеха и проч.

Въ шестыхъ (f), рекомендаціи бѣженцевъ мѣстнымъ властямъ для полученія ими визъ, разрѣшеній на проживаніе въ опредѣленномъ мѣстѣ, для поступленія въ учебныя заведенія, для работы въ бібліотекахъ и т. д.

Ст. 2. Accord устанавливаетъ порядокъ назначенія представителей Высокаго Коммиссара въ значительной мѣрѣ аналогичный порядку назначенія иностранныхъ консуловъ. Существенная разница заключается въ томъ, что назначеніе этихъ представителей исходитъ не отъ правительства страны, подданные которой будутъ пользоваться ихъ покровительствомъ, но отъ Высокаго Коммиссара Лиги Націй. Необходимо согласіе (agrément) правительства страны, въ которую назначается представитель. Условія его дѣятельности опредѣляются по соглашенію (accord) Высокаго Коммиссара и заинтересованнаго правительства. Соглашеніе это замѣняетъ консульскую конвенцію.

Ст. 3. Accord разрѣшаетъ взысканіе представителемъ Высокаго Коммиссара особой пошлины съ эмигрантовъ, прибѣгающихъ къ его содѣйствию, но предусматриваетъ и освобожденіе отъ нея лицъ неимущихъ.

Accord долженъ быть ратифицированъ и зарегистрированъ въ Секретаріатѣ Лиги Націй въ томъ порядкѣ, который установленъ для международныхъ договоровъ. Членамъ Лиги Націй и другимъ государствамъ предоставлено присоединиться къ изложенной конвенціи. Однако послѣ ея ратификаціи Франціей и Бельгіей новыхъ присоединеній не было.

Ни Accord, ни Arrangement 1928 г. не содержатъ опредѣленія понятія „бѣженецъ“ („réfugié“), являющагося основнымъ для юрисдикціи представителей Высокаго Коммиссара. Такое опредѣленіе мы находимъ въ Arrangement 12 Мая 1926 г., согласно которому русскимъ бѣженцамъ признается „всякое лицо русскаго происхожденія (d'origine russe), не пользующееся покровительствомъ правительства С. С. С. Р. и не приобрѣвшее другого подданства“²⁶⁾. Возвращеніе въ Совѣтскую Россію, хотя бы кратковременное, влечетъ за собою потерю статуса бѣженца²⁷⁾.

²⁶⁾ Documents, стр. 100.

²⁷⁾ Протоколъ 4 засѣданія конференціи отъ 29 Іюня 1928 г., Documents, стр. 171, ср. замѣчаніе бар. Нольде, *ibid.*, стр. 173.

Вышеприведеннымъ текстомъ не разрѣшаются прямо всѣ вопросы, возникающіе въ связи съ компетенціей представителя Высокаго Коммиссара. Такъ, если къ нему обращается бывшій эмигрантъ, приобрѣвшій подданство другой страны, можетъ ли онъ удостовѣрить его семейное положеніе на основаніи документовъ выданныхъ и фактовъ имѣвшихъ мѣсто въ Россіи? — Ratio legis диктуетъ положительный отвѣтъ. Но когда дѣло идетъ о посвидѣтельствваніи подписи или рекомендаціяхъ мѣстнымъ властямъ, отвѣтъ долженъ быть отрицательный, ибо означенныя услуги бывшему эмигранту можетъ оказать его теперешній консуль.

Съ меньшей категоричностью долженъ быть разрѣшенъ вопросъ о значеніи удостовѣреній представителя Высокаго Коммиссара въ странахъ, подписавшихъ лишь Arrangement 1928 г., ибо тамъ остается въ силѣ оговорка: „il appartiendra à chaque gouvernement de décider si un caractère officiel peut être reconnu aux actes ainsi établis“, каковая оговорка выпущена въ Accord, заключенномъ между Франціей и Бельгіей. Такимъ образомъ въ этихъ странахъ реальное значеніе упомянутыхъ удостовѣреній будетъ почти всецѣло зависѣть отъ усмотрѣнія ихъ правительствъ и толкованія судовъ.

Для Югославіи съ этой точки зрѣнія рѣшающее значеніе имѣетъ распоряженіе Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, сообщенное 5 Мая 1930 г. за № 8832 представителю Высокаго Коммиссара Лиги Націй. Изъ этого распоряженія видно, что постоянная Королевская Делегация при Лигѣ Націй изъявила свое согласіе на исполненіе делегатомъ Высокаго Коммиссара²⁸⁾, согласно Arrangement'у отъ 30 Юня 1928 г., функций, касающихся правового статуса русскихъ и армянскихъ бѣженцевъ и на признаніе за его актами официальнаго характера, поскольку это не было бы противно государственнымъ законамъ. Такимъ образомъ извѣстные акты делегата Высокаго Коммиссара только въ томъ случаѣ не будутъ имѣть официальнаго значенія, если они по югославянскимъ законамъ должны быть совершаемы другими (мѣстными) властями. Такъ, югославянскій законъ о нострификаціи университетскихъ дипломовъ предоставляетъ право признавать за русскими документами значеніе доказательствъ того, что ихъ обладатель имѣлъ оригиналь ди-

²⁸⁾ Делегаты Высокаго Коммиссара послѣ смерти Др. Ф. Нансена въ связи съ реформой Высокаго Коммиссаріата, проведенной 30/17 Сентября 1930 г., переименованы въ делегатовъ состоящаго подъ покровительствомъ (autorité) Лиги Націй Международнаго имени Нансена Присутствія о бѣженцахъ. Ср. Вл. Фелькнеръ: „Международное имени Нансена Присутствіе по бѣженскимъ дѣламъ“. Русскій Голосъ, (Бѣлградъ) 1932 г. № 41 (14 Января 1932 г.)

плома, но его утратилъ, исключительно соответствующимъ факультетамъ университетовъ. Поэтому въ этомъ случаѣ удостовѣреніе представителя Высокаго Коммиссара не можетъ замѣнить оригиналъ диплома, но будетъ оцѣниваться факультетомъ какъ и другіе документы, косвенно доказывающіе окончаніе университета въ Россіи. Въ случаяхъ же, для которыхъ нѣтъ подобныхъ спеціальныхъ нормъ, равно какъ и вообще въ случаяхъ, въ которыхъ за удостовѣреніями, выданными консулами иностранцамъ признается оффиціальный характеръ, и за удостовѣреніями делегата Высокаго Коммиссара въ Югославіи будетъ признаваться такой характеръ. Это толкованіе находитъ опору въ предложеніи югославянскаго делегата г. Фотича, сдѣланномъ въ засѣданіи конференціи 28 Іюня 1928 г. Правда, это предложеніе не было принято большинствомъ другихъ делегацій, но оно выражаетъ точку зрѣнія Югославянскаго Правительства: акты представителя Высокаго Коммиссара должны имѣть законную силу „autant que les lois impératives du lieu de leur résidence ne s'y opposent pas“.

Но имѣютъ ли эти документы такое значеніе только для административныхъ властей, въ силу распоряженія Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, основаннаго на Arrangement 1928 г., или и для судовъ? Въ принципѣ признаніе двойкой силы за однимъ и тѣмъ же документомъ не можетъ быть оправдано. Не только суды, но и административныя власти подчинены закону и не должны исполнять незаконныя распоряженія Министерствъ. Поэтому и административныя власти, примѣняя, въ силу распоряженія Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, въ извѣстномъ смыслѣ Arrangement, отправляются отъ убѣжденія, что государственныя законы тому не противорѣчатъ. Значитъ и судъ будетъ толковать въ этомъ же смыслѣ рекомендаціи Arrangement'a, если, конечно, толкованіе администраціи не было ошибочно. Нельзя законность разсматривать какъ монополію суда; иначе придется терпѣть беззаконіе администраціи. Есть рядъ случаевъ, когда администрація, дѣйствуя въ извѣстныхъ рамкахъ, руководствуется усмотрѣніемъ, примѣняетъ дискреціонную власть. Но и суды въ извѣстныхъ областяхъ имѣютъ право выбора между рядомъ рѣшеній, и новѣйшее законодательство эти области непрерывно расширяетъ (выборъ наказанія по усмотрѣнію суда, опредѣленіе размѣра вознагражденія за убытки и т. п.). Всѣ эти соображенія нужно принять во вниманіе, опредѣляя значеніе для судовъ постановленій Arrangement'a, санкціонированныхъ выше цитированнымъ распоряженіемъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Только констатируя въ томъ или иномъ случаѣ противорѣчіе этихъ постановленій съ опредѣленнымъ закономъ страны, суды могутъ отказать въ

ихъ примѣненіи при истолкованіи и пополненіи пробѣловъ въ законѣ.

Согласно цитированному распоряженію Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, делегату Высокаго Коммиссара предоставляются слѣдующія права: выдавать русскимъ эмигрантамъ удостовѣренія личности (1), удостовѣренія о семейномъ и имущественномъ ихъ положеніи (2), удостовѣрять подлинность, юридическую силу и соотвѣтствіе совѣтскимъ законамъ актовъ, совершенныхъ въ Совѣтской Россіи (3), засвидѣтельствовать подписи бѣженцевъ на документахъ (4), выдавать удостовѣренія о прежней ихъ профессіи или службѣ, о профессиональной подготовкѣ, объ университетскихъ и академическихъ степеняхъ и званіяхъ, поскольку это вытекаетъ изъ актовъ и документовъ, выданныхъ совѣтской властью (5), давать рекомендаціи къ соотвѣтствующимъ властямъ, особенно для полученія въѣздныхъ и выѣздныхъ визъ, разрѣшенія жительства и для поступленія на службу (6).

Такимъ образомъ функціи делегата Высокаго Коммиссара въ Югославіи, опредѣленныя распоряженіемъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, въ общемъ совпадаютъ съ функціями делегатовъ во Франціи и Бельгіи. Имѣется, однако, одно важное различіе: выдаваемые имъ удостовѣренія и совершаемыя посвидѣтельствванія должны предназначаться: 1) для представленія властямъ въ Совѣтской Россіи или въ государствахъ, признавшихъ совѣтскую власть. (п. 1) или 2) для употребленія въ Югославіи, если ими удостовѣряются событія, или свидѣлствуются акты, имѣвшіе мѣсто въ Россіи послѣ большевицкой революціи (п.п. 2—5). Эти ограниченія объясняются необходимостью разграничить функціи раньше существовавшей Делегации для защиты интересовъ русской эмиграціи (прежняя Россійская Миссія) и вновь признаннаго представительства Высокаго Коммиссара по дѣламъ бѣженцевъ. За Делегацией сохранено право выдавать различныя удостовѣренія, основанныя на фактахъ, имѣвшихъ мѣсто, и актахъ, совершенныхъ въ Россіи до большевицкаго переворота, и предназначенныя для Югославіи или государствъ, не признавшихъ совѣтскую власть. Такъ какъ Делегация является непосредственной преемницей Императорской Миссии, естественно, совѣтская власть не признаетъ за нея удостовѣреніями и посвидѣтельствваніями никакого значенія. Ту же позицію заняли и нѣкоторыя государства, признавшія правительство Совѣтовъ (напримѣръ, Польша, Латвія). Съ другой стороны, и Делегация не считаетъ для себя возможнымъ свидѣлствовать документы, исходящія отъ совѣтскихъ учреждений. Всѣми этими соображеніями объясняется произведенное разграниченіе компетенціи Делегации и представителя Высокаго Коммиссара. Такимъ образомъ каж-

дое изъ этихъ учрежденій дѣйствуетъ въ своей области вполне независимо и между ними нѣтъ того тѣснаго и обязательнаго сотрудничества, которое существуетъ между соответствующими органами во Франціи и въ Бельгіи.

Объ административной и судебной практикѣ по разбираемымъ вопросамъ въ другихъ странахъ въ нашемъ распоряженіи не имѣется достаточно матеріала, но нѣкоторыя указанія могутъ быть извлечены изъ оговорокъ делегатовъ отдельныхъ государствъ, сдѣланныхъ при подписаніи Arrangement, и изъ ихъ заявленій на конференціи. Такъ, Австрія сдѣлала оговорку о непризнаніи посвидѣтельствующей делегата Высокаго Коммиссара на копіяхъ и переводахъ русскихъ документовъ, равно какъ и его удостовѣреній о хорошемъ поведеніи, о репутаціи и о предшествующей службѣ, профессиональныхъ квалификаціяхъ, университетскихъ и академическихъ званіяхъ эмигрантовъ. Эстонія вообще отказалась признать оффиціальный характеръ за делегатомъ Высокаго Коммиссара и за его актами. Чехословакія оставила за собою право взять во всякое время назадъ свое согласіе на примѣненіе ст. 1 Arrangement, ограничивъ его кромѣ того бѣженцами, потерявшими русское (совѣтское) подданство до 1 Января 1923 г., а Греція, Латвія и Польша вообще не ратифицировали Arrangement²⁹⁾. Германія въ отношеніи функций представителя Высокаго Коммиссара не сдѣлала при подписаніи соглашения формальной оговорки, но ея делегатъ въ засѣданіи конференціи 28 Іюля 1928 г. заявилъ, что предполагаемая для этого представителя функции были бы въ противорѣчіи съ основными началами германскаго законодательства о консулахъ и что едва ли было бы возможно внести въ германскіе законы измѣненія въ нужномъ смыслѣ. Сходныя замѣчанія сдѣлали делегаты Швейцаріи и Эстоніи. Финляндія, хотя и участвовала на конференціи, вообще не подписала соглашения³⁰⁾.

Эти послѣднія заявленія слѣдуетъ принять cum grano salis. Въ упоминаемыхъ законодательствахъ нѣтъ вообще никакихъ относящихся сюда постановленій, ибо Arrangement'омъ ставится впервые вопросъ о назначеніи Лигой Націй должностныхъ лицъ съ квази консульскими полномочіями въ отношеніи бѣженцевъ. Это совершенно новый институтъ, не имѣющій прецедентовъ, а потому не предусмотрѣнный ни однимъ законодательствомъ. Кромѣ того и вопросъ о компетенціи иностранныхъ консуловъ не регулируется исчерпывающе внутренними законами страны, гдѣ эти агенты дѣйствуютъ; относящіяся сюда нормы нужно ис-

²⁹⁾ Documents, стр. 196—198.

³⁰⁾ Ibid. стр. 196—198.

каты въ международныхъ обычаяхъ и договорахъ. Въ дѣйствительности въ заявленіяхъ представителей этой группы государствъ преобладаютъ не юридическіе, а политическіе мотивы. Представитель Польши откровенно заявилъ, что признаніе офіціального положенія за делегатомъ Высокаго Коммиссара было бы въ противорѣчіи съ Рижскимъ мирнымъ трактатомъ. Германія, Австрія, Эстонія и Латвія тоже, повидимому, не пожелали портить свои отношенія съ Совѣтами, очень ревниво относящимися ко всякому улучшенію положенія русскихъ эмигрантовъ. Мотивы Швейцаріи менѣе ясны, ибо ея правительство не признаетъ совѣтской власти и не поддерживаетъ съ нею дипломатическихъ отношеній.

IV.

2-я статья Arrangement касается личного статута бѣженцевъ. Что считать такимъ статутомъ для эмиграціи въ случаяхъ, когда мѣстное законодательство и нормы частнаго международного права предписываютъ примѣнять отечественные законы иностранца? — Для эмигранта не имѣющаго отечества (apatride, Heimatlose) будутъ ли это дореволюціонные русскіе законы или законы Совѣтской Россіи? Оба рѣшенія вызываютъ противъ себя весьма серьезныя возраженія. Навязывать эмигранту совѣтскіе законы, противъ которыхъ возмущается его правовое сознаніе, отъ которыхъ онъ бѣжалъ, покидая родину, близкихъ, друзей, имущество, представляется совершенно противоестественнымъ. Поэтому и въ Германіи, въ кодексѣ коей (Art. 29 EGBGB) находится специальное постановленіе о примѣненіи къ Heimatlose законовъ послѣдняго ихъ отечества въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ долженъ примѣняться личный статутъ иностранца, послѣ довольно продолжительной практики, вызывавшей споры и нареканія, было сдѣлано изъятіе для русскихъ эмигрантовъ, къ которымъ теперь примѣняются въ этихъ случаяхъ германскіе законы (ст. 4 закона о германо-совѣтскихъ договорахъ отъ 14 января 1926 г.), ибо было ясно, что ст. 29 EGBGB предвидѣла совсѣмъ другіе случаи. Съ другой стороны, примѣненіе въ этихъ случаяхъ русскихъ до-большевицкихъ законовъ также встрѣчало возраженія. Указывалось, что нельзя примѣнять право, которое не дѣйствуетъ ни на одной территоріи, право омертвѣлое и даже мертвое. Впрочемъ, есть случаи, когда несомнѣнно примѣняется право, которое уже не дѣйствуетъ, ибо новый законъ не имѣетъ обратнаго дѣйствія, а пріобрѣтенныя права основываются на старомъ, отмѣненномъ уже законѣ. Но разграниченіе этой области отъ другихъ смежныхъ областей есть дѣло весьма деликатное. Является ли разъ пріобрѣтенная правоспособ-

ность приобрѣтеннымъ правомъ? Можно ли считать приобрѣтеннымъ правомъ установленныя закономъ во время заключенія брака имущественныя отношенія супруговъ и условія развода или въ виду преобладающаго здѣсь публичнаго интереса измѣненія законодательства влекутъ за собою измѣненіе и этихъ отношеній?

Какъ бы то ни было, Arrangement, рѣшительно отбросивъ примѣненіе къ эмигрантамъ совѣтскихъ законовъ, установилъ какъ правило примѣненіе къ нимъ *lex domicilii*, но въ отдѣльныхъ случаяхъ допустилъ отступленія въ пользу примѣненія русскихъ законовъ до-большевицкаго періода. При этомъ, въ виду возможныхъ различій въ связи, которая устанавливалась между эмигрантомъ и страной его пріютившей, Arrangement употребляетъ весьма обстоятельную формулу: „Soit par la loi de leur domicile ou de leur résidence habituelle, soit, à défaut, par la loi de leur résidence“. Этимъ однако не исключается примѣненіе старыхъ русскихъ законовъ, если мѣстныя власти найдутъ это возможнымъ, что видно изъ оговорки: „dans les pays où leur ancienne loi n'est plus reconnue“. Известно, что суды нѣкоторыхъ государствъ, не признававшихъ ни *de jure*, ни *de facto* совѣтскую власть, считали возможнымъ примѣнять въ подлежащихъ случаяхъ къ эмигрантамъ старые русскіе законы (напримѣръ, во Франціи до признанія Совѣтовъ).

Итакъ въ принципѣ для эмигрантовъ личный статутъ опредѣляется по Arrangement'у закономъ домицила или мѣстопребыванія. Но кромѣ приведенной общей оговорки имѣются и конкретныя отступленія въ пользу старыхъ русскихъ законовъ. Они касаются прежде всего правъ, вытекающихъ изъ брака, заключеннаго во время дѣйствія стараго русскаго права (*régime matrimonial*, *capacité de la femme mariée* и т. д.), которыя должны разсматриваться, какъ приобрѣтенныя права, во вторыхъ, отношеній, возникшихъ за границей послѣ паденія власти Временнаго Правительства изъ актовъ церковныхъ властей въ странахъ, гдѣ компетенція этихъ властей признается (ст. 2, ч. 1). Въ сущности въ обоихъ случаяхъ мы не имѣемъ настоящихъ исключеній. Въ первомъ случаѣ вопросъ рѣшается на основаніи принципа, не допускающаго обратнаго дѣйствія новаго закона (такъ, введеніе обязательнаго гражданскаго брака не дѣлаетъ недѣйствительными ранѣе заключенные церковные браки). Во второмъ дѣло идетъ о сохраненіи прежней юрисдикціи за церковными властями за границей, не смотря на паденіе прежняго государственнаго строя въ Россіи. Церковь въ той или иной мѣрѣ независима отъ государства и потому можетъ сохранить свои позиціи и при самой радикальной перемѣнѣ государственнаго строя. Но, конечно, отъ территоріальной государственной власти зави-

сигь допустити функціонуваніє тѣхъ или иныхъ церковныхъ властей на своей территоріи, а главное признати или не признати тѣ или иныя послѣдствія въ гражданскомъ оборотѣ за актами, совершенными въ согласіи съ церковнымъ правомъ извѣстной церкви. Если въ области богослуженія и миссіонерства современное право въ общемъ придерживается начала полной терпимости, то признаніе гражданскихъ послѣдствій религіознаго брака для иностранца, при обязательномъ гражданскомъ бракѣ для своихъ подданныхъ, не разумѣется само по себѣ.

Отсюда специальное постановленіе Arrangement'a съ оговоркой о совершеніи соотвѣтствующаго акта церковными властями, où la compétence de ces autorités est reconnue. Иначе обстоитъ дѣло съ имущественными отношеніями супруговъ. Они выходятъ изъ компетенціи церкви и каноническаго права. Ихъ всецѣло опредѣляетъ гражданское право. I ч. X тома Св. Зак. не дѣйствуетъ въ Россіи, а между тѣмъ между его системой и системой большинства европейскихъ государствъ въ области имущественныхъ отношеній супруговъ существуетъ глубокая разница. Такъ, французскій кодексъ запрещаетъ женѣ и при раздѣленіи имущества супруговъ (*séparation des biens*) отчуждать свои недвижимости безъ согласія мужа (art. 1538 С. С.), чего нѣтъ въ I ч. X т. Св. Зак. Поэтому, въ изъятіе отъ правилъ о примѣненіи въ качествѣ персональнаго статута *lex domicilii*, Arrangement разрешаетъ эмигрантамъ стипулировать примѣненіе къ отношеніямъ брачующихся режима I ч. X т. Св. Зак., правда съ оговоркой: „autant que les lois impératives du lieu de leur résidence ne s'opposent pas“. Является однако спорнымъ, какъ слѣдуетъ понимать выраженіе „lois impératives“ въ Arrangement. В. А. Маклаковъ считаетъ, что это законы, защищающіе *ordre publique*, и онъ ихъ какъ будто не отождествляетъ со всякимъ *jus cogens*, но вмѣстѣ съ тѣмъ видитъ препятствіе къ примѣненію постановленія Arrangement'a о полной раздѣльности имущества супруговъ и о свободѣ распоряженія таковыми въ art. 1388 С. С., придающей постановленіямъ о власти мужа императивный характеръ. Скорѣе такое препятствіе могло бы быть усмотрѣно въ art. 1538 С. С., ибо власть мужа надъ женой не предполагаетъ непременно запрещеніе женѣ отчуждать недвижимости безъ его согласія. Ст. же 1538 является несомнѣнно *jus cogens*; но выраженный въ ней принципъ есть ли то, что въ международномъ правѣ разумѣется подъ *ordre publique* Франціи? Полагаемъ, что нѣтъ, ибо иначе французское право не могло бы признавать за русскими замужними женщинами, проживавшими во Франціи до большевитской революціи, право самостоятельно распоряжаться своими недвижимостями. Между тѣмъ для личнаго статута русскихъ под-

данныхъ этого ограниченія не существовало, ибо разбираемое правило французскаго Code Civil не считалось принципомъ, на которомъ покоится публичный и гражданскій порядокъ Франціи. Но если прежніе русскіе подданные не подчинялись на территоріи Франціи art. 1538 С. С., почему неподчиненіе ему эмигрантовъ нужно считать недопустимымъ? Особенно яснымъ становится это коренное различіе между обычной нормой *jus cogens* и нормой, содержащей одинъ изъ принциповъ *ordre public* данной страны, когда мы обратимся къ судебной практикѣ, примѣняющей или не примѣняющей совѣтскіе законы въ зависимости отъ ихъ противорѣчія или непротиворѣчія публичному порядку. Такъ, германская литература и практика до заключенія и вступленія въ дѣйствіе германско-русскихъ договоровъ отъ 19 октября 1925 г. и 6 января 1926 г. признавала полную отмѣну наслѣдственнаго права въ Совѣтской Россіи противорѣчащей цѣли германскихъ законовъ и принципу частной собственности, а потому не подлежащей примѣненію въ германскихъ судахъ въ качествѣ *Heimatrecht* совѣтскихъ гражданъ. Съ допущеніемъ ограниченнаго наслѣдованія въ Совѣтской Россіи (до 10,000 руб.) совѣтское право стало примѣняться, ибо было признано, что германское право, не идя такъ далеко, все же не чуждо сходной тенденціи ограниченія наслѣдованія³¹⁾. Между тѣмъ постановленія германскаго права о *portio legitima*, составляющія *jus cogens*, находились въ противорѣчій съ ограниченіемъ наслѣдства определенной цѣнностью. Конечно, выраженіе, употребленное въ *Arrangement* — „*lois impératives*“, является не особенно удачнымъ, но въ связи съ регламентируемой матеріей (личный статутъ) оно можетъ быть истолковано въ смыслѣ „*ordre public*“.

Изъ остальныхъ областей семейнаго права бѣженцевъ ст. 3 *Arrangement* подчиняетъ разводъ всецѣло *lex domicilii* (въ широкомъ смыслѣ).

Ст. 4 и 5 Соглашенія касается правъ, которыя предоставляются иностранцамъ подъ условіемъ взаимности. Такъ какъ бѣженцы не имѣютъ ни отечества, ни своей территоріи, то между ними и государствомъ, гдѣ они живутъ, не можетъ быть взаимности. Еще менѣе можно говорить о договорной взаимности, ибо нѣтъ субъекта международнаго права, могущаго заключить въ интересѣ эмигрантовъ договоры съ клаузулой о взаимности. Изъ этого фактическаго положенія вещей можно сдѣлать два юридическіе вывода: или что бѣженцы — иностранцы, не могущіе ссылаться на взаимность и потому лишенные привилегій, ею давае-

³¹⁾ Freund „Die Behandlung russischer Nachlässe im Ausland: Deutschland“, Zeitschrift f. Ostrecht, 1928, Н. 8/9, стр. 1053 и слѣд.

мых³²⁾, или что отъ нихъ вообще нельзя требовать взаимности³³⁾, потому что случай апатридовъ не предусмотренъ ни законами, дающими извѣстныя права подъ условіемъ взаимности, не международными договорами, почему онъ долженъ быть истолкованъ въ согласіи съ общимъ смысломъ и духомъ законовъ. Условіе взаимности вносится въ законы извѣстнаго государства обычно затѣмъ, чтобы побудить другую заинтересованную сторону — иностранное государство, предоставить тѣ же льготы подданнымъ перваго государства, которыя оно предоставило условно иностранцамъ. Этотъ мотивъ въ случаѣ бѣженцевъ отпадаетъ, ибо примѣненіе къ нимъ реторзій, въ видѣ лишенія извѣстныхъ льготъ, никакого полезнаго дѣйствія произвести не можетъ: нѣтъ государственной власти, которая бы изъ-за нихъ перемѣнила свое отношеніе къ иностранцамъ. Поэтому нужно обратиться къ еще болѣе общему правилу современнаго международнаго права (выраженному, впрочемъ, различно въ разныхъ законодательствахъ), по которому иностранцы принципиально пользуются тѣми же правами, какъ и подданные, если нѣтъ спеціальныхъ изъятій. Если изъятіе, связанное со взаимностью, ничѣмъ не обосновано въ отношеніи апатридовъ, оно не должно къ нимъ примѣняться, тѣмъ болѣе что законодательства о взаимности, конечно, и не имѣли въ виду апатридовъ, которые тогда составляли весьма рѣдкое явленіе.

Указаннымъ соображеніемъ, конечно, объясняется то обстоятельство, что юриспруденція странъ, даже мало склонныхъ улучшать юридическое положеніе эмигрантовъ, (какъ на примѣръ Германія, Эстонія), развивается въ направленіи изъятія ихъ изъ клаузулы о взаимности³⁴⁾.

Arrangement не указываетъ подробно тѣ права и выгоды, которыя предоставляются иностранцамъ подъ условіемъ взаимности (ст. 4), кромѣ двухъ процессуальныхъ льготъ — права бѣдности (*assistance judiciaire*) и освобожденія отъ *cautio judicatum solvi*. Вообще права, обуславливаемые взаимностью, опредѣляются не только законами, но и международными договорами и конвенціями, а иногда они не предоставляются всѣмъ иностранцамъ, а лишь нѣкоторымъ, на примѣръ

³²⁾ Въ этомъ смыслѣ высказалась французская судебная практика (*Tribunal civil de la Seine 31 janvier 1931, affaire Eram contre Leroy, Journal Clunet, 1932, p. 433*) въ связи съ вопросомъ о предоставленіи эмигрантамъ *bénéfice de prorogation* по закону о наймѣ отъ 30 іюня 1929 г., ссылаясь, что при ясномъ смыслѣ закона Arrangement, не имѣющій императивнаго значенія, не можетъ послужить основаніемъ для непримѣненія клаузулы о взаимности; впрочемъ, Министръ Юстиціи въ своемъ циркулярѣ отъ 4 іюня 1930 г. высказалъ противоположный взглядъ.

³³⁾ Ср. P. Tager, l. c. p. 1132.

³⁴⁾ См. заявленіе германскаго делегата г. Martius'a, эстонскаго г. Schmidt'a и болгарскаго г. Микова. Documents, стр. 139—141.

тѣмъ, которые принадлежатъ къ наиболѣе благопріятствуемой націи. Такъ, на конференціи было указано (Эстонія), что бѣженцамъ нельзя въ отношеніи визъ предоставить тѣ же льготы, что и подданнымъ государствъ, съ которыми заключены по этому предмету спеціальныя соглашенія. Это заявленіе вполне понятно, ибо всѣ страны боятся увеличивать число эмигрантовъ, находящихся на ихъ территоріи. Представитель Бельгіи указалъ, что бѣженцы не пользуются въ въ его странѣ тѣми же правами въ отношеніи вещного найма, литературной собственности и правъ на промышленные рисунки, что и иностранцы, исполняющіе условіе взаимности.

Остальныя „рекомедаціи“ Arrangement'a касаются не статута русскихъ бѣженцевъ въ прямомъ смыслѣ слова, но примѣненія къ нимъ извѣстныхъ административныхъ мѣръ. Такъ, Arrangement рекомедуетъ въ ст. 6 не примѣнять къ эмигрантамъ во всей строгости ограничительныхъ мѣръ, относящихся къ иностраннымъ рабочимъ. При этомъ, очевидно, имѣлось въ виду то обстоятельство, что эмигранты не могутъ, возвратиться къ себѣ на родину, гдѣ они могли бы примѣнять свой трудъ безъ правовыхъ ограниченій. Основаніемъ этой рекомедаціи является не правовой принципъ, но соображенія гуманности ³⁵⁾.

Рекомедація, касающаяся высылки эмигрантовъ, какъ нежелательныхъ иностранцевъ (ст. 7 Arrangement), указываетъ на недопустимость высылки при неимѣніи эмигрантомъ въѣздной визы сосѣдняго государства или другой страны, ибо высылка въ этомъ случаѣ превращается въ принужденіе эмигранта къ нелегальному переходу границы другой страны, т. е. въ принужденіе къ совершенію проступка противъ правопорядка сосѣдняго государства. Такой образъ дѣйствій едва ли совмѣстимъ съ *comitas gentium* и крайне тягостенъ для высылаемаго, который можетъ быть перебра- сываемъ нѣсколько разъ взадъ и впередъ черезъ границу и рискуетъ попасть подъ выстрѣлы пограничной стражи или на скамью подсудимыхъ за неподчиненіе распоряженію о высылкѣ. Другое дѣло, если эмигрантъ переходитъ границу безъ установленнаго разрѣшенія. Возвращеніе его обратно есть актъ необходимой обороны и Arrangement не имѣетъ въ виду подобныхъ случаевъ ³⁶⁾.

³⁵⁾ Подобныя льготы во Франціи предоставлены эмигрантамъ, пробывшимъ на французской территоріи не менѣе 5 лѣтъ.

³⁶⁾ Впрочемъ, резолюція Международной Совѣщательной Коммиссіи отъ 24 Января 1933 г. рекомедуетъ правительствамъ отказаться не только отъ *expulsion*, но и отъ *refoulement des réfugiés*, переходящихъ границу безъ визы.

Пожеланіе статьи 8-й касается уравненія эмигрантовъ со своими подданными въ отношеніи взиманія налоговъ. Практически это обыкновенно сводится къ освобожденію эмигрантовъ отъ особаго налога на иностранцевъ³⁷⁾. Основаніемъ этого пожеланія является то обстоятельство, что для эмигранта пребываніе на чужой территоріи является не результатомъ его добраго желанія (посѣтить красивыя мѣста, развлечься, устроить какое либо торговое дѣло и пр.), но печальной необходимостью. Страна, давшая пріютъ эмигранту — его вторая родина, гдѣ онъ не долженъ себя чувствовать пасынкомъ.

Мы уже говорили о важности для эмигрантовъ разрѣшенія паспортнаго вопроса. Установленіемъ нансеновскихъ паспортовъ сдѣланъ только первый шагъ къ облегченію бѣженцамъ передвиженія изъ одной страны въ другую. Поэтому Arrangement въ ст. 9 опять возвращается къ этой темѣ и рекомендуетъ облегчить формальности, соединенныя съ визированіемъ иностранныхъ и продолженіемъ срока внутреннихъ паспортовъ, устранить всякія ограниченія при передвиженіи эмигрантовъ внутри страны ихъ пріютившей и непремѣнное включеніе въ нансеновскіе паспорта клаузулы: „le présent certificat est valable pour le retour dans le pays qui l'a délivré pendant la durée de sa validité“, являющейся обратной визой³⁸⁾. Только проникновеніе эмигранта въ Совѣтскую Россію, лишая его статуса бѣженца, влечетъ за собой недействительность обратной визы. Нечего и говорить, насколько важно для эмигранта, ѣдущаго по тѣмъ или инымъ дѣламъ въ другое государство, имѣть увѣренность, что онъ можетъ возвратиться въ то мѣсто, гдѣ онъ имѣетъ постоянный заработокъ, квартиру, семейный очагъ. Боязнь, что при возвращеніи граница можетъ оказаться для него закрыта, нерѣдко заставляеть его отказываться отъ путешествія, которое могло бы улучшить его матерьяльное положеніе, или, при встрѣтившихся при возвращеніи препятствіяхъ, терять не мало времени и средствъ для полученія новой визы въ страну, гдѣ онъ имѣлъ раньше пребываніе.

V.

Вышеуказанныя затрудненія, встрѣчаемыя на практики при примѣненіи судебными и административными властями

³⁷⁾ Во Франціи циркуляръ Министра Финансовъ распространилъ нѣкоторыя льготы на эмигрантовъ при уплатѣ налоговъ, существующія для французовъ обремененныхъ семействомъ и проч.

³⁸⁾ Во Франціи административная практика признала для себя эту рекомендацию обязательной и это сильно облегчило эмигрантамъ полученіе визъ въ другія страны.

отдѣльныхъ государствъ рекомендацій Arrangement'a, а особливо предстоящая къ 31 декабря 1939 г. ликвидація Международнаго имени Нансена Присутствія (office) по дѣламъ бѣженцевъ, ставящая подъ вопросъ самое существованіе делегатовъ Высокаго Коммиссара (нынѣ делегатовъ office'a), побудили круги, заинтересованные судьбой эмигрантовъ, попытаться добиться заключенія между правительствами, участвовавшими въ конференціи 28—30 іюня 1928 г., формальной конвенціи, регулирующей обязательнымъ для подписавшихъ ее государствъ образомъ юридическій статутъ бѣженцевъ. Инициативу по этому вопросу взялъ на себя Представитель Междуправительственной Совѣщательной Комиссіи о бѣженцахъ при Лигѣ Націй³⁹⁾. По его предложенію Комиссія 20 Августа 1931 г. приняла соотвѣтствующій предварительный докладъ, внесенный въ XII сессію Собранія Лиги Націй. Подготовка вопроса была поручена VI Комиссіи Лиги Націй, избравшей докладчикомъ постоянного представителя Югославіи при Лигѣ г. Фотича. Вопросъ изучался также въ Международномъ имени Нансена Присутствіи съ октября 1931 г. Присутствіе разослало членамъ своего Административнаго Совѣта, членамъ Совѣщательнаго Комитета, членамъ частныхъ организацій и своимъ делегатамъ на мѣстахъ анкетный листъ о положеніи эмигрантовъ въ различныхъ странахъ и этотъ матеріаль уже поступилъ въ Присутствіе.

Съ другой стороны 24 января 1933 г. въ Междуправительственной Комиссіи былъ рассмотрѣнъ докладъ экспертовъ о цѣлесообразности заключенія проектируемой конвенціи и принять большинствомъ представителей заинтересованныхъ правительствъ, среди которыхъ были и представители Польши и Великобританіи. Составленіе проекта конвенціи (avant projet de convention) поручено предсѣдателю Междуправительственной Совѣщательной Комиссіи г. de Navailles по соглашенію съ Предсѣдателемъ имени Нансена Присутствія г. Максомъ Губеръ при участіи экспертовъ бар. Нольде и Я. Л. Рубинштейна. Таково въ настоящее время положеніе въ Лигѣ Націй работъ по установленію статута бѣженцевъ.

³⁹⁾ Комиссія эта была образована въ 1927 г. въ составѣ представителей 14 правительствъ и 8 экспертовъ для рассмотрѣнія правовыхъ и организаціонныхъ вопросовъ. Ея доклады поступаютъ чрезъ Генеральнаго Секретаря и Совѣтъ Лиги Націй въ Годовыя ея Собранія. Предсѣдателемъ Комиссіи состоитъ французскій делегатъ г. de Navailles, широкія взгляды котораго на эмигрантскій вопросъ позволили провести не одну мѣру благоприятную для эмигрантовъ.

Приложение I.

Переводъ соглашения (Arrangement), относящагося къ юридическому статусу русскихъ и армянскихъ бѣженцевъ.

Нижеподписавшіеся представители Правительствъ, участвуя на Конференціи, имѣющей въ виду русскихъ и армянскихъ бѣженцевъ, созванной 28 іюня 1928 г. въ Женевѣ Высокимъ Коммиссаромъ Лиги Націй по дѣламъ бѣженцевъ въ исполненіе резолюціи, принятой во время восьмой очередной сессіи Собранія Лиги Націй,

Ссылаясь на соглашеніе отъ 12 Мая 1926 года о выдачѣ удостовѣреній личности (certificats d'identité) русскимъ и армянскимъ бѣженцамъ, дополняющее и измѣняющее предшествующія соглашенія отъ 5 іюня 1922 г. и отъ 31 Мая 1924 г.,

И признавая необходимость опредѣлить юридическій статусъ русскихъ и армянскихъ бѣженцевъ,

Принимаютъ слѣдующія резолюціи:

1-е Рекомендуются, чтобы Высокій Коммиссаръ по дѣламъ бѣженцевъ обезпечилъ, назначеніемъ представителей въ возможно большемъ числѣ странъ, слѣдующія функціи (services), поскольку эти функціи не сохранены за національными властями:

а) удостовѣрять личность и званіе (qualité) бѣженцевъ;
 б) удостовѣрять ихъ семейное положеніе и гражданское состояніе (état civil) въ томъ видѣ, въ какомъ они вытекаютъ изъ актовъ, совершенныхъ и фактовъ, имѣвшихъ мѣсто въ странѣ, откуда происходитъ бѣженецъ (le pays d'origine).

с) свидѣтельствовать правильность, значеніе (valeur) и соотвѣтствіе прежнимъ законамъ страны происхожденія актовъ, совершенныхъ въ этой странѣ;

д) свидѣтельствовать подписи бѣженцевъ, копии и переводы документовъ, составленные на ихъ языкѣ;

е) удостовѣрять передъ мѣстными властями репутацію (honorabilité) и хорошее поведеніе бѣженца, прежнюю его службу, профессиональную квалификацію, университетскія и академическія званія (titres).

ф) рекомендовать бѣженца компетентнымъ властямъ, въ особенности по вопросамъ визъ, разрѣшенія жительства, допущенія въ школы, въ бібліотеки и т. д.

Вышеупомянутые представители будутъ назначаться и исполнять свои функціи по соглашенію съ заинтересованными правительствами. Въ странахъ, гдѣ существуютъ организаціи, исполняющія офиціозно тѣ же функціи, Высокій Коммиссаръ можетъ обращаться къ нимъ.

Каждому Правительству принадлежитъ право рѣшить, можетъ ли быть признанъ офиціальный характеръ за совершенными такимъ образомъ актами. Во всякомъ случаѣ рекомендуется Правительствамъ считаться съ этими актами въ возможно большей мѣрѣ.

Рекомендуется, чтобы пошлина, которая можетъ взиматься въ связи съ выдачей актовъ или исполненіемъ формальностей, исключая случаи бѣдности (en faveur des indigents), была умѣрена.

Дѣятельность этихъ представителей, разумѣется, не будетъ имѣть политическаго характера и не будетъ давать повода какому-либо вмѣшательству въ функціи властей ихъ мѣстопребыванія.

2-е Рекомендуются, чтобы личный статусъ русскихъ и армянскихъ бѣженцевъ регулировался въ странахъ, гдѣ ихъ прежній законъ не признается, закономъ ихъ домицила или обычнаго мѣстопребыванія или, при отсутствіи такового, закономъ ихъ мѣстопребыванія. Эта рекомендація ни сколько не умаляетъ въ отношеніи личнаго статуса силы актовъ церковныхъ властей, которымъ подчиняются русскіе и армянскіе бѣженцы въ странѣ, гдѣ признается компетенція этихъ властей;

Чтобы права, вытекающія изъ браковъ, заключенныхъ и актовъ, совершенныхъ при дѣйстви стараго національнаго закона бѣженцевъ, рассматривались какъ пріобрѣтенныя права (брачный режимъ, дѣеспособность замужней женщины и т. п.), подъ условіемъ совершенія, въ случаѣ надобности, формальностей, предписанныхъ закономъ страны мѣстопробыванія.

Чтобы бѣженцамъ было дозволено, поскольку императивные законы мѣста ихъ пребыванія тому не противятся, стипулировать, что ихъ брачный режимъ будетъ режимомъ абсолютной раздѣльности имущества и что право супруги свободно распоряжаться своимъ имуществомъ не будетъ ограничено съ выходомъ замужъ.

3-е Рекомендуется, чтобы въ отношеніи развода признавался национальнымъ закономъ русскаго или армянскаго бѣженца или законъ его domicila или обычнаго мѣстопробыванія или, при отсутствіи такового, законъ мѣстопробыванія

4-е Рекомендуется не отказывать русскимъ или армянскимъ бѣженцамъ, въ виду отсутствія взаимности, въ пользованіи извѣстными правами и въ выгодахъ извѣстныхъ льготъ, которыя даются иностранцамъ подъ условіемъ взаимности.

5-е Рекомендуется предоставлять русскимъ и армянскимъ бѣженцамъ безъ условія взаимности льготу юридической помощи на судѣ (*assistance judiciaire*) и, если возможно, освобожденіе отъ *cautio judicatum solvi*.

6-е Рекомендуется не примѣнять къ русскимъ и армянскимъ бѣженцамъ въ странѣ ихъ пребыванія безъ смягченій ограничительныхъ правилъ, касающихся иностранныхъ рабочихъ.

7-е Рекомендуется избѣгать или пріостановить въ отношеніи русскихъ и армянскихъ бѣженцевъ примѣненіе высылки или аналогичныхъ мѣръ, когда лицо, для котораго они назначены, не имѣетъ возможности законнымъ образомъ проникнуть въ сосѣдную страну. Эта рекомендація не относится къ бѣженцу, проникшему на извѣстную территорию путемъ умышленнаго нарушенія национальныхъ правилъ. Съ другой стороны рекомендуется во всѣхъ случаяхъ не отбирать документовъ, устанавливающихъ личность бѣженца.

8-е Рекомендуется подчинять русскихъ и армянскихъ бѣженцевъ въ отношеніи налоговъ тѣмъ же правиламъ, что и подданныхъ страны ихъ пребыванія.

9-е Рекомендуется визировать и продлять паспорта (*certificats d'identité*) бѣженцевъ упрощеннымъ порядкомъ и съ минимумомъ формальностей; не подчинять бѣженцевъ специальнымъ правиламъ при передвиженіи внутри страны ихъ пребыванія, замѣнять въ паспортѣ бѣженца формулу: „этотъ паспортъ не имѣетъ силы для возвращенія и т. д.“ словами: „этотъ паспортъ имѣетъ силу для возвращенія въ страну, его выдавшую, въ теченіе срока его дѣйствія. Онъ теряетъ силу, если его владѣлецъ когда-либо проникнетъ въ Союзъ Совѣтскихъ Соціалистическихъ Республикъ (для русскихъ бѣженцевъ) или въ Турцію (для армянскихъ бѣженцевъ)“.

Нижеподписавшіеся рекомендуютъ принятіе выше проведенныхъ резолюцій государствамъ, представленнымъ на Конференціи, членамъ Лиги Націй, равно какъ и государствамъ, не входящимъ въ Лигу Націй. Они выражаютъ пожеланіе, чтобы представители Правительствъ могли сообщить во время ближайшаго собранія Лиги Націй о ходѣ, который будетъ данъ постановленіямъ настоящаго соглашенія.

Составленъ въ Женевѣ 30 іюня 1928 г.

Марціусъ	Германія.
Е. Флюгель (<i>ad referendum</i>)	Австрія
Мейерсъ	Бельгія
Д. Миковъ	Болгарія
Навай }	Франція
М. Пан }	
Шарль Дюзмансъ	Латвія

товъ, имѣвшихъ мѣсто въ странѣ, откуда происходитъ бѣженецъ (le pays de l'origine);

с) свидѣтельствовать правильность, значеніе (valeur) и соотвѣтствіе прежнимъ законамъ страны происхожденія актовъ, совершенныхъ въ этой странѣ;

д) свидѣтельствовать подписи бѣженцевъ, копии и переводы, составленные на ихъ языкѣ;

е) удостовѣрять предъ мѣстными властями репутацію (honorabilité) и хорошее поведеніе бѣженца, прежнюю его службу, профессиональную квалификацію, университетскія и академическія званія (titres);

ф) рекомендовать бѣженца компетентнымъ властямъ, въ особенности по вопросамъ визъ, разрѣшенія жительства, допущенія въ школы, въ библиотеки и т. д.;

Статья 2.

Упомянутые въ статьѣ 1 представители будутъ назначаться Высокимъ Коммиссаромъ Лиги Націй съ согласія (agrément) заинтересованныхъ Правительствъ. Они будутъ исполнять свои функціи въ условіяхъ, установленныхъ по взаимному соглашенію между заинтересованными правительствами и Высокимъ Коммиссаромъ Лиги Націй.

Въ странахъ, гдѣ организациі оффиціозно исполняютъ функціи, упомянутыя въ статьѣ 1, Высшій Коммисаръ Лиги Націй можетъ прибѣгнуть (recourir) къ этимъ организациямъ.

Статья 3.

За исключеніями, которыя должны быть допущены въ пользу немущихъ, услуги, упомянутыя въ статьѣ 1, могутъ быть вознаграждаемы. Разумѣется, это вознагражденіе будетъ во всякомъ случаѣ умѣреннымъ и будетъ соотвѣтствовать сборамъ, взимаемымъ страной пребыванія при оказаніи аналогичныхъ услугъ.

Это соглашеніе будетъ ратифицировано и ратификаціи зарегистрированы въ Секретариатѣ Лиги Націй. Оно вступаетъ въ силу черезъ 90 дней послѣ того, какъ эти ратификаціи будутъ зарегистрированы.

Къ нему могутъ присоединиться Правительства всѣхъ членовъ Лиги Націй, равно какъ и Правительства Государствъ, которые не состоятъ членами Лиги Націй.

(Подпись) Т. Ф. Джонсонъ.

Помощникъ Высокаго Коммиссара по дѣламъ бѣженцевъ,
Генеральный Секретарь Конференціи.

Составлено въ Женевѣ 30 іюня 1928 г.

(Подпись) Э. Мейерсъ (Бельгія).

Подписываю настоящее соглашеніе со слѣдующими оговорками:

„На назначеніе представителя Высокаго Коммиссара для Франціи будетъ испрошено согласіе Министра Иностранныхъ Дѣлъ Французской Республики.

„Не мѣняя ничего въ настоящихъ функціяхъ организациі (offices) русскихъ и армянскихъ бѣженцевъ, представитель будетъ уполномоченъ ставить свою визу или свою легализацію на документахъ, выданныхъ этими организациями, которымъ заинтересованныя лица пожелали бы придать значеніе оффиціальныхъ документовъ путемъ примѣненія соглашенія (Accord) отъ 4 іюля 1928 г. Схема сборовъ за эти визы и легализаціи будутъ установлены по соглашенію между Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ и Высокимъ Коммиссаромъ по дѣламъ бѣженцевъ равно какъ и условія ихъ взиманія, уменьшенія и освобожденія отъ нихъ⁴²⁾.

11 марта 1929 г. (Подпись) Масильи (Франція).

⁴) Documents, стр. 199—291.

Проф. А. В. Маклецовъ.

МѢРЫ ЗАЩИТЫ ВЪ ЮГОСЛАВЯНСКОМЪ УГОЛОВНОМЪ ПРАВѢ.

I часть. МѢра защиты и наказаніе.

§ 1. Вступительныя замѣчанія.

Новѣйшее уголовное право предусматриваетъ двойную систему санкцій: наказанія и мѢры защиты¹⁾. Значеніе этой новой структуры реформированнаго уголовного права весьма велико. Самое наименованіе „Уложеніе о наказаніяхъ“, „Strafgesetzbuch“, „Code pénal“ не отвѣчаетъ новому содержанию кодексовъ. Какъ основательно отмѣчаетъ Эрнстъ Белингъ, сохраняя традиціонное названіе, законодатель руководствуется началомъ: *a potiori fit denominatio*. Правильнѣе было бы обозначеніе: Уложеніе о наказаніяхъ и мѢрахъ защиты, *Strat- und Sicherungsgesetzbuch*²⁾.

Въ большинствѣ новѣйшихъ уголовныхъ уложеній и проектовъ постановленія о мѢрахъ защиты не объединены. Для воспроизведенія полной картины новаго „права социальной защиты“ приходится собирать *membra disjecta* изъ разныхъ источниковъ уголовного законодательства. Изъятія представляютъ немногія изъ современныхъ законодательствъ, въ которыхъ мѢры защиты нормированы въ специальномъ законѣ. Укажемъ въ видѣ примѣра на бельгійскій законъ о со-

¹⁾ Если принять во вниманіе и воспитательныя мѢры, предусматриваемыя новѣйшими уголовными кодексами, можно говорить о триализмѣ санкцій: наказанія, мѢры защиты и воспитательныя мѢры. Для нашихъ цѣлей существенно подчеркнуть противоположеніе наказаній и мѢръ защиты. Поэтому мы говоримъ въ этой связи о дуализмѣ санкцій.

²⁾ Dr. Ernst Beling. *Methodik der Gesetzgebung, insbesondere der Strafgesetzgebung* Berlin. 1922. Стр. 114. Ср. также Dr. Fritz Flanck *Die persönlichen Sicherungsmittel im Strafrecht und Strafverfahren*. Wien. 1932. Стр. 17.

ціальної захитѣ въ отношеніи ненормальныхъ и привычныхъ преступниковъ 9 апрѣля 1930 г.³⁾.

Тщательный анализъ юридической природы мѣръ защиты представляетъ не только теоретическое, но и практическое значеніе. Мѣры защиты, какъ особая разновидность санкцій, проникли въ законодательство въ результатѣ напряженной борьбы между представителями разныхъ направлений въ наукѣ уголовного права. Литература вопроса представляется нынѣ почти необозримой. Въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій вопросъ о мѣрахъ защиты обсуждался на многочисленныхъ международныхъ и національныхъ конгрессахъ криминалистовъ⁴⁾.

Тѣмъ не менѣе, и до настоящаго времени нѣтъ единства въ оцѣнкѣ мѣръ защиты и ихъ отношенія къ наказанію, нѣтъ согласія и въ вопросѣ о примѣнимости къ нимъ общихъ началъ уголовного права, объ исполненіи мѣръ защиты и т. д.

Что касается практической стороны вопроса, то здѣсь необходимо прежде всего стремиться къ тому, чтобы дѣятели правосудія правильно оцѣнили смыслъ и значеніе этого новаго института. Только при этомъ условіи онъ займетъ мѣсто, которое ему по справедливости должно принадлежать. Судьба института зависитъ въ конечномъ счетѣ отъ то о, будетъ ли государство въ состояніи практически осуществить намѣченный планъ созданія ряда новыхъ учреждений и подготовки квалифицированнаго персонала для ихъ обслуживания. Мы имѣемъ въ виду учреждения, предназначенныя для лѣченія алкоголиковъ, наркомановъ и психически дефективныхъ лицъ, дома принудительнаго труда и т. п.

§ 2. Вопросъ о взаимоотношеніи мѣръ защиты и наказанія въ теоріи уголовного права.

Въ ученіи о мѣрахъ защиты основнымъ является вопросъ объ ихъ отношеніи къ наказанію. Въ теоріи до сихъ поръ борются между собой два противоположныхъ воззрѣ-

³⁾ Jean Buffelan. La réforme pénitentiaire en Belgique et la Loi de défense sociale du 9. Avril 1930. Paris. 1930. Весьма подробно разработаны постановленія о мѣрахъ защиты въ новомъ Итальянскомъ уголовномъ уложеніи 1930 года.

⁴⁾ Ср. особенно: Dr. F. Kitzinger. Der Internationale Kriminalistische Vereinigung. München. 1905 — Congrès de l'Union Internationale de Bruxelles 1910. — Verhandlungen des 31. Deutschen Juristentages Berlin. 1912. — X. Congrès International Copenhague. 1913. — Actes du Congrès International de Droit pénal de Bruxelles (26—29 juillet 1926), publiés par M. Roux. Paris. 1927 — Congrès pénal et pénitentiaire de Prague. 1930. — Léon Rabinowicz. Mesures de Sûreté. Étude de politique criminelle. Préface de Enrico Ferri (Chapitre V). Paris. — 1929. Труды русской группы Международнаго Союза криминалистовъ.

нія: монистическое, согласно которому между наказаніемъ и мѣрами защиты нѣтъ существеннаго различія, и дуалистическое, усматривающее коренное различіе между ними.

Монистическое пониманіе отстаиваютъ Францъ фонъ-Листъ, Энрико Ферри, Г. Ашаффенбургъ, Э. Делаки, Э. Розенфельдъ, М. Грюнхутъ, Леонъ Рабиновичъ и др.

Ф. фонъ-Листъ занимаетъ въ этомъ вопросѣ умѣренную позицію. По мнѣнію Листа, рѣзкое противопоставленіе наказаній и мѣръ защиты противорѣчитъ фактамъ. Онъ готовъ признать, что мѣры защиты не связаны необходимо съ учиненіемъ наказуемаго дѣянія. Поскольку, однако, примѣненіе мѣръ защиты ставится въ зависимость отъ учиненія преступленія, онѣ могутъ выполнять функцію наказанія, даже если стать на точку зрѣнія т. н. теоріи возмездія. Равнымъ образомъ и наказаніе, поскольку оно осуществляетъ цѣли исправленія и соціальной защиты, въ сущности вторгается въ область мѣръ защиты. Листъ сравниваетъ наказаніе и мѣры защиты съ двумя перекрещивающимися кругами: „чистое“ наказаніе — возмездіе и „чистая“ мѣра защиты исключаютъ другъ друга, но остальные формы этихъ институтовъ допускаютъ взаимное замѣщеніе (т. н. *Vikariierungsprinzip*)⁵⁾.

Изъ сказаннаго явствуетъ, что Листъ все же признаетъ принципиальное различіе между наказаніемъ и мѣрами защиты по крайней мѣрѣ постольку, поскольку противопоставляетъ наказаніе-возмездіе и чистую мѣру защиты.

Болѣе радикальной представляется точка зрѣнія Энрико Ферри и его школы, особенно ярко выраженная въ получившемъ широкую извѣстность проектѣ Итальянскаго Уголовнаго Уложенія 1921 года. Этотъ проектъ, какъ извѣстно, не усматриваетъ никакого различія между наказаніями и мѣрами защиты и объединяетъ ихъ въ понятіи т. н. санкцій (*le sanzioni*): „Il progetto elimina qualsiasi differenza fra le pene e quelle così misure di sicurezza“.

Монизмъ репрессивныхъ санкцій Ферри обосновывалъ на слѣдующихъ положеніяхъ: 1. Вмѣняемость и виновность не являются мѣриломъ уголовной отвѣтственности, ибо единственнымъ критеріемъ ея служитъ соціальная опасность преступника (*il criterio della pericolosità del delinquente*). 2. Уголовное законодательство должно совершенно отрѣшиться отъ этической оцѣнки; единственной руководящей идеей

⁵⁾ Franz von Liszt. Lehrbuch des Deutschen Strafrechts. 23. Aufl. Berlin. 1921. Стр. 247. Ср. также F. v. Liszt. Strafe und Sicherungsmassnahme in dem kriminalpolitischen System von Prlns. „Z. f. die ges. StrRW.“ Jg. 20 (1900). — Die sichernden Massnahmen in den drei Vorentwürfen. „Oesterr. Z. f. Strafrecht“. 1910. Правильную оцѣнку позиціи Листа даетъ Flandrak, цит. соч., стр. 13.

уголовнаго законодателя должна быть социальная защита отъ опасныхъ членовъ общества (*il criterio di difesa sociale*)⁶⁾.

Новѣйшій послѣдователь Э. Ферри и авторъ спеціальной монографіи о мѣрахъ защиты Леонъ Рабиновичъ исходитъ изъ убѣжденія, что наказаніе — атавистическое наслѣдіе отжившаго прошлаго. Наказаніе слѣдуетъ безъ сожалѣнія вычеркнуть изъ новыхъ уголовныхъ кодексовъ и замѣнить его системой мѣръ защиты. Не приводя сколько нибудь вѣсскихъ доводовъ, авторъ аподиктически утверждаетъ, что между наказаніемъ и мѣрой защиты нѣтъ качественного различія⁷⁾.

Рабиновичъ въ сущности повторяетъ весьма спорныя утвержденія, высказанныя болѣе двадцати лѣтъ назадъ Эрнстомъ Делакви. Наказанія и мѣры защиты, по его мнѣнію, преслѣдуютъ однѣ и тѣ же цѣли: причиненіе зла (?) учинителю и защиту общества отъ дальнѣйшихъ преступленій. Въ настоящее время нѣтъ ни одного наказанія, которое не имѣло бы кромѣ обще-предупредительнаго также частно предупредительнаго дѣйствія; равнымъ образомъ и мѣры защиты носятъ смѣшанный предупредительно-репрессивный характеръ. Различіе можно усмотрѣть не въ качественной сторонѣ этихъ институтовъ, а только въ количественной структурѣ отдѣльныхъ элементовъ („in der quantitativen Struktur der einzelnen Elemente“). Особенно парадоксальнымъ представляется намъ утвержденіе автора, будто опредѣленіе судомъ мѣръ защиты предполагаетъ нѣкоторую мѣру вины („einen in Handlungen von bestimmter Schwere konkretisierten Zustand, also (!) ein gewisses Mass von Schuld“)⁸⁾. Здѣсь понятіе вины явно смѣшивается съ понятіемъ опасности. Авторъ забываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что мѣры защиты предусмотрѣны и въ отношеніи невмѣняемыхъ лицъ. Изъ монизма санкцій вытекаетъ для

⁶⁾ Enrico Ferri: Relazione sul Progetto preliminare di Codice Penale Italiano. 1921. Стр. 15—16. — Enrico Ferri. La criminologie italienne aux congrès internationaux de Bruxelles et de Vienne. „Revue internat. de droit pénal“. 1927. — Объ итальянскомъ проектѣ Угол. Уложенія 1921 г. см. особенно: Dr. Adolf Lenz. Ein Strafgesetzbuch ohne Schuld und Strafe. Graz. 1922. — Erich Ebermayer. Schuld und Gefährlichkeit im Entwurf zu einem italienischen StrGB. — Kantorowicz. Der italienische Strafgesetzentwurf (Festschrift für O. Lenel). 1927. — Dr. H. W. Janzen. Monismus und Dualismus der italienischen Strafgesetzentwürfen seit 1921. „Strafrechtl. Abhandlungen“. Heft 271. — А. Маклецовъ. Уголовное право послѣ войны. Труды русскихъ ученыхъ заграницей. Т. II. Берлинъ. 1922.

⁷⁾ „...Il est clair, qu'entre la peine et la mesure de sûreté il n'y a pas de différence qualitative, mais que chaque peine est une mesure de sûreté et chaque mesure de sûreté est une peine“. Léon Rabinowicz. Цит. соч., стр. 130.

⁸⁾ Dr. Ernst Delaquis. Die Umbildung des Strafbegriffs im modernen Strafrecht. „Z. für die ges. StrRW“. Bd. 32 (1911). Стр. 682—684. Ср. также Dr. Max Grünhut. Gefährlichkeit und Schuldmoment. Monatsschr. f. Kriminalpsychologie“. 1926. Стр. 96.

Делаки заключеніе, согласно которому, въ видѣ правила, нормы общей части уголовного уложенія о давности, помилованію и т. п. распространяются и на мѣры защиты. Обоснованность всѣхъ этихъ утвержденій весьма сомнительна. Они являются яркимъ примѣромъ неясности и неотчетливости юридическаго построенія. Одна логическая ошибка порождаетъ другую, а въ результатѣ вся конструкція оказывается ошибочной.

Въ научной литературѣ Югославіи монистическую точку зрѣнія отстаиваетъ д-ръ Иванъ Карловичъ. Конструкція автора является, однако, не вполне выдержанной. Карловичъ опредѣляетъ наказанія и мѣры защиты какъ необходимое зло. Въ этомъ смыслѣ между ними нѣтъ различія. „Классическая школа утверждаетъ, что существеннымъ признакомъ наказанія является возмездіе, и что этотъ признакъ чуждъ мѣрамъ защиты. Отсюда — выводъ, что наказаніе и мѣры защиты по существу различны. Въ противоположность этому мы полагаемъ, что реакція и при наказаніи и при мѣрахъ защиты состоитъ въ необходимомъ злѣ, а потому по существу (po svojoj bitnosti) оба института одинаковы“. Логическое различіе между ними Карловичъ усматриваетъ въ слѣд.: „наказаніе есть необходимое зло, опредѣляемое судомъ преступнику за преступленіе, а мѣры защиты суть необходимое зло, опредѣляемое судомъ въ виду общепасности антисоціального индивида“⁹⁾.

Карловичъ полагаетъ, что его формула окончательно разрѣшаетъ научный споръ о юридической природѣ наказанія и мѣръ защиты. Къ сожалѣнію, мы не можемъ присоединиться къ этому оптимистическому заключенію. „Необходимое зло“ нельзя разсматривать какъ *genus proximum* названныхъ институтовъ. Этотъ признакъ не является необходимымъ и достаточнымъ для различія указанныхъ понятій отъ всѣхъ другихъ. Вѣдь и *obligationes ex delicto* являются съ этой точки зрѣнія „необходимымъ зломъ“. Съ другой стороны, опредѣленіе мѣры защиты какъ необходимаго зла противорѣчитъ фактамъ. Есть ли основаніе считать зломъ лѣченіе хроническихъ алкоголиковъ и уменьшенно-вмѣняемыхъ или попечительный надзоръ?

Совершенно своеобразную точку зрѣнія защищаетъ извѣстный нѣмецкій психіатръ и криминологъ проф. Ашаффенбургъ. Его ученіе сводится къ идеѣ особаго „права соціальной защиты“, понимаемаго въ смыслѣ всеобъемлющей борьбы съ общепасными лицами вообще. Ашаффенбургъ возстаетъ противъ чрезмѣрнаго и преувеличеннаго попеченія

⁹⁾ Dr. Ivan Karlović. Odnos kazne sprain sigurnosnih mjera. „Mjesecnik“ (Zagreb). 1915. Стр. 497, 498 и passim.

о „менѣ цѣнныхъ“, дефективныхъ элементахъ общества за счетъ его лучшихъ элементовъ. Новѣйшая уголовная политика обнаруживаетъ, по мнѣнію нѣмецкаго психіатра, чрезмерную снисходительность въ отношеніи опасныхъ лицъ (крайнее смягченіе наказаній, слишкомъ щедрое примѣненіе условнаго осужденія и условнаго освобожденія и т. п.). Главная опасность угрожаетъ обществу отъ неограниченнаго размноженія дефективныхъ субъектовъ. Существенный дополнительный эффектъ мѣръ защиты именно и заключается во временномъ ограниченіи размноженія соціально-опасныхъ элементовъ („die zeitweise Verhinderung gesellschafts-schädlicher und gefährdender Elemente an der Fortpflanzung“). Надо строго и послѣдовательно осуществлять планъ охраны общества отъ соціально-опасныхъ лицъ. Необходимъ спеціальныи законъ о соціальной защитѣ: *Bewahrungs — oder Verwahrungsgesetz*. Проектъ такого закона въ Германіи уже выработанъ. Онъ предусматриваетъ мѣры защиты въ формѣ изоляціи малолѣтнихъ, начиная отъ 18 лѣтъ, на которыхъ не распространяется дѣйствіе закона о судахъ для малолѣтнихъ. Ашаффенбургъ, Менкемеллеръ, Грегоръ идутъ въ этомъ направленіи еще дальше, предлагая широкое примѣненіе мѣръ изоляціи въ отношеніи опасныхъ лицъ вообще. Предложеніе Ашаффенбурга сводится къ слѣдующему. Изоляція и другія мѣры защиты должны быть примѣняемы къ лицамъ, которыя по особымъ ихъ свойствамъ неспособны безъ опасности для себя или для общества приспособиться къ условіямъ жизни въ обществѣ. Кругъ этихъ лицъ весьма широкъ. Сюда относятся: 1) лица, обременяющія общество (физически и душевно больные хронически и наследственно дефективныя лица); 2) лица, причиняющія вредъ обществу (безпризорные малолѣтніе, профессиональные нищие, бродяги, проститутки, тунеядцы, пьяницы, часть эпилептиковъ, слабоумныхъ и душевно-больныхъ и часть преступниковъ меньшей и средней важности); 3) лица общепасныя (другая часть эпилептиковъ и душевно-больныхъ и общепасныя преступники). Ашаффенбургъ самъ не отрицаетъ трудностей, возникающихъ при осуществленіи этой своеобразной селекціи. Однако, онъ настаиваетъ на изданіи спеціальнаго единого закона о соціальной защитѣ. Преимущества подобнаго закона заключаются по Ашаффенбургу: 1) въ эластичности мѣръ защиты и возможности перехода отъ менѣ энергичной мѣры къ болѣ рѣшительной; 2) въ объединеніи нормъ, обезпечивающихъ всѣхъ названныхъ лицъ отъ возможныхъ злоупотребленій; 3) въ томъ, что органы соціальной защиты пріобрѣтутъ такимъ образомъ опытъ, необходимый для цѣлесообразнаго выбора и примѣненія мѣръ защиты. При этомъ нѣмецкій психіатръ исходитъ изъ убѣжденія, что большинство всѣхъ

этихъ субъектовъ, въ томъ числѣ значительная часть привычныхъ преступниковъ, психически дефективны¹⁰⁾.

Мы довольно подробно остановились на проектѣ Ашаффенбурга, ибо онъ особенно заостренно и радикально формулируетъ то направленіе въ криминологіи, которое стремится къ полной замѣнѣ теперешней карательной системы системой мѣръ защиты, иными словами къ замѣнѣ уголовнаго права правомъ соціальной защиты.

Таковы различные варианты монистическаго пониманія санкцій въ уголовномъ правѣ.

Дуализмъ санкціи — наказанія и мѣры защиты — отстаиваютъ многочисленные представители доктрины уголовного права¹¹⁾. Онъ рѣшительно преобладаетъ и въ новѣйшемъ положительномъ правѣ. Характерно при этомъ, что на этой точкѣ зрѣнія стоятъ не только криминалисты-классики, но и многіе представители модернизма въ наукѣ уголовного права.

Воззрѣніе чистыхъ классиковъ въ видѣ нѣкотораго рода программы формулировалъ уже въ 1906 году нѣмецкій криминалистъ Карль фонъ-Биркмейеръ въ своей ректорской актовѣ рѣчи въ Мюнхенѣ. Биркмейеръ подчеркиваетъ опасность смѣшенія понятій. Рѣчь идетъ не только о терминологіи. Строгое расчлененіе понятій наказанія и мѣры защиты вызывается не только научными, но и практическими соображеніями¹²⁾.

Существо наказанія есть возмездіе. По извѣстному опредѣленію Гуго Гроція, *poena est malum passionis, quod infligitur propter malum actionis*. Преступленіе не является только поводомъ для примѣненія кары. Наказаніе есть репрессія, а не превенція. Возмездіе предполагаетъ соотвѣтствіе между наказаніемъ и преступленіемъ. Наказаніе, какъ воздаяніе, со-

¹⁰⁾ Prof. Dr. Aschaffenburg. Einheitlichkeit der Sicherungsmassnahmen. „Monatschr. für Kriminalpsychologie“. 22. Jg. 1931. 5/6 Heft. Ср. также Dr. Hilde Eisenhardt. Ziele eines Bewahrungsgesetzes. Frankfurt. 1929.

¹¹⁾ Т. наз. „Zweispurigkeit der kriminalrechtlichen Sanktionen“. Flanck, цит. соч., стр. 3.

¹²⁾ Dr. Karl v. Birkmeyer: a) Strafe und sichernde Massnahmen. München. 1906. б) Was lässt v. Liszt vom Strafrecht übrig? в) Schuld und Gefährlichkeit in ihrer Bedeutung für Strafzumessung. Leipzig. 1914. Ср. также: Dr. Wilhelm Sauer. Grundlagen des Strafrechts. 1921. Стр. 189 и сл. — Battaglini. La natura giuridica delle misure di sicurezza. „Rivista di diritto penitenziario“. IX, 6. — Nagler. Verbrechensprophylaxe. Str. 216 и сл. — O. Bayer. Massregeln der Besserung und Sicherung nach dem Entwurf eines Allgemeinen Strafgesetzbuchs und Entwurf eines Strafvollzugsgesetzes. Ausbach. 1929. Стр. 19. — Въ югославянской литературѣ къ точкѣ зрѣнія Биркмейера наиболѣе близокъ Д-р Душан Суботић. Идеја одмазде у казненом праву. „Архив за правне и друштвене науке“. 1922. Стр. 180. Писатель полагаетъ, что „мере сигурности... немају обележја казненог права, за то се имају на другом месту и регулисати: у засебном закону, који нема обележја казненог права“.

держитъ въ себѣ *implicite* критерій мѣры. Существуютъ, конечно, и другія средства борьбы съ преступностью, но они не являются карательными. Переходъ исключительно къ этимъ средствамъ означалъ бы упраздненіе уголовного права.

Существенныя отличія между мѣрами защиты и наказаніемъ по Биркмейеру слѣд.: а) мѣры защиты или вообще не связаны съ учиненіемъ преступленія или же находятся въ совершенно иномъ отношеніи къ преступленію, чѣмъ наказаніе; б) поскольку онѣ примѣняются въ связи съ преступленіемъ, преступленіе есть только поводъ для ихъ примѣненія; в) критеріемъ при опредѣленіи мѣръ защиты служитъ опасность субъекта, обнаруженная преступленіемъ; г) существо мѣръ защиты — исключительно предупрежденіе будущихъ преступленій даннаго лица; д) учиненное преступленіе не предопредѣляетъ содержанія и объема мѣръ защиты, ибо тутъ не возникаетъ вопроса о пропорціональности между преступленіемъ и мѣрой защиты; е) какъ чисто предупредительныя средства, мѣры защиты, по мнѣнію Биркмейера, относятся не къ области уголовного правосудія, а къ сферѣ управленія.

Если бы лозунгъ соціальной защиты одержалъ окончательную побѣду, это означало бы уничтоженіе карательнаго права: наказаніе превратилось бы въ мѣру защиты, а прежнее уголовное право — въ профилактику преступленій. Стремленіе упразднить карательное право, по словамъ Биркмейера, свидѣтельствуетъ о добрыхъ намѣреніяхъ реформаторовъ, но суровая дѣйствительность заранѣе обрекаетъ его на неуспѣхъ.

Такова позиція лидера новѣйшихъ нѣмецкихъ классиковъ, наиболѣе рѣшительнаго и непримиримаго противника „модернизма“ въ уголовномъ правѣ.

Среди криминалистовъ-новаторовъ, отстаивающихъ дуалистическую концепцію, слѣдуетъ назвать прежде всего автора проекта обще-швейцарскаго уголовного уложенія—Карла Штосса¹³⁾. Штоссъ былъ въ сущности піонеромъ въ этомъ вопросѣ. Его взгляды на юридическую природу мѣръ защиты оказали весьма сильное вліяніе и на теорію, и на конструкцію института мѣръ защиты въ новѣйшихъ уголовныхъ кодексахъ и проектахъ. Мѣры защиты представляютъ, по Штоссу, на ряду съ наказаніемъ, дѣйствительное средство въ борьбѣ съ преступленіемъ и преступникомъ. Мѣру защиты нельзя смѣшивать съ наказаніемъ. Строгость наказанія зависитъ отъ значенія правового блага, на которое посягаетъ преступникъ. Состояніе учинителя (*der Zustand des Täters*)

¹³⁾ Изъ многочисленныхъ работъ Штосса, интересующему насъ вопросу посвящены его статьи въ „Schweiz. Z. Strafrecht“, т. 18, 167; 33, 135, 38 и въ Oesterr. Z. Strafrecht. 1910.

принимается во вниманіе лишь постольку, поскольку оно вліяетъ на его вину. Между тѣмъ жизненный опытъ свидѣтельствуеетъ о существованіи субъектовъ, которые уже по своему внутреннему состоянію склонны къ совершенію преступленій и не поддаются воздѣйствію уголовной кары. Къ этимъ состояніямъ относятся состоянія психопатическія, съ одной стороны, и состоянія „криминально-соціальныя“ (ту-неядство, преступная привычка), съ другой.

Мѣры защиты имѣютъ въ виду не составъ преступленія, а „состояніе“ преступника какъ субъекта. Составъ преступленія здѣсь важенъ только какъ симптомъ. Равнымъ образомъ родъ и длительность мѣръ защиты стоятъ въ зависимости не отъ наказуемаго дѣянія, а отъ состоянія учинителя. Въ то время какъ наказаніе есть зло, налагаемое на виновнаго за совершенное преступленіе, мѣры защиты этого не имѣютъ въ виду. Примѣняя личныя мѣры защиты, мы принудительно воздѣйствуемъ на субъекта въ соотвѣтствіи съ его „состояніемъ“. Онѣ осуществляютъ задачу, которая чужда наказанію по самой его природѣ.

Другой представитель модернизма въ уголовномъ правѣ Экснеръ, авторъ одной изъ наиболѣе цѣнныхъ монографій о мѣрахъ защиты¹⁴⁾, опредѣляетъ различіе между наказаніемъ и мѣрами защиты слѣдующимъ образомъ. Въ борьбѣ съ преступностью у государства есть два рода оружія: наказаніе и мѣры защиты. Въ то время какъ наказаніе предполагаетъ виновное дѣяніе вмѣняемаго лица, мѣры защиты имѣютъ въ виду лицъ, на которыхъ наказаніе еще не дѣйствуетъ (дѣти), или уже не дѣйствуетъ (напр., опасные невмѣняемые субъекты), или же дѣйствуетъ недостаточно (напр., уменьшенно вмѣняемые лица, упорные рецидивисты и т. д.). Съ помощью мѣръ защиты государство стремится парализовать опасность со стороны правонарушителей, въ отношеніи которыхъ прежнее уголовное право было безсильно.

Наказаніе имѣетъ въ виду прежде всего общее предупрежденіе: при опредѣленіи наказанія принимается во вниманіе преимущественно вліяніе наказанія на общество въ его цѣломъ. Тѣ, кто отрицаютъ необходимость и полезность наказанія, забываютъ о самой важной его функціи — объ общемъ предупрежденіи. Пессимизмъ гораздо болѣе оправданъ въ отношеніи частно-предупредительной цѣли наказанія. Во всякомъ случаѣ, нельзя говорить о банкротствѣ наказанія, ибо задача предупрежденія преступленій со стороны преступниковъ-новичковъ (*die Verhütung des Erstlingsverbrechers*) болѣе важна, чѣмъ задача предупрежденія рецидивизма.

Въ различіе отъ наказанія, специфической цѣлью мѣръ

¹⁴⁾ Dr. Franz Exner. Die Theorie der Sicherungsmittel. Berlin. 1914.

защиты является частное предупреждение. Но это различие, по мнѣнію Экснера, не абсолютно. Вѣдь, съ одной стороны, и наказанію не чужда частно-предупредительная функція, а, съ другой, и мѣры защиты могутъ косвенно имѣть имѣть обще-предупредительное дѣйствіе. Существеннымъ, однако, является признаніе, что общее предупреждение — основная функція наказанія, тогда какъ основной функціей мѣръ защиты представляется частное предупреждение.

Экснеръ не согласенъ съ Биркмейеромъ, который не усматриваетъ никакого сходства между наказаніемъ и мѣрами защиты. Неприемлемо для Экснера, съ другой стороны, и воззрѣніе, отождествляющее наказаніе и мѣры защиты. Практической результатъ первой конструкціи — полное исключеніе мѣръ защиты изъ области уголовного права и признаніе недопустимости замѣщенія наказаній мѣрами защиты, и обратно. Практическимъ послѣдствіемъ второй конструкціи былъ бы отказъ отъ какого бы то ни было различенія обоихъ институтовъ, въ частности при ихъ исполненіи. Ни одинъ изъ этихъ крайнихъ выводовъ не отвѣчалъ бы дѣйствительной природѣ наказанія и мѣръ защиты и практическимъ потребностямъ государственной борьбы съ преступностью.

Въ югославянской литературѣ вопросу о взаимоотношеніи наказанія и мѣръ защиты посвятилъ особенное вниманіе проф. Тома Живановичъ въ своихъ многочисленныхъ монографіяхъ и статьяхъ, въ которыхъ авторъ отстаиваетъ начало дуализма санкцій¹⁵). Изъ мотивовъ къ Проекту Уголовнаго Уложенія Королевства С. Х. С. 1922 г. и постановленій Югославянскаго Угол. Уложенія 27 января 1929 года явствуетъ, что воззрѣнія проф. Живановича оказали вліяніе на постановленія новаго югославянскаго права по этому предмету.

Верховной, крайней и послѣдней цѣлью санкціи въ уголовномъ правѣ является, согласно Живановичу, охрана общества отъ преступности. Эта цѣль не можетъ быть достигнута, если государство ограничится только наказаніемъ. Систему санкцій необходимо восполнить поэтому новымъ ихъ видомъ — мѣрами защиты.

Специфическія цѣли наказанія по Живановичу — возмездіе, устрашеніе и моральное предупреждение (острастка). Существо этихъ цѣлей, особенно возмездія, предполагаетъ извѣстную соразмѣрность между наказаніемъ и значеніемъ

¹⁵) Ср. особенно: Д-р Тома Живановичъ: а) Дуалитет кривичних санкција, казне и мере безбедности. Београд. 1928; б) *Über den Begriff der Sichernden Massnahmen im Strafrecht* „Monatsschr. f. Krim. Psych.“. 1913; в) *Les problèmes fondamentaux du Droit Criminele*. Paris. 1923 (то же по-сербски: Основни проблеми кривичног права. Београд. 1930; г) *La mesure de sûreté doit-elle se substituer à la peine ou simplement la compléter?* „Revue Internationale de Droit Pénal“. 1926.

наказуемаго дѣянiя и учинителя. Существуютъ, однако, правонарушители, которые нуждаются и въ исправленiи и въ лѣченiи. Для вящей пользы необходимо восполнить цѣли наказанiя и этими неспецифическими цѣлями. Всѣ названныя цѣли (специфическiя и неспецифическiя) составляютъ въ своей совокупности непосредственныя цѣли наказанiя въ отличiе отъ верховной и крайней посредственной цѣли уголовно-правовыхъ санкцiй — защиты общества отъ преступности. Исполненiе наказанiя не всегда приводитъ къ исправленiю или излѣченiю преступника. Въ такихъ случаяхъ необходимо примѣненiе особыхъ санкцiй, исключительной цѣлью которыхъ является исправленiе и лѣченiе. Эту задачу призваны осуществлять мѣры защиты.

Наказанiя и мѣры защиты обнимаются болѣе общимъ родовымъ понятiемъ санкцiи. Проф. Живановичъ опредѣляетъ санкцiю, какъ зло, предусмотрѣнное въ уголовномъ законѣ и опредѣляемое компетентной властью въ отношенiи учинителей наказуемыхъ дѣянiй. Мѣры защиты, какъ одинъ изъ видовъ санкцiй, суть зло, и въ этомъ отношенiи между ними и наказанiемъ нѣтъ существеннаго различiя. Отличительный признакъ мѣръ защиты заключается въ томъ, что онѣ опредѣляются въ виду опаснаго состоянiя учинителя. „Съ точки зрѣнiя этого элемента, — говоритъ Т. Живановичъ, — мѣра защиты отличается отъ наказанiя. Правовымъ основанiемъ мѣры защиты является опасное состоянiе учинителя, его специфически преступная душа („негова специфично кривична душа“), тогда какъ правовое основанiе наказанiя есть преступное дѣянiе и его учинитель, особенно же виновность. При опредѣленiи мѣръ защиты преступное дѣянiе служитъ только какъ по закону обязательный симптомъ опаснаго состоянiя преступника“.

Взглядъ на мѣру защиты, какъ на зло, защищаемый Т. Живановичемъ, вызываетъ тѣ же возраженiя, какъ и соответственная конструкцiя Карловича (см. выше)¹⁶⁾.

Въ своемъ изложенiи мы не имѣли въ виду исчерпать всѣ варианты возрѣнiй на взаимоотношенiе наказанiя и мѣръ защиты, отмѣтивъ лишь наиболѣе типичныя изъ нихъ.

Прежде чѣмъ формулировать наши выводы по этому вопросу, необходимо установить положенiе, которое намъ представляется особенно существеннымъ для оцѣнки приве-

¹⁶⁾ Проф. А. А. Жижиленко возражаетъ и противъ опредѣленiя наказанiя какъ зла, ибо „опредѣленiе наказанiя, какъ зла, не затрагиваетъ юридической стороны этого явленiя. Зло и противопологаемое ему добро — понятiя изъ области мiра нравственности, а не права“ (стр. 10). Проф. А. А. Жижиленко. Очерки по общему ученiю о наказанiи. Петроградъ. 1923. Устраненiе изъ понятiя возмездiя, какъ существа наказанiя, признака „зла“ и сведенiе возмездiя къ „оцѣнкѣ учиненнаго дѣянiя“ (стр. 25) представляется намъ весьма спорнымъ.

денныхъ конструкцій. Въ этихъ конструкціяхъ отражаются кореннымъ образомъ различныя концепціи. Наиболее радикальные и вмѣстѣ съ тѣмъ самыя послѣдовательныя сторонники монистическаго пониманія санкцій исходятъ изъ убѣжденія о необходимости устранить какую бы то ни было соціально-этическую оцѣнку при осуществленіи уголовно-политическихъ цѣлей. Вина, вмѣняемость, моральная отвѣтственность, по этому воззрѣнію, устарѣвшія понятія, подлежащія сдачѣ въ архивъ. Основнымъ началомъ должна быть борьба съ опасными субъектами и ихъ обезвреженіе. Преступленіе есть только признакъ, симптомъ или сигналъ опасности¹⁷⁾. Наказаніе, какъ средство борьбы съ преступностью, подлежитъ упраздненію. Единственное цѣлесообразное средство этой борьбы суть мѣры защиты. По выраженію новѣйшаго представителя этого взгляда, мѣры защиты призваны сыграть роль взрѣвчатого вещества, которое должно взорвать прогнившее зданіе устарѣвшаго карательнаго права¹⁸⁾.

Исходный пунктъ этой теоріи чисто раціоналистическій. Радикальные позитивисты изъ школы Ферри не считаются въ достаточной мѣрѣ ни съ богатымъ опытомъ исторіи, ни съ основными проблемами соціальной психологіи. Наказаніе, по ихъ убѣжденію, есть фатальное заблужденіе, одно изъ многочисленныхъ заблужденій, тяготѣющихъ надъ человѣчествомъ. Наказаніе никогда не приносило ничего, кромѣ вреда, и ни въ какой мѣрѣ не вліяло на уменьшеніе преступности. Необходимо отказаться отъ всякой претензіи воздаянія за вину путемъ кары (Feggi). Единственнымъ основаніемъ, оправдывающимъ примѣненіе санкцій, должна быть соціальная опасность лица, единственнымъ средствомъ борьбы — мѣры защиты.

Представители этого ученія совершенно не считаются съ общепредупредительнымъ вліяніемъ угрозы наказаніемъ и исполненія наказанія. Между тѣмъ только крайній раціоналистъ можетъ отрицать культурно-историческое значеніе общаго предупрежденія и его положительную роль въ дѣлѣ защиты правовыхъ благъ. Только крайній раціоналистъ можетъ отвергать ирраціональное, иногда несознаваемое, но тѣмъ болѣе мощное стремленіе человѣка къ справедливому

¹⁷⁾ Обстоятельную критику этого воззрѣнія см. особенно въ извѣстной работѣ: R. Saleilles. *L'individualisation de la peine*. 3-me éd. Paris. 1927. Стр. 109 и сл.

¹⁸⁾ L. Rabipowicz. Цит. соч., стр. 158. Въ томъ же смыслѣ въ новѣйшее время. С. Picone-Chiodo: а) *La Conception spiritualiste et la Sociologie Criminelle*. Paris. Стр. 185.; б) *Qu'est ce qu'un Criminell*. 1932. Въ прежней литературѣ особенно — Varga, Kraepelin, М. Н. Гернетъ. — Образовавшаяся недавно „Association Internationale pour la lutte contre le crime“ однимъ изъ своихъ программныхъ лозунговъ выставляетъ положеніе: „Nous luttons... contre la peine... et nous affirmons le principe de la défense sociale“.

возмездію, на которое вполне основательно указываютъ въ частности новѣйшіе психо-аналитики¹⁹⁾. Государство, властно сдерживая мстительные инстинкты толпы (выраженіе Вл. Соловьева) путемъ угрозы примѣненія кары, борется противъ частной мести и грубой расправы („судъ Линча“) съ правонарушителями, вина которыхъ вовсе и не доказана. Объ этомъ также забываютъ противники наказанія, какъ самостоятельнаго правового института.

Наказаніе *implicite* содержитъ въ себѣ соціально-этическую оцѣнку дѣянія. При осуществленіи этой своей функціи уголовное право выполняетъ весьма важную соціально-воспитательную роль. Напомнимъ формулу русскаго криминалиста Л. Е. Владимірова объ „уголовномъ законодателѣ какъ о воспитателѣ народа“²⁰⁾. Эта задача принципиально чужда мѣрамъ защиты. Проф. А. Ленцъ правильно характеризуетъ въ этомъ смыслѣ санкціи проекта итальянскаго Уголовнаго Уложенія 1921 года, какъ продуктъ чистаго раціонализма²¹⁾. Требовать полной отмѣны наказанія могутъ только стоящіе внѣ жизни отвлеченные теоретики²²⁾.

Дуализмъ санкцій въ смыслѣ противоположенія наказанія и мѣръ защиты оправдывается различіемъ ихъ содержанія. Классическая доктрина правильно указываетъ на то, что карательное право обосновано этически, тогда какъ право соціальной защиты этически безцвѣтно. Определеніе мѣръ защиты находитъ оправданіе исключительно въ конкретной утилитарной цѣли, которую преслѣдуетъ та или иная мѣра защиты. Можно быть различнаго мнѣнія о цѣляхъ, которыя

¹⁹⁾ Ср. наши статьи: а) *Psichoanaliza in kazensko pravo*. „Ljubljanski Zvon“. 1931, № 3, стр. 197 и б) Проблема преступленія и психоанализъ (стр. 10) „Труды Русскаго Института въ Прагѣ“. 1932, и приведенную въ нихъ литературу.

²⁰⁾ Л. Е. Владиміровъ. Курсъ уголовного права. Москва. 1908. Стр. 63 и сл.

²¹⁾ „Die gefühlsfreie Sanktion des italienischen Entwurfes ist ein Produkt des reinen Rationalismus“. А. Lenz, цит. соч., стр. 36.

²²⁾ Ср. нашу ст.: „Kriminalno-pedagoški smotri v mladinskem pravu“. „Slovenski Pravnik“. 1929. № 1—6. F. W. Förster. Strafe und Erziehung. München. 1913. Стр. 39. Ср. также саркастическія замѣчанія французскаго криминалиста Прооля: „Voici un évangile moderne, qui dit au nom de la science: „Paix aux hommes de mauvaise volonté; les crimes sont des phénomènes naturels ou des phénomènes sociaux; il n'y a pas de coupables, les hommes sont vertueux sans mérite et vicieux sans crime“ (Corneille, Oedipe, acte III, scène V). Louis Proal. Le Crime et la Peine. 3-me éd. Paris. 1899. Стр. 531. Характерно, что выдающійся испанскій криминалистъ Салданья, одинъ изъ инициаторовъ Международной Ассоціаціи, провозгласившей лозунгъ о упраздненіи наказанія (ср. прим. 18), признаетъ *rebus sic stantibus* его положительное значеніе: „Dans l'arsenal juridique de nos Codes, nous conservons des peines, en hommage à des idées et à des sentiments sociaux de vindicta publica, dont il serait inutile de nier la réalité vivante“. Quintiliano Saldana. Peines et mesures de sûreté. „Revue intern. de Droit pénal“. 1927. Стр. 10.

государство призвано осуществлять въ рамкахъ наказанія, но существеннымъ признакомъ уголовной кары, ея *essentiale*, было и остается возмездіе какъ въ смыслѣ отрицательной социальнo-этической оцѣнки преступленія, такъ и въ смыслѣ *malī passionis quod infligitur propter malum actionis*²³).

Наказаніе принимаетъ во вниманіе прошлое, считается съ уже учиненнымъ дѣяніемъ. Оно должно стоять въ извѣстномъ соотношеніи къ дѣянію, представляя собой, по удачному опредѣленію Мецгера, „eine tatgemässe Übelzufügung“²⁴). Напротивъ, мѣры защиты имѣютъ въ виду прежде всего будущее. Учиненіе дѣянія является существеннымъ лишь постольку, поскольку оно свидѣтельствуетъ объ опасности субъекта.

Различны поэтому и критеріи при опредѣленіи уголовной кары, съ одной стороны, и мѣръ защиты, съ другой. Строгость наказанія должна принципиально соответствовать степени виновности. Это требованіе не примѣнимо къ мѣрамъ защиты. Вина учинителя можетъ быть въ конкретномъ случаѣ совершенно незначительна или о ней вообще нѣтъ рѣчи (напр., въ примѣненіи къ невмѣняемымъ лицамъ), а между тѣмъ опасность субъекта можетъ быть весьма велика, а мѣры защиты крайне необходимы²⁵).

Характерной особенностью мѣръ защиты представляется далѣе то, что ихъ длительность нельзя опредѣлить заранее. Если положительныя законодательства, въ частности югославянское, отступаютъ отъ послѣдовательнаго проведенія этого начала, это объясняется соображеніями осторожности и умѣренности при опредѣленіи принудительныхъ средствъ, не затрагивая, однако, того коренного начала, которое является руководящимъ въ смыслѣ опредѣленія длительности мѣръ защиты.

Основная методологическая ошибка защитниковъ единства санкцій въ уголовномъ правѣ заключается въ томъ, что они считаются исключительно съ эмпирическими и конкретными

²³) Въ новѣйшей литературѣ Глейспахъ основательно подчеркиваетъ слѣд.: „Nicht mehr im Sinne der Erniedrigung und Qual, vielmehr auch zu dem Wohl des Verurteilten, aber der Übelcharakter bleibt doch erhalten“. Dr. W. Gleispach. Was ist Strafe? Wien. 1929. Стр. 17. На уголовно-политическую сторону вопроса обращаетъ вниманіе Dr. A. Löffler. Die Sicherungsmassnahme nach dem Vorentwürfen zu einem deutschen und zu einem österr. Strafgesetzbuche. „Verhandl. des 31. Deutschen Juristentages“. Berlin. 1912, Стр. 802, 803. Ср. также Dr. L. Zimmerl. Aufbau des Strafrechtssystems. 1930. Стр. 10.

²⁴) Dr. Edmund Mezger. Strafrecht. 1931. Стр. 483.

²⁵) Въ югославянскомъ угол. уложеніи 27 января 1929 г. опасность принимается во вниманіе и при опредѣленіи мѣры наказанія (§ 70, абз. 2), но здѣсь имѣется въ виду нормальная опасность и при этомъ только какъ одно изъ условій, влияющихъ на мѣру наказанія. См. по этому вопросу Fländrak, цит. соч. стр. 154.

формами наказанія и мѣръ защиты, которыя какъ бы заслоняютъ заключенныя въ нихъ правовыя начала. Нельзя, конечно, отрицать, что наказанія могутъ оказывать частно-предупредительное дѣйствіе, а мѣры защиты могутъ дѣйствовать обще-предупредительно. Въ конкретномъ случаѣ (напр., при присужденіи къ пожизненному заключенію) наказаніе можетъ выполнять не только функцію возмездія, но и функцію соціальной защиты. Съ другой стороны, мѣра защиты можетъ ощущаться какъ зло и страданіе. Однако, для опредѣленія юридической природы существеннымъ представляется ихъ принципиальное различіе. Поэтому и законодатель въ своихъ постановленіяхъ о наказаніяхъ и мѣрахъ защиты, и судъ при ихъ опредѣленіи въ отдѣльныхъ случаяхъ, и органы ихъ исполненія должны считаться съ этимъ принципиальнымъ ихъ различіемъ. Дифференціація наказанія и мѣръ защиты гораздо болѣе отвѣчаетъ требованію индивидуализаціи, чѣмъ чрезмѣрно широкое и недифференцированное понятіе санкцій. Наказанія и мѣры защиты, какъ средства правовой охраны, суть санкціи. Слѣдовательно, онѣ охватываются болѣе общимъ родовымъ понятіемъ санкцій. Но каждый изъ этихъ институтовъ имѣетъ указанные нами своеобразные отличительные признаки, которые мы попытаемся теперь резюмировать.

Существо наказанія есть возмездіе. Его основная функція — общее предупрежденіе. Наказаніе въ современномъ правѣ предполагаетъ виновное дѣяніе виновнаго лица и содержитъ въ себѣ соціально этическую оцѣнку дѣянія. Наказаніе соразмѣряется со степенью виновности и значеніемъ правового блага, являющагося предметомъ преступнаго посягательства. Въ противоположность наказанію, личныя мѣры защиты имѣютъ частно предупредительный характеръ. Съ объективной точки зрѣнія мѣры защиты не представляютъ собою зла. Критеріи, обусловливающіе опредѣленіе наказанія (виновность, виновность), не характерны для мѣръ защиты. Примѣненіе послѣднихъ не обозначаетъ соціально-этической квалификаціи дѣянія основываясь на установленіи степени и характера соціальной опасности субъекта.

§ 3. Вопросъ о взаимоотношеніи мѣръ защиты и наказанія въ уголовномъ законодательствѣ.

Прежде чѣмъ перейти къ характеристикѣ постановленій новаго Югославянскаго Уголовнаго Уложенія 1929 г. о мѣрахъ защиты, остановимся на наиболѣе типическихъ опредѣленіяхъ другихъ законодательствъ о взаимоотношеніи мѣръ защиты и наказанія.

Монистическую концепцію санкцій восприняли уже упо-

мянутый проект Итальянскаго угол. уложенія 1921 г., вдохновителемъ котораго былъ Энрико Ферри, Совѣтскій уголовный кодексъ 1926 г. и нѣкоторые экзотическіе кодексы (напр., проектъ угол. уложенія республики Кубы). Дуалистическая система, основывающаяся на различеніи наказанія и мѣръ защиты, характерна для большинства новѣйшихъ кодексовъ и проектовъ въ государствахъ континентальной Европы (Швейцарія, Германія, Австрія, Италія, Чехословакія, Польша). Эта система принята также Югославянскимъ Уголовнымъ Уложеніемъ 27 января 1929 года.

Позицію итальянскаго проекта Ферри мы опредѣлили уже въ теоретической части нашей статьи. Въ настоящее время, послѣ введенія въ дѣйствіе новаго Итальянскаго Уголовнаго Уложенія 19 октября 1930 г., созданнаго на существенно иной идейной основѣ, проектъ Ферри имѣетъ только историческое значеніе.

Первый Совѣтскій уголовный кодексъ 1922 г. говорилъ еще о наказаніяхъ и другихъ мѣрахъ соціальной защиты (§ 8). Новѣйшій Уголовный Кодексъ Р. С. Ф. С. Р. 22 ноября 1926 съ послѣдующими измѣненіями до 1 августа 1930 года формально уже не знаетъ наказаній, а только мѣры соціальной защиты²⁶⁾. Согласно § 7 этого Кодекса, въ отношеніи лицъ, учинившихъ общеопасныя дѣянія или опасныхъ вслѣдствіе своихъ связей съ преступной средой либо вслѣдствіе своей прежней дѣятельности, употребляются средства соціальной защиты исправительнаго, медицинскаго или медицинско-педагогическаго характера. § 9, абзацъ 2 цит. Кодекса гласитъ: мѣры соціальной защиты лишены признаковъ мучительства и умаленія человѣческаго достоинства; ихъ цѣль не есть возмездіе и кара. Мѣры соціальной защиты преслѣдуютъ слѣд. цѣли: 1. предупрежденіе новыхъ преступленій со стороны опасныхъ лицъ; 2. общее предупрежденіе и 3. приспособленіе осужденнаго къ условіямъ общественной жизни въ совѣтскомъ государствѣ.

Незадолго до своей смерти Энрико Ферри заявилъ, что въ совѣтскомъ кодексѣ осуществлена его излюбленная идея

²⁶⁾ Мы пользовались нѣмецкимъ текстомъ кодекса: Strafgesetzbuch (Ugolownyi Kodeks) der Russischen Sozialistischen Sowjetrepublik (R. S. F. S. R.) vom 22 November 1926 mit den Änderungen bis zum August 1930 übersetzt von Dr. Wilhelm Gallas. Berlin Leipzig. 1931. — О совѣтскомъ угол. кодексѣ 1922 г. см. нашу статью Уголовное право въ сб. „Право Совѣтской Россіи“. т. II. Прага 1925 г. — О новѣйшихъ проектахъ совѣтскаго угол. кодекса ср. особенно: Doцент G. Smirnov. Osnova trestniho zákona v Sovétskem Rusku. „Sbornik véd právních a statních“. Praha 1931. — Dr. Heinrich Freund. Strafrechtsreform im Zeichen der marxistischen Theorie. „Z. f. die gesamte Str. RW“. 51. Bd. 1931. — Dr. Robert Heindl. Strafrechtsreform in Italien und in Russland. „Archiv f. Kriminologie“. 1931. Bd. 88. R. Maurach. Grundlagen des räterussischen Strafrechts. Berlin. 1933. — W. Gallas. Kriminalpolitik und Strafrechtssystematik. Berlin. 1931.

монизма санкцій — „per l'abolita distinzione fra rene e misure di sicurezza unificandole nelle misure di difesa sociale“²⁷⁾.

Бросающейся въ глаза непослѣдовательностью Совѣтскаго кодекса въ вопросѣ о мѣрахъ защиты является то, что одной изъ ихъ цѣлей служить общее предупрежденіе. Какъ правильно указываетъ нѣмецкій комментаторъ Совѣтскаго Кодекса Маурахъ, изъ этой цѣли явствуетъ, что мѣры защиты совѣтскаго права заключаютъ въ себѣ одіумъ наказанія какъ зла („das Odium des sinnlichen Übels der Strafe“)²⁸⁾. Исключительно широкое примѣненіе смертной казни и общей конфискаціи убѣждаютъ насъ, что совѣтское законодательство отказалось отъ наказанія только формально. Въ дѣйствительности же подъ маск ѣ гуманныхъ лозунговъ скрывается система самыхъ суровыхъ и беспощадныхъ каръ, которыя остаются таковыми, несмотря на всѣ декларативныя положенія общей части Совѣтскаго уголовного кодекса.

Ради полноты отмѣтимъ, что концепцію Ферри о монизмѣ санкцій усвоилъ и проектъ Уголовнаго уложенія республики Кубы²⁹⁾.

подавляющее большинство новѣйшихъ уголовныхъ кодексовъ и проектовъ рассматриваетъ наказанія и мѣры защиты, какъ два самостоятельныхъ института.

Слѣдую извѣстной конструкціи Карла Штосса, послѣдняя редакція Швейцарскаго проекта 1931 года³⁰⁾ различаетъ наказанія, мѣры защиты и другія мѣры. Понятіе „другихъ мѣръ“ обнимаетъ ручательство мира (Friedensbürgschaft), конфискацію отдѣльныхъ предметовъ, объявленіе приговора въ печати и нѣкот. др. Въ остальномъ объемъ и формы мѣръ защиты въ Швейцарскомъ проектѣ совпадаютъ съ таковыми въ другихъ проектахъ³¹⁾.

Германско-австрійскій (объединенный) проектъ Уголовнаго уложенія 1927 года содержитъ особую (восьмую) главу

²⁷⁾ Enrico Ferri. Ст. Il principio di responsabilità legale nel nuovo Codice Penale Russo въ сборникѣ его статей: Principii di Diritto Criminale. Стр. 725.

²⁸⁾ Dr. R. Maurach. System des russischen Strafrechts Berlin. 1928.

²⁹⁾ Ср. Enrico Ferri. Il principio di responsabilità legale nel nuovo Codice Penale Russo e nel Progetto per Cuba въ книгѣ: Enrico Ferri. Principii di Diritto Criminale. Torino. 1928. Стр. 805 и сл. Frhr. v. Schoen. Ein Kubanischer Strafrechtsentwurf. „DJZ“. 1931, Heft 24.

³⁰⁾ Ср. послѣднюю редакцію Швейц. проекта угол. уложенія (Ständerat, Frühjahrssession. 1931).

³¹⁾ Какъ основательно подчеркиваетъ W. Mittermaier, — „das Stoosche System hat gesiegt. Stooss hat es verstanden, mit praktischem Empfinden und Takt das für seine und offenbar auch für unsere und die nächste Zeit Brauchbare herauszufinden“. Dr. W. Mittermaier. Über die Entwicklung der Strafgesetzgebung seit dem Entwurf Stooss von 1893. „Schweiz. Z. für Strafrecht“. 43. Jg. 1929. Стр. 80. Ср. также Eduard Wüst. Die sichernden Massnahmen im Entwurf zu einem schweiz. Str. GB. Zürich. 1904.

о мѣрахъ исправленія и защиты (*Massregeln der Besserung und Sicherung*)³²⁾. Мотивы проекта исходятъ изъ положенія, что логически наказаніе есть причиненіе зла, служащее прежде всего цѣлямъ общаго предупрежденія. вмѣстѣ съ тѣмъ, наказаніе характеризуетъ дѣяніе, какъ заслуживающее порицанія („*sie kennzeichnet die Tat als verwerflich*“). Наказаніе опредѣляется въ отношеніи лицъ, дѣянія которыхъ вмѣняются имъ въ вину. Для охраны правопорядка наказаніе представляется недостаточнымъ. На ряду съ наказаніемъ необходимы особыя мѣры исправительнаго и защитительнаго характера противъ опасныхъ лицъ.

Новый Итальянскій уголовный кодексъ 19 октября 1930 года также вполне отчетливо расчленяетъ мѣры защиты (*misure amministrative di sicurezza*) и наказаніе, особо подчеркивая въ мотивахъ, что природа мѣръ защиты „*preventiva e punitiva*“³³⁾. Идейный авторъ новаго Итальянскаго уголовного кодекса, б. министръ юстиціи проф. Альфредо Рокко рассматриваетъ мѣры защиты какъ институтъ, призванный восполнить институтъ наказанія³⁴⁾.

Дуализмъ санкцій характеренъ и для уголовныхъ уложеній славянскихъ государствъ — Чехословакии (проектъ), Польши и Югославіи.

Чехословацкій проектъ Уголовнаго Уложенія 1926 года усматриваетъ различіе между наказаніемъ и мѣрами защиты: 1) въ ихъ цѣли: цѣль наказанія — возмездіе за наказуемое дѣяніе („*odplata za trestny čin*“), цѣль мѣръ защиты — охрана общества отъ общеопасныхъ элементовъ; 2) въ условіяхъ: мѣры защиты допустимы и въ тѣхъ случаяхъ, когда отсутствуютъ необходимыя предпосылки наказанія (напр., вмѣняемость) и, наконецъ, 3) въ отношеніи ихъ длительности.

Объединеніе обоихъ институтовъ въ духѣ Итальянскаго проекта Ферри, по мнѣнію составителей Чехословацкаго проекта, не представляется желательнымъ какъ по соображеніямъ общаго предупрежденія, такъ и потому, что отказъ

³²⁾ Отмѣтимъ, что уже въ 1912 году 31 конгрессъ германскихъ юристовъ рекомендовалъ „*die reinliche Scheidung zwischen Strafen und Sicherungsmassregeln*“. *Verhandlungen des 31. Deutschen Juristentages*. III. Bd., стр. 648, 649. — О мѣрахъ защиты по Германскому проекту 1930 г. ср. v. *Liszt-Schmidt*. *Lehrbuch des Deutschen Strafrechts*. I. Bd. 26. Aufl. 1932. (§ 65. *Die sichernden Massnahmen im Entwurf von 1930*). Стр. 412 и сл.

³³⁾ Ср. *Relazione del Ministro Guardosigilli (Rocco)* . . per l'approvazione de testo definitivo del Codice Penale, стр. 6.

³⁴⁾ Prof. *Alfredo Rocco*. *Le misure di sicurezza e gli mezzi di tutela giuridica*. „*Rivista Penale*“, fascicolo 1—2, стр. 92. Въ полуофициальномъ комментарий къ Итальянскому уголовному кодексу выражена та же основная мысль. Ср. *Carlo Saltelli—Enrico Romano Di Falco*. *Commento teorico—pratico del Nuovo Codice Penale*. Con prefazione de Guardosigillo *Alfredo Rocco*. Vol. I. Parte seconda. Roma 1930. Стр. 829.

отъ наказанія подорвалъ бы укорененную въ народномъ правосознаніи оцѣнку наказуемыхъ дѣяній. Въ самомъ названіи „наказаніе“ заключается ихъ отрицательная оцѣнка. Однако, изъ этого не слѣдуетъ, что опредѣленіе мѣръ защиты надо предоставить не уголовному суду, а инымъ (напр., административнымъ) органамъ³⁵).

Польскій проектъ уголовного уложенія (Projekt kodeksu karnego) 1930 года стоитъ на сходной точкѣ зрѣнія, различая наказанія („kara“) и мѣры защиты („środki zabezpieczające“) (ст. 72—78)³⁶). Этотъ проектъ въ настоящее время является уже дѣйствующимъ закономъ.

Изъ обзорѣнія подготовительныхъ работъ по составленію Уголовнаго Уложенія Королевства Югославіи 27 января 1930 года видно, что лишь въ послѣднихъ проектахъ мѣры защиты заняли подобающее мѣсто въ общей системѣ реформированнаго уголовного права. Позиція редакторовъ перваго Сербскаго проекта угол. уложенія 1910 года въ этомъ вопросѣ была довольно неопредѣленной. Характерно, что въ текстѣ этого проекта мы вообще не встрѣчаемъ термина „мѣры защиты“ (по-сербски: „мере безбедности“), и только Мотивы къ проекту иногда употребляютъ выраженія: „обезбедне мере“ и „мере обезбеђења“³⁷). По существу же институтъ мѣръ защиты былъ извѣстенъ указанному проекту. О нѣкоторыхъ мѣрахъ этого рода говорится въ главѣ о условіяхъ наказуемости (§ 47 о изоляціи и лѣченіи невмѣняемыхъ и уменьшенно вмѣняемыхъ лицъ) и въ главѣ объ опредѣленіи наказанія (§ 63 о дополнительномъ задержаніи по отбытіи наказанія).

Рядъ мѣръ, которыя новое Югославянское Уголовное Уложеніе 27 января 1929 года признаетъ мѣрами защиты, первый Сербскій проектъ 1910 года считалъ наказаніями. Сюда относятся: запрещеніе заниматься промысломъ и профессіей, полицейскій (нынѣ попечительный) надзоръ, высылка и конфискація отдѣльныхъ предметовъ (*producta et instrumenta sceleris*) (§ 15, абз. 1 проекта). Членъ комиссіи по составленію проекта Д-р. Милутинъ Мильковичъ въ своемъ особомъ

³⁵) Přípravně osnovy trestního zákona o zločinech a příčinech. Praha 1926. Ср. нашу статью: Идеинныя основы реформы уголовного права въ Чехословакии „Научные труды Русскаго Народнаго Университета въ Прагѣ“. Т. II. Прага. 1929. Ср. также Д-р. А. М і r і č k a. Strafen und sichernde Massnahmen im tschechoslovakischen Strafgesetzentwurf. „Z. für die ges. Sfr. RW“. В. I. 43. — F l a n d r a k, цит. соч., стр. 217—229.

³⁶) Projekt Kodeksu Karnega. Warszawa. 1930. См. далѣе: L é o n R a b i n o w i c z, цит. соч., глава: Les mesures de sûreté dans le projet polonais de Code Pénal. Стр. 161 и сл. — G a r r a u d. Les avant — projets polonais de 1922. Paris. 1924. — W. M a k o w s k y. The codification of Measures of Security. „Revue Pénitentiaire de Pologne“. 1929. Janvier—Avril.

³⁷) Ср. Пројекат и Мотиви Казненог Законика за Краљевину Србију. Београд. 1910. Стр. 236,

миѣни, приложенномъ къ проекту, предлагалъ введеніе такихъ мѣръ, какъ принудительное лѣченіе алкоголиковъ и запрещеніе посѣщенія питейныхъ заведеній, но рассматривалъ ихъ какъ наказанія³⁸⁾. Другой членъ комиссіи Dr. Душан Суботичъ возражалъ противъ принятія проектомъ мѣры защиты въ формѣ задержанія опасныхъ привычныхъ преступниковъ по отбытіи наказанія: „Для борьбы съ преступностью, — писалъ Dr. Суботичъ, — достаточно наказаній; съ опасностью будущихъ преступленій, хотя бы они исходили отъ профессиональныхъ преступниковъ, государственная полиція должна бороться не лишеніемъ свободы, а другими предупредительными мѣрами. Бесиліе государственныхъ органовъ не оправдываетъ еще введенія необычной мѣры, предлагаемой нашимъ проектомъ“³⁹⁾.

Несмотря на это, какъ мы уже отмѣтили, идея о мѣрахъ защиты не была вполнѣ чужда редакторамъ перваго Сербскаго проекта. Мотивы проекта говорятъ, напр., о задержаніи привычныхъ и профессиональныхъ преступниковъ по отбытіи наказанія слѣд.: „За учиненное преступленіе опредѣляется заслуженное наказаніе, а противъ опасности, угрожающей обществу отъ такого преступника, примѣняется мѣра защиты. Задержаніе послѣ отбытія наказанія, слѣд., не есть наказаніе, а мѣра защиты“ (стр. 236). Въ отношеніи длительности этой мѣры Сербскій проектъ 1910 года былъ даже радикальнѣе по сравненію съ нынѣ дѣйствующимъ Югославянскимъ угол. уложеніемъ 1929 г., поскольку онъ предусматривалъ задержаніе по отбытіи наказанія на абсолютно-неопредѣленный срокъ (§ 63 проекта). При этомъ авторы проекта исходили изъ принципиальнаго различія наказанія и мѣры защиты: „Опредѣленіе максимальнаго срока отвѣчаетъ понятію наказанія, но отнюдь не понятію мѣры защиты“ (стр. 236).

Дальнѣйшій шагъ въ смыслѣ признанія мѣръ защиты самостоятельнымъ институтомъ былъ сдѣланъ Сербскимъ проектомъ въ редакціи 1911 года. Вторая глава этого проекта уже носила названіе: Наказанія и мѣры защиты (§§ 40—43), Принципиальное различеніе этихъ институтовъ явствуетъ какъ изъ наименованія, такъ и изъ неодинаковости условій ихъ примѣненія⁴⁰⁾.

Реформа уголовного права въ Югославіи, какъ извѣстно, опиралась на предварительную работу по преобразованію уголовного права въ Сербіи, но Сербскій проектъ былъ при

³⁸⁾ „Те мере назване мере обезбеђења у ствари су казне“. Тамъ же, стр. 724.

³⁹⁾ Тамъ же, стр. 743.

⁴⁰⁾ Ср. Vorentwurf zu einem Strafgesetzbuch für das Königreich Serbien. Von Topalovits und Landsberg. Berlin. 1911.

этомъ подвергнуть коренному пересмотру⁴¹⁾. Въ краткомъ объясненіи къ Проекту Угол. уложенія 1922 года различіе между наказаніемъ и мѣрами защиты мотивируется слѣд. образомъ: „Въ проектѣ предусмотрѣны... мѣры защиты... Ихъ цѣлью является исключительно исправленіе и лѣченіе вмѣняемыхъ и невмѣняемыхъ учинителей наказуемыхъ дѣяній. Поэтому онѣ, въ противоположность наказанію, не должны быть соразмѣряемы въ отношеніи срока съ тяжестью преступленія и виновностью, являясь такимъ образомъ необходимымъ дополненіемъ наказаній въ дѣлѣ борьбы съ преступностью“. „Правовымъ основаніемъ при опредѣленіи мѣръ защиты является опасное состояніе (*état d'urgence*). Поэтому онѣ примѣнимы лишь къ правонарушителямъ, которые представляются опасными для общества въ виду ихъ преступной наклонности“.

Эта точка зрѣнія усвоена и Югославянскимъ Уголовнымъ Уложеніемъ 27 января 1929 года: оно расчленяетъ наказаніе и мѣры защиты по указаннымъ выше признакамъ и выдѣляетъ постановленія о мѣрахъ защиты въ особую главу общей части (Глава IV. §§ 50—60), подчеркивая тѣмъ самымъ, какъ правильно замѣчаетъ проф. М. П. Чубинскій, ихъ особую природу⁴²⁾.

Различіе между наказаніями и мѣрами защиты выражено съ полной опредѣленностью въ §§ 3 и 51 Указа объ исполненіи мѣръ защиты отъ 13 января 1930 года: „Мѣры защиты не являются наказаніями, и посему ихъ исполненіе должно быть осуществляемо такимъ образомъ, чтобы оно отвѣчало этой ихъ характерной особенностью“. Постановленіе § 3 цитированнаго Указа имѣетъ въ виду мѣры защиты, связанныя съ лишеніемъ свободы, а именно: задержаніе опасныхъ рецидивистовъ по отбытіи наказанія, отдачу въ дома принудительнаго труда, помѣщеніе въ заведенія для изоляціи и лѣченія опасныхъ невмѣняемыхъ и уменьшено вмѣняемыхъ лицъ и помѣщеніе въ учрежденія для принудительнаго лѣченія алкоголиковъ (§§ 51—54 Угол. Ул.). § 51 названнаго Указа касается всѣхъ остальныхъ мѣръ

⁴¹⁾ Ср. исчерпывающія данныя въ работахъ проф. М. П. Чубинскаго: а) Реформа уголовного права и процесса въ Королевствѣ С. Х. С. „Труды русскихъ ученыхъ за границей“. Т. II. Берлинъ. 1923.; б) Проблем изједначења права у уједињеном Краљевству С. Х. С. Београд. 1921. в) Нови Кривични Законик за Краљевину С. Х. С. „Летопис Матице Српске“. Књ. 322, св. 1. г) Историјат и општа карактеристика новог Законика въ книгѣ: Научни и практички коментар Кривичног Законика Краљевине Југославије. 1930.

⁴²⁾ Др. М и х. П. Ч у б и н с к и. Цит. коментарій. I. Стр. 147. Проф. Доленцъ основательно указываетъ на то, что мѣры защиты въ отличіе отъ наказанія объективно не означаютъ зла. Дг. Method Dolenc. Tolmač h k. z. kraljevine Jugoslavije. Ljubljana. 1929. Стр. 105, 106.

защиты: запрещенія посѣщать питейныя заведенія, попечительнаго надзора, запрещенія заниматься профессіей или промысломъ и конфискаціи отдѣльныхъ предметовъ. Иными словами начало: „мѣры защиты не являются наказаніями“ имѣетъ силу въ отношеніи всѣхъ мѣръ защиты, предусмотрѣнныхъ новымъ Югославянскимъ Уголовнымъ Уложеніемъ 27 января 1929 года.

Къ сожалѣнію, § 75 Указа объ исполненіи мѣръ защиты содержитъ постановленіе, не согласованное съ общимъ духомъ реформированнаго законодательства и прямо противорѣчащее цитированнымъ выше §§ 3 и 5 названнаго Указа. § 75 гласитъ: „Поскольку настоящей указъ не содержитъ особыхъ постановленій объ исполненіи отдѣльныхъ мѣръ защиты, подлежатъ примѣненію по аналогіи постановленія объ исполненіи наказаній лишеніемъ свободы“. Если аналогія при примѣненіи постановленій матеріальнаго уголовного права вообще недопустима (ст. 8 конституціи Королевства Югославіи), то въ данномъ случаѣ она особенно опасна. Существенное различіе между наказаніями и мѣрами защиты тѣмъ самымъ въ значительной мѣрѣ затушевывается. вмѣстѣ съ тѣмъ, органамъ исполненія мѣръ защиты предоставляется чрезмѣрно широкая свобода усмотрѣнія при рѣшеніи вопроса, является ли та или иная мѣра воздѣйствія, умѣстная, можетъ быть, въ отношеніи присужденныхъ къ карательному заключенію, допустимой и въ отношеніи лицъ, къ которымъ примѣнена мѣра защиты. Какъ далеко идетъ въ этомъ направленіи самъ Указъ объ исполненіи мѣръ защиты видно, напр., изъ того, что онъ допускаетъ даже въ отношеніи невмѣняемыхъ и уменьшено вмѣняемыхъ лицъ въ качествѣ предупредительной мѣры не только примѣненіе смирительной рубашки, что практикуется въ крайнихъ случаяхъ и въ домахъ для умалишенныхъ, но и примѣненіе оковъ. Между тѣмъ даже по закону объ исполненіи наказаній лишеніемъ свободы 16 февраля 1929 г. эта мѣра признана недопустимой по отношенію къ юнымъ лицамъ отъ 17 до 21 года и къ женщинамъ.

Если далѣе принять во вниманіе, что нѣкоторыя мѣры защиты (напр., задержаніе по отбытіи наказанія) впредь до учрежденія специальныхъ заведеній, отбываются въ отдѣленіяхъ тюремныхъ учрежденій (§ 51, абз. 3 Угол. Уложенія, § 7 цитир. Указа), то можно серьезно опасаться, что примѣненіе по аналогіи постановленій закона объ исполненіи наказаній лишеніемъ свободы къ мѣрамъ защиты лишитъ ихъ самостоятельнаго значенія⁴⁸⁾. Это во всякомъ случаѣ не от-

⁴⁸⁾ Подробности см. въ нашей работѣ на словенскомъ языкѣ: *Očuvanje odredbe v sistemu modernega prava*. „Slovenski Pravniki“. Ljubljana. 1932.

вѣчало бы ни общему духу реформы, ни основнымъ началамъ, на которыхъ покоится самое различеніе наказанія и мѣръ защиты въ новомъ Югославянскомъ Уголовномъ Уложеніи.

II часть. Объемъ и границы мѣръ защиты въ уголовномъ правѣ Югославіи.

Въ югославянской спеціальной литературѣ вопросъ о томъ, какія мѣры являются мѣрами защиты въ техническомъ смыслѣ слова, вызываетъ разногласія.

Сомнѣнія возбуждаетъ прежде всего юридическая природа воспитательныхъ мѣръ, примѣняемыхъ къ дѣтямъ до 14 лѣтъ и къ т. н. младшимъ малолѣтнимъ отъ 14 до 17 лѣтъ. Въ объясненіи къ проекту уголовного уложенія 1922 г. нѣкоторыя изъ этихъ мѣръ прямо названы мѣрами защиты: „Въ отношеніи дѣтей и младшихъ малолѣтнихъ въ §§ 20, 21 и 22 предусматрѣна въ качествѣ мѣры защиты („камера безбедности“) помѣщеніе въ воспитательное или въ исправительное заведеніе“ (Стр. 90). Объясненіе къ общей части названнаго проекта составлено проф. Т. Живановичемъ (См. стр. 83 объясненія). Квалификація указанныхъ мѣръ какъ мѣръ защиты характерна именно для конструкціи, защищаемой проф. Т. Живановичемъ¹⁾. Въ своемъ комментарий къ Югославянскому Угол. Уложенію 27 января 1929 г. авторъ отстаиваетъ ту же точку зрѣнія: „Къ мѣрамъ защиты, предусматрѣннымъ въ 4-й главѣ Угол. Ул., слѣдуетъ присоединить мѣры защиты въ отношеніи дѣтей... и младшихъ малолѣтнихъ“. „Освобожденіе, сопровождаемое надзоромъ, помѣщеніе въ воспитательное заведеніе и исправительное заведеніе суть мѣры защиты противъ виновныхъ младшихъ малолѣтнихъ“²⁾.

Менѣе опредѣленной представляется позиція проф. Шилевича и Франка въ ихъ комментарий къ новому югославянскому угол. уложенію. На стр. 44 авторы утверждаютъ, что „всѣ средства, которыя У. У. примѣняетъ къ дѣтямъ и младшимъ малолѣтнимъ (кромѣ наказаній), суть мѣры защиты“, а на стр. 41 указываютъ, что даже изъ содержанія § 50 У. У.

¹⁾ Д-р Тома Живановић. Основни проблеми кривичног права. Београд. 1930. Стр. 179, 180.

²⁾ Д-р Тома Живановић. Кривични Законик и Законик о судском кривичном поступку съ кратким објашњењем. Београд. 1930. Стр. 32, Ср. также: Д-р Т. Живановић. Основи кривичног права. Додатак. Београд. 1930. стр. 68 и сл.— Въ объясненіи д-р Душана Суботића къ проекту Угол. Ул., представленномъ на засѣданіи законодательной комиссіи Народной Скупщины 27 апрѣля 1926 г., воспитательныя мѣры неоднократно обозначены какъ мѣры защиты („заштитне мере“, „мере безбедности“ и „мере сигурности“). (Стр. 5, 7 и 9).

нельзя съ ясностью установить юридическую природу мѣръ, примѣняемыхъ къ малолѣтнимъ.

Проф. М. П. Чубинскій въ своемъ комментарий спеціально не затрагиваетъ этого вопроса. Однако, изъ общаго контекста можно заключить, что онъ истолковываетъ понятіе мѣръ защиты ограничительно, причисляя къ нимъ только мѣры, предусмотрѣнныя въ 4-й главѣ У. У.: „Желая подчеркнуть особенный характеръ мѣръ защиты, нашъ кодексъ, воспринявъ мѣры защиты и поставивъ ихъ рядомъ съ наказаніями, помѣстилъ эти мѣры въ особую (четвертую) главу“. (Стр. 147).

Д-ръ Душанъ Суботичъ, который въ своемъ цитированномъ выше объясненіи къ Проекту 1926 г. (ср. прим. 2) не дифференцировалъ мѣръ защиты и воспитательныхъ мѣръ, въ своемъ новѣйшемъ докладѣ проводитъ отчетливое разграниченіе между ними: „Les mesures tutelaires pour les mineurs délinquants ne sont pas mentionnées dans le § 50 du Code Pénal... Il s'agit de mesures d'éducation et de correction“³⁾.

Проф. Доленць считаетъ мѣры въ отношеніи младшихъ малолѣтнихъ „восполненіемъ недостатковъ воспитанія“: „Наименованіе ихъ въ объясненіи д-ра Суботича (стр. 6) „мѣры защиты“ не отвѣчаетъ ихъ дѣйствительному содержанію. Онѣ имѣютъ въ виду не защиту общества отъ малолѣтняго, а уничтоженіе съ помощью дополнительнаго воспитанія зародышей преступности у младшаго малолѣтняго, особенно же укрѣпленіе его воли къ дальнѣйшей добропорядочной жизни“⁴⁾.

Отсутствіе единства въ опредѣленіи объема и границъ мѣръ защиты въ Югославянскомъ У. У. не является случайнымъ. Оно отражаетъ колебанія, замѣчаемыя вообще въ пониманіи этого института. Понятіе и конструкція мѣръ защиты далеко не такъ разработаны, какъ понятіе и конструкція наказанія. Мѣры защиты какъ правовой институтъ находятся еще *in statu nascendi*.

Что касается вопроса объ отношеніи мѣръ защиты и попечительно воспитательныхъ мѣръ, то слѣдуетъ признать ихъ бѣольшую близость къ мѣрамъ защиты, чѣмъ къ уголовной карѣ. Попечительно воспитаніе должно быть приспособлено прежде всего къ состоянію юнаго лица. Наказуемое дѣяніе отходитъ при этомъ на второй планъ. И въ смыслѣ опредѣленія длительности мѣры воспитанія стоятъ ближе къ мѣрамъ защиты, чѣмъ къ наказанію. Въ литературѣ уголов-

³⁾ Д-р Душан Суботичъ. Докладъ на X пенитенціарномъ конгрессѣ въ Прагѣ 1930. Стр. 9. Ср. также новѣйшую работу того же автора: Д-р Душан Суботичъ. Шестъ основныхъ проблема кривичног права. Београд. 1933. Стр. 133.

⁴⁾ Dr. Metod Dolenc. Tolmač h k. z. Ljubljana. 1929. Стр. 83.

наго права принудительное воспитаніе малолѣтнихъ правонарушителей нерѣдко рассматривается какъ видъ мѣры защиты. Но это не должно насъ вводить въ заблужденіе.

Уже болѣе двадцати лѣтъ назадъ Францъ фонъ Листъ убѣдительно доказалъ необходимость различенія понятія опасности, съ одной стороны, и понятія потребности въ помощи и защитѣ, съ другой („zwischen dem Zustand der Gefährlichkeit und dem der Hilfsbedürftigkeit“⁵⁾). На различеніи этихъ критеріевъ и основывается противопоставленіе мѣръ защиты въ собственномъ смыслѣ слова и воспитательныхъ мѣръ, примѣняемыхъ къ незрѣлымъ малолѣтнимъ. Особенно рѣшительно возражаетъ противъ смѣшенія этихъ понятій извѣстный поборникъ идеи охраны молодежи Кёне⁶⁾. Воспитательныя мѣры представляютъ собой самостоятельный институтъ. Отождествлять ихъ съ мѣрами защиты, имѣющими въ виду взрослыхъ привычныхъ и профессиональныхъ преступниковъ, тунеядцевъ, хроническихъ алкоголиковъ и т. п. значило бы пренебрегать своеобразіемъ задачъ, которыя ставитъ государство въ своей борьбѣ съ безпризорностью и преступностью молодежи. Основаніемъ для примѣненія воспитательныхъ мѣръ являются не столько требованія общественной безопасности, сколько потребность восполненія недостатковъ воспитанія. Спасеніе уличной молодежи отъ совершеннаго развращенія и гибели имѣетъ во всякомъ случаѣ бѣльшее значеніе, чѣмъ охрана общественной безопасности⁷⁾. Нормы правопорядка представляются для малолѣтнихъ чѣмъ-то чуждымъ; они должны еще усвоить ихъ и къ нимъ приспособиться. Поэтому мѣры воспитанія необходимо сообразовать съ пластической воспитательно-образовательной воспримчивостью дѣтей и юныхъ лицъ. Уже поэтому эти мѣры слѣдуетъ отдѣлять отъ мѣръ защиты. Послѣднія предназначены для опасныхъ взрослыхъ лицъ съ сформировавшимся преступнымъ характеромъ. Между тѣмъ мы не можемъ говорить о законченномъ и образовавшемся характерѣ дѣтей и малолѣтнихъ.

Различіе между мѣрами защиты и воспитательными мѣрами обосновано не только теоретически. Новое уголовное законодательство Югославіи стоитъ въ сущности на той же точкѣ зрѣнія. Неточная характеристика юридической природы воспитательныхъ мѣръ въ мотивахъ къ Проекту У. У. 1922 г. и въ объясненіи къ проекту 1926 г. насъ не можетъ связы-

⁵⁾ Franz von Liszt въ „Mitteilungen der I. K. V.“, XVII, стр. 427.

⁶⁾ Paul Köhne въ „Verhandl. des 31. deutschen Juristentages“. Berlin. 1922. III. Bd. Стр. 642.

⁷⁾ Ср. Dr. Ferdinand Kaděčka. Das österreichische Jugendgerichtsgesetz. Wien. 1929. Стр. 48. Проф. Шиловичъ правильно указываетъ, что „государство должно восполнить то, чего не сдѣлали родители“. Нови кривични поступак. Д-р Јосип Шиловић. Поступак против малолјетника... „Правни Преглед“. Књига II. Београд. 1922. Стр. 124.

вать. По общепризнанному принципу обязательнымъ является окончательный текстъ закона.

Въ § 50 Югосл. У. У. мѣры защиты указаны исчерпывающе: задержаніе по отбытіи наказанія, помѣщеніе въ домъ принудительнаго труда, помѣщеніе въ заведеніе для лѣченія алкоголиковъ, запрещеніе посѣщать питейныя заведенія, попечительный надзоръ, изгнаніе, запрещеніе занятія професіей или промысломъ и конфискація отдѣльныхъ предметовъ“.

Въ Югославянскомъ У. У. нѣтъ постановленія, которое было бы аналогично ст. 199 Итальянскаго У. У. 1930 г. въ силу которой дѣйствіе начала „nulla poena sine lege“ распространяется *mutatis mutandis* и на мѣры защиты⁸⁾. И, тѣмъ не менѣе, не подлежитъ сомнѣнію, что это начало воспринято и Югославянскимъ Уголовнымъ Уложеніемъ. Мѣры защиты суть мѣры, обозначенныя какъ таковыя въ § 50 югосл. у. у. Югосл. уставъ угол. судопроизводства (=у. у. с.) говоритъ о мѣрахъ защиты, допустимыхъ по у. у. (ср. напр. § 110, абз. 1, § 280, абз. 3 у. у. с.), и пользуется терминомъ „мѣры защиты“ всегда въ техническомъ смыслѣ. Согласно § 337, п. 3 у. у. с. превышеніе судомъ полномочій при опредѣленіи наказанія или мѣры защиты рассматривается какъ нарушеніе матеріальнаго уголовного закона. Слѣдовательно, и опредѣленіе судомъ воспитательной мѣры въ смыслѣ § 446 у. у. с. въ качествѣ мѣры защиты слѣдуетъ рассматривать какъ нарушеніе матеріальнаго закона.

Законъ о введеніи въ дѣйствіе У. У. 1929 года также отчетливо различаетъ заведенія принудительнаго воспитанія и заведенія, предназначенныя для исполненія мѣръ защиты (ст. 20). Равнымъ образомъ и Указъ объ исполненіи мѣръ защиты упоминаетъ только мѣры защиты въ собственномъ смыслѣ слова (ср. §§ 1 и 49 Указа отъ 13 января 1930 г.). Порядокъ учрежденія и дѣятельности государственныхъ заведеній для воспитанія и исправленія дѣтей и младшихъ малолѣтнихъ опредѣляется особымъ указомъ отъ 18 января 1930 года. Изданы также особые указы: 1) о помѣщеніи лицъ въ заведенія для исполненія мѣръ защиты отъ 29 декабря 1929 г. и 2) о помѣщеніи малолѣтнихъ обоюбого пола въ воспитательныя и исправительныя заведенія.

Мѣры въ отношеніи дѣтей до 14 лѣтъ Югосл. У. У. обозначаетъ какъ принудительное воспитаніе (§ 26, абз. 4 у. у.), а мѣры въ отношеніи малолѣтнихъ называетъ или просто „мѣры“ (§ 28, абз. 4 у. у., § 449, абз. 2 у. у. с.), или „мѣры, опредѣляемыя противъ младшихъ малолѣтнихъ“ (§ 29

⁸⁾ „Nessuno può essere sottoposto a misure di sicurezza che non siano espressamente stabilite dalla legge a fuori dei casi dalla legge stessa preveduti“.

у. у., заголовокъ 2 отд. XXIV главы у. у. с.), или „воспитательныя мѣры“ (§ 442, абз. 3 у. у. с.).

Такимъ образомъ, и съ теоретической точки зрѣнія, и съ точки зрѣнія положительнаго права смѣшеніе или отождествленіе мѣръ защиты и воспитательныхъ мѣръ не находитъ себѣ оправданія. Если принять во вниманіе воспитательныя мѣры въ общей системѣ югославянскаго уголовного права, то можно съ полнымъ основаніемъ говорить о триализмѣ санкцій въ уголовномъ правѣ Югославіи: 1) наказанія; 2) мѣры защиты и 3) воспитательныя мѣры. Каждая изъ этихъ санкцій характеризуется своеобразными особенностями, на которыя мы указали въ предшествующемъ изложеніи. Необходимо отдать себѣ ясный отчетъ въ этой тройной структурѣ санкцій. Всякая неясность въ этомъ отношеніи, замѣчаемая, къ сожалѣнію, въ нѣкоторой части спеціальной литературы, можетъ повлечь за собой опасное смѣшеніе и путаницу при опредѣленіи и исполненіи отдѣльныхъ санкцій, которыя различаются и по своему юридическому характеру и по своему социальному назначенію.

Для иллюстраціи приведемъ два примѣра. Проф. Т. Живановичъ считаетъ мѣрой защиты даже принудительное воспитаніе по § 26, абз. 4 у. у.⁹⁾ Между тѣмъ принудительное воспитаніе опредѣляется опекунскимъ судомъ. Точка зрѣнія почтеннаго автора, такимъ образомъ, прямо противорѣчитъ основному постановленію § 1, абз. 1 у. у. с., согласно которому наказаніе и мѣры защиты за наказуемыя дѣянія по общему У. У. и по спеціальнымъ законамъ опредѣляются компетентнымъ судомъ на основаніи уголовного судопроизводства, начатаго и осуществляемаго на основаніи у. у. с. Въ дѣйствительности же въ законѣ нѣтъ никакого противорѣчія, ибо принудительное воспитаніе является не мѣрой защиты, а воспитательной мѣрой!

На основаніи § 141, абз. 1 у. у. подлежитъ наказанію содѣйствіе уклоненію отъ наказанія или мѣры защиты за учиненное дѣяніе. Если разсматривать и воспитательныя мѣры какъ мѣры защиты, то слѣдуетъ признать, что указанное постановленіе касается и лица, оказывающаго помощь малолѣтнему, уклоняющемуся отъ примѣненія къ нему воспитательной мѣры. Правильность такого толкованія весьма сомнительна, ибо законъ всюду употребляетъ выраженіе „мѣра защиты“ въ техническомъ смыслѣ.

Приведенные примѣры, къ которымъ можно было бы присоединить при желаніи рядъ другихъ, укрѣпляютъ наше убѣжденіе, что смѣшеніе понятій мѣръ защиты и воспитательныхъ мѣръ можетъ привести къ неправильному истол-

⁹⁾ Д-р. Тома Живановић. Основи... Додатак. Стр. 68.

кованію постановленій югославянскаго уголовного законодательства. Болѣе подробному анализу мы подвергли этотъ вопросъ въ нашей статьѣ на словенскомъ языкѣ (Pravna pa rava odredb zoper otroke in mlajše maloletnike v kazenskem pravu kraljevine Jugoslavije. „Zbornik znanstvenih razprav“. IX. Ljubljana. 1932—33. Стр. 130—158).

Единственной мѣрой, включенной и въ число мѣръ защиты и въ число воспитательныхъ мѣръ, является попечительный надзоръ. Въ качествѣ мѣры защиты онъ упоминается въ IV главѣ у. у. (ср. особенно §§ 50 и 56 у. у.), а въ качествѣ воспитательной мѣры онъ является прежде всего составной частью т. н. освобожденія на испытаніе (§ 28, абз. 3 у. у.). Уставъ угол. судопроизводства въ большинствѣ случаевъ этого рода не употребляетъ технического термина „попечительный надзоръ“ и говоритъ объ освобожденіи на испытаніе „подъ постояннымъ надзоромъ законнаго представителя или довѣреннаго лица“ (§ 443, абз. 1, п. 1 у. у. с.), или же пользуется такими выраженіями, какъ „попеченіе и надзоръ за младшимъ малолѣтнимъ“ (§ 449, абз. 1 у. у. с.), либо просто „попеченіе и надзоръ“ (§ 440, абз. 3 у. у. с.). Изъ этого можно было на первый взглядъ заключить, что рѣчь идетъ объ особой воспитательной мѣрѣ попечительнаго надзора, формально отличающейся отъ попечительнаго надзора какъ мѣры защиты. Но этотъ выводъ *de lege lata* былъ бы неправиленъ, ибо § 56, абз. 1 у. у. (глава о мѣрахъ защиты) опредѣленно говоритъ о попечительномъ надзорѣ и въ отношеніи лицъ, къ которымъ примѣнено освобожденіе на испытаніе (ср. также § 440, 4 абз. у. у. с.).

Подробный анализъ института попечительнаго надзора въ югославянскомъ правѣ выходитъ за предѣлы этой статьи. Отмѣтимъ, однако, въ этой связи, что попечительный надзоръ въ отношеніи малолѣтнихъ и *de lege lata* отличается въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отъ попечительнаго надзора за взрослыми лицами. Особенность заключается прежде всего въ выборѣ лицъ, которымъ поручается надзоръ за малолѣтними. Эти лица привлекаются изъ круговъ, посвящающихъ себя воспитанію молодежи и попеченію о сиротахъ (§ 440 у. у. с.). Эту миссію выполняютъ также опекунскія власти и общества защиты малолѣтнихъ (§ 28, абз. 3 закона объ исполненіи наказаній лишеніемъ свободы; § 7 Указа объ исполненіи мѣръ защиты). Специально регламентированъ и попечительный надзоръ за малолѣтними, освобожденными изъ воспитательныхъ и исправительныхъ заведеній (§ 454 у. у. с.). При освобожденіи на испытаніе попечительный надзоръ является лишь общей рамкой, въ предѣлахъ которой осуществляются различныя формы воспитательнаго воздѣйствія (§ 449 у. у. с.), подобно тому, какъ это практикуется при

англо-американской Probation-System. Мы полагаемъ далѣе, что т. н. „болѣе строгій попечительный надзоръ, осуществляемый въ видѣ изъятія полицейскими властями“, который, въ очевидномъ противорѣчии съ закономъ, введенъ въ силу Указа объ исполненіи мѣръ защиты (§ 63, абз. 1, п. 5 цит. Указа), во всякомъ случаѣ непримѣнимъ къ малолѣтнимъ.

Такимъ образомъ, попечительный надзоръ въ югославянскомъ правѣ представляетъ нѣкотораго рода гибридную (смѣшанную) мѣру, частью защитительнаго, частью воспитательнаго характера. Въ этомъ отношеніи онъ занимаетъ совершенно своеобразное мѣсто въ системѣ санкцій югославянскаго уголовного права.

Въ уголовномъ правѣ Югославіи на ряду съ наказаніемъ, мѣрами защиты и воспитательными мѣрами предусматрѣна еще одна мѣра, которую нельзя подвести ни подъ одну изъ указанныхъ санкцій. Мы имѣемъ въ виду принудительную публикацію приговора.

Мѣсто публикаціи приговора въ системѣ уголовныхъ санкцій вообще весьма неопредѣленно. Чехословацкій проектъ у. у. 1926 г. (§ 63) и новое Испанское у. у. 8 сентября 1928 г. (ст. 90, п. 2) считаютъ ее мѣрой защиты. Итальянское у. у. 1930 г. помѣщаетъ ее среди дополнительныхъ наказаній (*le pene accessorie*, ст. 19 и 36). Въ Швейцарскомъ проектѣ у. у. (редакція 1931 г.) публикація приговора обнимается суммарнымъ и мало выразительнымъ понятіемъ „andere Massnahmen“ (§ 58). Въ германо-австрійскомъ объединенномъ проектѣ у. у. 1927 г. мы находимъ ее въ отдѣлѣ: *Nebenstrafen und Nebenfolgen* (§ 51). Наконецъ, въ Югославянскомъ у. у. 27 января 1929 г. публикація приговора осталась вообще внѣ системы регулярныхъ санкцій: общая часть у. у. публикаціи приговора не упоминаетъ; мы встрѣчаемъ ее лишь въ особой части Югославянскаго у. у.

Такое положеніе объясняется тѣмъ, что публикація приговора можетъ имѣть различное правовое значеніе и преслѣдовать различныя цѣли. Она является въ извѣстныхъ случаяхъ безчестящимъ наказаніемъ, остаткомъ выставленія у позорнаго столба; въ другихъ случаяхъ она служитъ средствомъ возмѣщенія идеальнаго вреда; публикація приговора способна въ извѣстной мѣрѣ выполнять и функцію социальной защиты и, наконецъ, служить цѣлямъ реабилитаціи. На это разнообразіе функцій обратилъ вниманіе въ свое время Гольдшмидтъ¹⁰⁾. Со своей стороны, и мотивы Швейцарскаго проекта правильно отмѣчаютъ, что публикація приговора

¹⁰⁾ Dr. James Goldschmidt. Strafe und verwandte Massregeln. Vergl. Darstellung des deutschen und ausländischen Strafrechts. Allg. T. IV. Bd. Стр. 413 и 442. Ср. также Exner, цит. соч., стр. 106.

представляет „bald eine Verschärfung der Strafe, bald eine Warnung des Publikums, bald eine Ehrenrettung“¹¹⁾. Чешскій криминалистъ Милога, со своей стороны, полагаетъ, что публикація приговора частью носитъ характеръ мѣры защиты, частью же является формой отягченія наказанія (une aggravation de la peine“)¹²⁾. Риттлеръ видитъ въ опубликованіи приговора мѣру защиты, затрагивающую честь¹³⁾.

Нѣкоторые комментаторы Югославянскаго у. у. относятъ принудительное объявленіе приговора къ числу дополнительныхъ наказаній. „Въ § 35 у. у. не указана мѣра борьбы съ преступностью: заклеиваніе личности преступника путемъ принудительной публикаціи приговора. Мы должны отнести ее скорѣе всего къ дополнительнымъ наказаніямъ (§§ 139, 305, 342 и 363), ибо она имѣетъ значеніе объективнаго зла“ (D o l e p s. T o l m a ģ, стр. 306). Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ характеризуетъ публикацію приговора какъ „дополненіе наказанія“ (Тамъ же, стр. 246). Проф. М. П. Чубинскій также усматриваетъ въ публикаціи приговора особый видъ дополнительнаго наказанія („нарочиту врсту споредне казне“) (Коментар. Посебни део. Стр. 51).

Въ дѣйствительности же публикація приговора выполняетъ въ югославянскомъ правѣ различныя функціи. Въ случаяхъ § 138 (лжедоносъ) и 305 (клевета) цѣлью ея является прежде всего удовлетвореніе лица потерпѣвшаго отъ лжедоноса или клеветы (ср. также ст. 63 югосл. закона о печати). Иначе вопросъ ставится въ случаяхъ § 342 у. у. (торговый обманъ) и § 363 (пособничество азартнымъ играмъ): въ этихъ случаяхъ публикація приговора имѣетъ въ виду огражденіе общества отъ нечестныхъ или сомнительныхъ элементовъ.

Формально публикація приговора въ югославянскомъ уголовномъ правѣ не есть ни наказаніе, ни мѣра защиты¹⁴⁾, ибо она не упомянута ни въ списокѣ наказаній (§ 35 у. у.), ни въ перечисленіи мѣръ защиты (§ 50 у. у.). Въ § 281 у. у. с., опредѣляющемъ содержаніе обвинительнаго приговора, публикація приговора въ печати на счетъ осужденнаго помѣщена рядомъ съ опредѣленіями о гражданскихъ требованіяхъ и объ издержкахъ процесса и исполненія наказанія. Несмотря на это, публикація приговора все же приближается, по об-

¹¹⁾ Botschaft des Bundesrates an die Bundesversammlung, enthaltend das schweizerische Strafgesetzbuch (vom 23. Juli 1918).

¹²⁾ Ср. докладъ автора Х. пенитенціарному конгрессу въ Прагѣ. Стр. 6.

¹³⁾ Докладъ тому же конгрессу. Стр. 19.

¹⁴⁾ Комментаторы Жганецъ и Жоржъ относятъ публикацію приговора къ мѣрамъ защиты, хотя и условно: „Није поменута међу мерама безбедности, али, ради система, навешћемо овде — објаву пресуде коју суд наређује у осудама због деликата из §§ 342 и 363 К. З.“ Д-р Винко Жганецъ и Петар Жорж. Тумачење Кривичног Закона за Краљевину Срба, Хрвата и Словенаца I (Општи део). Сомбор. 1928.

щей конструкції югосл. у. у., болѣе всего къ наказанію. Это явствуетъ изъ 2 абзаца § 342 у. у. с., согласно которому приговоръ о наказаніи долженъ содержать и постановленіе о публикаціи приговора въ газетахъ. Публикація приговора въ этихъ случаяхъ является, такимъ образомъ, дѣйствительно дополненіемъ къ наказанію (Dolens). Дополнительнымъ наказаніемъ въ формальномъ смыслѣ мы ее, однако, назвать не можемъ, ибо таковымъ являются по югосл. у. у. только лишеніе правъ и лишеніе публичной службы¹⁵⁾.

Анализъ постановленій югославянскаго законодательства о публикаціи приговора позволяетъ сдѣлать заключеніе, что эта мѣра не является мѣрой защиты, въ противоположность системѣ Чехословацкаго проекта и новаго Испанскаго у. у. Объявленіе о запретѣ посѣщенія питейныхъ заведеній и о запретѣ исполнять профессию или промыселъ представляетъ собою способъ исполненія мѣръ защиты.

Сводя воедино наши выводы объ объемѣ и границахъ мѣръ защиты въ югославянскомъ уголовномъ правѣ, мы формулируемъ ихъ слѣдующимъ образомъ: мѣрами защиты являются только мѣры, которыя формально опредѣляются какъ таковыя въ IV главѣ у. у. Воспитательныя мѣры въ отношеніи дѣтей и младшихъ малолѣтнихъ представляютъ не мѣру защиты, а санкцію *in genere*. Публикація обвинительнаго приговора, оставшаяся въ Югославянскомъ у. у. безъ точной квалификаціи, также не есть мѣра защиты, являясь дополненіемъ наказанія.

¹⁵⁾ Публикація оправдательнаго приговора на основаніи §§ 280 и 369, абз. 4 у. у. с. служитъ исключительно цѣли реабилитаціи. — Съ исполненіемъ мѣръ защиты связаны: а) объявленіе о запретѣ посѣщенія питейныхъ заведеній въ официальномъ органѣ „Службене Новине“ и въ органѣ профессиональнаго союза владѣльцевъ питейныхъ заведеній по § 54 Указа объ исполненіи мѣръ защиты и б) объявленіе о лишеніи права осуществлять профессию или промыселъ по § 68 того же Указа. Въ обоихъ случаяхъ публикація служитъ способомъ исполненія мѣръ защиты. — Въ нѣмецкой литературѣ отмѣчается, что такого рода публикація заключаетъ въ себѣ нѣкоторые элементы безчестящаго наказанія. Ср. Dr. P. F. Aschrott въ сборникѣ: Aschrott — v. Liszt. Die Reform des Reichsstrafgesetzbuches. Bd. I. Berlin. 1910. Стр. 149.

В. В. Розенбергъ.

НАУЧНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ.

I.

Сущность проблемы научной собственности. Исторія вопроса.

Понятіе и терминъ „научная собственность“ всецѣло относятся къ циклу вопросовъ „de lege ferenda“.

И тѣмъ не менѣе этотъ вопросъ имѣетъ за собой свыше чѣмъ десятилѣтнюю исторію, былъ предметомъ частыхъ и внимательныхъ обсужденій какъ во всѣхъ государствахъ, такъ и въ международномъ объемѣ, опирается на довольно обильную литературу и получилъ выраженіе въ рядѣ законопроектвовъ.

Обыкновенно расширеніе правовой системы соотвѣтствуетъ появленію такихъ новыхъ отношеній между людьми, которыя по своей природѣ требуютъ правового ихъ урегулированія.

То расширеніе правовой системы, которое отмѣчается терминомъ „научная собственность“ (*propriété scientifique*) или правомъ на научныя открытія и изобрѣтенія (*droit sur les découvertes et inventions scientifiques*) не является фактическимъ приращеніемъ къ ранѣе существовавшимъ отношеніямъ между людьми. Эти отношенія всегда существовали, но стояли внѣ правовой системы — онѣ ею не захватывались, или просто не замѣчались.

Всякое научное открытіе или изобрѣтеніе становится обыкновенно извѣстнымъ третьимъ лицамъ путемъ письменнаго или устнаго обнародыванія такового со стороны того, кто такое изобрѣтеніе или открытіе сдѣлалъ.

Современное право авторства распространяется на книги, брошюры, статьи, доклады и рѣчи какъ на первоначальномъ языкѣ, такъ и въ переводѣ, причемъ бернская, а въ ея нынѣшнемъ текстѣ, римская международная конвенція о литературной собственности, расширяетъ защиту автора почти на весь міръ.

Предметомъ защиты авторскаго права является индивидуальная форма выраженія мыслей автора въ сказанныхъ или написанныхъ имъ словахъ.

Право научной собственности хочетъ идти далѣе авторскаго права: съ поверхности оно хочетъ спуститься на глубину. Помимо и сверхъ защищенной авторскимъ правомъ формы выраженія, оно стремится создать право на содержаніе, на сущность, на мысли, на идеи, высказанныя при письменномъ или устномъ обнародываніи научнаго изобрѣтенія или открытія. Но лишь до извѣстной степени и частично. Не всякое использование третьими лицами чужога научнаго открытія или изобрѣтенія нарушаетъ право ученаго на его открытіе или изобрѣтеніе, но лишь такое, которое представляетъ коммерческую его утилизацію.

Починъ въ отношеніи научной собственности принадлежитъ французскому публицисту, секретарю Общества защиты авторскихъ правъ, Люсьену Клотцу, который на эту идею былъ натолкнутъ появившимся въ 1920 г. французскимъ закономъ о такъ называемомъ *droit de suite*. Суть послѣдняго въ томъ, что, если какая нибудь картина, перепродаваясь изъ рукъ въ руки, увеличивается въ своей цѣнѣ (напр. художникъ становится все болѣе и болѣе извѣстнымъ), то художникъ получаетъ право на извѣстную часть этой прибавочной стоимости.

Въ концѣ 1921 г. Л. Клотцъ организовалъ два собранія по обсужденію идеи научной собственности, а въ связи съ ними профессоръ и депутатъ Бартелеми внесъ во французскую палату 4 апрѣля 1922 г. составленный имъ проектъ закона о правѣ на научную собственность.

Одновременно этотъ вопросъ заинтересовалъ Международную конфедерацию интеллигентныхъ работниковъ, составившую свой проектъ закона и перенесшую обсужденіе проблемы въ Лигу Націй. Третій проектъ закона появился по ту сторону океана. Онъ принадлежалъ перу чикагскаго профессора Wigmore'a.

Въ нѣдрахъ Лиги Націй вопросомъ научной собственности занималась комиссія по интеллектуальной коопераціи. Этой комиссіи итальянскій сенаторъ, проф. Туринскаго Университета Руффини представилъ детально разработанный проектъ, мотивація котораго остается до сихъ поръ самымъ обстоятельнымъ изложеніемъ рассматриваемаго вопроса.

Всѣ указанные проекты стоятъ на точкѣ зрѣнія права ученаго, сдѣлавшаго открытіе или изобрѣтеніе, на матеріальное вознагражденіе, если результаты его труда использованы для цѣлей техники и, слѣдовательно, получили примѣненіе въ промышленности. Разница между проектомъ проф. Руффини и его предшественниковъ лишь въ томъ, что они

пытались построить проект національного закона, тогда как Руффини выработал текст „Международной Конвенции по установлению Союза для защиты правъ авторовъ на ихъ „научныя открытія или изобрѣтенія“. Руффини находитъ, что вопросъ о научной собственности долженъ быть урегулированъ сразу же въ международномъ масштабѣ; иначе промышленность государствъ, пріярившихъ научную собственность, окажется въ худшемъ положеніи, нежели остальныхъ, ибо будетъ имѣть расходы, лежащія на производство, которыхъ другія страны не знаютъ.

Но въ противовѣсъ всѣмъ этимъ законопроектамъ въ томъ же 1923 году обнаружилось еще и другое теченіе мыслей по вопросу о научной собственности. Членъ комиссіи по интеллектуальной коопераціи Torres-Quevedo и вице директоръ международного бюро по защитѣ промышленной собственности Gagiel пришли къ заключенію, что право ученаго на вознагражденіе не поддается построению, но потребность вознагражденія ученыхъ должна быть удовлетворена другимъ способомъ. Должны быть собраны фонды путемъ обложенія промышленности, которые будутъ предназначены на распредѣленіе денежныхъ наградъ между учеными, чьи открытія или изобрѣтенія послужили на пользу техники, а черезъ нее промышленности. Въ законопроектахъ шла рѣчь объ индивидуальномъ правѣ ученаго, здѣсь говорится о социальномъ способѣ вознагражденія всей совокупности ученыхъ, заслуживающихъ награды за свой трудъ.

Интересно отмѣтить, что эти два разныхъ теченія по вопросу о научной собственности привели къ двумъ конкретнымъ законодательнымъ проектамъ. Въ декабрѣ 1925 г. депутатъ Galeazzi внесъ въ итальянскій парламентъ предложеніе распространить нынѣшніе законы объ интеллектуальной собственности на всѣ умственные произведенія (*oeuvres de l'esprit*), включая сюда научныя открытія и изобрѣтенія. Парламентская комиссія въ засѣданіи 16 августа 1926 г. высказалась отрицательно по содержанію проекта Galeazzi, примкнувъ къ взглядамъ Бернскаго Бюро по этому вопросу.

Въ слѣдующемъ 1927 году депутатъ Herriot внесъ во французскую палату проектъ объ учрежденіи національнаго фонда наукъ, литературы и искусства (*Caisse nationale des sciences, lettres et arts*), предлагая собрать нужныя для этого средства путемъ обложенія извѣстнымъ сборомъ воспроизведеніе тѣхъ литературныхъ и художественныхъ произведеній, на которыя, за истеченіемъ срока, прекратились авторскіе права.

Проектъ Руффини былъ сообщенъ секретариатомъ Лиги Націй на заключеніе отдѣльныхъ правительствъ, послѣ чего получилъ въ 1923 г. принципиальное одобреніе Совѣта и Общаго Собранія Лиги Націй. Но для ближайшаго изученія этого

вопроса рѣшено было подвергнуть его вторичному разсмотрѣнію въ заинтересованной и компетентной средѣ представителей отъ разныхъ государствъ. Эта миссія была возложена на созданный въ 1925 году Международный Институтъ Интеллектуальной Кооперации.

Въ декабрѣ 1927 года въ Парижѣ при Институтѣ были созваны юристы для редактированія проекта конвенціи, который былъ внесенъ 1 сентября 1928 г. въ Совѣтъ Лиги, гдѣ и получилъ одобреніе. Въ 1929 году подъ предсѣдательствомъ сен. Руффини была созвана комиссія страховыхъ техниковъ для выработки новаго типа страхованія промышленности отъ претензій ученыхъ.

Проектъ Руффини былъ рассмотренъ въ итальянскомъ обществѣ прогресса научныхъ знаній (*Societa italiana per il progresso della scienze*) на 13 собраніи въ Неаполѣ. Кромѣ самого автора, за проектъ высказался проф. Stolfi, остальные участники собранія были противъ. Чисто юридическое общество въ Парижѣ *Société des études législatives*, послѣ обмена мнѣніями, пришло къ очень осторожному заключенію *qu'il ne faut pas combattre une idée, qu'on ne peut remplacer* — не слѣдуетъ опровергать то, что не можетъ быть замѣнено. Такимъ образомъ, проектъ Руффини — это то, что французы называютъ *faute de mieux* — за неимѣніемъ лучшаго.

Очень авторитетная и дѣятельная международная организація по прикладной химіи (*Union international de la chimie appliquée*) часто въ своихъ работахъ возвращалась къ вопросу о научной собственности (собранія Союза въ Кембриджѣ въ 1923 г., въ Копенгагенѣ въ 1924 г., въ Вашингтонѣ въ 1926 г.), неизмѣнно высказываясь въ пользу установленія и разработки индивидуальнаго права ученаго на вознагражденіе. Въ своемъ собраніи въ Вашингтонѣ этотъ Союзъ проектировалъ установить особый двухлѣтній срокъ со времени опубликованія открытія или изобрѣтенія, въ теченіи котораго ученый можетъ, несмотря на опубликованіе, просить о патентѣ.

Международная конвенція по защитѣ промышленной собственности (патентное право, фабричные образцы, модели и рисунки, товарные знаки, борьба съ недобросовѣстною конкуренціей) установленная въ 1884 году въ Парижѣ, иногда пересматривается въ конференціи представителей государствъ, примкнувшихъ къ этой конвенціи. Послѣ войны такой пересмотръ имѣлъ мѣсто лишь одинъ разъ — въ Гаагѣ въ 1925 году.

На этомъ собраніи вопросъ о научной собственности не былъ пройденъ молчаніемъ, но конференція не нашла его еще достаточно зрѣлымъ, а особенно въ виду того, что къ 1925 году Лига Націй не закончила своихъ работъ по озна-

ченному вопросу. Поэтому, по предложению Нидерландскаго Правительства, рассмотрение вопроса о научной собственности было снято съ очереди.

Вопросы промышленной собственности разрабатываются не только на конференціяхъ представителей государствъ, участниковъ конвенціи, но также и общественною международною организациею, носящей название Association internationale pour la protection de la propriété industrielle.

На женевскомъ конгрессѣ 1927 года упомянутой общественной организациею А. Taillefer сдѣлалъ сообщение по вопросу о научной собственности, предлагая въ резолютивной части своего доклада предоставить ученымъ право въ двухлѣтній срокъ по опубликованіи ихъ открытій или изобрѣтеній дѣлать о томъ заявку бернскому бюро. Эта заявка даетъ право требовать отъ лица, примѣняющаго практически научное открытіе или изобрѣтеніе, вознагражденія въ пользу ученаго. Размѣръ вознагражденія опредѣляется по добровольному соглашенію сторонъ, а при отсутствіи такового — судомъ. Ассоціация высказалась въ томъ смыслѣ, что принципъ права научной собственности отвѣчаетъ современному чувству справедливости и что національныя группы, составляющія ассоціацию, должны заняться подготовкою и разработкою вопроса для вторичнаго его обсужденія на римскомъ конгрессѣ въ 1928 году.

Однако на этомъ конгрессѣ въ Римѣ вопросъ о научной собственности встрѣтилъ такое отрицательное къ себѣ отношеніе, поскольку дѣло идетъ объ индивидуальномъ правѣ ученаго на вознагражденіе, что англійская группа предлагала даже вынести резолюцію о томъ, что въ теченіи ближайшихъ трехъ лѣтъ (1928—1931) этотъ вопросъ вообще не будетъ ставиться на программу предметовъ обсужденія международныхъ собраній Ассоціации. Это предложеніе не было принято и на конгрессѣ въ Будапештѣ въ 1930 году вновь состоялся обменъ мнѣніями по этому вопросу, но отрицательное отношеніе къ нему не перемѣнилось.

Въ Америкѣ стремились достичь разрѣшенія вопроса иными способами. Въ 1928 году Northwestern University объявилъ конкурсъ сочиненій на тему о научной собственности съ преміей въ 1000 долларовъ за лучшую работу.

Лауреатомъ Northwestern University оказался С. J. Hannson, работа котораго „Rights for scientific discoveries“ въ настоящее время напечатана. Hannson примыкаетъ къ идеямъ, выдвинутымъ бернскимъ бюро.

II.

Понятіе научнаго открытія и изобрѣтенія. Попытки теоретическаго обоснованія права на нихъ. Отрицатели такого права. Сторонники социальнаго-правового взгляда на научную собственность. Построеніе индивидуальнаго права ученаго и критика этого построенія.

Ученымъ предполагаютъ предоставить право на научныя изобрѣтенія и открытія. Отсюда естественно рождаются два вопроса: что есть научное открытіе и изобрѣтеніе и какова юридическая природа права на этого рода объекты.

Исходною точкою должно служить детально разработанное понятіе патентоспособнаго, т. е. промышленнаго изобрѣтенія.

Изобрѣтеніе и открытіе суть два похожіе, но по существу различные акты познанія чего то доселѣ неизвѣстнаго. Изобрѣтеніе есть твореніе, открытіе есть констатированіе существующаго. Въ изобрѣтеніи творческая сознательная человѣческая идея показываетъ, что извѣстныя силы и средства приводятъ къ доселѣ неизвѣстному результату. Изобрѣтеніе есть всегда цѣлевое произведеніе, которое имѣетъ въ виду удовлетвореніе человѣческихъ потребностей силами, лежащими внѣ человѣка. Поэтому, понятію изобрѣтенія имманентно то, что называется техническимъ эффектомъ, который вызывается использованием или комбинаціей силъ природы. Открытіе есть расширеніе границъ нашего познанія объ окружающей насъ природѣ — установленіе т. н. законовъ природы, ея силъ, тѣлъ, ихъ свойствъ.

При всемъ рѣзкомъ и принципиальномъ различіи между открытіемъ и изобрѣтеніемъ первое можетъ перейти во второе поскольку человѣческая дѣятельность направлена чтобы обработать то, что открыто, и въ силу этой человѣческой работы выявляется законъ природы, который до работы и безъ нея не могъ обнаружить своего дѣйствія. Поэтому ученые могутъ быть авторами и открытій и изобрѣтеній¹⁾.

Патентоспособными являются не всѣ, а лишь кѣкто-

¹⁾ Это, съ одной стороны, различіе между открытіемъ и изобрѣтеніемъ, а съ другой — возможная между ними связь хорошо изображены въ одномъ рѣшеніи Имперскаго Германскаго Суда, приведенномъ въ комментарий Стефана на патентный законъ: *Erfindung ist die erstrebte oder auch nur zufällige Feststellung einer durch Benützung der Naturkräfte hervorgebrachten, eigenartigen Wirkung auf technischen Gebiete, während Entdeckung — die Auffindung einer neuen Eigenschaft an einem vorhandenen Körper oder eines neuen Körpers überhaupt ist; diese erlangt erst die Bedeutung einer Erfindung sobald menschliche Tätigkeit angewendet wird um vorhandene Körper zu bearbeiten und infolge dieser menschlichen Arbeit ein Naturgesetz in die Erscheinung tritt, welches vor der Arbeit und ohne dieselbe sich nicht betätigte.* Prof. S t e p h a n, Patentgesetz, S. 3.

рыя категоріі изобрѣтеній и совершенно отсюда исключены всѣ открытія. Патентоспособны лишь изобрѣтенія, отвѣчающія двумъ положительнымъ признакамъ — новизнѣ и промышленной примѣнимости. Установленіе и перваго и втораго изъ этихъ признаковъ разработано патентною практикою въ мельчайшихъ деталяхъ и съ величайшею казуистичностью. Не углубляясь въ эту догматику, слѣдуетъ лишь отмѣтить, что новизна означаетъ какой то шагъ впередъ надъ существующимъ въ данный моментъ уровнемъ техническихъ знаній, доступныхъ обыкновенному среднему технику.

Исходя изъ этого, закономъ установленнаго, правомъ защищаемаго понятія патентоспособнаго изобрѣтенія, слѣдуетъ пытаться опредѣлить по признакамъ сходства и несходства то, что хотятъ разумѣть подъ терминомъ „научнаго изобрѣтенія или открытія.“.

Прежде всего это — актъ творческой и изслѣдовательской мысли, превосходящей предѣлы дѣятельности и достиженія обычнаго *Fachgelehrter*'а. Если эта дѣятельность заключается въ научной демонстраціи результата или процесса ранѣе уже извѣстнаго — она не можетъ быть отнесена къ сферѣ научнаго изобрѣтательства или открывательства — таково совершенно правильное ограниченіе, вносимое чикагскимъ проф. Wigmore и принятое экспертами въ 1927 году¹⁾.

И открытіе и изобрѣтеніе въ области науки одинаково требуютъ индивидуальной творческой мысли: въ изобрѣтеніи — это указаніе способовъ, достигающихъ какого то дѣйствія или эффекта, въ открытіи — это построеніе, основанной на знаніи, научной гипотезы, затѣмъ подтвержденной эмпирическимъ путемъ или же посредствомъ наблюденія. Творчество въ изобрѣтеніи можетъ касаться и самого способа и его дѣйствія, а иногда ни того, ни другого, а лишь новаго соотношенія между ними.

Какъ дѣйствіе, достигнутое при изобрѣтеніи, такъ и то, что стало извѣстно благодаря открытію, могутъ одинаково и относиться и лежать внѣ той сферы, которая заключаетъ въ себѣ технической эффектъ и промышленное примѣненіе или использование. По опредѣленію Prof. A. Osterrieth („Lehrbuch des gew. Rechtsschutzes“ 1908 S. 62), техника есть примѣненіе человѣческой мысли къ практическимъ цѣлямъ удовлетворенія человѣческихъ потребностей — *Technik ist angewandtes Denken*. Другими словами, въ нѣкоторыхъ случаяхъ научное изобрѣтеніе можетъ само по себѣ оказаться патентоспособ-

¹⁾ Редакція экспертовъ слѣдующая:

„Les découvertes, ayant pour conséquence des moyens nouveaux de production ou une mise en oeuvre nouvelle des moyens déjà connus. Sont exclues du bénéfice du dit article les démonstrations, explications ou commentaires de découvertes antérieures“.

нымъ, но въ безконечно болѣе многочисленныхъ случаяхъ оно далеко заходитъ за его предѣлы.

Въ литературѣ дѣлались попытки опредѣлить объектъ будущаго права — научныя изобрѣтенія и открытія — но особою ясностью и опредѣленностью эти попытки не отличаются.

Болѣе другихъ въ этомъ отношеніи потрудился Dr. Erman, который въ своей обстоятельной работѣ 1929 года „Wissenschaftliche Eigentum“ строить теорію *ideelle Erfindungen*, которымъ не хватаетъ лишь одного элемента — технического дѣйствія, имѣющаго промышленное примѣненіе — чтобы стать настоящими, патентоспособными изобрѣтеніями, правовое положеніе которыхъ давно уже ясно и совершенно опредѣленно установлено. Другой авторъ, Robin, „L'oeuvre scientifique, sa protection juridique est elle pratiquement réalisable?“ даетъ опредѣленіе научнаго изобрѣтенія и открытія, могущаго обосновать право ученаго, слѣдующимъ образомъ — „всякое указаніе явленій, тѣлъ, фактовъ, свойствъ живыхъ существъ и природы, принциповъ или законовъ физическихъ, химическихъ или біологическихъ, всякія идеи новыхъ системъ, методовъ и средствъ полученія или составленія новыхъ дѣйствій безъ условія указанія ихъ промышленной примѣнимости (*résultat industriel*)“. Проектъ Руффини въ своей концепціи еще шире, нежели Robin, считая, что объектомъ права являются и открытія и изобрѣтенія, понимая подъ первыми „демонстрацію до того неизвѣстныхъ принциповъ, тѣлъ, силъ, свойствъ органической и неорганической матеріи“, а подъ вторыми „созданіе методовъ, аппаратовъ, продуктовъ, новыхъ сочетаній таковыхъ и всѣ новыя примѣненія открытій“.

Но при дальнѣйшей переработкѣ проекта Руффини экспертами, созванными въ Парижѣ въ 1927 году, опредѣленіе научнаго изобрѣтенія или открытія совершенно отпало и объединилось однимъ терминомъ научное открытіе (*découverte scientifique*). Уточненіе достигнуто указаніемъ на чисто внѣшній признакъ: открытіе, способное для использованія въ матеріальныхъ интересахъ (*susceptible d'une utilisation matérielle*).

Всякое научное открытіе становится извѣстнымъ третьимъ лицамъ черезъ опубликованіе. Ученый, сдѣлавшій это открытіе, можетъ имѣть какія то притязанія принадлежности ему этого открытія, во первыхъ, какъ авторъ опубликованія а, во вторыхъ, какъ творецъ всего того умственнаго акта, который привелъ къ данному открытію. Авторское право есть право на выраженіе своихъ мыслей, и предметомъ защиты является именно избранная авторомъ форма выраженій. Автору потому предоставляется монополія на форму, что че-

ловѣческая фантазія неисчерпаема и во всякомъ выраженіи мыслей заключается всегда индивидуальный, защищаемый правомъ, характеръ. Содержаніе той формы, которую защищаетъ авторское право, отступаетъ совершенно на задній планъ. Ни оригинальности, ни новизны, ни индивидуальности мысли не требуется. Авторское право содержанія не касается — оно просто проходитъ мимо него. Эту основную черту авторскаго права очень выпукло ообразаетъ Damme въ своей книгѣ „Der Schutz technischer Erfindungen als Erscheinungsform moderner Volkswirtschaft“¹⁾.

Имѣетъ ли право ученый притязать на исключительную ему принадлежность идеи, воплощенной въ его открытіи или изобрѣтеніи, либо на самое свое открытіе или изобрѣтеніе?

Столь далеко индивидуальныя притязанія идти не могутъ. Весь умственный прогрессъ человѣчества заключается въ томъ, что каждая новая идея не остается лежать подъ спудомъ, а поступаетъ въ общее пользованіе, обогащаетъ совмѣстную сокровищницу человѣческаго знанія всѣхъ временъ и народовъ. Это необходимо для всего человѣчества, но это одновременно справедливо и въ отношеніи каждаго, приносящаго свою умственную лепту. Человѣческая мысль работаетъ на преемственности и въ самомъ индивидуальномъ, смѣломъ и творческомъ полетѣ генія есть всегда основаніе изъ чужой, предшествующей умственной работы, безъ котораго такой полетъ не могъ бы вообще состояться. Настоящее есть всегда слѣдствіе прошлаго и чревато будущимъ. Эту связанность всякаго творца новой идеи съ его предшественниками прекрасно выразили въ стихахъ и въ прозѣ два великихъ нѣмецкихъ мыслителя — Гете и Шопенгауеръ²⁾ и въ болѣе грубой формѣ нынѣшніе французскіе изслѣдователи вопроса о научной собственности Гариель и Неттръ. Если не данный ученый сдѣлалъ открытіе, его неизбежно сдѣлалъ бы другой — таковъ ужъ неотвратимый ходъ науки

¹⁾ „Wennauch die geschichtlichen Daten für das Buch eines Historikers, die Motive für ein Märchen, die Fabel für eine Tragödie, die Legende für ein frommes Bild, das göttliche Urbild für eine Statue längst Gemeingut der Welt geworden sein mögen, die Form der Darstellung muss wenn auch noch so verwandt doch stets individuell ausfallen, wenn sie nicht absichtlich kopiert ist.“ op. cit. Berlin, 1910, Seite 26.

²⁾ Гёте въ Фаустѣ восклицаетъ:

Wer kann was Dummes, wer was Kluges denken,
Das nicht die Vorwelt schon gedacht,

а Шопенгауеръ рисуетъ такую картину:

Von jeder grossen Wahrheit giebt sich, ehe sie gefunden, ein Vorgefühl, kund eine Ahnung, ein undeutliches Bild, wie ein Nebel, und ein vergebliches Haschen sie zu ergreifen, weil eben die Fortschritte der Zeit sie vorbereitet haben. Demgemäss präluieren deren vereinzelte Aussprüche.

— говоритъ Гариель — и потому открытій ученымъ принципъ не есть его твореніе, а существовалъ до и помимо него и ему не принадлежит¹⁾. На chose d'ésprit, добавляетъ Nette²⁾, право собственности никоимъ образомъ обосновано быть не можетъ.

Право на творческую идею существуетъ въ видѣ патентнаго права, но оно до чрезвычайности ограничено очень опредѣленными рамками. Совершенно, конечно, безспорно, что патентное право защищаетъ идею изобрѣтенія, а не воплощеніе этой идеи. Но такая изобрѣтательская идея есть всегда непосредственный источникъ созданія чего то новаго, могущаго быть коммерчески эксплоатированнымъ. Монопольное положеніе патентодержателя ограничено краткимъ срокомъ и обезпеченіемъ за нимъ извѣстнаго преимущественнаго дохода, но использование изобрѣтенія остается въ сущности относительно свободнымъ, несмотря на дѣйствіе патента (принципъ принудительныхъ лиценцій). Наконецъ, не слѣдуетъ забывать, что въ историческихъ своихъ корняхъ патентное право преслѣдовало вовсе не охрану матеріальныхъ интересовъ изобрѣтателя, но задержаніе изобрѣтеній для отечественной промышленности и невыпускъ ихъ за границу.

Патентная защита есть конечный предѣлъ, къ которому стремится рождающееся нынѣ право на научную собственность³⁾. Защита этой послѣдней представляется даже самымъ яримъ сторонникамъ означеннаго института окрашенной въ значительно болѣе блѣдные тона по сравненію съ защитой,

¹⁾ Propriété industrielle, 1930, Page, 169.

„Le principe, qu'il a découvert, n'est pas sa création personnelle, ne lui appartient pas en propre“.

²⁾ Nette. Le problème de la propriété scientifique, Nancy 1925, p. 91: „Les recherches de paternité scientifique seront difficiles, sinon impossibles, car la science est collective“.

³⁾ Новый совѣтскій законъ о патентахъ на изобрѣтенія отъ 9 апрѣля 1931 года, который вводитъ „удостовереніе объ авторствѣ“, различая при этомъ между изобрѣтеніемъ новымъ и изобрѣтеніемъ полезнымъ, даетъ поводъ къ совершенно ошибочнымъ представленіямъ о томъ, что проблема научной собственности рѣшена совѣтскимъ правомъ. Сближеніе того и другого, но весьма относительное и отдаленное можетъ быть сдѣлано по критерию „полезности“, но по существу идея научной собственности радикально расходится съ принципами, положенными въ основаніе упомянутаго совѣтскаго закона 1931 г.

Научная собственность есть попытка расширения и углубленія матеріальныхъ (денежныхъ) претензій лицъ, сопричастныхъ къ процессу технического творчества, тогда какъ совѣтскій законъ 1931 г. направленъ на ограниченіе матеріальнаго вознагражденія даже непосредственныхъ изобрѣтателей: таковой можетъ быть признанъ „авторомъ изобрѣтенія“, если оно ново, но матеріальное использование изобрѣтенія, допускаемое въ видѣ денежной награды, достается лишь тому изъ техническихъ изобрѣтателей, чье изобрѣтеніе въ порядкѣ административнаго разсмотрѣнія и усмотрѣнія признано полезнымъ, при чемъ для такой квалификации изобрѣтенія его новизна даже не обязательна.

которую даетъ патентное право. Если эту меньшую интенсивность защиты хотятъ снабдить болѣе длинными сроками, заимствованными изъ авторскаго права, то это не болѣе, какъ позолота горькой пилюли.

Итакъ право научной собственности захватываетъ лишь сферу денежнаго вознагражденія ученаго, если его вкладъ въ науку способенъ къ, такъ сказать, коммерціализаціи.

Какимъ образомъ наступаютъ подобныя послѣдствія?

Тутъ возможны двѣ категоріи случаевъ. Во первыхъ, когда открытіе ученаго отвѣчаетъ всѣмъ признакамъ патентоспособности изобрѣтенія, во вторыхъ, когда оно является матеріаломъ для новаго техническаго изобрѣтенія, независимо отъ того, способно ли это послѣднее къ патентированію или же нѣтъ, и фактически патентовано ли оно, или же не патентовано.

Тѣтъ, кто будучи промышленникомъ, пользуется вкладомъ ученаго въ своемъ производствѣ (*usager, applicateur*), становится въ правовое отношеніе къ ученому: праву ученаго на вознагражденіе соотвѣтствуетъ обязанность промышленника на уплату такового.

Всякое новое наростаніе на правовой системѣ должно составить органическое ея развитіе. Указать эту связь между новообразованіемъ и принципами, проникающими черезъ всю систему права, значитъ, раскрыть его юридическую природу.

Значеніе этого анализа юридической природы новыхъ правоотношеній расцѣпывается разными изслѣдователями вопроса неодинаково.

Очень опредѣленную позицію занимаетъ въ этомъ отношеніи Бернское бюро по защитѣ промышленной собственности; по его мнѣнію, если подъ новымъ правоотношеніемъ нельзя подвести фундамента изъ принциповъ дѣйствующей правовой системы, то и нѣтъ никакого новаго правового института, а есть лишь какая то видимость права¹⁾. Съ легкой руки Руффини²⁾, находившаго, что трудно строить новый институтъ на зыбучихъ пескахъ теоріи, эксперты парижскихъ совѣщаній отнесли очень легко къ вопросу о правовой природѣ разсматриваемаго института. Хотя глава вторая объяснительной записки озаглавлена „*de la nature du droit*“ по существу она ни на какую юридическую природу научной собственности не указываетъ. Вмѣсто этого, эксперты ссылаются на Руффини, что научная собственность есть „промежуточная зона между правомъ авторскимъ и правомъ па-

1) *Propriété Industrielle* 1930, Article IV, sur la propriété scientifique... Nous avons la naïveté de le croire: un droit, qui n'est pas fondé sur une justification théorique, n'est qu'une apparence de droit.

2) On ne saurait rien bâtir sur les sables mouvantes de la théorie.

тентнымъ“. Но, указавъ, такъ сказать, мѣсто, занимаемое научною собственностью въ системѣ современнаго права, эксперты совершенно не обосновываютъ органическаго прикрѣпленія новаго института къ этой самой системѣ.

Въ литературѣ дѣлались попытки раскрыть юридическую природу научной собственности. Vigneron въ своей докторской темѣ высказываетъ, что открытіе является расширеніемъ рамокъ нашего знанія и познаванія, а потому сдѣлавшій открытіе является какъ бы первымъ завладѣвшимъ новымъ знаніемъ или достиженіемъ. Онъ его собственникъ по правилу „res nullius cedit primo occupanti“. Тотъ, кто используетъ данное открытіе въ цѣляхъ его пракческаго примѣненія, вступаетъ съ открывателемъ въ правоотношенія, именуемая *specificatio*. Ученый даетъ матеріаль, техникъ его обрабатываетъ. Такимъ образомъ, приходится вернуться къ первымъ вѣкамъ христіанства и вспомнить знаменитый споръ двухъ юридическихъ школъ: прокулянцевъ и сабиньянцевъ — кому принадлежитъ серебряная ваза, тому ли кто ее сдѣлалъ, или же тому, изъ чьего серебра она сдѣлана.

Упомянутый выше Robin колеблется между двумя дорогами — съ одной стороны научная собственность даетъ основаніе иска ученаго къ пользователю по началамъ неправомѣрнаго обогащенія. Но такъ какъ въ случаяхъ, когда использование не приноситъ выгодъ, подобное основаніе претензій ученаго отпадаетъ, то Robin пробуетъ сблизить изслѣдуемая имъ правоотношенія съ договоромъ найма и усматриваетъ квази контрактъ между ученымъ и примѣнителемъ. Вознагражденіе ученаго это „une sorte de loyer, dû pour la jouissance de l'idée scientifique, mise par son auteur à la disposition des tiers“.

Достаточно этихъ примѣровъ, чтобы показать, что попытки теоретическаго обоснованія научной собственности не удались, и проблема эта осталась неразрѣшенной.

Это положеніе какъ бы открываетъ видъ на перепутіе, образованное скрещеніемъ разныхъ направленій мысли по указанному вопросу.

Такихъ главныхъ направленій — три. Первое — совершенно отрицающее какія бы то ни было претензіи ученыхъ на вознагражденіе за ихъ открытіе и творческую работу. Второе, которое, считаясь съ невозможностью теоретическаго обоснованія индивидуальнаго права ученаго, культивируетъ идею соціальнаго вознагражденія всей корпораціи ученыхъ съ дальнѣйшимъ уже подраздѣленіемъ такового между отдѣльными лицами. Третье, которое, отважно перешагнувъ черезъ „зыбучіе пески теоріи“, все-таки строитъ индивидуальное право ученаго и даже въ международномъ масштабѣ, стараясь пополнить имъ число уже существую-

щихъ институтовъ *Weltrecht*'а (чекъ, вексель, промышленная собственность, авторское право и др.).

Отрицательное направленіе въ отношеніи научной собственности исходитъ изъ двухъ основаній. Во первыхъ, изъ того соображенія, что открытіе ученаго не есть объектъ правовой защиты, а, во вторыхъ, что научныя работы, какъ таковыя, вовсе не обосновываютъ денежнаго за нихъ вознагражденія.

Противъ научной собственности высказались такіе авторитеты торговаго права какъ *Cesare Viranto* и *Lyon Caen* и міровой знатокъ вопросовъ интеллектуальной собственности проф. *A. Osterrieth*¹⁾, причемъ ихъ мнѣнія подпираются цитатами изъ трудовъ Колера, хотя и умершаго ранѣе возникновенія мысли о научной собственности, но высказывавшагося чрезвычайно опредѣленно противъ правовой защиты открытій, къ которымъ въ сущности сводится научная собственность.

Эти авторитеты базируются на томъ положеніи, что объектомъ правовой защиты является не человѣческая мысль, а лишь ея примѣненія. Объектомъ авторскаго права является *quid creatum est*, патентнаго *quid inventum est*, а при открытіи отсутствуетъ и то и другое. Особенно рельефно эта точка зрѣнія развита въ отвѣтной нотѣ англійскаго правительства на проектъ Руффини.

„Современное законодательство, утверждаютъ англійскіе юристы, защищаетъ не абстрактныя²⁾ идеи, но то примѣненіе, которое имъ даютъ. Право не защищаетъ ни новыя литературныя концепціи, ни новыя идеи въ живописи, а беретъ подъ свою охрану конкретное выраженіе мыслей писателя или изобразителя художественной идеи. Новаторы въ литературѣ и искусствѣ получаютъ такую же точно защиту своихъ произведеній, что писатели и художники, употребившіе при созданіи своихъ работъ обычные, избитые, шаблонные и рутинные приемы и методы. Дать ученому какое то право на примѣненіе его мысли, сдѣланное другимъ, значитъ, итти далѣе современнаго авторскаго и патентнаго права. Такая разница между литературною, художественною и научною собственностью никакъ оправдана быть не можетъ“.

Такимъ образомъ, это крыло отрицательнаго направленія считаетъ, что ученый потому не можетъ претендовать на матеріальное вознагражденіе за свои открытія и другія научныя работы творческаго характера, что самое право от-

¹⁾ *Gewerbl. Rechtsschutz und Urheberrecht* 1923, Seite 49.

²⁾ *Société des Nations*, A. 29. 1924, XII. *Propriété scientifique* P. 5, „les droits... se rapportent non aux idées abstraites, mais à l'usage qu'on en fait“.

сутствуетъ. Другое крыло того же направленія исходитъ не изъ правовыхъ, а житейскихъ основаній, а именно, что матеріальная выгода несовмѣстима съ чистымъ и высокимъ служеніемъ наукѣ, а, такъ сказать, поштучное вознагражденіе ученыхъ излишне при условіи, что вся ихъ работа цѣликомъ, совершенно независимо отъ ея результатовъ и достиженій, уже оплачена въ той или другой формѣ государствомъ или обществомъ.

Въ отношеніи ученаго надо примѣнять, говорятъ представители этого мнѣнія евангельскія слова (отъ Марка XII ст. 17) „воздайте кесарево кесарю и Божье Богу“. Ученый ищетъ чистой, абсолютной истины и ея достиженіе доставляетъ ему то высшее человѣческое блаженство, съ которымъ не сравнятся никакія иныя блага земныя. Такъ, знаменитый физикъ Махъ говоритъ, что раскрытіе новыхъ научныхъ перспективъ даетъ абсолютное удовлетвореніе духу ученаго, *Genussucht... kein kommt dem gleich, der gefunden wird in schöpferischen Tätigkeit ihres Berufes*. Но, кромѣ этой внутренней стороны, ученый пользуется еще извѣстностью среди своихъ современниковъ и славою въ потомствѣ. Это тоже огромная духовная цѣнность, значеніе которой такъ хорошо изображено у Шиллера:

Von den Lebens Gütern allen
Ist der Ruhm das höchste doch,
Ist der Leib in Staub zerfallen
Lebt der grosse Name noch.

При анкетѣ, произведенной Лигою Націй по проекту Руффини, были опрошены многіе ученые разныхъ странъ и большинство ихъ отнеслось отрицательно къ вопросу объ установленіи права на матеріальное вознагражденіе за научныя открытія и работы.

Характерный случай изъ жизни создателя препаратовъ 606 и 914 Эрлиха сообщаетъ извѣстный нѣмецкій юристъ Д-ръ Александръ Катцъ. Найдя при помощи своихъ лабораторныхъ работъ новое красящее вещество для окраски бактерій, Эрлихъ просилъ одну изъ химическихъ фабрикъ проверить его лабораторный опытъ фабричными методами. Просьба великаго ученаго была исполнена, но вскорѣ онъ узналъ, что та же фабрика выбрала патентъ на этотъ способъ производства даннаго красящаго вещества. Въ первую минуту Эрлихъ хотѣлъ возбудить дѣло или объ аннулированіи патента или о признаніи за нимъ совмѣстнаго права на выданный патентъ, и сталъ консультировать по юридической сторонѣ дѣла Д-ра Александра-Катца. Но, обсудивъ затѣмъ хладнокровно весь случай, онъ отказался отъ своего первоначальнаго намѣренія по тѣмъ соображеніямъ, что онъ въ

своей работѣ преслѣдовалъ чисто научныя, а не промышленныя цѣли, но если попутно нѣмецкая промышленность смогла извлечь какую-то для себя выгоду изъ этой работы, то этотъ фактъ для него самъ по себѣ гораздо цѣннѣе, нежели денежное вознагражденіе, которое онъ могъ бы при этомъ получить.

Для тѣхъ, кто преисполненъ духомъ Эрлиха, право на матеріальное вознагражденіе безразлично, для болѣе же слабыхъ — это лишній соблазнъ, могущій лишь ихъ уклонить съ истиннаго пути. Отдаленный звонъ золота не долженъ мѣшать ученымъ, вмѣсто научныхъ цѣлей, имѣть въ виду интересы промышленности. Ничто не должно имъ стоять на пути, указанномъ поэтомъ: „Дорогою свободою иди, куда влечетъ тебя свободный умъ“. Отъ опасности индустриализаціи чистой науки съ большою экспрессіей предостерегалъ англійскій делегатъ Colegate на будапештскомъ конгрессѣ по защитѣ промышленной собственности въ 1930 году. Вотъ его слова: „*Va-t-on demander à des savants tels que Einstein, M-me Curie etc. de se retourner vers les industriels pour chaque découverte, qu'ils pourront faire et ne plus considérer ces découvertes que du point de vue de leur application immédiate à l'industrie? Ceci est absolument contraire à l'esprit du savant, que l'on doit laisser à la paix de son travail. Si on agit autrement, on fera fausse route*“¹⁾.

Съ неменьшимъ подъемомъ и даже паѳосомъ говорить и бернское бюро о различіи идеологии, стремленій и цѣлей ученаго съ одной стороны и промышленника съ другой:

„Великимъ дѣловымъ людямъ, осуществляющимъ примѣненіе принциповъ, построившимъ заводы, нашедшимъ рынки сбыта; которые ежедневно выдерживаютъ жестокіе бои промышленности, дѣятельность коихъ можетъ развиваться лишь при помощи все увеличивающейся силы капитала, которые проводятъ жизнь въ лихорадочномъ трудѣ, несутъ тяжелую отвѣтственность и поглощены огромными заботами — имъ, этимъ вождямъ промышленности, приличествуютъ великіе доходы, изысканный комфортъ, ослѣпляющій блескъ роскоши, несмѣтныя богатства, при помощи коихъ они неустанно будутъ вводить въ дѣйствіе новыя продуктивныя силы. Истиннымъ ученымъ нужно довольствіе, обеспечивающее достойную, почетную и свободную жизнь, которая имъ позволитъ продолжать въ покоѣ, безъ заботъ о кускѣ хлѣба, ихъ изысканія, ихъ преподаваніе, ихъ оригинальныя работы, расширять, углублять и обновлять таковыя, содержать биб-

¹⁾ Annuaire de l'Association Internationale pour la protection de la propriété industrielle 1930, page 34.

ліотеки и лабораторіи, производить опыты, предпринимать научныя экспедиціи, давать себѣ частый отдыхъ и внести въ свою жизнь то дуновеніе искусства, которое подымаетъ и облагораживаетъ душу“.

Научныя работы производятся обыкновенно въ лабораторіяхъ и учрежденіяхъ, содержимыхъ государствомъ или какими-либо общественными корпораціями. Ученые въ огромномъ большинствѣ случаевъ оплачены какъ профессора, лаборанты или другія должностныя лица этихъ учреждений. Такимъ образомъ, совокупность плательщиковъ налоговъ уже принесла извѣстныя жертвы, чтобы дать возможность ученымъ трудиться по своей спеціальности и двигать впередъ науку. Если не государство и общество, то часто крупная промышленность содержитъ опытыя лабораторіи и станціи и даетъ ученымъ матеріальную обстановку для ихъ работы. Открытія, дѣлаемыя ученымъ, возможны потому, что они сами оплачены, и на содержаніе научныхъ учреждений отпускаются средства, а сами открытія есть результатъ повседневной и обычной, оплаченной жалованіемъ, работы ученаго. Особое вознагражденіе при этихъ условіяхъ не имѣетъ подъ собою никакой почвы. Эту точку зрѣнія при всѣхъ обсужденіяхъ вопроса о научной собственности неизмѣнно выдвигаютъ англо-американскіе делегаты¹⁾.

Невозможность теоретическаго обоснованія индивидуальнаго права ученаго на вознагражденіе со стороны примѣнителя его идеи или принципа приводитъ бернское бюро къ исканію другихъ путей къ разрѣшенію этой проблемы. Кромѣ того, причинная связь между работою ученаго и технически-коммерческимъ ея примѣненіемъ возбуждаетъ сомнѣніе бернскаго бюро еще и по экономическимъ основаніямъ. Извлеченіе выгоды и степень доходности какого-либо техническаго производства зависитъ и отъ удачности работы техническаго изобрѣтателя, примѣнившего идею ученаго, и отъ коммерческихъ способностей промышленника, поставившаго и развившаго данное производство. Поэтому заслуга ученаго въ конечномъ коммерческомъ результатѣ неопредѣленна, а тѣмъ поставлена подъ вопросъ экономическая обоснованность размѣра и степени его вознагражденія. Отсюда бернское бюро дѣлаетъ заключеніе, что вопросъ о научной собственности можетъ быть разрѣшенъ не на пути исканія индивидуальнаго права ученаго и такой же обязанности промышленника, а посредствомъ установленія извѣст-

¹⁾ Противъ этого воззрѣнія возражалъ Люблянскій Университетъ въ своемъ отзывѣ на проектъ Руффини, указывая, что вознагражденіе за открытіе не можетъ входить въ сумму жалованія, ибо и трудъ открывателя никакъ не укладывается въ рамки повседневной работы. „Гласник Управе за заштиту индустријске својине“, 1924. Децембар, стр. 487.

ныхъ правоотношеній между двумя соціальными группами— коллективомъ ученыхъ съ одной етороны и всею промышленностью съ другой. Всякій ученый работаетъ для всего общества и болѣе узко на пользу всей промышленности. Зато все общество, въ частности вся промышленность, должны отблагодарить всѣхъ ученыхъ, предоставивъ въ ихъ общую пользу какія-то суммы, „un don rémunérateur“.

Въ своемъ обоснованіи соціального права ученыхъ на вознагражденіе бюро любитъ ссылаться на аналогію съ страховыми кассами промышленниковъ по вознагражденію рабочихъ за причиненныя имъ увѣчья и потерю трудоспособности отъ несчастныхъ случаевъ при работѣ (accidents de travail).

Эта основная мысль разработана бюро, а равно авторами, раздѣляющими эту точку зрѣнія, до крайности подробно и съ многочисленными вариациями. Не входя въ эти детали, кои въ стадіи вопроса de lege ferenda не могутъ имѣть какого бы то ни было интереса, слѣдуетъ лишь отмѣтить основныя вѣхи этихъ проектовъ.

Въ основѣ означенныхъ предположеній лежитъ мысль объ обязательномъ обложеніи группы пользователей научныхъ идей и открытій. Тутъ можно себѣ представить двѣ группы — разношерстную массу изобрѣтателей, выбирающихъ патенты, и однородную группу промышленниковъ, представляющихъ опредѣленный классъ общества.

Возможно, конечно, обложеніе изобрѣтателей путемъ „centimes additionnels“ къ патентнымъ пошлинамъ. По отзыву бернскаго бюро такое рѣшеніе по первому впечатлѣнію „ne manquerait pas d'élégance“. Но противъ обложенія патентовъ „surtaxe“ въ пользу ученыхъ говорятъ существенныя соображенія: во-первыхъ, эти сборы очень невелики, во-вторыхъ, въ первые годы послѣ выдачи патента ихъ трудно платить, въ третьихъ, среди изобрѣтателей много неимущихъ людей¹⁾.

Поэтому налогоплательщиками должны быть всѣ промышленники. Основы обложенія относятся къ деталямъ и могутъ быть опущены. Полученныя суммы составляютъ фондъ для вознагражденія ученыхъ. Кому именно изъ ученыхъ давать награды, при какихъ условіяхъ, въ какихъ размѣрахъ, на какой срокъ — вопросы, подлежащіе разрѣшенію въ порядкѣ изданныхъ правилъ и въ государственномъ

¹⁾ Послѣднія официальные данныя по статистикѣ патентовъ относятся къ 1930 году. Было заявлено во всемъ мірѣ 358.986 изобрѣтеній, а выдано патентовъ 198.443. Уплата патентныхъ сборовъ въ главнѣйшихъ промышленныхъ государствахъ достигала слѣдующихъ суммъ: Германія — 13.471.044 RM. Франція — 32.618.741. Frs. Англія — 457.643 sterl. Соедин. Шт. 3.119.431 dol. Бельгія — 8.146.190 frs. Италія — 11.075.889 lires. Швейцарія—1.668.360 frs. Чехословакія—4.570 998 Kč. Голландія — 1.012.635 flor. Польша — 817.218 zloty. Японія — 572.347 yens. а Югославія — 953.835 дин.

и международномъ масштабѣ. Эти правила осуществляются и приводятся въ исполненіе особыми коллегіальными органами изъ представителей налогоплательщиковъ, т. е. промышленниковъ, получателей наградъ, т. е. ученыхъ и государства. Комиссіи [эти должны быть районными, объединяться въ центральной для всего государства, а находить свое завершеніе въ международной. Конечно, самая организациа этого распредѣлительнаго аппарата и его функционированіе возбуждаетъ много вопросовъ. Не менѣе обширное обсужденіе вызываетъ вопросъ о возможности или невозможности для достоинства ученыхъ принимать эти награды и поощренія за ихъ научныя открытія и труды.

Къ сторонникамъ, хотя и нѣсколько своеобразнымъ, взгляда бернского бюро принадлежитъ югославянской референтъ по анкетѣ на проектъ Руффини проф. Живоинъ Перичъ. Онъ отмѣчаетъ, что въ теперешнюю эпоху социализациа частныхъ правъ созданіе новыхъ частнопрововыхъ отношеній въ родѣ права ученаго на свои научныя открытія есть шагъ назадъ. Кромѣ того, по мнѣнію проф. Перича, весь институтъ научной собственности построенъ однобоко— онъ служитъ лишь интересамъ работниковъ въ области наукъ точныхъ и естественныхъ, совершенно оставляя въ сторонѣ сферу наукъ гуманитарныхъ, моральныхъ и философскихъ. Между тѣмъ, новыя идейныя творенія возможны въ этихъ областяхъ знанія не менѣе, а даже болѣе нежели въ наукахъ позитивныхъ¹⁾.

Третье направленіе представляетъ разработку индивидуальнаго права ученаго на научныя открытія и изобрѣтенія. Въ его активѣ цѣлый рядъ проектовъ, начиная съ работы проф. Бартелеми и кончая текстомъ конвенциа, принятомъ на совѣщаніи экспертовъ въ Парижѣ въ концѣ 1927 года. Это теченіе мысли патронируется Лигою Націй и состоящими при ней учрежденіями.

По поводу всѣхъ этихъ проектовъ возникли въ свое время большія разномыслія, но въ горнилѣ оживленнаго обсуждения ряда вопросовъ получили нѣкоторую кристаллизацию. Поэтому изложеніе и критика проекта парижскихъ экспертовъ на много упрощаетъ дѣло. Къ этому времени съ нѣкоторыми крайностями было уже покончено.

Авторы проекта парижской конвенциа находятъ, что они создали новое право, совершенно отличное отъ патентнаго.

Вотъ содержаніе этого новаго права.

Всякое промышленное предпріятіе можетъ свободно и невозбранно использовать объектъ любого научнаго открытія (*objet de la découverte scientifique*) подъ условіемъ уплаты

¹⁾ Проф. Ж. Перичъ. — Научна својина. Београд, 1925, стр. 22.

автору открытія вознагражденія. Право на уплату вознагражденія имѣетъ ученый, который предварительно сдѣлалъ заявку о своемъ открытіи и на этомъ основаніи предъявилъ требованіе данному промышленному предпріятію о желаніи получить вознагражденіе. Такое требованіе со стороны ученаго обязываетъ предпріятіе, къ коему оно обращено, „войти съ ученымъ въ переговоры объ опредѣленіи вознагражденія“. Если эти переговоры не приведутъ къ соглашенію, то любая изъ сторонъ, которая больше печется о своихъ интересахъ (*la partie la plus diligente*), обращается въ судъ для установленія размѣра, способа и срока вознагражденія. По истеченіи каждаго пятилѣтія любая изъ сторонъ можетъ просить судебного пересмотра размѣра вознагражденія, если находитъ, что таковое перестало соответствовать „цѣнности услуги ученаго“ (*la valeur du service*). Третье лицо, которое считаетъ, что миролюбивымъ или судебнымъ соглашеніемъ сторонъ нарушено его собственное право на научную собственность, можетъ вчинить искъ противъ получателя вознагражденія. Рѣшеніе въ пользу истца переноситъ право обратнаго требованія съ неправомоченнаго ученаго уплаченныхъ ему суммъ на уплатившее предпріятіе, которое взысканныя съ него суммы передаетъ истинному автору даннаго научнаго открытія, но не отвѣчаетъ за причиненные этому послѣднему убытки. Всѣ эти правила *jus cogens* въ томъ смыслѣ, что противныя ихъ смыслу и содержанию соглашенія сторонъ и опираются и ничтожны (*nulles et non avenues*).

Патентное право есть ограниченная срокомъ монополія использованія, получить это право можно только путемъ договора съ патентодержателемъ (лиценція). Лишь при отсутствіи всякаго промышленнаго использованія со стороны управомоченнаго, наступаетъ выдача принудительной лиценціи. Въ отношеніи объектовъ научной собственности признается, наоборотъ, полная свобода использованія. Такимъ образомъ, по своей сущности оно отлично и даже противоположно праву на техническія изобрѣтенія.

Свободное пользованіе обусловлено уплатою вознагражденія, требованіе о которомъ можетъ быть предъявлено промышленному предпріятію ученымъ или его наслѣдниками въ теченіи 30 лѣтъ со дня заявки. Самое трудное — ахиллесова пята всего дѣла — это установленіе связи между открытіемъ и его практическимъ использованіемъ¹⁾.

Связь эта можетъ быть и минимальной и максимальной и всѣ градаціи между 0 и 100% здѣсь возможны. Это вопросъ

¹⁾ Нельзя же считать разрѣшеніемъ вопроса двѣ нижеслѣдующія цитаты изъ ст. ст. 1 и 4 проекта: art. 1: „susceptible d'une utilisation materielle“

безконечно спорный и трудно разрѣшимый, въ особенности, когда одной сторонѣ нужно получать деньги, а другой платить, не имѣя за это въ сущности ничего осязаемаго и реального. Если основаніе для вознагражденія спорно, то установленіе размѣра такового имѣетъ такой же характеръ.

Отсюда можно заключить, что если предпріятіе, къ которому ученый обратилъ свое требованіе о вознагражденіи и должно „вступить съ нимъ въ переговоры“, то эти переговоры приведутъ къ положительному результату лишь въ рѣдчайшихъ случаяхъ, а въ остальныхъ откроютъ дорогу къ запутанному и сложному процессу, да еще черезъ государственную границу, если, какъ это можетъ часто случаться, ученый живетъ въ одномъ государствѣ, а примѣнитель — въ другомъ.

Даже при разныхъ поправкахъ въ родѣ особыхъ арбитражныхъ учрежденій при Лигѣ Націй и представительства правъ ученыхъ профессиональными организаціями подобные процессы требуютъ такихъ денегъ, такихъ усилій, такихъ хлопотъ и потери времени, которыя ученому, находящемуся въ обычныхъ условіяхъ жизни этого социальнаго класса, совершенно не подь силу. Въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ ученый не будетъ „болѣе рьяной стороною“ (*la partie la plus diligente*), а промышленникъ, взвѣсивъ положеніе и силы своего противника, не найдетъ нужнымъ, ради замѣны неопредѣленнаго эвентуальнаго требованія опредѣленнымъ платежемъ, ломать копья и обременять себя лишнимъ процессомъ. Въ дѣловой жизни денежная неопредѣленность невыносима, но только если она заключаетъ въ себѣ реальную и дѣйствительную угрозу будущаго платежа. Эта опасность въ разсматриваемыхъ случаяхъ столь незначительна, что

и art. 4: „sur toutes applications materielles, qui pourraient en être faites“. Съ одной стороны „способность къ матеріальному использованию, съ другой — матеріальныя примѣненія.

Интересно въ этомъ отношеніи отмѣтить весьма правильный взглядъ быв. предсѣдателя патентной управы германской имперіи Робольскаго, который писалъ въ 1890 году, когда о научной собственности еще никто и не думалъ. Нижеприведенная цитата показываетъ, насколько трудно установить связь между техническимъ изобрѣтеніемъ и тѣмъ, откуда оно вышло „Auf welche Weise der Erfinder in dieser Erkenntniss gelangt ist, ob durch Spekulation oder plötzlichen Einfall, ob durch mühevollen Versuche oder glücklichen Zufall ist... nicht in Betracht zu ziehen. Unerheblich ist auch ob der Erfinder die besonderen Gesetze kennt oder versteht, welche das Eintreten des Erfolges bedingen, je, unerheblich ist überhaupt ob die physikalische, mechanische oder chemische Vorgang, welcher der Erfindung zu Grunde liegt, bisher wissenschaftlich hat erklärt werden können. H. R o b o l s k i, Theorie und Praxis des deutschen Patentrechtes Berlin 1890, S. 19.

Лауреатъ Hamson подробнѣе другихъ авторовъ коснулся этого вопроса: онъ полагаетъ, что субъективно это причинная связь, сознаваемая примѣнителемъ, объективно-любое соотношеніе между сущностью открытія и техническимъ эффектомъ, составляющимъ предметъ примѣненія.

промышленникъ ее не испугается. Переговоры ученаго съ промышленникомъ, не приведя къ соглашенію, и въ дальнѣйшемъ окажутся безрезультатными.

Такая огромная разница въ положеніи ученаго на бумагѣ и въ жизни есть результатъ того, что работа экспертовъ 1927 года уподобилась по важнѣйшему вопросу— что есть утилизація научнаго открытія — классическому приему страуса, прячущаго свою голову въ крыльѣ. Какъ было показано выше всѣ попытки обосновать право научной собственности вращались около юридическаго анализа примѣненія научнаго открытія къ промышленности. Разъ это не удастся, нѣтъ права, а есть, по выраженію Бернскаго бюро, лишь видимость права. Это положеніе блестяще подтверждается при сопоставленіи проекта конвенціи о научной собственности съ реальною дѣйствительностью.

Больше всего пролито было чернилъ по вопросу о томъ, какъ рождается право научной собственности. Права на интеллектуальную собственность возникаютъ двоякимъ образомъ: формальнымъ, черезъ заявку, и матеріальнымъ, въ силу появленія факта, вызывающаго къ жизни данное субъективное правомочіе. Право на изобрѣтеніе нуждается для своего возникновенія въ заявкѣ и выдачѣ патента, а право автора рождается изъ самого факта опубликованія литературнаго произведенія. Весь ходъ развитія правъ на интеллектуальную собственность показываетъ движеніе отъ регистраціоннаго принципа къ матеріально правовому¹⁾.

Эта основная проблема возникновенія правъ на интеллектуальную собственность отразилась, конечно, и на научной собственности, которую стремились поставить на матеріально-правовое основаніе. Актъ опубликованія научнаго открытія хотѣли считать моментомъ рожденія права ученаго на объектъ научной собственности. Главнымъ же основаніемъ къ такому именно рѣшенію вопроса считали затруднительность для ученыхъ дѣлать заявки вплоть до того, что это бы претило ихъ достоинству и морали. Конечно, возникновеніе права безъ хлопотъ, усилій, расходовъ весьма удобно для ученыхъ, но оно совершенно неудовлетворительно, если съ этимъ связаны матеріальныя притязанія къ третьимъ лицамъ и ихъ обязанности по отношенію къ ученымъ. Какъ можетъ промышленникъ, используя какое либо техническое изобрѣтеніе или примѣняя въ своемъ производствѣ какой либо методъ, заранѣе учесть, права какихъ научныхъ открывателей онъ можетъ затронуть, если имѣть въ виду съ одной стороны

¹⁾ Подробно объ этомъ моя статья въ вып. I Записокъ Русскаго Научнаго Института 1930 стр. 163—191 „Защита чистаго и прикладнаго искусства въ связи съ основными предпосылками объ интеллектуальной собственности“.

многочисленность опубликованных научных работ, а с другой, что связь между открытиями и промышленными применениями даже не прямая, не сразу видная, а посредствующая через обработку научного принципа в горнил технической мысли¹⁾. Это огромное неравенство между интересами ученых с одной стороны и промышленников с другой было сглажено парижскими экспертами в смысле различения двух моментов возникновения (*naissance du droit*) и признания (*reconnaissance du droit*). Право возникает с момента недвусмысленного его опубликования (*publication non équivoque*), но оно имеет силу в отношении третьих лиц со времени особой заявки (*dépôt, enregistré par un organisme international*). Рождение права обеспечивает за ученым дату приоритета на сделанное им открытие. Это база для возможных его споров с другими лицами, кои присваивают себе честь данного открытия, но право в отношении применителей возникает лишь с момента заявки.

Раздѣливъ эти два момента, проектъ отмѣчаетъ, что предшествующее обнародованіе авторомъ открытія не влечетъ для него никакихъ убыточныхъ послѣдствій.

Эклектичeskій характеръ „новаго“ права выступаетъ здѣсь ясно. Его новизна состоитъ изъ комбинирования старыхъ давно существующихъ элементовъ. Возникновеніе права заимствовано изъ авторскаго права, а признаніе изъ патентнаго. Но это послѣднее считаетъ необходимымъ условиемъ заявки новизну заявляемаго изобрѣтенія: что до заявки обнародовано, то не ново и не можетъ быть предметомъ заявки. А въ научной собственности наоборотъ — заявка возможна и въ отношеніи того, что ново и того, что уже въ патентномъ смыслѣ потеряло новизну, т. е. было обнародовано.

Что это за заявка? Въ области интеллектуальной собственности извѣстны два типа заявокъ, имѣющихъ весьма разное юридическое значеніе — заявка конститутивная и заявка декларативная, а существующіе законы о патентахъ на изобрѣтенія, о фабричныхъ моделяхъ и рисункахъ, о правахъ на товарные знаки даютъ живые и конкретные примѣры всякихъ правовыхъ типовъ заявокъ.

И по этому вопросу конвенція не содержитъ прямого отвѣта, а въ протоколѣ обсужденія значится, что всѣ под-

¹⁾ О числѣ научныхъ работъ даетъ представление любопытная статистика Wyndam Hulme—Statistical Bibliography in a relation to the growth of modern civilisation, London, 1913, согласно которой за 1901—1913 годъ въ 8228 научныхъ журналахъ появилось 853.057 статей. По нѣкоторымъ наукамъ, гдѣ особенно много открытій, число работъ огромно, напр., по физиологии 147.780, химіи 108 982, физикѣ 57.306, минералогіи 21.157, механикѣ 13.688, геологіи 31.572, бактеріологіи 71.097, математикѣ 24.658.

робности будутъ установлены „инструкціей по исполненію правилъ конвенціи“. А между тѣмъ эти подробности таковы, что если ихъ уточнить, то, быть можетъ, и отъ самого принципа ничего не останется.

Въ текстѣ конвенціи указывается, что ученый долженъ сдѣлать заявку своего открытія. Какого открытія: всякаго или не всякаго? Какъ будто не всякаго, а лишь такого, которое „способно къ матеріальному использованию“ (ст. 1), понимаа подъ послѣднимъ использование въ производствѣ, имѣющемъ коммерческую цѣль (ст. 2). Использование въ производствѣ означаетъ предоставленіе техникѣ новыхъ средствъ или новаго примѣненія уже существующихъ средствъ (ст. 3).

Вѣ спрошенные ученые единогласно признали, что отличить эти свойства въ только что сдѣланномъ открытіи — значить предсказывать будущее и притомъ не близкое, а даже далекое¹⁾.

Это привело къ другой крайности и стали утверждать, что при заявкѣ ученый не долженъ прецизировать практическаго примѣчанія. Но тогда въ сущности падаютъ всѣ ограничительные признаки, упомянутые въ ст. 1, 2 и 3 конвенціи. Тогда вопросъ заявки сводится только къ желанію ученаго ее сдѣлать, ибо заявить можно любое открытіе, т. ск. „на всякій случай“, не откроется ли де впоследствии примѣненіе коммерческаго значенія.

Такое трактованіе заявки тѣмъ допустимѣе, что, повидимому, заявка имѣетъ, по мысли авторовъ проекта, лишь регистраціонное (декларативное) значеніе и „международный организмъ“ ни въ провѣрку, ни въ оцѣнку заявленія не входитъ.

Такимъ образомъ, неопредѣленность редакціи конвенціи не даетъ возможности опредѣлить характеръ заявки: при ограниченномъ и строгомъ толкованіи (напр. конститутивная заявка) — это есть мелкое сито, черезъ которое пройдутъ немногіе избранные, при широкомъ — это фиктивное и ненужное загражденіе, проходъ черезъ которое открытъ всякому желающему. Но во всѣхъ одинаково случаяхъ заявка въ одномъ пунктѣ земного шара для всѣхъ государствъ приводитъ несомнѣнно къ денежнымъ и инымъ трудностямъ²⁾ могущимъ остановить многихъ ученыхъ. Претендовать на вознагражденіе будутъ не достойнѣйшіе, а наиболѣе приспособляющіеся къ практической жизни ученые.

¹⁾ Вотъ перечень именъ ученыхъ, высказавшихся въ этомъ смыслѣ: Esnault-Pelterie, Langevin, Mme Curie, Jean Perrin, Rateau, Aug. Luniere, Deslandres, Gariel Bertrand, Viala, Mangin, Hadamard, Ch. Marie, Toussaint.

²⁾ Напр. изготовленіе переводовъ и ихъ официальная завѣрка всегда стоятъ очень дорого.

Хотя заявка может свести на нѣтъ всю охрану матеріальныхъ интересовъ ученыхъ, она все же необходима. Безъ нея другая сторона — промышленники — были бы поставлены въ совершенно невыносимое положеніе.

Въ промышленномъ производствѣ патенты представляютъ какія то запретныя сферы, своего рода иммунитетныя острова въ морѣ индустриальныхъ возможностей. Но это нѣчто видимое, строго опредѣленное, затрудненія, съ которыми промышленники давно уже выучились прекрасно обходиться. Они знаютъ, что если на ихъ дорогѣ лежитъ патентъ, то нужно или его купить, или взять изъ него лиценцію или же, если ни то, ни другое невозможно, обойти данное производство, либо направить мысль своихъ инженеровъ на конкурентныя изобрѣтенія и выборку своихъ собственныхъ патентовъ. Во всякомъ случаѣ патентъ имѣетъ строго замкнутое содержаніе, установленное патентнымъ описаніемъ и ставящимъ границы запретной сферы. Что внѣ ея, то все въ невозбранномъ общемъ пользованіи.

Иное дѣло научная собственность. Если бы права ученыхъ получили признаніе въ законѣ, то при всякомъ патентѣ и даже во внѣпатентномъ производствѣ появился бы придатокъ, который, тривиально выражаясь, представлялъ бы „кота въ мѣшкѣ“.

Изъ содержанія опубликованныхъ заявокъ ученыхъ нельзя съ опредѣленностью и напередъ сказать, какой патентъ можетъ оказаться примѣненіемъ открытія, сдѣланнаго въ теченіи предшествующихъ 30 лѣтъ и въ какомъ именно производствѣ невѣдомый заранѣе ученый усмотритъ использование своей научной идеи. Поэтому, платя за патентъ, никогда нельзя будетъ быть увѣреннымъ, что не понадобятся дополнительные расходы по уплатѣ вознагражденія одному или нѣсколькимъ ученымъ и, ставя у себя на фабрикѣ какое либо производство, учесть навѣрное себѣстоимость продукта. Промышленникъ окажется всегда подъ угрозой, что кто то съ него, что то будетъ просить, съ кѣмъ то нужно будетъ вести переговоры, съ кѣмъ то спорить, съ кѣмъ то судиться. Сторонники научной собственности всегда утѣшаютъ, что поборы въ пользу ученыхъ будутъ самыми скромными и необременительными для фабрикантовъ, но они забываютъ, что всѣ эти обязательные переговоры, а можетъ, и процессы съ имѣющими право на вознагражденіе учеными и съ тѣми, кому это только кажется, принудительное участіе въ спорахъ между получившими вознагражденіе учеными и тѣми, кто ихъ права оспариваютъ, требуютъ много времени, труда, заботъ и просто прямыхъ расходовъ. А трудъ, заботы и время дѣлового человѣка тоже деньги — *times is money*. Требованіе заявки открытію немного умѣряетъ волну претензій,

но не уничтожаетъ той неопредѣленности и неучитываемости впередъ расходовъ производства, которыя несетъ съ собой научная собственность. А эта неопредѣленность и неучитываемость и есть главное зло для промышленности.

Отсюда мысль — страхъ промышленниковъ отъ претензій ученыхъ.

Были прежде всего опрошены крупнѣйшія страховыя общества въ разныхъ странахъ, кои дали уклончивые отвѣты, исходя изъ двухъ основаній. Во-первыхъ — рискъ трудно опредѣлить, а, во вторыхъ, — онъ нѣсколько своеобразнаго характера, включая въ себѣ слишкомъ много моральнаго элемента¹⁾. Авторитетнѣйшій знатокъ страхованія проф. Manes призналъ возможнымъ такое страхованіе, но съ оговоркою, что необходимо ограничить вознагражденіе ученыхъ какою-либо минимальною нормою.

Эксперты имѣли въ виду два вида страхованія — свободное при помощи страховыхъ обществъ и обязательное — при посредствѣ страховой организаціи промышленниковъ на взаимномъ началѣ. Въ послѣднемъ случаѣ, кромѣ обязательной страховой преміи, промышленники бы стояли подъ рискомъ пропорціональнаго участія въ убыткахъ, т. е. уплатахъ ученымъ, если таковыя превысятъ суммы отъ полученныхъ премій.

Чѣмъ дальше углубляться въ изученіе проектируемаго института, тѣмъ трудности въ его осуществленіи не уменьшаются, а, наоборотъ, растутъ. То, что кажется на первый взглядъ осуществимымъ, при ближайшемъ соприкосновеніи оказывается тѣмъ локтемъ, котораго, по народной пословицѣ, никакъ укусить нельзя. Цѣль, которую себѣ ставятъ сторонники индивидуальнаго права ученаго на объекты научной собственности, представляется безспорной по своей идеѣ и благородной по мотивамъ, которые ее породили, но осуществленіе этой цѣли привычными приемами созданія соотвѣтственныхъ правовыхъ нормъ терпитъ явную неудачу.

Правовыя задачи могутъ быть разрѣшаемы двумя способами: или путемъ созданія общей нормы закона, или пу-

¹⁾ Note explicative concernant l'application de l'assurance à la garantie des risques résultant du projet de convention. Société des Nations C. L. 155. 1930. XII. Annexe II.

Dr. Fraubein въ статьѣ „Versicherung der Unternehmer gegen Ansprüche wissenschaftlicher Entdecker“, напечатанной въ „Gewerblicher Rechtsschutz und Urheberrecht“ 1931, № 5, S. 444, сомнѣвается въ наличности страхованія, которое предполагаетъ покрытіе неизвѣстной потребности при наступленіи опредѣленнаго, возбудившаго ее событія въ извѣстный срокъ, wobei die Leistung mindestens des einen Vertragspartners nach Höhe oder Zeitpunkt von ungewissen Umständen abhängt. (причемъ дѣйствіе, по крайней мѣрѣ одной изъ договорныхъ сторонъ въ отношеніи суммы и момента наступленія зависитъ отъ неизвѣстныхъ обстоятельствъ).

темъ разрѣшенія каждаго даннаго случая, пока не накопится матеріалъ для дедукціи, для созданія общаго правила поведенія. При этомъ второмъ способѣ возникающіе жизненные казусы разрѣшаются судомъ по правовому убѣжденію, по правовому чувству и подводятся путемъ широкаго толкованія подъ какіе-либо общіе принципы права, существующіе въ каждой національной системѣ правъ.

Первый путь свойствененъ всѣмъ почти народамъ нашего времени и теперешнее праворазвитіе совершается почти исключительно при помощи востанія новаго законодательнаго матеріала въ уже существующую правовую систему. Второй путь — путь развитія римскаго права черезъ преторскій эдиктъ — находитъ себѣ примѣненіе теперь въ „rules“ англо-американскихъ судей.

Если за почти десятилѣтіе усилія многихъ выдающихся юристовъ изъ разныхъ странъ привели къ такому результату, каковымъ является текстъ проекта конвенціи, выработанной въ 1927 году парижскими экспертами, можно утверждать, что для законодательнаго разрѣшенія проблемы научной собственности не хватаетъ того матеріала, изъ котораго путемъ дедукціи можно создать общее правило — норму закона.

Подходъ къ разрѣшенію вопроса другимъ изъ указанныхъ путей тоже сомнителенъ. Онъ могъ бы быть возможенъ лишь въ условіяхъ, гдѣ подобное праворазвитіе обычно, т. е. въ Англии, или Соед. Штатахъ. Но та неизмѣнно отрицательная позиція по вопросу о научной собственности, которую всегда и во всѣхъ международныхъ комиссіяхъ занимали англо-американскіе представители, служитъ доказательствомъ, что концепція научной собственности чужда англо-саксонскому правовому чувству. Если же индивидуальное право ученаго на объектъ научной собственности не можетъ быть взлелеяно въ этихъ странахъ преимущественно судейскаго правотворчества, то тѣмъ менѣе возможно его зарожденіе и постепенное развитіе въ прочихъ государствахъ.

Если современное чувство справедливости, въ благородномъ стремленіи „suum cuique“ не можетъ примириться съ невознагражденіемъ ученыхъ за ихъ творческій трудъ, когда послѣдній используется въ коммерческихъ цѣляхъ другими людьми, то единственный выходъ — принятіе идеи Бернскаго Бюро по защитѣ промышленной собственности.

Для промышленниковъ это наилучшее разрѣшеніе вопроса. При поголовномъ обложеніи всѣхъ промышленныхъ предпріятій тягость его экономически ничтожна, а психологически незамѣтна, когда этотъ сборъ составитъ одно изъ слагаемыхъ въ общей суммѣ причитающихся съ фабриканта прямыхъ налоговъ. Зато никакихъ неожиданностей, никакихъ ожиданій, никакихъ неучитываемыхъ впередъ расходовъ.

Никакой потери времени на переговоры, на адвокатовъ и судебные процессы. За все это всякій промышленникъ съ удовольствіемъ даетъ маленькій выкупъ.

Возражаютъ, что сборъ со всей промышленности въ пользу ученыхъ унижаетъ этихъ послѣднихъ всѣхъ вмѣстѣ какъ опредѣленную соціальную группу, а каждый ученый въ отдѣльности, вмѣсто права, получаетъ надежду на милость.

Но что унизительнѣе — сборъ въ пользу ученыхъ незамѣтный ни съ экономической, ни съ психологической стороны, а потому не вызывающій особыхъ нареканий, или же страхование промышленности отъ претензій ученыхъ, которыя приравниваются пожару, градобитію, эпидеміи и т. п. бѣдствіямъ!

Что же касается вопроса о распредѣленіи собранныхъ суммъ между учеными, то тутъ не исключена конструкція вознагражденія на почвѣ права. Если будутъ установлены опредѣленные условія для вознагражденія, если наличность этихъ условій должна быть доказываема претендующимъ на такое, то получится не надежда на милость, но право на вознагражденіе за опредѣленнаго типа трудъ ученаго. Это право ученый будетъ осуществлять передъ комиссіей, присуждающей вознагражденіе, онъ будетъ его добиваться также, какъ, напр., доказываетъ теперь передъ государственными учрежденіями свое право на пенсію на основаніи закона о службѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда такое его право органами, рѣшающими ассигнованіе пенсіи, оспаривается или невѣрно толкуется. Право на вознагражденіе такого рода легко конструируется. Это вопросъ аналогіи существующимъ примѣрамъ и слѣдованія не по какимъ-то новымъ и невѣдомымъ путямъ, а по хорошо извѣстнымъ и давно уже протоптаннымъ дорожкамъ.

Н. Лосскій.

ГЕГЕЛЬ КАКЪ ИНТУИТИВИСТЪ.

Подъ словомъ интуитивизмъ я разумѣю ученіе о томъ, что познаваемый предметъ, даже и въ случаѣ знанія о внѣшнемъ мірѣ, вступаетъ въ сознаніе познающаго индивидуума въ подлинникѣ, самолично и потому познается такъ, какъ, онъ существуетъ независимо отъ акта познанія.

Въ наше время такое направленіе въ гносеологіи начинается широко распространяться, но оно существовало въ философіи и раньше въ весьма различныхъ видоизмѣненіяхъ. Однако до нашего времени оно не было отчетливо опознано, какъ своеобразное основное направленіе, которое слѣдуетъ изучать и разрабатывать рядомъ съ эмпиризмомъ, раціонализмомъ и критицизмомъ. Какъ недостаточно опознанное, оно и до сихъ поръ, во-первыхъ, часто остается незамѣченнымъ даже въ системахъ такихъ философовъ, которыхъ слѣдуетъ считать яркими представителями его, а, во-вторыхъ, вызываетъ возраженія, основанныя на грубомъ непониманіи сущности его.

Въ своей статьѣ я хочу показать, что Гегель былъ представителемъ одного изъ видовъ интуитивизма, и даже можетъ быть названъ въ извѣстномъ смыслѣ крайнимъ интуитивистомъ. Мною руководитъ при этомъ не только желаніе защитить Гегеля отъ ложнаго пониманія, ведущаго къ несостоятельной критикѣ его ученій вообще, но еще и стремленіе показать на примѣрѣ Гегеля, что нѣкоторыя возраженія противъ интуитивизма обусловлены непониманіемъ сущности этого направленія. Примѣромъ несостоятельной критики ученій Гегеля могутъ служить возраженія Вундта противъ метода философіи Гегеля, а примѣромъ непониманія сущности интуитивизма могутъ служить замѣчанія Шлика противъ этого направленія въ гносеологіи.

Вундтъ говоритъ о философіи Гегеля, какъ объ отвлеченномъ панлогизмѣ, который маскируетъ свою отвлеченность тѣмъ, что незаконно вноситъ въ составъ само-

развивающейся якобы системы рациональных понятий конкретное содержание, полученное не из мышления, а из другого источника, именно из опыта. „Гегель“, говорит Вундт, „первый пытался, примыкая къ основной мысли философіи тождества“ (т. е. къ ученію о единствѣ мышленія и бытія), „провести панлогизмъ строго систематически“¹⁾. „На дѣлѣ, однако, панлогистическая система оказалась совершенно неспособной удовлетворить предъявленнымъ ей требованіямъ“; „провести мнимо-имманентное понятіямъ саморазвитіе мышленія — даже и съ приблизительнымъ совершенствомъ — было немислимо“. „Созданная имъ система въ сущности — эмпирическая система, которая часто остроумно излагаетъ отдѣльные данныя опыта, но втискиваетъ ихъ въ рамки внѣшняго, искусственнаго схематизма, стѣсняющія свободное теченіе мысли, дѣйствительно адекватное предмету“. „Панлогизмъ выливается, такимъ образомъ, въ систему мышленія, которая по содержанию своему является эмпиристической, а по методу априористической“. „При саморазвитіи мысли, „я“ только потому можетъ производить какъ бы изъ себя всѣ законы познанія и хотѣнія, а „чистое бытіе“ — всѣ возможные конкретныя формы бытія, что они сами постепенно вкладываются въ понятія. Но, конечно, эти дополненія могутъ притекать въ мышленіе только извнѣ, изъ конкретнаго опыта. Въ дѣйствительности, стало быть, эта система вовсе не система саморазвитія понятія, а система насильственнаго втискиванія богатаго содержанія опыта въ схематизмъ понятія, причемъ логическими категоріями антитезиса и синтезиса явно нарушается истинный ходъ явленій“. „Здѣсь, на высшей точкѣ своего развитія рационализмъ переходитъ въ эмпиризмъ“²⁾.

Критика Вундта основана на противоположеніи опыта и мышленія, навѣянномъ исторіею новой философіей, въ которой до Канта противостояли другъ другу эмпиризмъ, считавшій знаніе результатомъ пассивныхъ испытываній субъекта, обусловленныхъ воздѣйствіемъ на него предмета, и рационализмъ, считавшій необходимыя сужденія результатомъ самодѣятельности разума познающаго субъекта. Кантъ задается цѣлью сочетать эмпиризмъ и рационализмъ путемъ ученія о томъ, что знаніе состоитъ изъ апостеріорныхъ пассивно данныхъ чувственныхъ содержаній, оформленныхъ априорными функціями самого познающаго сознанія. Въ противоположности априорнаго и апостеріорнаго, которыя поняты, какъ активная функція субъекта, съ

¹⁾ В. Вундтъ. Введеніе въ философію, перев. С. Штейнберга и С. Львова, Спб. 1902, гл. III, В, § 35, 3.

²⁾ Тамъ же, § 35, 4, 5.

одной стороны, и какъ пассивное испытываніе воздѣйствій отъ какого-то невѣдомаго предмета (вещи въ себѣ), съ другой стороны, сохранилось у Канта основное ложное предположеніе его предшественниковъ, низводящее мыслимыя категоріи и идеи на степснь субъективныхъ актовъ, а испытываемыя данныя на степень субъективныхъ ощущеній. Съ точки зрѣнія такого пониманія структуры сознанія Вундтъ оцѣниваетъ Гегелевскій методъ (самодвиженія понятій, какъ ложное притязаніе получить изъ раціональныхъ понятій ирраціональное содержаніе, какъ систему, „которая по содержанію своему является эмпиристической, а по методу априористической“, причемъ содержаніе заимствуется изъ опыта и произвольно втискивается въ схемы мышленія. Вундтъ упускаетъ изъ виду, что противоположеніе опыта и мышленія утрачиваетъ смыслъ при имманентной, т. е. справедливой критикѣ гегельянства, потому что Гегель — интуитивистъ. Въ системѣ Гегеля мышленіе не противоположно опыту: оно есть одинъ изъ видовъ опыта, именно интеллектуальная интуиція, направленная на разумную структуру самого предмета, какъ подлиннаго бытія, независимаго отъ познавательныхъ актовъ человѣка. Такое созерцаніе возможно потому, что міръ есть развитіе единой Абсолютной идеи, и человѣкъ, согласно Гегелю, есть моментъ этой идеи, неотдѣлимый отъ цѣлаго ея, способный имѣть въ своемъ сознаніи, какъ предметъ созерцанія, не только свои личныя переживанія, но и само Абсолютное, стоящее выше его индивидуальности.

Знаніе, говоритъ Гегель, не есть орудіе обрабатывающее и такимъ образомъ измѣняющее природу Абсолютнаго; оно не есть также среда, вродѣ призмы, сквозь которую проходитъ Абсолютное, преломляясь и, слѣдовательно, также измѣняясь. Въ этихъ представленіяхъ о знаніи кроется ложная предпосылка, „будто Абсолютное стоитъ на одной сторонѣ а знаніе существуетъ само по себѣ на другой сторонѣ“³⁾. На самомъ дѣлѣ Абсолютное дано въ составѣ знанія, хотя изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, будто истина получается сразу: она достигается постепенно путемъ углубленія въ сферу Абсолютнаго. Процессъ этого углубленія таковъ. Предметъ (Gegenstand) является намъ прежде всего такъ, какъ онъ существуетъ для насъ, но этимъ явленіемъ мы не удовлетворяемся, мы отличаемъ его явленіе отъ его внутренней сущности, отъ его въ-себѣ-бытія и въ этомъ въ-себѣ-бытіи находимъ масштабъ, показывающій, что въ нашемъ знаніи, какъ явленіи, было ложнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, сравнивая свое знаніе о предметѣ съ сущностью

³⁾ Hegel, Werke, II. B. (2 изд. 1841), стр. 57—59.

самого предмета, мы находимъ между ними противорѣчія, которыя заставляютъ насъ перейти отъ первоначальнаго представленія о предметѣ къ новому.

На первый взглядъ кажется невозможнымъ, чтобы такъ происходило углубленіе знанія: вѣдь этотъ процессъ предполагаетъ, что сравненію подлежатъ два предмета, изъ которыхъ одинъ данъ, а другой не данъ и, по самому своему понятію, какъ въ-себѣ-бытіе (*das Ansichsein*), никоимъ образомъ не можетъ быть данъ въ сознаниі; слѣдовательно, въ лучшемъ случаѣ мы можемъ развѣ только сравнивать другъ съ другомъ два своихъ представленія о предметѣ, изъ которыхъ одно намъ кажется независимымъ отъ насъ масштабомъ истины, хотя оно и создано нами самими. Это возраженіе имѣетъ силу однако только для тѣхъ, кто держится ложной предпосылки, будто знаніе и познаваемый объектъ обособлены другъ одъ друга. Гегель рѣшительно отвергаетъ эту предпосылку. „Существенно важно во всемъ изслѣдованіи постоянно имѣть въ виду, что оба эти момента, понятіе и предметъ, бытіе для другого и въ-себѣ бытіе, входятъ въ само изслѣдуемое нами знаніе, а потому намъ нѣтъ нужды приносить съ собой масштабы и прилагать при изслѣдованіи наши выдумки и мысли; именно тогда, когда мы оставляемъ ихъ въ сторонѣ, мы достигаемъ того, что разсматриваемъ вещь, какъ она существуетъ въ себѣ и для себя“⁴⁾.

Согласно Гегелю, познающій индивидуумъ опознаетъ непосредственно весь міровой процессъ, укорененный въ Абсолютномъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ само это Абсолютное; однако эта непосредственная данность всего вовсе не есть моментальная данность всей истины. Полная истина не достигается путемъ одинъ разъ произведеннаго акта сравненія; присматриваясь къ тому въ-себѣ-бытію, которое въ первомъ актѣ сравненія служило масштабомъ истины, сознание находитъ, что „то, что было для него тогда въ-себѣ-бытіемъ, на самомъ дѣлѣ не есть въ-себѣ-бытіе или, вѣрнѣе, оно было въ-себѣ-бытіемъ, но только для сознаниа“⁵⁾. Отсюда возникаетъ необходимость сравнивать это явленіе въ-себѣ-бытія съ еще болѣе глубокимъ, еще болѣе истиннымъ понятіемъ въ-себѣ-бытія, и этотъ процессъ сравненія долженъ повторяться до тѣхъ поръ, пока предметъ не окажется равнымъ понятію.

Но что такое въ системѣ Гегеля понятіе, идея, мышленіе, тождественное бытію? — Всѣ эти существенные для его философіи термины не слѣдуетъ толковать въ духѣ раціо-

⁴⁾ Тамъ же, 66.

⁵⁾ Тамъ же, 67.

налистического интеллектуализма. То, что съ точки зрѣнія логики, Гегель называетъ понятіемъ, онъ въ философіи природы обозначаетъ терминомъ душа; то, что съ точки зрѣнія логики называется идеею, въ философіи природы обозначается терминомъ духъ. Логика и философія природы у Гегеля параллельны другъ другу: его логика не есть теорія доказательствъ, она не есть ученіе о формахъ мысли, оторванныхъ отъ содержанія. Логика Гегеля, какъ онъ самъ говоритъ, „совпадаетъ съ метафизикою“: въ ней изложено ученіе о Логосѣ, какъ содержательномъ разумѣ, въ ней дано „изображеніе Бога, какъ Онъ есть въ Своей вѣчной сущности до сотворенія природы и конечнаго духа“⁶⁾.

Иными словами, логика Гегеля есть откровеніе Бога въ формѣ внѣвременнаго замысла, а философія природы есть то же откровеніе Бога, однако уже во временномъ процессѣ воплощенія разума въ природѣ и преодоленія природы путемъ рожденія изъ нея духа. Внѣвременное движеніе мысли въ логикѣ отъ бытія, небытія, становленія и т. п. къ количеству, къ сущности, къ понятію, идеѣ проходитъ черезъ ступени, параллельныя совершающемуся во времени процессу природы, которая есть развивающееся „живое цѣлое“, переходящее отъ механическихъ раздробленій, отъ „опредѣленія внѣположности“ съ его „безконечнымъ разъединеніемъ“ къ „Bestimmung der Besonderung“, выражающемуся въ физическихъ „индивидуальностяхъ“, далѣе къ „идеальному единству“ организма⁷⁾ и, наконецъ, къ рожденію духа.

Такъ какъ вся природа, по Гегелю, есть живое цѣлое, пронизанное единымъ Логосомъ, то его философія природы, какъ и философія Аристотеля, а также стоиковъ, представляетъ собою своеобразную форму панвитализма. Земля для него, правда, обладаетъ жизнью лишь въ низшей формѣ, въ видѣ „только непосредственной идеи“; поэтому ея „жизнь“ въ сравненіи съ продуцируемыми ею организмами растеній и животныхъ есть „не-жизнь“⁸⁾. Тѣмъ не менѣе Гегель разсматриваетъ атмосферическія явленія, приливы и отливы, геологическіе процессы и т. п. вовсе не какъ только механическія явленія, а какъ порожденія органическаго цѣлаго Земли⁹⁾.

Говоря объ этой немеханичности геологическихъ процессовъ, Гегель, напр., утверждаетъ, что горы не суть толь-

⁶⁾ VI. т., Encycl. I. Th. Die Logik, § 24; III т., Wiss. der Logik. (1833) стр. 36, — изд. Glockner'a, IV. т., стр. 46.

⁷⁾ VII. т., I. Abth., Encycl., Naturphilos. (1842), §§ 251 и 252, стр. 38 и 40.

⁸⁾ Тамъ же, § 337, стр. 423.

⁹⁾ Тамъ же, §§ 341, 342, стр. 455—470.

ко „собиратели дождевой воды, проникающей въ нихъ. Настоящіе родники, производящіе такіе рѣки, какъ Гангъ, Рону, Рейнъ, обладаютъ внутреннею жизнью, стремленіемъ, дѣйствованіемъ, какъ наяды; земля выдѣляетъ свою абстрактно прѣсную воду, которая, въ этихъ изліяніяхъ, спѣшитъ къ своей конкретной жизненности, къ морю“¹⁰⁾. Читая подобныя заявленія Гегеля, вспоминаешь философію природы Посейдонія или такого мыслителя эпохи Ренессанса, какъ Леонардо да Винчи. Вся природа пронизана организуемымъ ее, творчески активнымъ Логосомъ¹¹⁾. Соотвѣтственно этому и Логосъ, о которомъ идетъ рѣчь въ логикѣ Гегеля, есть осмысленная живая творческая сила, а не совокупность мертвыхъ отвлеченныхъ понятій.

Каждый аспектъ этого Логоса, неотдѣлимый отъ цѣлаго, есть живое начало. Понятіе, говоритъ Гегель, есть „субстанціальная мощь“, „субъектъ“, „душа конкретнаго“¹²⁾.

Точно такъ-же и терминъ идея въ логикѣ Гегеля обозначаетъ живое существо, именно субстанцію на той ступени ея развитія, когда она должна быть мыслима въ философіи природы, какъ духъ, какъ субъектъ, или точнѣе „какъ субъектъ-объектъ, какъ единство идеальнаго и реальнаго, конечнаго и безконечнаго, души и тѣла“¹³⁾. Слѣдовательно, идея въ специфически гегелевскомъ значеніи этого термина есть начало не отвлеченное, а конкретно-идеальное¹⁴⁾, то, что Гегель называетъ „конкретною общностью“¹⁵⁾.

Понятіе можетъ въ процессѣ самодвиженія преобразоваться въ идею, потому что и понятіе, и идея суть ступени развитія одного и того же живого существа, переходящаго отъ душевности къ духовности: „реальное понятіе“, „душа объективнаго существа“ поднимается на степень духа, т. е. идеи, тогда, когда становится „истиною открытою самой себѣ“¹⁶⁾. Подъ этимъ на первый взглядъ скромнымъ шагомъ впередъ кроется въ дѣйствительности глубочайшій переворотъ, опознаніе абсолютныхъ сверхличныхъ цѣнностей и признаніе ихъ нормою для поведенія. Гдѣ этотъ переворотъ совершается,

¹⁰⁾ Тамъ же, § 341, Zusatz, стр. 459.

¹¹⁾ См. параграфъ „Метафизика стоиковъ какъ безсознательный идеаль-реализмъ“ въ моей книгѣ „Типы міровоззрѣній. Введение въ метафизику“, гл. IV, 7.

¹²⁾ Encycl., I. Th., Die Logik, §§ 160, 163; Wiss. der Logik, изд. Glockner'a, IV т., стр. 62; V т., стр. 38 с.

¹³⁾ Encycl., I. Th., §§ 213, 214.

¹⁴⁾ См. о понятіи конкретно-идеальнаго въ противоположность отвлеченно-идеальному главу „Отвлеченный и конкретный идеаль-реализмъ“ въ моей книгѣ „Типы міровоззрѣній“, а также мою книгу „Міръ какъ органическое цѣлое“.

¹⁵⁾ Encycl., II. Th., Naturphilos. (изд. 1842 г.), VII. B. I. Abth., § 376, стр. 693.

¹⁶⁾ Wiss. der Logik, изд. Glockner'a, V. т., стр. 33.

тамъ природа дор стаетъ до осуществленія своей цѣли „умертвить себя и, прорвавъ свою кору непосредственности, чувственности, сжечь себя, какъ фениксъ, чтобы изъ этой внѣшности выступить омоложенною, какъ духъ“¹⁷⁾.

Не удивительно поэтому, что „движеніе понятія“ есть не „переходъ въ другое“, т. е. не мертвое отношеніе различныхъ рациональныхъ понятій, какъ напр., въ геометріи, а „развитіе“¹⁸⁾, жизнь творчески активнаго Логоса, въ которомъ рациональные элементы, подчиненные закону тождества и противорѣчія, суть только моменты сверхраціональной конкретной цѣлости, содержащей въ себѣ единство противоположныхъ опредѣленій. Въ самомъ дѣлѣ, Гегель вовсе не отвергаетъ отвлеченныхъ рациональныхъ понятій разсудка: „опредѣленное и абстрактное понятіе есть условіе или скорѣе существенный моментъ разума“¹⁹⁾. Гегель хочетъ только своею извѣстною критикою традиціоннаго пониманія логическихъ законовъ мышленія²⁰⁾ показать, что разсудокъ, выведенный изъ подчиненія разуму, заводитъ въ тупикъ; рациональное, оторванное абстракціею отъ конкретнаго сверхраціональнаго и потому умерщвленное, приводитъ къ саморазрушительнымъ нелѣпостямъ (правда, свое отношеніе къ традиціонной логикѣ Гегель высказываетъ въ преувеличенно отрицательной формѣ и безъ достаточной точности, такъ какъ не дѣлаетъ тѣхъ оговорокъ, которыя необходимы, чтобы избѣжать недоразумѣній). Но тѣ-же самыя логическія формы оживаютъ и наполняются содержаніемъ, если брать ихъ въ духѣ, „который есть живое конкретное единство ихъ“. „Самъ этотъ логическій разумъ есть то субстанціальное или реальное начало, которое сочетаетъ въ себѣ всѣ абстрактныя опредѣленія и представляетъ собою компактное, абсолютно конкретное единство“²¹⁾. Чтобы сочетать въ себѣ противоположности и, слѣдовательно, возвыситься надъ ихъ противорѣчіемъ другъ другу²²⁾, это живое субстанціальное начало должно быть сверхразсудочнымъ, металогическимъ съ точки зрѣнія традиціонной формальной логики. Для усмотрѣнія его, какъ живой конкретной цѣлости, нужна конкретная спекуляція, а не дѣятельность одного лишь разсудка: разсудокъ не понимаетъ жизни; такія разсудочныя понятія, какъ напр., цѣлое и часть не пригодны

¹⁷⁾ Encycl. (1842), VII. т., I Abth., Naturphilos., § 376, стр. 695.

¹⁸⁾ Encycl., I Th., Die Logik, § 161. V, стр. 157.

¹⁹⁾ Wiss. der Logik, изд. Glockner'a, V. т., стр. 51.

²⁰⁾ Wiss. der Logik, II. Buch., II. Kap.; Encycl., I. Th., Die Logik, §§ 82, 115—122.

²¹⁾ Wiss. der Logik, изд. Glockner'a, IV. т., стр. 43.

²²⁾ Encycl., I. Th., Die Logik, (1840), VI. т., § 82, стр. 157.

для пониманія живого организма²³); вся разсудочная форма сужденія, поскольку ей присуща умерщвляющая дискурсивность, „не способна служить выраженіемъ спекулятивныхъ истинъ“²⁴). Спекулятивное (умозрительное), говоритъ Гегель, есть то, что прежде, въ особенности въ отношеніи „къ религіозному сознанію и его содержанію, обыкновенно, называлось мистическимъ“. „Мистическое, правда, есть таинственное, однако только для разсудка и притомъ просто потому, что принципъ разсудка есть абстрактное тожество, а мистическое (какъ равнозначное со спекулятивнымъ) есть конкретное единство тѣхъ опредѣленій, которыя разсудокъ считаетъ истинными только въ ихъ раздѣленіи и противоположеніи“. Такимъ образомъ все разумное слѣдуетъ обозначить вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мистическое, чѣмъ однако сказано лишь то, что оно выходитъ за предѣлы разсудка, а вовсе не то, будто оно должно быть разсматриваемо вообще какъ недоступное мышленію и непонятное“²⁵). Отсюда ясно, что конкретная спекуляція Гегеля, дающая знаніе о живой конкретной цѣлости, есть органическое единство мистическаго созерцанія, (поскольку направлена на металогическое), интеллектуальной интуиціи (поскольку направлена на рациональное) и чувственной интуиціи²⁶): въ предметѣ ея, въ живомъ творчески активномъ бытіи органически сочетаются сверхрациональные, рациональные и суб рациональные (иррациональные) моменты. Такъ какъ познающій субъектъ созерцаетъ непосредственно весь такой живой предметъ въ подлинникѣ, то съ точки зрѣнія гносеологии Гегеля теряетъ смыслъ докантовское различеніе мышленія и опыта: сверх-рациональное и рациональное такъ же непосредственно даны въ интуиціи познающему субъекту изъ самого предмета, какъ и чувственное содержаніе его.

Мнѣ могутъ возразить, что самъ Гегель рѣзко и опредѣленно высказался противъ ссылокъ на интуицію при обоснованіи философскихъ системъ. Онъ осуждаетъ тѣхъ философовъ, которые „точно выстрѣломъ изъ пистолета, начинаютъ ссылками на свое внутреннее откровеніе, на вѣру, интеллектуальную интуицію и т. п., желая освободить себя отъ метода и логики“²⁷). Стоитъ однако изучить методъ Гегеля въ цѣломъ или даже только вчитаться въ тѣ страницы „Логики“, съ которыхъ взята эта цитата, чтобы убѣдиться,

²³) Тамъ-же, § 135, стр. 268.

²⁴) *Wiss. der Logik*, изд. Glockner'a, IV. т., стр. 99.

²⁵) *Encycl.*, I. Th., *Die Logik* (1840), VI. B., § 82, Zusatz, стр. 159 с.

²⁶) О конкретной спекуляціи Гегеля обстоятельное изслѣдованіе въ превосходной книгѣ И. А. Ильина „Философія Гегеля, какъ конкретное ученіе о Богѣ и человѣкѣ“, 1918.

²⁷) *Wiss. der Logik*, изд. Glockner-a, IV. т., стр. 70.

что Гегель отвергаетъ не всякій интуитивизмъ, а только тотъ, который приводитъ къ безсистемному ирраціонализму, выступая съ непосредственными безсвязными вѣщаніями и освобождая себя отъ всякой логики, отъ обязательства дать цѣлое, которое было бы пронизано отношеніями основанія и слѣдствія.

Между тѣмъ, въ философской литературѣ существуетъ интуитивизмъ иного типа, прямо противоположный тому, котораго боится Гегель. Онъ не отвергаетъ традиціонной формальной логики, а впервые окончательно обосновываетъ ее путемъ сочетанія логическихъ началъ съ металогическими. Такой именно интуитивизмъ содержится въ ученіи Гегеля о знаніи. Подлинная конкретная спекуляція видитъ предметъ непосредственно въ подлинникѣ, но открываетъ въ немъ самомъ опосредствованіе однихъ его аспектовъ другими, въ томъ смыслѣ, что они связаны отношеніями основанія и слѣдствія. Такимъ образомъ, знаніе развертывается съ характеромъ непрерывной логической связности и въ этомъ смыслѣ опосредствованности, но въ то же время оно на каждомъ шагу есть знаніе, непосредственное, т. е. созерцающее предметъ въ подлинникѣ. Напр. „все частное“, говоритъ Гегель, „характеризуется именно тѣмъ, что оно относится къ чему-нибудь другому внѣ его“; „только это усмотрѣніе того, что оно несамостоятельно, а опосредствуется другимъ, низводитъ его къ его конечности и неистинности. Такъ какъ содержаніе этого усмотрѣнія влечетъ за собою посредство, то это есть знаніе, содержащее въ себѣ посредство“²⁸⁾. „Такимъ образомъ показано, — говоритъ Гегель, — что факты опровергаютъ заблужденіе этого ученія, полагающаго, будто есть непосредственное знаніе, — знаніе, не содержащее посредства, будетъ ли это посредство соотношеніемъ предмета знанія къ другому предмету, или будетъ ли это соотношеніе содержаться въ немъ самомъ. Точно такъ же было показано съ помощью фактовъ, какъ ложно мнѣніе, будто мышленіе ограничивается опосредствованными — конечными и условными опредѣленіями и будто эта опосредствованная форма знанія не исчезаетъ, чтобы перейти въ непосредственную. Что знаніе соединяетъ въ себѣ двойственное движеніе непосредственности и опосредствованности соотношеній, это фактъ, примѣромъ котораго служатъ логика и вся философія“²⁹⁾.

Можно сказать, что по Гегелю истинное знаніе характеризуется еще большею непосредственностью, чѣмъ та,

²⁸⁾ Епсуск. I. Th. Die Logik (1840), VI. B., § 74, стр. 142.

²⁹⁾ Тамъ же § 75, стр. 143, перев. Чижова § 76, стр. 125—126.

которую отстаиваю я въ своемъ интуитивизмѣ: она состоитъ не только въ непосредственной данности предмета знанія, но еще и въ соотнесенности его только съ самимъ собою; но, конечно, такая истинность присуща одному лишь Абсолютному. „Истиннымъ можно назвать содержаніе только, поскольку оно не опосредствовано съ другимъ, слѣдовательно, опосредствовано съ самимъ собою и такимъ образомъ сочетается во едино посредство и непосредственное отношеніе къ себѣ,“³⁰⁾ Это знаніе объ Абсолютномъ, будучи высшею формою непосредственности, не принадлежитъ моему субъективному духу: оно есть знаніе самого Абсолютнаго духа о самомъ себѣ. „Это не есть просто отношеніе духа къ Абсолютному духу; здѣсь Абсолютный духъ самъ относитъ себя къ тому, что мы въ отличіе отъ него поставили съ другой стороны; такимъ образомъ, точнѣе говоря, религія есть идея духа, который относится самъ къ себѣ, самосознаніе Абсолютнаго духа“³¹⁾ Какъ истинное знаніе о Богѣ есть знаніе самого Бога о себѣ, такъ и культъ Бога въ истинной высочайшей своей формѣ есть осуществленіе жизни самого Бога въ насъ.

Если субъективный духъ можетъ вмѣстить въ себѣ даже и эту высочайшую форму знанія и высочайшую форму жизни, то не удивительно, что и въ актахъ конечнаго знанія о конечныхъ вещахъ онъ не отдѣленъ отъ этихъ вещей никакими перегородками. Истина всѣхъ конечныхъ вещей есть Абсолютный духъ, и самый процессъ жизни вселенной есть не что иное, какъ процессъ развитія Абсолютнаго духа. Поэтому, когда мы познаемъ конечныя вещи, мы познаемъ феномены; но ошибается тотъ, кто думаетъ, будто они существуютъ только для познающаго субъекта. „Согласно философіи Канта, — говоритъ Гегель, — вещи, о которыхъ мы знаемъ, суть только явленія для насъ, и ихъ въ-себѣ-бытіе остается для насъ недоступнымъ потустороннимъ міромъ. Непредубѣжденное сознаніе всегда справедливо относилось отрицательно къ этому субъективному идеализму, согласно которому то, что составляетъ содержаніе нашего сознанія, есть только наше, только нами поставленное. Въ самомъ дѣлѣ истинное отношеніе состоитъ въ томъ, что непосредственно познаваемыя нами вещи суть чистые феномены не только для насъ, но и въ себѣ, и специфическое опредѣленіе конечныхъ вещей состоитъ именно въ томъ, что они имѣютъ основаніе своего бытія не въ себѣ самихъ, а во всеобщей божественной идеѣ. Такое пониманіе вещей слѣдуетъ также называть идеализмомъ, од-

³⁰⁾ Тамъ же, § 74, стр. 142

³¹⁾ Тамъ же, XI (2 изд.), стр. 200.

нако въ отличіе отъ субъективнаго идеализма критической философіи это идеализмъ абсолютный“³²⁾).

Такъ какъ въ процессѣ познанія даже и конечныхъ вещей индивидуальному я, какъ таковому, нужно только сравнивать явленія предмета въ сознаніи съ его въ-себѣ-бытіемъ въ сознаніи, а вовсе не творить предметы, то процессъ знанія по Гегелю есть процессъ развивающагося опыта. Такимъ образомъ у Гегеля мышленіе не противопоставляется опыту; оно есть одинъ изъ видовъ опыта. „Діалектическое движеніе, — говоритъ Гегель, — производимое сознаниемъ въ себѣ самомъ, какъ въ своемъ знаніи, такъ и въ предметѣ, поскольку для сознаниа отсюда возникаетъ новый истинный предметъ, есть именно то, что называется опытомъ“. „Ничто не познается, что не существуетъ въ опытѣ, или, иными словами, познается лишь то, что существуетъ на лицо, какъ чувствуемая истина, какъ внутренне обнаруженное вѣчное, какъ составляющее предметъ вѣры священное и т. п. Въ самомъ дѣлѣ, опытъ состоитъ именно въ томъ, что содержаніе въ себѣ — иными словами духъ — есть субстанція, и, слѣдовательно, предметъ сознаниа. Но эта субстанція, которая есть духъ, есть становленіе его тѣмъ, что онъ составляетъ въ себѣ; и впервые, какъ становленіе, рефлектирующееся въ себѣ, онъ есть поистинѣ духъ въ себѣ. Онъ есть движеніе въ себѣ, которое есть познаніе, — превращеніе въ-себѣ-бытія въ для себя-бытіе, субстанции въ субъектъ, предмета сознаниа въ предметъ самосознаниа, т. е. въ отмѣненный предметъ или понятіе“³³⁾).

Отсюда ясно, что какъ бы ни была велика творческая мощь субъективнаго духа, все же познаніе трансубъективнаго міра есть для него испытываніе этого міра, и въ этомъ смыслѣ, съ точки зрѣнія субъективнаго духа, Гегель въ своей теоріи знанія эмпиристъ. Духъ подлиннаго эмпиризма сказывается въ его характеристикѣ правительнаго процесса мышленія. „Когда я мыслю, я отрѣшаюсь отъ своихъ субъективныхъ особенностей, погружаюсь въ предметъ, предоставляю мысли развиваться изъ самой себя, и я мыслю дурно, если прибавляю что-нибудь отъ самого себя“³⁴⁾).

Въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ, въ ученіи о познаніи нѣкоторыхъ отдѣловъ дѣйствительности, Гегель оказывается даже болѣе эмпиристомъ, чѣмъ сами эмпиристы. Изучая та-

³²⁾ Encycl., I. Th., Die Logik (1840), VI . B., § 45, Zusatz, стр. 97.

³³⁾ Phänomen. des Geistes, 2. Aufl. 1841, стр. 67, 584 с.

³⁴⁾ Encycl., I. Th., Die Logik, (1840) § 24, Zusatz 2, стр. 49 Перев. Чиждова, стр. 44.

кіе предметы, какъ сознаніе и феноменологію его развитія, мы, по мнѣнію Гегеля, освобождены даже и отъ необходимости производить сравніваніе: познаваемый объектъ самъ производитъ это сравніваніе, а намъ остается только отмѣчать результаты его. „Не только въ томъ смыслѣ, что понятіе и предметъ, масштабъ и испытываемое находятся въ самомъ сознаніи, всякая прибавка съ нашей стороны не нужна, говоритъ Гегель, — но даже мы освобождены и отъ труда сравненія того и другого и спеціальнаго изслѣдованія: такъ какъ сознаніе само себя изслѣдуетъ, то и съ этой стороны намъ остается лишь присматриваться“³⁵).

Нельзя не согласиться поэтому съ И. А. Ильинымъ, который въ своей книгѣ „Философія Гегеля какъ конкретное ученіе о Богѣ и человѣкѣ“ называетъ Гегеля „однимъ изъ величайшихъ интуитивистовъ“; точно такъ-же въ своемъ „Обоснованіи интуитивизма“ я характеризовалъ ученіе Гегеля, какъ крайній интуитивизмъ и мистическій раціонализмъ³⁶).

Вкратцѣ намѣченная мною сущность интуитивизма Гегеля можетъ служить рѣшительнымъ опроверженіемъ критики М. Шлика, направленной противъ интуитивизма вообще, и въ частности противъ Гуссерля. „Интуитивное знаніе“, говоритъ Шликъ, „естъ *contradictio in adjecto*“. „Когда я вполне отдаюсь наглядному содержанію сознанія, напр. красному, которое я прямо передъ собою вижу, или если я дѣйствую и совершенно погружаюсь въ чувство дѣятельности, я переживаю посредствомъ интуиціи красное или дѣятельность, — но развѣ я при этомъ дѣйствительно позналъ сущность красного или дѣятельности?“ Для знанія, говоритъ онъ, необходимы „всегда два члена: нѣчто, которое познается, и то, какъ что оно познается“; для достиженія этой цѣли необходимо сравненіе предмета съ другими предметами, нахожденіе одинаковости, включеніе въ систему понятій и однозначное приуроченіе знаковъ къ предметамъ. Ничего этого, говоритъ Шликъ, нѣтъ въ интуиціи: „посредствомъ интуиціи предметы намъ только даны, а не поняты. Слѣдовательно, „интуиція есть только переживаніе“, только свѣдѣніе о предметѣ, а вовсе не знаніе („Wissen“ или „Kennen“, но не „Erkenntniss“³⁷).

Вся эта критика ученія объ интуиціи, какъ знаніи, поскольку она направлена противъ Гуссерля или поскольку ее можно было бы использовать противъ истолкованія гегельянства, какъ вида интуитивизма, явнымъ образомъ основана на недоразумѣніи и, можетъ быть, незнакомствѣ съ „Logische

³⁵) Phänomen. des Geistes, A. 2. 1841, стр. 66.

³⁶) Ильинъ, т. I, стр. IX; Лосскій, Обоснованіе интуитивизма, гл. V, 2. „Мистическій раціонализмъ“.

³⁷) M. Schlick, Allgemeine Erkenntnisslehre, 2. изд., стр. 76—86.

Untersuchungen“ Гуссерля. Кто-же, какъ не Гуссерль, особенно детально развилъ ученіе о строеніи сужденія, различая въ его составѣ, между прочимъ, также и предметъ знанія, съ одной стороны, а, съ другой стороны, то „какъ что“ онъ познается. Сравниваніе, различеніе, нахожденіе одинаковости, тождества и т. п., конечно, входитъ въ составъ такого интуитивнаго знанія, о которомъ говорятъ Гуссерль, Гегель и вообще всѣ интуитивисты (я оставляю въ сторонѣ такого интуитивиста-ирраціоналиста, какъ Бергсонъ), признающіе интеллектуальную интуицію и утверждающіе, что безъ ея соучастія знаніе невозможно. Неправъ Шликъ, когда онъ говоритъ, что присоединеніе къ „данному“ дѣятельностей сравниванія и т. п. даетъ знаніе, но тогда это уже не интуиція“³⁸⁾.

Интуитивистъ утверждаетъ, что дѣятельности сравниванія, анализа и т. п. суть интенціональные психическіе акты субъекта, направленные на предметъ не съ цѣлью преобразовать его, а съ цѣлью найти и опознать въ самомъ предметѣ его внутреннія отношенія и отношенія къ другимъ предметамъ, его объективную идеальную природу, составляющую его понятіе и т. п., и т. п. Какъ бы сложны ни были направленные на предметъ опознающіе акты субъекта, знаніе до конца заслуживаетъ быть названнымъ интуиціею, чтобы подчеркнуть, что весь объективный составъ его найденъ субъектомъ въ предметѣ въ подлинникѣ, а не привнесень, не сотворень, не конструированъ, не скопированъ и т. п. познающимъ субъектомъ. Смѣлое ученіе, согласно которому всѣ предметы могутъ быть даны познающему индивидууму въ подлинникѣ (Гегель объясняетъ это тѣмъ, что міръ есть развитіе единой Абсолютной идеи и индивидуальный субъектъ есть моментъ этой идеи) развивается интуитивистами въ той или иной формѣ потому, что основныя свойства знанія, особенно объективное значеніе знанія, выраженнаго въ понятіяхъ, напр. о такихъ отношеніяхъ, какъ причина и дѣйствіе, принадлежность, функциональная зависимость, органическая цѣлостъ и т. п., обязываютъ къ признанію, что всѣ такія структуры „даны“ сами предметами субъекту, а не конструированы наблюдателемъ. Когда Шликъ говоритъ „существенная черта знанія состоитъ въ созиданіи познающимъ субъектомъ отношенія между нѣсколькими предметами“³⁹⁾, интуитивистъ отвѣтитъ на это, что всякое „созиданіе“ (Schaffung) объективной стороны знанія⁴⁰⁾ субъектомъ есть подмѣна объекта и зна-

³⁸⁾ Тамъ-же, стр. 79.

³⁹⁾ стр. 78.

⁴⁰⁾ О томъ, что такое объективная и субъективная сторона знанія см. мою „Логику“ §§ 9—14.

нія о немъ субъективными, т.е. ложными примышленіями; интуитивистъ отвѣтитъ Шлику приведенными словами Гегеля: „когда я мыслю, я отрѣшаюсь отъ своихъ субъективныхъ особенностей, погружаюсь въ предметъ“,... „и мыслю дурно, если прибавляю что нибудь отъ самого себя“.

Кто вжился въ интуитивизмъ такого типа, какъ гегельянскій, тому ясно, что съ точки зрѣнія этого направленія теряетъ смыслъ противоположеніе опыта и мышленія въ томъ видѣ, какъ оно производилось докантовскимъ раціонализмомъ. Поэтому критика Вундта, понявшаго самодвиженіе мышленія, о которомъ говоритъ Гегель, какъ спонтанную активность разсудка, оторванную отъ сверхраціональнаго и ирраціональнаго бытія, оказывается абсолютно несправедливою. Вундтъ, подобно множеству другихъ философовъ, ложно истолковалъ систему Гегеля, какъ отвлеченный панлогизмъ, между тѣмъ какъ его философія есть конкретный идеаль-реализмъ⁴¹), разрабатываемый съ помощью интуиціи, представляющей собою органическое единство мистическаго, интеллектуальнаго и чувственнаго опыта. Своею конкретностью философія Гегеля безконечно превосходитъ даже и такую конкретную философію, какъ ирраціонализмъ Бергсона, односторонній потому, что онъ не включаетъ въ живое бытіе раціональные моменты и не усматриваетъ различія между сверхраціональнымъ и субраціональнымъ.

Конечно, метафизическая система Гегеля, несмотря на высокое непреходящее значеніе многихъ элементовъ ея, въ цѣломъ потерпѣла крушеніе; такова участь всѣхъ философскихъ системъ — сохранять вѣчное значеніе въ нѣкоторыхъ своихъ аспектахъ, но умирать, какъ цѣлое. Однако смерть системы Гегеля обусловлена вовсе не тѣмъ, что творецъ ея будто бы самымъ методомъ своимъ, какъ полагаетъ Вундтъ, обрекъ себя на произвольное втискиваніе опытныхъ данныхъ въ апріорныя формы, а болѣе основными причинами: изъ нихъ на первомъ мѣстѣ стоитъ общая причина — неполнота и медленное развитіе человѣческаго опыта, подрывающая жизненность всѣхъ, даже и самыхъ великихъ системъ, и на второмъ мѣстѣ специфическій недостатокъ Гегеля — забвеніе имъ такого принципа, какъ свобода, въ самыхъ важныхъ для метафизики случаяхъ явленія ея. Поясню это замѣчаніе однимъ лишь примѣромъ. Переходъ отъ Абсолютнаго къ міру Гегель стремится понять, какъ діалектическое развитіе самой Абсолютной идеи, такъ что весь міровой процессъ, поскольку въ немъ содержится „дѣйствительность“,

⁴¹) См. главу „Отвлеченный и конкретный идеаль-реализмъ“ въ моей книгѣ „Типы міровоззрѣній. Введеніе въ метафизику“, Парижъ 1931.

представляет собою, по Гегелю, моментъ самаго Откровеннаго Абсолютнаго, присущій Ему такъ же необходимо, какъ необходимо связаны другъ съ другомъ понятія безконечнаго и конечнаго. „Безъ міра Богъ не есть Богъ“, говоритъ Гегель⁴²⁾).

Гегель полагаетъ, что непосредственное Абсолютное, взятое безъ мірового процесса, было бы только „пустою отрицательностью“, только „абстрактною безконечностью“⁴³⁾. Поэтому оно нуждается въ міровомъ процессѣ для обогащенія себя и достиженія совершенной конкретности. Онъ упускаетъ изъ виду, что восходя отъ системы міра къ Сверхміровому и Сверхсистемному началу, отъ всякаго „что“ къ Сверхчто, мы находимъ абсолютную полноту содержательности, которая обозначается терминомъ Божественное Ничто не вслѣдствіе своей пустоты и абстрактности, а, какъ разъ наоборотъ, вслѣдствіе своей несоизмѣримой съ міровымъ содержаніемъ полноты. Такое начало обосновываетъ міръ свободно творчески, какъ нѣчто иное, чѣмъ Оно само, вовсе не нуждаясь въ мірѣ и міровомъ процессѣ, неспособномъ что-либо прибавить къ Его безмѣрной Сверхсодержательности. Поэтому міръ нельзя дедуцировать изъ сверхмірового начала; метафизикѣ остается только признавать фактъ творенія міра Высшимъ началомъ и затѣмъ объяснять этотъ фактъ смысломъ его для самаго міра, а не для Высшаго начала. Такое міропониманіе четко отличается отъ всякаго пантеизма, тогда какъ у Гегеля, несмотря на его попытки отмежеваться отъ пантеизма⁴⁴⁾, въ дѣствительности вслѣдствіе включенія міра въ составъ абсолютной идеи получается пантеистическая система философіи съ присущими пантеизму непослѣдовательностями и недостатками. Не будемъ, однако, углубляться въ этотъ вопросъ, такъ какъ онъ выходитъ за предѣлы темы статьи.

⁴²⁾ XI. т., Vorles. über die Philos. der Religion, 1. изд. Marheineke, 1832, стр. 121 с. (2. изд., стр. 193 с.).

⁴³⁾ Wiss. Logik, изд. Glockner'a, V. т., 351.

⁴⁴⁾ См., напр., XI т., Vorles. über Philos. der Religion, I. изд. Marheineke, стр. 54; 2 изд. стр. 93 с.

Проф. В. В. Зѣньковскій.

РУССКАЯ ПЕДАГОГИКА ВЪ XX ВѢКѢ.

(Критико-библиографическій обзоръ).

§ 1. Вводныя замѣчанія.—Изложить развитіе русской педагогической мысли въ XX вѣкѣ, при той скудости матеріаловъ, которыми можетъ располагать изслѣдователь, находящійся внѣ Россіи, является дѣломъ чрезвычайно труднымъ. Если я берусь все же дать обзоръ русской педагогики въ XX в., то меня побуждаютъ къ этому два обстоятельства. Съ одной стороны, не только широкіе круги русскаго общества, но даже спеціалисты-педагоги зачастую не знаютъ примѣчательныхъ явленій въ русской педагогической мысли послѣднихъ десятилѣтій, — съ другой стороны, русская революція, прервавъ нормальное развитіе русской жизни, выдвинула въ педагогикѣ рядъ хотя и уродливыхъ, но въ то же время такихъ своеобразныхъ и по своему значительныхъ явленій, что многіе вожди западной педагогики склоняются передъ ними, какъ передъ „новымъ словомъ“ русской мысли. Разобраться въ этомъ „новомъ словѣ“, отдѣлать здоровое отъ уродливаго, серьезное отъ рекламнаго, уяснить, что здѣсь взято изъ прошлаго, а что привнесено новаго—невозможно внѣ историческаго изложенія. Діалектика въ развитіи русской педагогики, хотя и осложнена всѣмъ тѣмъ, что внесла „совѣтская мысль“ сюда, но въ историческомъ освѣщеніи она оказывается не лишена своей закономѣрности. И опять-таки — только при такомъ изложеніи возможно для вдумчиваго педагога критически и объективно подойти къ той задачѣ, которая стоитъ передъ русской педагогической мыслью, къ уясненію того, въ какомъ направленіи должна развиваться эта мысль, чтобы внести свой вкладъ въ грядущее русское возрожденіе.

При выполненіи настоящей задачи авторъ стремился быть возможно болѣе объективнымъ, хотя и испытывалъ чрезвычайныя въ этомъ затрудненія, вытекающія изъ невоз-

возможности найти въ Европѣ всѣ необходимые матеріалы. Используя то, что можно было найти въ Прагѣ, въ Берлинѣ, и Парижѣ, восполнивъ печатный матеріалъ свѣдѣніями, собранными у различныхъ лицъ, нынѣ пребывающихъ въ Западной Европѣ, авторъ сознаетъ, что ему не удалось достигнуть равномерности въ изложеніи всѣхъ теченій русской педагогики. Нѣкоторыя теченія изложены подробно и на основаніи первоисточниковъ, кое что пришлось изложить бѣгло и безъ увѣренности въ точности тѣхъ матеріаловъ, которые были подъ руками. Библиографической полноты было тоже очень трудно достигнуть. Наконецъ, послѣднее и самое важное: въ настоящемъ очеркѣ дана характеристика лишь русской педагогической мысли и сознательно оставлена въ сторонѣ тема о русской школѣ, о ея различныхъ формахъ и о ея эволюціи. Причина этого лежитъ въ томъ, что съ революціей строй русской школы претерпѣлъ такія глубокія измѣненія, для описанія которыхъ понадобилось бы написать новый очеркъ. Съ этими оговорками авторъ рѣшается предложить читателямъ настоящій очеркъ¹⁾.

На порогѣ XX вѣка.

§ 2. Ушинскій и Толстой — величайшіе педагогическіе писатели XIX в. въ Россіи — оказали огромное вліяніе на русскую педагогику въ XX в. Первый завѣщаль идею органическаго синтеза въ педагогикѣ, второй выдвинулъ тотъ мотивъ, который сыгралъ такую огромную роль въ педагогикѣ XX вѣка — мотивъ свободы. Но рядомъ съ ними XIX вѣкъ выдвинулъ въ Россіи цѣлый рядъ выдающихся педагоговъ-мыслителей, какъ Пироговъ, Рачинскій, Лесгафтъ, Стоюнинъ, Бунаковъ и др. Оживленная и вдумчивая работа этихъ педагоговъ, развитіе педагогической журналистики — все это подготовило почву для работы педагогики въ XX вѣкѣ, создало то наслѣдіе, какое XIX вѣкъ завѣщаль XX вѣку. Прежде всего окончательно и серьезно впитала въ себя русская педагогическая мысль вѣру въ необходимость строгаго научнаго обоснованія педагогики. Къ началу XX вѣка стремленіе связать педагогическій процессъ съ тѣмъ, что даетъ для его пониманія наука, достигаетъ очень высокой силы, что сказывается въ развитіи научной психологіи въ Россіи

¹⁾ Какого то ни было обзора русской педагогической мысли въ XX вѣкѣ совершенно не существуетъ въ русской литературѣ. Въ брошюрѣ Пинкевича — „Совѣтская педагогика за 10 лѣтъ“ (Москва 1927 г.) данъ недурной обзоръ только совѣтской педагогики и дано нѣсколько отрывочныхъ замѣчаній о педагогикѣ до 1917 г. Въ различныхъ книгахъ по исторіи педагогики вообще или по исторіи русской педагогики (Каптеревъ, Мединскій, Пинкевичъ, Золотаревъ и др.) даны тоже неполныя и случайныя свѣдѣнія.

и въ появленіи переводовъ главнѣйшихъ руководствъ съ иностранныхъ языковъ на русскій. Изученіе и развитіе экспериментальной психологіи становится настолько замѣтнымъ, что въ XX вѣкѣ опредѣляется даже нѣсколько теченій въ этой области.

Рядомъ съ этимъ растетъ критическое отношеніе къ устоямъ прежней педагогики и прежде всего во имя личности ребенка, во имя освобожденія ребенка отъ путъ, которыя мѣшаютъ его „естественному“ развитію. Проблема свободы ребенка становится одной изъ самыхъ значительныхъ, можно сказать центральныхъ темъ русской педагогической мысли. Въ то же время начинаетъ все опредѣленнѣе (при огромномъ вліяніи З. Европы) выступать идея трудовой школы,—идея, корни которой были уже давно въ педагогическихъ исканіяхъ еще въ XIX вѣкѣ. Проблема воспитанія отодвигаетъ постепенно проблему образованія,—и въ связи съ этимъ стоитъ первоначально слабое, но потомъ все болѣе ярко развивающееся стремленіе къ цѣлостности въ воспитательномъ воздѣйствіи на ребенка. Этотъ мотивъ цѣлостности имѣетъ огромное значеніе въ русскомъ педагогическомъ сознаніи, такъ какъ онъ примыкаетъ къ однородному мотиву въ русской философіи, горячо стоявшей за идею цѣлостности личности. Въ этомъ отношеніи успѣхъ психологіи имѣлъ тоже большое значеніе, ибо въ самой психологіи этого времени все ярче сказывается идея личности, идея единства и цѣлостности душевной жизни. Какъ разъ къ началу XX вѣка возникаетъ впервые журналъ, посвященный психологіи (Вопросы психологіи и философіи), появляется нѣсколькихъ оригинальныхъ и свѣжихъ монографій по психологіи. Все это не только освѣжало педагогическое сознаніе, не только выдвигало новыя основы для педагогической мысли, но и сообщало ей ту силу, какую вообще педагогика нашла въ психологіи. Рядомъ съ этимъ увлеченіемъ психологіей, еще лишь развертывавшимся, но уже достаточно сильнымъ, въ жизни русской школы намѣчались новыя перспективы, тоже призывавшія къ творчеству. Первой ласточкой этой весны была организація — въ первые годы XX вѣка — Педагогическаго музея при управленіи военно учебными заведеніями (во главѣ съ генераломъ Макаровымъ). Вокругъ этого музея постепенно сгруппировалось много специалистовъ по педагогикѣ (Нечаевъ и друг.). Въ тѣ же первые годы возникаютъ коммерческія училища, свободныя отъ рутины, объединившія вокругъ себя молодыя силы. Къ этимъ же первымъ годамъ относится и возникновеніе первыхъ общедоступныхъ педагогическихъ журналовъ, сыгравшихъ большую роль въ развитіи педагогической мысли, а именно „Русской Школы“ и „Вѣстника Воспитанія“, а

нѣсколько позже „Школы и Жизни“ и друг. Въ области теоретической педагогики можно отмѣтить появленіе замѣчательныхъ этюдовъ Лесгафта, посвященныхъ вопросамъ семейнаго воспитанія, организацію въ рядѣ университетскихъ центровъ педагогическихъ обществъ. Русская педагогическая мысль выступила въ XX вѣкѣ съ богатымъ наслѣдствомъ, созданнымъ трудами Ушинскаго, Пирогова, Толстого, Рачинскаго, бар. Корфа, Бунакова, Стоюнина — съ смутной, но живой идеей цѣлостнаго воспитанія, съ глубокой вѣрой въ научное преобразование школьнаго дѣла, съ огромной энергіей.

Часть I.

Русская педагогика до 1917 г.

§ 3. Для того, чтобы разобраться въ томъ, что создала русская педагогика въ XX вѣкѣ, чтобы понять внутреннюю діалектику русской педагогической мысли столь осложненную тѣмъ страшнымъ потрясеніемъ, какое принесла революція 1917 г., необходимо указать сначала на основныя направленія педагогической мысли, какія развернулись въ теченіе XX вѣка, и на тѣ основныя темы, которыми была занята въ это время педагогическая мысль.

По существу мы можемъ различить три направленія въ русской педагогической мысли: 1. педагогическій натурализмъ въ его различныхъ вариантахъ, 2. педагогическій идеализмъ и 3. религіозно-педагогическое направленіе.

Педагогическій натурализмъ разными путями связанъ съ философской мыслью, предыдущихъ десятилѣтій—онъ весь проникнуть вѣрой въ природу ребенка, вѣрой въ возможность раціонализаціи педагогическаго дѣла. Русскій педагогическій натурализмъ имѣетъ двойные корни — въ просвѣщенствѣ, въ теоріи прогресса, въ утопической вѣрѣ въ преобладающую силу воспитанія — и въ религіозномъ преклоненіи передъ природными дарами ребенка, въ вѣрѣ въ чудесныя силы дѣтской души, въ ненужность и вредность всякой регламентаціи педагогическаго дѣла. Мотивъ просвѣщенства и мотивъ свободы, вѣра въ прогрессъ и вѣра въ творческія силы въ душѣ ребенка освобождаютъ педагогическій натурализмъ въ Россіи отъ узости позитивизма—скорѣе онъ полупозитивистиченъ, какъ полупозитивными были многія общія системы, склонявшіяся къ натурализму, а порой къ матеріализму (Герценъ, Чернышевскій, Писаревъ, Кавелинъ, Михайловскій и др.). Подъ покровомъ натурализма зрѣло у насъ всегда много подлиннаго идеализма, не находившаго лишь своего адекватнаго выраженія. Продуманный же и фило-

софски осознанный педагогический идеализм—кромѣ Ушинскаго (въ XIX вѣкѣ)—мы находимъ въ XX вѣкѣ лишь у нѣсколькихъ писателей.

Въ педагогическомъ натурализмѣ, въ соотвѣтствіи съ его двойными истоками, мы находимъ два основныхъ направленія: 1) научное и 2) связанное съ идеей „свободнаго воспитанія“. Мы будемъ условно называть послѣднее теченіе романтическимъ натурализмомъ и выдѣлимъ въ немъ два направлія—полупозитивистическое (Венцель и др.) и религіозное (Л. Толстой и его послѣдователи). Въ линію натурализма входитъ и вся совѣтская педагогика, но ея особенности не исчерпываются этимъ моментомъ натурализма. Совѣтская педагогика пытается быть синтетической, т. е. цѣлостной, и это ей до извѣстной степени удается, но только потому, что имѣя въ основѣ марксизмъ и матеріализмъ, она контрабандно усваиваетъ себѣ черты романтизма и даже идеализма. Изъ сказаннаго вытекаетъ слѣдующій планъ нашего изложенія:

А. Педагогический натурализмъ:

1. Научное теченіе.	} а. Полупозитивистическое.
2. Романтическое теченіе.	
3. Совѣтское теченіе.	

В. Педагогический идеализмъ.

С. Религіозно-педагогическое теченіе.

О томъ, почему мы дважды говоримъ о религіозномъ теченіи въ педагогикѣ, будетъ сказано ниже въ § 9 и 10.

§ 4. Научное теченіе въ педагогикѣ (Лесгафтъ, Лазурскій, Нечаевъ, Музыченко и др.). На первомъ мѣстѣ среди дѣятелей этого направленія должны мы поставить П. Ф. Лесгафта (1837—1909). Будучи профессоромъ анатоміи, создавшимъ біологическое направленіе въ анатоміи, извѣстный уже къ началу XX вѣка своими замѣчательными лекціями по теоріи физическаго воспитанія, Лесгафтъ еще въ концѣ XIX вѣка создалъ въ Петербургѣ курсы воспитателей и руководителей по физическому воспитанію. Въ 1905 году эти курсы были преобразованы въ „Вольную высшую школу“, закрытую черезъ два года. Нѣсколько позже онъ создаетъ собственные курсы, сохранившіеся до революціи. Изъ педагогическихъ сочиненій, прославившихъ Лесгафта, всѣ главныя его сочиненія были изданы имъ еще до начала XX вѣка, но широкое вліяніе идей Лесгафта относится именно къ XX вѣку. Отмѣтимъ прежде всего замѣчательную систему физическаго воспитанія, систематически связаннаго съ данными анатоміи и фізіологіи. Высокое педагогическое значеніе этой системы лежало не столько въ научномъ обоснованіи ея, сколько въ основной педагоги-

ческой идеѣ, требовавшей рациональнаго, но проникнутаго идеализмомъ и уваженіемъ къ ученикамъ воспитанія тѣла ученика. Всѣ, кто проходилъ курсы Лесгафта, становился не только удачнымъ практикомъ, но становился и вмѣстѣ съ тѣмъ проводникомъ того идейнаго, одушевленнаго служенія школѣ и интересамъ дѣтей, которое создало изъ учениковъ и ученицъ Лесгафта стойкихъ и преданныхъ проводниковъ его идеи. Въ исторіи физическаго воспитанія Россіи Лесгафту принадлежитъ исключительное мѣсто, въ силу указанныхъ причинъ. Физическое воспитаніе было однако для него не самоцѣлью: черезъ дисциплину тѣла онъ искалъ того, чтобы сообщить дисциплину духу, вооружить личность для жизненной борьбы навыками къ стойкости и выдержкѣ. Эта духовная сторона физическаго воспитанія имѣетъ, по Лесгафту, огромное значеніе въ путяхъ соціальной жизни, которая требуетъ отъ cadaго огромнаго развитія задерживающихъ силъ. Цѣлое поколѣніе педагоговъ, вышедшее изъ курсовъ Лесгафта, держалось его направленія—и особенно въ тяжкіе годы революціи выявилась идеалистическая природа возрѣнія Лесгафта. Нельзя не отмѣтить также ученія о школьныхъ типахъ (Лесгафтъ начисляетъ ихъ 6: лицемѣрный, честолюбивый, добродушный, мягко забитый, злобно забитый и угнетенный). Научное истолкованіе этихъ типовъ слабо и неинтересно, но самыя характеристики 6 типовъ развиты Лесгафтомъ съ мастерствомъ, возвышающимся нерѣдко до подлинной художественности. Въ частности характеристика такъ наз. мягко забитаго ребенка можетъ быть названа художественно педагогическимъ открытіемъ Лесгафта¹⁾.

Л а з у р с к і й былъ профессоромъ психологіи въ Военно-медицинской Академіи. Онъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе своей первой книгой по психологіи, носящей названіе „Наука о характерѣ“. Эта книга занимаетъ въ небогатой литературѣ по теоретической характерологіи очень значительное мѣсто, въ особенности по тому общему „динамическому“ пониманію души, которое во многомъ близко построеніямъ извѣстнаго американскаго психолога М. Dougall'a. Лазурскій написалъ еще нѣсколько мелкихъ этюдовъ, вмѣстѣ съ профессоромъ С. Л. Франкомъ разработалъ большую, страдающую впрочемъ излишней сложностью программу изученія личности (очень близко къ „психографіи“ по опредѣленію В. Штерна). Но не это заставляеть насъ упомянуть здѣсь о Лазурскомъ, — а его участіе въ созданіи т. наз. экспериментальной школы. Сама идея эта связана съ понятіемъ „естественнаго эксперимента“, которое Лазурскій выдвигалъ для теоретической психологіи. Суть этой идеи за-

¹⁾ (Литературу о Лесгафтѣ см. въ концѣ этого §).

ключается въ томъ, что наряду съ экспериментомъ въ точномъ смыслѣ этого слова, когда мы варьируемъ условія какого-нибудь явленія, искусственно усиливаемъ или ослабляемъ какую-нибудь существенную сторону въ немъ, надо признать „естественный экспериментъ“, въ которомъ мы имѣемъ дѣло съ такимъ же одностороннимъ развитіемъ или ослабленіемъ какой-либо стороны въ явленіи, но только создаваемымъ не искусственно, а естественно „само собой“, въ силу случайнаго подбора обстоятельствъ. Идея Лазурскаго была положена въ основу одной небольшой школы въ Петербургѣ—о судьбѣ которой я не располагаю достаточными свѣдѣніями. Но въ духѣ идей Лазурскаго была задумана и школа при Педагогической Академіи подъ руководствомъ проф. Нечаева. Къ сожалѣнію печатныхъ матеріаловъ и объ этой школѣ, какъ и объ огромномъ, педагогически часто очень цѣнномъ школьномъ творествѣ въ различныхъ школахъ (за періодъ 1900-хъ годовъ), тоже въ печати нѣтъ никакихъ данныхъ (кромѣ того, что написано, напр., на стран. „Свободнаго Воспитанія“ — см. объ этомъ ниже).

Съ именемъ проф. Нечаева связано не мало различныхъ начинаній въ области научной педагогики. Благодаря энергіи и живости характера, А. П. Нечаевъ, связанный въ самомъ началѣ своей дѣятельности съ Педагогическимъ музеемъ при Управленіи Военно-учебными заведеніями, сумѣлъ объединить вокругъ себя цѣлую группу молодыхъ ученыхъ, воодушевленныхъ идеей экспериментальной педагогики. Нечаевъ создаетъ большую психологическую лабораторію, въ которой проводится цѣлый рядъ экспериментальныхъ изслѣдованій, самъ очень много работаетъ въ этомъ направленіи (его изслѣдованіе функціи памяти въ зависимости отъ возраста — напечатанное въ *Zeitschrift für Psychologie* — постоянно цитируется въ руководствахъ по психологіи). Можно пожалуй даже сказать, что Нечаевъ создалъ у насъ цѣлое теченіе экспериментальной психологіи, по духу близкое направленію Мейсманп'а. Къ сожалѣнію, у самого Нечаева не было достаточной научной строгости, и на всей его школѣ легла печать поспѣшности въ обобщеніяхъ, поверхностности въ постановкѣ вопросовъ. При участіи всей группы, связанной съ Нечаевымъ, возникъ „Психоневрологическій Институтъ“ — высшее учебное заведеніе, не имѣвшее однако солидной репутаціи въ русскихъ научныхъ кругахъ. Психологія по существу оставалась здѣсь не при чемъ, и, быть можетъ, не случайно, что проф. Нечаевъ перешелъ въ создавшійся послѣ революціи Педагогическій Институтъ въ Самарѣ. О научной работѣ Нечаева въ Самарѣ имѣются лишь очень слабые намеки въ той литературѣ, которая изъ совѣтской Россіи проникаетъ въ Европу, но, конечно, самое

направленіе, съ которымъ связано имя Нечаева, живо и будетъ жить. Гораздо цѣннѣе, какъ школа, серьезнѣе по постановкѣ дѣла былъ Психологическій Институтъ имени Щукина, созданный подъ руководствомъ проф. Челпанова. Вокругъ проф. Челпанова сгруппировалось много молодыхъ психологовъ, донинѣ еще работающихъ энергично въ области психологіи, хотя и здѣсь нашлись теченія поверхностныя и недостаточно глубокія (Корниловъ, Рыбаковъ). Если еще упомянуть имя проф. Россолимо, извѣстнаго своимъ „методомъ профилей“ (отчасти переработаннымъ вполслѣдствіи проф. Э. Клапаредомъ) и небольшую группу лицъ, связанныхъ съ Россолимо, то мы собственно исчерпаемъ главныя свѣдѣнія о научно-педагогическомъ направленіи. Намъ необходимо было бы только упомянуть еще объ А. Ф. Музыченко, работавшемъ въ Кіевѣ, издавшемъ небольшую, но освѣдомленную книгу „Современныя педагогическія теченія“ и объ его ученикѣ Даденковѣ, написавшемъ небольшою этюдъ объ индивидуалистической педагогикѣ въ Германіи (Шаррельманъ).

Главные труды Лесгафта: 1. Руководство къ физическому воспитанію дѣтей школьнаго возраста, ч. I, II изд. 1901—1909 г. 2. Семейное воспитаніе ребенка и его значеніе, ч. I—III. 3. Отдѣльно ч. I „Школьные типы“ 6-ое изданіе 1910 г. О Лесгафтѣ, см. „Памяти П. Ф. Лесгафта, изд. „Школы и жизнь“ 1912 г. О трудахъ Лазурскаго упомянуто въ текстѣ. Труды Нечаева: 1. Современная экспериментальная психологія въ ея отношеніи къ вопросамъ школьнаго воспитанія. 2. Развитіе интересовъ и памяти въ школьномъ возрастѣ. 3. Очеркъ психологіи для учителей. 4. Объ ассоціаціи сходства. См. также статьи „Основной ходъ развитія псих. жизни въ связи съ вопросами воспитанія“, „О воспитаніи воли“ и пр. въ журналахъ „Русская Школа“, „Книги по Педагогической психологіи“, „Вѣстникъ Психологіи“. Тамъ же труды сотрудниковъ Нечаева — Зачиняева, Румянцева, Конорова и др. Работы д-ра Владимірскаго, Левитина и др. тоже см. въ указанныхъ журналахъ и въ „Вѣстникѣ воспитанія“ (изъ статей Левитина см. статью о Монтессори и Гербартѣ, О трудовой школѣ, Война и дѣти, Милитаризація въ школахъ Германіи и друг.).

§ 5. Мы переходимъ теперь къ тому теченію русской педагогической мысли, которое мы назвали выше романтическимъ и которое связано съ именемъ Л. Толстого. Въ развитіи педагогическихъ идей Толстого нужно различать два періода — ранній и поздній, между которыми стоитъ эпоха формированія у него религіознаго міровозрѣнія и суровой, беспощадной критики современной культуры. Мы имѣемъ передъ собой такимъ образомъ два комплекса педагогическихъ идей у Толстого — одинъ можетъ быть съ полнымъ правомъ охарактеризованъ, какъ крайній педагогическій индивидуализмъ, переходящій въ педагогическій анархизмъ, а другой — какъ обостренный педагогическій морализмъ съ религіознымъ оттѣнкомъ. Въ силу этого толстовское вліяніе

въ русской педагогической мысли тоже приобрѣло двойственный характеръ, — оно объединило какъ подлинныхъ толстовцевъ, со всѣми ихъ типическими чертами, такъ и тѣхъ мыслителей и педагоговъ, которые раздѣляли лишь руссоизмъ Толстого, его пламенную защиту индивидуальности и его критику современной культуры.

Если Кантъ говорилъ о „радикальномъ злѣ“ человѣческой природы, то руссоизмъ Толстого сводится къ ученію о радикальномъ добрѣ человѣческой природы. Этотъ мотивъ ранней педагогики Толстого былъ всегда чрезвычайно близокъ русскому сознанию. Правда, педагоги 60—70 годовъ не считались серьезно съ мыслями Толстого, но черезъ нѣсколько десятилѣтій, когда толстовство проявилось какъ определенное морально-религіозное направленіе, — оно создало и для педагогическихъ воззрѣній Толстого широкую возможность развитія и вліянія. Въ самомъ началѣ XX вѣка группа послѣдователей Толстого создаетъ (во главѣ съ И. И. Горбуновымъ Посадовымъ) издательство „Посредникъ“; формирование этой группы совпадало съ болѣе широкимъ вліяніемъ моральныхъ и философскихъ идей Толстого. Какъ примѣръ, иллюстрирующий это теченіе, приведемъ исторію такъ наз. „Дома свободнаго ребенка“. Въ началѣ XX вѣка при Московскомъ Педагогическомъ обществѣ (состоявшемъ при Университетѣ) образовалась группа лицъ, работавшая до того времени въ комиссіи по вопросамъ нравственнаго воспитанія, а затѣмъ выдѣлившаяся въ особую „комиссію семейной школы“. Изъ лицъ, работавшихъ въ этой комиссіи, образовалось двѣ группы — одна создала дѣтскій садъ, другая занялась организаціей „семейной школы“, впоследствии „Дома свободнаго ребенка“. Мы не будемъ слѣдить за работами этой комиссіи и ея предпріятій, какъ не будемъ слѣдить и за практическими шагами третьей группы, создавшей, подъ вліяніемъ американскихъ педагогическихъ начинаній, особое общество „Сетлементъ“. Судьба педагогическихъ начинаній этихъ трехъ группъ очень любопытна и показательна для тѣхъ идей, которыми одушевлено было самое дѣло. Но для насъ важнѣе уяснить себѣ самыя идеи, тотъ педагогическій замыселъ, который легъ въ основу этихъ начинаній. При изложеніи этихъ идей мы, въ виду краткости мѣста, объединимъ вмѣстѣ нѣсколько теченій, жившихъ одной и той же вѣрой въ правду свободнаго развитія ребенка. Мы будемъ характеризовать эти теченія тѣмъ идейнымъ знаменемъ, которое было начертано на томъ печатномъ органѣ, который былъ проводникомъ этихъ идей — я имѣю въ виду — „Свободное воспитаніе“. Хотя и другіе педагогическіе органы этого времени тоже давали много мѣста идеямъ свободнаго воспитанія (особенно журналъ „Вѣстникъ воспита-

нія“), однако есть достаточно оснований характеризовать всю группу, о которой идетъ рѣчь, какъ группу „свободнаго воспитанія“. Мы включаемъ сюда толстовцевъ — Горбунова-Посадова, Горбунову-Посадову, близкихъ къ толстовству — Венцеля (наиболѣе серьезнаго теоретика группы), С. Н. Дурьлина — тогда уже отдѣлившася отъ толстовства, а также Шацкаго, А. І. Зеленко, Л. К. Шлегеръ, супруговъ Н. В. и М. В. Чеховыхъ, Фортунатовыхъ¹⁾.

§ 6. Обще принципы „Свободнаго Воспитанія“. — Исходной основой педагогическихъ построений всѣхъ группъ, объединившихся вокругъ идеи „свободнаго воспитанія“, является вѣра въ творческія силы ребенка, въ его внутреннее устремленіе къ раскрытію своихъ силъ и вѣра въ то, что въ этомъ раскрытіи творческихъ силъ ребенка всякое внѣшнее, даже самое благотворное вліяніе будетъ имѣть тормозящее дѣйствіе. Освобожденіе ребенка отъ всякаго внѣшняго воздѣйствія, устраненіе всякаго авторитетнаго начала въ взаимоотношеніи взрослыхъ и дѣтей, предоставленіе полнаго простора самодѣятельности и инициативѣ ребенка, — все это — педагогическія переложенія идей Руссо о „радикальномъ добрѣ“ дѣтской природы и о благотворномъ значеніи полной свободы въ естественномъ цвѣтеніи дѣтской души. Одинъ изъ педагоговъ группы свободнаго воспитанія выразился такъ: „наклонности у дѣтей всегда въ началѣ направлены къ добру, но съ возрастомъ добрыя наклонности начинаютъ исчезать: очевидно виновато вліяніе взрослыхъ“. Венцель, который наиболѣе послѣдовательно и обдуманно защищалъ идею свободнаго воспитанія, пишетъ такія слова: „ребенокъ нуждается въ великой хартіи свободы, надо уважать въ немъ ту свободу человѣческой личности, которая въ немъ скрыта... Ребенку въ семьѣ должна быть гарантирована та же свобода, какой пользуются и взрослые члены семьи. Если мы хотимъ воспитать свободныхъ людей, мы должны стремиться къ уничтоженію и устраненію всякаго личнаго авторитета“. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ пишетъ: „современная школа, уничтоживъ естественную потребность въ ребенкѣ, усыпивъ его интеллектъ, замѣняетъ потребность принужденіемъ, свободное усиліе, сопровождаемое чувствомъ счастья, тяжелымъ, тягостнымъ трудомъ“. „Школьная жизнь, вся построенная на

¹⁾ Изъ огромной русской литературы о Толстомъ, какъ педагогѣ, выдѣлимъ: Ашевскій. Л. Толстой какъ педагогъ въ критикѣ 70-хъ годовъ. Русская школа 1915. Каптеревъ. Исторія русской педагогикн гл. 25, 26 и 27; безчисленныя статьи въ журналѣ „Свободное Воспитаніе“. Въ Совѣтской педагогической литературѣ появилось тоже не мало статей, посвященныхъ Толстому — изъ нихъ особенно выдѣлимъ статью Шацкаго („Народный учитель“ 1928 г. № 9). Иностранная литература о Толстомъ, какъ о педагогѣ, тоже значительна, особенно американская.

принужденіи, абсолютно противоположна жизни естественной, свободно раскрывающейся и развертывающейся“.

Венцель и другіе авторы неустанно воспѣваютъ тѣ великія возможности, которыя скрыты въ дѣтяхъ и которыя не раскрываются потому, что имъ не даютъ свободы. Поэтому они принципиально изгоняютъ всякое принужденіе въ воспитаніи и исключаютъ всякое наказаніе. Въ проектѣ одного изъ педагоговъ такого направленія находимъ такое мѣсто: „какія-либо карательныя мѣры безусловно не допускаются. Единственный способъ воздѣйствія на ученика — это убѣжденіе (слушать которое онъ не обязанъ) и исключеніе изъ школы“. Въ отвѣтъ на сомнѣнія въ возможности создать школу безъ принудительнаго начала Венцель пишетъ: „идеаломъ школы является полное устраненіе всякаго принудительнаго начала, и школа тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ въ ней меньше принужденія“... Тутъ же однако Венцель отмежевывается отъ принципиальнаго анархизма въ педагогикѣ и пишетъ: „устраненіе принудительнаго начала нисколько не означаетъ отказа воспитателя отъ активнаго вмѣшательства въ дѣло воспитанія, нисколько не ведетъ къ пассивности“. „Но вмѣсто того, чтобы дѣйствовать прямо на воспитанника, воспитатель дѣйствуетъ на окружающую среду... пользуясь методомъ косвеннаго воздѣйствія“.

Понятно, что въ систему свободнаго воспитанія можетъ входить лишь та „естественная дисциплина“, принципы которой систематически изложилъ Г. Спэнсеръ. Впрочемъ Толстой выдвигалъ этотъ принципъ еще въ своихъ запискахъ о Яснополянской школѣ, а въ группѣ „свободнаго воспитанія“ его раздѣляли всѣ. Горбунова-Посадова однако признается въ брошюрѣ „Домъ свободнаго ребенка“: „Я, какъ и другіе участники Дома свободнаго ребенка, часто приходила въ большое отчаяніе отъ безпорядка, шума, шалостей и ссоръ дѣтей“. Чрезвычайно поучительна вторая статья въ той же брошюрѣ, принадлежащая перу И. В. Кистяковской, одной изъ руководительницъ „Дома свободнаго ребенка“. Здѣсь необыкновенно убѣдительно вскрыто разложеніе того принципа всецѣлой свободы, на которомъ былъ построенъ „Домъ свободнаго ребенка“. При этомъ очень существенно, что инициатива устраненія этого принципа исходила отъ самихъ дѣтей. „Вся положительная работа дѣтскихъ собраній, замѣчаетъ Кистяковская, является отрицаніемъ того пониманія принципа свободы, какое господствовало вначалѣ: вся она проникнута провозглашеніемъ началъ обязательности для всѣхъ и ответственности cadaго передъ всѣми“.

Провозглашеніе принципа самодѣятельности и полной свободы вылилось въ отверженіе всякой заранѣе составленной программы школьной работы. Для всего этого направленія

характерно привлеченіе дѣтей къ активному участию въ организаціи школы. Если одни при этомъ требуютъ скромно, чтобы „дѣти были посвящены въ планъ преподаванія“, то другіе уже требуютъ, чтобы „дѣтямъ было предоставлено право высказаться по поводу выбора предметовъ обученія“. Одна учительница высказала убѣжденіе, что лишь пока дѣти малыши они не могутъ участвовать въ выработкѣ программы, но постепенно они должны быть привлекаемы къ этому, причемъ имъ ничего нельзя навязывать, а можно только предлагать. Поэтому не должно быть никакихъ обязательныхъ группировокъ. „Идеаль школы былъ бы достигнуть, пишетъ Венцель, если бы ребенокъ могъ переходить отъ одного предмета къ другому по собственному усмотрѣнію и желанію и брать отъ cadaго предмета, сколько ему понадобится“.

Положительная задача школы формулируется здѣсь, какъ развитіе творческихъ силъ, заложенныхъ въ ребенкѣ. Въ статьѣ, носящей характерное названіе „Идеальная школа будущаго“ („Свободное воспитаніе“ 1908-9 г. № 8), Венцель формулируетъ положительную задачу школу въ такихъ словахъ: „методъ работы долженъ быть методомъ освобожденія въ ребенкѣ творческихъ силъ“. Чрезвычайно характерна здѣсь мысль о необходимости именно „освобожденія“ творческихъ силъ, которыя являются какъ бы задавленными въ обычной школьной жизни. Въ другомъ мѣстѣ Венцель пишетъ: новая школа, „должна особенно лелѣять творческія силы въ ребенкѣ“. Всѣ воспитательныя задачи должны быть подчинены этой высшей цѣли — развитію творческихъ силъ, въ частности творческой воли въ ребенкѣ. Центральное мѣсто въ школѣ должно занять развитіе воли или сознательной творческой активности.

Въ самой тѣсной связи съ всѣмъ этимъ строимъ мыслей стоитъ крайній соціально-педагогическій утопизмъ — вѣра въ то, что черезъ школу возможно преобразить самую жизнь. Въ основѣ педагогическаго утопизма лежитъ всегда мотивъ цѣлостной школы, т. е. преодоленіе тѣхъ искусственныхъ перегородокъ, которыя отдѣляютъ школу отъ жизни. Но вмѣстѣ съ свободой для педагогической мечты черезъ педагогическій утопизмъ получаетъ свое выраженіе и соціальная мечтательность, исканіе путей къ осуществленію соціального идеала.

Въ группѣ педагоговъ, объединившихся подъ знаменемъ „Свободнаго воспитанія“, оба эти мотива педагогическаго утопизма звучали чрезвычайно сильно. Приведемъ отрывокъ изъ вступительной статьи редактора „Свободнаго Воспитанія“ И. Н. Горбунова-Посадова въ первомъ номерѣ журнала (1907—8): „Новая школа будетъ мѣстомъ для свободнаго труда, для свободнаго общенія между дѣтьми и тѣ-

ми, кто хочет имъ помочь.. Въ новой школѣ не будетъ мѣста никакому принужденію, никакому насилію надъ дѣтской душой, во имя чего бы оно ни производилось. Въ новой школѣ будутъ стремиться къ тому, чтобы сломать стѣны, отдѣляющія школу отъ жизни... Реформа жизни и реформа воспитанія неразрывно связаны другъ съ другомъ и должны итти рука объ руку". Въ упомянутой уже статьѣ „Идеальная школа будущаго" Венцель пишетъ: „Это будетъ не школа, а „Домъ свободнаго ребенка“, въ которомъ рѣчь должна итти не объ учебномъ планѣ, а о планѣ жизни“. „Это должна быть маленькая педагогическая община, состоящая изъ дѣтей, руководителей и родителей. Домъ Свободнаго Ребенка долженъ быть не только мѣстомъ ученія, но и мѣстомъ жизни, долженъ быть мастерской... долженъ представлять изъ себя маленькую хозяйственную единицу, маленькую трудовую ассоціацію“. Это раствореніе школы въ жизни чрезвычайно характерно для всего цикла идей даннаго направленія, вскрывая основную мысль педагогической утопіи.

Защитники „свободнаго воспитанія" упрекаютъ современную школу въ томъ, что она „дрессируетъ дѣтей въ цѣляхъ принаравленія къ существующему общественному режиму"... Мы увидимъ позже, какое развитіе получитъ этотъ мотивъ въ совѣтской педагогикѣ. Но для группы „Свободнаго воспитанія" на первомъ планѣ все же стояли педагогическіе, а не социальныя мотивы, вѣрнѣе говоря: правильное воспитаніе, какъ его понимаетъ данное направленіе, есть необходимая база социальнаго переустройства. И. Н. Горбуновъ-Посадовъ писалъ въ одномъ мѣстѣ: „школа, ставши мѣстомъ братскаго общенія съ дѣтьми новыхъ учителей — друзей ихъ дѣтства, сдѣлавшись мѣстомъ дѣтскаго труда и творчества, станетъ новой ступенью къ царству братства старшихъ и младшихъ“. „Истинный ключъ къ прочной и устойчивой реорганизации общественнаго строя на новыхъ началахъ, читаемъ мы у Венцеля, — свободное воспитаніе и образованіе всѣхъ дѣтей безъ исключенія“. „Только въ той мѣрѣ, читаемъ у него же въ другомъ мѣстѣ, въ какой школа въ своей организациіи воплощаетъ идеальный строй общественной жизни, она воспитываетъ въ своихъ питомцахъ представителей истинной общественности“.

Въ этой педагогической утопіи ея авторъ отводитъ большое мѣсто дѣтскому производительному труду: высоко цѣня трудовое начало, онъ хочетъ, чтобы оно не было лишь методическимъ принципомъ, не было предметомъ обученія, но чтобы оно было подобно жизненному труду, т. е. выросло бы изъ реальныхъ потребностей и имѣло производительный характеръ. Въ одной статьѣ Венцель пи-

шетъ: „въ школѣ будущаго производительный трудъ явится основнымъ и главнымъ дѣломъ. Дѣтскій производительный физическій трудъ является дѣйствительно совершенно новымъ словомъ въ педагогикѣ, и осуществленіе его въ возможно болѣе широкихъ размѣрахъ призвано произвести цѣлый радикальный переворотъ во всей области воспитанія и образованія. Не мастерскія надо переносить въ школы, читаемъ мы тутъ же, а школу надо перенести въ мастерскія. Производительный трудъ надо понимать однако не въ экономическомъ смыслѣ, но онъ обнимаетъ тѣ формы труда, которыя связаны съ удовлетвореніемъ естественныхъ нормальныхъ потребностей человѣка“. Кистяковская, въ упомянутой уже своей статьѣ о Домѣ свободнаго ребенка, меланхолически замѣчаетъ что, „все что было достигнуто въ смыслѣ объединенія дѣтскаго умственного и физическаго труда, было не то объединеніе на основѣ производительнаго труда, о какъ мы мечтали вначалѣ“. Необходимо тутъ же отмѣтить героическія попытки ряда педагоговъ создать экспериментальныя школы для провѣрки и углубленія трудового принципа. Упомянемъ о двухъ интересныхъ попыткахъ, отчеты о которыхъ можно найти на страницахъ того же „Свободнаго Воспитанія“. Первая попытка, начатая Е. Фортунатовой, Л. Шлегеръ и А. Фортунатовымъ (см. статьи „Изъ опыта одной экспериментальной школы“. Св. Вос. 1910—11 и 1914—15) была интересна какъ „провѣрка принципа творческой наглядности и трудового начала“. Сама школа была основана въ 1909 г. именно какъ педагогическая лабораторія. Другой опытъ былъ продѣланъ г-жей Кондаковой, школа которой просуществовала всего одинъ годъ (отчетъ о ней см. тоже въ Своб. Воспит.).

§ 7. Какъ стояли вопросы духовнаго воспитанія въ системѣ идей свободнаго воспитанія? Здѣсь очень существенно упомянуть о тѣхъ взглядахъ Толстого, которые высказывались имъ въ послѣдніе годы. Если въ періодъ Яснополянскихъ экспериментовъ Л. Толстой стоялъ за принципъ всецѣлой, безграничной свободы, то послѣ происшедшаго у него духовнаго перелома вопросы моральнаго и религіознаго порядка стали настолько опредѣляющими во всемъ его міросозерцаніи, что это не могло не отразиться и на педагогическихъ его взглядахъ. Толстой выдвигаетъ въ качествѣ основы воспитанія принципъ служенія Добру и самосовершенствованіе. Незадолго до смерти онъ высказался объ этомъ на страницахъ „Свободнаго Воспитанія“; тамъ же были помещены выдержки изъ его сочиненій и писемъ, касающіяся вопросовъ воспитанія. Во всѣхъ этихъ отрывкахъ Толстой опредѣленно и горячо выступаетъ въ защиту религіозной педагогики, т. е. въ защиту религіознаго ея обоснованія и

проникновенія религиозныхъ началъ въ постановку всего школьнаго и воспитательнаго дѣла. Послѣдователи Толстого, конечно, шли за нимъ, но въ группѣ сотрудниковъ „Свободнаго воспитанія“ было и другое направленіе, наиболѣе яркимъ представителемъ котораго является все тотъ же Венцель.

Основная мысль новаго подхода къ педагогическимъ вопросамъ у Толстого можетъ быть выражена слѣдующими словами: „въ основу воспитанія должно быть положено религиозное пониманіе жизни“. „Задача воспитанія, замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ Толстой, въ томъ, чтобы воспитывать дѣтей примѣнительно не къ настоящему, а къ будущему, возможно лучшему состоянію человѣческаго рода“. Поэтому въ воспитаніи особенно существенно развивать духовныя силы ребенка, освобождая его отъ всего поверхностнаго, условнаго: „все воспитаніе связано съ внушеніемъ добра“. Какъ видимъ, Толстой отступаетъ отъ принципа абсолютной свободы и требуетъ подчиненія всего воспитательнаго дѣла высшимъ религиознымъ принципамъ. Тутъ же Толстой выражаетъ одну изъ любимыхъ своихъ мыслей: „для того, чтобы воспитаніе было успѣшно, надо, чтобы воспитывающіе люди не переставая воспитывали себя. Воспитаніе представляется сложнымъ и труднымъ дѣломъ только до тѣхъ поръ, пока мы хотимъ, не воспитывая себя, воспитывать своихъ дѣтей или кого-нибудь другого, а если это понять, то упраздняется самый вопросъ о воспитаніи и остается одинъ вопросъ жизни: какъ надо самому жить“. Для „Свободнаго Воспитанія“ Толстой написалъ специальную статью „О воспитаніи“ (Св. Вос. 1909—10 № 2), проводящую тѣ же мысли и слова, подтверждающую его положеніе, что „разумное воспитаніе только и возможно при постановкѣ въ основу его ученія о религіи и нравственности“.

Религиозное обоснованіе педагогики совпадаетъ у Толстого съ мотивомъ цѣлостной идеологіи, съ требованіемъ приблизить школу къ жизни такъ, чтобы движущими силами школы были не особыя педагогическія требованія, а требованія самой жизни. Мысль, что воспитывать другихъ можно, лишь воспитывая себя, а воспитывать себя значитъ искать для себя правды и воплощать ее въ жизнь, эта мысль и образуетъ принципъ цѣлостной педагогики, не знающей отдѣленія педагогики отъ жизни.

Идеи Толстого развивалъ его послѣдователь, И. И. Горбуновъ-Посадовъ, а такъ же Н. С. Дурьлинъ, ставшій впослѣдствіи православнымъ священникомъ. Въ пользу религиознаго направленія въ воспитаніи высказалась и часть приверженцевъ свободнаго воспитанія; значительная же часть возставала противъ религиознаго элемента въ воспитаніи.

„Подъ флагомъ современнаго, такъ называемаго, религіознаго воспитанія, читаемъ мы у одного писателя по педагогическимъ вопросамъ (Е. Лозинскій. Религіозное начало въ жизни и воспитаніи. Вѣстник. Воспит. 1907 г. № 7), совершается мучительный и до глубины души возмущающій процессъ деморализаціи ребенка“. Борьба противъ религіознаго воспитанія главнымъ образомъ опредѣлялась отверженіемъ церковнаго религіознаго воспитанія. Съ особенной ясностью это видно у Венцеля, который въ общемъ не является противникомъ религіи, но защищаетъ и въ этой области абсолютную свободу ребенка. Его книга „Этика и педагогика творческой личности“ (1912) развиваетъ идею свободнаго религіознаго творчества у дѣтей. „Во имя развитія творческихъ силъ въ ребенкѣ, пишетъ онъ, мы должны употребить всѣ свои усилія, чтобы подорвать въ челоуѣчествѣ вѣру въ абсолютную истину“. Въмѣсто этого Венцель (какъ въ свое время Лессингъ) выдвигаетъ на первый планъ исканіе истины, которое стимулируетъ творчество и зоветъ каждую личность идти ея собственнымъ путемъ въ установленіи идеала. „Цѣль нравственнаго воспитанія, замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ Венцель, вовсе не во внушеніи добра, а въ пробужденіи у ребенка самостоятельной и свободной воли, самобытнаго нравственнаго творчества, для котораго нашъ идеаль является только матеріаломъ, свободно и творчески перерабатываемымъ въ болѣе высокія формы“. Важны еще слѣдующія слова: „Мы должны остерегаться считать ребенка свободнымъ только потому, что мы отказались отъ своей власти надъ нимъ. Это одно обстоятельство еще не дѣлаетъ ребенка свободнымъ, потому что надъ нимъ продолжаютъ тяготѣть всякаго рода цѣпи. Наша задача не въ томъ, чтобы объявить ребенка свободнымъ, а въ томъ, чтобы помочь ему фактически и дѣйствительно стать свободнымъ ребенкомъ“. Въ этихъ словахъ Венцель намѣчаетъ очень важную и трудную задачу воспитанія къ свободѣ; изъ самой этой задачи вытекаютъ такія особенности педагогическаго воздѣйствія, которыя никакъ не могутъ быть совмѣщены съ системой всецѣлой свободы. Но Венцель не останавливается на этомъ затрудненіи.

Венцель подчеркиваетъ, что его пониманіе свободнаго воспитанія вовсе не связано съ крайнимъ индивидуализмомъ. Трудно, однако, истолковать его взглядъ иначе, какъ въ тонахъ радикальнаго индивидуализма: это особенно хорошо видно изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ Венцель говоритъ о религіозномъ воспитаніи. „Религіозное воспитаніе, пишетъ онъ, должно быть свободно, оно не должно задаваться цѣлью внѣдрять въ дѣтей ту или иную ортодоксальную религію, какой бы высокій типъ она ни представляла — оно должно по-

мочь ребенку создать творческимъ путемъ свою собственную религію. Только личная религія, творчески созданная самой индивидуальностью... можетъ быть названа религіей въ истинномъ смыслѣ слова“. Венцель, развивая это, конечно, абсурдное положеніе (ибо суть и функція религія только и можетъ состоять въ томъ, что она соединяетъ чловѣка съ тѣмъ, что выше его — поэтому „творческое созданіе религіи“ есть абсурдъ), не побоялся договорить до конца свои мысли. Не удивительно поэтому, что въ одной статьѣ Венцель признаетъ за дѣтьми право „выбирать себѣ ближайшихъ воспитателей и отказываться и уходить отъ своихъ родителей, если они оказываются плохими воспитателями“.

§ 8. С. Т. Шацкій и его группа. — Педагогическая дѣятельность Шацкаго и группы лицъ, примыкающихъ къ нему, можетъ быть условно раздѣлена на два періода — до 1917 г. и послѣ него. По существу, особаго различія оба періода эти не представляютъ, но послѣ революціи Шацкій сталъ очень близокъ къ кругамъ, стоящимъ у власти, а въ 1924 г. онъ даже зачислился въ коммунистическую партію — и нельзя сомнѣваться, что онъ сдѣлалъ это искренно и сознательно. Это какъ разъ и отдѣляетъ одинъ періодъ педагогической дѣятельности Шацкаго отъ другого, ибо второй періодъ цѣликомъ принадлежитъ къ „совѣтской“ педагогикѣ. Въ настоящемъ мѣстѣ мы имѣемъ въ виду коснуться обоихъ періодовъ дѣятельности Шацкаго, поскольку это нужно, чтобы охарактеризовать его общіе взгляды, о чемъ рѣчь будетъ еще ниже при изложеніи совѣтской педагогики. вмѣстѣ съ Шацкимъ мы соединяемъ небольшую группу лицъ, хотя и не сливающихся съ нимъ во всѣхъ его педагогическихъ исканіяхъ, но все же очень тѣсно примыкающую къ нему. Я имѣю въ виду А. І. Зеленко, его жену А. М. Зеленко, Л. И. Шлегеръ и другихъ.

Въ журналѣ „Народный Учитель“ (1928, XII) Шацкій самъ рассказалъ о своемъ педагогическомъ пути¹⁾, и мы будемъ слѣдовать въ нашемъ изложеніи. этой автобіографіи

Въ 1905 г. въ Москвѣ возникло общество „Сетлементъ“, имѣвшее своею цѣлью развитіе дѣтскихъ колоній и клубовъ по типу американскихъ. Горячимъ и даровитымъ защитникомъ этой работы былъ Зеленко, инженеръ по образованію, но ставшій педагогомъ по призванію. Шацкій въ томъ же 1905 г. открылъ недалеко отъ Москвы дѣтскую трудовую колонию, въ которой оформились впервые его педагогическіе взгляды; во всякомъ случаѣ свою основную идею Шацкій намѣчаетъ уже въ то время, — а именно: задача педагоги заключается въ томъ, чтобы помочь дѣтямъ найти са-

¹⁾ См. также его книгу „Годы исканій“.

михъ себя, помочь дѣтямъ въ ихъ жизни. По самому типу работы, по матеріалу, съ которымъ онъ имѣлъ дѣло, Шацкій стоялъ внѣ школы, но за то онъ имѣлъ возможность реально почувствовать огромныя педагогическія возможности, заложенныя въ томъ типѣ работы, какую онъ велъ. На слѣдующій годъ, благодаря одной щедрой благотворительницѣ, Шацкій получилъ возможность организовать настоящую дѣтскую общину. Въ книгѣ „Бодрая жизнь“ описаны эти опыты Шацкаго съ чрезвычайной яркостью и подкупающимъ энтузіазмомъ. Не будучи педагогомъ по образованію, Шацкій однако увлекся своей работой и какъ разъ именно идеей трудовой дѣтской общины. Соціально-педагогическія перспективы, передъ нимъ открывшіяся, удачныя результаты работы, сказавшіеся на дѣтяхъ, обратили на Шацкаго общее вниманіе — и съ тѣхъ поръ русскіе педагоги всюду съ большимъ вниманіемъ и интересомъ слѣдятъ за всѣмъ, что дѣлается Шацкимъ. Его несомнѣнный педагогическій талантъ, новые пути воспитанія вызвали общій интересъ къ нему, хотя не малая часть педагоговъ отнеслась очень скептически къ его начинаніямъ. Въ 1908 г. дѣятельность Шацкаго, подпавшаго подъ подозрѣніе политической полиціи, была пріостановлена, и его незаурядная педагогическая энергія обратилась на литературную, чисто теоретическую разработку интересовавшей его идеи. Лишь послѣ революціи Шацкій снова получилъ возможность интенсивной практической работы.

Основная идея Шацкаго въ этотъ періодъ его дѣятельности связана съ воспитаніемъ личности, съ раскрытіемъ творческой индивидуальности; вопросы школы, въ этотъ періодъ, почти совсѣмъ его не интересуютъ. Въ этомъ слѣдуетъ видѣть ключъ къ педагогическимъ возрѣніямъ Шацкаго: онъ не знаетъ школы, какъ таковой, часто судитъ о ней по воспоминаніямъ своего дѣтства.

Стоя внѣ школы и совершенно не интересуясь тѣми условными и спеціальными задачами, которыми живетъ школа, Шацкій все время стремился понять свое вмѣшательство, какъ педагога, въ жизнь дѣтей съ точки зрѣнія интересовъ ихъ созрѣванія. Полная независимость въ постановкѣ педагогическихъ вопросовъ отъ традицій, отъ требованій государства и современной жизни, сосредоточеніе на имманентной логикѣ созрѣванія личности роднитъ Шацкаго со всей группою „Свободнаго Воспитанія“. Но педагогическое своеобразие Шацкаго — не только въ уясненіи служебной (въ отношеніи къ жизни личности) роли воспитанія; онъ очень рано вынесъ изъ своего опыта убѣжденіе, что совершенно недопустимымъ является стремленіе взрослыхъ навязывать дѣтямъ типъ и формы той жизни, какой живутъ сами взрослые.

Дѣти живутъ своей собственной жизнью, и если мы въ воспитаніи стремимся приучить дѣтей къ нашей жизни, то мы не только занимаемся лишней и ненужной задачей, не только мѣшаемъ дѣтямъ въ томъ, что реально ихъ наполняетъ, но главное: мы не помогаемъ имъ тамъ именно, гдѣ они нуждаются въ нашей помощи. Наше педагогическое вмѣшательство можетъ имѣть лишь одно оправданіе, одинъ смыслъ, — если мы помогаемъ дѣтямъ въ ихъ жизни, помогаемъ имъ быстрее и лучше усвоить то, что имъ нужно. Превращеніе воспитанія въ служебную функцію дѣтской жизни — такова основная линія, по которой все время движется педагогическая мысль Шацкого. По существу, Шацкій больше интересуется соціальной, чѣмъ педагогической работой — преобразованиемъ жизни, а не помощью дѣтямъ въ раскрытіи и формированіи ихъ личности. Начавъ съ чисто индивидуалистическаго обращенія къ ребенку, Шацкій постепенно переходитъ къ темамъ соціальнаго, а не педагогическаго характера: задача школы, по Шацкому, можетъ быть, формулирована такъ, что школа должна помочь дѣтямъ въ ихъ дѣтской жизни, ускоряя процессъ нахожденія дѣтьми тѣхъ подходящихъ формъ соціальной жизни и личнаго творчества, которыя имъ нужны. „Школа должна стать центромъ, организующимъ дѣтскую жизнь“, читаемъ въ одномъ мѣстѣ у Шацкого: „разрѣшеніе дѣтскаго вопроса, читаемъ тутъ же, не въ томъ, чтобы всѣ дѣти были грамотны, а въ томъ, чтобы они умѣли жить“. „Школа должна перестать быть учебнымъ заведеніемъ и должна стать дѣтскимъ центромъ“. Въ преодолѣніи идеи школы, какъ „учебнаго заведенія“, заключается главный пафосъ Шацкого въ оба періода его дѣятельности. Онъ категорически отвергаетъ ту школьную систему, которая совершенно не интересуется окружающей средой, живетъ своей собственной жизнью. Въ оторванности отъ жизни, въ мнимомъ самодовлѣніи самой себѣ такой школы дано безповоротное ея осужденіе. „За столѣтіе педагогической работы мы изобрѣли много средствъ, ядовито пишетъ Шацкій, отвлеченія ребенка отъ того, что ему дѣйствительно нужно“. Въ отвлеченности, нежизненности школы дана самая глубокая ея критика. Но не удовлетворяетъ Шацкого и та школьная система, которая интересуется окружающей средой, но имѣетъ въ виду все же свои особыя школьныя задачи: изученіе среды здѣсь является лишь методически удачнымъ и плодотворнымъ приемомъ, здѣсь сохраняется убѣжденіе, что школа является единственнымъ мѣстомъ воспитанія и образованія дѣтей, т. е. взглядъ на школу, какъ на „учебное заведеніе“ остается въ силѣ. Для Шацкого важно, чтобы школа измѣнила именно эту исходную свою точку зрѣнія: не среда для школы, а школа для

среды; школа должна работать въ окружающей средѣ, „должна войти въ нее, какъ факторъ реорганизаціи самой жизни“. „Организуя дѣтскую среду, школа должна явиться крупнымъ факторомъ, вліяющимъ на общественную жизнь“. „Школа должна стать частью жизни, дѣлающей свое дѣло въ области культуры дѣтскаго быта каждый моментъ, каждый часъ, когда она работаетъ“.

Въ 1924 г. Шацкій вступилъ въ составъ коммунистической партіи. Многие, кто зналъ и цѣнилъ Шацкаго за его педагогическій талантъ, были горестно удивлены этимъ, хотя никто не усомнился въ томъ, что онъ совершилъ этотъ шагъ свободно, по внутреннимъ мотивамъ. Мы видѣли, что и раньше исканія Шацкаго были больше устремлены въ сторону социальную, чѣмъ педагогическую, а послѣ революціи для Шацкаго, какъ онъ самъ пишетъ въ своей автобіографіи (Народный учитель. 1928 г. XII), сталъ необходимъ „переходъ отъ общихъ смутныхъ (!) цѣлей воспитанія къ отчетливымъ, яснымъ цѣлямъ, поставленнымъ въ жизненную очередь пролетарской революціей“. „Прежняя формула, что трудовая школа есть осуществленная организація дѣтской жизни, оказалась теперь неудовлетворительной“. „Роль школы, думаетъ теперь Шацкій, это роль организатора массового педагогического процесса... Надо работать надъ такой педагогической системой, которая явилась бы нужной, жизненной для широкихъ массъ трудящихся... Я не сомнѣваюсь, что эта педагогическая система будетъ одной изъ наиболѣе цѣнныхъ системъ. Она явится однимъ изъ сильнѣйшихъ орудій въ рукахъ пролетаріата въ дѣлѣ созданія новаго коммунистического общества“...

Школа, какъ видимъ, должна служить орудіемъ для преображенія общества: социальный утопизмъ здѣсь переходитъ въ педагогическій. Это конечно послѣдовательно и логично ...

Главнымъ источникомъ для изученія всей группы „Свободнаго Воспитанія“ является журналъ „Свободное Воспитаніе“, существовавшій около 10 лѣтъ (съ осени 1907 по 1917). Статьи въ этомъ журналѣ даютъ главный матеріалъ. Изъ отдѣльныхъ книгъ, кромѣ педагогическихъ сочиненій Л. Толстого (а также его главныхъ сочиненій, посвященныхъ критикѣ современности: „Такъ что же намъ дѣлать“ и другія статьи) укажемъ К. Н. Венцель 1. Борьба за свободную школу. 2. Освобожденіе ребенка. 3. Какъ создать свободную школу. 4. Идеальный дѣтскій садъ. 5. Этика и педагогика творческой личности. Н. В. Чеховъ: Свободная школа. Клечковскій. Современное воспитаніе и новые пути. Горбуновъ-Посадовъ. Дѣти — работники будущаго. С. Н. Дурылинъ. Въ школьной тюрьмѣ. Кистяковская и Горбунова-Посадова. Опытъ новой школы (Домъ свободнаго ребенка). Каптеревъ. Исторія русской педагогики.

Книги Шацкаго: Дѣти работники будущаго. Бодрая жизнь. Годы исканій. Трудъ и отдыхъ; его статьи въ журналахъ „Свободное Воспитаніе“ (до 1917 г.), „Народный учитель“, „Народное Просвѣщеніе“, „На путяхъ новой школы“, а также статьи Зеленко и Шлегеръ въ тѣхъ же журналахъ.

§ 9 Педагогическая мысль послѣ революціи 1917 г. Водвореніе совѣтской власти въ Россіи и создавшійся въ ней режимъ лишилъ русскую мысль всякой свободы, привелъ къ изгнанію и уходу изъ Россіи значительной части интеллигенціи, въ самой Россіи всюду выдвинулъ на первое мѣсто лишь тѣхъ, кто партійно или идеологически примыкалъ къ коммунистической партіи. Для русской школы, для русской педагогики наступилъ тяжелый моментъ — хотя официальное педагогическое творчество приняло, какъ и въ другихъ областяхъ культуры, необыкновенные размѣры. Правящіе круги стремились сдѣлать школу проводникомъ совѣтской политики, связали съ ней свою идеологію, свою антирелигіозную компанію, начатое ими объединеніе коммунистической молодежи (т. наз. комсомоль). Одновременно была провозглашена къ обязательному исполненію доктрина трудовой школы, хотя реальныхъ условій для приложенія къ школѣ принциповъ трудового воспитанія не было на лицо. На старыхъ педагоговъ былъ объявленъ походъ, учащіеся и особенно среди нихъ члены комсомола получили право рѣшающаго вліянія на школьную жизнь, элементы всякой дисциплины были отвергнуты, а позже появились требованія къ учителямъ о сдачѣ экзаменовъ по политической грамотѣ. Недовѣріе къ учителямъ, какъ носителямъ „буржуазной идеологіи“, диктовало самыя невѣроятныя требованія къ нимъ, матеріальное положеніе школъ и учителей достигло крайняго оскудѣнія. Русское учительство въ массѣ не дрогнуло, осталось на своихъ постахъ, чтобы служить молодому поколѣнію, несмотря на невыносимыя порой условія, въ которыя оно было поставлено. Официально и официозно учительству не разъ было выражено недовѣріе, но при невозможности замѣнить его кѣмъ-либо приходилось мириться съ нимъ. Между тѣмъ развалъ въ русской школѣ въ теченіе 1919—20—21 г. достигъ такихъ острыхъ, небывалыхъ формъ, что въ центральномъ управленіи по дѣламъ просвѣщенія (наркомпросъ) должны были приступить къ регуляціи школьнаго дѣла. Исторія реформы русской школы 1923 г. (а также реформы 1928 г. и наконецъ 1931 г.)¹⁾, эволюція учебныхъ плановъ, обязательныхъ методическихъ новшествъ необыкновенно поучительна и внѣ Россіи,—но здѣсь не мѣсто излагать эту исторію. Надо однако отмѣтить, что для „знатныхъ иностранцевъ“ — всюду въ крупныхъ центрахъ

¹⁾ См. объ этомъ содержательный очеркъ проф. Гессена и Н. Ф. Новожилова „Десять лѣтъ совѣтской школы“ Русская школа за рубежомъ № 28 (Прага 1927—28). См. также англійскую книгу N. Hans and S. Hesse n Educational Policy in Soviet Russia. London 1930; очень важны статьи С. I. Гессена въ повременныхъ изданіяхъ о новѣйшихъ этапахъ совѣтской школы.

были устроены образцовыя школы, находящіяся въ прекрасныхъ матеріальныхъ условіяхъ, съ подборомъ лучшихъ педагогическихъ силъ, съ просторомъ для педагогической инициативы. Конечно, только тѣ, кто, прїѣзжая въ совѣтскую Россію, не знаетъ русскаго языка и находится подъ контролемъ спеціальныхъ совѣтскихъ чичероне, могутъ дать ввести себя въ обманъ, по существу же, пользуясь матеріалами только совѣтской общей и спеціальной прессы, можно категорически утверждать, что внутренне и внѣшне никогда русская школа не была въ такомъ бѣдственномъ положеніи, какъ теперь.

И все же, несмотря на всѣ тяжести гнета, обрушившагося на русскую школу, за годы совѣтской власти педагогическое творчество не затихло. Въ сферѣ педагогическаго творчества революція принесла просторъ и свободу,—но лишь для той группы, которая была связана съ властью и опредѣляла курсъ педагогической политики; въ этой части существуетъ несомнѣнная и органическая преемственность между дореволюціонной и революціонной педагогикой. Вокругъ главныхъ вождей довольно скоро сформировалась группа молодыхъ педагоговъ, — и такъ создалось большое и своеобразное теченіе совѣтской педагогики. Очень часто оно просто повторяетъ идеи, которыя раньше выражались на страницахъ дореволюціонныхъ изданій — въ особенности журнала „Свободное воспитаніе“, но основной акцентъ подчиненія школы цѣлямъ коммунистическаго строительства рѣзко отличаетъ новую эпоху отъ предыдущей. На первый планъ выступили лишь тѣ, кто входилъ въ коммунистическую партію или примыкалъ къ ней. Осталась, правда, небольшая группа беспартійныхъ педагоговъ, стоявшая на принципѣ сотрудничества съ правящими кругами во имя интересовъ русскаго просвѣщенія, но значительная часть должна была умолкнуть, лишь изрѣдка выступая съ тѣмъ или инымъ печатнымъ матеріаломъ. Въ русской эмиграціи, при общихъ тяжелыхъ условіяхъ ея существованія, не заглохла все же педагогическая мысль, существовалъ долго журналъ „Русская школа за рубежомъ“, организованное въ 1923 г. Педагогическое бюро по дѣламъ русской школы созвало за это время 5 педагогическихъ съѣздовъ. Какъ теоретическія направленія въ эмиграціи проявили себя два направленія: идеалистическое, представленное проф. С. И. Гессеномъ и 2. религіозное, представленное авторомъ настоящаго этюда. О построеніяхъ этихъ двухъ теченій тоже скажемъ нѣсколько словъ.

§ 10. Обратимся къ изученію совѣтской педагогики. Обзоръ огромной литературы, вышедшей за 15 лѣтъ, очень труденъ; нѣкоторую помощь можетъ оказать работа одного

изъ виднѣйшихъ представителей совѣтской педагогики А. П. Пинкевича. „Совѣтская педагогика за 10 лѣтъ, 1917—1927 г.“ (2 ое издание 1927 г.). По признанію автора этой брошюры „изученіе совѣтской теоріи педагогическаго процесса еще только начинается“... Пока „существуютъ лишь элементы цѣлостной системы совѣтско-марксистской и коммунистической педагогики“. Вопреки этому мнѣнію, мы думаемъ, что „система“ совѣтской педагогики уже ясно выражена, что теоретическія ея основаія тоже достаточно уже намѣчены. Не будетъ поэтому преждевременно дать оцѣнку тѣхъ претенціозныхъ построений, которыми заполнена совѣтская педагогика. При изложеніи ея мы не будемъ отдѣльно слѣдить за эволюціей взглядовъ отдѣльныхъ авторовъ (напр. Крупской, Блонскаго, Шацкаго и друг.), но попытаемся, насколько это возможно, дать болѣе законченное и цѣлостное раскрытіе совѣтской педагогики.

Первой общей чертой совѣтской педагогики надо признать ея чрезвычайную жадность ко всѣмъ „последнимъ словамъ“, какія только слышатся въ наукахъ, связанныхъ съ педагогикой. Рефлексологія и бихевиоризмъ получили въ совѣтской педагогикѣ такое пышное примѣненіе, пользовались долгое время такимъ успѣхомъ¹⁾, который сразу необъяснимъ — особенно изъ предыдущей эпохи русской психологіи, сравнительно съ которой надо говорить теперь о настоящемъ декадансѣ. Dalton plan, Project method тоже съ необычайной быстротой получили признаніе въ совѣтской педагогикѣ. Конечно, изъ новѣйшей науки избирается лишь то, что въ какой-нибудь степени соотвѣтствуетъ общимъ принципамъ совѣтской философіи (т. е. діалектическому материализму). Но самая поспѣшность усвоенія и пропагандированія такихъ идей есть несомнѣнно и нѣчто большее, есть желаніе представить совѣтскую философію, какъ наиболѣе отвѣчающую строгой наукѣ. Совѣтскіе философы и педагоги вѣрятъ страстно въ коммунизмъ, живутъ имъ и не допускаютъ ни малѣйшей критики; идея коммунистической реорганизаціи общества есть абсолютная истина для нихъ, о которой непозволительно даже вопрошать. Съ наивнымъ и грубымъ фанатизмомъ они устраняютъ вопросы, слѣпо вѣря въ свою истину и лишь ища ея всецѣлаго раскрытія, — это схоласты (въ дурномъ смыслѣ этого слова). Совѣтская педагогика, конечно, есть для нихъ ancilla коммунистической теологіи, и въ этой своеобразной религіозной установкѣ ихъ творчества лежитъ объясненіе многихъ чертъ совѣтской педагогики. Но будучи психологически системой

¹⁾ За послѣдніе годы совѣтская философія рѣзко выступила противъ теоріи „среды“, противъ рефлексологіи.

„теологіи“, совѣтская філософія боится осознать релігійозный характеръ своихъ утвержденій, ибо исторически коммунизмъ связанъ съ борьбой противъ всякихъ абсолютныхъ началъ. Отсюда эта глубокая потребность искать въ наукѣ поддержку и обоснованіе, хотя по существу совѣтская філософія мыслить себя сверхнаучной. Освободиться отъ классовыхъ предразсудковъ можно, по мнѣнію совѣтскихъ мыслителей, лишь связавъ себя съ сверхклассовой коммунистической идеологіей.

Всѣ эти черты проникаютъ въ самый замыселъ совѣтской педагогики и придаютъ ей „міросозерцательный“ характеръ. Я не знаю, какъ можно иначе выразить ту черту совѣтской педагогики, въ силу которой она связываетъ очень послѣдовательно и настойчиво свои педагогическія построенія со всѣмъ своимъ міровозрѣніемъ. Мотивъ цѣлостности переходитъ въ совѣтской педагогикѣ границы чисто формальнаго или даже идейнаго согласованія—онъ изнутри выступаетъ какъ мотивъ релігійозной цѣлостности, какъ требованіе не только философскаго единства, но и жизненной творческой цѣлостности. Это надо имѣть въ виду, чтобы понимать отдѣльныя утвержденія совѣтской педагогики: ихъ нельзя принимать или критиковать внѣ всей совѣтской философіи, ибо они стремятся быть органическими частями ея.

Но во имя мотива цѣлостности педагогика здѣсь не только отказывается отъ своей идейной автономіи, — она по существу становится чисто технической и прикладной дисциплиной — чрезвычайно важной практически, но совершенно бѣдной теоретически. Этотъ мотивъ техничности педагогическаго дѣла ни въ малѣйшей степени не можетъ быть сближаемъ съ ученіемъ о художественной природѣ педагогики: если педагогика есть искусство, она должна знать вдохновеніе — и конечно свободное вдохновеніе, ибо инымъ оно не можетъ быть. Но въ совѣтской педагогикѣ ясно чувствуется моментъ цензуры, строго слѣдящей за тѣмъ, чтобы педагогика развивалась въ предѣлахъ, указанныхъ основными идеями коммунизма. Въ этой своеобразной релігійозной системѣ боятся свободы именно потому, что боятся за систему, а потому и педагогика лишается права свободного изслѣдованія, права на хотя бы относительную автономію. Возможность быть заподозрѣннымъ въ остаткахъ буржуазнаго сознанія создаетъ внутреннюю несвободу.

Второй типической чертой совѣтской педагогики является ея утопизмъ, — какъ это ярко сказывается въ ученіи о цѣляхъ школы. Въ программѣ коммунистической партіи мы читаемъ: „Школа должна стать орудіемъ коммунистическаго перерожденія общества, должна стать проводникомъ

идейнаго, організаціоннаго, воспитательнаго вліянія пролетаріата на полупролетарскіе и непролетарскіе слои трудящихся массъ въ цѣляхъ воспитанія поколѣнія, способнаго окончательно установить коммунизмъ“, „должна готовить всесторонне развитыхъ членовъ коммунистическаго общества“. Эта официальная программа опредѣляетъ все направленіе совѣтской педагогики, отдающей себя на то, чтобы послужить задачѣ „окончательнаго“ установленія коммунизма. Говорится все это, конечно, серьезно и рѣшительно, идеаль коммунистическаго общества объявляется если не близкимъ къ осуществленію, то во всякомъ случаѣ могущимъ быть осуществимымъ при героическомъ напряженіи всѣхъ силъ. Школа должна служить преобразенію жизни — такова утопическая установка эта. Забывается то, что въ иномъ мѣстѣ утверждается со всей силой, а именно забывается зависимость школы, какъ и всѣхъ формъ жизни, отъ объективныхъ общественныхъ условій. Въ современномъ обществѣ — возможно ли готовить „членовъ коммунистическаго общества“? Вѣдь коммунизмъ есть идеаль и мечта для самихъ коммунистовъ — съ другой стороны уйти отъ вліянія среды, согласно другимъ принципамъ совѣтской психологіи, совершенно невозможно. Пинкевичъ пишетъ въ одномъ мѣстѣ: „наша педагогика — педагогика матеріалистическая... ибо она придаетъ рѣшающее значеніе воспитывающей и образывающей средѣ.“ Но именно при такомъ пониманіи педагогики невозможно воспитать „члена коммунистическаго общества“, когда нѣтъ на лицо этого коммунистическаго общества. Таковы типическія блужданія всякаго утопизма — и понятно что при дальнѣйшемъ развитіи педагогики неожиданно выдвигается идея „педагогика переходной эпохи“, а цѣлью педагогическаго процесса ставится уже не воспитаніе „членовъ коммунистическаго общества“, а воспитаніе поколѣнія способнаго вести борьбу за осуществленіе коммунизма. Это есть грандіозный замыселъ обращенія всего молодого поколѣнія въ коммунистическую вѣру, а всякая забота о дѣтяхъ, какъ таковыхъ, заподозривается въ „классовой установкѣ“. Прежняя психологія дѣтства, учившая о ребенкѣ „вообще“, отвергается какъ разъ за то, что оне не признавала, что нѣтъ дѣтей „вообще“, а есть дѣти своей эпохи, своего класса. Съ одной стороны принадлежность къ классу настолько фундаментальна, что она заслоняетъ все, съ другой стороны она оказывается такой незначительной, что съ ней можно не считаться и готовить къ борьбѣ за сверхклассовую коммунистическую мечту.

Противорѣчія въ теоретической области у совѣтскихъ педагоговъ вытекаютъ изъ того, что будучи формой утопизма, она, вмѣстѣ со всей системой экономическаго матеріализма,

не хочет сознать принципиальной идеалистичности своей установки и ищет своего обоснования в системѣ натуралистической философіи.

Прослѣдимъ дальше работу педагогической мысли у нашихъ авторовъ. Основная педагогическая идея школы вѣ совѣтской Россіи есть идея трудовой школы. Самъ по себѣ принципъ трудовой школы выдвигался вѣ русской педагогикѣ еще вѣ XIX вѣкѣ у Кривенко (вѣ книгѣ „Физическій трудъ какъ необходимый элементъ вѣ образованіи“), у Ушинскаго, у Л. Толстого. Вѣ XX вѣкѣ вѣ дореволюціонные годы идея трудовой школы получила чрезвычайно широкое распространіе — особенно много вниманія, какъ уже было отмѣчено выше, посвятилъ идеѣ трудовой школы журналъ „Свободное Воспитаніе“. Другіе педагогическіе журналы отводили постоянно много мѣста какъ переводнымъ такъ и оригинальнымъ статьямъ о трудовой школѣ. Но во время совѣтской власти вѣ Россіи идея трудовой школы стала офіціальнымъ и обязательнымъ лозунгомъ. Мы не будемъ говорить о томъ, что практически вышло изъ этого, — наша задача отмѣтить лишь теоретическіе взгляды по вопросу о трудовой школѣ. Первоначально двѣ идеи, принадлежащія разнымъ педагогамъ (Крупской и Блонскому), опредѣляли теоретическіе планы вѣ построеніи трудовой школы: принципъ политехничности и идея индустриализаціи школы, связи школы съ производствомъ. Принципъ политехничности требуетъ „всесторонняго изученія трудовой дѣятельности“ — этимъ имѣется вѣ виду ослабить моментъ спеціализаціи и профессионализаціи вѣ школѣ. Крупская больше другихъ писала именно объ „общеобразовательномъ“ значеніи политехническаго трудового воспитанія. Блонскій первый выдвинулъ другую идею — непосредственнаго связыванія школы съ производствомъ. „Трудовая школа, читаемъ мы вѣ одной книгѣ, есть орудіе выработки новаго человѣка и новой культуры, культуры пролетаріата, основанной непосредственно на условіяхъ общественнаго труда“. „Не трудъ самъ вѣ себѣ, пишетъ Пистрякъ, трудъ абстрактный, заключающій какъ будто вѣ своей безсоціальной сущности воспитывающіе элементы, является основой для трудового воспитанія. Трудъ, какъ затрата мозговой или мускульной энергіи, имѣетъ ничтожное значеніе при нашихъ цѣляхъ воспитанія. Мы не отрицаемъ нѣкотораго значенія принципа моторности вѣ обученіи, но это лишь маленькая частичка болѣе общаго вопроса о коммунистическомъ трудовомъ воспитаніи. Нѣтъ, основа коммунистическаго воспитанія есть трудъ, взятый вѣ общей перспективѣ нашей современности, соціально освѣщенный трудъ, на которомъ съ желѣзной необходимостью вы-

ростаєть опредѣленное пониманіе современности". Рядъ книгъ¹⁾ заняты вопросомъ о трудовомъ участіи школы въ окружающей средѣ, жизни, о непосредственномъ контактѣ школы и жизни. Одинъ изъ авторовъ (Пистрякъ) въ докладѣ, прочитанномъ въ Лейпцигѣ на педагогическомъ съѣздѣ „Школа и общество“ (см. Народный учитель 1928 VII-V), договаривается до такихъ положеній: „Всѣ „живыя“ школы, если онѣ не вырождаются и не подчиняются требованіямъ государства, логикой вещей эволюціонируютъ отъ педагогическихъ проблемъ къ социальнымъ и начинаютъ понимать, что подлинное педагогическое реформаторство тѣснѣйшимъ образомъ связано съ необходимостью коренной, социальной перестройки общественныхъ отношеній“. Основной грѣхъ лучшихъ изъ такихъ школъ, читаемъ тутъ же, въ томъ, что они идеалистически мечтаютъ о преобразованіи общественныхъ нравовъ при помощи педагогическаго и культурнаго воздѣйствія на ребятъ. Но лозунгъ, что надо исходить отъ ребенка, затушевываетъ сущность социальныхъ противорѣчій и подмѣняетъ широкую классовую борьбу мелкимъ и безперспективнымъ реформированіемъ, исправленіемъ человѣческихъ душъ безъ коренной перестройки матеріальнаго базиса. Два пути лежатъ передъ такими попытками: либо вырожденіе, либо переходъ на сторону революціи. Выходъ изъ положенія въ основномъ одинъ: социальная борьба вмѣсто реформированія“.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что нѣкоторые совѣтскіе педагоги (больше всего Шульгинъ) пришли къ своеобразной теоріи „отмиранія школы“, ненужности ея въ будущемъ. Эта теорія была объявлена въ послѣднее время „лѣвымъ уклономъ“, была сурово осуждена партіей (см. объ этомъ интереснѣйшую „покаянную“ статью сотрудницы Шульгина — Крупениной въ журналѣ „На путяхъ къ новой школѣ“ за 1931 г.), но она внутренне связана съ идеями совѣтской педагогики, съ ея логикой. Идея цѣлостной школы, связывая себя съ принципами коллективизма, уходя отъ проблемы личности (всякая остановка на этой проблемѣ разсматривается какъ возвратъ къ буржуазнымъ началамъ), естественно заканчивается самоупражденіемъ школы.

Чтобы закончить знакомство наше съ тенденціями и построєніями совѣтской педагогики, скажемъ еще о нѣсколькихъ характерныхъ отдѣльныхъ чертахъ ея. „Дальтоновскій планъ“, получивши большое распространіе и признаніе въ

¹⁾ Шульгинъ. Общественно необходимая работа школы, 1925 г. Шацкій. Изученіе жизни и участіе въ ней, 1925 г. Бернштейнъ. Что школа даетъ населенію. Пинкевичъ. Педагогика т. II. Крупская. Вопросы политехническаго воспитанія, 1930. Шульгинъ. Пятилѣтка и задачи народнаго образованія, 1930 г. и много другихъ книгъ.

совѣтской педагогикѣ, постепенно вызывалъ реакцію, какъ „способствующій развитію индивиду истического уклона у дѣтей“. Большимъ успѣхомъ, по своему внутреннему сродству съ принципами трудовой школы, получилъ такъ называемый методъ проектовъ, возникшій впервые въ Америкѣ, а также комплексный методъ. Изъ другихъ интересныхъ особенностей совѣтской педагогики, необходимо отмѣтить, что здѣсь придается огромное значеніе физическому воспитанію, которое чрезвычайно развилось и окрѣпло въ совѣтской школѣ. Въ связи съ развитіемъ физическаго воспитанія стоитъ милитаризація совѣтской школы, о чемъ пишутъ и что проводятъ всѣ вожди совѣтской педагогики (начиная съ Крупской).

Литература педагогическая въ совѣтской Россіи очень велика. Укажемъ прежде всего на главные журналы — „Народное просвѣщеніе“, „На путяхъ къ новой школѣ“, „Народный учитель“, „Революція и культура“. Укажемъ также работы наиболѣе вліятельныхъ и типическихъ въ своихъ построеніяхъ совѣтскихъ педагоговъ: Крупская 1. Въ поискахъ новыхъ путей (Сборникъ статей) 1924 г. 2. Народное образование и демократія. 3. На третьемъ фронтѣ. Блонскій 1. Трудовая школа ч. I—II. 1919 г. 2. Основы педагогики 1925 г. 3. Педология 1927 г. 4. Трудные школьники 1927 г. Пинкевичъ 1. Педагогика ч. I—II. 1924—5 г. 2. Исторія педагогики 1924 г. Шульгинъ 1. Основные вопросы социальнаго воспитанія. 1924 г. 2. Общественная работа въ школѣ. 1924 г. Калашниковъ 1. Индустриально-трудовая школа 1924 г. Пистракъ Насущныя проблемы современной совѣтской школы 1925 г. Основные проблемы трудовой школы. Генелинъ, Салтыковъ и Сыркинъ. Основные вопросы совѣтской дидактики 1929. Свядковскій Дальтонпланъ и его примѣненіе къ совѣтской школѣ 1927 г. Шульгинъ Въ борьбѣ за марксистскую педагогику 1928. Пятилѣтка и задачи народнаго образованія 1930. Крупская Вопросы политехническаго воспитанія 1930. Шацкій 1. Этапы новой школы 1923. 2. Годы исканій 1923. 3. Изученіе жизни и участіе въ ней. Сборникъ „Вопросы комплекснаго обученія въ школѣ (подъ ред. Иванова, Иорданскаго) 1925 г. Педагогическая энциклопедія подъ редакціей Калашникова 1927 г. Физическая культура въ научномъ освѣщеніи (подъ ред. Радина, Зикмунда и Ненюкова) 1924 г. А. Фортунатовъ Теорія трудовой школы въ ея историческомъ развитіи. Трудъ и досугъ ребенка (подъ редакціей Гельмонта) 1927 г. На путяхъ къ педагогическому самообразованію (о Дальтоновскомъ принципѣ) подъ редакціей проф. М. М. Рубинштейна. Къ оцѣнкѣ совѣтской педагогики см. указанную выше статью проф. Гессена и Новожилова. О трудовой школѣ пишутъ и не стоящіе на совѣтской платформѣ педагоги: Тутышкинъ (Рига 1923 г.), Болтуновъ (Москва 1923 г.) и другіе.

§ 11. Въ совѣтской Россіи закрыта возможность печатать свои труды для тѣхъ педагоговъ, которые не сливаются съ совѣтскимъ направленіемъ въ педагогикѣ. Немногія исключенія лишь рѣзче отмѣняютъ этотъ фактъ. — но съ тѣмъ большимъ вниманіемъ необходимо отмѣтить такія теченія въ русской педагогической мысли послѣ революціонной эпохи. Они преимущественно связаны съ педагогами, пребывающими въ эмиграціи, но среди эмиграціи оказалось очень мало лицъ, работающихъ по вопросамъ теоретической педагогики. Мы

можемъ отмѣтить, какъ уже было указано, лишь два направленія — 1. Идеалистическое и 2. Религіозное.

Изъ пишущихъ донинѣ въ совѣтской Россіи педагоговъ перваго направленія мы можемъ отмѣтить только одного — проф. М. М. Рубинштейна. Принадлежа къ направленію новѣйшаго философскаго идеализма¹⁾, безъ болѣе точной и ясной опредѣленности міровозрѣнія (насколько можно судить по извѣстнымъ намъ работамъ), Рубинштейнъ еще до революціи выдвинулся, какъ педагогъ, своей книгой „Педагогическая психологія въ связи съ общей педагогикой“. Это одна изъ лучшихъ русскихъ книгъ по общей педагогикѣ, отличающаяся свѣжестью матеріала, ясностью изложенія и принципиальнымъ ориентированіемъ педагогики на философіи цѣнностей. Въ цѣломъ рядъ работъ дореволюціоннаго и послѣдореволюціоннаго періода („Объ эстетическомъ воспитаніи“, „О религіозномъ воспитаніи“, „Общественное или семейное воспитаніе“, „Психологія учителя“ и другіе), въ новыхъ изданіяхъ своей Педагогической психологіи (послѣднее изданіе вышло въ 1928 г. въ Москвѣ), Рубинштейнъ остается вѣренъ принципамъ педагогическаго идеализма. Для теоретической педагогики его различныя утвержденія не имѣютъ, однако, очень большой цѣнности въ силу того, что Рубинштейнъ слишкомъ обще и неопредѣленно высказывается всюду, не развивая общихъ идей. Гораздо большую цѣнность представляютъ собой работы проф. С. И. Гессена, пребывающаго въ эмиграціи. Среди ряда его работъ принципиальное значеніе принадлежитъ его большому и основательному труду „Основы педагогики“, въ которомъ принципы педагогическаго идеализма формулируются съ большой четкостью и опредѣленностью. По своему философскому направленію Гессенъ связанъ съ Риккертомъ, въ духѣ идей котораго написана первая философская работа Гессена, обратившая на себя всеобщее вниманіе и дѣйствительно представляющая изъ себя большую цѣнность. Работа эта „Die individuelle Kausalität“ была напечатана лишь по нѣмецки и никогда не появлялась на русскомъ языкѣ. Въ духѣ этихъ же идей трансцендентализма, обогащеннаго такъ называемымъ діалектическимъ („гетерологическимъ“), методомъ, были написаны его „Основы педагогики“, представляющія опытъ прикладной философіи, а затѣмъ Гессенъ написалъ рядъ интересныхъ, а порой и замѣчательныхъ философскихъ этюдовъ, а также рядъ цѣнныхъ статей, посвященныхъ проблемамъ правового социализма. Позднѣйшее философское творчество Гессена

¹⁾ Тяжелое впечатлѣніе остается у читателя отъ новѣйшихъ работъ проф. Рубинштейна, гдѣ онъ старательно доказываетъ, что онъ не поклонникъ метафизическаго идеализма, а сторонникъ лишь нормативнаго идеализма (см. книгу „Психологія учителя“, Москва 1927 г.).

обнаружило большую широту и гибкость, способность къ широкому синтезу, но тѣмъ самымъ и затуманило первоначальную точность его трансцендентализма. Насколько можно судить по работамъ Гессена для него философски характернымъ является его гетерологическій методъ, а не отдѣльныя его построения.

Система педагогики Гессена связана со слѣдующими основными идеями: 1. Ступени воспитательнаго воздѣйствія должны опираться на ступени духовнаго созрѣванія ребенка. Основнымъ духовнымъ процессомъ для Гессена является только моральное созрѣваніе, внѣ котораго въ духовной жизни нѣтъ темъ воспитанія. Это типично кантіанская точка зрѣнія формулируется затѣмъ въ схемѣ, которую Гессенъ беретъ у Наторпа и которую онъ не хочетъ даже провѣрить въ конкретной психологии моральнаго развитія ребенка. Ступени моральнаго созрѣванія у дѣтей таковы по Гессену: аномія, геретомія и автономія. Въ соотвѣтствіи съ этими тремя ступенями духовнаго созрѣванія и должна быть раскрыта логика педагогическаго процесса. Задача теоретической педагогики по Гессену въ томъ и заключается, чтобы показать и философски дедуцировать совпаденіе имманентной логики педагогическаго процесса и эмпирическихъ ступеней въ моральномъ созрѣваніи дѣтей. 2. Съ помощью гетерологическаго метода Гессенъ вскрываетъ, какъ въ каждой ступени воспитательнаго процесса вбирается цѣнное содержаніе предыдущей стадіи и „просвѣчиваетъ“, по любимому выраженію Гессена, слѣдующая стадія. Въ анализѣ этихъ взаимныхъ связанностей, въ розысканіи логической подготовки синтеза Гессенъ проявляетъ большое философское мастерство. 3. Совершенно понятно, что центральнымъ педагогическимъ понятіемъ у Гессена является не воспитаніе, а образованіе, но не въ смыслѣ чисто интеллектуальнаго развитія, а въ смыслѣ нѣмецкаго *Bildung*. Оформление внутренняго матеріала, образующая, и, если угодно, воспитательная его сила связана именно съ тѣмъ, что личность ребенка раскрывается правильно, лишь формируя себя въ соотвѣтствіи съ законами моральной сферы.

Изъ этихъ предпосылокъ и вытекаетъ вся система педагогики у Гессена. Она связана съ великой идеей личности какъ носителя духовной жизни—и все, что можетъ дѣлать школа, и заключается въ томъ, чтобы помочь личности углубить и осознать внутренній (діалектическій) законъ, которому она подчинена въ своемъ созрѣваніи.

Въ отдѣльныхъ частяхъ своей педагогики, написанной порой съ большимъ мастерствомъ и очень удачно, хотя порой и слишкомъ схематично (въ ущербъ реальному многообразію педагогической мысли), располагающей современную

педагогическую мысль по ступенямъ ея діалектическаго движенія, Гессенъ высказываетъ много цѣнныхъ педагогическихъ идей. Отмѣтимъ нѣкоторыя особенно существенныя и цѣнныя части его работы: борьбу съ руссоизмомъ (толстовствомъ), уясненіе и раскрытіе идеи наказанія, разборъ принциповъ дошкольнаго воспитанія (Фребель и Монтессори), начала критической дидактики и т. д. Въ заключеніе хотѣлось бы намъ сказать объ отношеніи проф. Гессена къ идеѣ цѣлостной школы.

По синтетическому замыслу всей своей педагогики Гессенъ, конечно, раздѣляетъ идею цѣлостной школы, но онъ мыслить ее все же въ соотвѣтствіи съ идеей гетерологіи. Миновать діалектику въ отношеніи школы и жизни въ развитіи соціальнаго и индивидуальнаго сознанія ему невозможно, и это освобождаетъ Гессена отъ существеннѣйшихъ проблемъ цѣлостной школы, надъ которыми мучается современная педагогическая мысль. Гессенъ, къ сожалѣнію, слишкомъ поглощенъ вопросами формальной логики, формальной діалектики школьной жизни и дѣла; интересы философской послѣдовательности въ послѣднемъ счетѣ удаляютъ Гессена отъ темъ конкретной педагогики, которыми онъ интересуется лишь для иллюстраціи своихъ основныхъ философскихъ идей. Педагогическій идеализмъ Гессена очень высокаго качества, какъ идеализмъ, но онъ бѣденъ именно въ своей обращенности къ педагогикѣ. Это типично для Гессена, а быть можетъ типично для педагогическаго идеализма вообще въ наше время. Проблемы цѣлостной школы не могутъ быть поставлены и поняты внѣ той міросозерцательной борьбы, которая идетъ нынѣ. При всѣхъ своихъ уродствахъ совѣтская педагогика ближе подходитъ къ этимъ темамъ, чѣмъ педагогическій идеализмъ, не могущій выйти за предѣлы той проблематики, которая связана съ формой педагогическаго процесса. Религіозное же направленіе педагогики, къ которому мы теперь переходимъ, по существу ближе къ постановкѣ проблемъ въ совѣтской педагогикѣ, чѣмъ у Гессена.

Основные работы Рубинштейна: 1. Педагогическая психологія въ связи съ общей педагогикой. 4 изд. 1924 г. 2. Идея личности, какъ основа міровозрѣній. 3. Исторія педагогическихъ идей. 2 изд. 4. Эстетическое воспитаніе дѣтей. 3 изд. 1924 г. 5. Семейное или общественное воспитаніе. 2 изд. 1918 г. 6. Основа трудовой школы. 2 изд. 1922 г. 7. О смыслѣ жизни. 1927 г. Не упоминаемъ о болѣе специальныхъ трудахъ и о многочисленныхъ статьяхъ Рубинштейна въ педагогическихъ журналахъ, особенно въ „Вѣстникѣ Воспитанія“.

Основные труды Гессена: 1. Основы педагогики. 2. Фребель и Монтессори (по нѣмецки въ журналѣ *Erziehung*, по русски въ журналѣ „Русская школа“). См. также рядъ педагогическихъ статей, издаваемыхъ Гессеномъ въ журналѣ „Русская школа за рубежомъ“, въ журналѣ *Erziehung*, въ *Handbuch d. Pädagogik herausgeg. von Nohl*, а также статьи по философіи культуры, о правовомъ социализмѣ въ журналахъ „Современныя записки“ и „Новый Градъ“.

§ 14. Мы знакомы уже съ тѣмъ направленіемъ религіозной педагогики, которое было связано съ Толстымъ и съ его религіозной системой. Религіозное толстовство не было однако сильнымъ и яркимъ теченіемъ, сплошь и рядомъ переходило въ сектанство и, вообще, толстовство въ педагогикѣ должно быть опредѣлено какъ отвлеченный морализмъ съ религіознымъ обоснованіемъ. Творческое ядро толстовства, дѣйствительно, заключено въ служеніи отвлеченному Добру, во имя котораго и личность и культура должны быть приносимы въ жертву. Въ своемъ этюдѣ объ ученіи о безсмертіи у Толстого я показалъ¹⁾, что религіозный морализмъ Толстого имѣетъ имперсоналистическій характеръ — именно отсюда слѣдуетъ объяснять религіозное увяданіе въ толстовствѣ.

Среди представителей православно-церковной педагогики, занимавшихъ, на примѣръ, кафедры педагогики въ духовныхъ Академіяхъ, нельзя назвать въ ХХ вѣкѣ ни одного значительнаго имени. Идеи Ушинскаго и Рачинскаго стали оживать уже послѣ революціи, когда вообще была отчетливо и ясно поставлена проблема православной культуры (См. изданный мной сборникъ „Православіе и культура“. Берлинъ 1922 г.). Общій религіозный переломъ, давно подготовлявшійся въ русской философіи и литературѣ (Гоголь, Достоевскій, Л. Толстой и Вл. Соловьевъ), нашедшій яркое свое выраженіе незадолго до революціи въ возникновеніи ряда религіозно-философскихъ обществъ (Петербургъ, Москва, Кіевъ), завершился въ годы революціи глубокимъ и плодотворнымъ религіознымъ возрожденіемъ въ Россіи, которое тѣмъ замѣчательнѣе, чѣмъ болѣе мучительны внѣшнія условія въ русской жизни. Совершенно естественно, что литературное свое выраженіе это нашло лишь въ эмиграціи: возникновеніе православнаго Богословскаго Института создало возможность развитія русской богословской науки внѣ Россіи. Что касается религіозной педагогики, то на долю автора настоящей статьи выпала честь быть ея представителемъ въ Богословскомъ Институтѣ (Парижъ) и руководить спеціальнымъ Религіозно-Педагогическимъ Кабинетомъ при Богословскомъ Институтѣ, возникшимъ въ 1927 г. Такъ называемое Русское Студенческое Христіанское Движеніе, православное и церковное по существу, съ 1926 г. развило очень значительную религіозно-педагогическую работу и въ настоящемъ уже съ полнымъ правомъ можно говорить о религіозно-педагогическомъ теченіи, проявившемъ себя теоретически и практически. Кромѣ автора настоящаго этюда, съ

¹⁾ Ученіе Толстого о безсмертіи въ сборникѣ „Религія Л. Н. Толстого“. Москва 1915.

этимъ теченіемъ связаны прот. С. Четвериковъ, Л. А. Зандеръ, И. А. Лаговскій, А. С. Четверикова, Н. Н. Афанасьевъ, С. С. Шидловская-Куломзина и друг. Библиографическія свѣдѣнія даны ниже.

Основныя идеи всего этого направленія могутъ быть выражены въ слѣдующихъ положеніяхъ.

1. Современная педагогическая мысль, находясь подъ глубокимъ вліяніемъ общей тенденціи секуляризаціи, страдаетъ натурализмомъ. Преодоленіе педагогическаго натурализма, т. е. признаніе, что тайна роста человѣка не можетъ быть понята *per se*, что въ немъ и на немъ сказывается постоянно дѣйствіе наднатуральныхъ силъ добра и зла, является необходимой теоретической предпосылкой педагогическаго процесса. Невѣрно ученіе Канта о „радикальномъ злѣ“ человѣческой природы, забывающее объ образѣ Божіемъ въ человѣкѣ, но и невѣренъ тотъ натуралистическій оптимизмъ, который имѣетъ начало у Руссо. Ученіе о дѣтской душѣ должно вмѣстить оба ученія, соподчиненныя въ ученіи объ образѣ Божіемъ и въ ученіи о грѣховности, вошедшей въ человѣческое существо и подлежащей устраненію черезъ раскрытіе и укрѣпленіе духовныхъ силъ человѣка, что возможно лишь въ Церкви и черезъ Церковь. Въ соотвѣтствіи съ этимъ цѣль педагогическаго воздѣйствія можетъ быть понята, какъ раскрытіе образа Божія въ дѣтяхъ черезъ подготовку ихъ къ жизни въ этомъ мірѣ и къ жизни вѣчной.

2. Основнымъ процессомъ въ жизни человѣка надо признать не физическую и не психическую сторону въ немъ, а духовную, которая глубже раздѣленія физическаго и психическаго міра и которая носитъ залогъ цѣлостности. Изученіе различныхъ душевныхъ явленій показываетъ, что духовный процессъ заключаетъ въ себѣ ключъ къ пониманію всего, что происходитъ въ человѣкѣ. Духовное развитіе въ ребенкѣ подчинено опредѣленному ритму, въ связи съ различными возрастами и перемѣнами, и задача воспитательнаго воздѣйствія мѣняется въ связи съ этимъ. Уясненіе духовной жизни въ ея ритмѣ должно быть положено въ основу педагогики; однако, не моральный, а религіозный духовный процессъ возростанія образуютъ истинную и послѣднюю тему воспитательнаго воздѣйствія на дѣтей.

3. Школа должна ставить своей цѣлью итти на помощь дѣтямъ въ томъ, въ чемъ они сами безпомощны. Не образованіе интеллекта іерархически стоитъ на первомъ мѣстѣ, но содѣйствіе духовному росту, въ которомъ данъ ключъ къ общему здоровью юной души. Необходимо, чтобы въ школѣ раскрывались и укрѣплялись религіозныя силы души, что возможно лишь при правильномъ подходѣ къ дуализму міра и Церкви и къ путямъ ихъ преодоленія черезъ исторію. Это

ставить вопрос о цѣлостной школѣ, которая не должна быть самодовлѣющей, должна быть функціей жизни и уберечь дѣтскую душу отъ риторики, отъ превращенія великихъ темъ жизни въ темы научнаго и эстетическаго или морализирующаго отношенія. Путь цѣлостной школы долженъ быть свободнымъ отъ утопизма, школа не можетъ быть путемъ къ преображенію жизни, какой путь данъ лишь въ Церкви. Поэтому школа можетъ правильно дѣлать свое дѣло, лишь если она сама является церковной школой, живущей въ Церкви. Это не означаетъ ни административнаго подчиненія школы Церкви, ни доминированія религіозныхъ предметовъ въ школѣ, но означаетъ внутреннее проникновеніе духа Церкви въ темы, въ строй, въ отношенія въ школѣ, — чтобы не впасть въ опасность внутренней секуляризаціи. Но тогда исчезаетъ опасность утопизма, и вмѣстѣ съ тѣмъ становится необходимымъ, чтобы школы бы и внутренне, органически связаны съ общинами, ищущими не въ одной школѣ, но во всей системѣ жизни осуществленія православной культуры. Освѣщеніе всей жизни въ духѣ Церкви, раскрытіе цѣлостности христіанской жизни во всѣхъ формахъ культуры и творчества должно переходить въ школу и развивать въ дѣтяхъ ту духовную установку, при которой они сознавали бы себя призванными къ борьбѣ за христіанство. Школа должна вмѣстѣ съ семьей вести дѣтей къ тому, чтобы овладѣть тайной свободы, чтобы свободно и внутренне искать преображенія натурального порядка въ благодатномъ освященіи жизни церковью. Искусство и спортъ, семья и социальная жизнь — все должно быть вовлечено въ этотъ процессъ побѣды благодатнаго начала надъ натуральнымъ. Поэтому тема религіознаго воспитанія есть основная тема педагогики, все остальное — развитіе интеллекта, накопленіе знаній, усвоеніе техническихъ и социальныхъ навыковъ, развитіе характера — является лишь частью этой общей и основной педагогической задачи. Къ свободѣ надо итти черезъ свободу, но это совершенно далеко отъ сентиментальнаго импрессионализма, отъ покорности „естеству“ — наоборотъ, для свободы необходимо введеніе въ систему воспитанія аскетическихъ началъ. Слѣдить за ростомъ и ритмомъ внутренней жизни въ дѣтяхъ, видѣть во всемъ внѣшнемъ воспитательномъ и образовательномъ матеріалѣ лишь средства раскрытія и укрѣпленія духовныхъ силъ въ ребенкѣ — таковъ путь школы.

Общіе труды по современной религіозной педагогикѣ: „Вопросы религіознаго воспитанія и образованія“ (Вып 1—III, 1927—28 г., а также въ Бюллетеняхъ Религіозно-педагогическаго Кабинета 1928, 1929—30 гг.). Труды В. В. Зѣньковсклаго: 1. Психологія дѣтства. 2. Чтенія по педагогикѣ (по запискамъ студентовъ). 3. Статьи „Идея православной культуры“ (Сборникъ „Православіе и кутьтура“), „О культурномъ дуализмѣ“ („Современныя записки“, № 38), „Вопросы школьнаго воспитанія въ эмиграціи“ (Русская

школа за рубежом № 32), „Дѣтская душа въ наши дни“ (Сборникъ „Дѣти эмиграціи“), „Объ іерархическомъ строѣ души“ (Труды народнаго университета въ Прагѣ т. II 1929 г.). „Основныя положенія религ. пед. системы“, а также подготовленный къ печати очеркъ „Пути православной педагогики“¹⁾. 4. Брошюра „Бесѣды съ молодежью по вопросамъ пола“ 1929 г. 5. Объ образѣ Божіемъ въ человѣкѣ“ Православная Мысль № 2 6. Статьи въ указанныхъ изданіяхъ Р. П. Кабинета. 7. „Даръ свободы“, Парижъ 1933.

З а к л ю ч е н і е.

Мы просмотрѣли развитіе педагогической мысли въ Россіи почти за 30 лѣтъ — и можемъ безъ преувеличенія сказать, что въ ней выступаютъ всѣ основныя темы и исканія великихъ русскихъ педагоговъ XIX вѣка. Русская революція — событіе не только огромнаго историческаго, но и духовнаго порядка — обнажила и заострила основныя проблемы нашего времени — и педагогическая мысль русская сознаетъ себя стоящей не передъ частными проблемами школы, а передъ основной и первостепенной проблемой исторіи и культуры. Связываніе педагогическихъ проблемъ съ темами современности и есть та плодотворная сила, которая опредѣляетъ собой творческое настроеніе педагогической мысли. Мы стоимъ нынѣ, всюду, а въ Россіи въ особенности, передъ грандіозной борьбой религіозной и антирелигіозной культуры. Время „нейтральной“ культуры ушло, — а съ этимъ обнажились и тѣ послѣднія задачи, въ уясненіи и осуществленіи которыхъ черезъ воспитаніе заключается задача педагогической мысли и практики. Проблемы педагогики не могутъ быть до конца поняты „автономно“, они должны быть связаны съ общими вопросами нашего времени. Идея связыванія школы и жизни, раскрытіе въ теоріи и живомъ творествѣ пути цѣлостной школы и есть задача нашего времени. Русская педагогическая мысль переживаетъ въ самой острой формѣ борьбу религіозныхъ силъ, но есть всѣ основанія говорить о томъ, что эта борьба кончается капитуляціей антирелигіозныхъ силъ, сознающихъ свое безсиліе и бесплодность. Но лишь реальная побѣда надъ ними, освобожденіе Россіи, наступленіе новой органической эпохи дастъ возможность идейной и жизненной реализаціи началъ, которыя раз-

¹⁾ Въ рядѣ докладовъ Рел. Пед. Кабинета (Теорія дошкольнаго дѣла“, „Теорія школы“, „Проблема дисциплины“, („принципы дидактики“) я коснулся ряда конкретныхъ темъ школьной жизни, но пока эти доклады еще не приготовлены къ печати, равно какъ и доклады другихъ членовъ Р. П. Кабинета. Въ ближайшее время мы надѣемся выпустить ежегодникъ Р. П. Кабинета.

виваютъ религіозное направленіе въ педагогикѣ. Русская педагогика стоитъ пока на порогѣ этого грядущаго торжества духовныхъ силъ надъ антирелигіозными, но въ ея настрое- ніяхъ уже намѣчены основныя предпосылки для того пони- манія школы, для того ея построенія, которое, вобравъ въ себя итоги исканій русскихъ педагоговъ, найдетъ вѣчныя и прочныя основы воспитанія въ единеніи съ Церковью Хри- стовой.

Изданія Русскаго Научнаго Института въ Бѣлградѣ:

Труды IV-го съѣзда русскихъ академическихъ организацій за границей. 1929. Часть 1. (Науки гуманитарныя) и 2 (Науки матем., ест.-ист. и техн.). — Цѣна 160 динаровъ или 80 динаровъ каждая часть отдѣльно.

Матеріалы для библиографіи русскихъ научныхъ трудовъ за рубежомъ. Выпускъ 1. 1931. — Цѣна 55 динаръ (1 долларъ)

Записки Русскаго Научнаго Института въ Бѣлградѣ. Выпускъ 1. 1930 — Цѣна 55 динаровъ.

А. Л. Погодинъ. Забѣтки объ изученіи былинь.—И. И. Лаппо. Уравненіе правъ В. К. Литовскаго и Короны Польской въ 1697 году. — Ѡ. В. Тарановскій. Предметъ и задача т. н. внѣшней исторіи права.— О. О. Марковъ Статутъ города Котора. — В. В. Розенбергъ. Защита чистаго и прикладнаго искусства. — А. Н. Макаровъ Вопросы кодификаціи основныхъ законовъ въ трудахъ комиссій XVIII вѣка. — Е. В. Аничковъ. Герценъ и Чернышевскій. — М. В. Шахматовъ. Государственно-національныя идеи „Чиновныхъ книгъ“. — Е. Ф. Шмурло. С. М. Соловьевъ — С. Л. Франкъ. Онтологическое доказательство бытія Бога.

Записки Русскаго Научнаго Института въ Бѣлградѣ. Выпускъ 2. 1930. — Цѣна 30 динаровъ.

А. А. Брандтъ. Обь аксіоматикѣ теоремы Карно и второго закона термодинамики. — В. Х. Даватцъ. Обь одномъ свойствѣ окружностей. — А. И. Косицкій. Объясненіе измѣненія расхода двигателя внутренняго сгорания. — Н. А. Пушкинъ и М. Г. Каухчевъ. Электролит. гипохлоритная станція Петроград. водопроводовъ. — В. Э. Мартино. Забѣтки по экологіи млекопитающихъ Югославіи. — Н. В. Краинскій. Геометрич. и физич. основы морфологіи. — Г. Н. Піо-Ульскій. Исторія и соврем. направленіе прогресса паровой техники. — В. В. Фармаковскій. Тяговая характеристика турбо-паровозовъ и тепловозовъ. — Ан. Д. Билимовичъ. Обь уравненіи механики по отношенію къ главнымъ осямъ. — Г. Г. Злоковичъ. Принципы почвообразов. въ работахъ А. И. Набокихъ.

Записки Русскаго Научнаго Института въ Бѣлградѣ. Выпускъ 3. 1931. — Цѣна 55 динаровъ

Е. Шмурло. Русскіе католики конца XVII вѣка (съ факсимиле). — А. Л. Погодинъ. А. И. Соболевскій. — Н. Лосскій. Русская философія въ XX вѣкѣ. — Ал. Маклецовъ. Проблема преступленія въ русской художественной литературѣ. — Е. В. Аничковъ. Къ религіознымъ воззрѣніямъ нашихъ шестидесятниковъ. — В. В. Шахматовъ. Купчія грамоты Московской Руси. — В. В. Розенбергъ. Правовыя и экономическія идеи до и послѣ войны. — Е. В. Спекторскій. Бенжамень Констанъ и Фюстель де Куланжъ. — А. А. Кизеветтеръ. Первый курсъ В. О. Ключевскаго 1873—74 г. — Р. К. Дрейлингъ. Воинскій Уставъ Петра Великаго и Суворовъ. — П. А. Остроуховъ. Обь источникахъ и методахъ изученія торговли на Нижегородской ярмаркѣ въ XIX вѣкѣ до эпохи великихъ реформъ.

Записки Русскаго Научнаго Института въ Бѣлградѣ. Выпускъ 4 1931. — Цѣна 55 динаровъ.

Г. Г. Злоковичъ. Н. И. Васильевъ (некрологъ). — В. В. Фармаковскій. К. Д. Серебряковъ (некрологъ). — В. Х. Даватцъ. Къ вопросу объ огибающихъ семейства плоскихъ кривыхъ, зависящихъ отъ одного параметра. — Н. Н. Салтыковъ. Интегрирование уравнений съ частными производными по способу измененій произвольныхъ постоянныхъ. — В. Жардецкій. О перманентномъ вращеніи изолированной жидкой массы. — Д. П. Рузскій. Работа центробѣжнаго насоса при переменныхъ условіяхъ. — Г. Н. Піо-Ульскій. О рациональномъ опредѣленіи коэффициента полезнаго дѣйствія паровыхъ турбинъ. — А. Фанъ-дёръ-Флитъ. Статически неопредѣлимый стержневой четырехугольникъ съ двумя проводочными діагоналями и съ шарнирами въ углахъ. — В. В. Фармаковскій. О выборѣ наивыгоднѣйшаго подъема при проектированіи желѣзнодорожныхъ линій. — Н. П. Абакумовъ. Относительная поправка на деформацию цѣпной линіи при измененіи базиса инварными проволоками. — А. А. Нилусъ. Наука и ея примѣненія въ военномъ дѣлѣ. — Л. В. Черносветовъ. Резорбція мужскихъ половыхъ продуктовъ и ея значеніе для организма. — В. Мартино. Объ измененіи окраски мѣха у млекопитающихъ Югославіи. — Н. В. Краинскій. Электростатическія изслѣдованія и ихъ примѣненіе къ биологіи. — М. Н. Лапинскій. Активаторы психическихъ функцій. — Г. Г. Злоковичъ. Нѣкоторыя данныя по морфологіи почвъ Ананьевскаго уѣзда. — Я. Хлытчѣевъ. О гипотезѣ Журавскаго. — И. С. Свищевъ. Контроли правильности составленія условныхъ и нормальныхъ уравнений при уравненіи нивеллирныхъ сѣтей способомъ наименьшихъ квадратовъ. — А. А. Брандтъ. Очеркъ исторіи примѣненія паровыхъ двигателей въ Россіи со времени ихъ появленія до 1875 года.

Записки Русскаго Научнаго Института въ Бѣлградѣ. Выпускъ 5. 1931. — Цѣна 55 динаровъ.

Л. М. Сухотинъ. Къ пересмотру вопроса объ опричинѣннѣ. — Н. Н. Афанасьевъ. Провинціальныя собранія Римской Имперіи и Вселенскіе Соборы. — К. І. Зайцевъ. Крѣпостной земельный строй Россіи XVI—XVIII вв. и отраженіе его въ сочиненіяхъ Посошкова. — И. И. Лапшинъ. О схематизмѣ творческаго воображенія въ наукѣ. — Н. Лосскій. Интуитивизмъ и ученіе о трансубъективности чувственныхъ качествъ. — И. В. Пузино. Религіозно-философскія воззрѣнія Джіованни Пико делла Мирандола. — А. Л. Погодинъ. Наблюденія надъ техникой народной лирики. — А. М. Петрункевичъ. Фюстель де Куланжъ. — С. В. Троицкій. Нелегальное кровное родство какъ препятствіе къ браку. — Г. А. Острогорскій. Аѳонскіе исихасты и ихъ противники. — С. Л. Волкобрунъ. Къ вопросу о процессуальной правѣ и дѣеспособности въ чешскомъ земскомъ правѣ. — М. А. Иностранцевъ. Вооруженныя силы, планы сторонъ и стратегическое развертываніе на русскомъ фронтѣ въ Міровую Войну.

Записки Русскаго Научнаго Института въ Бѣлградѣ. Выпускъ 6. 1932 — Цѣна 35 динаровъ.

Н. Н. Салтыковъ. Способы Монжа-Ампера и Дарбу интегр. ур. съ частн. производн. второго порядка и ихъ обобщеніе. — О. Л. Струве. О. А. Бредихинъ. — В. Жардецкій. Нѣкот. замѣчанія объ ур. движенія неоднородной непрерывной среды. — В. В. Фармаковскій. О выборѣ наивыгоднѣйшаго подъема при проектированіи желѣзнодорожныхъ линій. — Д. В. Фростъ. Къ теоріи магнитометрической развѣдки. — Т. В. Локоть. Идеи Менделя въ современномъ менелизмѣ. — М. Н. Лапинскій. Боль и ея сосудный механизмъ. — Н. Е. Акацатовъ. Туберкулезная и чахоточныя проблемы. — Ю. Н. Вагнеръ. Замѣтка о интерсегментальныхъ лопастьяхъ измененныхъ сегментовъ у самцовъ блохъ. — Н. Н. Салтыковъ. Жизнь и ученые труды Д. Ф. Селиванова. — Ан. Д. Билимовичъ. О вращеніи произвольной матеріальной системы какъ цѣлаго.

Записки Русскаго Научнаго Института въ Бѣлградѣ. Выпускъ 7. 1932. — Цѣна 55 динаровъ.

Е. Ф. Шмурло. Посольство Чемоданова и Римская Курія. — А. Н. Фатѣевъ. Сводъ законовъ и его творецъ. (Къ столѣтію перваго изданія 1832 года). — А. Л. Погодинъ. Варяги и Русь. — А. В. Соловьевъ. Исторія русскаго монашества на Аѳонѣ. — М. А. Георгіевскій. Еврейская община Новаго Завѣта въ г. Дамаскѣ. — В. В. Розенбергъ. Коммерціализація и концентрація современной періодической печати. — Ал. Д. Билимовичъ. Вопросъ о предсказаніи урожая. — Е. В. Спекторскій. Мѣсто Гегеля въ исторіи философіи. — Н. В. Краинскій. Логическія ошибки и заблужденія въ научномъ творествѣ — А. В. Соловьевъ. Кара за убійство въ византійскомъ и славянскомъ правѣ. — П. Б. Струве. К. А. Неволинъ и А. А. Куникъ. Эпизодъ изъ исторіи русской науки.

Записки Русскаго Научнаго Института въ Бѣлградѣ. Выпускъ 8. 1933. Цѣна 35 динаровъ.

Г. Н. Піо-Ульскій. Памяти проф. А. А. Брандта (съ портр.). — Н. Абакумовъ. Вліяніе тренія въ блокахъ базиснаго прибора Едерина на измѣряемое разстояніе. — В. Жардецкій. Трансформація Клебша и малыя колебанія жидкости. — Я. Хлытчѣевъ. Перемѣщеніе точекъ деформированнаго тѣла (памяти И. Г. Бубнова). — В. Н. Болдыревъ. Сахарная болѣзнь и простуда. — Н. В. Краинскій. Механизмъ нервной дѣятельности и роль вегетативной нервной системы (съ 1 табл.). — В. В. Фармаковскій. Наивыгоднѣйшая скорость и наивыгоднѣйшій вѣсъ товарныхъ поѣздовъ. — А. И. Косицкій. Коэффициентъ полезнаго дѣйствія процесса двигателей внутренняго сгорания. — Т. В. Локоть. Изъ біологіи культурныхъ растений. — Г. Н. Піо-Ульскій. Замѣтка о коэффициентѣ полезнаго дѣйствія газовыхъ машинъ.

Записки Русскаго Научнаго Института въ Бѣлградѣ. Выпускъ 9. 1933. — Цѣна 55 динаровъ.

Е. Максимовичъ. Церковно-земскій соборъ 1549-го года. — С. Г. Пушкаревъ. Цѣловальники въ судѣ и управленіи Московской Руси. — П. А. Остроуховъ. Торговля чаемъ на нижегородской ярмаркѣ въ XIX столѣтіи до эпохи великихъ реформъ. — А. А. Олесницкій. Первые боевыя встрѣчи въ XV вѣкѣ турокъ-османовъ съ Русью. — А. Л. Погодинъ. „Иванъ Выжигинъ“, романъ Фаддея Булгарина. — Л. Тауберъ. Лига Націй и юридическій статутъ русскихъ бѣженцевъ. — А. В. Маклецовъ. Мѣры защиты въ югославянскомъ уголовномъ правѣ. — В. В. Розенбергъ. Научная собственность. — Н. Лосскій. Гегель какъ интуитивистъ — В. В. Зѣньковскій. Русская педагогика въ XX столѣтіи.

Складъ изданій: 1) Руски Научни Институт, Београд, Краљице Наталије ул., (Руски Дом Цара Николе II.) — Institut Russe, Beograd (Jugoslavia), Kraljice Natalije ul., 33 (Руски дом цара Николе II). — 2) Књижара „Возрожденије“, Београд, Добрињска ул., 12. — Knjižara „Vozroždenije“ Beograd. Dobrinjska ul., 12.
